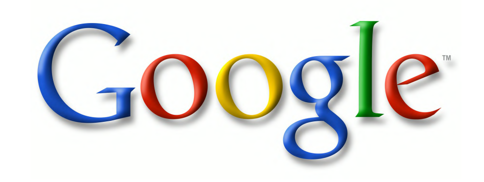
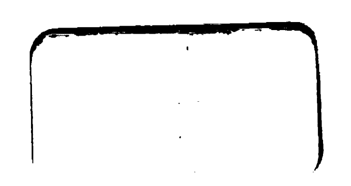

This is an authorized facsimile
printed by microfilm/xerography on acid-free paper
in 1985 by
UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.

СОЧИНЕНІЯ

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

ТОМЪ IV.

Съ приложеніемъ портрета автора.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
(Вас. Остр., 9 лин., № 12).
1895.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.

Май 1895. Непремѣнный Секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

ОГЛАВЛЕНІЕ.

А. Котляревскій

ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ

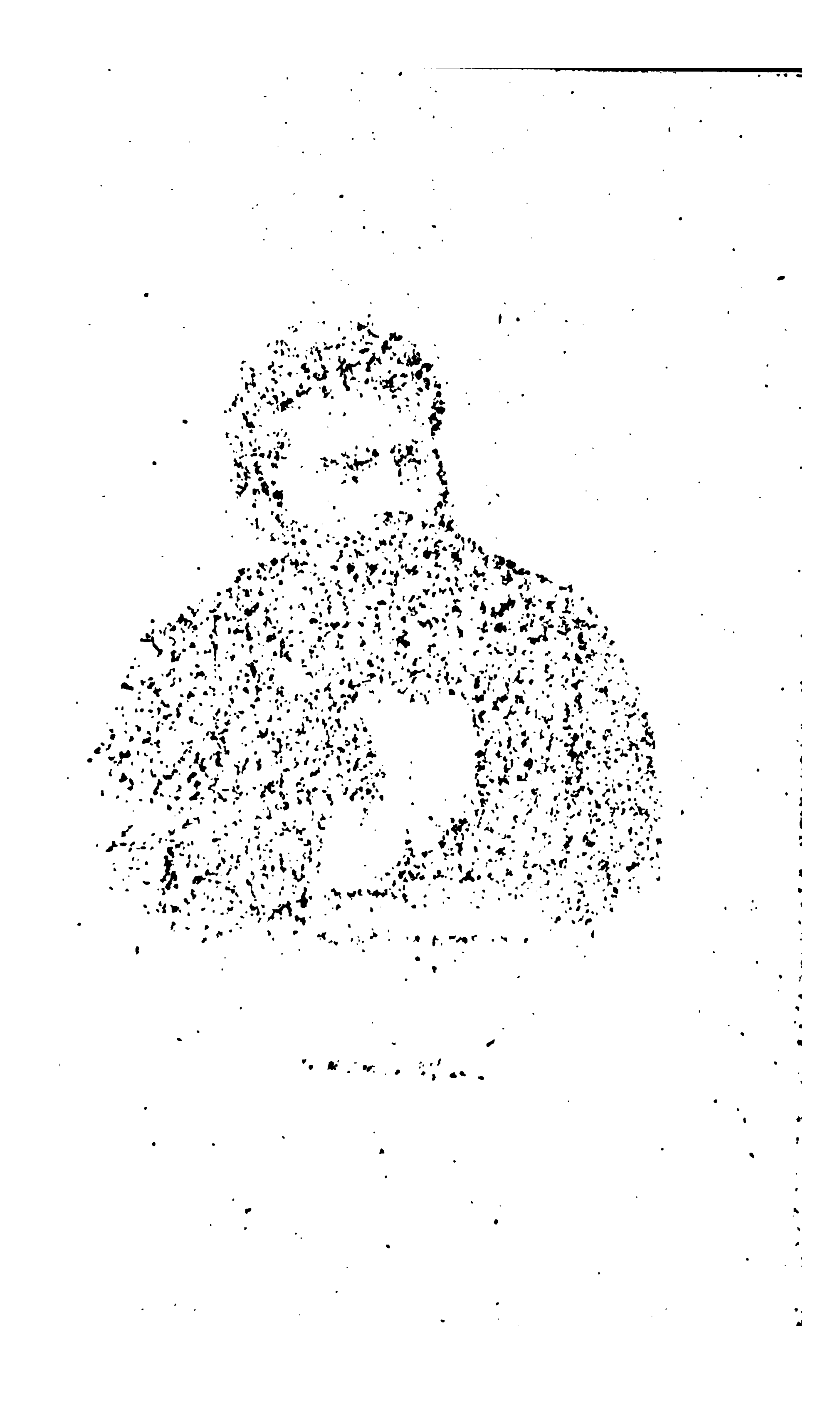
профессора

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

составленный

членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ

А. Н. ПЫПИНЫМЪ.

ОЧЕРКЪ БІОГРАФІИ

профессора

А. А. КОТЛЯРЕВСКАГО,

составленный

членомъ-корреспондентомъ Императорской Академіи Наукъ

А. Н. ПЫПИНЫМЪ.

Для настоящаго очерка, кромѣ личныхъ воспоминаній, послужили матеріаломъ слѣдующія данныя:

— Свѣдѣнія о пребываніи Котляревскаго въ Полтавской гимназіи, сообщенныя изъ дѣлъ ея архива директоромъ Полтавской гимназіи г. И. Марковымъ.

— Дѣло департамента народнаго просвѣщенія (по разряду № 18, по архиву № 157995, кар. № 4013), съ 16-го января 1867 по 5-е марта 1875, — «по письму графа Уварова о дозволеніи библіотекарю и члену редакціоннаго комитета въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ Котляревскому служить по учебному вѣдомству».

— Довольно значительная переписка Котляревскаго (письма къ нему и отъ него), сообщенная г-жею Е. С. Котляревскою, и въ дополненіе къ тому нѣсколько писемъ Котляревскаго, доставленныхъ мнѣ впослѣдствіи К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, А. А. Куникомъ, Л. Н. Майковымъ, Вс. Ѳ. Миллеромъ, Влад. С. Соловьевымъ (нѣсколько писемъ къ Н. А. Попову), И. А. Шляпкинымъ (нѣсколько писемъ къ О. Ѳ. Миллеру).

— Біографическія сообщенія, доставленныя знакомцами и друзьями Котляревскаго. Таковы сообщенія К. Н. Бестужева-Рюмина, П. А. Ефремова, А. А. Кочубинскаго («Въ Прагѣ зимою 1874 — 1875 годовъ, отрывочныя воспоминанія»), Гр. Крека (проф. въ Грацѣ), Н. Ѳ. Петровскаго

(нынѣ русскаго генеральнаго консула въ Кашгарѣ), И. В. Цвѣтаева, И. Б. Энгельмана, И. В. Ягича.

— Явившіеся въ печати некрологи и воспоминанія:

«Поминка по Александрѣ Александровичѣ Котляревскомъ». Кіевъ, 1881 (Некрологъ, П. И. Аландскаго; — поминальныя рѣчи: 1) во время панихиды, и 2) при погребеніи, его-же; рѣчь къ студентамъ, Н. П. Жданова; рѣчь въ Обществѣ Нестора лѣтописца, Н. П. Дашкевича; — списокъ сочиненій Котляревскаго, его же).

«Sitzungsberichte der gelehrten estnischen Gesellschaft» за 1881 г. (нѣсколько словъ, Лео Мейера).

«Neue Dörptsche Zeitung», октябрь, 1881.

«Итоги славянской и русской филологіи. По поводу книги проф. Котляревскаго: Библіологическій опытъ о древней русской письменности». А. А. Кочубинскаго, Одесса, 1882 (изъ «Записокъ Импер. Новоросс. университета», т. XXXIII). Здѣсь, стр. 229—236, въ видѣ послѣсловія, некрологъ Котляревскаго.

«Біографическій словарь профессоровъ и преподавателей Импер. университета св. Владиміра (1834—1884). Составленъ и изданъ подъ редакціей ордин. проф. В. С. Иконникова». Кіевъ, 1884, стр. 303—325.

«Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ» Алексѣя Веселовскаго. Кіевъ, 1888 (оттискъ изъ «Кіевской Старины»).

«А. А. Котляревскій». А. И. Стороженка, въ «Вѣстн. Европы», 1890, іюль, стр. 168 и д.

Разборъ 1-го тома академическаго изданія сочиненій Котляревскаго, составленный К. Н. Бестужевымъ-Рюминымъ, съ біографическими замѣтками. Журн. мин. нар. просв., т. CCLXIV, отд. 2, стр. 157—167.

«А. А. Котляревскій, какъ преподаватель. (Изъ старыхъ воспоминаній)». І. Д. С., въ «Р. Старинѣ», 1893, іюнь, стр. 611—631.

«Памяти отца намѣстника Леонида, А. А. Гатцука, Н. А.

Попова и А. А. Котляревскаго» (какъ продолженіе «Исторической Записки» Импер. Московскаго Археологическаго Общества, изданной ко дню его 25-лѣтняго юбилея), М. 1893, 4°. Здѣсь стр. 349 — 359: «А. А. Котляревскій, страничка изъ университетскихъ воспоминаній», И. Линниченка.

— Бумаги, оставшіяся послѣ Котляревскаго, повидимому только отъ послѣднихъ его трудовъ; ихъ немного, и это почти исключительно отдѣльныя замѣтки, библіографическія записи, которыя могли служить для предполагавшейся имъ за послѣдніе мѣсяцы его жизни работы надъ «Энциклопедіей славяновѣдѣнія» — иногда цѣлыя страницы, но незаконченнаго изложенія.

— Наконецъ, самыя сочиненія, въ которыхъ отразился запасъ его знаній, способъ его работы, научные и общественные интересы, и которыя были результатомъ его научно-литературнаго поприща.

Значеніе этого матеріала не требуетъ объясненій, и мы сдѣлаемъ замѣчаніе только о перепискѣ Котляревскаго. Изъ общей массы ея выдѣлилась для настоящей работы лишь небольшая доля, имѣющая біографическую важность, и — за исключеніемъ подробностей, для которыхъ еще не пришло время,—мы хотѣли сохранить этотъ матеріалъ, весьма цѣнный для біографіи, такъ какъ въ письмахъ, хотя бы краткихъ и случайныхъ, остается однако отраженіе лица, отголоски времени. Письма сохранились почти только съ 1863 года; до этого, осталось лишь два-три письма, видимо случайно. Мы скажемъ дальше, что однимъ изъ живѣйшихъ интересовъ Котляревскаго была внутренняя научная жизнь нашихъ университетовъ, разумѣется по той области, къ которой принадлежала его собственная спеціальность: во всѣхъ русскихъ университетахъ были у него болѣе или менѣе близкіе друзья, особливо изъ болѣе молодого поколѣнія, — и въ тѣхъ извѣстіяхъ, какія онъ имѣлъ отъ нихъ, могутъ собраться любопытныя черты нашей университетской жизни семидесятыхъ годовъ. Онѣ не принадлежатъ біографіи, но долженъ быть отмѣченъ этотъ интересъ къ судьбамъ русской науки. Подобнымъ

образомъ онъ никогда не покидалъ вопросовъ археологіи, которые увлекали его передъ занятіемъ дерптской каѳедры, въ первые годы Московскаго Археологическаго Общества, и въ особенности переписка съ А. А. Куникомъ доставляла ему много интереснаго въ этомъ отношеніи, — что̀ Котляревскій весьма цѣнилъ, живя вдали отъ учено-литературныхъ центровъ.

Біографія писателя, работавшаго въ наукѣ, будетъ всегда эпизодомъ изъ исторіи этой науки. Такова и предстоящая намъ біографія. Ученое поприще А. А. Котляревскаго было не долговременно: послѣднее время, даже послѣдніе дни его рано прервавшейся жизни были еще полны планами работъ, не ослабѣвала его разнообразная ученая любознательность,— но и то, что̀ онъ успѣлъ сдѣлать, займетъ почетное мѣсто въ исторіи развитія той науки, которая началась, можно сказать, не далѣе, какъ два поколѣнія назадъ. Котляревскій принадлежалъ ко второму поколѣнію и былъ непосредственнымъ ученикомъ и потомъ младшимъ сотоварищемъ тѣхъ людей, которыхъ исторія назоветъ основателями этой новой отрасли нашего знанія. Мы разумѣемъ ту науку, которая въ своихъ разнообразныхъ отрасляхъ сосредоточивается на одномъ великомъ предметѣ—изученіи народности и ея старины: языка, археологическихъ остатковъ, преданій, поэтическаго творчества. Какъ увидимъ, труды Котляревскаго бывали задуманы въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ этой области, и если потомъ онъ успѣлъ только въ отдѣльныхъ вопросахъ совершить труды цѣльнаго характера, то въ другихъ ему принадлежитъ однако заслуга критическаго возбужденія вопросовъ, заслуга тѣмъ болѣе цѣнная, что весь кругъ этихъ изученій въ тѣ годы еще только складывался. Собственное научное образованіе Котляревскаго совершалось въ памятные годы начала прошлаго царствованія, когда обновленіе нашей внутренней жизни дѣйствовало въ особенности на умы молодыхъ поколѣній съ великою возбуждающею силою и внушало надежды слишкомъ широкія, слишкомъ горячо принимаемыя, а потому уже вскорѣ слишкомъ часто кончавшіяся разочарованіями.

Котляревскій былъ сыномъ своего времени: общее одушевленіе увлекало и его; къ сожалѣнію, ему пришлось тяжело испытать на себѣ результатъ тѣхъ недоразумѣній, какихъ было не мало въ тотъ періодъ нашей общественной жизни, — но, знакомясь ближе съ фактами его внутренней біографіи, нельзя не видѣть, что то испытаніе, которое ему привелось вынести, было опять плодомъ печальнаго недоразумѣнія. Время подѣйствовало на него чисто идеалистическимъ образомъ: въ его умственномъ характерѣ, при всей живости его темперамента, былъ сильный запасъ трезваго разсудка, который предохранялъ его отъ нерѣдкихъ тогда молодыхъ заблужденій, — но на него повліяло то нравственное содержаніе событій, которое выдвигало въ общественномъ сознаніи и въ самыхъ учрежденіяхъ народъ и народную жизнь, а въ нихъ и была рано намѣченная цѣль всѣхъ его изученій, сначала въ университетской школѣ, а затѣмъ и въ собственныхъ самостоятельныхъ трудахъ. Уже вскорѣ это изслѣдованіе старины и народности становится его господствующимъ, даже единственнымъ интересомъ. Жизненныя испытанія могли способствовать тому, что съ охлажденіемъ къ вопросамъ общественной жизни тѣмъ больше усиливались интересы чисто научные; но достаточно было знать характеръ его первыхъ научныхъ работъ, чтобы видѣть, что именно эти чисто научные интересы были основнымъ мотивомъ и цѣлью его труда, рано получавшаго даже оттѣнокъ спеціальной исключительности. Этому глубочайшему интересу своего труда онъ остался вѣренъ навсегда. Исторія его работъ, за которой легко слѣдить теперь при настоящемъ собраніи его сочиненій, будетъ чрезвычайно любопытнымъ указателемъ развитія историко-филологическаго и этнографическаго народовѣдѣнія за тѣ годы.

Александръ Александровичъ Котляревскій родился въ 1837 году въ Крюковѣ, предмѣстьѣ города Кременчуга. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, весьма распространенному въ Малороссіи и который между прочимъ считалъ въ своей средѣ знаменитаго генерала Котляревскаго. Отецъ Котляревскаго былъ небольшой чиновникъ коммиссаріатской коммиссіи въ Кременчугѣ; онъ рано умеръ; мать его во второмъ бракѣ была за В. Г. Лебедевымъ, также служившимъ въ этой коммиссіи. Котляревскій еще ребенкомъ, въ 1842 году, зачисленъ былъ кандидатомъ въ Петровскій кадетскій корпусъ въ Полтавѣ, но поступленіе въ корпусъ не состоялось, и въ августѣ 1846 года вотчимъ помѣстилъ Котляревскаго въ Полтавскую гимназію, гдѣ онъ кончилъ курсъ въ іюнѣ 1853 года. Мы имѣемъ мало свѣдѣній о томъ, какъ шло ученье его въ этой гимназіи. Изъ некролога, писаннаго однимъ изъ его близкихъ друзей и сотоварищей по Кіевскому университету, П. И. Аландскимъ (также покойнымъ), мы узнаёмъ, что Котляревскій всегда вспоминалъ о Полтавской гимназіи съ теплотой и благодарностью. «Между его учителями былъ одинъ, уроки котораго запали глубоко въ душу будущаго филолога. Кто былъ этотъ учитель, чѣмъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ на умы и сердца своихъ учениковъ, могутъ разсказать намъ школьные товарищи Александра Александровича»..., — но этихъ разсказовъ до сихъ поръ кажется не появилось. Изъ автобіографической замѣтки

А. А. Потебни[1]) видно между прочимъ, что его сотоварищи — студенты Харьковскаго университета изъ Полтавской гимназіи были хорошо подготовлены къ занятіямъ филологіей, что въ этой гимназіи въ то время и послѣ былъ замѣчательный учитель древнихъ языковъ полякъ Полевичъ, ученикомъ котораго былъ и Котляревскій. Вообще Котляревскій шелъ хорошо: въ четвертомъ классѣ онъ получилъ похвальный листъ; въ «общей вѣдомости» за послѣдній годъ его пребыванія въ гимназіи отмѣчены высшіе баллы, кромѣ закона Божія и русской словесности, по естественной исторіи, русской исторіи, всеобщей исторіи, географіи, по латинскому и двумъ новѣйшимъ языкамъ (въ большинствѣ такъ называемыя пятерки), но — посредственныя отмѣтки въ математикѣ, физикѣ и космографіи[2]). По окончаніи гимназическаго курса онъ отправился въ Москву.

Въ университетъ онъ поступилъ повидимому съ хорошей подготовкой; ему недоставало знанія греческаго языка, тѣмъ не менѣе онъ поступилъ на филологическій факультетъ.

Пребываніе его въ университетѣ было послѣдними годами одного царствованія и началомъ другого. Общественное оживленіе временъ Крымской войны и первыхъ лѣтъ новаго царствованія соединялось съ оживленіемъ литературнымъ, а въ молодыхъ поколѣніяхъ, интересы которыхъ обращались къ наукѣ, это отразилось особою ревностью къ изученіямъ историческимъ, филологическимъ и этнографическимъ. Московскій университетъ давно

1) Истор. русской этнографіи, Спб. 1891, III, стр. 421.

2) Въ аттестатѣ, выданномъ при окончаніи курса, значится, что онъ «при поведеніи отличномъ, обучался всѣмъ предметамъ, положеннымъ по Уставу Гимназій и Училищъ 1828 года декабря 8-го дня. Успѣхи оказалъ въ Законѣ Божіемъ отличные, въ Русскомъ языкѣ отличные и Словесности отличные, Русскомъ Законовѣдѣніи —, въ Греческомъ языкѣ —, въ Латинскомъ языкѣ хорошіе, въ Анатоміи и Физіологіи человѣка отличные, Естественной Исторіи —, въ Математикѣ достаточные, въ Исторіи отличные, въ Географіи достаточные, въ Физикѣ посредственные, во Французскомъ языкѣ отличные, въ Нѣмецкомъ языкѣ хорошіе» — вслѣдствіе чего ему выданъ былъ аттестатъ «съ предоставленіемъ ему преимуществъ, изображенныхъ въ § 234 Устава Гимназій и Училищъ 1828 года декабря 8-го дня».

стоялъ во главѣ нашего научнаго движенія; стоялъ во главѣ его и теперь: Котляревскій еще засталъ здѣсь Грановскаго, Кудрявцева; въ полномъ юношескомъ разгарѣ своихъ изученій и идеализма дѣйствовалъ Буслаевъ, у котораго уже была начинающаяся школа; представителемъ славяновѣдѣнія былъ своеобразный, неутомимый изыскатель и издатель старыхъ памятниковъ Бодянскій; въ классической филологіи для молодыхъ филологовъ были чрезвычайно поучительны чтенія Леонтьева, которыя могли подготовлять и къ изслѣдованіямъ въ области славяно-русской древности и миѳологіи.

Объ этой молодой порѣ жизни Котляревскаго, мы имѣемъ живое свидѣтельство его младшаго современника и тузеица, а также и бывшаго ученика, Алексѣя Ник. Веселовскаго.

«Съ середины пятидесятыхъ годовъ въ студенческихъ кружкахъ Москвы стала замѣтно выдвигаться необыкновенно своеобразная личность; и по типу, и по говору это былъ кровный малороссъ; жизнь била въ немъ ключомъ, въ умныхъ глазахъ сверкалъ огонь, рѣчь поражала остроуміемъ; подвижной донельзя, главный зачинщикъ серіозныхъ споровъ и самыхъ потѣшныхъ шалостей, онъ въ то же время удивлялъ всѣхъ своимъ страстнымъ увлеченіемъ наукой. Въ его скромной студенческой комнатѣ на самой вышкѣ одного изъ старыхъ домовъ Арбатской площади понемногу скоплялась рѣдкая для студента библіотека, главное его сокровище, — и среди иныхъ товарищей она вызывала къ нему какое-то особое, почти пугливое уваженіе»...... но, «замѣшавшись въ толпу, молодой отшельникъ становился веселымъ собесѣдникомъ, мѣтко и живо судилъ о злобѣ дня и всей душою сочувствовалъ возрождавшемуся общественному движенію. Вмѣстѣ съ своими сверстниками онъ переживалъ одинъ изъ отраднѣйшихъ моментовъ новой русской исторіи, всеобщее пробужденіе послѣ долгой летаргіи; приливъ силъ, жажда жизни проникали всюду, и не было, кажется, отъявленнѣйшаго буквоѣда, нелюдима или брюзги, котораго не потянуло бы на вольный воздухъ. Для такой же натуры, какая съ блестящей оригинальностью

проявлялась у студента-украинца, то была самая желанная, идеальная обстановка; движеніе, борьба, ломка отжившаго были для него необходимы, полны особой прелести. Какъ бы ни судили о немъ люди, знавшіе его въ послѣдніе годы, утомленнаго, уходившагося, въ немъ несомнѣнно были скрыты богатые задатки общественнаго дѣятеля, публициста, вліятельнаго и руководящаго критика.

«Нѣсколько такихъ личностей знала тогда Москва, нѣсколько кружковъ группировало ихъ единомышленниковъ. Здѣсь горячо обсуждались насущные русскіе вопросы, сюда проникали новыя соціальныя и философскія ученія Запада; при посредствѣ нѣкоторыхъ лицъ, имѣвшихъ связи съ петербургскими кружками устанавливалось единомысліе съ тѣмъ, что́ проповѣдовала тогдашняя передовая журналистика . . . . . Съ порою «гласности» совпало необыкновенное развитіе сатиры, обличенія». . . Въ молодыхъ московскихъ кружкахъ Котляревскій шелъ и тутъ впереди. «Если даже впослѣдствіи, среди страданій, его никогда не оставлялъ юморъ, легко представить себѣ, какъ неистощима была эта сторона его таланта въ молодые годы. Способность на лету схватить слабость или недостатокъ противника и воспроизвести ихъ въ мѣткомъ разсказѣ, такъ и просившемся въ печать... изобрѣтательность въ пародіи, неожиданныхъ сравненіяхъ, шаловливое обращеніе къ помощи церковно-славянской торжественности или народной бойкости рѣчи,—все это обличало въ немъ юмористическій талантъ первой величины, кой-гдѣ сквозящій въ его произведеніяхъ (напр. въ *Старинѣ и народности*, въ *Библіологіи*), но, къ сожалѣнію, не развившійся до художественности. И не мало враговъ создалъ онъ ему въ теченіи жизни»; но «мало кто давалъ себѣ трудъ заглянуть въ глубь этой натуры и увидѣть, сколько глубокихъ думъ и благородной серіозности скрывало за собой неизсякаемое остроуміе обличителя».

«Эта чуткость и отзывчивость, не дававшая интересамъ съузиться, напротивъ, приводившая человѣка въ соприкосновеніе

со всѣмъ, что было живого вокругъ него, наложила свой отпечатокъ и на любимый предметъ занятій студента.... Онъ рано умѣлъ соединять основательное изученіе отдѣльнаго вопроса съ обобщеніями, широкіе горизонты манили его, и въ мысли, что онъ хоть сколько-нибудь участвуетъ въ прогрессѣ науки, была всегда для него какая-то почти поэтическая прелесть. Такъ отнесся онъ еще въ университетѣ къ вопросу о народности и старинѣ. Совершенно чуждый славянофильскимъ восторгамъ, для оцѣнки которыхъ онъ не жалѣлъ остраго словца, онъ страстно увлекся невѣдомымъ и чарующимъ міромъ. То была вообще пора примѣчательнаго расцвѣта разнородныхъ изученій прошлаго, счастливо совпадавшая съ новою эрой; близились къ концу собраніе пѣсенъ Кирѣевскаго и словарь Даля; сказки Аѳанасьева, какъ нѣкогда сборникъ Перро во Франціи, одерживали побѣду надъ вкусами непосвященной публики; выходили на путь собиранія народныхъ памятниковъ новые дѣятели, Рыбниковъ, Якушкинъ; журналы давали на ряду съ статьями, подготовлявшими близкое уже крестьянское освобожденіе, ученыя работы о народной старинѣ..., читавшіяся всѣми; наконецъ, въ 1857 г. сдѣлалось возможнымъ изданіе спеціальнаго журнала по литературной старинѣ (*Лѣтописи* Тихонравова). Москва была въ то время главнымъ центромъ этого движенія, дѣятели котораго, за немногими исключеніями, группировались около ея университета, испытывая сильное вліяніе Буслаева, чьи курсы древней русской словесности являлись для нихъ откровеніемъ. Тамъ, гдѣ еще держались допотопныя воззрѣнія на народныя вѣрованія, на богатырство, самобытное эпическое творчество и старую культуру, водворялся подъ воздѣйствіемъ теорій Гриммовъ и позднѣйшей школы научный методъ; неожиданныя сличенія проливали новый свѣтъ на загадочные вопросы; сравнительное языкознаніе, факты всеобщей литературы, археологія, исторія искусства являлись на помощь историко-литературнымъ изслѣдованіямъ; все оживало, и изъ хаоса выступали осязательные, стройные образы. Молодежь видѣла, что передъ нею открывался не-

початый край работы, и тѣмъ увлеченнѣе устремлялась въ слѣдъ учителю. Никогда не забудется заслуга Θ. И. Буслаева, этого родоначальника и вдохновителя всѣхъ донынѣ дѣйствующихъ изслѣдователей русской народной старины.

«Котляревскій сталъ однимъ изъ ревностныхъ его учениковъ. Если проповѣдь гуманности въ устахъ Кудрявцева привлекала его, если сердечно любимая имъ эпическая личность Бодянскаго связывала его съ родиной и манила общеславянскими симпатіями, то еще сильнѣе овладѣлъ имъ интересъ къ той отрасли знаній, въ которой добытые уже Буслаевымъ результаты возбуждали къ соревнованію. Еще не кончилось его студенчество, а уже онъ могъ считать себя спеціалистомъ въ ней; оттого-то въ первыхъ же его печатныхъ работахъ такъ замѣтно обладаніе предметомъ и свободное пользованіе большимъ ученымъ арсеналомъ. Чѣмъ глубже уходилъ онъ въ эти работы, тѣмъ несомнѣннѣе становилось, что это будетъ неизмѣнною, безповоротною его страстью».

Половина пятидесятыхъ годовъ была особенно оживленнымъ временемъ въ литературѣ, а также и въ той области изученій, на которыя направилась потомъ дѣятельность Котляревскаго. Передъ тѣмъ, еще до кончины Гоголя, поэтическая литература въ «Запискахъ Охотника» подошла прямо къ изображенію того же самаго народа, къ изученію котораго направлялись труды исторіи и филологіи; по кончинѣ Гоголя, какъ будто для того, чтобы литература не оскудѣвала великими талантами, явилось первое произведеніе гр. Л. Н. Толстого; съ первыми пятидесятыми годами становятся великимъ литературнымъ фактомъ комедіи Островскаго; цѣлый рядъ новыхъ писателей затрогивалъ народную жизнь съ гораздо большею глубиною, чѣмъ то удавалось прежнимъ писателямъ, знаменитымъ на этомъ поприщѣ (какъ Даль): назовемъ имена Писемскаго, Мельникова (Андрея Печерскаго), Потѣхина, Кокорева, С. В. Максимова и др. Съ первыми годами прошлаго царствованія начинается совсѣмъ новая дѣятельность литературы, сильно будившая

общественную мысль: назовемъ Салтыкова; наконецъ, давно не бывалое оживленіе литературной критики, переходившей все болѣе въ изслѣдованіе вопросовъ общественныхъ. Все это рядомъ съ событіями тѣхъ годовъ дѣйствовало оживляющимъ образомъ на общественную мысль, возбуждало надежды, вызывало къ труду—и особенно въ тѣхъ молодыхъ поколѣніяхъ, которыя росли тогда подъ сѣнью университетовъ. Можно было замѣтить параллельно съ этимъ такое же обновленіе и новую энергію въ области науки. Съ начала пятидесятыхъ годовъ, еще при старыхъ мало благопріятныхъ условіяхъ, такая усиленная дѣятельность обнаружилась въ русскомъ отдѣленіи Академіи, главнымъ образомъ по иниціативѣ и трудами Срезневскаго: «Извѣстія II отдѣленія» давали рядъ новыхъ своеобразныхъ изысканій о старой русской письменности и народной старинѣ и массу библіографическихъ указаній изъ области славяновѣдѣнія, за которою до тѣхъ поръ никогда не слѣдили у насъ столь обстоятельно. Около того же времени возникалъ «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній» Н. В. Калачова (въ Москвѣ), гдѣ нашли мѣсто и вопросы этнографическаго народовѣдѣнія; въ Петербургѣ развивалась дѣятельность Географическаго Общества. Въ 1855 году происходило необычайное празднество русской науки — столѣтній юбилей перваго русскаго университета: для составленія его исторіи потребовалось участіе молодыхъ научныхъ силъ, среди которыхъ уже находились знатоки дѣла—таково было участіе Н. С. Тихонравова въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ Московскаго университета» за сто лѣтъ его существованія. Время было еще не вполнѣ благопріятное для музъ, но первое торжество науки оставило тѣмъ не менѣе плодотворное впечатлѣніе, пробудивъ историческое сознаніе ея результатовъ. Въ Москвѣ ожило Общество любителей россійской словесности при университетѣ: оно уже вскорѣ восприняло наслѣдіе П. В. Кирѣевскаго, котораго обширное пѣсенное собраніе стало выходить въ свѣтъ съ 1860 года. Передъ тѣмъ начато было изданіе «Лѣтописей русской литературы и древности», Тихо-

правова: онѣ являлись какъ бы програмной и образцомъ тѣхъ новыхъ изысканій въ области старой и новой литературы и народной старины, которыя становились научнымъ вкладомъ и правомъ новаго ученаго поколѣнія. Къ этому молодому движенію охотно примыкали и болѣе ранніе силы и ученые авторитеты: въ «Лѣтописяхъ» рядомъ съ молодыми силами стоятъ имена Буслаева, Соловьева, Забѣлина, Аѳанасьева. Въ то же время Аѳанасьевъ начиналъ изданіе «Библіографическихъ Записокъ», а годами двумя позже г. Хованскій предпринялъ въ Воронежѣ «Филологическія Записки», первое въ своемъ родѣ изданіе въ провинціи, изданіе скромное, но полезное и которое Котляревскій съ самаго начала старался поддерживать и гдѣ впослѣдствіи издана была его послѣдняя крупная работа.....

Въ этой атмосферѣ литературныхъ и научныхъ возбужденій проходило время пребыванія Котляревскаго въ Московскомъ университетѣ. Какъ можно видѣть уже изъ первыхъ его литературныхъ трудовъ, онъ усердно работалъ на студенческой скамьѣ. И эта работа шла еще въ тѣсномъ кружкѣ товарищества. Изъ словъ того же современника и туземца мы получаемъ понятіе о характерѣ и составѣ этого кружка. «Въ этомъ кружкѣ, — разсказываетъ Алексѣй Веселовскій, — сходились люди, со временемъ достигшіе большой извѣстности, тогда же неопытные дебютанты, полные силъ и готовые къ борьбѣ. Журнальная и газетная дѣятельность, только-что пробуждавшаяся, казалась многимъ изъ нихъ наиболѣе подходящею, по крайней мѣрѣ на первое время. Котляревскій нашелъ себѣ радушный пріютъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», въ то время издававшихся Вал. Коршемъ и М. Щепкинымъ[1]): въ литературныхъ прибавленіяхъ къ этой газетѣ, производящихъ теперь добродушное впечатлѣніе своимъ скромнымъ видомъ узкаго листика средняго формата, появлялись сплошь и рядомъ талантливо написанныя статьи по научнымъ и даже общественнымъ вопросамъ, и

1) Послѣдній — съ конца 1859 года.

велась довольно полная библіографія новостей; тамъ появились первинцы Котляревскаго (если не считать небольшой статьи въ «Рус. Вѣстн.» 1857 года), этюды о русскомъ богатырствѣ,— но тамъ же подъ псевдонимомъ печатались и бойкія, насмѣшливыя замѣтки, дававшія просторъ его воинствующему юмору. Противъ Малаго театра тогда уже высилась огромная и неуклюжая масса, домъ Челышева или, по студенческому прозвищу, *челыши*; четыре отдѣленія меблированныхъ комнатъ давали убѣжище цѣлой гурьбѣ интеллигентной и просто безденежной богемы. Въ *Челышахъ* перебывало, наряду съ *Палашами* (за Тверскимъ бульваромъ) и другими излюбленными стоянками молодежи, не мало нисходящихъ поколѣній студентовъ. Тамъ приходилось живать и Котляревскому и его товарищамъ. Такимъ образомъ возникъ собирательный псевдонимъ «Н. Челышевскій», или кратко Н. Ч., подъ которымъ они поочередно скрывались въ своихъ нападкахъ на плохихъ авторовъ, претенціозныхъ ученыхъ и въ особенности на тѣхъ, въ комъ чуяли глухую вражду къ новой наукѣ и прогрессу. Котляревскому случалось и впослѣдствіи (въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» Корша) прибѣгать къ этому псевдониму для тѣхъ же цѣлей. Помню, что однажды, уже въ 70-хъ годахъ, мнѣ пришло на мысль воспользоваться этимъ фельетоннымъ забраломъ, зная, что оно собственно никому не принадлежитъ,— Котляревскаго заинтриговало и вмѣстѣ, казалось, опечалило это неожиданное возрожденіе стараго псевдонима; онъ очевидно сросся въ его памяти съ невозвратимою свѣжестью молодости».

Молодой литературный кругъ заключалъ много дѣятельныхъ силъ, которыя впослѣдствіи заняли видныя мѣста въ разныхъ отрасляхъ литературы и общественной жизни. Товарищами Котляревскаго были Н. А. Поповъ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ Московскаго университета, дѣятель Славянскаго благотворительнаго комитета въ Москвѣ и директоръ Архива министерства юстиціи; А. А. Козловъ, впослѣдствіи профессоръ Кіевскаго университета; старше его по университету были

Н. С. Тихонравовъ, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, Е. М. Ѳеоктистовъ и др. Первые опыты кружка, какъ замѣчено, появлялись на скромныхъ страницахъ тогдашнихъ «Московскихъ Вѣдомостей», гдѣ напр. Тихонравовъ печаталъ свои любопытныя замѣтки о писателяхъ прошлаго вѣка, г. Бестужевъ-Рюминъ о Сумароковѣ, гдѣ потомъ Котляревскій помѣстилъ цѣлый рядъ библіографическихъ и критическихъ статей и замѣтокъ, гдѣ печаталъ свои статьи упомянутый Н. Челышевскій. Позднѣе ихъ труды перешли на страницы крупныхъ журналовъ, «Русскаго Вѣстника» и «Отечественныхъ Записокъ», а труды и замѣтки чисто научныя направились въ спеціальные журналы, какъ названныя выше изданія Аѳанасьева, Тихонравова, Хованскаго.

Въ университетѣ Котляревскій работалъ очень ревностно и еще до окончанія курса началъ свою дѣятельность (1855) трудами, занимающими первыя страницы въ академическомъ изданіи его сочиненій,—небольшою статьею о Ломоносовѣ по поводу исполнившагося тогда столѣтія его грамматики, замѣтками по поводу изслѣдованія П. Лавровскаго о Якимовской лѣтописи, по поводу сочиненія Гр. Данилевскаго объ Основьяненкѣ, любопытною статьею: «Взглядъ на старинную русскую жизнь по народнымъ лубочнымъ изображеніямъ». Это были еще статьи студента-филолога; занятія его уже теперь были направлены на языкъ, литературу, старину народнаго быта,—предметы, которые въ дальнѣйшемъ болѣе широкомъ развитіи стали его спеціальностью на всю жизнь. Сообразно этому, въ университетѣ, тѣми профессорами, которыхъ предметъ былъ ему всего ближе, были Бодянскій и Буслаевъ. Впослѣдствіи Котляревскій посвятилъ памяти Бодянскаго слова теплаго сочувствія, какъ достойнаго представителя науки, непоколебимаго въ своихъ убѣжденіяхъ и неутомимо работавшаго на поприщѣ русской и славянской исторіи и литературы: Бодянскій не образовалъ школы, но ему многимъ обязаны такіе ревностные дѣятели нашего славяновѣдѣнія, какъ А. А. Майковъ, Е. П. Новиковъ, Дю-

вернуа, Кочубинскій, и ему считалъ себя обязаннымъ самъ Котляревскій. По словамъ его, лекціи Бодянскаго были весьма неровны. «Курсъ Бодянскаго состоялъ изъ отдѣла практическаго, гдѣ послѣ краткаго грамматическаго введенія шло чтеніе памятниковъ: Краледворской рукописи, сербскихъ пѣсенъ, «Маріи» Мальчевскаго. Этотъ курсъ велъ онъ очень успѣшно; другіе же предметы предлагалъ лишь въ отрывкахъ, такъ что, прослушавъ его даже пять лѣтъ, приходилось выслушать одни кусочки, напр. изъ грамматики — о двойственномъ и множественномъ числѣ, изъ исторіи — конецъ исторіи Балтійскихъ славянъ и начало исторіи чеховъ... Бодянскій утверждалъ, что при подобной системѣ чтенія онъ легче пріучалъ своихъ слушателей къ спеціальному изученію предмета» [1]). Рядомъ съ этимъ служили руководствомъ самыя изслѣдованія Бодянскаго, въ особенности только-что вышедшая тогда книга «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» (1855), въ которой и позднѣе Котляревскій удивлялся богатству содержанія: «это огромный сборникъ всякаго рода историко-литературныхъ и палеографическихъ замѣтокъ и изслѣдованій по различнымъ вопросамъ, относящимся къ произведеніямъ древне-славянской литературы». Труды Бодянскаго пріучали къ внимательной работѣ, къ подробному обзору источниковъ, и вѣроятно участвовали въ образованіи тѣхъ критическихъ пріемовъ, какіе выработались потомъ у самого Котляревскаго. О глубокомъ вліяніи лекцій и изслѣдованій О. И. Буслаева скажемъ далѣе.

Котляревскій окончилъ курсъ въ 1857 году, но со степенью дѣйствительнаго студента. Причиною полученія только этой низшей степени были, кажется, затрудненія, которыя встрѣтились на экзаменѣ изъ богословія или философіи (у Терновскаго). Впослѣдствіи онъ держалъ кандидатскій экзаменъ въ петербургскомъ университетѣ [2]); здѣсь была представлена

1) Сочиненія II, 441—442.

2) Въ 1861, въ апрѣлѣ и началѣ мая; кандидатскій дипломъ былъ помѣченъ 12 сентября, 1862, и имъ полученъ 19 октября.

имъ и кандидатская диссертація, писанная, безъ сомнѣнія, во время московскаго студенчества на тему по каѳедрѣ Бодянскаго, вліяніе котораго осталось замѣтно между прочимъ и на своеобразномъ писаніи. Сочиненіе называлось: «О времени принятія христіанской вѣры Болгарами и объ участіи въ этомъ дѣлѣ св. Кирилла Солунца,—историко-хронологическое изслѣдованіе» [1]). Впослѣдствіи Бодянскій хотѣлъ напечатать это сочиненіе въ «Чтеніяхъ», но изданіе почему-то не состоялось [2]). Какъ студенческая работа и по тому времени, диссертація представляла большія достоинства по внимательному изученію источниковъ.

Въ томъ же 1857 году Котляревскій, выдержавши обычныя испытанія, поступилъ на службу въ Александринскій сиротскій кадетскій корпусъ, учрежденный въ 1850 году взамѣнъ Александринскаго сиротскаго института [3]). Директоромъ корпуса былъ П. А. Гpессеръ; инспекторомъ, въ завѣдованіи котораго находилась и учебная часть, былъ Е. К. Баумгартенъ, впослѣдствіи директоръ Перваго кадетскаго корпуса въ Петербургѣ. Учебная часть была обставлена прекрасно; въ числѣ преподавателей были лучшія молодыя педагогическія силы: когда Котляревскій поступалъ сюда учителемъ, въ Александринскомъ корпусѣ уже дѣйствовали Бестужевъ-Рюминъ, Ешевскій,

1) Далѣе: «представленное въ историко-филологич. факультетъ Импер. Санктъ-Петербургскаго Университета для полученія степени кандидата Московскаго Университета дѣйствительнымъ студентомъ Алекс. Котляревскимъ».

2) На оборотѣ заглавія диссертаціи какъ будто начато карандашомъ предисловіе къ этому предполагавшемуся изданію: «Предполагаемый трудъ писанъ лѣтъ восемь тому назадъ. Съ тѣхъ поръ много ушло воды, много измѣнилось»...

3) Біографы Котляревскаго, въ томъ числѣ и г. Веселовскій, не точно называютъ его Александровскимъ; въ Москвѣ въ тѣ годы находился временно Александровскій-Брестскій кадетскій корпусъ, съ которымъ не надо смѣшивать Александринскаго сиротскаго. См. объ Александринскомъ въ «Историческомъ очеркѣ Военно-учебныхъ Заведеній, подвѣдомственныхъ главному ихъ управленію», генералъ-маіора Лалаева, Спб. 1880. II, стр. 46, 178; объ Александровскомъ-Брестскомъ тамъ же, стр. 41, 42, 105, 106.

Нилъ Поповъ, М. Н. Капустинъ, А. К. Корсакъ, Тихонравовъ, лица, отчасти уже тогда имѣвшія большое научное имя, отчасти пріобрѣвшія такое имя вскорѣ; здѣсь же бывали преподавателями Е. М. Ѳеоктистовъ и А. И. Георгіевскій. Какъ велось преподаваніе Котляревскимъ, разсказываетъ его тогдашній ученикъ, г. Алексѣй Веселовскій. «Какъ бывшій ученикъ его, съ этого времени близко его узнавшій (до того онъ былъ товарищемъ моихъ братьевъ), я могу засвидѣтельствовать, что и въ этой сферѣ онъ выказалъ ту же рѣдкую талантливость, вносившую всюду жизнь и самодѣятельность. Въ короткое время онъ сталъ однимъ изъ извѣстнѣйшихъ учителей въ Москвѣ; и въ большихъ школахъ (Александровскомъ кадетскомъ корпусѣ), и въ частныхъ урокахъ стоило ему явиться и наладить дѣло, и все приходило въ движеніе, заинтересовывалось, бросалось читать и работать». Указавъ упомянутый составъ преподавателей, авторъ воспоминаній продолжаетъ: «Но и въ этой обстановкѣ появленіе энергическаго и оригинальнаго во всемъ молодого дебютанта-учителя произвело сильное впечатлѣніе. Онъ захватилъ съ собой изъ университетской аудиторіи и изъ своей студенческой каморки все то увлеченіе наукой о народности, которое согрѣло его собственную жизнь, и умѣлъ передать его подросткамъ, до той поры мало задумывавшимся надъ подобными вопросами. Онъ говорилъ имъ объ арійской старинѣ, о миѳологіи, съ жаромъ истолковывалъ народныя пѣсни, уводилъ слушателей, казалось, далеко отъ текущей жизни, — а между тѣмъ въ нихъ пробуждались бодрость духа, жажда развитія и интересъ къ старинѣ наравнѣ съ сочувствіемъ новому времени. Все встрепенулось и взволновалось. Когда лекторъ переходилъ къ среднему и новому періоду словесности, въ классную комнату врывался тотъ воздухъ, который уже отводилъ душу лучшей части общества; сравнительный методъ и масса интереснѣйшихъ отклоненій въ область иностранныхъ литературъ (не полагавшихся тогда даже въ университетѣ) расширяли кругозоръ учениковъ; въ довершеніе всего передъ нами открылась возможность обшир-

ныхъ самостоятельныхъ работъ; годовыя сочиненія съ массой источниковъ, которые увлекавшійся преподаватель добывалъ отовсюду, откапывая рѣдкости, опустошая библіотеки, давали поводъ много прочесть, обо многомъ подумать, а тѣхъ, кто слабо зналъ иностранные языки, заставляли налечь на нихъ, чтобъ въ подлинникѣ изучить все необходимое. Теплое и человѣческое отношеніе къ ученикамъ, живая рѣчь, блестѣвшая образами и остроуміемъ, способность серіозно заинтересоваться развитіемъ отдѣльныхъ болѣе даровитыхъ личностей, направлять ихъ потомъ и дальше въ жизни, все это привязывало молодежь къ Котляревскому неразрывною связью, и его личность осталась для нея наиболѣе свѣтлымъ явленіемъ изъ всей школьной поры. Такимъ былъ онъ и въ обстановкѣ школы, и въ частномъ преподаваніи; молва, быстро разнесшаяся о немъ по Москвѣ, не была преувеличена; *такіе* лекторы русской словесности всегда рѣдки; изъ учениковъ его и теперь найдутся люди, способные подтвердить сказанное мною». Мы дѣйствительно слышали эти подтвержденія отъ лицъ, которыя также были тогда учениками Котляревскаго, видѣли и образчики «сочиненій», какія писались учениками по его предмету: это были правильныя небольшія изслѣдованія, въ которыхъ видно и знакомство съ литературой и знакомство съ критическими пріемами, какимъ научалъ преподаватель[1]). Авторъ воспоминаній разсказываетъ, что слухъ о томъ, какъ необычно Котляревскій ведетъ преподаваніе русской словесности, доходилъ до высшихъ начальствъ, призванныхъ наблюдать за учебною частью въ корпусахъ; что экзаменъ вызванныхъ въ Петербургъ учениковъ Котляревскаго прошелъ блестящимъ образомъ, и «сочиненія», испещренныя учеными ссылками, произвели эффектъ.

Въ то же время онъ усиленно работалъ въ литературѣ. Едва окончившій курсъ студентъ, онъ является въ 1857 сотрудникомъ «Русскаго Вѣстника», потомъ «Отечественныхъ Запи-

1) Ср. названныя выше воспоминанія І. Д. С.

сокъ», — по тѣмъ предметамъ, которые стали уже любимымъ кругомъ его занятій: это — область народнаго преданія, вопросы исторіи литературы. Въ 1859 онъ принимаетъ участіе въ «Московскомъ Обозрѣніи», любопытномъ изданіи, которое предпринято было тогда молодымъ учено-литературнымъ кружкомъ и о которомъ разсказываетъ опять очевидецъ и тузенецъ, г. Алексѣй Веселовскій.

«Врядъ ли кто теперь знаетъ исторію этого молодого и даровито веденнаго журнала, который обреченъ былъ злою судьбою прожить лишь «ce que vivent les roses». Звали его «Московское Обозрѣніе» — титулъ, придуманный въ подражаніе англійскимъ *reviews* и прямо обличавшій намѣренія издателей: четыре раза въ годъ должны были выходить довольно объемистыя книжки журнала, гдѣ въ первомъ отдѣлѣ появлялись бы руководящія статьи научнаго содержанія, большіе историческіе этюды, обозрѣнія литературы по отдѣльнымъ вопросамъ, а затѣмъ велась бы полная библіографія, русская и иностранная. Изданія такого типа не существовало у насъ до той поры; даже впослѣдствіи тѣ журналы, которые сначала хотѣли обойтись безъ беллетристики (напр. «Вѣстникъ Европы» 1866—67), принуждены были сдѣлать уступку установившемуся вкусу. Въ 1859 же году, когда группа молодежи затѣвала свой «Moscow Review», почвы для него не было. Къ причинамъ неудачи нужно отнести также и куріозный выборъ издателя [1])... Его имя было единственнымъ открытымъ для читателя; по уговору сотрудниковъ между собою, и опять по англійскому образцу, всѣ статьи должны были печататься безъ подписи. Такимъ образомъ представительство кружка принималъ на себя невѣдомый міру писатель... Но едва дѣло сладилось, и двѣ книжки журнала вышли, какъ издателемъ овладѣли тревоги и сомнѣнія... Подписчиковъ

1) Это былъ штабсъ-капитанъ А. Лакс ъ, репетиторъ или учитель въ младшихъ классахъ того же Александринскаго корпуса, — который могъ оказать изданію матеріальное содѣйствіе. Впослѣдствіи, Лаксъ перешелъ на службу по жандарискому вѣдомству и умеръ томскимъ губернаторомъ.

было мало, но съ выдержкою можно было бы воспитать публику, подходящую для такого изданія,—вдругъ издатель объявилъ, что устраняется отъ дѣла: денежный источникъ изсякъ, нервъ войны былъ подрѣзанъ, и все распалось. Двѣ книжки «Московскаго Обозрѣнія» составляютъ теперь библіографическую рѣдкость»...

Главными основателями этого изданія были К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, извѣстный потомъ даровитый экономистъ А. К. Корсакъ, Н. В. Альбертини и рано умершій талантливый медикъ Розенблатъ; къ нимъ примкнулъ и Котляревскій.

Впечатлѣніе, какое производили тогда первые труды Котляревскаго, передано въ тѣхъ же воспоминаніяхъ. «Статья Котляревскаго объ Исторіи русской словесности Шевырева, составляющая одно изъ украшеній «Московскаго Обозрѣнія», можетъ быть названа типомъ его молодой критической манеры: много знанія, самостоятельный взглядъ, страстность изложенія и повидимому невольныя юмористическія выходки. Его самого занимало обставить свой натискъ нѣкоторою загадочностью: подъ статьею виднѣлось нѣсколько таинственныхъ буквъ — Sp. а—г и помѣта *Городище*. Представлялось ему, съ какою недовольною миной непопулярный, отставшій отъ научнаго движенія, въ полномъ смыслѣ отставной авторитетъ приметъ порицаніе и укоры какого-то невѣдомаго Spiritus asper. Тою же смѣлостью и желаніемъ побороться съ обветшавшими направленіями въ наукѣ и литературѣ проникнуты были многія изъ статей остальныхъ сотрудниковъ».

Это научное движеніе пятидесятыхъ годовъ представляетъ любопытное историческое явленіе именно въ томъ отношеніи, что оно не случайно совпадало съ тѣмъ общимъ оживленіемъ литературнымъ и общественнымъ, какое отличало ту эпоху. Начатки его, какъ мы видѣли, восходятъ еще къ концу предыдущаго историческаго періода, но развилось оно въ той новой атмосферѣ, которая исполнена была всякаго рода запросовъ нравственныхъ и общественныхъ: присоединились и вопросы науч-

ные — въ исторіи и народовѣдѣніи. Молодая школа, рядомъ съ опытами новыхъ изслѣдованій, обращалась къ провѣркѣ прежняго содержанія: очень часто она имъ не удовлетворялась и спѣшила устранить отжившее и устарѣлое, потому что оно могло только мѣшать установленію болѣе правильныхъ пріемовъ изслѣдованія и спутывало понятія. Нерѣдко представителями этого устарѣлаго и ложнаго бывали люди съ внѣшнимъ авторитетомъ, который придавалъ значеніе трудамъ, не имѣвшимъ никакого авторитета научнаго. Таковы были тѣ историко-литературные взгляды, какіе опровергалъ Котляревскій въ книгѣ Шевырева; такова была «Общесравнительная Грамматика», съ которою выступилъ въ эти годы Ив. Давыдовъ и противъ которой Котляревскій не находилъ достаточныхъ словъ осужденія; таковы были ходячіе учебники словесности и исторіи литературы, повторявшіе старую рутину безъ всякаго вниманія къ тѣмъ новымъ задачамъ, которыя ставила здѣсь даже скромная русская наука; таковы были тѣ толкованія русской народности, народной русской поэзіи, какія велись по стародавней рутинѣ, неподозрѣвавшей о новыхъ великихъ пріобрѣтеніяхъ науки въ этой области, или съ мнимою глубиною «народнаго» взгляда, подъ которой скрывалась чистая фантазія... Нѣкоторымъ объясненіемъ этого преобладанія рутины было то, что наука, которая должна бы устранить ее, имѣла у насъ еще слишкомъ тѣсное внѣшнее распространеніе: можно было указать точныя хронологическія даты, которыми отмѣчены первые ея шаги на русской почвѣ; могъ быть сосчитанъ немногочисленный кругъ ея адептовъ; легко было назвать имена тѣхъ двухъ-трехъ руководителей, которые стояли во главѣ новой школы. Вокругъ этихъ учителей собирались немногіе ученики, которые тѣмъ ревностнѣе выходили на защиту новой науки, что въ устахъ учителей она являлась со всею силою глубокаго убѣжденія и всею увлекательностью поэтической вѣры — что найденъ наконецъ путь къ тайнамъ народной древности, народнаго языка, народнаго преданія. Такимъ восторженнымъ учителемъ былъ въ Московскомъ университетѣ

Ѳ. И. Буслаевъ... Мы говорили въ другомъ мѣстѣ о великихъ заслугахъ этого дѣятеля нашего народовѣдѣнія. Замѣтимъ, по поводу указаннаго сейчасъ малаго внѣшняго распространенія новой науки, что съ конца сороковыхъ годовъ, когда Ѳ. И. Буслаевъ вступилъ впервые на каѳедру Московскаго университета, и въ теченіе пятидесятыхъ годовъ, онъ былъ единственнымъ представителемъ этой науки, которая въ другихъ университетахъ была заявляема только въ немногихъ отрывочныхъ примѣненіяхъ, напр. въ области славяновѣдѣнія. Можемъ сказать по собственнымъ воспоминаніямъ, что сочиненія Буслаева, съ первой книги «О преподаваніи отечественнаго языка», съ диссертаціи «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ», и кончая отдѣльными статьями (между прочимъ появлявшимися и въ тѣхъ же «Московскихъ Вѣдомостяхъ») возбуждали живѣйшій интересъ у юныхъ «филологовъ» другихъ университетовъ: онѣ открывали новыя перспективы въ сравнительномъ языкознаніи и въ изученіи народной поэзіи, здѣсь впервые поставленной въ томъ идеальномъ ореолѣ, какимъ окружили ее братья Гриммы. «Буслаевъ» было популярное имя. Тѣмъ больше должна была имѣть вліяніе живая лекція, и не случайно его наиболѣе ревностные послѣдователи были въ Москвѣ. Это вліяніе было самымъ сильнымъ толчкомъ къ изученію народной поэзіи и старой письменности въ томъ направленіи, какое уже установилось теперь. Оно, вмѣстѣ съ другими условіями, внесло большую перемѣну и въ постановку цѣлаго историко-литературнаго вопроса. Онъ ставился теперь уже иначе, чѣмъ было до сихъ поръ, съ точки зрѣнія Бѣлинскаго. Во-первыхъ, являлось совсѣмъ иное отношеніе къ народной поэзіи и народно-поэтическимъ элементамъ литературы: въ крайней постановкѣ новой точки зрѣнія, только это одно и было существенно, а литература искусственная, заимствованная съ XVIII-го вѣка, едва заслуживала вниманія, какъ чужое пересаженное растеніе, народу чуждое. Для народной поэзіи отыскивалось не только художественное объясненіе: въ ней раскрывалось глубочайшее преданіе,

нѣкогда совмѣщавшее въ себѣ и религіозно-миѳическое, и историческое, и нравственно-поэтическое содержаніе. Рядомъ съ этимъ — и отчасти подъ вліяніемъ той же точки зрѣнія — развивалось детальное изученіе старой письменности и новой литературы, гдѣ взамѣнъ, или въ дополненіе, прежней, исключительно историко-эстетической критики возникали новые интересы изслѣдованія: изученіе памятниковъ по ихъ отношенію къ народному преданію, къ исторіи быта, наконецъ къ исторіи образованія и культуры. Всѣ эти интерессы воспринялъ и Котляревскій, или точнѣе, онъ, вмѣстѣ съ другими начинавшими дѣятелями той поры, развивалъ положенія, проистекавшія изъ новаго склада науки: требовалось указать недостаточность, односторонность или прямо ложность прежнихъ, еще господствовавшихъ взглядовъ, установить новыя требованія научной критики, вообще расширить горизонтъ изслѣдованія. Это имѣлъ онъ въ виду, когда въ статьѣ объ «Исторической грамматикѣ» Буслаева дѣлалъ очеркъ движенія филологической науки (преимущественно нѣмецкой), устранявшей старые пріемы, которые еще продолжали такъ сказать офиціально господствовать въ русской грамматикѣ. Это имѣлъ онъ въ виду, когда въ тѣ же годы писалъ разборы сочиненій по исторіи литературы, — напр. книги Шевырева, гдѣ онъ устранялъ изъ науки не принадлежавшія къ ней сентиментальныя теоріи и настаивалъ на точномъ смыслѣ фактовъ, или сочиненій Милюкова и другихъ, гдѣ еще не дано было мѣста новымъ положеніямъ науки. Далѣе, нужно было выяснить требованія критики въ самыхъ изслѣдованіяхъ о народномъ бытѣ и поэзіи: Котляревскій предпринялъ обзоръ трудовъ, появлявшихся тогда по этому предмету, и сдѣлалъ это въ книжкѣ: «Старина и народность за 1861 годъ» (составившейся изъ ряда статей въ «Моск. Вѣдомостяхъ»), которая много цитировалась впослѣдствіи и до сихъ поръ сохранила цѣну по мѣткимъ критическимъ замѣчаніямъ, въ ней разбросаннымъ.

Въ то же время, когда складывались такимъ образомъ научные интересы новаго поколѣнія и возникало желаніе выяснить

данное положеніе и очистить путь для новой критики, развивалась и другая черта—желаніе ближе ознакомиться съ тѣми фактами старой литературы, которые до тѣхъ поръ оставались заброшенными, а между тѣмъ заключали въ себѣ богатый матеріалъ какъ для этнографическаго народовѣдѣнія, такъ и для исторіи литературы, со стороны внутренняго развитія общества. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, быть можетъ, однимъ изъ побужденій къ новой постановкѣ историко-литературныхъ вопросовъ послужило Смирдинское изданіе старыхъ русскихъ писателей, въ числѣ которыхъ были и крупные и второстепенные: съ критикой изданій возникаетъ забота объ исправности и полнотѣ текстовъ, о комментаріи, который объяснялъ бы, во-первыхъ, самое развитіе литературныхъ направленій и пріемовъ, а во-вторыхъ общественное значеніе писателей, отношеніе ихъ къ дѣйствительности, объяснялъ бы ихъ реальную связь съ жизнью, скрытые намеки и т. п. Съ этимъ начиналась пора иныхъ изученій, чѣмъ тѣ, какія давала до тѣхъ поръ критика Бѣлинскаго. Послѣдняя совершила свое важное дѣло — разъясненіе эстетическихъ началъ и историческую оцѣнку новѣйшей литературы съ художественной точки зрѣнія. Непосредственное продолженіе ученій Бѣлинскаго было пріостановлено обстоятельствами, но было вмѣстѣ необходимо новое направленіе изысканій, сначала отрывочныхъ, но которымъ предстояло впереди сложиться въ цѣлую новую школу. Литература не есть только художество, но и отраженіе жизни и въ этомъ смыслѣ — богатый матеріалъ для ея изученія; при этомъ существенно измѣняется самая мѣрка: старый писатель, не имѣющій крупнаго художественнаго значенія, можетъ быть однако исполненъ интереса, какъ матеріалъ для этой исторіи общественной; или, не играя большой роли въ литературѣ, онъ можетъ имѣть значеніе для исторіи развитія извѣстнаго направленія, которое, прежде чѣмъ стать руководящей силой, нерѣдко подготовляется цѣлымъ рядомъ частныхъ предварительныхъ начинаній и опытовъ, пріобрѣтающихъ тогда не малый интересъ для объясненія генезиса литературныхъ явле-

ній. Литературная старина получала важность и съ совсѣмъ иной стороны. Труды Гримма, вліяніе которыхъ было у насъ впервые водворено г. Буслаевымъ, открывали новую точку зрѣнія: это—великая жизненная сила народнаго преданія. Преданіе живетъ не только въ его непосредственной формѣ: оно продолжаетъ держаться прямо или косвенно, явно или скрытно въ цѣлой массѣ обычаевъ, даже оборотовъ языка; матеріаломъ для народной миѳологіи, для исторіи обычая, народной поэзіи, можетъ служить не только прямо древній миѳъ, сказка, пѣсня, но и случайная запись, въ которой можетъ скрываться старая миѳологическая, бытовая, народно-поэтическая черта. Косвенные факты этого рода широко разсѣяны въ литературѣ; старый писатель, вовсе не думая о народномъ преданіи и поэзіи, даже относясь къ нимъ враждебно, можетъ доставить объ нихъ цѣнныя указанія; неловкая старинная передача народнаго обычая, пѣсни и т. п., можетъ заключать важныя подробности. Особенно драгоцѣнна старая рукопись,—не только древняя, важная для изученія первыхъ вѣковъ письменности, но и средняя, даже новая: мы такъ еще мало знаемъ письменную старину, что можемъ ожидать найти въ ней любопытнѣйшіе факты,—какъ это потомъ вполнѣ оправдалось... Въ кругу молодыхъ ученыхъ развивается усердное собирательство, книжное и рукописное. Съ этихъ поръ идутъ, напримѣръ, богатыя послѣ книжныя и рукописныя собранія И. Е. Забѣлина, Тихонравова; нѣсколько ранѣе былъ такимъ собирателемъ А. Н. Аѳанасьевъ и др. На этотъ путь вступилъ и Котляревскій и его коллекторство, кажется, съ самаго начала получило спеціальный и обдуманно принятый оттѣнокъ. Въ нашихъ рукахъ былъ каталогъ его библіотеки отъ 1858 года, когда онъ только-что покинулъ университетскую скамью: библіотека уже тогда имѣла опредѣленный характеръ,—въ ней нашли мѣсто сочиненія по общимъ вопросамъ науки, а затѣмъ иностранныя, особливо нѣмецкія сочиненія по языку, миѳологіи, обычаю, и все существенное, что представляла тогда въ этой области наша литература. Впослѣдствіи эти начатки

выросли въ замѣчательную спеціальную библіотеку, у насъ единственную въ своемъ родѣ, на которую Котляревскій положилъ много труда и времени, и пополненіе которой было его заботой буквально до послѣднихъ дней его жизни. Москва въ то время, да и до сихъ поръ, была самымъ богатымъ источникомъ для поисковъ въ книжной старинѣ: здѣсь въ особенности можно было разыскать старую рѣдкость, невиданную нигдѣ въ другомъ мѣстѣ; впослѣдствіи Котляревскій разыскивалъ нужныя ему вещи и въ славянскихъ земляхъ, и въ нѣмецкой антикварной торговлѣ, наконецъ въ Италіи, повсюду, гдѣ только могло встрѣтиться что-либо относящееся къ русской и славянской этнографіи и народной старинѣ. Очень рано онъ сталъ настоящимъ библіофиломъ, даже библіоманомъ въ лучшемъ смыслѣ слова: его библіотека была спеціальная; онъ настойчиво искалъ недостававшихъ ему книгъ, брошюръ, журнальныхъ и газетныхъ статей; онъ хотѣлъ, чтобы его библіотека была полной коллекціей литературы предмета и какъ бы наглядно собранной исторіей науки; книга интересовала его не только своимъ содержаніемъ, но и своей внѣшностью; онъ любилъ въ книгѣ то, что привлекаетъ истаго библіомана — нетронутый экземпляръ съ цѣльными полями; съ простымъ экземпляромъ новой книги ему хотѣлось имѣть и веленевый; свои собственныя изданія онъ любилъ также дѣлать съ этими библіофильскими тонкостями, съ широкими полями, съ опредѣленнымъ, библіофильски-сакраментальнымъ числомъ экземпляровъ и т. п. Въ связи съ этимъ, подъ конецъ самыя занятія его склонялись къ изученію исторіи науки. Таковъ былъ послѣдній изданный имъ трудъ.

Въ 1862 году дѣятельность Котляревскаго была въ полномъ разгарѣ. Кромѣ названныхъ работъ, онъ принялъ живое участіе въ только-что основанныхъ тогда въ Воронежѣ «Филологическихъ Запискахъ» Хованскаго; съ рѣдкимъ успѣхомъ шла его дѣятельность преподавательская. Въ томъ же году онъ началъ свою семейную жизнь, — но, едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ его новаго домашняго быта, какъ съ нимъ произошло не-

счастіе, которое тяжело отразилось на всей его послѣдующей жизни. Въ его университетской біографіи это разсказано слѣдующимъ образомъ: «Однажды вечеромъ онъ встрѣтился у одного изъ своихъ сослуживцевъ съ эмигрантомъ Кельсіевымъ, тайкомъ пробравшимся въ Россію, и эта встрѣча, безобидная сама по себѣ, стоила покойному очень дорого. Котляревскій, только-что начавшій свою семейную жизнь, былъ взятъ, доставленъ въ С.-Петербургъ и подвергнутъ одиночному заключенію, продолжавшемуся шесть мѣсяцевъ. Объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ своего прошлаго покойный не разъ вспоминалъ довольно благодушно. Онъ хвалилъ частоту своего помѣщенія въ крѣпости, съ признательностью упоминалъ о библіотекѣ коменданта, въ изобиліи снабжавшей его описаніями путешествій, и говорилъ, что во время шестимѣсячнаго пребыванія въ заключеніи онъ успѣлъ собрать значительный запасъ этнографическаго матеріала... Но благодушный тонъ воспоминаній явился впослѣдствіи, а самый эпизодъ въ свое время долженъ былъ оставить глубокіе и горькіе слѣды. По окончаніи ареста, заключенный снова получилъ свободу, но былъ лишенъ права поступать на государственную службу» [1]).

Объясненіе этого печальнаго эпизода мы имѣемъ въ сообщенныхъ намъ воспоминаніяхъ одного изъ тогдашнихъ друзей Котляревскаго, и близкаго свидѣтеля происшествій. Кельсіевъ (давно уже умершій), тогда молодой человѣкъ, былъ изъ числа тѣхъ увлекающихся натуръ, какихъ не мало было въ ту пору и на которыхъ эпоха преобразованій производила чрезвычайное впечатлѣніе, открывая, какъ имъ казалось, новую эпоху для всей національной жизни. Что она производила такое дѣйствіе, это было понятно, потому что то былъ дѣйствительно великій переломъ въ народной жизни; но самая новость тѣхъ началъ, которыя вступали въ жизнь, способна была возбуждать въ умахъ впечатлительныхъ преувеличенныя ожиданія, получавшія въ концѣ

---

1) Біографическій Словарь профессоровъ и преподавателей Имп. университета Св. Владиміра. Кіевъ, 1884, стр. 304.

концовъ характеръ почти патологическій. Къ такимъ неуравновѣшеннымъ людямъ принадлежалъ и Кельсіевъ. Попавши случайно въ Лондонъ, онъ сталъ эмигрантомъ и началъ своеобразную дѣятельность, предметомъ которой былъ расколъ. Его идеи приняли странное, фантастическое направленіе: не имѣя никакого точнаго представленія о дѣлѣ, онъ полагалъ, что расколъ можетъ стать политической силой, что нужно возбудить въ немъ движеніе, и въ будущемъ ему чудилась картина религіозно-свободной народной жизни, картина, для которой расколъ не давалъ въ дѣйствительности никакого матеріала. Издавши въ Лондонѣ нѣсколько книжекъ, собранныхъ имъ, впрочемъ любопытныхъ, историческихъ матеріаловъ о расколѣ, онъ вздумалъ отправиться въ Россію, добылъ для этого фальшивый паспортъ и пріѣхалъ секретно въ Москву, подъ именемъ турецкаго подданнаго Василія Яни. Цѣль его пріѣзда въ Москву была — завязать сношенія, преимущественно со старообрядцами: съ кѣмъ-то онъ будто бы видѣлся, предлагая печатать въ Лондонѣ ихъ изданія и статьи о положеніи раскольничьихъ дѣлъ. Кельсіевъ побывалъ и у двухъ-трехъ изъ московскихъ писателей, интересы которыхъ направлены были на изученіе народной жизни. Говорили, что у одного изъ знакомыхъ Котляревскій встрѣтился съ Кельсіевымъ, но велъ съ нимъ совершенно незначительный разговоръ, не имѣвшій ни малѣйшаго политическаго характера. Лицо, сообщившее намъ воспоминанія объ этомъ эпизодѣ и близко знавшее его подробности, утверждаетъ напротивъ, что Котляревскій совсѣмъ даже не видѣлъ Кельсіева, но слышалъ о его пріѣздѣ, узналъ, что онъ собираетъ свѣдѣнія о расколѣ, и какъ настоящій библіоманъ, выразилъ ему сочувствіе подаркомъ рѣдкой книги: онъ послалъ Кельсіеву книгу Новицкаго «о духоборцахъ», надписавъ на ней время подарка и свою фамилію [1]).

---

1) Припоминаю, что расколомъ, впервые открывавшимся тогда для изученія, былъ заинтересованъ и П. Н. Рыбниковъ и что его неосторожность была причиной ссылки его въ Олонецкую губернію, гдѣ онъ совершилъ вскорѣ свои знаменитыя открытія богатаго живого запаса древнихъ былинъ.

Пробывъ нѣсколько дней въ Москвѣ, Кельсіевъ уѣхалъ опять за границу; рискованная поѣздка повидимому еще разгорячила его фантазію, прибавилась, можетъ быть, и доля хвастовства, такъ что наконецъ пребываніе въ Москвѣ и бесѣда съ немногими видѣнными имъ москвичами приняли въ его воображеніи размѣры, которыхъ вовсе не было въ дѣйствительности. Изъ-за заграницы онъ послалъ къ одному изъ московскихъ знакомцевъ письмо съ изложеніемъ его фантазій; письмо было перехвачено и по его содержанію въ Москвѣ арестовано было нѣсколько лицъ, которыя были названы въ письмѣ Кельсіева, и въ томъ числѣ Котляревскій. Къ тому же дѣлу былъ привлеченъ тогда и извѣстный А. Н. Аѳанасьевъ. Повидимому, этому дѣлу былъ приданъ сначала весьма серіозный характеръ; слѣдствіе должно было выяснить всю его незначительность, и дѣйствительно большинство лицъ, къ нему привлеченныхъ и въ сущности болѣе компрометированныхъ, были только призваны къ допросу и остались на свободѣ. Котляревскій провелъ въ заключеніи около полугода; въ концѣ концовъ ему разрѣшена была даже литературная работа: изъ III-го Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи (нынѣ упраздненнаго) была послана имъ С. С. Дудышкину, завѣдывавшему тогда «Отечественными Записками», статья: «На память *будущимъ* библіографамъ», которая и была напечатана въ этомъ изданіи [1])... Дѣло кончилось однако тѣмъ, что освобожденный наконецъ отъ ареста, Котляревскій не только потерялъ свою службу, но и лишенъ былъ права и впредь служить по учебному вѣдомству,—а это былъ единственный жизненный путь, къ которому онъ всегда стремился, и единственный, къ которому онъ былъ способенъ [2]). Тогда же и А. Н.

---

1) Сочиненія, II, стр. 109 и д.

2) Въ его формулярѣ значится, что онъ былъ уволенъ отъ службы въ Александринскомъ корпусѣ приказомъ отъ 27 августа 1862 года, и другимъ приказомъ по военно-учебнымъ заведеніямъ, отъ 29 марта 1863 года, разрѣшено считать его уволеннымъ отъ службы по прошенію и дозволено ему снова опредѣляться на службу, но отнюдь не по учебному вѣдомству.

Аѳанасьевъ, заслуженный ученый, потерялъ свою службу въ московскомъ Архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ [1]).

Такъ неосторожность повлекла за собою самыя печальныя послѣдствiя. По всему складу своихъ интересовъ Котляревскiй былъ совершенно далекъ отъ какихъ-нибудь политическихъ увлеченiй: съ первыхъ шаговъ въ университетѣ всѣ его мысли обращены были къ наукѣ, и у него сложились уже вкусы ученаго собирателя, точнаго изслѣдователя, которые навсегда въ немъ остались и исключали всякое другое увлеченiе. Онъ былъ тяжко пораженъ постигшимъ его ударомъ и его письма тѣхъ годовъ проникнуты глубокимъ унынiемъ. Съ этихъ поръ обнаружились у него и первые симптомы его болѣзни...

Тотъ же современникъ, г. Алексѣй Веселовскiй, разсказываетъ о возвращенiи Котляревскаго въ Москву:

«По словамъ Котляревскаго, встрѣтившаго въ теченiи тяжелаго времени (заключенiя) участiе и симпатiи со стороны нѣкоторыхъ лицъ надзора, ему выразили при разставанiи сожалѣнiе о случившемся, обѣщали выдать (а, можетъ быть, и выдали) удостовѣренiе въ томъ, что съ него снята напраслина и что дѣятельность его ни въ чемъ не будетъ стѣснена.

«Но въ прежнюю среду возвратился какъ будто другой человѣкъ. Въ болѣзненномъ существѣ съ осунувшимися чертами лица,...напрасно стали бы искать сходства съ прежнею горячею искрометною натурою...Впереди, однако, было еще много мелкихъ испытанiй, въ которыхъ то-и-дѣло отзывалась только-что пережитая тревога. Когда, придя въ себя, онъ попытался приняться за прежнiя занятiя, успокоительныя петербургскiя увѣренiя не оправдывались. Преподаванiе въ казенныхъ заведенiяхъ оказалось немыслимымъ. Какъ будто чья-то рука не въ мѣру усердствовала и не давала человѣку оправиться и обезпечить себѣ заработокъ. Формальнаго запрещенiя учить, очевидно, не существовало, потому что все таки нашлась школа, гдѣ, не

1) Ср. бiографическiй очеркъ, г. Кѳренова въ «Р. Старинѣ», 1872, V.

взирая ни на что, Котляревскаго удержали и самъ онъ мало-по-малу пересталъ сознавать надъ собою близость Дамоклова меча»...

Утрата любимаго поприща не уменьшила ревности его научныхъ занятій, которыя становились наконецъ его единственнымъ интересомъ. Въ эти годы, 1862—1863, онъ между прочимъ много работалъ для «Филологическихъ Записокъ». По всему видно, что Котляревскому было очень сочувственно небывалое до тѣхъ поръ предпріятіе—основаніе историко-филологическаго журнала въ глухой провинціи, на скромныя средства, скромнымъ человѣкомъ, учителемъ гимназіи, журнала, который послѣ «Лѣтописей» Тихонравова, выходившихъ безсрочными выпусками, былъ тогда единственнымъ органомъ этихъ интересовъ, — такъ какъ прекращались и академическія «Извѣстія».

Съ первыхъ шаговъ изданія Котляревскій старался оказать провинціальному ученому журналу всякое содѣйствіе. Приводимъ рядъ извлеченій изъ переписки его съ издателемъ «Записокъ», — они не лишены интереса какъ для исторіи этого изданія, такъ и вообще для исторіи нашей филологической науки. На приглашеніе принять участіе въ предполагаемомъ изданіи Котляревскій писалъ (отъ 16 мая, вѣроятно 1862):

«На ваше обязательное приглашеніе могу только изъявить полное сочувствіе къ вашему предпріятію. Удосужившись отъ должностныхъ занятій, постараюсь прислать вамъ одинъ мой небольшой трудъ (объ образованіи художественнаго эпоса), который почти уже оконченъ... Вашъ журналъ совершенно неизвѣстенъ въ Москвѣ — и ни одинъ книгопродавецъ не могъ удовлетворить моего желанія познакомиться съ нимъ. На это не мѣшало бы Вамъ обратить вниманіе, если уже не изъ финансовыхъ соображеній, то по крайности—въ видахъ общей пользы.

«Вмѣстѣ съ этимъ позволю себѣ поручить вашему вниманію одинъ трудъ моего ученика и товарища по преподаванію, г-на П., который въ скоромъ времени будетъ вамъ доставленъ. Трудъ этотъ лишенъ самостоятельности, но представляетъ совѣстливое

и обстоятельное извлеченіе изъ мнѣній новѣйшихъ лингвистовъ о происхожденіи и образованіи языка. Помѣщеніе его въ вашемъ журналѣ оправдало-бы—смѣю думать—редакцію за распространеніе лингвистической ереси, какою на мой взглядъ оказывается статья Амфитеатрова, извлеченіе изъ которой я читалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ».

Въ другомъ письмѣ (безъ года и числа) онъ посылаетъ первую часть труда г-на П., обѣщая вскорѣ доставить и вторую, болѣе интересную. «Мое сочиненіе о художественномъ эпосѣ надѣюсь доставить вамъ, какъ скоро освобожусь отъ должностныхъ занятій. Къ сентябрю мѣсяцу готовлю краткій учебникъ по исторіи всеобщей литературы».

Въ другомъ письмѣ (опять безъ года и числа): «...Къ 15 маю вышлю вамъ статью: напечатайте ее въ 1 № и сдѣлайте мнѣ 99 оттисковъ съ отдѣльнымъ заглавіемъ и отдѣльною нумераціей. Признаться вамъ по правдѣ — я немного неравнодушенъ къ библіографическимъ странностямъ...

«Когда-то, въ 1857 году еще, я помѣстилъ въ «Москов. Вѣдомостяхъ» три статьи о русскихъ богатыряхъ—теперь я ихъ передѣлалъ и, если желаете, пришлю къ вамъ для «Филологическихъ Записокъ».

Вѣроятно, ранѣе, при первомъ полученіи програмы журнала, Котляревскій сообщалъ (отъ 15 ноября, безъ года) Хованскому общія соображенія о томъ, что̀ должно бы или не должно имѣть мѣсто въ журналѣ: «...Получилъ ваши програмы. Программа хороша—и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» я скажу объ ней нѣсколько добрыхъ словъ во внушеніе почтеннѣйшей публикѣ; вообще для распространенія вашего журнала сдѣлаю все, что̀ можно...

«П, предлагалъ вамъ переводъ 2-й (лингвистической) части изъ сочиненія A. Maury, La terre et l'homme. Это находка для журнала, потому что въ этомъ сочиненіи (писанномъ хотя и французомъ, но совершенно нѣмецкой школы) сведены всѣ результаты, если можно такъ выразиться,—этнографіи лингвистики...

«Переводъ Беккера—мое мнѣніе—должно оставить, оговорившись, что-де спѣшимъ подѣлиться тѣмъ, что̀ получше и почище Беккера.

«Знаете-ли, что̀ мнѣ думается: вещь была-бы отличная, еслибы вы поручили кому-нибудь способному сдѣлать полное и подробное извлеченіе изъ «Воронежскихъ губ. Вѣдомостей», касательно матеріаловъ по исторіи словесности и народной старинѣ. Это дало бы вашимъ Запискамъ вѣсъ и въ глазахъ записныхъ археологовъ.

«...Только — ради Бога — не начинайте вы журнала старымъ избитымъ реторическимъ хламомъ въ родѣ ст. «Введеніе въ теорію словесности» (nisi fallor), потомъ на затычку и Яковъ Космичъ [1]) пойдетъ, а сначала слѣдуетъ явиться въ люди достойнымъ образомъ!»...

Въ другомъ письмѣ s. l. et a., вѣроятно того же времени, Котляревскій писалъ:

«...О Боппѣ [2]) — кого ни спрашивалъ — всѣ только улыбаются: снисходительно называютъ это мечтою, а люди крайніе — просто незнаніемъ современныхъ требованій; я и самъ — грѣшный человѣкъ — согласенъ съ первыми, тѣмъ болѣе, что и вашъ разсчетъ на студентовъ филологическаго отдѣленія не вѣренъ: во всѣхъ 5 нашихъ университетахъ Боппомъ интересуются не болѣе 5 человѣкъ; по крайней мѣрѣ за вѣрность этого вычисленія я относительно Москвы и Петербурга ручаюсь!

«О какомъ сочиненіи Гримма переписывались вы съ С—мъ? Если объ исторіи языка, то лучше не браться за ея переводъ; а ограничиться подробнымъ извлеченіемъ съ дополненіями касательно славянщины: для перевода нуженъ почти такой-же художникъ, какъ и самъ Гриммъ! Шлейхерово сочиненіе, первую половину котораго рекомендовалъ я вамъ для перевода, носитъ заглавіе: Die deutsche Sprache, 1860. Превосходная вещь, хотя

---

1) Амфитеатровъ. 2) Переводъ его хотѣлъ дать г. Хованскій.

и разругали Штейнталемъ, да вѣдь этотъ господинъ — самодуръ.

«Благодарю васъ дружески за доброе слово и постараюсь быть вамъ сколько можно полезнымъ: кромѣ обѣщанной статьи я *надѣюсь* прислать къ вамъ краткое обозрѣніе современныхъ явленій по языкознанію и пришлю непремѣнно 3 лекціи вступительныхъ изъ моего курса исторіи русской словесности... Содержаніе ихъ:

«1) Земля и народъ, бытъ русскихъ племенъ, языкъ и религія.

«2) Нравы и обычаи при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи, соотвѣтствующія имъ пѣсни и сказки. Пѣсни бытовыя (праздничныя).

«3) Эпосъ богатырскій: князь Владимиръ и его богатыри.

«Онѣ у меня отлитографированы, но я пополню и исправлю ихъ»...

Нѣсколько писемъ касаются тревогъ, причиненныхъ Кельсіевскимъ дѣломъ. Началось съ того, что однажды, при возвращеніи его изъ Петербурга, гдѣ у него завязывалось тогда много отношеній въ учено-литературномъ кругу, онъ за станцію до Москвы былъ захваченъ жандармами и по пріѣздѣ сдѣланъ былъ обыскъ въ его бумагахъ, въ которыхъ не оказалось ничего компрометирующаго. Въ концѣ письма, гдѣ объ этомъ разсказывается, онъ говоритъ: «Напишите мнѣ, пожалуйста, многоуважаемый Ал. Ан., какъ ваше дѣло. Статья моя готова вполнѣ я все же не даромъ ѣздилъ въ Петербургъ: она выйдетъ лучше, потому что я запасся новыми источниками»...

Въ другомъ письмѣ (отъ 9 октября, безъ года): «...Статья моя «О современномъ состояніи сравнительно-историческаго языкознанія» была почти совсѣмъ окончена, оставалось только передать въ цензуру и отослать вамъ, какъ меня постигло великое несчастіе, перевернувшее въ конецъ всю мою жизнь. Подъ гнетомъ этого несчастія я нахожусь еще и теперь, по истеченіи почти 8 мѣсяцевъ. Когда я вздохну свободно — не знаю, но первая мысль, первая забота моя будетъ—исполненіе обѣщанія от-

юсительно васъ. Думаю также прислать вамъ одну изъ своихъ корпусныхъ лекцій, наиболѣе обработанную (о русскихъ народныхъ книгахъ, и лубочныхъ изданіяхъ)»..

Въ другомъ письмѣ (безъ года и числа): «Вотъ я и на свободѣ... какъ все это сталось, разскажу на свободѣ, когда все это сдѣлается *воспоминаніемъ*, хотя сомнѣваюсь, чтобы когда-нибудь оно могло сдѣлаться воспоминаніемъ пріятнымъ.

«Итакъ — не станемъ говорить объ этомъ, а лучше поговоримъ о вашемъ *духовномъ чадѣ:* до сихъ поръ я не получилъ 1-й книги, гдѣ-то пропала—и я прочелъ по чужому экземпляру. Что вамъ сказать? Было бы все ладно, если-бъ не *переводъ Гримма*.

«За Гримма надо приниматься не только съ полнѣйшимъ, основательнымъ знаніемъ *духа* нѣмецкаго языка, но и съ талантомъ, и съ образованіемъ не менѣе широкимъ и многостороннимъ; а вашъ переводчикъ не знаетъ даже, что vôlva значитъ по скандин. прорицательница, вѣщая дѣва, наше сербское *вила*, русск. *вол-хвъ;* онъ смѣшалъ его съ латинскимъ vulva и перевелъ *ложесна!*

«Что же это такое? Вообще весь переводъ Гримма — выѣденнаго яйца не стоитъ. И какой злой духъ внушилъ вамъ отважиться на такое опасное и многотрудное дѣло!

«Статьи вамъ двѣ готовы: 1) о сравнительномъ языкознаніи и 2) о литературномъ значеніи лубочныхъ книгъ...

«Всѣ мои книги и бумаги—при моемъ погромѣ сброшены въ кучу и мнѣ не малаго труда стоитъ теперь разбирать ихъ...

«Буслаевъ говорилъ мнѣ, что послалъ вамъ статью *объ эпосѣ*. Коли вы дѣлали отдѣльные оттиски, то пришлите мнѣ *парочку*: мнѣ необходимо для уроковъ».

Еще въ одномъ письмѣ отъ того-же времени онъ пишетъ: «Извините меня... за неаккуратные отвѣты, все въ Петербургъ ѣзжу, *дѣла* подправляю, испорченныя извѣстнымъ вамъ погромомъ». Онъ даетъ наставленія, какъ должны быть сдѣланы оттиски его статей: «...статья, такимъ образомъ, составитъ цѣль-

ное сочиненіе. У меня теперь лежитъ на столѣ довольно большая статья «объ обработкѣ исторіи всеобщей литературы въ Россіи»... Напечатайте вслѣдъ за второю статьею о языкознаніи (въ томъ же нумерѣ), а въ оттискахъ подберите нумерацію страницъ съ той, на которой остановилась вторая статья о языкознаніи. Такъ какъ я думаю напечатать у васъ и статью о богатыряхъ и лекціи о народныхъ книгахъ, то все вмѣстѣ составитъ порядочный томикъ, къ которому потомъ, по окончаніи, приберемъ и общее заглавіе и оглавленіе статей. Конечно, все это не для продажи, а просто для моихъ знакомыхъ...

«Это—единственное вознагражденіе, которое я у васъ прошу, и надѣюсь, что вы исполните мое желаніе».

Опускаемъ нѣсколько писемъ и остановимся еще на одномъ, которое опять свидѣтельствуетъ объ его стараніи всячески помочь журналу. Котляревскій даетъ совѣты по изданію, предостерегаетъ отъ возможныхъ ошибокъ, заботится о корректурѣ, о матеріальной сторонѣ дѣла. Такъ въ письмѣ (отъ 11 ноября, вѣроятно 1863) онъ предостерегаетъ объ одномъ писателѣ: «...Онъ никогда ничего не дастъ, а если-бы и далъ, то такой непроходимой дичи и безсмыслицы и печатать не приходится, безъ опасенія самому не сойти съ ума.

«О сравнительной грамматикѣ мысль, покамѣстъ, оставьте: средства у васъ очень скудныя, изданіе идетъ плохо, хорошихъ знатоковъ почти вовсе нѣтъ, а если попросите кого-нибудь сдѣлать наскоро, то, повѣрьте, выйдетъ нѣчто въ родѣ В. Половцова или того господина, который у васъ переводилъ исторію нѣмецкаго языка Гримма. Если изданіе пойдетъ, то тогда можно будетъ серьезно объ этомъ подумать.

«Да извините, грѣшный человѣкъ, мнѣ все кажется, что не сегодня-завтра у васъ иссякнутъ рессурсы, и вы закроете изданіе. Напишите мнѣ, обезпечены ли у васъ средства печати на новый годъ, тогда я подумаю объ этомъ предметѣ серьезно и сообщу вамъ мои мысли: по моему, дѣло нужно вести нѣсколько иначе, чѣмъ оно велось доселѣ.

«Не робѣйте, дорогой мой, за матеріаломъ дѣло не станетъ, я смѣло обѣщаю вамъ не только свою, но надежную чужую помощь».

Переписка съ редакторомъ «Филологическихъ Записокъ» протянулась и на 1864 годъ. Въ письмахъ опять повторяются заботы о статьяхъ для журнала, своихъ и чужихъ, и о матеріальномъ положеніи изданія. Между прочимъ Котляревскій перечисляетъ работы, которыя должны занять мѣсто въ журналѣ:

«Статьи на сей годъ:

«Мои: 1) О русскихъ богатыряхъ (по поводу книги Майкова «о былинахъ Владимирова цикла»).

«2) О значеніи народной русской сказки.

«3) Нравы и обычаи русскихъ по Нестору.

«4) О лубочныхъ картинкахъ и народныхъ русскихъ книгахъ.

«5) Библіографическія справки и замѣтки.

«І. З. Зиновьева (моего ученика): Поэма о Нибелунгахъ.

«А. Н. Аѳанасьева: Миѳъ и сказка.

«Н. И. Стороженка: Объ идилліи (по Гумбольдту и Холевіусу).»

Вообще Котляревскій помѣстилъ въ «Филологическихъ Запискахъ» 1862—1864 цѣлый рядъ статей, которыя собраны во 2-мъ томѣ академическаго изданія [1]). Съ 1864 года Котляревскій надолго разстался съ «Записками», потому что его заняли другія работы и другое изданіе: это были работы въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ (съ 1864).

Но прежде чѣмъ онъ нашелъ здѣсь примѣненіе своей дѣятельности, въ 1863 году, онъ былъ, какъ мы говорили, въ крайне удрученномъ состояніи. Къ счастію, онъ нашелъ себѣ великую нравственную опору въ сочувствіи авторитетныхъ ученыхъ, которые давно цѣнили его, поддерживали его въ это тягостное для него время и придумывали средства дать его труду болѣе широкое приложеніе. Съ 1863 года идетъ его оживленная

---

1) Стр. 132—256.

переписка съ И. И. Срезневскимъ и А. А. Куникомъ: оба, еще раньше ему знакомые, высоко имъ уважаемые по ихъ обширнымъ знаніямъ и строгому складу ихъ изслѣдованій, теперь еще болѣе привязали его къ себѣ теплыми сочувствіями...

Въ началѣ 1863 года Котляревскій ѣздилъ въ Петербургъ хлопотать о своихъ дѣлахъ; здѣсь онъ узналъ между прочимъ, что его судьбой былъ заинтересованъ тогдашній министръ народнаго просвѣщенія (А. В. Головнинъ) и выражалъ желаніе сколько можно помочь ему. Вернувшись въ Москву, Котляревскій сообщаетъ объ этомъ Срезневскому, какъ о фактѣ хотя неопредѣленномъ, но достовѣрномъ: при свиданіяхъ Срезневскій высказывалъ большое участіе къ Котляревскому. Въ отвѣтъ на извѣщеніе послѣдняго Срезневскій сообщалъ ему о состоявшемся распоряженіи (которое тѣмъ временемъ стало уже извѣстно и въ Москвѣ), что Котляревскому разрѣшено поступить на службу, только не по учебнымъ вѣдомствамъ. «Не сердитесь, — писалъ Срезневскій (безъ года и числа), — что я такъ давно не писалъ вамъ: мнѣ хотѣлось написать вамъ что-нибудь положительное, и его не было. Нѣтъ, правда, ничего вѣрнаго и до сихъ поръ, но есть по крайней мѣрѣ нѣкоторыя указанія, чего пока не искать, на что не надѣяться. Такъ изъ прилагаемой записки вы увидите, что вамъ надобно избрать путь не учебный, а ученый. Богъ дастъ, это будетъ къ лучшему. Что касается до ученаго пути, то пока все зависитъ отъ Академіи. По совѣщанію съ А. А. Куникомъ я написалъ проэктъ объ изданіи сборника матеріаловъ для славянской древности, въ которомъ бы непремѣнною статьею была библіографія и матеріалъ для словаря славянскихъ древностей. Мой проектъ понравился Кунику. Если понравится и Академіи, то вамъ будетъ работа и постоянная, и сколько-нибудь выгодная. А между тѣмъ ради Бога спѣшите съ магистерствомъ, съ диссертаціей. Не отвлекайтесь отъ этого по возможности ничѣмъ, имѣя въ виду, что чѣмъ болѣе времени пройдетъ за этимъ, тѣмъ отдалите болѣе срокъ представленія докторской диссертаціи. По моему крайнему убѣжденію, только докторскій

дипломъ васъ можетъ обезпечить отъ непогодъ житейскихъ. Тогда откроется вамъ и университетъ и академическое кресло и спокойное занятіе наукой. Тѣмъ не менѣе совѣтую вамъ навести справки и по прилагаемой запискѣ: изъ-за чего вышло такое грустное для васъ рѣшеніе? Надо очистить себя отъ подозрѣній, оправдаться, обезоружить благопріятелей—только осторожно»... Онъ выразилъ надежду, что въ «Запискахъ» Академіи можно будетъ издать и новое обозрѣніе «старины и народности», которое предлагалъ Котляревскій.

На это письмо Котляревскій отвѣчалъ (отъ 4 мая): «Не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше доброе участіе въ моей судьбѣ! О тяжеломъ для меня рѣшеніи я зналъ уже изъ офиціальнаго извѣщенія и, потерявъ всякую надежду на лучшее будущее, рѣшительно упалъ духомъ. Ваше дорогое письмо поддержало меня и оживило. Время покажетъ, заслуживалъ ли я этого участія съ вашей стороны и съумѣю ли оправдать его; но во всякомъ случаѣ оно въ высшей степени дорого для меня, какъ единственная нравственная поддержка среди общаго холоднаго равнодушія къ моему несчастію, скажу болѣе, какъ призывъ къ труду и наукѣ въ то время, когда ослабленныя силы отказывались служить ей!.. Не думаю, чтобы теперь можно было чѣмъ-нибудь смягчить приговоръ, произнесенный надо мною: онъ идетъ не отъ какого-нибудь частнаго лица, а отъ самой высшей инстанціи, на которую не можетъ быть апелляціи. Просить суда, не имѣю никакой надежды, что дадутъ его—только даромъ тратить время и разстраивать свой душевный покой, и безъ того въ конецъ разстроенный! Я рѣшилъ—покориться судьбѣ и безъ ропота отвѣчать за чужіе промахи и прегрѣшенія»... Онъ самъ былъ увѣренъ въ необходимости магистерской степени, думалъ, что долженъ представить диссертацію даже въ текущемъ году; но сочиненіе (о которомъ онъ вѣроятно уже говорилъ съ Срезневскимъ) не налаживалось, и онъ просилъ у Срезневскаго совѣта. Работа слишкомъ затягивалась и онъ думалъ оставить тему для докторской диссертаціи, а пока задавался разными новыми

планами: «Есть у меня сочиненіе, оконченное еще прошлымъ лѣтомъ и предполагавшееся къ помѣщенію въ «Памятникахъ славянской старины и народности», изданіе которыхъ, однако, не состоялось. Сочиненіе это имѣетъ своимъ предметомъ до-историческій бытъ индо-европейскаго племени въ эпоху до раздѣленія его на отдѣльныя народности, и носитъ названіе: «Сравнительное языкознаніе и до-историческій бытъ индо-европейскаго племени». Объемъ его около 10 печатныхъ листовъ. Не смѣю много думать объ его ученыхъ достоинствахъ, но рѣшительно скажу, что ни одинъ изъ ученыхъ трудовъ европейскихъ не оставленъ мною безъ вниманія и возможнаго употребленія, славянскій матеріалъ сравнительно расширенъ — и онъ-то и составляетъ нѣчто самостоятельное въ трудѣ. Имѣя въ виду, что объ этомъ предметѣ не существуетъ у насъ ни одного сочиненія, ни одной статьи, а самый предметъ очень важенъ — нельзя ли представить этотъ мой трудъ какъ диссертацію на магистра, тѣмъ болѣе, что дѣло, какъ вы знаете, идетъ исключительно объ языкѣ. Если-бы это было возможно, то къ ноябрю мѣсяцу я успѣлъ бы переглядѣть весь трудъ снова и представить его въ нѣсколько достойной одеждѣ... Скажите, какъ—по вашему мнѣнію—быть, такъ оно и будетъ»...

Объ этой работѣ мы не встрѣчаемъ другихъ упоминаній, — если не были ея частью тѣ статьи о сравнительномъ языкознаніи, которыя нашли мѣсто въ «Филологическихъ Запискахъ». Впослѣдствіи, какъ увидимъ, Котляревскій пишетъ Срезневскому о другомъ планѣ магистерской диссертаціи.

Въ это же время онъ велъ довольно оживленную переписку съ А. А. Куникомъ, который также былъ заинтересованъ планомъ особаго сборника, гдѣ могъ бы работать Котляревскій. Объ этомъ нѣсколько разъ повторяется въ письмахъ; но они имѣли и другое содержаніе. Котляревскій уже является здѣсь компетентнымъ библіографомъ и антикваромъ: къ нему обращаются съ вопросами по поводу пополненія славянскаго отдѣла въ академической библіотекѣ, и онъ составляетъ списокъ дезиде-

ратовъ, отыскиваетъ книги, вмѣстѣ съ тѣмъ пополняетъ свою библіотеку. Между прочимъ нѣсколько разъ онъ посылаетъ книги по русской филологіи и этнографіи къ А. А. Кунику для пересылки извѣстному филологу Августу Шлейхеру. . . Въ перепискѣ затрогиваются разнообразные предметы исторіи, археологіи, этнографіи, ученыя новости, по которымъ обмѣниваются мысли: вопросъ о Краледворской рукописи, гдѣ Котляревскому кажется совершенно правымъ Фейфаликъ, указывавшій въ этомъ памятникѣ «полнѣйшее отсутствіе литературныхъ признаковъ старины, заключающихся, главнымъ образомъ, въ чистотѣ эпическаго стиля, который замѣненъ тамъ искусственною сентиментальностью»; старыя археологическія изслѣдованія Савельева; новый трудъ Гедеонова; Russisch-livländische Chronologie, по поводу которой онъ думаетъ, что «доброе вліяніе этого труда не ограничится точнымъ опредѣленіемъ хронологическихъ данныхъ, но будетъ способствовать и къ установленію этнологическаго взгляда на русскую исторію, взгляда, о которомъ почти и не думаютъ наши изслѣдователи»; статья Шлейхера: «Ein Kulturbild aus der indogermanischen Vorzeit» («Gartenlaube» 1862), которая, несмотря на краткость, ему очень нравится; сочиненіе Кёппена: «Ueber den Wald- und Wasser-Vorrath im Gebiete der obern und mittlern Wolga», 1841, которое ему хочется пріобрѣсти, и т. д. Лишь изрѣдка въ письмахъ этого года заходитъ рѣчь объ его личныхъ дѣлахъ. Въ одномъ письмѣ отъ іюля 1863, онъ проситъ: «сообщить рѣшеніе академической коммиссіи по поводу дѣла о словарѣ славяно-литовскихъ древностей. Я позволяю себѣ просить васъ объ этомъ сообщеніи изъ чисто практическихъ цѣлей: до осени—въ случаѣ одобренія коммиссіи—я успѣлъ бы заняться этими дѣлами и вообще, въ жизненномъ даже отношеніи, успѣлъ бы обстоятельно приготовиться къ нему». Вслѣдъ затѣмъ онъ пишетъ въ другомъ письмѣ: «не знаю, какъ и благодарить васъ за ваше доброе участіе въ моемъ дѣлѣ касательно предпріятія Академіи, но—скажу откровенно—мнѣ не вѣрится, чтобы все это сбылось такъ, какъ вы предполагали: до сихъ поръ я

такъ слабо заявилъ свое имя въ наукѣ, что мысль о допущеніи меня къ прямому участію въ этомъ важномъ дѣлѣ — должна показаться неисполнимою. Какъ бы то ни было — сбудется ли это, или нѣтъ — ваше довѣріе дорого для меня». . . «Позволю себѣ только утрудить васъ одною просьбою: какъ скоро Академія придетъ къ *какому-нибудь* опредѣленному рѣшенію, не оставьте увѣдомить меня парою словъ, чтобы я могъ знать, на что̀ надѣяться и на что̀ нѣтъ, тѣмъ болѣе, что Румянцовскій Музей предлагаетъ мнѣ мѣсто помощника библіотекаря и къ половинѣ августа я долженъ дать туда положительный отвѣтъ: хотя содержаніе тамъ мало до невозможности (всего 350 р. въ годъ), но отказываться мнѣ не приходится уже и потому, что ничего лучшаго, покамѣстъ, нѣтъ».

Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ, что намѣренъ издать еще въ теченіи года двѣ книги: «1) Собраніе памятниковъ и изслѣдованій по славянской старинѣ и народности, такъ около 40 печатныхъ листовъ; 2) Описаніе славянскихъ рукописей и старопечатныхъ книгъ, принадлежащихъ г. Солдатенкову. Первое уже поступило въ цензуру, а надъ послѣднимъ я тружусь въ настоящее время: оно не пойдетъ въ продажу». . .

Первое есть конечно то самое предпріятіе, о которомъ онъ въ то время переписывался съ г. Хованскимъ; но оно не состоялось. Въ письмѣ того-же времени (безъ указанія даты) читаемъ: «О моихъ работахъ не могу, пока, сказать ничего хорошаго: по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ дѣла съ цензурою и типографіею слишкомъ затянулись, такъ что̀ до сихъ поръ отпечатанъ только одинъ листъ». . .

Изъ Петербурга приходили сначала ожиданія, что дѣло можетъ устроиться, но въ концѣ концовъ выражалась только «надежда на лучшія времена»; дѣло не состоялось — по какимъ-то неяснымъ причинамъ.

Между тѣмъ Котляревскій занятъ былъ вопросомъ о магистерскомъ экзаменѣ. Въ 1864, весной и потомъ въ сентябрѣ, онъ обращается къ Срезневскому съ просьбой сообщить свѣ-

дѣнія о требованіяхъ при экзаменѣ на степень магистра славянской словесности. «Уставъ самъ по себѣ глухъ и неопредѣленъ... Могъ бы я гораздо легче и удобнѣе выдержать экзаменъ по разряду русской словесности, но не хочется отступать предъ тѣмъ, что́ труднѣе и, скажу прямо, къ чему болѣе лежитъ сердце»... Его затрудняла между прочимъ одна статья: «Это — иностранная словесность по отношенію къ славянской. Сколько извѣстно, этимъ предметомъ никто еще не занимался обстоятельно, — чего же можно требовать отъ магистра: самостоятельныхъ ли изслѣдованій, или вещей общеизвѣстныхъ? Вопросъ для меня темный: его можетъ разрѣшить знаніе обычаевъ экзамена въ Спб. университетѣ.

«Думаю не держать экзамена раньше представленія диссертаціи, а съ диссертаціей я, кажется, рѣшу очень просто: представлю свое разсужденіе о *вилахъ*, для котораго у меня собирались матеріалы уже года три; теперь они приведены въ порядокъ и слагаются въ стройное зданіе, недостаетъ только двухъ главъ: общаго введенія и общаго заключенія, но и онѣ будутъ скоро готовы»...

Онъ сообщаетъ программу этой работы, гдѣ должна была итти рѣчь о женскомъ элементѣ въ языческихъ миѳахъ сравнительно съ образованіемъ и значеніемъ женскаго рода въ языкѣ; — вилы у сербовъ, у болгаръ, у хорутанъ; свидѣтельства памятниковъ о вилахъ вообще; значеніе вилъ какъ стихійныхъ божествъ сравнительно съ другими стихійными божествами индоевропейскихъ племенъ; отношеніе вилъ къ русалкамъ, роженицамъ и полудницамъ. Общее заключеніе должно было говорить о томъ, на сколько въ этихъ о̀бразахъ отразился характеръ различныхъ народовъ, обусловленный природою страны и исторіей...

Въ томъ же письмѣ онъ извѣщаетъ Срезневскаго: «Въ журналѣ Московскаго Археологическаго Общества я буду имѣть удовольствіе представить вамъ статью «о погребеніи у языческихъ славянъ». Къ сожалѣнію, я не могъ воспользоваться многими статьями чешскихъ ученыхъ, помѣщенными въ Časopis Česk. Mus.

Въ цѣлой Москвѣ одинъ Бодянскій имѣетъ этотъ журналъ, да и то только для себя исключительно. Нѣтъ ли у васъ, многоуважаемый И. И., нѣкоторыхъ связковъ его и не сообщите ли вы... вашему покорному слугѣ хотя на недѣлю-другую!» [1]).

Передъ тѣмъ онъ писалъ (въ августѣ 1864) къ А. А. Кунику, съ которымъ у него постоянно велась бесѣда объ ученыхъ новостяхъ, старыхъ и новыхъ книгахъ, планахъ своихъ работъ. «... Благодарю васъ сердечно... за присылку вашего отчета о книгѣ Лингенталя. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю выхода самой книги, потому что этимъ предметомъ я нѣкогда долго и усиленно занимался... Отчетъ вашъ я поручилъ одному болгарину перевести на болгарскій языкъ и рукопись уже отправлена въ Константинополь, гдѣ будетъ напечатана въ историческомъ сборникѣ, издав. Славейковымъ». Онъ посылаетъ нѣсколько книгъ, о которыхъ замѣчаетъ: «*Новоболгарская Сбирка* и брошюра Безсонова — никогда не были и не будутъ въ продажѣ, а потому составляютъ библіографическую рѣдкость или вѣрнѣе *диковинку*. Двѣ другія брошюры: Кайсарова и Легисъ-Глюкзелига (съ которымъ когда-то вы имѣли такое жаркое дѣло) предлагаются вашему вниманію на всякій случай: *нѣтъ* ихъ у васъ — очень радъ служить ими, *есть* — передайте въ академическую библіотеку...

«И. Е. Забѣлинъ говорилъ мнѣ, что вы взяли на себя трудъ разработать этнологію скиѳовъ. Въ добрый часъ, да просвѣтлѣютъ подъ вашею легкою рукою сокровенные киммерійскіе мраки, въ которыхъ и я блуждалъ нѣкоторое время... По этому поводу предлагаю вашему вниманію статью Courtet-de-Lisle: ни въ одномъ изъ извѣстныхъ сочиненій о скиѳахъ и Скиѳіи я не находилъ ссылокъ на нее, а сама статья не особенно хуже прочихъ... Что бы Академіи издать хоть теперь собраніе историко-этнографическихъ сочиненій Кёппена: это былъ-бы прекрасный

1) На письмѣ помѣта Срезневскаго: «1864, сентябрь; отвѣч. въ февр. 1865».

памятникъ достойному ея сочлену. Съ крайнимъ нетерпѣніемъ ожидаю выхода «Русской истор. Библіографіи»: мнѣ хочется написать объ этомъ трудѣ статью, тѣмъ болѣе, что первые два выпуска, къ стыду русской литературы, не получили ни привѣта, ни даже простого поминанія»... «Slavica моей библіотеки округляется и пополняется: это, кажется, единственная отрада моей скучной жизни, о которой не могу сообщить вамъ ничего добраго: цѣлый годъ прошелъ въ тяжеломъ таскапіи по урокамъ»... Онъ занимался юридическими древностями славянъ, потомъ разсчитывалъ обработать сочиненіе объ ордаліяхъ и божьихъ судахъ, — а теперь третій мѣсяцъ боленъ летучимъ ревматизмомъ; въ обществѣ крайнее равнодушіе къ дѣламъ науки, «а ученые повально страдаютъ болѣзнью, извѣстною подъ названіемъ jalousie du métier»... «Я получилъ отъ Ивановскаго сочиненіе Тилезіуса фонъ-Тиленау для передачи гр. Уварову, которому и вручу лично въ концѣ этого мѣсяца. Любопытно бы было знать ваше мнѣніе объ этихъ новыхъ объясненіяхъ загадочной фигуры на монетахъ: для меня labarum столько же убѣдителенъ, сколько и ἐκκανίκιον гр. Уварова»...

Въ слѣдующемъ письмѣ (къ концу 1864) Котляревскій пишетъ о томъ, какъ ему пріятно было познакомиться съ г. Радловомъ (ѣхавшимъ тогда въ Сибирь), и продолжаетъ: «Есть у меня къ вамъ... одинъ небольшой вопросъ: не знаете-ли вы, какое заглавіе носитъ анонимная книга (въ 43 печатн. листа) Копитара, изданная въ 1836 г., на которую вы указываете въ сочиненіи: Aufklärungen über einige Punkte d. äusser. Gesch. des slawischen Evang. zu Reims (Mélanges russes, t. I, p. 79—80) и изъ которой отрывокъ «Ueber die Kirchenbücher der Russen» напечатанъ въ Ausland и въ журналѣ Кальтенбека? Бодянскій мнѣ говорилъ, что онъ имѣетъ эту книгу, но не только не показалъ ея, но даже и заглавія не хотѣлъ сказать... Въ автобіографіи Копитара объ этой книгѣ не говорится ничего»[1]).

---

1) Ср. объ этомъ «Библіологическій Опытъ» Котляревскаго (1881), § 44, примѣч. 106.

«М. П. Погодинъ далъ мнѣ оттискъ своего спора съ С. А. Гедеоновымъ, но едва ли доводы Погодина убѣдятъ Гедеонова, и вообще, кажется, поборники скандинавизма варяговъ, имѣя такого защитника, какъ Погодинъ, вправѣ сказать: Господи, освободи насъ отъ друзей, а съ врагами мы кое-какъ еще справимся!»...

Вопросъ о диссертаціи Котляревскій, наконецъ, рѣшилъ. Мы упоминали, что онъ намѣревался помѣстить въ журналѣ Московскаго Археологическаго Общества статью о погребеніи у языческихъ славянъ. Въ письмѣ къ Срезневскому [1]) онъ говоритъ: «Послѣ долгихъ блужданій относительно выбора предмета для магистерской диссертаціи, я окончательно остановился на небольшомъ участкѣ славянскихъ семейныхъ древностей, именно: «обычаи и обряды языческихъ славянъ при рожденіи, свадьбѣ и погребеніи»—вотъ точное обозначеніе предмета разсужденія, для котораго у меня довольно быстро накопляется матеріалъ и довольно правильно сортируется; одно, что̀ нѣсколько тревожитъ меня, это — неизвѣстность: подойдетъ ли этотъ предметъ подъ условія новаго устава... Не откажитесь, въ минуту досуга, сообщить мнѣ ваше мнѣніе какъ о предметѣ диссертаціи, такъ и объ удобопримѣнимости ея къ уставу». При этомъ онъ опять повторяетъ вопросъ относительно параграфа о «знаніи иностранной литературы по отношенію къ славянской».

Приведенныя подробности даютъ понятіе о тѣхъ разнообразныхъ интересахъ, которые увлекали Котляревскаго, несмотря на тяжелую неясность его личнаго положенія, которая дѣйствовала на него подавляющимъ образомъ. Это разнообразіе интересовъ было вмѣстѣ съ тѣмъ характерною чертой тогдашняго состоянія той науки, которой онъ хотѣлъ себя посвятить. Эта наука,—филологія со всѣми ея широкими развѣтвленіями и тѣсною связью съ науками сосѣдними, какъ миѳологія, археологія, этнографія, исторія литературы (все это—русское и славянское),

1) Отъ 30 апрѣля, безъ года, вѣроятно 1865.

дѣлала въ то время свои первые шаги: были, къ счастію, ученые большой силы, которые двигали эту науку; были ревностные любители; появилось новое поколѣніе преданныхъ дѣлу изыскателей, но задачи были такъ громадны и недочеты русской литературы такъ велики, что кромѣ спеціальной разработки отдѣльныхъ вопросовъ надо было думать и о томъ, чтобы установить научную цѣльность, и обобщая результаты и собирая предстоящіе вопросы, подготовить будущихъ дѣятелей къ болѣе сознательному труду и вмѣстѣ съ тѣмъ внести эти основныя понятія въ общую литературу, которая должна подготовлять и дѣятелей науки. Отсюда то увлеченіе, съ которымъ Котляревскій брался за самыя различныя области этой широкой науки и отсюда, между прочимъ, тотъ живой интересъ, который онъ принималъ въ возникшихъ тогда «Филологическихъ Запискахъ». Главные дѣятели стояли на уровнѣ науки, но они были на перечетъ; ихъ труды основывались на широкомъ знаніи, но это было ихъ личное знаніе: надо было познакомить литературу, хотя до нѣкоторой степени, съ европейскими авторитетами науки (таковы опыты переводить или излагать Гримма, Макса Мюллера, Вильгельма Гумбольдта, Альфреда Мори и пр.) и вмѣстѣ сдѣлать болѣе сознательнымъ то, что̀ давалось нашими, хотя замѣчательными, но стоявшими особнякомъ, изслѣдованіями. Укажемъ для примѣра извѣстное изслѣдованіе г. Буслаева о вліяніи христіанства на славянскій языкъ: оно упало въ русскую литературу какъ снѣгъ на голову; оно не было въ ней приготовлено ни чѣмъ; это было прямо примѣненіе новаго научнаго метода къ вопросамъ нашей древности, когда самое существованіе этого метода было извѣстно лишь двумъ-тремъ филологамъ. Подобнымъ образомъ въ другихъ случаяхъ новыя изслѣдованія являлись результатомъ единичной учености, не имѣя опоры въ нашей собственной литературѣ. Въ настоящее время, когда эти дисциплины уже бросили болѣе прочный корень въ нашей литературѣ, когда онѣ опираются на университетскихъ каѳедрахъ (сравнительное языкознаніе, санскритъ, исторія европейскихъ литературъ, археологія, частью даже

антропологія), положеніе науки является уже нѣсколько упроченнымъ; но не то было въ концѣ пятидесятыхъ и въ началѣ шестидесятыхъ годовъ: тогда именно надо было заботиться о выясненіи этого цѣльнаго состава новаго знанія, усвоивать литературѣ общія положенія науки, и безъ сомнѣнія этому движенію въ средѣ молодыхъ адептовъ обязано въ извѣстной мѣрѣ и введеніе новыхъ каѳедръ въ университетскую программу.

Подъ этими вліяніями развивалось у Котляревскаго это стремленіе къ энциклопедизму и къ исторіи науки: то и другое было именно важно, какъ научная пропедевтика, необходимая тамъ, гдѣ наука движется такими неровными шагами и скачками, какъ у насъ.

Съ 1864 года интересы Котляревскаго расширяются на область знакомую ему и раньше: она теперь пріобрѣтала себѣ новый правильный органъ. Въ этомъ году было задумано графомъ А. С. Уваровымъ основаніе Московскаго Археологическаго Общества. Въ Котляревскомъ онъ нашелъ самаго ревностнаго союзника и помощника. Гр. Уваровъ былъ съ юности страстнымъ любителемъ археологіи: нѣкогда онъ работалъ съ П. С. Савельевымъ по археологическимъ изслѣдованіямъ въ Ростово-Суздальской области; въ пятидесятыхъ годахъ въ Петербургѣ онъ принималъ дѣятельное участіе въ Петербургскомъ Археологическомъ Обществѣ; здѣсь положилъ онъ основаніе своему археологическому музею; переселившись въ Москву, онъ среди дѣятельности общественной не измѣнилъ любимымъ вкусамъ, много работалъ и собралъ вокругъ себя кружокъ людей, раздѣлявшихъ его интересы. Онъ возымѣлъ наконецъ мысль объ основаніи самостоятельнаго общества въ Москвѣ, которое объединило бы мѣстныя силы и дало возможность расширить археологическія работы, для которыхъ наше отечество представляло такое громадное поприще. Прежде, чѣмъ это дѣло могло осуществиться офиціальнымъ образомъ, у гр. Уварова съ начала 1864 года собирался небольшой кружокъ, который сталъ

посл҃ѣ зерномъ Московскаго Археологическаго Общества[1]): однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ членовъ этого кружка былъ Котляревскій. Весной 1864 года Котляревскій писалъ къ одному изъ петербургскихъ друзей объ этихъ планахъ основанія Общества: уставъ давно отправленъ въ Петербургъ и къ осени ожидалось его утвержденіе; предсѣдателемъ долженъ былъ быть графъ Уваровъ, секретаремъ Герцъ, членовъ пока еще не много. «Въ ожиданіи утвержденія Общество уже собиралось 5 разъ у Уварова, читались нѣкоторыя изслѣдованія, много было .... шуму изъ пустяковъ, но были и интересныя вещи; таковыми были чтенія Герца, Уварова, Степана Васильевича[2])—и азъ худый читалъ два раза: 1-ый, объ обработкѣ металловъ въ до-историческія времена у племенъ индо-европейскихъ; 2-ой, о скандинавскомъ кораблѣ на Руси. Чтенія заслужили общее одобреніе — и я радъ этому, по крайности будетъ какая-нибудь нравственная поддержка въ работѣ: одному трудиться и скучно, и тяжело». Впослѣдствіи обѣ эти работы нашли мѣсто въ изданіяхъ Московскаго Общества.

19-го сентября 1864 года уставъ Московскаго Общества былъ утвержденъ и съ этимъ началась для Котляревскаго новая хлопотливая дѣятельность. Общество тотчасъ предприняло свое изданіе: «Древности. Труды Московскаго Археологическаго Общества». Первый выпускъ, вышедшій уже въ 1865 году, печатался подъ наблюденіемъ Котляревскаго, который, какъ между прочимъ видно и изъ протоколовъ Общества, много работалъ и для изданія Общества и для расширенія его сношеній. Въ письмахъ Котляревскаго того времени остались упоминанія о тѣхъ трудностяхъ, съ какими приходилось ему встрѣчаться при редакціи изданія, о столкновеніяхъ съ учеными самолюбіями и т. п.; кромѣ графа Уварова, въ которомъ онъ находилъ дружескую поддержку, онъ особенно тепло отзывался о Ешевскомъ,

---

1) «Археологическія бесѣды у графа А. С. Уварова въ Москвѣ», ст. А. Герца, Спб. Вѣдомости, 1864, № 117.

2) Ешевскаго.

который между прочимъ относился съ живымъ участіемъ и къ его собственнымъ трудамъ. «Одинъ Ешевскій все принималъ близко къ сердцу, оттого такъ рано и снесли мы на покой этого честнаго человѣка. Послѣднимъ его чтеніемъ были послѣдніе листы нашего журнала; онъ радъ былъ ему какъ ребенокъ игрушкѣ, онъ не думалъ умирать и дней за шесть до кончины обѣщалъ мнѣ прислать *изъ-за границы* множество библіографическихъ статей: онъ точно уѣхалъ *за границу!*

«. . . . Дня черезъ два я отошлю къ Коршу нѣсколько словъ о немъ, какъ членѣ Археологическаго Общества, для котораго потеря его вполнѣ невознаградима». . .

Личныя дѣла Котляревскаго не поправлялись, но эти годы были наполнены у него оживленной дѣятельностью въ Археологическомъ Обществѣ, которое кромѣ «Трудовъ» предприняло вскорѣ новое изданіе, которое было уже вполнѣ дѣломъ Котляревскаго—«Археологическій Вѣстникъ».

Дѣятельность Московскаго Общества, безъ сомнѣнія, составитъ эпоху въ исторіи русской археологіи. Съ перваго своего возникновенія наша археологія вообще развивалась чрезвычайно медленно и неровно. Не поддержанная спеціальной университетской наукой, которая притомъ почти вплоть до тридцатыхъ или даже до сороковыхъ годовъ была вообще очень слаба, наша археологія была почти только дѣломъ личнаго любительства, потому дѣломъ случайнымъ и отрывочнымъ. Эта археологія не опредѣляла ни своей программы, ни способовъ изслѣдованія, и до основанія Археологическаго Общества въ Петербургѣ не имѣла и своего спеціальнаго органа и центра. Великолѣпное изданіе «Древностей Россійскаго Государства» было оазисомъ въ пустынѣ. Замѣчательные труды, появлявшіеся отъ времени до времени, какъ изслѣдованія Босфорскихъ древностей, какъ «Мухамеданская Нумизматика» Савельева, какъ опыты Снегирева и Мартынова и др., открывали широкое поле для будущихъ разысканій,—но, кромѣ того, что эти труды (какъ послѣдніе названные) бывали иногда исполнены ошибками или далеко не охватывали

матеріала даннаго вопроса, оставалось нетронутымъ, даже незамѣчаемымъ и неподозрѣваемымъ, цѣлое громадное поле, гдѣ предстояла работа наукѣ. Въ Московскомъ Обществѣ почти впервые явилось сознаніе этого положенія вещей и стремленіе поднять вопросъ археологической науки во всей его широтѣ, какъ по отношенію ко всему тому матеріалу, который требовалъ обозрѣнія, такъ и по научному методу, который долженъ былъ быть примѣненъ и установленъ. Дѣло было опять чрезвычайно трудное: со всѣхъ сторонъ воздвигались препятствія и недоумѣнія и Московское Общество старалось по крайней мѣрѣ указать на весь объемъ задачъ, предлежащихъ русской археологіи, и принять мѣры къ ихъ опредѣленію и рѣшенію. Прежде всего представлялся вопросъ о сохранности самихъ памятниковъ, которые гибли отъ невѣжества и нерадѣнія, ни кѣмъ не охраняемые или искажаемые: впослѣдствіи, какъ извѣстно, оно предприняло въ этомъ смыслѣ оффиціальныя ходатайства, которыя вѣроятно до нѣкоторой степени помогли остановить это зло. Нужно было далѣе заботиться о приведеніи въ извѣстность памятниковъ древности еще не разслѣдованныхъ, и объединить научныя силы къ общему дѣйствію на пользу науки: съ перваго года существованія Общества, въ его средѣ возникла мысль объ установленіи правильныхъ періодическихъ съѣздовъ, которые дѣйствительно открылись первымъ Археологическимъ Съѣздомъ въ Москвѣ, повторялись потомъ въ главнѣйшихъ городахъ Россіи и установленіе которыхъ составляетъ одну изъ великихъ заслугъ гр. Уварова для нашей археологіи. Нужно было, наконецъ, начать опыты археологическихъ изысканій на уровнѣ современныхъ задачъ и пріемовъ науки. Въ тогдашнемъ положеніи нашей археологіи «Труды» Московскаго Общества представили замѣчательное явленіе по той ревности, которая видимо одушевляла его дѣятелей и по тому разнообразію задачъ, которыя они себѣ ставили. Содержаніе «Трудовъ» было дѣйствительно весьма разнообразно: здѣсь нашли мѣсто самые различные отдѣлы археологической науки,— и археологія первобытная, археологія каменнаго вѣка, перваго

появленія металловъ, археологія миѳическихъ преданій, археологія антично-скиѳская, древне-христіанская, наконецъ собственно-русская въ ея различныхъ отрасляхъ и разныхъ мѣстностяхъ; въ библіографическихъ обзорахъ указывались главные труды археологической науки на Западѣ. Въ «Трудахъ» принимали участіе лучшія ученыя силы въ археологіи и близкихъ къ ней областяхъ науки: самъ предсѣдатель Общества, гр. Уваровъ въ тѣ годы работалъ въ особенности надъ памятниками древняго христіанскаго искусства; И. Е. Забѣлинъ сообщилъ подробный разсказъ о знаменитыхъ раскопкахъ, произведенныхъ имъ въ 1862 году въ Чертомлыцкомъ курганѣ и доставившихъ рядъ великолѣпнѣйшихъ скиѳскихъ древностей; Аѳанасьевъ и Потебня доставляли эпизоды изъ своихъ миѳологическихъ разысканій; принесли свои вклады Максимовичъ, Срезневскій, Калачовъ, Невоструевъ, Казанскій и т. д.; К. К. Герцъ доставлялъ обильныя библіографическія извѣщенія о новыхъ иностранныхъ книгахъ по разнымъ отраслямъ археологіи. Наконецъ много работалъ Котляревскій. Судя по протоколамъ этихъ годовъ, онъ дѣлалъ не мало докладовъ, которые вѣроятно предполагалъ, въ болѣе полной обработкѣ, помѣстить въ изданіяхъ, — но не всѣ однако появились потомъ въ печати.

Между прочимъ Общество заботилось о расширеніи и своихъ трудовъ, и вкуса къ археологіи, стараясь расширить кругъ своихъ членовъ. Въ Общество былъ избранъ и приглашенъ многочисленный кругъ ученыхъ и любителей археологіи — русскихъ, славянскихъ и иностранныхъ. Съ нѣкоторыми изъ нихъ Котляревскій завязалъ личныя сношенія — въ Петербургѣ (кромѣ прежнихъ сношеній со Срезневскимъ и А. А. Куникомъ) съ бар. В. Г. Тизенгаузеномъ, П. И. Лерхомъ, и въ Вильнѣ съ А. К. Киркоромъ и гр. Евстаѳіемъ Тышкевичемъ. Послѣдній именно въ это время переживалъ тяжкое испытаніе. Въ другомъ мѣстѣ [1]) мы имѣли случай говорить о судьбѣ Виленскаго

---

1) Исторія русской Этнографіи, IV, стр. 118—120.

археологическаго музея, который былъ созданіемъ Тышкевича, въ который вошли его собственныя богатыя коллекціи, и отъ котораго—при ревизіи, назначенной М. Н. Муравьевымъ—онъ былъ отстраненъ, подвергшись обвиненіямъ. Въ это время въ Москвѣ его избрали въ члены Археологическаго Общества, гдѣ вскорѣ появились его труды и гдѣ онъ былъ встрѣченъ съ большими сочувствіями. Нѣсколько писемъ его къ Котляревскому свидѣтельствуютъ о томъ, какъ отрадны были ему эти сочувствія.

Какъ скажемъ дальше, съ конца 1864 или начала 1865, Котляревскому открывались новыя надежды установить его оффиціальное положеніе; — пока онъ продолжалъ работать по археологіи и вообще по старинѣ. Переписка съ А. А. Куникомъ въ особенности возбуждала разнообразные ученые интересы, и Котляревскій дѣлился съ нимъ своими впечатлѣніями, желалъ его мнѣнія и совѣта. Въ маѣ 1865, Котляревскій пишетъ: «Что скажете вы объ изданіи «Бесѣдъ Фотія»? На меня эта книга произвела самое непріятное впечатлѣніе: когда я прочелъ *ученые* комментаріи св. отца Порфирія, мнѣ показалось, что я веду разговоръ съ Крамеромъ (sit venia nomini!) о прародинѣ Руссовъ, у меня изчезла всякая вѣра въ правильность его текста, мнѣ подозрительны и молотильщики и другія вещи. Можетъ быть, я и ошибаюсь [1]), но, къ сожалѣнію, не ошибаюсь на счетъ безобразія этнологическихъ понятій издателя: что это за Япетиды такіе и что за Слав-јоны, бѣсовская слава, что за новооткрытыя письмена и новоизобрѣтенный языкъ Руссовъ?? Напиши подобную чепуху напр. ...(NN), она была бы понятна, но при «Бесѣдахъ Фотія» она просто неприлична и вы, *первый* издатель Бесѣдъ, не хорошо поступите, если не предадите ученому позору это безобразіе»...

Передъ тѣмъ А. А. Куникъ сообщалъ Котляревскому, что одинъ швейцарскій ученый обратился къ нему съ вопросомъ:

---

1) Впослѣдствіи, текстъ Фотія у арх. Порфирія дѣйствительно оказался неточнымъ, а съ этимъ отпадалъ и его комментарій текста (напр. эти «молотильщики»),—не говоря объ его археологическихъ теоріяхъ.

существуютъ ли въ Россіи памятники въ родѣ тѣхъ, какіе называются во Франціи *дольменами*, и въ какихъ областяхъ Россіи они были замѣчены? Г. Куникъ полагалъ, что—нѣтъ, что по крайней мѣрѣ до сихъ поръ не было никакого вѣрнаго слѣда, и спрашивалъ Котляревскаго. Послѣдній отвѣчаетъ (въ томъ же письмѣ): ...«Теперь о *дольменахъ*. Сколько мнѣ извѣстно,— на русской территоріи они существуютъ только въ Тверской губерніи, Бѣжецкомъ уѣздѣ, и довольно обстоятельно описаны Глинкой (Рус. Истор. Сборн., ч. 1-я, кн. 2-я); сходство этихъ камней съ бретанскими и въ особенности съ извѣстнымъ *Карнакскимъ дольменомъ* поразительно: это—*pierres branlantes*; потомъ есть остатки каменныхъ циклопическихъ построекъ въ Лихвинскомъ уѣздѣ (см. Чтенія Общ. Ист. 1862, № 2, стр. 4), наконецъ Ворсо упоминаетъ въ своемъ письмѣ къ Merimé, что есть *дольмены* въ Крыму... Откуда взялъ онъ это извѣстіе, не знаю; можетъ быть, изъ Dubois de Montpereux? Вотъ все, что мнѣ извѣстно о циклопическихъ постройкахъ въ Россіи. Можетъ быть, онѣ находятся и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ, но «земля наша велика и обильна»...

«...Я сижу теперь за статьею для 2-го тома «Трудовъ Археологическаго Общества». Хочется тщательно осмотрѣть вопросъ «о языческомъ погребеніи славянъ». Къ сожалѣнію, охота смертная, да участь горькая: еще все, что писано по-нѣмецки, я могъ добыть, но раскопки на польской территоріи мнѣ рѣшительно недоступны, я не могъ даже достать книги Lippomana—Zastanowienie się nad mogiłami, Wilno, 1832. Нѣтъ ли этой книги у васъ? если есть, будьте до конца благодѣтелемъ, сообщите хоть на нѣсколько дней!.. Графъ А. С. Уваровъ говорилъ, что у Кёппена есть большое рукописное сочиненіе о курганахъ—правда ли это?

«На дняхъ (вѣроятно 2-го, 3-го іюня) получите вы первый томъ «Трудовъ» нашего Археологическаго Общества... Сообщите мнѣ, дорогой А. А., какъ найдете вы это новорожденное чадо: вѣдь оно выращено и воспитано мною!

«Гдѣ проведете вы лѣто и не будетъ-ли нужно вамъ чего отъ гр. Уварова: чрезъ двѣ недѣли я отправляюсь къ нему въ деревню, гдѣ и проведу около мѣсяца».

Статья для 2-го тома выросла въ цѣлую диссертацію, надъ которой въ эти годы Котляревскій работалъ усиленно, весьма методически, стараясь по возможности подобрать весь надлежащій матеріалъ. Книга Липпомана конечно нашлась въ Петербургѣ и была ему послана, также какъ и другая книга: Starożytności Galicyjskie, Жеготы Паули. Возвращая эти книги, Котляревскій писалъ А. А. Кунику въ январѣ 1866: «...Въ сочиненіи Липпомана для науки оказывается пригоднымъ не болѣе 10 строкъ, но для исторіи науки древности оно любопытно: на стр. 98 я встрѣтился съ мнѣніемъ, что Прокопіевы *Споры* были лишь буквальнымъ греческимъ переводомъ имени *Россіяне*, *Рось*, какъ Гельмольдовы *Holsati* — буквальнымъ нѣмецкимъ переводомъ слова *Деревляне* — отъ Holz? Прежде я думалъ, что Гедеоновъ *первый* возобновилъ мнѣніе нашихъ хронистовъ, а теперь выходитъ, что не онъ»...

Въ дальнѣйшихъ письмахъ продолжается ученая бесѣда. Въ началѣ 1867, Котляревскій писалъ къ А. А. Кунику [1]): «статья Милленгофа порадовала меня и пригодилась очень кстати, такъ какъ въ одномъ изъ засѣданій Общества мнѣ приходилось читать мемуаръ о скиоахъ вообще и первой скиоской раскопкѣ въ Россіи (извѣстіе о ней у Миллера, Ежемѣс. Сочиненія); для меня все яснѣе и яснѣе становится *не* чудское и *не* монгольское происхожденіе скиоовъ, но нельзя не раздѣлять и вашей ученой осторожности въ заключеніяхъ [2]): дѣйствительно, дѣло разъяс-

---

1) Письмо по обычаю безъ года и числа; помѣта: «получено 4 февр. 67».

2) Рѣчь идетъ о статьѣ Милленгофа Ueber die Sprache der pontischen Scythen. А. А. Куникъ писалъ Котляревскому (въ декабрѣ 1866): ...«Нѣтъ сомнѣнія, что Милленгофъ съ большимъ остроуміемъ и опредѣленностью установилъ иранскій элементъ въ скиоской и сарматской номенклатурѣ, и однако я еще не могу принять его главнаго положенія, что скиоы и сарматы—иранцы, до тѣхъ поръ пока мы не будемъ имѣть полнаго Onomasticon ponticum. Мнѣ кажется,—быть можетъ, я несправедливъ къ нему,—что онъ избѣгаетъ нѣко-

нится, когда собранъ будетъ скиѳскій ономастиконъ, а что онъ собранъ будетъ обстоятельно, за это можетъ поручиться ученая Gründlichkeit Бонneля. Въ извѣстіи о раскопкѣ Мельгунова (у Миллера) не приложено рисунковъ — сохранились ли они вообще? У гр. А. С. Уварова я — лѣтъ пять тому назадъ — видѣлъ какое-то неоконченное изданіе Эрмитажныхъ или Академическихъ древностей, гдѣ между прочимъ и рисунки Мельгуновской раскопки; на мои просьбы Уваровъ обѣщалъ отыскать мнѣ изданіе, но у него голова такъ полна земствомъ, рекрутскими наборами, мировыми съѣздами, что врядъ ли онъ когда удовлетворитъ меня... Обращаюсь потому къ вамъ, дорогой А. А., съ покорнѣйшею просьбою: не знаете ли вы чего объ этомъ изданіи и нѣтъ-ли въ архивѣ Академіи экземпляра, который можно бы было пріобрѣсть»... Затѣмъ новыя книжныя просьбы: «во всей Москвѣ» нѣтъ полнаго изданія Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft d. Wissensch., гдѣ ему нужна статья Арнольда: Nachricht von einigen in Böhmen entdeckten heidnishen Grabhügeln, съ примѣчаніями Добровскаго (1803 или 1804); о разныхъ другихъ, старыхъ и новыхъ книгахъ.

Въ другомъ письмѣ къ А. А. Кунику [1]) Котляревскій говоритъ: ...«Какъ вамъ показался мой «Археологическій Вѣстникъ», говорю: *мой*, потому что не только въ него никто не мѣшается, но даже и средства изданія изобрѣтены мною безъ всякаго участія со стороны Уварова». Раньше онъ писалъ, что этотъ небольшой журналъ имъ «выдуманъ для оживленія засыпающаго нашего Археологическаго Общества». Мы говорили уже о разнообразномъ и живомъ содержаніи этого изданія, которое прекратилось потомъ, когда Котляревскій оставилъ Москву.

Въ связи съ Археологическимъ Обществомъ, какъ выше

торыхъ именныхъ формъ. Кромѣ того при рѣшеніи вопроса не долженъ быть совсѣмъ оставленъ безъ вниманія и этическій моментъ въ цѣлой исторіи скиѳовъ и сарматовъ».

1) Помѣта: «получено 9 іюня 1867».

упомянуто, начались сношенія Котляревскаго съ археологами Западной Россіи; отчасти и его собственныя занятія приводили его къ западно-русской археологіи. Переписка съ Киркоромъ повела, вскорѣ потомъ, къ очень дружескому знакомству въ Петербургѣ. Оставивъ по необходимости изданіе «Виленскаго Вѣстника», Киркоръ въ концѣ шестидесятыхъ годовъ предпринялъ въ Петербургѣ изданіе «Новаго Времени»,—но изданіе не имѣло успѣха, дѣла его окончательно разстроились и онъ выѣхалъ въ Краковъ, гдѣ и умеръ въ семидесятыхъ годахъ. Это не былъ строгій ученый, но большой практическій знатокъ Западнаго края и одинъ изъ немногихъ, изучавшихъ его въ археологическомъ отношеніи. Въ Краковѣ, археологія осталась его главнымъ интересомъ: при всемъ бѣдственномъ матеріальномъ положеніи здѣсь, онъ продолжалъ работать, особливо по археологіи, изслѣдуя пещеры и «жальники» и т. д. Его письма къ Котляревскому, любопытныя и для его собственной біографіи за краковское время, заключали обыкновенно и цѣнныя археологическія указанія, съ обильнымъ знаніемъ польской литературы предмета. Мы не имѣли писемъ Котляревскаго къ Киркору, но отвѣтныя письма послѣдняго даютъ любопытныя черты этихъ сношеній и тогдашняго положенія археологическихъ интересовъ въ Западной Россіи, которые стали близки Московскому Археологическому Обществу.

Въ 1865, Киркоръ писалъ Котляревскому, еще изъ Вильны (отъ 27 октября): «Къ крайнему сожалѣнію, убійственныя занятія по редакціи въ послѣдніе годы оттолкнули меня отъ многихъ дѣятелей по части археологіи, съ которыми я былъ въ постоянной перепискѣ, почти во всѣхъ славянскихъ земляхъ. Вотъ почему нынѣ, возстановляя понемногу эти сношенія, которыхъ всегда душа жаждала, я очень обрадовался вашему письму, хотя и больно мнѣ, что не могу вполнѣ исполнить вашего порученія. Вы, конечно, съ трудомъ повѣрите, что въ настоящую минуту въ Вильнѣ нельзя достать польскихъ книгъ. Дѣло въ томъ, что всѣ книгопродавцы услали всѣ вообще польскія изданія въ

Варшаву. Въ музеумѣ конечно есть, но мы, старые дѣятели, яко неблагонадежные, не имѣемъ уже ничего общаго съ музеумомъ... Графъ (Евстаѳій Тышкевичъ) уже получилъ отставку и поселился въ Ригѣ. Бѣдный старикъ! Не долго онъ проживетъ въ разлукѣ съ своимъ музеумомъ»... «Я бы вамъ не совѣтовалъ переводить Ласицкаго. Онъ устарѣлъ. Ласицкій, Богушъ, Покѣва, Нарбуттъ, Крашевскій, Лелевель, Трентовскій были нашими учителями въ отношеніи литовской миѳологіи. Но теперь Микуцкій и Анелевичъ хотятъ перевернуть все вверхъ дномъ. Впрочемъ и у нихъ нѣтъ ничего положительно вѣрнаго. Они опроверженія свои основываютъ исключительно на лингвистикѣ, но плохо знаютъ исторію и этнографію, а объ археологіи не имѣютъ никакого понятія». На первый разъ Киркоръ, очевидно на запросы Котляревскаго, посылалъ ему книги свои и Тышкевича и въ концѣ письма сообщалъ множество библіографическихъ указаній по польской археологіи.

Въ 1866, отъ 12 мая, Киркоръ переслалъ Котляревскому записку (не нашедшуюся въ бумагахъ) гр. Евстаѳія Тышкевича. «Изъ нея вы увидите, какъ трудно человѣку, посвятившему всю жизнь тревожной дѣятельности, примириться съ уединеніемъ и бездѣйствіемъ. Вотъ онъ опять мечтаетъ. Впрочемъ я не скажу, чтобы проектъ былъ неудобоисполнимъ, ежели найдется сочувствіе и ежели заинтересуются такія лица, какъ напр. Перовскій. Не знаю, какія ваши отношенія къ Этнографической выставкѣ — но во всякомъ случаѣ вы одни съумѣете этому дѣлу дать ходъ. Грустно было-бы старику, еслибъ это не было напечатано... Смѣло обращаюсь къ вамъ, какъ къ человѣку, который цѣнитъ заслуги и захочетъ утѣшить труженика. Графъ окончательно передалъ музеумъ (какъ будто казенную собственность) новымъ... дѣятелямъ, во главѣ коихъ — Б., и получилъ квитанцію. Попросили *даже* позволенія поставить бюстъ графа, какъ основателя. Странно, недавно провозглашали чуть-чуть не мятежникомъ, а теперь хотятъ увѣковѣчить его память. Графъ живетъ теперь въ Боржахъ, — это великолѣпный замокъ

Михаила Тышкевича, съ библіотекою и картинною галлереею— богатый кабинетъ драгоцѣнностей, называемыхъ рѣдкостями. Вы увидите, что онъ ежели поживетъ нѣсколько лѣтъ—соберетъ новый музеумъ. Опять разрываетъ курганы, опять несутъ къ нему со всѣхъ сторонъ что у кого есть изъ древности. А надобно вамъ сказать, что Жмудь и особенно сторона, гдѣ Борже, почти не тронуты для археологіи. Любопытна коллекція этнографическая, которую онъ уже собираетъ на выставку. Такъ напр. инструменты такіе-же, какъ во времена Витовта. Народъ и теперь поетъ про похищеніе Бируты, про умерщвленіе Кейстута, про богиню Мильду и т. д. Сколько работы! Да какъ работать при военномъ положеніи.

«Графъ вышлетъ вамъ изъ Боржъ три экземпляра видовъ музеума, какимъ онъ былъ до казеннаго преобразованія. Передайте одинъ экз. гр. А. С—чу, другой для васъ, а третій кому хотите».

Въ письмѣ отъ 25 авг. 1866, Киркоръ извѣщаетъ о возвращеніи въ Москву г. Безсонова и объ отъѣздѣ А. И. Забѣлина, преемника Киркора по редакціи «Виленскаго Вѣстника».

Отъ 30 мая 1867, изъ Вильны, Киркоръ пересылаетъ Котляревскому письмо черезъ графа Константина Тышкевича, брата Евстаоія, также человѣка съ учеными заслугами. «Во имя того братскаго вниманія и дружескаго расположенія, которыми вы меня удостоиваете, я обѣщалъ графу, что вы не откажете ему быть путеводною звѣздою въ Бѣлокаменной. . . Я увѣренъ, что вы и графъ А. С. полюбите этого прекраснаго, благороднѣйшаго изъ людей, этого феноменальнаго во многихъ отношеніяхъ человѣка, умѣвшаго съ опытностью старца сохранить юношескій жаръ, современность взгляда и любовь къ наукѣ, такую любовь, что для нея онъ готовъ на всякую жертву. . . Графъ Конст. П., изъ всѣхъ насъ здѣшнихъ археологовъ, болѣе всего можетъ быть вамъ полезенъ, потому что и знанія и положеніе его вполнѣ тому способствуютъ, а о желаніи и говорить

нечего». . . . Самъ Киркоръ очень интересуется московскими археологическими работами, между прочимъ описаніемъ Кіева (Закревскаго): «потому что у меня въ головѣ огромное предпріятіе: издать археол., географ., истор., этногр. словарь Литвы и Западной Россіи». Это предпріятіе не осуществилось, но Киркоръ сталъ позднѣе сотрудникомъ «Живописной Россіи» (подъ редакціей П. П. Семенова) по Сѣверо-западному краю.

Въ Москвѣ, Котляревскій оказалъ Тышкевичу любезное ученое гостепріимство; отсюда польскій археологъ отправился въ Петербургъ, и Котляревскій обратилъ его къ А. А. Кунику. «Онъ (гр. Тышкевичъ), — писалъ Котляревскій въ іюнѣ 1867, — просилъ меня доставить ему случай познакомиться съ вами, и я исполняю это тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что это—человѣкъ просвѣщенный, археологъ по страсти, добрый по душѣ и обладающій отличнымъ музеемъ древностей и любопытными литовско-русскими историческими документами». . .

Въ бумагахъ Котляревскаго сохранилось нѣсколько писемъ гр. К. Тышкевича, которыя остались свидѣтельствомъ ихъ ученаго дружества. Вернувшись домой, Тышкевичъ писалъ (отъ 21 іюня, 1867, изъ Логойска)—на нѣсколько неправильномъ русскомъ языкѣ: «Послѣ долгаго странствованія, я наконецъ вновь у себя дома, посреди моей семьи.

«Возвратившись на родину, я съ радостью разсказываю землякамъ, что среди москвичей я встрѣтилъ ту братнюю привѣтливость, которую мы такъ напрасно ищемъ у себя; разсказываю имъ, что для людей, трудящихся (=занимающихся) наукою, я нашелъ среди васъ ту признательность (= признаніе), которая укрѣпляетъ духъ и побуждаетъ людей къ полезному трудолюбію.

«Глубоко проникнутый этимъ чувствомъ, мысль моя постоянно обращается къ вамъ, неоцѣненный А. А.; я постоянно разсказываю то расположеніе ваше ко мнѣ и то откровенное и истинно дружеское обращеніе со мною, которое оставило на мнѣ неизгладимое впечатлѣніе»...

Въ «Археологическомъ Вѣстникѣ» напечатаны были нѣско-

торые труды К. Тышкевича, который кромѣ того сообщалъ въ письмахъ археологическія замѣтки, между прочимъ по поводу замѣчаній, сдѣланныхъ на его статью Котляревскимъ и гр. Уваровымъ (отъ 18 марта 1868).

Въ эти годы изданіе археологическаго журнала повело и къ другимъ ученымъ сношеніямъ: дѣятельнымъ корреспондентомъ Котляревскаго былъ извѣстный П. И. Лерхъ; онъ былъ въ сношеніяхъ съ дерптскимъ профессоромъ, археологомъ Гревингкомъ, В. Г. Тизенгаузеномъ и пр. Археологія не исключала и другихъ работъ: въ 1865, онъ принималъ участіе въ издаваемомъ тогда «Книжномъ Вѣстникѣ». Давно начались его дружескія отношенія съ Н. И. Костомаровымъ. Кромѣ интереса замѣчательной и оригинальной личности, Котляревскаго связывали съ Костомаровымъ малорусскія сочувствія. Котляревскій не былъ украинофиломъ въ позднѣйшемъ смыслѣ слова; но онъ сохранилъ теплую привязанность къ родинѣ и малорусская этнографія была однимъ изъ самыхъ близкихъ ему предметовъ занятій. Между прочимъ Котляревскій сообщилъ Костомарову замѣчательный сборникъ думъ, которымъ послѣдній воспользовался потомъ въ своихъ работахъ о малорусскомъ пѣснотворчествѣ; въ бумагахъ его сохранились и другіе сборники малорусскихъ пѣсенъ. Котляревскій принялъ нѣкоторое участіе въ журналѣ «Основа» статьею о томъ: «были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ» [1]). Пріятельство съ Костомаровымъ, которое, въ пріѣзды Котляревскаго въ Петербургъ, поддерживалось живыми бесѣдами съ примѣсью малорусскаго юмора и шутки, это пріятельство выразилось и въ одномъ литературномъ предпріятіи, которое впрочемъ не было доведено до конца. Именно, Костомаровъ, который началъ тогда изданіе своихъ монографій, думалъ повторить изданіе своей старой «Славянской Миѳологіи», напечатанной нѣкогда въ Кіевѣ (1847) церковно-славянскимъ шрифтомъ—

---

1) Ср. объ этомъ спорѣ въ «Исторіи р. Этнографіи», III, стр. 319—324.

для большей архаичности, — но не вышедшей тогда въ свѣтъ и извѣстной лишь немногимъ любителямъ; но такъ какъ съ тѣхъ поръ явилось не мало новыхъ изслѣдованій, которыя должны были во многомъ измѣнить прежнія положенія Костомарова, то Котляревскій взялъ на себя составить дополнительныя примѣчанія. Намъ привелось тогда видѣть это изданіе доведеннымъ до начала примѣчаній, — но не знаемъ, почему оно не было выпущено въ свѣтъ и, повидимому, не было и докончено.

Къ 1863 восходитъ начало дружескихъ отношеній Котляревскаго къ ветерану малорусской учености, М. А. Максимовичу. Отъ 1 мая этого года имѣется большое письмо Максимовича, гдѣ онъ благодаритъ Котляревскаго за книжныя посылки, высказываетъ горячія пожеланія успѣховъ, дѣлаетъ замѣчанія о «Старинѣ и народности», о старобытности малорусскаго народа въ Малороссіи, возражаетъ противъ тогдашнихъ сближеній Владимира съ миѳическимъ Волотомъ, сообщаетъ нѣкоторыя подробности народныхъ преданій—«для вашей будущей миѳологіи южнорусской». Далѣе: «Много удовольствія себѣ ожидаю отъ вашего изданія Украинскихъ Казокъ. Къ великому прискорбію, не имѣю уже ничего у себя для прибавки къ нимъ: все, что́ было собрано у меня, я давно пораздавалъ здѣшнимъ молодымъ собирателямъ и любителямъ украинской народности»... Наконецъ, онъ проситъ Котляревскаго, если онъ еще не началъ печатать своего сборника, никакъ не употреблять новѣйшаго малорусскаго правописанія: «ради самого Дажбога языческаго и Владиміра христіанскаго не держитесь этого гнуснаго правописанія, котораго не любилъ и покойный Тарасъ [1]) и за которое вознегодовалъ бы покойный Грицько [2])»... «Отвращаю васъ отъ этого еще именемъ вашего соименника, если не родича, Котляревскаго, первоначальника нашей украинской словесности. Не продолжите же для потомковъ этого нелѣпаго правописанія»... Но самое изданіе сказокъ тоже не состоялось.

1) Шевченко.
2) Квитка.

Максимовичъ принялъ участіе въ трудахъ Московскаго Археологическаго Общества, именно въ «Вѣстникѣ»; это дало поводъ къ новому обмѣну письмами. Въ одинъ пріѣздъ Максимовича въ Москву, они познакомились лично и дружескія отношенія еще болѣе утвердились. Отмѣтимъ изъ дальнѣйшихъ писемъ одно, отъ 11 февр. 1868, когда уже рѣшенъ былъ переѣздъ Котляревскаго въ Дерптъ:

«Ради честной масляницы, простите меня, коханый земляче, за мою долгую безотвѣтность на ваше любезное мнѣ посланіе. Причинъ тому было много, — важныхъ для меня и не видныхъ для другихъ. Посланныя мнѣ отъ Общества книги я получилъ на *саму голодню кутю*, и зачитался, начитался ихъ досыть. «Древности» своимъ содержаніемъ, еще невѣдомымъ для меня, чрезвычайно заняли меня. О книгѣ Закревскаго вы сказали совершенно вѣрно. Во всякомъ случаѣ, она замѣчательна и стóитъ благодарности, какъ автору за трудъ, такъ и Обществу за коштъ на ея изданіе. Мелочная и привязчивая полемика его была бы сноснѣе, еслибъ она была подпольная, въ примѣчаніяхъ; но ведомая въ самомъ текстѣ, она утомляетъ вниманіе и вредитъ чтенію. За нѣкоторыя невоздержныя противъ меня выходки и за напрасныя нареканія на другихъ достойныхъ уваженія кіевоописателей, я уже перевѣдался немножко въ моихъ *Письмахъ о Кіевѣ* и въ *Письмѣ о м. Евсиніѣ*. Удивляюсь, какъ можно на старости быть такъ опрометчивымъ[1]). Вѣдь онъ только годомъ моложе меня! Писать въ поправленіе его писанія можно бы мнѣ очень много; но въ запискахъ Археологическаго Общества это было бы неумѣстно; а къ тому же и вы, къ сожалѣнію, отдаляетесь отъ Общества, хоть въ другомъ отношеніи и радуюсь новому поприщу вашему, на новомъ мѣстѣ. Просвѣтите Нѣмоту славянщиной!... Нѣкогда на эту катедру я готовилъ для Кіева даровитаго Вернадскаго, но къ сожалѣнію его отвлекли политич. экономіею, и ничего не

---

1) О трудахъ Н. В. Закревскаго въ «Исторіи р. Этнографіи», III, стр. 343—347.

вышло изъ него для науки; а прислали на каѳедру славянскую Яроцкаго — и неумѣстнаго и . . . . .; и эта каѳедра пропадаетъ доселѣ. Вотъ если бы вамъ, пробывъ годикъ въ Нѣметчинѣ, да въ Кіевъ!... Во всякомъ же мѣстѣ — да будетъ вамъ хорошо и благоуспѣшно!.... Сего желаю отъ полноты моего сердца». Максимовичъ говоритъ дальше о своемъ намѣреніи сдѣлать новое изданіе Слова о полку Игоревѣ, и продолжаетъ: «Если когда-нибудь попадется мнѣ подъ руку и если еще не пропала она—вторая часть моихъ *Начатковъ* Р. Ф., то я охотно вамъ подарю ее на новоселье. Она уже и подписана была въ Кіевѣ тѣмъ цензоромъ 2-й книги «Кіевлянина» моего, не пропустившимъ Палладія Роговскаго, о которомъ покойный Надеждинъ писалъ мнѣ изъ Одессы такъ: «скажи своему цензору, что онъ дуракъ». . . . .

«Для диссертаціи вашей я не имѣлъ случая что-нибудь вытать на этой недѣлѣ: ни единой души не видѣлъ знающей, а моей прежней Шехеразады нѣтъ уже. . . А что въ моей памяти сохранилось, то вѣрно вамъ извѣстно все. Не выносятъ снитья изъ хаты, пока не опустятъ покойника въ могилу. А когда несутъ его изъ хаты въ домовинѣ — тотчасъ вслѣдъ за нимъ — сыплютъ *житомъ* отъ сѣней до воротъ, которыя и затворяются тотчасъ. А потомъ сидятъ бабы всю ночь надъ *кануномъ* или коливомъ и ждутъ, пока прилетитъ душа покойнаго въ видѣ мушки съ бѣлой головкой—отвѣдать кануну: тогда уже и жинки починають ѣсти и запивать горѣлочкою. (О третинахъ, девятинахъ и сороковинахъ, помню, есть писано въ предмовѣ Захаріи Копыстенскаго. Взглянуть бы вамъ на ту книгу, а также нѣтъ ли чего и въ Требникѣ Могилинскомъ). Ну-те, и то вамъ небезъизвѣстно, что покойнику затыкаютъ за поясъ хустку съ завязаннымъ въ ней шагомъ: шагомъ — откупиться отъ смерти на первомъ мытарствѣ, а хусткою утертись отъ пылу земного при воскресеніи изъ мертвыхъ. Et cetera, и т. п. Поможи, Боже, всѣмъ вашимъ трудамъ во благо науки и просвѣщенія.

«Не можете ли вы меня надѣлить вторымъ томомъ Славян. Словаря Востокова: 1-й томъ я вывезъ еще изъ Москвы, а

2-го и доселѣ не дождусь отъ кіевскаго Литова, все съ году на годъ выписываетъ, и надуваетъ; а мнѣ совѣстно не видать его доселѣ, также какъ и Далевскаго, о немъ же недавно была рѣчь ваша въ публичномъ засѣданіи Общества, моимъ усиліемъ возбужденнаго отъ долгаго сна. Тамъ я съ вами я имѣлъ удовольствіе познакомиться. Прощайте!

«Да й усѣ прощайте, да й не забувайте:
Коли ваша ласка, мене споминайте!
Споминайте-жъ мене, хочъ мислями,
Споминайте-жъ мене, хочъ устами!
Споминайте мене—добрими словами:
Я-жъ бувъ хлопець добрий мѣжъ вами!»

«Чи доводилось чуть таку пѣсню?»

Но далеко не всѣ относились такъ къ Котляревскому и въ московскомъ учено-литературномъ кругу. «Кельсіевское дѣло» продолжало тяготѣть надъ нимъ и своими прямыми послѣдствіями, закрывая ему службу въ учебномъ вѣдомствѣ, и не менѣе того косвенно, давая поводы клевстать на него людямъ, которые въ охранительномъ усердіи желаютъ превосходить самую полицейскую власть. Это обнаружилось однажды въ кругу московскаго Общества любителей россійской словесности, о которомъ упомянуто было сейчасъ въ письмѣ Максимовича. Котляревскій принималъ живѣйшій интересъ въ работахъ этого Общества, которому могъ быть только полезенъ своими разнообразными познаніями и живой дѣятельностью,—но ему привелось и здѣсь встрѣтиться съ тупымъ недоброжелательствомъ. Тотъ же современникъ и туземецъ, на котораго мы уже ссылались, разсказываетъ объ этомъ слѣдующее: «Въ числѣ «любителей» (членовъ Общества) было тогда еще не мало одряхлѣвшихъ обломковъ «временъ очаковскихъ», уцѣлѣвшихъ отъ до-реформеннаго періода; кромѣ того, послѣ возрожденія Общества въ немъ одно время подбирались сторонники славянофильства, внесшіе въ него духъ партіи и нетерпимость. Котляревскому пришлось испытать это

на себѣ. Не зная даже путемъ, какіе за нимъ есть грѣхи, иные изъ москвичей вообще подозрительно смотрѣли на него; невоздержность его въ сужденіяхъ, разносимыхъ сплетнею, и печатно высказанное раньше порицаніе узкому націонализму вызвали въ извѣстныхъ слояхъ глухую вражду». Она въ то же время обрушивалась и на извѣстнаго А. Н. Аѳанасьева... Но въ Обществѣ была также группа, которая очень цѣнила того и другого. Котляревскій былъ членомъ Общества съ 13 марта 1865, и въ предсѣдательство Н. В. Калачова былъ въ числѣ членовъ редакціонныхъ комитетовъ.

«Котляревскій, — продолжаетъ Алексѣй Н. Веселовскій,—слишкомъ очевидно для всѣхъ ратовалъ за разнообразіе и научную серіозность работъ Общества, содѣйствовалъ изданію имъ «Толковаго Словаря» Даля и привѣтствовалъ его окончаніе[1]), участвовалъ въ публичныхъ чтеніяхъ и въ журналѣ Общества, составлялъ содержательные годовые отчеты, полные проектовъ важныхъ работъ. Такого неутомимаго труженика нельзя было не выбрать въ секретари—и, несмотря на оппозицію, Котляревскій былъ выбранъ. Каждый подобный фактъ, какъ бы мелокъ онъ ни былъ, приближалъ его къ полной реабилитаціи. Но и тутъ не обошлось безъ обиды; видно было, что искупленіе все еще считалось незаконченнымъ.

«Это было въ предсѣдательство Погодина. Одинъ изъ его присныхъ, бывшій масонъ, а потомъ извѣстный сельско-хозяйственный дѣятель С. А. Масловъ, по непонятнымъ литературнымъ заслугамъ попавшій въ Общество словесности, не затруд-

---

1) «Толковый Словарь живáго великорусскаго языка, В. И. Даля» — въ «Бесѣдахъ въ Общ. любителей росс. словесности при Импер. Моск. Университетѣ», вып. 2-й, М. 1868, отд. II, стр. 91—94.

Другія статьи Котляревскаго, имѣющія отношеніе къ Обществу: «Слово о послѣдней дѣятельности Общества люб. росс. словесности», и «Публичное засѣданіе Моск. Общества люб. росс. словесности, 17 ноября 1863 г.», во 2-мъ томѣ академическаго изданія, стр. 13—20. Въ первомъ выпускѣ «Бесѣдъ» была помѣщена его «Замѣтка о трудахъ Ѳ. Н. Глинки по наукѣ русской древности» (1867, стр. 39—44). (II т. акад. изд., с. 119—128).

вился во всеуслышаніе предложить на засѣданіи кассировать выборъ Котляревскаго, какъ человѣка «неугоднаго». Если эта выходка и была подстроена, какъ догадывался А. А., она потерпѣла полнѣйшее пораженіе. По мѣрѣ того, какъ Масловъ развивалъ мотивы своего предложенія, одинъ за другимъ члены вставали и выходили изъ залы; ораторъ, замѣтивъ это, сталъ конфузиться, запинаться, наконецъ замолкъ, изъ боязни фактически вопіять въ пустынѣ. Поспѣшно бросились въ прихожую и упрашивали уходившихъ вернуться и продолжать засѣданіе, такъ какъ Масловъ говорить больше не станетъ»...

Котляревскій уже рано высказался противъ «узкаго національнаго» именно съ той точки зрѣнія, что онъ слишкомъ легко впадалъ въ противорѣчіе съ требованіями науки. Такъ говорилъ онъ уже въ «Старинѣ и народности», такъ онъ высказывался въ упомянутыхъ сейчасъ отзывахъ о дѣятельности Общества любителей,—гдѣ, какъ и въ статьѣ о старобытности малорусскаго народа въ Малороссіи, ему, между прочимъ, пришлось полемизировать противъ Погодина.

Съ подобной точки зрѣнія онъ осудилъ извѣстную диссертацію Ор. Миллера «О нравственной стихіи въ поэзіи». Но Миллеръ не былъ теоретикъ нетерпимый и зложелательный; это былъ человѣкъ, хотя заблуждавшійся въ своихъ построеніяхъ,—въ диссертаціи, какъ послѣ въ изслѣдованіяхъ о народной поэзіи и пр.,—но человѣкъ глубоко искренній, нравственно безупречный, и у Котляревскаго, несмотря на прежнее суровое осужденіе диссертаціи Миллера [1]), завязались съ авторомъ ея весьма дружескія отношенія: почвой ихъ была «старина и народность», къ которой оба они питали одинаковый интересъ. Въ 1865 году они обмѣнялись своими трудами: Котляревскій черезъ одного общаго знакомца послалъ ему свои статьи изъ перваго выпуска «Трудовъ», которыми тогда такъ увлекался: статья о «Скандинавскомъ кораблѣ» Миллеру очень понравилась (она

---

1) Въ академическомъ изданіи, I, стр. 163—192.

«пришлась мнѣ особенно по сердцу, — писалъ тогда Миллеръ къ этому знакомцу, — совершенно сходясь съ моими собственными соображеніями о скандинавскомъ началѣ въ нашемъ народномъ эпосѣ»), и въ обмѣнъ онъ послалъ свою тогдашнюю книжку противъ «Исторіи славянскихъ литературъ». Дальше началась и переписка, но—съ новыми спорами.

Въ письмѣ къ Миллеру (по обычаю, безъ года и числа) Котляревскій пишетъ: «Прочелъ я (статью о сказкахъ) съ истиннымъ удовольствіемъ, хотя и не могу согласиться съ нѣкоторыми частными положеніями ея. Когда-нибудь, коли забота о существованіи позволитъ и мрачная, непривѣтливая музамъ и наукѣ общественная атмосфера—когда-нибудь выражу свои разногласія печатно. У меня болѣе 2000 сказокъ малоросс., и между ними *нѣкоторыя*—рѣшительная драгоцѣнность и для науки и для поэзіи (искусства). Вчера въ Обществѣ губителей [1]) россійской словесности я читалъ статью о *семейной* сторонѣ русскихъ сказокъ: прошла она незамѣченною, только Калачовъ оцѣнилъ если не исполненіе, то по крайности намѣреніе—и за это спасибо! Печатать ее я не стану: не зачѣмъ! Людямъ занимающимся все это и безъ меня хорошо извѣстно, а иные — что имъ сія Гекуба и что̀ сей Гукабѣ до нихъ...

«Въ настоящую минуту я всего болѣе способенъ раздѣлять высказанныя вами мысли о славянофилахъ: они были *честные* дѣятели литературы, они не смѣшивали литературы съ стремленіями полицейскаго сыщика; но зачѣмъ рядите вы ихъ въ людей науки, зачѣмъ говорите о ихъ заслугахъ въ отношеніи науки; вѣдь это противорѣчитъ правдѣ и истинѣ, вѣдь всѣ ихъ *ученыя* упражненія — это бредъ, благородный, почтенный, но все-таки невѣжественный. Отымите у покойнаго К. Аксакова его прирòдную гражданскую честность, отвлеките гражданина-писателя отъ ученаго и послѣдній окажется лишь наивнымъ ребенкомъ,

---

1) Такой терминъ, не забытый и понынѣ, сложился въ Москвѣ вѣроятно въ связи съ упомянутыми данными о составѣ его членовъ.

которому незнакомы даже элементарные пріемы научнаго труда; а Б. — неужели эту до Геркулесовыхъ столбовъ безумія дошедшую доктрину вы назовете заслугой въ наукѣ? Нѣтъ, такихъ людей нельзя называть людьми науки! Вашими добрыми поминками о нихъ руководило теплое чувство, но оно-то и подкупило вашъ приговоръ... Иное дѣло область гражданской литературы: здѣсь славянофилы — живой упрекъ нашей мелочной, пасквильной публицистикѣ, унизившейся до площадной брани и грязнаго доноса!»

Котляревскій съ сочувствіемъ говоритъ о вышедшей тогда книгѣ Ор. Миллера [1]): «Отъ всей души поздравляю васъ съ успѣшнымъ преодолѣніемъ такихъ трудностей, о которыхъ знаютъ лишь тѣ, кто понимаетъ дѣло»... Но книголюбецъ, какъ Котляревскій, не могъ пропустить безъ вниманія внѣшняго вида изданія: «Внѣшность книги далеко не соотвѣтствуетъ внутреннему содержанію, въ особенности бумага, кривая, косая, съ жирными зализями... Или, быть можетъ, мнѣ попался такой анаоемскій экземпляръ!» Въ хрестоматіи не одобряетъ произвольныхъ измѣненій въ текстѣ Слова о полку Игоревѣ. Въ концѣ письма: «Прошло 3 дня, какъ я писалъ къ вамъ эти строки — и разныя *невзгодья* помѣшали мнѣ окончить: каждую минуту жду *незванныхъ гостей* и оттого все идетъ вверхъ дномъ»... Ор. Миллеръ отвѣчалъ на это (отъ 4 авг. 1866) объясненіемъ своихъ сочувствій къ славянофиламъ и намѣревался заявить это въ предисловіи къ своей диссертаціи объ Ильѣ Муромцѣ, какъ послѣ дѣйствительно и сдѣлалъ; онъ прибавляетъ: «Вѣдь не однимъ-же этимъ разсердитъ она (диссертація) Измаила Ивановича! Жду съ нетерпѣніемъ вашего магистерскаго труда, и увѣренъ въ томъ, что и у Срезневскаго анти-миѳологическая рука на него не поднимется». Дѣло въ томъ, что Срезневскій съ его сильной положительной критикой былъ не очень расположенъ къ тѣмъ миѳологическимъ

---

1) Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности съ хрестоматіею, расположенною по эпохамъ. Ч. I, вып. 1. Изд. 2-е. Спб. 1865 (на обложкѣ 1866).

объясненіямъ, какія распространялись тогда въ особенности въ трудахъ Аѳанасьева и которыя Ор. Миллеръ довелъ до послѣдней крайности, и въ этомъ случаѣ Срезневскій былъ конечно правъ.

Ихъ сношенія продолжались и въ слѣдующемъ году. Миллеръ былъ занятъ тогда изданіемъ 4-го тома собранія Рыбникова и спрашивалъ Котляревскаго относительно повѣсти объ «Азовскомъ сидѣніи». Котляревскій отвѣчалъ: ...«Азовское сидѣніе мнѣ хорошо извѣстно: это—плоская и ничтожная вещь и въ историческомъ и въ поэтическомъ смыслѣ; вамъ рѣшительно незачѣмъ печатать ее, незачѣмъ и въ Румянцовскій музей ходить за справками, потому что она попадалась мнѣ разъ пять въ рукописяхъ Публичной Библіотеки, вопросите только Бычкова — и онъ вамъ безъ затрудненія ее отыщетъ. Помнится и мнѣ, что это «Сидѣніе» было напечатано, но гдѣ — сказать теперь не могу: нѣтъ справокъ подъ руками. Впрочемъ, чтобъ хотя сколько-нибудь удовлетворить васъ, отмѣчаю № рукописи Публичной Библіотеки, гдѣ есть это пресловутое произведеніе: по каталогу Толстова, отд. II, № 358.

«Вчера отослалъ въ Академію Наукъ рецензію на книгу Аѳанасьева: я обошелся съ нимъ немного жестче васъ, но думаю, что премію онъ получить долженъ».

Къ концу 1867 года, когда выяснилось наконецъ дѣло о назначеніи Котляревскаго на дерптскую каѳедру, Ор. Миллеръ писалъ ему: «бьюсь объ закладъ, потершись о тамошнихъ культуртрегеровъ, вы сдѣлаетесь завзятымъ славянофиломъ». Онъ не могъ представить себѣ другого исхода: если бы не понравились остзейскіе нравы, надо было сдѣлаться славянофиломъ.

Въ письмахъ П. И. Лерха отъ 1866 года разбросаны небезынтересныя замѣтки о дѣлахъ петербургскаго Археологическаго Общества и его собственныхъ работахъ, которыя между прочимъ направлялись на вопросъ о названіяхъ металловъ у финскаго племени. Лерхъ принялъ затѣмъ довольно дѣятельное участіе въ трудахъ Общества московскаго.

Тѣмъ временемъ петербургскіе ученые, цѣнившіе труды Котляревскаго, не переставали заботиться объ устройствѣ его оффиціально-ученаго положенія. Этотъ вопросъ нерѣдко повторяется въ перепискѣ Котляревскаго со Срезневскимъ и А. А. Куникомъ; другія любопытныя свѣдѣнія объ этомъ предметѣ находятся въ письмахъ М. В. Прахова, который сблизился съ Котляревскимъ съ 1864 года, очень къ нему привязался и сообщалъ ему, что́ узнавалъ объ его дѣлахъ въ университетѣ. Мстиславъ Праховъ (умершій потомъ еще молодымъ человѣкомъ), готовившійся тогда къ ученому поприщу и близкій съ Срезневскимъ, человѣкъ съ глубокими идеалистическими убѣжденіями, которыя дѣлилъ съ нимъ тѣсный кружокъ его молодыхъ товарищей, сильно желалъ, чтобы Котляревскому открылся наконецъ путь въ университетъ, и хлопоталъ объ его дѣлахъ сколько могъ. Къ тогдашней университетской обстановкѣ въ Петербургѣ Праховъ относился недовѣрчиво, многое было ему прямо антипатично и тѣмъ больше хотѣлось ему, чтобы каѳедра занята была человѣкомъ, въ которомъ онъ видѣлъ искреннюю любовь къ наукѣ. Нѣсколько его писемъ бросаютъ очень яркій свѣтъ на тогдашнія университетскія дѣла и между прочимъ указываютъ, какъ шелъ самый вопросъ объ опредѣленіи въ университетъ Котляревскаго. Первоначальный планъ привлечь Котляревскаго къ трудамъ русскаго отдѣленія Академіи почему-то не состоялся. Теперь (какъ пишетъ Праховъ, въ февралѣ 1865) Срезневскій сообщилъ ему, что на запросъ министра Котляревскій предложенъ былъ филологическимъ факультетомъ въ Петербургѣ по всеобщей исторіи литературы, вслѣдствіе чего ему могли быть предложены отъ министерства или поѣздка за границу или причисленіе къ университету на два, на три года (для приготовленія къ занятію каѳедры). На вопросъ Прахова, почему не по славянскимъ нарѣчіямъ, Срезневскій объяснилъ, что по этому предмету не было запроса, но что это не помѣшало бы Котляревскому держать экзаменъ по славянскимъ нарѣчіямъ; Праховъ прибавляетъ,

что случаи перемѣны предмета бывали и что министерство не оказываетъ тому препятствій. Въ другомъ письмѣ Праховъ объясняетъ однако, что факультетъ не торопится хлопотать до его магистерскаго экзамена, не торопится и министерство, и что поэтому надо воспользоваться временемъ для устраненія тѣхъ препятствій, какія заключались въ особенныхъ обстоятельствахъ Котляревскаго. Онъ не зналъ ихъ въ точности. Наконецъ онъ узналъ ихъ, но не смутился и этимъ, и въ письмѣ отъ 1-го мая 1865 съ большой радостью сообщаетъ Котляревскому слышанную имъ новость: 26-го апрѣля въ Сенатѣ прочтенъ былъ приговоръ по политическому дѣлу, съ которымъ связано было и дѣло о пребываніи Кельсіева въ Россіи, и по этому приговору Котляревскій былъ въ числѣ лицъ, освобожденныхъ отъ подозрѣнія съ дозволеніемъ вступить въ службу. Но въ концѣ мѣсяца онъ зналъ уже, что разрѣшеніе поступить на службу для Котляревскаго соединено было съ исключеніемъ именно службы по учебному вѣдомству... Изъ всѣхъ этихъ хлопотъ однако ничего не вышло.

Въ 1866 году Котляревскій, какъ мы уже видѣли выше изъ его словъ, ждалъ даже новыхъ непріятностей; ему грозило окончательное запрещеніе давать гдѣ бы то ни было уроки. Въ одномъ изъ писемъ къ Срезневскому (по обыкновенію безъ года) онъ пишетъ: «...Слава Богу — худшей перемѣны пока не произошло въ моемъ положеніи: я ожидалъ, судя по нѣкоторымъ признакамъ, что мнѣ запретятъ преподаваніе вовсе, но меня спросили только, что я преподаю и гдѣ — и покамѣстъ ничего болѣе. Это вышло — не хорошо, но по крайней мѣрѣ не несправедливо»... Въ отвѣтъ на подобныя вѣсти и слухи Срезневскій писалъ ему: «Печатаніе вами ученыхъ трудовъ одно можетъ (кромѣ ученыхъ степеней) раскрыть вамъ широкую дорогу, вамъ принадлежащую, зажать рты вашимъ недругамъ и дать опору вашимъ друзьямъ. Ради Бога... не медлите печатаніемъ диссертаціи, а между тѣмъ приготовьте что-нибудь хоть не большое, хоть разборъ какого-нибудь новаго иностраннаго верка или увража, или обзоръ полной Русской археологич. дѣятельности за послѣднее время, напр.

для Журн. мин. нар. просв., и пришлите сюда къ одному изъ друзей — если угодно, то и ко мнѣ, для передачи по назначенію. Если-же бы нашлось между вашими трудами небольшое годное для Акад. записокъ, то пришлите къ Кунику такъ, чтобы онъ передалъ и мнѣ, чтобы мы оба могли подать голосъ за вашъ трудъ. Бурно полемическаго противъ русскихъ научныхъ себялюбцевъ не пишите: это можетъ помѣшать ходу статьи. Къ этому еще прибавлю, что́ мнѣ приходило въ голову, когда я прочитывалъ Revue archéologique. Матеріаловъ для Русск. археологическаго словаря у васъ много и работа надъ нимъ, мнѣ кажется, была бы по васъ, между тѣмъ теперь въ Обществѣ вашемъ есть, пишете вы, средства для изданія. Дайте въ Археол. Вѣстникѣ мѣсто «Опыту русскаго археолог. словаря или словаря русскихъ древностей», оговорившн въ началѣ, что статьи пропущенныя или неудовлетворительныя будутъ помѣщаемы въ дополненіяхъ; и «сосредоточьте» на этомъ трудѣ вашу дѣятельность. Библіотека и музей графа Уварова будетъ вамъ въ помощь, не говоря уже о московскихъ. Найдутся, можетъ быть, и сотрудники; но они должны быть только на томъ условіи, чтобы словарь былъ вашъ, лично вашъ, а не чей бы то ни было. Подумайте и сообщите мнѣ итогъ вашей думы. Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы вы отказались отъ этого дѣла; но если откажетесь, то надобно будетъ подумать о приложеніи его къ другимъ дѣламъ, противъ внутренняго желанія, подшептывающаго мнѣ: «трудъ этотъ, если выйдетъ изъ-подъ рукъ Котляревскаго, будетъ полезенъ даже, или по крайней мѣрѣ, по библіографическимъ указаніямъ, въ которыхъ и ты нуждаешься, а доброму труженику дастъ доброе имя». Рѣшайтесь и спѣшите. Хоть вы молоды, но не спѣша можете и завязнуть на полудорогѣ, какъ, можетъ быть, мнѣ придется завязнуть съ своимъ словаремъ». Въ концѣ письма, говоря о своемъ личномъ интимномъ довольствѣ жизнью, Срезневскій высказываетъ мысли, бросающія свѣтъ на прежніе жизненные опыты: «...Желаю лучшаго не себѣ, а другимъ... И — сержусь на тѣхъ, которые въ молодости увлекаются такъ

же, какъ и я увлекался, и будутъ досадовать на себя, какъ и я досадовалъ и досадую на себя. Не могу поправить своего прошлаго, и брюзгливо смотрю на то, чтó для другихъ не прошлое, а будущее. Утѣшаю себя только увѣренностью, что брюзгливость эта не своекорыстна». Этому скептическому настроенію можно было бы противопоставить слова писателя, совѣтовавшаго напротивъ забирать съ собой изъ «мягкихъ юношескихъ лѣтъ» тѣ движенія, которыхъ уже не дастъ больше жизнь: кромѣ ошибокъ и увлеченій, юность даетъ и идеалы...

Котляревскій не нашелъ возможнымъ послѣдовать предложенію работать надъ археологическимъ словаремъ. Дѣло въ томъ, что самъ Уваровъ занятъ былъ тогда этою мыслью, въ «Трудахъ» начато было собираніе матеріаловъ для подобнаго словаря, и такой «сепаратизмъ» былъ бы неудобенъ.

Наконецъ, явилось обстоятельство, которое дало Котляревскому первую надежду освободиться изъ его гнетущаго положенія. Въ концѣ января или въ февралѣ 1867, онъ пишетъ къ одному изъ ученыхъ друзей въ Петербургѣ:

«...Вчера познакомился я съ Ширреномъ; онъ между прочимъ объяснилъ мнѣ, что графъ Кайзерлингъ поручилъ ему сыскать человѣка для каѳедры русской словесности въ Дерптъ и предложилъ, не хочу ли я принять это мѣсто. Я отвѣчалъ, что рада бы душа въ рай, да грѣхи не пускаютъ, и разсказалъ ему всю исторію мою; онъ все слушалъ, но когда я сказалъ, что въ моемъ формулярѣ стоитъ, что я *не могу* служить по учебнымъ вѣдомствамъ, тутъ только онъ не утерпѣлъ и сказалъ: das ist schlimm! но впрочемъ прибавилъ, что, быть можетъ, все это удастся уладить... Какъ бы тамъ ни было, но мнѣ пріятно было войти въ знакомство съ такимъ даровитымъ ученымъ, какъ дерптскій профессоръ русской исторіи—и я постараюсь сблизиться съ нимъ».

Еще раньше этого гр. Уваровъ обращался къ тогдашнему министру народнаго просвѣщенія, гр. Д. А. Толстому, въ письмѣ отъ 7-го января 1867, въ которомъ, изложивъ дѣло Котлярев-

скаго и указавъ его ученыя достоинства, извѣстныя Уварову по совмѣстной работѣ въ Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, просилъ его ходатайствовать о разрѣшеніи Котляревскому служить по учебнымъ вѣдомствамъ. Между прочимъ Уваровъ упоминалъ, что вслѣдствіе существовавшаго запрещенія этой службы министерство просвѣщенія «дважды отказало представленіямъ Совѣта Спб. университета, который ходатайствовалъ объ отправленіи Котляревскаго за границу съ цѣлью приготовленія къ профессорскому званію». Письмо Уварова было оставлено безъ послѣдствій, кажется, потому, что въ справкахъ министерства не нашлось свѣдѣній объ этомъ послѣднемъ обстоятельствѣ; какъ мы видѣли однако, представленіе отъ Петербургскаго университета дѣйствительно было, но дѣло не было тогда доведено до конца и поэтому вѣроятно въ официальныхъ бумагахъ слѣда его не осталось. Ширренъ повидимому взялся за дѣло очень ревностно: потому что гр. Кайзерлингъ, попечитель Дерптскаго учебнаго округа, обращался къ гр. Д. А. Толстому съ конфиденціальнымъ письмомъ отъ 9-го февраля, въ которомъ, указывая, что въ Дерптскомъ университетѣ послѣ отставки профессора Розберга за выслугою срока остается свободною каѳедра русской словесности въ особенности и славянской вообще и что нѣкоторые изъ профессоровъ университета для замѣщенія этой каѳедры обратили вниманіе на кандидата Котляревскаго, о которомъ имѣлись наилучшія свѣдѣнія, обращался къ министру просвѣщенія съ просьбою сообщить указанія относительно возможности разрѣшенія Котляревскому служить по учебному вѣдомству, и именно занять каѳедру въ Дерптѣ, гдѣ, далекій отъ прежней обстановки, онъ могъ бы быть очень полезенъ; самъ онъ желалъ бы, если то возможно, способствовать возстановленію его ученой дѣятельности («rehabiliter cet homme d'une instruction solide, et d'une intelligence, à ce qu'il parait, remarquable»).

На этотъ разъ гр. Толстой счелъ возможнымъ дать ходъ дѣлу и въ конфиденціальномъ письмѣ къ гр. П. А. Шувалову отъ 25 февраля, сообщая ему письма гр. Уварова и гр. Кай-

зерлинга о Котляревскомъ («библіотекарь и членъ редакціоннаго комитета Московскаго Археологическаго Общества»), просилъ увѣдомить, какія имѣются въ III-мъ Отдѣленіи Собственной Е. И. В. Канцеляріи свѣдѣнія о Котляревскомъ и полагаетъ ли возможнымъ гр. Шуваловъ просить о соизволеніи Государя Императора опредѣлить Котляревскаго на учебную службу. Отвѣтъ гр. Шувалова послѣдовалъ 19 апрѣля. Здѣсь сообщалось, что Котляревскій «былъ привлеченъ въ 1862 году къ дѣламъ Высочайше учрежденной въ С.-Петербургѣ Слѣдственной Комиссіи; но по обстоятельствамъ производившагося о немъ дѣла не представлялось основаній къ преданію его суду; принимая однако во вниманіе, что онъ былъ въ сношеніяхъ съ нѣкоторыми лицами, обвинявшимися въ распространеніи заграничной пропаганды, чѣмъ навлекъ на себя подозрѣніе въ участіи въ преступныхъ ихъ дѣйствіяхъ, онъ согласно постановленію Комиссіи, состоявшемуся въ декабрѣ 1862 года, подчиненъ секретному наблюденію; изъ полученнаго же затѣмъ въ ввѣренномъ мнѣ Управленіи отношенія Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній видно, что Котляревскій, вслѣдствіе арестованія его по означенному дѣлу, былъ уволенъ отъ службы при Александринскомъ Кадетскомъ корпусѣ и что Государь Императоръ Высочайше изволилъ повелѣть: считать Котляревскаго уволеннымъ по прошенію и дозволить ему снова опредѣлиться на службу, но отнюдь не по учебнымъ вѣдомствамъ». «Считаю долгомъ присовокупить къ сему,—продолжалъ гр. Шуваловъ,—что такъ какъ съ 1862 года Котляревскій не обнаруживалъ вредныхъ стремленій, то я съ своей стороны считалъ бы возможнымъ, чтобы в. с—ство испросили отмѣну означеннаго ограниченія, съ тѣмъ однако, чтобы онъ былъ переведенъ въ Дерптскій учебный округъ, гдѣ имѣется надобность въ хорошихъ преподавателяхъ русской словесности и гдѣ вообще распространеніе передовыхъ идей (если бы это обнаружилось) не представляетъ опасеній въ виду направленія тамошняго общества». На этомъ основаніи гр. Толстой предпринялъ ходатайство и по его докладу послѣдовало 8 мая Высочайшее соизволеніе «на допущеніе Котляре-

скаго, если онъ будетъ избранъ, на службу по учебной части, но только въ Дерптскій учебный округъ». Объ этомъ гр. Толстой тогда же увѣдомилъ гр. Кайзерлинга и гр. Шувалова.

Дѣло затянулось однако надолго. Въ іюнѣ, Котляревскій писалъ въ Петербургъ одному изъ друзей, что Дерптскій университетъ, долго не получая отвѣта и наскучивъ неизвѣстностью, избралъ на пустующую каѳедру другое лицо (очень мало компетентное) и отправилъ объ этомъ бумагу министру на утвержденіе, — когда тотъ съ своей стороны посылалъ Кайзерлингу извѣщеніе о разрѣшеніи Котляревскому служить въ Дерптскомъ учебномъ округѣ... Котляревскій еще не видѣлъ въ этомъ рѣшенія своего вопроса: «утѣшаюсь только тѣмъ, что изъ всей исторіи не вышло ничего для меня худого—и то уже прогрессъ! Съ промоціей магистерской буду готовъ къ октябрю — и, если позволятъ обстоятельства, думаю уѣхать за границу — учиться»...

Главной заботой сталъ теперь магистерскій экзаменъ и окончаніе диссертаціи, надъ которой онъ въ послѣднее время усиленно работалъ. Отмѣтимъ изъ этой поры еще одну его работу, интересную по отношенію къ распространенному тогда миѳологическому ученію. Академическая коммиссія по присужденію Уваровскихъ премій предложила Котляревскому составленіе разбора вышедшей тогда книги Аѳанасьева. Кажется, лѣтомъ 1867, онъ отослалъ рецензію и одновременно писалъ А. А. Кунику: «...Теперь къ вамъ глубочайшая просьба: если найдете что́ неисправнаго, несправедливаго, придирчиваго или что̀ можетъ повредить полученію преміи—исправляйте, марайте, какъ заблагоразсудите... Книга—достойная во многихъ отношеніяхъ и важная, а потому, говоря по чистой совѣсти, вполнѣ заслуживаетъ преміи и гораздо болѣе имѣетъ права на нее, чѣмъ десятки книгъ, уже удостоенныхъ награды: какъ бы ни былъ великъ конкурсъ, но такіе труды нельзя оставлять безъ поддержки, тѣмъ болѣе, что они совершенно безкорыстны и невознаградимы другимъ образомъ. Срезневскій, вѣроятно, будетъ *противъ*,

но вы, Бога ради, поддержите трудъ»... Какъ извѣстно, рецензія Котляревскаго была принята и премія назначена.

Это былъ годъ извѣстной этнографической выставки и славянскаго съѣзда въ Москвѣ. Въ этихъ условіяхъ у Котляревскаго явилась мысль, которая впрочемъ не дошла до исполненія. Онъ писалъ А. А. Кунику: «Воспользовавшись славяноманіей московскихъ купцовъ, я предложилъ имъ собрать деньги на изданіе въ свѣтъ сочиненій Добровскаго (нѣкоторыхъ доселѣ неизданныхъ, другихъ—разсѣянныхъ по разнымъ Jahrbuch'амъ), предложеніе пошло и я уже говорилъ объ этомъ съ Палацкимъ, который душевно обрадовался этой мысли и, кажется, возьмется за это дѣло самъ»...

Лѣтомъ, какъ обыкновенно, въ университетскихъ дѣлахъ было затишье. Отъ 13 сентября Ширренъ пишетъ Котляревскому изъ Дерпта, что наканунѣ въ засѣданіи факультета читано было предложеніе (Präsentations-Schreiben) Ширрена; только недѣли за двѣ передъ тѣмъ пришло отъ министра извѣщеніе о неутвержденіи упомянутаго выше лица, предлагавшагося взамѣнъ Котляревскаго, и ожидался только пріѣздъ одного изъ членовъ факультета, д-ра Швабе, чтобы рѣшить дѣло въ факультетѣ. Это должно было состояться не позже 30 сентября; затѣмъ, въ случаѣ утвержденія, должно было произойти представленіе въ Совѣтъ, и тамъ дѣло должно было рѣшиться въ половинѣ октября. Необходимо было ускорить магистерство... «Я душевно радуюсь,—кончалъ Ширренъ—что намъ снова открылась надежда пріобрѣсти васъ. Я убѣжденъ, что если мы будемъ васъ имѣть, обѣ стороны будутъ взаимно довольны. Во всякомъ случаѣ, какъ скоро вы будете избраны, вы можете со всѣхъ сторонъ разсчитывать на самую сердечную и искреннюю встрѣчу»...

Вскорѣ затѣмъ Ширренъ извѣщаетъ объ единогласномъ избраніи въ факультетѣ, а отъ 20 октября Котляревскому писали опять Ширренъ и деканъ факультета Швабе объ единогласномъ избраніи въ Совѣтѣ,—но пока только «исправляющимъ

должность» экстра-орд. профессора, до полученія магистерской степени. Въ письмѣ своемъ д-ръ Швабе высказываетъ удовольствіе, что университетъ пріобрѣтаетъ талантливаго представителя важной и интересной области славянскихъ языковъ: «приходите къ намъ gutes Muthes! Вѣроятно, вамъ у насъ понравится: всѣ — я въ этомъ твердо убѣжденъ — встрѣтятъ васъ самымъ дружескимъ образомъ. И пріѣзжайте какъ можно скорѣе. Нашъ факультетъ очень нуждается въ вашихъ свѣжихъ и крѣпкихъ силахъ!». . . Въ другомъ письмѣ, отъ 5 ноября, д-ръ Швабе повторялъ, какъ важно для нихъ, чтобы Котляревскій пріѣхалъ скорѣе въ Дерптъ: утвержденіе представленія послѣдуетъ вѣроятно къ половинѣ декабря, Котляревскій могъ бы начать преподаваніе съ новаго года и семестра, а диссертацію могъ бы удобно печатать въ Дерптѣ и затѣмъ получить отпускъ въ Петербургъ для ея защиты.

Дѣло замедлилось теперь по винѣ самого Котляревскаго; изъ Дерпта писали ему, что все зависитъ теперь отъ него самого, и торопили. «По моему убѣжденію, — писалъ ему Ширренъ отъ 2 января 1868 [1]), — вамъ нечего заботиться, что мы васъ бросимъ, лишь бы вы насъ не бросили. Для насъ все дѣло въ томъ, чтобы вы какъ можно скорѣе стали магистромъ; если вы насъ задержите съ этимъ слишкомъ долго, то по уставу мы теряемъ право свободнаго выбора, и министръ можетъ назначить кого хочетъ. . . Отдавайте вашей работѣ не больше труда, чѣмъ именно необходимо, чтобы она была принята факультетомъ. Торопите печатаніе, сколько возможно, и поставьте себѣ неотложной обязанностью имѣть возможность сообщить намъ *до конца апрѣля*, что вы окончательно стали магистромъ» . . . Извѣщеніе о полученіи магистерства онъ просилъ въ свое время направить не только къ гр. Кайзерлингу, но и въ Совѣтъ. Въ министерствѣ дерптскіе выборы еще не были утверждены, и изъ Петербурга писали

1) На подлинномъ письмѣ по ошибкѣ 1867.

Котляревскому, что министръ ожидаетъ для этого только защиты диссертаціи.

Причина медленности была въ томъ, что Котляревскій старался сколько возможно выработать диссертацію, чтобы достойнымъ образомъ дебютировать въ ученомъ мірѣ. Мысль о дѣятельности въ Дерптѣ, сначала принятая имъ нѣсколько холодно, вскорѣ стала ему нравиться. Въ сентябрѣ 1867, получивъ извѣстіе Ширрена о сдѣланномъ имъ представленіи въ факультетъ, Котляревскій писалъ А. А. Кунику: «На вашъ вопросъ: хочу ли я въ Дерптъ —я позволю себѣ отвѣтить, что въ настоящее время лучше ничего не желаю: для меня это кладъ, я буду въ состояніи многому поучиться и мирно продолжать свои студіи по сравнительной славянской древности: Швабе, какъ говорилъ мнѣ Ширренъ, отличный классическій филологъ, Лео Мейера я знаю какъ даровитѣйшаго лингвиста — чего же мнѣ болѣе,... но я не иначе могу отправиться въ Дерптъ какъ съ нѣкоторыми условіями. Вотъ они: я совершенно чуждъ всякаго политическаго стремленія, всякаго національнаго гиперпатріотическаго предразсудка; къ каѳедрѣ я отношусь *единственно* съ точки зрѣнія науки, хочу служить одной наукѣ и ничему и никому болѣе; къ профессорамъ хочу относиться честно какъ къ товарищамъ и близкимъ по наукѣ; а потому желалъ бы, чтобы и ко мнѣ они отнеслись такимъ же образомъ и не предполагали бы во мнѣ человѣка съ затаенными цѣлями, пришедшаго противодѣйствовать нѣмецкому элементу, о которомъ теперь такъ много трубятъ наши патріоты - публицисты. Никто далѣе меня не стоитъ въ этомъ отношеніи: если я и имѣю свои національныя симпатіи, то во всякомъ случаѣ онѣ не тѣ, о которыхъ такъ печалятся Катковъ et C° и Аксаковъ et C°; на дерптской почвѣ у меня не будетъ иной цѣли, кромѣ интереса науки, какая бы она ни была: россійская, нѣмецкая или иная какая; однимъ словомъ, знаменемъ моимъ будутъ слова когда-то сказанныя Копитаромъ: «In der Wissenschaft, der Allversöhnerin, gilt weder Deutsche, noch Moscovite: sie ist Gemeingut und gehört Allen mit gleichem Rechte an». Только тогда,

когда мнѣ гарантируютъ, что *такъ*, а не иначе поймутъ мое переселеніе въ Дерптъ, я готовъ отъ всего сердца приняться за дѣло»... Другія недоумѣнія были служебно-практическаго характера. Какъ тѣ, такъ и другія вполнѣ разъяснялись вскорѣ дружественными письмами изъ Дерпта.

Отъ 2 ноября онъ пишетъ опять А. А. Кунику: «... Дерптъ представляется мнѣ туманною страною: никто мнѣ лично—кромѣ Ширрена—неизвѣстенъ тамъ и неизвѣстна даже моя задача, потому что она опредѣляется не предметомъ, а почвой или обстановкой; одно знаю я, это—обязанность служить наукѣ, и отъ этой обязанности я не отступлю ни на шагъ ни въ какую область другихъ интересовъ, потому что, сказать правду, я питаю къ суетѣ дня глубокое, можетъ быть, болѣзненное отвращеніе... Пора—учиться, чему не научился, пора сдѣлать что-нибудь для болѣе прочнаго дѣла, для науки; и мнѣ мечтается, что Дерптъ въ этомъ отношеніи—добрая, тихая пристань для моего корабля: находясь среди людей науки, на мѣстѣ, гдѣ дѣйствовалъ когда-то Эверсъ, мнѣ думается, я могу безпрепятственно и невозмущаемо предаться «музамъ» и въ особенности любимицѣ моей, музѣ славянской древности». . . Котляревскій самъ предполагалъ, что министръ можетъ не утвердить пока дерптскаго избранія, и сожалѣлъ, если бы ему пришлось на первый же разъ не исполнить требованія факультета явиться къ началу семестра.

Между дѣлами, которыя ему надо было кончать въ Москвѣ, было изданіе «Археол. Вѣстника»: «4-ую книгу вы скоро получите,—писалъ онъ А. А. Кунику; — 5-ую я еще издамъ самъ, 6-ую же только приготовлю, а за печатаніемъ будетъ наблюдать кто-нибудь другой; за симъ я прощусь съ «Вѣстникомъ», ибо едва-ли онъ будетъ издаваться въ слѣдующемъ году». . . .

Онъ ошибся однако въ своихъ предположеніяхъ: онъ не попалъ въ Дерптъ ни къ началу семестра, ни къ половинѣ апрѣля, и самъ еще въ Москвѣ докончилъ изданіе Археологическаго Вѣстника. Дерптскіе вызовы и требованіе министерства заставили торопиться съ печатаніемъ диссертаціи, которое сопро-

вождалось множествомъ хлопотъ и проволочекъ. Онъ отдалъ изданіе въ Синодальную типографію (въ январѣ 1868), которая взялась напечатать двадцать листовъ къ концу марта, но печатаніе крайне замедлялось обычною у насъ неряшливостью корректуры, которая заставляла негодовать библіомана, а кромѣ того самъ авторъ замедлялъ дѣло, продолжая исправлять текстъ во время печати, и въ концѣ концовъ книга вышла все-таки позднѣе назначеннаго срока. Въ то же время являлся рядъ недоумѣній относительно магистерскаго экзамена и представленія диссертаціи: онъ началъ печатаніе безъ предварительнаго представленія книги въ факультетъ — возможно ли такое отступленіе отъ правилъ? могло случиться, что диссертація не будетъ одобрена факультетомъ; какіе сроки и требованія экзамена? Для ускоренія дѣла онъ сталъ посылать Срезневскому листы диссертаціи по мѣрѣ отпечатанія. Срезневскій разрѣшалъ ему эти недоумѣнія, облегчилъ ходъ дѣла въ университетѣ, успокоивалъ относительно размѣровъ экзамена. Котляревскій спрашивалъ напримѣръ (въ письмѣ отъ 14 января 1868), чего требуетъ Срезневскій отъ магистра по своему предмету: «Порядки въ Спб. университетѣ иные, чѣмъ въ Москвѣ: держи я экзаменъ здѣсь, я зналъ бы напр., что мнѣ нужно выучить *наизусть* Добровскаго «Institutiones», но конечно вы потребуете иного,—чего же и въ какой мѣрѣ, не знаю». Срезневскій отвѣчалъ ему на это: «Что касается до экзамена, то я никакъ не воображаю, чтобы онъ былъ для васъ труденъ. Вы, конечно, знаете главныя слав. нарѣчія грамматически и отчасти исторически, и тѣмъ болѣе литературу славянскую. Одно, о чемъ бы я васъ попросилъ, это — перебрать въ головѣ основанія древ. церк. слав. языка такъ, чтобы они были полною вашею собственностью — по *Востокову*, а не по Добровскому». Непредставленіе диссертаціи на предварительное разсмотрѣніе не могло быть препятствіемъ потому, что по новому уставу можно было представить въ видѣ диссертаціи уже напечатанное сочиненіе, надо было только прибавить къ нему положенія, которыя до напечатанія должны быть одобрены факуль-

тетомъ. Срезневскій совѣтовалъ уже въ мартѣ послать просьбу ректору о допущеніи къ экзамену, оговоривши, что напечатанное сочиненіе такое-то посылается вмѣсто диссертаціи на имя декана факультета. Наборъ диссертаціи былъ конченъ только въ маѣ и тогда же Срезневскій возвратилъ Котляревскому тезисы, одобренные къ печати. Наконецъ 13 іюня состоялся диспутъ въ Петербургѣ, а 22 іюля 1868 года Котляревскій министерствомъ былъ утвержденъ экстраординарнымъ профессоромъ «русскаго языка въ особенности и славянскаго языковѣдѣнія вообще» въ Дерптскомъ университетѣ.

Между тѣмъ въ Дерптѣ очень нуждались въ Котляревскомъ. Въ мартѣ 1868 года Швабе писалъ ему, съ сожалѣніями о замедленіи его пріѣзда, что въ факультетѣ явилось неотложное дѣло относительно выработки учебнаго плана для русскаго языка и литературы: этотъ планъ былъ посланъ къ Котляревскому съ просьбой сообщить свои замѣчанія. Въ началѣ іюня по болѣе тревожному вопросу писалъ ему Ширренъ: «. . . Меня нѣсколько обезпокоилъ дошедшій сюда слухъ. Разсказываютъ, что вы хотѣли отклонить профессуру въ томъ случаѣ, если васъ поставятъ подъ контроль особаго русскаго помощника попечителя. Но покамѣстъ помощникъ еще и не назначенъ. Въ такомъ случаѣ университетъ не принялъ бы безъ возраженій такое отдѣленіе принадлежащей ему каѳедры. Наконецъ, и прежде всего, вы должны быть убѣждены, что, если бы къ тому пришло, ваше положеніе въ нашей средѣ и какъ представителя науки ни въ какомъ бы случаѣ не измѣнилось. Вы все-таки остались бы для насъ нами выбраннымъ и выпрошеннымъ (erbetener) сотрудникомъ, и могли бы твердо разсчитывать на то, что всегда увидите насъ нравственно подлѣ васъ и за вами. Будетъ ли это въ томъ, чтобы провести съ вами то, что̀ вы сочтете нужнымъ въ интересѣ вашей науки и вашей каѳедры, или въ томъ, чтобы дать вамъ въ чемъ-либо опору и поддержку и раздѣлить съ вами всю отвѣтственность, которую вы примете.

«Чѣмъ больше стремятся къ тому, чтобы русскій языкъ и

литературу изъ академическаго преподаванія превратить въ Prügelfach, тѣмъ больше мы будемъ вамъ обязаны благодарностью, если вы при вашихъ обстоятельствахъ на наше довѣріе отвѣтите довѣріемъ и рѣшительно вступите въ нашу среду. . . Я очень хорошо понимаю, что передъ вами возстаютъ величайшія недоумѣнія (Bedenken); между тѣмъ повѣрьте мнѣ, если я скажу вамъ, что университетъ смотритъ на васъ какъ на своего; что онъ ни прямо, ни косвенно не помышляетъ налагать на васъ какое-нибудь принужденіе, но что онъ будетъ самымъ глубокимъ образомъ сожалѣть, если потеряетъ васъ и вслѣдствіе вашего ухода именно попадетъ въ самое затруднительное положеніе». . .

Въ то время въ нашей печати шла оживленная, въ большинствѣ крайне односторонняя, полемика объ остзейскомъ вопросѣ. Мы указывали выше, какъ вообще относился Котляревскій къ тогдашнимъ вопросамъ этого рода: первыми и единственными интересами его были интересы научные; «суета дня» возбуждала въ немъ «инстинктивное», почти «болѣзненное» отвращеніе — онъ имѣлъ уже свой опытъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ былъ достаточно широко просвѣщенный человѣкъ, чтобы сохранить безпристрастіе и гнушаться крайностями. Очевидно, въ немъ цѣнили это безпристрастіе и исключительную преданность наукѣ, которая притомъ была по преимуществу археологическая, тѣмъ болѣе далекая отъ суеты дня.

Его диссертаціей было то изслѣдованіе «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ», которое занимаетъ первую половину 3-го тома академическаго изданія. Книга посвящена была гр. А. С. Уварову.

Котляревскій началъ лекціи въ Дерптскомъ университетѣ съ половины 1868 года, съ перваго семестра. Сколько можно судить по тогдашней перепискѣ, его впечатлѣнія на первый разъ были двойственны: надо было устроиться въ новой обстановкѣ, чтó при упомянутыхъ условіяхъ было повидимому не совсѣмъ легко,—въ письмѣ отъ ноября 1868 г. Ор. Миллеръ радовался, что Котляревскому unheimlich въ Дерптѣ, и у него являлось

желаніе привлечь Котляревскаго въ Петербургъ (мы упоминали объ его надеждѣ этимъ путемъ привлечь Котляревскаго и въ славянофильство); но съ другой стороны дружескій пріемъ сотоварищей и начавшаяся любимая работа должна была доставить желанное нравственное удовлетвореніе. Въ письмѣ къ Срезневскому, отъ 17 ноября, мы имѣемъ его собственныя показанія:

«...Кромѣ казенныхъ такъ называемыхъ практическихъ упражненій, я читаю студентамъ курсъ исторіи русской литературы и энциклопедію славистики, т. е. попросту сказать, филологическое обозрѣніе славянскихъ нарѣчій; на первую имѣю всегда около 30—50 слушателей, на второе—только 5, но за то постоянныхъ, съ любовью занимающихся симъ новымъ и въ стѣнахъ Дерптскаго университета неслыханнымъ доселѣ предметомъ. Это меня радуетъ и поощряетъ къ работѣ. Кромѣ того съ января у меня на дому учреждается маленькій семинарій для славяновѣдѣнія, всего изъ 3-хъ человѣкъ: 1—русскій, 1—полякъ и 1—«грекъ духомъ, а родомъ—германецъ». Влечетъ меня все это и благодѣтельно дѣйствуетъ на меня, прогоняя унаслѣдованную отъ отцовъ—лѣнь. Не оставляю я безъ вниманія и другого существеннаго вопроса, именно «докторства»,—и вотъ я сижу теперь надъ выуживаніемъ древнѣйшихъ остатковъ славянской поэзіи изъ лѣтописцевъ: что̀ ночью напишу по-русски, то днемъ переводится мною по-латыни, а чрезъ день прочитывается съ единымъ отъ латинскихъ *даскалъ* и исправляется. Это для Дерпта: мнѣ совѣстно явиться въ С.-Петербургскій университетъ съ трудомъ необъемистымъ и не особенно значительнымъ, потому я хочу прежде здѣсь получить степень доктора *общей* филологіи, а тамъ, благословясь, явлюсь и къ вамъ за тою же степенью, только по славянскому любезному отдѣлу. Двойной трудъ и излишній—скажете вы»,—но онъ объясняетъ это необходимостью имѣть скорѣе ординатуру... «Теперь о моихъ новыхъ товарищахъ. Вы повѣрите мнѣ, когда я скажу вамъ, что въ нихъ я не только не замѣтилъ предубѣжденія противъ русско-славянской науки, но даже и тѣни его: приняли они меня какъ родного и относятся

ко мнѣ въ полномъ смыслѣ какъ къ близкому товарищу; особенно это должно сказать о тѣхъ нѣмцахъ, которые призваны изъ-за границы. Изъ нихъ назову здѣсь извѣстнаго Лео Мейера, личность, въ полномъ смыслѣ слова, ангельскаго благодушія: съ января онъ начинаетъ учиться со мною древне-славянскому языку, а я—съ нимъ языку готскому, въ которомъ онъ едва ли не сильнѣе всѣхъ въ Европѣ»...

Срезневскій писалъ ему отъ 8 декабря: «...Какъ я радуюсь вашему положенію въ Юрьевѣ нѣмецкомъ, вашему сближенію съ Л. Мейеромъ, вашимъ успѣхамъ въ аудиторіи, вашимъ намѣреніямъ не медлить докторствомъ и открыть семинарію, само собою разумѣется. Вы знаете и главнѣйшую нелицепріятную причину этой радости: хочется, чтобы Котляревскій не только былъ извѣстенъ въ своемъ кружкѣ, но былъ бы славой своего народа, какъ того достоинъ по своимъ дарованіямъ». Въ концѣ онъ говоритъ о своей работѣ: «Съ этимъ письмомъ посылаю вамъ корректуру начала моего словаря. Просмотрите ее вмѣстѣ съ Л. Мейеромъ и сообщите ваши общіе совѣты относительно распорядка. Принимаясь за печатаніе этого труда, занимавшаго меня долгіе годы такъ покойно, чувствую боязнь, которой прежде не вѣдалъ, и готовъ Богъ знаетъ на что, чтобы хоть сколько-нибудь не унизить достоинства дѣла. Вы меня обидите, если на этотъ вызовъ отвѣтите почтительнымъ молчаніемъ».

Въ имѣвшихся у насъ письмахъ мы не нашли отвѣта Котляревскаго на этотъ вопросъ, а также въ бумагахъ его не нашлось и упомянутой здѣсь работы относительно древней славянской поэзіи: подобная тема была впослѣдствіи (1876) затронута въ изслѣдованіи И. В. Ягича.

Въ Дерптѣ археологическіе интересы Котляревскаго нашли новое приложеніе. Онъ сдѣлался членомъ тамошняго «Ученаго Эстонскаго Общества», принималъ дѣятельное участіе въ его дѣлахъ, предлагалъ мѣры къ большему оживленію его трудовъ и помѣстилъ нѣсколько работъ въ его (нѣмецкихъ) изданіяхъ. Еще до переселенія въ Дерптъ, онъ участвовалъ и въ первомъ

началѣ знаменательнаго предпріятія московскаго Общества, именно перваго Археологическаго Съѣзда, осуществившагося въ 1869. На первый разъ Московское Общество поручило Котляревскому вступить въ сношенія съ Обществомъ петербургскимъ и сообщить на обсужденіе его членовъ нѣкоторыя подробности плана предполагаемаго съѣзда. На самомъ съѣздѣ ему однако не удалось быть—вслѣдствіе болѣзни домашнихъ. К. К. Гёрцъ, который въ особенности остался въ Москвѣ корреспондентомъ Котляревскаго по археологическимъ предметамъ, извѣщалъ его, что̀ дѣлалось въ Москвѣ, писалъ о приготовленіяхъ къ съѣзду и (въ письмѣ отъ 3 февр. 1869) спрашивалъ, будетъ ли онъ самъ на съѣздѣ: «безъ васъ нашъ съѣздъ какъ-то немыслимъ и ваше отсутствіе будетъ очень ощутительно. Поэтому выведите насъ изъ сомнѣнія... потому что этотъ вопросъ интересуетъ не только меня, но и гр. Уварова, Аѳанасьева... и т. д. Мы всѣ ждемъ васъ съ распростертыми объятіями»... Когда съѣздъ состоялся, кромѣ Гёрца, писалъ о немъ подробно и Срезневскій, который вообще былъ въ восторгѣ отъ его содержательности и хорошей организаціи, составлявшей заслугу гр. Уварова. Въ письмѣ отъ 27 апрѣля 1869, Срезневскій говоритъ о предпріятіи московскаго Общества, какъ о «подвигѣ, — въ зарожденіи котораго вы принимали такое живое участіе и дальнѣйшее веденіе котораго безъ васъ мнѣ долго казалось страннымъ. Подвигъ совершился великолѣпно»...

Археологическій Съѣздъ открывался въ Москвѣ 16 марта; передъ тѣмъ въ февралѣ 1869 праздновался 50-лѣтній юбилей Петербургскаго университета,—на который ожидали между прочимъ депутатовъ отъ Дерптскаго университета. Въ письмѣ отъ 21 февр. Срезневскій извѣщалъ, что голосъ Котляревскаго «принятъ былъ съ полною признательностью: пожалѣли только, что вы не лично участвовали въ нашихъ торжествахъ, а вмѣстѣ и о томъ, что отъ Дерптскаго университета не было вовсе депутатовъ, въ чемъ впрочемъ глухо обвиняютъ не совѣтъ, а попечителя. Такъ ли и должно понимать?»

На этотъ вопросъ Котляревскій отвѣчалъ въ длинномъ письмѣ (съ глаголической помѣтой: «Юрьевъ, 1869, сѣчень 24»), гдѣ подробно объяснялъ, что «неучастіе Дерптскаго университета произошло совершенно случайно: винить здѣсь нельзя ни совѣтъ, ни попечителя, а развѣ только *боязливость* попечителя». Дѣло въ томъ, что совѣтъ выбралъ депутатами двухъ профессоровъ; попечитель не могъ измѣнить постановленія совѣта, но совершенно частнымъ образомъ далъ знать, что выборъ сдѣланъ не совсѣмъ удачно, такъ какъ оба выбранные не говорятъ по-русски: «изъ этого,—говорилъ онъ,—при теперешнемъ нерасположеніи къ остзейскимъ землямъ выведутъ непремѣнно недоброе заключеніе: скажутъ, что нѣмцы хотѣли сдѣлать демонстрацію etc». Попечитель предлагалъ послать кого-нибудь знающаго по-русски; ректоръ, по совѣщанію съ другими, затруднился, потому что это оскорбило бы выбранныхъ, а послать прежде выбранную депутацію значило бы не уважить мнѣнія попечителя, — «которымъ всѣ, и нѣмцы, и русскіе, дорожатъ какъ человѣкомъ высокаго безпристрастія, нравственныхъ качествъ и образованія. Оставалось сдѣлать то, что̀ было сдѣлано».

«Вообще, — продолжаетъ Котляревскій, — скажу вамъ такъ, какъ сказалъ бы отцу родному,—во всей этой исторіи не было ни јоты нѣмецкаго нерасположенія къ русскимъ, ни јоты какой-нибудь нѣмецкой демонстраціи; событіе произошло чисто по домашнимъ обстоятельствамъ. Прискорбно, что это случилось, еще прискорбнѣе, что оно вызвало разныя миѳическія толкованія въ обществѣ и журналистикѣ, но что всего прискорбнѣе, это— *обвиненіе противъ попечителя*, о которомъ всякій русскій скажетъ здѣсь: «дай Богъ, чтобы каждый остзейскій нѣмецъ былъ такимъ *русскимъ*, какъ онъ». Самые слѣпотствующіе остзейскіе патріоты склоняются передъ его высокою личностью, съ сожалѣніемъ отзываясь только: «dass, leider, er ist zu wenig Patriot». Я имѣлъ уже съ нимъ много дѣлъ «по департаменту россійскаго языка и краснорѣчія» и всегда находилъ истинно нѣмецкую добросовѣстность и истинно русское прямодушіе, истинно человѣческое

желаніе сдѣлать добро и пользу. Скажу откровенно: если преподаваніе русскаго языка въ остзейскихъ гимназіяхъ еще держится на *порядочной* степени, то этимъ онѣ обязаны не университету, гдѣ Розбергъ 35 лѣтъ бездѣйствовалъ, не распоряженіямъ министерства, а распоряженіямъ этого нѣмца-попечителя. Теперь, эта часть отошла отъ него въ особое вѣдомство, глава котораго... началъ съ того, что распушилъ всѣхъ учителей гимназій за то, что они говорятъ и пишутъ не по его грамматикѣ, а въ этой грамматикѣ, вообще чреватой открытіями, есть напр. и такой законъ: «предлогъ *въ* сочиняется съ винительнымъ падежомъ, когда говорится о какой-нибудь *игрѣ*, напр. карточная игра проникла *въ* деревню»; всего же лучше у него то, что «подлежащее можетъ стоять въ падежѣ *дательномъ*». Молодецъ этотъ былъ и у меня на лекціяхъ—по обязанности — и замѣтилъ мнѣ даже (разумѣется, въ видѣ скромнаго вопроса), что слово *искони* не есть славянское, а еврейское, съ чѣмъ, конечно, я и не преминулъ согласиться!»...

Отмѣтимъ въ томъ же письмѣ вопросъ: «...Въ вашихъ «Памятникахъ русскаго языка и письма» опущены монеты Владиміра 1-го. Признаете ли вы ихъ достовѣрность или нѣтъ?» Благодаря за присылку Памятниковъ юсоваго письма, Котляревскій замѣчаетъ: «прочтя со вниманіемъ вводныя статьи, я отложилъ изученіе текстовъ до весны, когда исполню это съ подобающимъ вниманіемъ. Для меня, однако, и теперь очевидно, что вопросъ объ отечествѣ др. славянскаго языка послѣ вашей книги долженъ быть рѣшаемъ иначе, чѣмъ доселѣ рѣшался»...

Срезневскій (27 апр. 1869) отвѣчалъ: «...Ваше письмо о попечителѣ вашемъ и вообще о Дерптскомъ университетѣ въ отношеніи къ нашему меня очень обрадовало, но не разсѣяло сомнѣній другихъ, кому я читалъ его... Вы спрашиваете меня о монетахъ Владиміра, признаю ли я ихъ достовѣрность; не могу отвѣчать на это, потому что не знаю, какому Владиміру ихъ слѣдуетъ приписать. На основаніи неумѣнья отнести памятника къ какому-нибудь опредѣленному времени, я не далъ мѣста въ своемъ

обозрѣнія нѣсколькимъ важнымъ, и между прочимъ уставу о мостовыхъ, передѣлкѣ слова Заточника и т. п.».

Изъ дерптскихъ сношеній Котляревскаго укажемъ нѣсколько любопытныхъ подробностей въ письмахъ Ор. Миллера, который, несмотря на продолжавшіяся и теперь нѣкоторыя разнорѣчія, относился къ Котляревскому съ большимъ сочувствіемъ. Въ письмѣ отъ 27 ноября 1870, Миллеръ говорилъ: «Очень жаль, что я, по вашему, слишкомъ жестко обошелся съ Невоструевымъ [1]) — только... фанатикомъ, какъ вы объясняете. Можетъ быть, если бы я это зналъ, то нѣсколько бы смягчилъ тонъ; но дѣло не въ личности Невоструева, а въ принципѣ. Хотя я, разумѣется, совершенно увѣренъ въ томъ, что *жечь* мы уже не станемъ, но трудно, согласитесь, не видать, что число приверженцевъ *насилованія совѣсти* въ широкомъ смыслѣ этого слова у насъ еще очень и очень велико. Къ тому же мнѣ хотѣлось разъяснить и *исторически* вопросъ о крутыхъ мѣрахъ противъ еретиковъ, вызвать у Невоструева съ его громадной ученостью всѣ, какія только могутъ существовать, фактическія доказательства инквизиторскихъ стремленій въ Восточной Церкви. Я и теперь не теряю надежды, что, задѣтый за живое, онъ постарается выкопать таковыя, а какія они тамъ окажутся, мы потомъ посмотримъ»...

Онъ упоминаетъ въ томъ же письмѣ, что рѣшился совсѣмъ проститься съ «Зарей» — вслѣдствіе статьи, помѣщенной тамъ («Вздохъ на могилѣ Карамзина»), съ которою онъ слишкомъ не соглашенъ...

Любопытно, и въ нѣкоторыхъ чертахъ не совсѣмъ понятно болѣе раннее письмо Миллера (отъ 16 марта 1869). Припомнимъ, что передъ тѣмъ, въ 1868, В. В. Стасовъ произвелъ своими статьями «О происхожденіи русскихъ былинъ» великій переполохъ въ средѣ историковъ древней русской поэзіи, особливо

1) Рѣчь идетъ о статьѣ Миллера: «Инквизиторскія вожделѣнія ученаго», въ журналѣ «Заря», 1870.

тѣхъ, которые распространяли теорію миѳологическаго истолкованія былиннаго эпоса: этой теоріи онъ противопоставилъ гипотезу, или полную увѣренность, о прямомъ заимствованіи былинныхъ сюжетовъ съ тюркскаго, иранскаго и иного Востока. По другимъ основаніямъ, къ миѳологической теоріи, какъ мы выше упоминали, не былъ расположенъ Срезневскій. Ор. Миллеръ пишетъ: «...Еще на вашемъ диспутѣ вы не сдержали условія — выясниться, на запросъ съ моей стороны, на счетъ «теоріи заимствованій». Вы объясняли это тогда тѣмъ, что Срезневскій грозилъ въ такомъ случаѣ закрытіемъ диспута (?), — и сочли такое объясненіе достаточнымъ. Что же касается меня, то и угрозы цѣлой сотни Срезневскихъ не помѣшали бы мнѣ высказать то, что̀ я считаю полезнымъ». У Котляревскаго Миллеръ находилъ какъ бы излишнюю «осторожность»... Далѣе: «Въ докторской диссертаціи вашей [1]), какъ оказывается изъ вашего письма, будетъ глава, задѣвающая *нашего пріятеля* [2]). Уже это одно могло бы отчасти служить объясненіемъ вашего молчанія *теперь*, но дѣло принимаетъ другой оборотъ, если вѣрны дошедшіе до меня слухи, будто бы диссертація ваша пишется по-латыни!! Въ такомъ случаѣ, согласитесь, полемика съ *нашимъ пріятелемъ* произойдетъ у васъ *въ тайнѣ*. А такъ какъ въ нашъ вѣкъ писать по-латыни — извините — смѣшно, то меня и томитъ подозрѣніе, ужь не для того ли ухватились вы за латынь, чтобы избѣжать *открытой* полемики?»

Мы видѣли, что цѣль была другая; но измѣнившіяся обстоятельства совсѣмъ упразднили вопросъ о латинской диссертаціи...

Видимо по иниціативѣ Котляревскаго, въ Дерптѣ поставлена была новая русская кандидатура — по каѳедрѣ русской исторіи, освободившейся съ удаленіемъ Ширрена. На каѳедру предложенъ былъ В. О. Ключевскій; но кандидатура не состоялась, хотя, сколько видно изъ переписки, сами нѣмецкіе профессора

1) Припомнимъ, что Котляревскій думалъ одно время защитить въ Дерптѣ диссертацію о древней славянской поэзіи, на латинскомъ языкѣ.

2) Подразумѣвается, вѣроятно, В. В. Стасовъ.

были ею заинтересованы: В. О. Ключевскій сначала не получалъ утвержденія потому, что имъ не была еще представлена магистерская диссертація, — а потомъ передъ нимъ открылся другой путь...

Въ Дерптѣ Котляревскій познакомился съ Н. А. Ивановымъ, нѣкогда извѣстнымъ профессоромъ Казанскаго университета, а теперь занимавшимъ должность учителя русскаго языка въ гимназіяхъ дерптскаго округа (въ Дерптѣ и Митавѣ). Онъ вскорѣ затѣмъ умеръ. Котляревскій, къ которому Ивановъ относился съ большой любовью и уваженіемъ и который съ своей стороны очень цѣнилъ дарованія Иванова, по его смерти посвятилъ ему сочувственный некрологъ.

Съ осени 1869, у Котляревскаго открылись на этотъ разъ уже тревожные симптомы болѣзни, которая съ тѣхъ поръ уже не покидала его; тѣмъ не менѣе онъ усиленно былъ занятъ научными планами. Какъ направлялись теперь работы Котляревскаго, находимъ указанія въ письмѣ его къ Срезневскому (отъ 4 апрѣля, 1870): «...Тяжелую и непривѣтливую зиму пришлось перенести мнѣ: съ самой осени меня начало тревожить стѣсненіе въ груди, затѣмъ открылся удушливый кашель съ кровохарканьемъ... Въ такомъ положеніи товарищи-доктора запретили мнѣ выходить на лекціи и я читалъ ихъ у себя на дому... Болѣзнь отняла у меня много времени, но сложа руки я не сидѣлъ, а потихоньку обработывалъ «Древности Балтійскихъ Славянъ». Работа эта такъ стала дорога мнѣ, что я, зная и высоко цѣня ваше вниманіе ко мнѣ, позволяю себѣ сказать о ней нѣсколько словъ, въ полной увѣренности, что вы не поскучаете ими.

«Если припомните, — по вашему доброму совѣту, я рѣшился изслѣдовать *новооткрытыя* житія Оттона Бамбергскаго, разумѣется, только въ отношеніи славянскихъ древностей. Окончивъ это *нетрудное* дѣло, я увидѣлъ, что ограничиться имъ *трудно*: не выходило ничего цѣльнаго; тогда сама собою явилась у меня мысль: изслѣдовать такимъ же образомъ всѣ памятники XII вѣка,

которые говорятъ о древностяхъ Балтійскихъ Славянъ; отсюда — еще шагъ впередъ, и я принялся изучать уже *всѣ безъ исключенія* памятники до XIII вѣка, начиная съ древнѣйшихъ. Результатомъ такой работы была, во-первыхъ, огромная груда замѣтокъ; во-вторыхъ желаніе привести эти замѣтки въ порядокъ и обработать, насколько возможно, всю область древностей Балтійскихъ Славянъ. Главное сдѣлано, не изслѣдована вполнѣ только старина Славянъ Бранибсрскихъ, ибо я не имѣлъ возможности воспользоваться многотомнымъ Riedel'евымъ Codex'омъ бранденбургскихъ грамотъ. Мѣста изъ источниковъ собраны всѣ и, расположенныя систематически, они будутъ *въ подлинникѣ* приложены къ труду, если только ему суждено когда-нибудь увидѣть свѣтъ Божій. Работка не представитъ многаго новаго, но матерьялъ, надѣюсь, собранъ полно и пересмотрѣнъ осмотрительно; приняты также къ свѣдѣнію и всѣ новѣйшія разысканія археологовъ въ Мекленбургѣ и Помераніи»... Впослѣдствіи, онъ имѣлъ въ виду представить часть этой работы, именно древности юридическія, въ Петербургскій факультетъ какъ докторскую диссертацію: такъ это послѣ и случилось.

«...Что дѣлается въ русскомъ ученомъ мірѣ вообще и въ вашемъ въ особенности?... Все это для меня вещи темныя, но знать которыя меня побуждаетъ не праздное любопытство, а настоящая душевная потребность. Не шутя говоря, мое положеніе здѣсь ничуть не лучше положенія Данила Заточника на озерѣ Лачѣ и различается отъ него развѣ тѣмъ, что я мечтаю не о княжескихъ палатахъ и пирахъ, а о болѣе скромныхъ интересахъ родной науки, которые не находятъ здѣсь никакой пищи, и ни въ комъ, кромѣ моихъ немногихъ студентовъ, не встрѣчаютъ привѣта.

«Недавно я получилъ книгу О. Миллера объ Ильѣ Муромцѣ: уже одинъ видъ сей махины привелъ меня въ трепетъ, чтеніе же нѣкоторыхъ отдѣловъ ея (ибо кто можетъ прочесть *всю* сію новую Голубиную книгу, которую «на рукахъ держать — не сдержать будетъ, на налой положить—не уложится»!..) привело меня

въ сокрушеніе: сколько почтеннаго, благороднаго труда затрачено почти втунѣ. Все истинно полезное и годное въ ней можно было представить не болѣе какъ на сотнѣ страницъ, а здѣсь ихъ чуть ли не *тма*, сверхъ этого—есть цѣлые отдѣлы, наполненные *тмою*. А все же хорошо, что есть такіе благородные труженики, хотя и совѣстно послѣ этой книги представлять на степень доктора свою, въ какіе-нибудь 10 печатныхъ листовъ.

«У насъ новый попечитель [1]), человѣкъ хорошій и добрый, подающій надежды, что со временемъ и ему будутъ не вполнѣ чужды интересы науки»...

Срезневскій отозвался скоро, уже 8 апрѣля,—совѣтовалъ пить кумысъ не въ Москвѣ (какъ намѣревался Котляревскій), а на его родинѣ въ степи; жаловался на свое долгое нездоровье, и объ ученыхъ планахъ писалъ: «...Предметъ работы вашей мнѣ очень нравится, и безъ сомнѣнія выдѣланъ будетъ вами съ обычнымъ мастерствомъ и безъ увлеченія въ защиту своебытности слав. религіи, нрава и права, аки самородковъ славянскихъ. Избравъ для докторской диссертаціи древности юридическія, вы дѣлаете вдвойнѣ доброе дѣло, рѣшаясь взять часть наименѣе затронутую и очень любопытную. Конечно, вы не оставите въ сторонѣ и вліяніе нѣмецкаго и римскаго (права). Жду съ нетерпѣніемъ вашего пріѣзда, чтобы поговорить подробнѣе». Съ такимъ же сочувствіемъ планъ разработки древностей балтійскаго славянства встрѣченъ былъ и А. А. Куникомъ: «Тема вашей диссертаціи выбрана превосходно,—говорилъ онъ (отъ 23 февр. 1870).—Вы окажете существенную услугу молодымъ и старымъ славистамъ, если будете цитировать текстуально. Обратите особенное вниманіе на мореплаваніе и торговлю Балтійскихъ Славянъ»...

Дерптскія отношенія, какъ мы уже видѣли примѣры, въ это время стали усложняться; тогда уже развивалась все болѣе рѣзкая полемика относительно административнаго положенія Ост-

---

1) Жерве.

зейскаго края и значенія въ немъ русскаго элемента. Котляревскій относился къ полемикѣ съ разумнымъ спокойствіемъ и, между прочимъ, живя на мѣстѣ, могъ видѣть преувеличенія молвы, которыми эта полемика сопровождалась и которымъ онъ не могъ сочувствовать, — какъ было напр. съ упомянутыми обвиненіями противъ гр. Кайзерлинга. Борьба страстей обыкновенно не оставляетъ въ покоѣ людей съ подобными умѣренными взглядами; такъ случилось и здѣсь. Нѣтъ надобности и возможности излагать здѣсь этого спора объ остзейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе котораго, между прочимъ, долженъ былъ покинуть Дерптскій университетъ одинъ изъ его наиболѣе замѣчательныхъ профессоровъ, Ширренъ; ограничимся нѣсколькими данными изъ переписки Котляревскаго.

Въ письмѣ изъ Москвы (отъ 13-го іюля), гдѣ Котляревскій проводилъ лѣто, къ одному изъ русскихъ друзей, почтенному старожилу Дерпта, Котляревскій сообщаетъ новости: «...Въ Москвѣ — цѣлая буря по поводу книги Ширрена, буря, которая увеличивается еще и тѣмъ, что въ иностранныхъ газетахъ постоянно помѣщаются глупѣйшія и нелѣпѣйшія корреспонденціи изъ Дерпта etc... Все опрокидывается на бѣднаго Кайзерлинга, распущены цѣлые мноы о томъ, какъ онъ науськивалъ Ширрена, сдѣланы были даже рѣшительныя попытки столкнуть Кайзерлинга, но, къ счастію, не удались...

«Обо всемъ этомъ писать неудобно, передамъ при свиданіи.

«На дняхъ въ «Голосѣ» будетъ (если уже не была?) статья Погодина противъ Ширрена, уморительная статья: онъ читалъ мнѣ ее въ рукописи и я хохоталъ, какъ сей... старецъ становится на колѣни передъ правительствомъ, прося *не учить никого изъ нѣмцевъ по-русски*, ибо, ознакомившись съ русскимъ языкомъ, они будутъ еще зловреднѣе...

«Вообще, здѣсь господствуетъ повальное настроеніе противъ нѣмцевъ, но я имѣю всѣ основанія думать, что оно не приведетъ ровно ни къ какому *доброму результату*, потому что основы-

вается не на знаніи обстоятельствъ и дѣлъ, а на безсмысленно-фанатически-идеологическомъ раздраженіи.

«Пытался я нѣкоторымъ открыть глаза, такъ куда тебѣ: говорятъ, что нѣмцы меня обошли! Богъ съ ними! Одно—правда, что книга Ширрена *никому* не принесетъ добра и не откроетъ глазъ, ни нѣмцамъ, ни русскимъ».

Надежды Котляревскаго не оправдались. Гр. Кайзерлингъ оставилъ свое мѣсто въ Дерптскомъ учебномъ округѣ, и вліяніе получили новыя лица. Одинъ изъ учениковъ Котляревскаго, жившій въ Ригѣ, писалъ ему (въ апрѣлѣ, 1870?), что вліятельные люди были имъ недовольны за то, что въ совѣтѣ университета Котляревскій не заявлялъ открытаго протеста противъ подачи какого-то адреса[1]): «въ нашемъ краѣ, — говорили они, — надо требовать отъ всякаго русскаго, чтобы онъ, помимо своихъ служебныхъ, спеціальныхъ занятій, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и общественнымъ дѣятелемъ, а профессору русскаго языка въ этомъ отношеніи открыто обширнѣйшее поприще, чѣмъ кому-либо изъ профессоровъ Дерптскаго университета... Добро бы еще онъ отказался участвовать въ засѣданіи, какъ А., это бы еще было ничего, такъ себѣ»... «Васъ называютъ здѣсь, — продолжаетъ корреспондентъ, — сыномъ Ширрена, а Ключевскаго уже напередъ окрестили его внукомъ, и при имени его — Ключевскаго — пожимаютъ плечами»...

Можно судить о степени проницательности этихъ лицъ послѣ того, что̀ мы видѣли выше изъ словъ самого Котляревскаго; насколько былъ угаданъ В. О. Ключевскій, — говорить нечего.

«Тѣ-же самыя мысли, — продолжаетъ корреспондентъ, — слышалъ я и отъ другихъ лицъ, особенно въ русскомъ клубѣ, который теперь вообще сильно славянофильствуетъ. Тутъ говорятъ уже прямо: Котляревскій — измѣнникъ, его надо долой! Кто не за насъ, тотъ противъ насъ»...

Можно представить, какъ подобныя извѣстія должны были

[1]) Кайзерлингу?

дѣйствовать на Котляревскаго, для котораго основнымъ интересомъ и умственнымъ и нравственнымъ оставалась наука. Съ 1869 года въ его письмахъ уже являются выраженія недовольства; Ор. Миллеръ радовался, что его ожиданія оправдываются, что ему «не живется съ нѣмцами»... Пока, не жилось ему отъ другихъ причинъ; вскорѣ разстроились и отношенія съ нѣмцами, но по инымъ, новымъ основаніямъ...

Лѣтомъ 1870, вспыхнула франко-прусская война. Одинъ изъ наиболѣе дружественныхъ съ Котляревскимъ дерптскихъ профессоровъ жилъ на каникулахъ за границей, дома въ Усларѣ, близъ Гёттингена. Здѣсь внезапно захватило его объявленіе войны, и профессоръ писалъ (отъ 4 августа) Котляревскому о величайшемъ возбужденіи въ Германіи: оно увлекло и почтеннаго ученаго, германскаго подданнаго[1]).

Въ концѣ года Котляревскій писалъ (отъ 14 декабря) Срезневскому,—и это письмо указываетъ, въ какомъ настроеніи проходило у него это время: «...Мое положеніе въ Дерптѣ часъ отъ часу ухудшается: не говоря уже объ очень неудовлетворительномъ состояніи здоровья (питье кумыса[2]) помогло, но не много), въ нравственномъ отношеніи остаюсь чуть не полнымъ сиротою: всѣ товарищи ударились въ политику и, встрѣчая съ моей стороны полную холодность къ прусскимъ торжествамъ, далеко отошли отъ меня, а иные—даже далѣе, чѣмъ слѣдуетъ умнымъ и образованнымъ людямъ. Самъ М., съ которымъ всего болѣе былъ связанъ я и дружбою и наукою и котораго не перестаю любить и уважать, смотритъ на меня съ видомъ глубокаго, сердечнаго сожалѣнія и сострадания, какъ на человѣка больного, тронувшагося и лишеннаго способности наслаждаться высшей благодатью, т. е. прусскою бойнею. Слышалъ я даже, что онъ внушаетъ другимъ нѣмцамъ имѣть ко

1) Между прочимъ: ...«Durch ganz Deutschland geht eine wüthende Erregtheit und flammende Begeisterung gegen Frankreich, dessen frivole Frechheit doch auch alles Maass übersteigt»...

2) Лѣтомъ на дачѣ, въ Москвѣ.

мнѣ «снисхожденіе». Спасибо и на томъ доброму другу! Это, кажется, все, что меня связываетъ теперь съ нѣмцами, ибо интересъ науки здѣсь упалъ совершенно! Жить въ такой средѣ тяжело, — и я заперся дома и раздѣляю время между семьей и наукой, свободной отъ пристрастій политическаго скудоумія!

«Диссертація идетъ тихо, но идетъ; въ январѣ... отдаю печатать... Окончить думаю въ апрѣлѣ; до конца мая время есть, если факультетъ одобритъ ее, назначить диспутъ. Хотѣлось бы поскорѣе развязаться съ этимъ мытарствомъ; быть можетъ, вмѣстѣ съ этимъ развяжусь я съ Дерптомъ...

«Война и въ Германіи произвела свое *благодѣтельное* дѣйствіе: большая часть ученыхъ предпріятій остановилась, выходитъ только ничтожное и очень рѣдко что-нибудь замѣчательное. Въ послѣднемъ отношеніи вамъ вѣроятно извѣстны: 1) Raumer, Geschichte der deutschen Philologie, книга очень полезная и для насъ, обстоятельная и умная; 2) Müllenhoff, Deutsche Alterthumskunde; 1-й томъ говоритъ объ источникахъ, но такъ, какъ до него не говорили, т. е. съ истинно лахмановскою основательностью и критикой; 3) Dümmler, Die Legende v. heil. Cyrillus, т. е. о паннонскомъ житіи. Ничего не могу сказать объ этой книгѣ: не имѣлъ времени прочесть ее»...

Изъ дерптской переписки упомянемъ еще нѣсколько данныхъ. Въ письмѣ къ г. Хованскому, издателю воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ», которымъ вообще оказывалъ большое содѣйствіе при ихъ началѣ, Котляревскій рекомендуетъ работу одного изъ своихъ учениковъ: «...Одинъ изъ нихъ, Стремлеръ, подалъ мнѣ кандидатское разсужденіе о кашебскомъ языкѣ, прекрасный и важный для славянскихъ нарѣчій трудъ; я перешлю его къ вамъ, какъ только получу обратно изъ факультета; напечатайте поскорѣе[1]). Чтобы не являться на сей разъ съ пустыми руками, посылаю замѣтку о хорошей книгѣ г. Веселовскаго. Напечатайте!»...

---

1) Сочиненіе Стремлера явилось потомъ въ «Филолог. Запискахъ» за 1873—74 г.

Въ письмѣ П. В. Шейна (безъ года и числа, изъ Витебска) по поводу вышедшей тогда первой части его сборника (въ «Чтеніяхъ» моск. Общества ист. и древн.), находимъ замѣчаніе: «Между свадебными пѣснями напечатана, подъ конецъ, вами такъ обязательно мнѣ сообщенная превосходная пѣсня архангельской губ. Она служитъ, такъ сказать, вѣнцомъ всѣхъ свадебныхъ и составляетъ одну изъ лучшихъ, если ужь не самую лучшую пѣсню моего немаленькаго сборника»...[1]). Затѣмъ: «Если вашъ сборничекъ историческихъ и бурлацкихъ пѣсенъ никому еще не отданъ и если вы не собираетесь сами его издать, то вы бы меня крайне обязали, если бы вы великодушно украсили имъ мой сборникъ»... Объ этихъ историческихъ и бурлацкихъ пѣсняхъ мы не нашли никакихъ указаній, равно какъ и о томъ, что говорится въ другомъ письмѣ г. Шейна (отъ 28 августа, 1872): «Если собранныя вами преданія съ вами въ Дерптѣ, то перешлите ихъ мнѣ, я ихъ приведу въ порядокъ, пополню, если окажется возможнымъ, и пущу въ печать черезъ Географическое или другое Общество».

Мы не имѣемъ также свѣдѣній о томъ, что сталось съ планомъ работы Котляревскаго по курганнымъ древностямъ и раскопкамъ; онъ обращался съ вопросами объ этомъ къ барону В. Г. Тизенгаузену, имѣя, кажется, въ виду объединеніе имѣющихся данныхъ, — но работа, повидимому, не была приведена къ концу[2]).

Продолжалась изрѣдка переписка съ Киркоромъ, который жилъ уже въ Краковѣ и издавалъ небольшой журналъ «Na dziś». Въ письмѣ отъ 1 дек. 1871, онъ передавалъ Котляревскому просьбу профессора археологіи въ Краковскомъ университетѣ Лепковскаго, который, имѣя у себя рукописи Ходаковскаго, желалъ получить русскіе печатные матеріалы, чтобы написать его біографію, и думалъ, что можетъ просить объ этомъ Кот-

1) Упоминаемая пѣсня — въ сборникѣ г. Шейна: «Р. нар. пѣсни», ч. 1-я, М. 1870, стр. 555—557.

2) Письмо бар. Тизенгаузена отъ 10 января 1870.

ляревскаго: «Здѣсь вѣдь страшно предубѣждены противъ русскихъ ученыхъ и думаютъ, что они и отвѣчать не захотятъ». Имя Котляревскаго было тамъ очень извѣстно: книга его о погребальныхъ обычаяхъ, по словамъ Киркора, произвела такое впечатлѣніе, что вновь созидаемая въ Краковѣ академія наукъ думала избрать его въ свои члены, и Киркору поручали узнать, не встрѣтится ли къ тому какихъ препятствій, и приметъ ли Котляревскій избраніе.

Къ концу пребыванія въ Дерптѣ относится вѣроятно письмо къ Срезневскому (опять, безъ года и числа), гдѣ онъ говоритъ, что надежда напечатать диссертацію не исполнилась (напечаталъ всего 6 листовъ) и затѣмъ читаемъ: «Плохо живется здѣсь мнѣ, ... *нѣмецкіе* идеалы разсыпались, обнаружилась для меня «нагота и босота безпримѣрная» сихъ «наставниковъ человѣчества», душа просится на русскій воздухъ, а выходы всѣ заперты»...

Лѣто 1872 г. Котляревскій проводилъ опять въ Москвѣ и уже не возвратился на дерптскую каѳедру. Здоровье его все больше разстроивалось и потребовало наконецъ серіозныхъ заботъ: дерптскіе врачи совѣтовали провести зиму въ тепломъ климатѣ. Уже лѣтомъ была разрѣшена ему годовая заграничная командировка съ ученою цѣлью съ 1 октября 1872 г. и осенью онъ выѣхалъ съ семействомъ за границу. Начало этого путешествія разсказано было Котляревскимъ въ большомъ письмѣ къ Срезневскому отъ 1 декабря изъ Неаполя,—и мы приведемъ прямо выдержки:

«Началомъ моего итинерарія или хожденія была Варшава, гдѣ провелъ съ пользою около 10 дней. Несмотря на множество занятій П. А. Лавровскій [1]) удѣлялъ мнѣ не мало времени, и его дружескому участію обязанъ я не только многими добрыми совѣтами и указаніями, но и прямымъ рѣшительнымъ шагомъ къ улучшенію моего быта: онъ просилъ гр. Толстого (и тотъ со-

1) Въ то время ректоръ Варшавскаго университета.

гласился) перевести меня въ Варшаву. Дѣло еще не рѣшено, потому что мнѣ предлагается каѳедра исторіи русской словесности, новымъ періодомъ которой я не занимался и не буду заниматься, но во всякомъ случаѣ я не могу не быть глубоко признателенъ Лавровскому, хотя бы его намѣреніе и осталось только добрымъ намѣреніемъ [1])... Въ Варшавѣ я внимательно проглядѣлъ нѣкоторыя новыя книги по своему предмету. Изъ нихъ позволю себѣ обратить ваше вниманіе на двѣ: 1) Małkowskiego, Najdawniejszy pomniki języka polskiego и 2) Steckiego, Wołyń pod względem historycznym, archeologicznym etc., t. 1—2. Книгу Малковскаго вы, вѣроятно, уже просмотрѣли: весьма полезная какъ сборникъ матеріаловъ (впрочемъ, уже извѣстныхъ), хотя собранныхъ отрывочно, исполно... Филологическія объясненія любопытны лишь въ томъ отношеніи, что въ нихъ диковиннымъ образомъ смѣшаны поэзія и наука, фантазія и дѣйствительность. Выходитъ, по автору, что Кириллъ и Меѳодій писали по-польски... Тѣмъ не менѣе, книга полезная: видно, что авторъ прошелъ хорошую дипломатическую школу (онъ, говорятъ, былъ долго помощникомъ Ромуальда Губе) и очень плохую филологическую. Книга Стецькаго—прекрасная монографія Волыни, хотя авторъ глядитъ на мѣстность съ точки зрѣнія zabranego kraja. Нашему этнографическому отдѣлу слѣдовало бы обратить на нее вниманіе.

«Въ Вратиславѣ (Бреславлѣ) я протаскался два дня, тщетно усиливаясь найти какого-нибудь славянофила. Указали мнѣ на Неринга, занявшаго старое мѣсто Челяковскаго и извѣстнаго своимъ добропорядочнымъ трудомъ о псалтырѣ Małgorzaty, но и его на ту пору не было въ городѣ... За то въ Дрезденѣ я цѣлый день провелъ съ Пфулемъ, который мнѣ очень пришелся по душѣ. Въ его семьѣ я въ первый разъ услышалъ живую лу-

---

1) Оно имъ и осталось. Въ перепискѣ мы не нашли указаній о томъ, что было причиною этого; самъ Лавровскій въ концѣ того же года покинулъ Варшаву.

жицкую рѣчь и, сознаюсь, понялъ очень немного. Пфуль сообщилъ мнѣ, что лужицкое общество намѣрено издать reliquiae linguae polabicae ex antiquis diplomatis erutae et collectae, а равнымъ образомъ и словари Геннинга. Чтобы не остаться совсѣмъ чуждымъ дѣлу, я отдалъ Пфулю свой списокъ Геннингова словаря. Дѣломъ займется Горникъ. Пфуль просилъ меня усердно поклониться вамъ.

«Спѣша въ Прагу, я ничего не осматривалъ въ Дрезденѣ, кромѣ Клеммовскаго музея, который въ цѣлости пріобрѣтенъ городомъ. Въ Прагѣ, благодаря доброму Патерѣ, я былъ какъ дома. Цѣлые дни этотъ неоцѣненный человѣкъ шлялся со мною то въ музей, то къ антикварамъ, то, наконецъ, къ разнымъ сильнымъ и несильнымъ чешскаго міра.

«Съ Гатталой познакомился я, насколько можно было, сблизился: былъ у него на лекціяхъ исторіи чешскаго языка и исторіи литературы; говоритъ онъ тихо, логически, хорошо, дѣльно; но, къ сожалѣнію, и на каѳедрѣ не можетъ удержаться отъ полемики. Слушателей у него очень много, особенно на лекціяхъ по исторіи литературы, которую онъ читаетъ послѣ смерти Воцеля... Въ настоящее время Гаттала пишетъ книгу (по-нѣмецки) о Судѣ Любуши и Краледворской рукописи, а также печатаетъ въ одномъ чешскомъ журналѣ рядъ статей о všeslovanském jazyku a písmě: здѣсь онъ доказываетъ тщету усилій *составить общеславянскій языкъ* и говоритъ, что общеславянскимъ языкомъ можетъ стать только одно изъ живыхъ нарѣчій, скорѣе и лучше всего—какъ онъ мнѣ сообщалъ изустно—нарѣчіе русское... Статьи преинтересныя, но опять—горе—полныя оцта и желчи. Вмѣстѣ съ Патерой, онъ затѣваетъ издать рядъ памятниковъ древне-чешской литературы, которые изуродованы въ изданіяхъ Ганки и Шафарика (Wybor). Кстати о Патерѣ: неутомимое трудолюбіе его изумительно; онъ показывалъ мнѣ цѣлую огромную тетрадь или вѣрнѣе томище приготовленной имъ къ изданію переписки Копитара съ Добровскимъ, Ганкой (до ссоры ихъ) и другими лицами, а равно переписки разныхъ лицъ съ Добровскимъ. (ПисемъВостокова,

по его словамъ, не имѣется). Но гдѣ найти для этого издателя? Чешское литературно-ученое Общество — съ той поры, какъ чехи взяли тамъ перевѣсъ надъ нѣмцами—обѣднѣло: у него отняли правительственную субсидію. Кромѣ того Патера показывалъ мнѣ еще двѣ свои работы, на которыя я не могъ достаточно налюбоваться: 1) чешскія глоссы Mater Verborum, текстъ и палеографическія замѣчанія. Оказывается, что Шафарикъ и Палацкій просмотрѣли много глоссъ и, сверхъ того, вовсе не обратили вниманія на то, что не всѣ глоссы равномѣрной древности, что есть очень старыя, почти современныя рукописи, есть много новыхъ позднѣйшихъ и подозрительныхъ. У Патеры все это отмѣчено съ палеографическою точностью. Трудъ мозольный, но прекрасный! Оказывается, чѣмъ старѣе глоссы, тѣмъ онѣ естественнѣе и народнѣе. 2) Библіографія старинной чешской и вообще западно-славянской ученой литературы (за вычетомъ — польской). Готовыхъ № я видѣлъ до 10 тысячъ»...

Болѣе подробныя и точныя свѣдѣнія о взглядахъ Гатталы относительно общеславянскаго языка читатель найдетъ въ книгѣ г. Будиловича объ общеславянскомъ языкѣ [1]). Переписка Добровскаго издана впослѣдствіи И. В. Ягичемъ. Изслѣдованія Патеры о Mater Verborum нашли мѣсто въ изданіяхъ II Отдѣленія Академіи и послужили предметомъ соображеній Срезневскаго, встрѣтившихъ отпоръ въ извѣстныхъ статьяхъ г. Ламанскаго о новѣйшихъ памятникахъ древне-чешскаго языка. Библіографическій трудъ г. Патеры остается, кажется, до сихъ поръ неизданнымъ. Возвращаемся къ письму Котляревскаго.

«Видѣлъ и Палацкаго, конечно съ Ригромъ. Разговоръ изъ области науки скоро перешелъ въ политику... (Они) не безъ горечи выразили мнѣ, что Россія ничѣмъ не показываетъ своего сочувствія къ интересамъ чеховъ; я осмѣлился замѣтить, что не русскимъ слѣдуетъ ухаживать за чехами, а наоборотъ, ибо не мы въ нихъ, а они въ насъ нуждаются. Отвѣтъ сильно (имъ) не

---

1) Ср. «Вѣстн. Европы», 1892, апрѣль, май.

понравился... Сказать правду, эти чехи прекуріозный народъ! Нѣмцы настоящіе — и въ образѣ жизни и въ понятіяхъ: какъ нѣмцы думаютъ, что Богъ сотворилъ славянъ на работу имъ, такъ чехи полагаютъ, что русскіе должны на нихъ работать... Типъ настоящаго чеха старыхъ временъ я нашелъ только въ одномъ Браунерѣ, да и онъ болѣе походитъ на таборита изъ Жижкиной банды, чѣмъ на современнаго чеха... Въ Прагѣ только-что вышло въ свѣтъ продолженіе Regesta Moraviae et Bohemiae Эрбена; трудъ, совершенный еще покойнымъ, но въ порядокъ приведенъ Эмлеромъ... Становилось холодно, должно было спѣшить уйти отъ зимы... Вотъ почему въ Вѣнѣ я пробылъ на этотъ разъ не болѣе 5 дней. Познакомился съ Миклошичемъ, въ которомъ, дѣйствительно, нашелъ весьма обходительнаго человѣка, а не такого гордеца, какимъ мнѣ рисовалъ его Бодянскій. На мой вопросъ, нѣтъ ли у него писемъ Востокова къ Копитару, онъ отвѣтилъ: кажется, есть,—и если есть, то изъявилъ полное желаніе отдать ихъ вамъ для изданія. Не захотите ли... списаться съ нимъ?

«....Такъ какъ наступившая непогода и морозы не дозволили мнѣ побывать въ Загребѣ и Люблянѣ, то я и отложилъ посѣщеніе ихъ до лѣта, а теперь прямо изъ Вѣны черезъ Венецію и Римъ, гдѣ оставался по нѣскольку дней, чтобы хотя слегка осмотрѣть достопримѣчательное. Затѣмъ поселился въ Неаполѣ, на берегу моря. Сижу почти цѣлый день на открытомъ воздухѣ, пью ослиное молоко и московскій чай, занимаюсь помаленьку своимъ дѣломъ, между прочимъ—изученіемъ итальянскаго языка и литературы, сколько-нибудь соприкасающейся съ предметомъ моихъ занятій, а всего болѣе думаю о добрыхъ знакомыхъ въ отчизнѣ и утѣшаюсь мыслью—свидѣться съ ними.

«Плохое мѣсто для ученой дѣятельности не-классическаго характера — Неаполь: повѣрите ли вы, нѣтъ даже порядочныхъ книжныхъ лавокъ, а книгопродавцы—это такое невѣжественное племя, что стоитъ нашихъ. Книжныхъ каталоговъ нѣтъ; никто не знаетъ, что̀ издается, что̀ было издано».

За нѣсколько дней передъ тѣмъ Котляревскій писалъ о своемъ путешествіи нѣсколько словъ одному изъ дерптскихъ друзей, профессору Штидѣ (впослѣдствіи въ Кёнигсбергѣ): онъ разсказываетъ о путевыхъ невзгодахъ, дорогой жизни въ Неаполѣ, упоминаетъ о приглашеніи на варшавскую каѳедру, — но думаетъ, что изъ этого ничего не выйдетъ: «меня зовутъ на каѳедру русской словесности, которая мнѣ не по душѣ»... Къ тому же дерптскому другу онъ пишетъ изъ Неаполя отъ 5 мая (по-нѣмецки, а частію по-русски) передъ отъѣздомъ. Онъ опять говоритъ о своемъ рѣшеніи оставить дерптскую профессуру, и хочетъ вернуться въ Дерптъ лишь затѣмъ, чтобы окончить свои тамошнія дѣла—и то не въ настоящемъ году. Теперь онъ думалъ предпринять слѣдующее путешествіе: оставивъ семейство въ Прагѣ, онъ думалъ проѣхать на короткое время въ Берлинъ, потомъ во Франкфуртъ, пить воды въ Соденѣ и въ концѣ іюля вернуться въ Прагу, чтобы оттуда сдѣлать поѣздки по славянскимъ землямъ, и съ началомъ осени отправиться въ Швейцарію.

Изъ Праги, повидимому лѣтомъ 1873 года, онъ писалъ къ К. Н. Бестужеву-Рюмину (безъ года и числа):

«....Мое состояніе скорѣе улучшилось, чѣмъ ухудшилось; прошлую зиму было мнѣ скверно въ Неаполѣ; какъ будетъ теперь въ Римѣ — не знаю. Матеріалы мои по славянскимъ древностямъ, въ особенности—бытовымъ растутъ, но воспользуюсь ли я самъ этимъ, не знаю».... Онъ повторяетъ опять, что рѣшился выйти въ отставку, потому что предполагаетъ пробыть за границей полтора-два года. Въ Римѣ онъ надѣялся проникнуть въ іезуитскій архивъ, гдѣ есть важные матеріалы для русской исторіи и посмотрѣть тамъ, «нѣтъ ли чего старенькаго». «Я здѣсь въ Прагѣ задумалъ печатать если не весь свой трудъ, то часть его, именно юридическій бытъ. Часть манускрипта уже въ дѣлѣ, такъ что надѣюсь ровно черезъ годъ поклониться вамъ книгою...

«Тоска за границей для меня страшная: нѣтъ не только близкихъ людей, но нѣтъ даже людей ученыхъ, съ которыми можно было бы по душѣ поговорить, которымъ можно было бы удив-

литься.... Весь результатъ моего пребыванія въ Неаполѣ ограничился тѣмъ, что я ознакомился съ богатствами итальянской антикварной науки и пришелъ къ убѣжденію о нашей глупости: мы думаемъ, что только и премудрости, что въ нѣмцахъ, а старые итальянцы—это гиганты передъ ними».

На письмо изъ Неаполя Срезневскій въ концѣ 1872 года писалъ, что хочетъ прочесть нѣкоторыя мѣста изъ его письма въ Академіи, чтобы занести въ протоколъ извѣстія о трудахъ Патеры, Гатталы и др. Въ письмѣ Срезневскаго интересны между прочимъ его собственныя впечатлѣнія отъ Италіи. «Не понравились вамъ неапольскіе книгопродавцы,—пишетъ онъ,—и подѣломъ, а все-таки не мѣшаетъ останавливаться кое-когда у ихъ лотковъ (говорю о площадныхъ продавцахъ): я очень жалѣлъ, что не могъ ими попользоваться; у нихъ попадаются безподобныя вещи и чуть не за безцѣнокъ. Случаются и иностранныя изданія, но и безъ нихъ есть что̀ пожелать пріобрѣсти. Итальянцы поработали много и продолжаютъ работать: ихъ работы бранятъ обыкновенно—за мелочные недосмотры, а на многія изъ нихъ нельзя не смотрѣть съ полнымъ уваженіемъ. Бранятъ вѣдь итальянцевъ и за лѣнь. Присмотритесь пожалуйста къ этой такъ наз. лѣни—не въ часы сіесты, а съ ранняго утра, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому, что̀ этими лѣнивыми сдѣлано и дѣлается—всюду, что̀ долженъ сдѣлать человѣкъ для себя и для другихъ—тяжелымъ трудомъ и вмѣстѣ соображеніемъ, при постоянной борьбѣ съ природой, съ болотомъ, съ камнемъ, съ безводьемъ, съ наводненіемъ, съ текучей лавой и съ сыпучимъ пепломъ, и еще подъ гнетомъ суевѣрящаго духовенства. Намъ очень бы хотѣлось, чтобы и вы..... нашли въ Италіи, кромѣ даровитости и вкуса, хоть сколько-нибудь и того, что̀ дало поводъ поговоркѣ «le génie c'est la patience», выговариваемой бездарными въ утѣшеніе себѣ наизнанку, въ чемъ конечно итальянцы не нуждаются». Далѣе: «Болѣе всего итальянскаго въ Италіи, занимаете меня теперь вы,—и, простите, что скажу прямо наотрѣзъ,—ваша диссертація и ваше мѣсто въ Варшавѣ. Диссертація должна быть допечатана

поскорѣе, а еще лучше, если будетъ пообширнѣе и если кромѣ того будетъ вами сообщено то и другое—напр. хоть въ Академію для изданія. Отъ мѣста въ Варшавѣ, хотя бы по новой словесности, на мой взглядъ, не надобно отказываться. Не одинъ я, а многіе, вѣроятно, будутъ рады занятію вами каѳедры русской словесности — даже для пользы науки. Вы сумѣете поставить эту каѳедру, какъ ей слѣдуетъ быть, твердой и важной — не на ходульныхъ подпорочкахъ, которыми иногда пользовались черезчуръ рѣшительно. Право, послушайтесь меня».

Къ сроку своей командировки Котляревскій послалъ въ Дерптъ просьбу объ отставкѣ. Преемникъ Кайзерлинга, Жерве писалъ ему отъ 17 октября: «Грустная вѣсть о разстроенномъ вашемъ здоровьѣ, побудившемъ васъ прекратить благотворную дѣятельность въ Дерптѣ, глубоко опечалила не только меня, теряющаго въ васъ искренно уважаемаго сотрудника, но и всѣхъ благомыслящихъ русскихъ, видѣвшихъ въ васъ достойнаго представителя науки и надежнаго проводника русскихъ началъ въ нашемъ нѣмецко-русскомъ университетѣ. Съ вашимъ увольненіемъ русская каѳедра окончательно осиротѣла — когда и какъ она будетъ замѣщена, Богъ вѣсть».

Съ перваго октября 1873 года Котляревскій получилъ отставку, но уже вскорѣ (приказомъ министра отъ 8 декабря того же года) по его желанію онъ былъ причисленъ къ министерству: онъ не хотѣлъ, какъ и слѣдовало, прерывать связи съ учебнымъ вѣдомствомъ, потому что ему представлялась возможность продолжать свою профессорскую дѣятельность въ Кіевѣ.

Живя въ Прагѣ, потомъ въ зиму 1873—1874 гг. въ Римѣ, Котляревскій продолжалъ работать надъ той темой, какая была выбрана имъ еще въ Дерптѣ. Результатомъ работы были двѣ книги, напечатанныя имъ въ 1874 году въ Прагѣ. Это были: «Древности права Балтійскихъ Славянъ» и «Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ въ XII вѣкѣ (Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ отношеніи славянской исторіи о древности)».

Къ осени 1874 г. Котляревскій пріѣхалъ въ Петербургъ,

чтобы представить свою книгу въ качествѣ докторской диссертаціи: диспутъ, довольно бурный, — что̀ отразилось потомъ въ критической статьѣ г. Ламанскаго по поводу диссертаціи, — происходилъ 17 ноября [1]), и Котляревскій утвержденъ былъ въ степени доктора славянской словесности 2 декабря 1874 года. Затѣмъ онъ снова вернулся въ Прагу. Тѣмъ временемъ, какъ упомянемъ далѣе, шелъ вопросъ о кіевской каѳедрѣ.

Его переписка за это время не велика, но въ ней остались однако указанія о томъ, что, какъ ни тяготился онъ въ послѣднее время пребываніемъ въ Дерптѣ, онъ сохранилъ теплую привязанность ко многимъ изъ дерптскихъ сотоварищей, которые съ своей стороны отвѣчали ему тѣмъ же и сожалѣли о его удаленіи изъ Дерпта. Въ своихъ письмахъ онъ съ любовью вспоминаетъ Лео Мейера, Тейхмиллера, Гревингка, Штиду и престарѣлаго Бэра, жившаго тогда на покоѣ въ Дерптѣ и который былъ съ Котляревскимъ дружески близокъ — ихъ соединяли интересы археологіи и этнографіи.

Причисленный къ министерству, Котляревскій въ концѣ 1874 года получилъ новую заграничную командировку на годъ и, какъ мы сказали, вернулся послѣ докторскаго диспута въ Прагу, гдѣ остался на наступившую зиму. Онъ былъ уже какъ бы пражскимъ старожиломъ: его ученая извѣстность, живой, общительный характеръ, остроумная бесѣда, гостепріимная семья, привлекали къ нему и мѣстныхъ ученыхъ и заѣзжихъ русскихъ славистовъ, — послѣдніе обыкновенно никогда не миновали Праги и дѣлали въ ней болѣе или менѣе продолжительныя остановки.

Въ Прагѣ основана была тогда первая православная церковь; ея настоятелемъ былъ о. Лебедевъ (нынѣ протоіерей Казанскаго

---

1) Извѣстія о диспутѣ въ «Спб. Вѣдомостяхъ» 1874, № 319, и въ «Голосѣ», № 320. Въ первомъ приведены и «положенія», гдѣ между прочимъ говорилось (8): «Подлинность Зеленогорской рукописи («Суда Любуши») еще требуетъ доказательствъ; подлинность же текста ея стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній».

Разборъ г. Ламанскаго диссертаціи напечатанъ былъ въ Журналѣ мин. просв., 1875, январь.

собора въ Петербургѣ); первымъ ктиторомъ, или старостой, былъ Котляревскій. Объ этой порѣ жизни Котляревскаго и русскаго ученаго кружка въ Прагѣ мы имѣемъ любопытныя сообщенія проф. А. А. Кочубинскаго, который пробылъ въ Прагѣ эту зиму 1874—75 года.

«Окончивъ этнографическое обозрѣніе русскаго племени въ Карпатахъ,— разсказываетъ г. Кочубинскій, — я поспѣшилъ въ Прагу, куда и пріѣхалъ 10 сентября 1874 года. Тогдашняя Прага не была той, что теперь. Здѣсь былъ еще старый, средневѣковый городъ, гдѣ каждый шагъ — воспоминаніе, тяжелое или отрадное. Современная модернизація Праги—изъ подражанія Вѣнѣ—еще не коснулась вѣкового, патріархальнаго города. Простота, невзыскательность царили во всемъ городѣ...

«Прага не была уже въ осадномъ положеніи, но въ жестокой оппозиціи Вѣнѣ послѣ извѣстнаго императорскаго рескрипта 1871 года — не сдержаннаго слова. Это обстоятельство какъ нельзя болѣе способствовало удержанію въ столицѣ Чехіи стараго духа—традиціонныхъ отъ временъ Ганки и Шафарика, пріязненныхъ чувствъ ко всему русскому, несмотря на охладительную дѣятельность... историка Палацкаго и отчасти Ригра. Спросъ или мода на русское—былъ живой. И вывѣски русскія явились, и скороспѣлыя русскія грамматики, самоучители, и неизгнанныя еще, визжащія «коловратки», т. е. шарманки, только и играли что русскіе мотивы. Какъ естественно было со стороны думать, въ укрѣпленіе и утвержденіе этой русской волны явилась, наконецъ, въ Прагѣ и русская церковь. Городское же управленіе было отъ новой церкви только въ выгодѣ: изъ давно закрытаго католическаго храма, отдававшагося подъ складъ аммуниціи за восемьсотъ гульденовъ въ годъ, перестроенная русская церковь приносила три тысячи.

«Я пріѣхалъ въ Прагу, когда въ ней было только и рѣчи, что о недавнемъ освященіи русской церкви. Оно совершено было 15-го августа и первымъ старостой первой, послѣ девятисотъ лѣтъ, православной церкви въ Прагѣ былъ Котляревскій.

Освященіе церкви было предметомъ общаго разговора, и особенно живо дебатировали еще о застольныхъ рѣчахъ при торжественномъ обѣдѣ послѣ освященія — о неумѣстной рѣчи упрямаго старика Палацкаго (какое-то нравоученіе, наставленіе по адресу Россіи,—содержанія уже не припомню) и о мѣткомъ отвѣтѣ на нее младочеха Грегра и Котляревскаго...

«Я лично Котляревскаго не зналъ, никогда не видалъ, не былъ знакомъ и заочно. Но трудами своими въ области критики и славянскихъ древностей онъ былъ и мнѣ близко извѣстенъ... Мое желаніе было вполнѣ естественно—поспѣшить познакомиться, наконецъ, лично съ Котляревскимъ. Онъ былъ уже давно въ Прагѣ, проведя предъ тѣмъ довольно времени, для поправленія своего здоровья, въ Италіи... Такъ какъ было еще довольно теплое время, то Котляревскій съ семьею жилъ на дачѣ, за Прагой, въ далекомъ уединенномъ углу такъ называемыхъ «Виноградовъ», тогда еще совсѣмъ пустого, бѣднаго жилищами предмѣстья, — на «Орловкѣ». Возвышенность положенія, поля съ трехъ сторонъ, къ сѣверовостоку роскошная Нусельская долина (тогда еще чистая отъ казармъ, желѣзной дороги и фабрикъ)— условія, которыхъ требовалъ потрясенный болѣзнью организмъ Котляревскаго. Единственный человѣкъ, который жилъ по сосѣдству, былъ знаменитый пражскій санскритологъ, Лудвигъ, съ которымъ Котляревскій и былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ...

«При видѣ коренастаго, хорошо сложеннаго человѣка, съ звучнымъ голосомъ, быстрыми движеніями, я былъ совсѣмъ далекъ отъ мысли, что предо мною былъ больной человѣкъ, и больной неизлѣчимо... Густые черные волосы вверхъ, необыкновенно выразительные, огненные, искрящіеся глаза, красивая черная борода, при матовомъ коричневомъ цвѣтѣ лица, вводили во второй обманъ: казалось, что это урожденецъ какой-нибудь горячей Италіи, а не нашей Украйны. Мягкій тембръ голоса, веселая улыбка на лицѣ, непринужденная привѣтливость обращенія, все это влекло къ нему каждаго съ перваго же знакомства... Я

всѣми своими симпатіями прильнулъ къ нему съ перваго же личнаго знакомства. Котляревскій кончалъ тогда печатаніемъ, въ типографіи Клауди въ Прагѣ, свою докторскую диссертацію— «Древности права Балтійскихъ Славянъ» съ «Оттономъ Бамбергскимъ», какъ своего рода вступленіемъ въ трудъ, предпринятый въ широкихъ размѣрахъ. Разговоръ вращался около его новаго труда, о предстоящемъ диспутѣ у Срезневскаго, имя котораго онъ всегда произносилъ съ уваженіемъ и съ высшею признательностью...

«Какъ извѣстно, въ Прагѣ климатъ не особенно благорастворенный: густые осенніе, красноватаго цвѣта, туманы душатъ человѣка, а потому къ концу сентября Котляревскій долженъ былъ оставить свою прѣлестную Орловку и перебраться въ Прагу, гдѣ онъ и поселился временно въ излюбленной русскими гостинницѣ «Эрцгерцогъ Стефанъ»... Въ той-же гостинницѣ жилъ и я... Обѣдали мы вмѣстѣ всею русской колоніей въ огромной новой залѣ нашей же гостинницы... Первая русская колонія была невелика [1])... часъ, полтора проводили мы при обѣдѣ за общею веселою бесѣдой; но чаще всего наша роль была только слушать и наслаждаться всегда остроумною, всегда веселою застольною лекціей самого Котляревскаго. При этихъ бесѣдахъ было установлено на первыхъ же порахъ правило: никогда не обижаться случайнымъ рѣзкимъ словомъ... говорить откровенно, не стѣсняясь. Хорошо помню, что Котляревскій и я строго держались этого правила; не разъ горячо схватывался я съ нимъ по вопросу о польскихъ отношеніяхъ: я, только-что пріѣхавшій изъ Галичины, гдѣ насмотрѣлся вдоволь, что̀ значитъ братъ-полякъ *у власти*, открывавшій въ томъ несчастномъ краю панскую, шляхетскую эру, съ свѣжими впечатлѣніями, не могъ быть

1) Въ ней были тогда еще г. Снегиревъ (впослѣдствіи профессоръ славянскихъ нарѣчій въ Казани), докторъ М. Д. Пономаревъ (изъ Харькова), прот. А. А. Лебедевъ, П. П. Апраксинъ (нынѣ протоіерей пражской церкви) и др. Постоянно бывалъ и А. О. Патера.

настроенъ на тотъ мирный тонъ, которымъ была полна любвеобильная, готовая все извинять до прощенія, душа Котляревскаго; но эти боевыя схватки, доводившія насъ до раздраженія, тотчасъ же забывались, не отражались ни мало на нашихъ дальнѣйшихъ отношеніяхъ, которыя съ каждымъ днемъ становились тѣснѣе, дружественнѣе...

«Утро Котляревскій проводилъ или за учеными занятіями, или ходилъ по пражскимъ антикваріатамъ, гдѣ рылся въ книжномъ мусорѣ цѣлые часы... Котляревскій не просто былъ библіофилъ, это былъ книголюбецъ до горячей страсти. Не было книги въ кругу его любимой спеціальности—древности Европы непосредственно пред-славянской и славянской эпохъ,—которую бы онъ не пріобрѣлъ для себя, для своей грандіозной и раціональной, и единственной въ своемъ родѣ, библіотеки. Чего же нельзя было достать въ оригиналѣ, напр. отдѣльныхъ статей изъ старыхъ газетъ или журналовъ, то заказывалось списать, и деньги не жалѣлись, лишь бы только переписк была точна и изящна. Журналы же въ цѣльномъ видѣ не хранились, а только дѣлались вырѣзки нужнаго, чтобы библіотека не загромождалась. Могу удостовѣрить, что не было статейки, значеніе въ свое время имѣвшей, которая не была бы въ соотвѣтствующей папкѣ... Котляревскій былъ единственный человѣкъ въ Россіи по своей книжной страсти; но влюбленный въ книги, онъ пріобрѣталъ ихъ не пріобрѣтенія ради, а тотчасъ же знакомился съ ними, утилизировалъ ихъ, отмѣчая нужныя мѣста на карточкахъ. Онъ жилъ едино въ мірѣ книгъ, мірѣ идей, политику просто ненавидѣлъ и не терпѣлъ потому разговора о ней... Всегда погруженный въ книги, въ вопросы науки, онъ былъ въ благородномъ смыслѣ *филологъ:* искалъ во всемъ живой мысли, жизни; сухія схемы, напр. въ трудахъ знаменитаго Шлейхера, были не только скучны, но просто противны ему. Онъ любилъ повторять и относить къ себѣ извѣстное замѣчаніе, сказанное еще молодымъ Яковомъ Гриммомъ—его идоломъ, имъ боготворимымъ: «своими трудами учеными я желаю не только построить домъ, но и жить въ немъ самъ».

«Всегда полная книжнаго интереса жизнь въ Прагѣ была, понятно, по сердцу Котляревскаго, а потому и самая столица Чехіи, помимо иныхъ своихъ симпатическихъ чертъ, была близка и приходилась по душѣ ему. Но и пражская жизнь не могла въ воспоминаніяхъ его вытравить одного — времени, проведеннаго непосредственно передъ Прагою въ Италіи—въ вѣчномъ городѣ, въ благодатномъ Неаполѣ, на островѣ Капри. Онъ весь былъ въ симпатіяхъ къ Италіи, ея бодрому, сердечному населенію... Прибавимъ, что Котляревскій особенно мило говорилъ по-итальянски, какъ и по-нѣмецки, и только упрямая чешская рѣчь ему не легко поддавалась»...

Во второй половинѣ октября Котляревскій отправился въ Петербургъ, съ кипою экземпляровъ своей докторской диссертаціи. Г. Кочубинскій высоко цѣнитъ трудъ Котляревскаго: этотъ трудъ внушалъ читателю интересъ и сочувствіе къ «злополучнымъ славянамъ Балтійскаго поморья, которые, по своимъ духовнымъ качествамъ, были достойны иной судьбы; многіе писали о нихъ и у насъ, и не у насъ, но они все оставались неинтересными дѣятелемъ въ исторіи, скучнымъ параграфомъ на страницахъ ея. Раздражительное интермеццо, послѣдовавшее вскорѣ на страницахъ Журнала мин. нар. просв. (начало его идетъ уже съ самаго диспута) не умалило и не умалитъ серіознаго значенія энергическаго труда Котляревскаго»...

«Съ возвращеніемъ въ Прагу, Котляревскій поселился на зимней отдѣльной квартирѣ; въ неблагопріятное время года онъ рѣдко выходилъ изъ дому, рѣдко бывалъ въ обществѣ, но «колонія» часто собиралась у него за вечернимъ «чаемъ», который затягивался иногда до 3—4 часовъ утра — къ страшному соблазну домовладѣльца-чеха, не могшаго ума приложить, какъ это русскіе могутъ не спать послѣ 10 часовъ вечера. По обычаю живая, увлекательная, остроумная бесѣда хозяина дѣлала время незамѣтнымъ, и наши чешскіе друзья, Ранкъ, Патера и др. [1])

---

1) Прибавимъ здѣсь еще имя одного изъ молодыхъ чешскихъ друзей Котляревскаго, Ганеля, который бывалъ въ этомъ кружкѣ раньше пріѣзда г.

и сами привыкли мало-по-малу къ нашему порядку дня и засиживались вмѣстѣ съ нами до утра». Г. Кочубинскій указываетъ, что одинъ изъ участниковъ этихъ бесѣдъ, извѣстный чешскій писатель, Іосифъ Ранкъ, черезъ много лѣтъ, издавая свой краткій энциклопедическій Словарь, съ теплымъ сочувствіемъ вспомнилъ о Котляревскомъ, который «съ любовью принималъ въ семьѣ своей всѣхъ друзей славянскаго языка, всегда былъ готовъ съ совѣтомъ и помощью ко всему благородному»[1]). «Дѣйствительно,—пишетъ г. Кочубинскій,—изъ матеріальныхъ, и солидныхъ, выдачъ того времени я припоминаю, двѣ: одну на стипендію бѣдныхъ словацкихъ учениковъ, прибывшихъ въ 1874 г. въ Прагу для продолженія своего образованія, послѣ того какъ мадьярское правительство насильственно закрыло словацкія, на общественный грошъ содержавшіяся гимназіи въ Ревучѣ и Зволенѣ, и на постройку національнаго театра въ Прагѣ».

«...Всѣ мы жили въ интересахъ науки,—продолжаетъ г. Кочубинскій,—вдали и чуждые всякихъ вопросовъ текущей политики. Можетъ быть, нѣкоторые смѣяться будутъ надъ нашей пражскою идилліей; но я пишу здѣсь откровенно, безъ всякаго прикрашиванья. За то сколько бури и продолжительной, въ нашемъ пріятельскомъ кругу вызвали подмѣченныя мною тогда впервые фальшивыя глоссы въ извѣстномъ старо-чешскомъ кодексѣ «Mater Verborum»: ту зиму и весну я исключительно занимался изученіемъ памятниковъ старо-чешской письменности. Извѣстно, что не мало глоссъ было въ «Mater Verborum» бытового и, въ частности, миѳологическаго характера. Понятно, какъ цѣнны были онѣ, какъ рѣдкіе отголоски славянской старины, для каждаго историка славянскаго быта языческой или національной эпохи, особенно же для такого преданнаго служителя этой области историческаго вѣдѣнія, какимъ былъ Котлярев-

---

Кочубинскаго. Съ именемъ Ганеля мы еще встрѣтимся далѣе. Въ 1874 г., онъ былъ уже профессоромъ исторіи славянскаго права въ Загребѣ.

1) Jos. Rank, Příručný Slovník všeobecných vědomosti, díl II. Praha 1867, стр. 119.

скій. Излишне говорить, на какую точку долженъ былъ стать Котляревскій по отношенію къ открытымъ мною миѳологическимъ фальсификатамъ въ злополучномъ чешскомъ кодексѣ: онъ былъ моимъ страстнымъ оппонентомъ. Живо помню, какъ однажды я пригласилъ Котляревскаго въ Музей въ убогую исторически залу музейнаго присутствія, для совмѣстной экспертизы, въ присутствіи покойнаго секретаря Небескаго, покойнаго доктора чудака Руды, профессора Эмлера и Патеры. Экспертиза должна была быть произведена надъ сфабрикованной для славянскаго языческаго Олимпа богиней — *Живою* = Ceres, на столько утвердившейся въ наукѣ, что даже органъ чешскихъ натуралистовъ носитъ это имя—даже сегодня. Славянская Церера-Жива вылупилась изъ латинскаго пояснительнаго союза «sive», при старомъ правописаніи «siue»: въ послѣдней буквѣ (*e*) ловко выскоблена была внутренняя черточка и прибавлена отвѣсная, такъ что изъ *e* стало *a*, изъ союза — богиня. Но мой оппонентъ горячо отстаивалъ честь славянскаго Олимпа и въ этомъ случаѣ раздѣлялъ заблужденіе своего учителя и друга, акад. Срезневскаго, который сходилъ въ могилу и все защищалъ подлинность братняго «Mater Verborum» чешскаго памятника, съ тѣмъ же любопытнымъ бытовымъ содержаніемъ — Любушина Суда. Долго «Жива» не сходила изъ обихода нашихъ бесѣдъ и разъѣхались мы изъ гостепріимной, милой Праги каждый съ своимъ мнѣніемъ.

«Наша мирная идиллія зимою съ 1874 на 1875 годъ была волнуема однимъ непріятнымъ обстоятельствомъ, въ которомъ Котляревскому приходилось принимать самое непосредственное участіе. Это — непригдядная судьба нашей только-что открытой русской церкви въ Прагѣ, старостой которой былъ, попрежнему, Котляревскій. Оставляя другимъ, болѣе свѣдущимъ людямъ разсказать этотъ поучительный эпизодъ изъ нашихъ чешско-русскихъ отношеній, вышедшихъ изъ области бумажныхъ изліяній чувствъ и невинныхъ пожеланій, я отмѣчу вкратцѣ только главнѣйшіе моменты, твердо сохранившіеся въ памяти.

«Освященіе церкви, затѣмъ правильная служба въ ней, съ совершеніемъ церковныхъ таинствъ (напр. бракосочетаніе дочери одного русскаго генерала), въ первыя недѣли со стороны мѣстной австрійской власти не встрѣтили никакой видимой помѣхи. Первое возбужденіе, замѣчавшееся среди чешскаго населенія, которое толпами валило въ нашу церковь при богослуженіи, приносило въ нее свои хоругви, — улеглось; все приняло обычный будничный видъ. Казалось, все было тихо-мирно, и въ будущемъ ничего нежданнаго для нашей церкви не предвидѣлось. Но это такъ казалось, а въ дѣйствительности совсѣмъ было иное.

«Правда, уважаемый настоятель новой русской церкви, прот. Лебедевъ, тотчасъ же по прибытіи своемъ въ Прагу, посѣтилъ намѣстника, т. е. губернатора, Чехіи, барона Вебера (изъ старыхъ полицейскихъ чиновниковъ Праги еще эпохи Баха — начала 50-хъ годовъ) и въ сопутствіи будущаго старосты, Котляревскаго, исполнявшаго обязанности нѣмецкаго переводчика, былъ принятъ имъ любезно, внимательно; но уже наканунѣ освященія церкви имъ (Веберомъ) посланъ былъ въ пражскую Думу, представляющую высшую полицейскую инстанцію въ городѣ, запросъ, что̀ это за русская церковь и по какому праву, съ чьего разрѣшенія и на какихъ основаніяхъ она имѣетъ быть освящена? Но Дума, благодаря доброжелательству нѣкоторыхъ заинтересованныхъ лицъ, запросъ намѣстника попридержала и отвѣтила нарочно медля, только спустя нѣсколько недѣль по освященіи церкви (для какого освященія поджидался изъ Вѣны, изъ посольства, самъ Раевскій), что русская церковь устроена на основаніи частнаго договора Славянскаго Благотворительнаго Общества въ Петербургѣ съ Думою. Конечно, этотъ отвѣтъ не могъ удовлетворить намѣстника, и вслѣдъ за нимъ послѣдовало предложеніе уже настоятелю церкви — или принять австрійское подданство въ теченіе шести недѣль, или, прекративъ богослуженіе, закрыть церковь. Грозная бумага поразила насъ всѣхъ..: ничего подобнаго мы не ожидали. Очевидно, первый нашъ интересъ былъ употребить всѣ усилія, чтобы затянуть вопросъ, не довести его

до соблазнительнаго конца на первыхъ же порахъ, въ первыя минуты жизни нашей церкви. Всякіе расчеты и надежды на Вѣну [1]) были напрасны: насъ тамъ игнорировали; надо было дѣйствовать собственными средствами — начать отписываться, сначала въ Прагѣ, а потомъ и дальше. Во главѣ этой обороны необходимо долженъ былъ стать Котляревскій, какъ староста нашей церкви...

«Въ отвѣтѣ намѣстнику прежде всего категорически отстранялась всякая рѣчь объ австрійской натурализаціи настоятеля русской церкви въ Прагѣ, какъ дѣло, отвергаемое нравственнымъ чувствомъ, долгомъ, а затѣмъ доказывалось, что новая русская церковь не имѣетъ общественнаго характера, а вызвана религіозною потребностью проживающихъ и пребывающихъ въ Прагѣ русскихъ путешественниковъ, и есть учрежденіе частное, временное,—по договору съ Думой на извѣстное число лѣтъ.

«Прошло опасныхъ шесть недѣль, прошло два мѣсяца, подошли рождественскіе праздники, отъ намѣстника никакого дальнѣйшаго шага не послѣдовало; мы успокоились немного, объ опасности забыли и торжествовали побѣду своей отписки. Между тѣмъ стороною доходили до насъ темные слухи, что полиція собираетъ справки о числѣ русскихъ въ Прагѣ, а мы и не догадывались, зачѣмъ она это дѣлаетъ. Вдругъ, въ концѣ января новаго 1875 года, о. Лебедевъ получаетъ распоряженіе, «Erlass», отъ самого министра внутреннихъ дѣлъ Цислейтаніи, барона Лассера, тождественнаго содержанія съ первымъ осеннимъ предложеніемъ намѣстника Вебера: или австрійское подданство или закрытіе церкви, какъ не имѣющей законнаго основанія. Опять собрался нашъ синклитъ на совѣщаніе и опять ввели въ дѣло старый пріемъ — отписыванья, и опять Котляревскій занялся этимъ. Повторились старыя соображенія, присоединены были кое-какія новыя, нашептанныя нашими пражскими друзьями изъ австрійской практики. Состряпанъ отвѣтъ на министерское рас-

1) Т. е. на руское посольство въ Вѣнѣ.

пораженіе и послан. Теперь мы уже не были въ надеждѣ на какое-либо дѣйствіе нашихъ возраженій, но нужно было выиграть время, пока что̀ воспослѣдуетъ изъ Петербурга, куда сообщено было все дѣло о безвыходномъ положеніи, въ которомъ очутилась наша церковь въ Прагѣ. Но второго «Erlass'a» отъ министра Лассера отцу протоіерею уже не было, и прошло немного дней отъ времени посылки нашего отвѣта ему—въ самую наслѣдную недѣлю наша церковь была закрыта полиціей.

«Какъ бы то ни было, но одно было сдѣлано: соблазнительное событіе не имѣло мѣста сейчасъ же по освященіи церкви, было оттянуто на цѣлые полъ-года. Къ концу великаго поста вопросъ о пражской церкви былъ, наконецъ, урегулированъ и церковь была открыта въ ночь подъ самое свѣтлое воскресенье и мы ночью всходили по ступенямъ на церковную паперть подъ скрещенными штыками полицейскихъ солдатъ: послѣдніе пропускали въ церковь однихъ только русскихъ, извѣстныхъ имъ наперечетъ, а тысячная масса чешскаго населенія молча толпилась и толкалась около, теперь ставшаго историческимъ, «svatého Mikulaše», т. е. около русской церкви, наполняя прилегающую узенькую улицу того же имени и ближайшую часть площади у ратуши. Но были чешскіе счастливцы и въ самомъ храмѣ: они были уже тамъ съ вечера, до появленія своеобразной «кустодіи» у входа ко гробу Господню»...

Еще въ то время, когда Котляревскій только-что сталъ обживаться въ Дерптѣ, ему сдѣланы были первыя предложенія изъ Кіева. А. Ѳ. Кистяковскій (въ письмѣ отъ 23 марта 1869 г.) писалъ ему о желаніи «кіевской ученой братіи» видѣть его на вакантной тогда каѳедрѣ исторіи русской литературы и языка: 21 марта Кистяковскій сдѣлалъ объ этомъ формальное предложеніе въ совѣтѣ и ему поручено было войти въ сношенія съ Котляревскимъ. Послѣдній видимо принималъ съ удовольствіемъ это предложеніе, и Кистяковскій (отъ 25 мая) пишетъ ему, что кружокъ лицъ, особенно желавшихъ видѣть Котляревскаго въ

Кіевѣ, готовы были употребить всѣ усилія для достиженія этой цѣли; они знали о Высочайшемъ повелѣніи, ограничивавшемъ службу Котляревскаго Дерптомъ, но, полагая его непубличнымъ и временнымъ, думали, что самое избраніе Котляревскаго въ Кіевѣ можетъ содѣйствовать отмѣнѣ этого распоряженія. Отъ 26 сентября Кистяковскій снова пишетъ о томъ же, радуется, что, по мнѣнію самого Котляревскаго, нельзя опасаться задержекъ къ переходу его въ Кіевъ; торопитъ его съ докторской диссертаціей, и замѣчаетъ между прочимъ, что его докторство совпадаетъ съ выходомъ въ отставку Яроцкаго (занимавшаго каѳедру славянскихъ нарѣчій).

Прослышалъ объ этомъ и Максимовичъ. Въ письмѣ отъ 25 мая изъ Кіева онъ благодаритъ Котляревскаго за «присылку богатую», т. е. магистерскую диссертацію, хотя и пришедшую къ нему поздно, и продолжаетъ: «Слышу, что васъ хотятъ сюда въ университетъ, какъ и я желалъ — помните? Но желалъ я васъ сюда на славянскую науку, а васъ хотятъ, какъ слышалъ, сюда на *русскую*... Опасаюсь, чтобы въ этой второй не случилось антагонизма — недугъ, свирѣпствующій, какъ слышу, и въ университетѣ московскомъ. Що съ того пива за квасъ буде?»...

Изъ писемъ видно, что Котляревскій и самъ не желалъ брать каѳедру русской литературы. Отъ 19 февраля 1870 г., Кистяковскій спрашиваетъ о докторствѣ и извѣщаетъ, что Котляревскому будетъ предоставлена каѳедра славянскихъ нарѣчій; Яроцкому (выбранному, за выслугой, на пять лѣтъ) поручено составить представленіе о Котляревскомъ; на русскую каѳедру былъ выбранъ И. П. Хрущовъ.

Затѣмъ, вѣроятно, вслѣдствіе болѣзни Котляревскаго и отъѣзда за границу вопросъ о кіевской каѳедрѣ не возобновлялся до 1873 года. Въ этомъ промежуткѣ было еще обстоятельство, которое должно было подѣйствовать неблагопріятно. Въ 1871 г., гр. Уваровъ обращался къ гр. Толстому съ просьбой ходатайствовать о снятіи служебныхъ ограниченій относительно Кот-

ляревскаго; гр. Толстой оставилъ эту просьбу безъ послѣдствій[1]). Въ письмѣ отъ 29 сентября 1873 г., Кистяковскій повторяетъ о желаніи многихъ въ университетѣ привлечь Котляревскаго въ Кіевъ и торопитъ съ докторствомъ: «... отсрочка предоставляетъ много простора всякимъ случайностямъ, которымъ помѣшать осуществиться никто не въ силахъ»... Отъ 1 декабря, онъ повторяетъ свои опасенія при замедленіи докторства, и категорически совѣтуетъ хлопотать о снятіи запрещенія—«только не чрезъ письма и не чрезъ другихъ, а лично», совѣтуетъ воспользоваться всѣми связями и хлопотать и въ III Отдѣленіи Собственной Е. И. В. канцеляріи и въ министерствѣ. У Котляревскаго явился теперь въ Кіевѣ еще и другой вопросъ: онъ указывалъ кіевскимъ друзьямъ молодого чешскаго ученаго Ганеля (занявшаго вскорѣ каѳедру въ Загребскомъ университетѣ) для каѳедры славянскихъ законодательствъ; самъ Котляревскій очень рекомендовалъ его. Въ Кіевѣ находили это не невозможнымъ, но и не легкимъ: по одному бывшему примѣру было «недовѣріе къ порученію каѳедръ братьямъ-Славянамъ, которыхъ мы мало знаемъ». Для начала разговора о немъ желали рецензіи трудовъ Ганеля отъ Котляревскаго; самъ Кистяковскій не владѣлъ чешскимъ языкомъ. Дѣло это однако ничѣмъ не кончилось.

Въ 1874 г., кіевскіе хлопоты продолжаются. Отъ 30-го сентября Кистяковскій настаиваетъ опять на хлопотахъ о снятіи запрещенія; но, какъ боялись тогда даже заговорить объ этомъ предметѣ, указываетъ слѣдующая подробность въ письмѣ Кистяковскаго: «въ прошедшемъ году, въ пріѣздъ министра въ Кіевъ, я, встрѣтившись на одномъ вечерѣ съ попечителемъ, велъ рѣчь о васъ и о томъ, что нельзя-ли *завести рѣчь* и съ министромъ. Разумѣется, попечитель *умылъ* тогда *руки*. Я въ свое время не писалъ вамъ объ этомъ, боясь васъ обезкуражить»... Изъ письма отъ 20-го ноября узнаемъ, что наконецъ В. И. Модестовъ сдѣлалъ въ факультетѣ предложеніе о приглашеніи

---

1) Дѣло департамента нар. просвѣщенія, выше указанное.

Котляревскаго (на славянскую каѳедру) и Ярецкому поручено составить мотивированный докладъ. Затѣмъ получилось отъ Котляревскаго извѣстіе объ обѣщаніи министра ходатайствовать о снятіи запрещенія, и въ декабрѣ Кистяковскій извѣщаетъ о результатѣ баллотировки въ совѣтѣ 20-го: Котляревскій получилъ 33 избирательныхъ и 3 неизбирательныхъ, причемъ единодушію избранія не помѣшали тогдашнія бурныя столкновенія партій; такъ какъ утвержденіе министромъ могло ожидаться не раньше февраля или марта, то къ слѣдующему семестру (т. е. съ января) Котляревскому и не слѣдовало пріѣзжать, — тѣмъ болѣе, что у него была годовая командировка.

Гр. Толстой тѣмъ временемъ исходатайствовалъ снятіе запрещенія... Котляревскому Кіевъ конечно былъ гораздо сочувственнѣе Дерпта, но: «душа моя стремится въ Москву», писалъ онъ тогда одному изъ дерптскихъ друзей, проф. Штидѣ... Въ это же время онъ получилъ извѣстіе отъ проф. Н. Аристова изъ Харькова (отъ 30-го ян. 1874 г.), что съ 1-го января оставляетъ харьковскій университетъ Н. А. Лавровскій, назначенный директоромъ филологическаго института въ Нѣжинѣ; Аристовъ спрашивалъ, не пожелаетъ ли Котляревскій занять каѳедру исторіи русской литературы. Были вѣсти и изъ Москвы, но въ нихъ не было еще ничего положительнаго...

Изъ переписки этого времени можно отмѣтить нѣсколько не безынтересныхъ подробностей. Такъ въ письмѣ Киркора изъ Кракова находится отзывъ извѣстнаго Крашевскаго о вышедшей передъ тѣмъ (въ 1874 г.) «Славянской Ведѣ» Верковича. Крашевскій увѣровалъ въ все совершенно и писалъ о ней Киркору съ восторгомъ: «Co to za ogromny fakt nowy dla etnografii i mitologii Słowian! Toczyły się te pieśni lat tysiące przez usta ludu i z każdego wieku coś do nich przylgnęło... Otoż co kroniki byzantyiskie piszą o Słowianach narodzie śpiewaków i guślarzy tłumaczy się temi śpiewy Serbów i Bulgarów». Замѣтка самого Киркора о «Бѣлорусскихъ пѣсняхъ» г. Без-

сонова (вышедшихъ еще въ 1871 г.) и его предисловія: «...Это первый изъ пресловутыхъ Кауфмановскихъ дѣятелей, который публично сознается, что грѣшилъ»... Съ 1875 г., вступаетъ съ Котляревскимъ въ сношенія Н. П. Задерацкій, кіевскій любитель славянства, извѣстный потомъ своими «Славянскими Ежегодниками». Это былъ скромный учитель гимназіи, ревностно преданный славянскимъ изученіямъ; съ Котляревскимъ онъ познакомился въ Прагѣ и вѣроятно встрѣтилъ у него живое сочувствіе своимъ интересамъ, — теперь онъ съ великой радостью услышалъ объ утвержденіи Котляревскаго на кіевской профессурѣ: изъ письма видно, что у Котляревскаго былъ планъ издавать въ Кіевѣ «ученый журналъ», для котораго Задерацкій предлагалъ ему свои услуги. Еще бывши въ Прагѣ, Котляревскій выписалъ себѣ университетскій каталогъ по своему предмету и, нашедши этотъ отдѣлъ очень неполнымъ, предлагалъ совѣту свои услуги для пріобрѣтенія за границей необходимыхъ книгъ, на что совѣтъ и согласился (май, 1875 г.). Тогда же возникла у него мысль объ изданіи сочиненій Максимовича; на вопросъ его, Кистяковскій писалъ (отъ 24-го мая), что совершенно согласенъ съ этимъ планомъ: «Вамъ принадлежитъ первому мысль — вы же ее должны и осуществить. Пусть будетъ это первымъ дѣломъ вашей дѣятельности въ университетѣ».

Въ Прагѣ и теперь, за лѣто 1875 г., бывала «веселая компанія россіянъ» — молодыхъ ученыхъ, будущихъ или уже настоящихъ профессоровъ, въ средѣ которыхъ у Котляревскаго завязывались новыя дружескія связи. Впослѣдствіи у него велась переписка съ этими и прежними друзьями въ Одессѣ, Кіевѣ, Москвѣ, Казани, Петербургѣ: его живо интересовали университетскія дѣла и ученыя работы, особливо по славистикѣ и русской старинѣ. Къ одному изъ этихъ молодыхъ друзей онъ писалъ въ апрѣлѣ 1875 г.: «Вамъ извѣстно, вѣроятно, что я назначенъ въ Кіевъ... Ваши предчувствія не сбылись; все дѣло шло тихо и гладко, и я питаю надежду, что, и поселившись въ Кіевѣ,

все дѣло будетъ итти тихо и гладко... На политику душа давно «прогорѣла». Буду дѣлать *дѣло* какъ знаю и какъ сумѣю, да притомъ никто, быть можетъ, болѣе меня не далекъ такъ отъ партикуляризма. Сталъ малымъ панславистомъ, именно потому, что на партикуляристахъ чехахъ убѣдился въ пагубности этого направленія. Славянство во главѣ съ Русью — вотъ, по моему, въ чемъ спасенье противъ подлой германизаціи»...

Въ началѣ октября 1875 г. Котляревскій выѣхалъ изъ Праги. Онъ хотѣлъ быть въ Дерптѣ, чтобы кончить тамъ свои дѣла (между прочимъ пересылку библіотеки), но въ Варшавѣ заболѣлъ, и дерптскія дѣла устроилъ ему одинъ изъ его тамошнихъ близкихъ друзей, проф. Штида; побывавъ въ Москвѣ, Котляревскій поселился наконецъ въ Кіевѣ. Курсъ начатъ былъ имъ уже со второго семестра. Вступленіе новаго профессора, уже составившаго себѣ имя въ наукѣ, было событіемъ: его вступительная лекція собрала большую публику, массу студентовъ, профессорскую корпорацію и много постороннихъ лицъ. Новый профессоръ внушалъ живѣйшій интересъ — кромѣ своей извѣстности — еще тѣмъ обстоятельствомъ, что, собственно говоря, въ кіевскомъ университетѣ славяновѣдѣніе впервые пріобрѣтало въ немъ компетентнаго представителя: до тѣхъ поръ, съ самаго основанія университета, славяновѣдѣніе было здѣсь въ самомъ печальномъ положеніи. Одинъ изъ тогдашнихъ учениковъ Котляревскаго, г. Линниченко, нынѣ приватъ-доцентъ московскаго университета, такъ разсказываетъ о первомъ появленіи его въ Кіевскомъ университетѣ:

«Первая лекція Котляревскаго привлекла особенно значительное число слушателей. Со многими товарищами онъ успѣлъ ознакомиться и произвести впечатлѣніе своей оригинальной личностью. Многимъ были уже извѣстны перипетіи его прошлаго; товарищи по факультету успѣли уже оцѣнить его большія свѣдѣнія, сильный и оригинальный умъ, особенности его рѣчи. Вступительная лекція К. возбуждала поэтому особенный интересъ...

«Умное, выразительное лицо, ясный, громкій голосъ, свобода рѣчи и превосходная дикція сразу привлекли къ лектору симпатію слушателей. Лекцію свою Котляревскій посвятилъ общему обзору успѣховъ славяновѣдѣнія. Ничего особенно новаго, никакихъ общихъ взглядовъ на сущность своего предмета К. не предложилъ въ этой лекціи — она носила скорѣе характеръ библіографическій, въ томъ родѣ, въ какомъ онъ впослѣдствіи напечаталъ свое обозрѣніе изученій древне-русской письменности. Но въ чтеніи его слышалась сила и знаніе — чувствовалось, что перечисленныя имена научныхъ двигателей славяновѣдѣнія, названія трудовъ были для него не пустыми звуками—это были помянки хорошаго знакомаго, знавшаго à fond поминаемыхъ. Передъ Котляревскимъ лежала тетрадка, но она его стѣсняла, онъ заглядывалъ въ нее только, кажется, чтобы не потерять нити изложенія; лекція носила скорѣе характеръ свободной бесѣды, продолжительнаго монолога въ отвѣтъ умолкнувшему собесѣднику — и такимъ характеромъ свободнаго собесѣдованія, стройнаго изложенія, прерываемаго анекдотами, воспоминаніями, мѣткими словцами, полными юмора, порою не лишенными язвительности, яркими въ двухъ-трехъ словахъ характеристиками отличались всѣ его лекціи. Благодаря такому способу чтенія, даже такой сухой курсъ, какъ библіологическое обозрѣніе древне-русской письменности, становился необыкновенно интереснымъ. Предъ слушателемъ проходили не книги съ ярлыками, а ихъ авторы съ своими характерными обликами — Бодянскій, Ундольскій, Снегиревъ, Погодинъ точно вставали живыми съ своими оригинальными симпатіями и странностями. Котляревскій хорошо понималъ, что характерный анекдотъ часто рисуетъ человѣка лучше, чѣмъ обширная и обстоятельная біографія и необыкновенно умѣло выбиралъ изъ запаса своей рѣдкой памяти, хранившей все пережитое, видѣнное, слышанное и читанное, цѣлый рядъ такихъ анекдотовъ».

«Первая лекція обезпечила ему полное вниманіе его слушателей».

Рядъ его курсовъ перечисленъ въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ университета Св. Владиміра»[1]). Какъ видимъ, онъ старался дать полный курсъ, цѣлую энциклопедію славяновѣдѣнія вмѣстѣ съ древностями русскаго языка. Именно эта энциклопедія была, кажется, той научной задачей, объ исполненіи которой онъ мечталъ, если бы здоровье дозволило ему работу. Къ сожалѣнію, уже съ перваго года жизни въ Кіевѣ давняя болѣзнь, меньше безпокоившая его во время пребыванія за границей, все чаще стала напоминать о себѣ и все болѣе угрожающимъ образомъ. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно работалъ и приглашалъ къ работѣ. Такъ какъ его курсъ имѣлъ чисто спеціальный характеръ, составъ его слушателей ограничивался предѣлами факультета, и въ средѣ ихъ тѣ, кто хотѣлъ заниматься, неизмѣнно находили въ Котляревскомъ самую радушную поддержку. Онъ помогалъ имъ не только совѣтомъ, но и своею библіотекой, которая въ Кіевѣ была конечно единственною въ своей области, не исключая и университетской. Въ своихъ воспоминаніяхъ ученики его замѣчаютъ, что направленіе его чтеній, какъ и собственныхъ занятій, было по преимуществу археологическое и что онъ придавалъ большое значеніе библіографіи; имъ казалось даже, что хотя онъ

---

1) Это были: во 2-мъ семестрѣ 1875—76 учебнаго года *историко-филологическое обозрѣніе славянскихъ племенъ* для 1-го и 2-го курсовъ; *исторія славяновѣдѣнія* для 3-го и 4-го курсовъ. Первый семестръ 1876—77 г. Котляревскій не читалъ, вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни легкихъ. Во 2-мъ семестрѣ того-же года онъ объяснялъ Зеленогорскую и Краледв[illegible]скую рукописи для 1-го и 2-го курса и излагалъ *введеніе въ науку славянскихъ древностей* для 3-го и 4-го курса. Въ 1877—78 учебномъ году въ 1-мъ семестрѣ съ младшими курсами онъ занимался *обозрѣніемъ славянскихъ нарѣчій*, а съ старшими—*славянскими древностями* и *древне-русскою письменностью*; во 2-мъ семестрѣ, продолжая остальные курсы, онъ вмѣсто славянскихъ древностей занимался *древностями русскаго языка*. Въ 1878—79 учебномъ году онъ читалъ *энциклопедію славяновѣдѣнія* для младшихъ курсовъ и *исторію литературъ болгарской и сербской* для старшихъ, продолжая въ то же время *обозрѣніе древне-русской письменности*. Въ 1879—80 г. младшіе курсы слушали *общее славяновѣдѣніе*, а старшіе—*славянскія древности* и *нарѣчія*; во вторую половину года *славянскія древности* были замѣнены *древностями русскаго языка*. Наконецъ начало 1880—81 г. было посвящено *исторіи* и *энциклопедіи славяновѣдѣнія*, *исторіи польской литературы* и *славянскимъ нарѣчіямъ*.

всегда заботился въ своихъ трудахъ о полнотѣ матеріала, пристрастіе къ библіографіи являлось «слѣдствіемъ особеннаго склада его ума, такъ и того физическаго и душевнаго состоянія, въ какомъ онъ находился въ теченіе всего своего пребыванія въ Кіевѣ». Это не совсѣмъ такъ. Мы видѣли, что страсть къ книгамъ отличала его съ университетской скамьи и вмѣстѣ съ этимъ естественно являлось стремленіе къ полнотѣ своихъ книжныхъ, то-есть библіографическихъ свѣдѣній, а затѣмъ къ полнотѣ своей библіотеки въ области занятій, которая опредѣлилась для него также съ университетской скамьи. Впослѣдствіи его ученое поприще сложилось такъ, что возможная полнота библіотеки стала для него необходимостью: въ обоихъ провинціальныхъ университетахъ, въ которыхъ прошла его профессура, въ самихъ университетскихъ библіотекахъ онъ далеко не могъ имѣть въ рукахъ всѣхъ тѣхъ книжныхъ пособій, какія ему были необходимы. Для своей работы онъ уже давно принялъ (нѣмецкую, кажется) систему карточекъ, которая опять вызывала потребность въ полнотѣ и точности. Наконецъ, съ самыхъ первыхъ его работъ, мы видѣли одну черту, которая никогда не утрачивалась въ его трудахъ, это—мысль о необходимости цѣльныхъ обзоровъ, которые бываютъ въ особенности важны для начинающихъ, для обыкновенныхъ читателей, а затѣмъ и для самой научной разработки, указывая объемъ и сдѣланнаго и то, что̀ еще предстоитъ сдѣлать: въ условіяхъ нашей науки это было особенно важно, такъ какъ въ ней постоянно чувствовался именно недостатокъ подобныхъ работъ общаго характера. Такой энциклопедіи славяновѣдѣнія у насъ нѣтъ и до сихъ поръ. Своимъ ученикамъ Котляревскій также давалъ работы, заключавшія въ себѣ исторію отдѣльныхъ вопросовъ (такова была напр. книга А. В. Стороженка по исторіи вопроса о Зеленогорской и Краледворской рукописяхъ): для начинающаго ученаго подобныя темы даютъ особенно удобный случай къ тому, чтобы по поводу отдѣльнаго предмета ознакомиться вообще съ развитіемъ научной литературы.

Въ Кіевѣ Котляревскому пришлось встрѣтить и совсѣмъ другого рода работу. Начинались славянскія волненія на Балканскомъ полуостровѣ; какъ разъ въ это время Котляревскій былъ выбранъ предсѣдателемъ Славянскаго Комитета въ Кіевѣ, и на него обрушилась цѣлая масса хлопотъ. Въ октябрѣ 1876 года онъ писалъ къ одному изъ петербургскихъ знакомцевъ:

«...Что вынесъ я въ эти полъ-года, о томъ и вспомнить страшно... Начиная съ того, что какой-то бѣсъ подстрекнулъ меня принять на себя должность предсѣдателя здѣшняго Славянскаго Комитета: я, конечно, вовсе не предвидѣлъ, что событія примутъ *такое* направленіе. Пришла весна—и въ мою квартиру ежедневно, сотнями (безъ преувеличенія), валилъ народъ, желая *отправиться* въ Сербію. На половину было мошенниковъ, желавшихъ получить пѣнязи.... Такъ прошло 4 мѣсяца: силъ не ставало справляться со всѣмъ этимъ.... А затѣмъ въ концѣ августа я схватилъ жесточайшій острый бронхитъ и плевритъ, которые только теперь понемножку слабѣютъ: ежедневная лихорадка еще продолжается, но по крайней мѣрѣ я могу сидѣть и имѣю аппетитъ. Лекцій еще не начиналъ, да въ этомъ семестрѣ и не начну: эскулапы мои не позволяютъ мнѣ выходить на воздухъ ранѣе новаго года. Скучнѣе всего, что не могу серіозно заниматься».

Въ томъ же письмѣ онъ сообщаетъ ученыя кіевскія новости: тогда сдѣлано было изданіе сочиненій Иванишева; оканчивался печатаніемъ первый томъ сочиненій Максимовича, въ которомъ послѣ онъ самъ принялъ участіе; вышла книга Терновскаго объ «Изученіи Византіи въ древней Руси», книга, по его словамъ, «изъ ряда вонъ». «Что дѣлается въ Петербургѣ? Естественно, что при всеобщемъ белликозномъ настроеніи поклоненіе Музамъ должно уступить мѣсто иной дѣятельности, но все же, думаю, что не такъ, какъ въ Москвѣ и здѣсь. Самое замѣчательное, что здѣсь вышло въ послѣднее время, это сводъ Драгоманова: «Малорусскія народныя преданія и разсказы». Большой томъ всякой всячины, подчасъ интересной и важной. Это *втихомолку* вышедшій, отдѣльный оттискъ изъ III тома (который никогда не вый-

деть, ибо секвестрованъ) «Записокъ» *уничтоженнаго* здѣсь Географическаго Общества».

Въ томъ же письмѣ онъ упоминаетъ о вышедшемъ тогда первомъ томѣ «Исторіи русской жизни» г. Забѣлина. Впослѣдствіи Котляревскому поручено было отъ Академіи составить разборъ этой книги, представленной на соисканіе Уваровской преміи. Отзывъ Котляревскаго, при всѣхъ его существенныхъ разнорѣчіяхъ съ авторомъ, былъ весьма благопріятенъ относительно лучшихъ сторонъ этого труда; но рѣшеніе академической комисіи, кажется, подъ вліяніемъ Срезневскаго, было отрицательное. Поэтому рецензія Котляревскаго не могла войти въ академическій Отчетъ и была напечатана особою книжкой.

Въ письмѣ къ Срезневскому (отъ 21 февраля, 1877 г.) онъ объясняетъ свое долгое молчаніе продолжительной болѣзнью, отъ которой все еще не оправился: все это тѣмъ тяжелѣ,—говорилъ онъ,—что «мое положеніе по каѳедрѣ требуетъ труда особеннаго, котораго пока мнѣ раздѣлить не съ кѣмъ...

«Что сказать вамъ, дорогой Изм. Ив., о нашемъ университетѣ: много, очень много темныхъ сторонъ въ немъ, но не мало и отрадныхъ; много запущенности и распущенности въ студентахъ и профессорахъ, но довольно также и чистаго интереса къ наукѣ и сознанія своего гражданскаго долга; фундаментъ историко-филологическаго факультета—молодежь, доценты, люди хорошіе, трудящіеся.

«Одно, что̀ въ богоспасаемомъ градѣ Кіевѣ неладно для нашего брата—это книжная и всякая другая разобщенность съ Москвой и Петербургомъ»: получать новыя книги «легче бываетъ изъ Америки, чѣмъ изъ Петербурга»...

Въ декабрѣ 1877 г., онъ писалъ Срезневскому: «Каждый разъ, какъ кто изъ Кіева направляется въ Петербургъ, мною невольно овладѣваетъ... не зависть, а сердечная грусть... И не потому, что *на сей разъ* только мнѣ нельзя туда же двинуться, а потому, что приходится вовсе отказаться отъ надежды повидаться, обнять и поговорить съ такими дорогими для меня людьми,

какъ вы. Болѣзнь прошлой зимы, отъ которой я чуточку не отправился-было ad patres, оставила мнѣ въ наслѣдство такую эмфизему и одышку, что предпринимать зимнюю поѣздку въ Петербургъ становится невозможнымъ .. А лѣто? А лѣтомъ Петроградъ пустъ... Болѣзнь, естественно отражается и на состояніи духа: по временамъ самая наука теряетъ привлекательность; но— слава Богу—не надолго, затѣмъ снова идешь на грудь этой великой кормилицы или доилицы человѣчества,—и она кормитъ»... Такъ и теперь,—говоритъ онъ. Между прочимъ, онъ замѣтилъ, что студенты очень недостаточно знакомы съ отечественными трудами по разработкѣ до-Петровской письменной старины, и Котляровскій вызвался читать, для желающихъ, курсъ объ этомъ предметѣ. Написавши нѣсколько лекцій и замѣтивъ вниманіе къ нимъ, онъ вознамѣрился составить объ этомъ книгу,— «и вотъ теперь по самыя плечи сижу въ критико-библіографической работѣ»; думаетъ напечатать эту работу — «слѣдовало бы: «nonum prematur in annum», но такъ долго жить я, вѣроятно, не буду». Это былъ изданный впослѣдствіи «Библіологическій Опытъ».

Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ объ университетѣ: «Университетъ нашъ и въ особенности нашъ факультетъ былъ очень распущенъ: покойный Селинъ постарался въ этомъ отношеніи сдѣлать все, что̀ можетъ сдѣлать *аферистъ* въ наукѣ; но и составъ товарищей и студенты, слава Богу, становятся теперь иные. У меня работаетъ немного, всего 4 человѣка, но работаютъ хорошо, такъ что любо бываетъ посмотрѣть на нихъ. Въ товарищахъ недочетъ»—за отъѣздомъ Цвѣтаева въ Москву, Модестова въ Петербургъ; пустовала и каѳедра русской словесности.

На это и на другое письмо, извѣщавшее объ избраніи въ члены кіевскаго Общества Нестора лѣтописца, Срезневскій писалъ длинное письмо съ теплыми выраженіями дружбы и также съ любопытными указаніями о собственныхъ работахъ— между прочимъ по поводу заподозрѣнныхъ чешскихъ памятни-

ковъ; позднѣе, отзывы о нихъ Срезневскаго возбудили недоумѣніе своею обоюдностью,— настоящее письмо указываетъ, повидимому, что это не была преднамѣренная обоюдность адвоката, а только отраженіе собственнаго искренняго недоумѣнія.

«...Самая утѣшительная страница вашего письма было и остается то, гдѣ вы сообщаете о приготовляемомъ вами трудѣ по древней русской словесности. Не лестно скажу, что только отъ васъ и можно ожидать этого рода труда въ такомъ исполненіи, къ которому съ одинаковою довѣренностію обращаться бы могли и учащіеся и знающіе, изъ нихъ же первый и послѣдній былъ-быхъ азъ. И какъ бы я желалъ, предполагая все еще остаться въ живыхъ, имѣть книгу вашу подъ рукою на слѣдующій годъ, когда мнѣ опять придется имѣть спеціальный курсъ Древностей русской словесности, какъ было и въ прошломъ году и въ позапрошломъ. Слабая сторона моего курса именно та, которая у васъ будетъ сильною, и я бы воспользовался съ наслажденіемъ вашею помощью. Если же бы я увидѣлъ, что все, искомое мною, вами найдено, то и свой курсъ оставилъ бы въ сторонѣ, замѣнивъ другимъ. Теперь я черезъ годъ читаю Древности Запад. Слав. Словесности, какъ добавочный къ Русскому; а тогда соединилъ бы оба въ одинъ, и курсъ Древностей Русскихъ замѣнилъ бы курсомъ археологической энциклопедіи. Объ этомъ курсѣ я мечтаю почти-что съ самаго Кіевскаго съѣзда, и на Казанскій съѣздъ возилъ набросокъ своей мечты, но и тамъ не улучилъ случая высказаться. Высказался наконецъ въ одномъ изъ засѣданій Филологическаго Общества и затѣмъ при открытіи «Археологическаго института». Думалъ было въ этомъ институтѣ и начать этотъ курсъ; но едва ли рѣшусь на это—по причинамъ, о которыхъ пока молчу, потому что можетъ быть онѣ выдумались самимъ мною.

«Пока я не думаю объ этомъ курсѣ, потому что пришлось думать и писать о другомъ—и прежде всего, по поводу смерти Бодянскаго—думать и писать о всѣхъ трехъ моихъ отжившихъ товарищахъ. Это должно сдѣлаться приложеніемъ къ Отчету От-

дѣленія за прошедшій годъ. Перебирая по книгамъ, письмамъ и памяти все, что̀ годилось, пришлось пережить много хорошихъ часовъ воспоминаній—всего менѣе о Бодянскомъ, всего болѣе о Прейсѣ, но не безъ чувства чистаго добра обо всѣхъ. Не успѣлъ я окончить съ этими листками, какъ налегла другая работишка: мы издаемъ въ русскомъ переводѣ изслѣдованіе А. О. Патеры о Mater Verborum, и мнѣ вздумалось посмотрѣть на поддѣльныя глоссы со стороны умѣнья поддѣльщика, кто бы онъ ни былъ. Это умѣнье важно какъ указаніе на состояніе знанія древ. чешскаго языка въ то время, когда дѣлалась поддѣлка, такого знанія, которому равнаго не было ни въ какой другой отрасли славянскаго языкознанія. Первыя свои думки объ этомъ захотѣлось провѣрить, ну и пришлось пойдти по хламу мелочей, закапываться въ немъ, и откапываться. Въ написанномъ мною, я не касаюсь вопроса о томъ, кто былъ поддѣльщикъ, потому что не имѣлъ его въ виду, но если бы и имѣлъ въ виду, то не зналъ бы, на какомъ изъ тогдашнихъ дѣятелей остановиться. Всего скорѣе на Ганкѣ, но есть кое-что, очень сильно этому мѣшающее. На Юнгманѣ, на Пухмаерѣ, на Линдѣ нѣтъ причинъ. На Добровскомъ? какъ-то страшно. На комъ же бы еще? Не придумаю. А за 1827 и много что за 1832 г. переходить нельзя, за 1827 только для немногихъ глоссъ, и то сравнительно неважныхъ. За этою работою, т. е. за поддѣльными глоссами, я и сижу теперь, и спѣшу кончить, потому что подъ руками толстая рукопись Лѣтописи Малалы, только-что мною полученная и тянущая къ себѣ.

«За такими дѣлишками забываю о своихъ недугахъ, кои суть: «tic douloureux, по временамъ жаръ и боль въ головѣ, холодный потъ въ ногахъ и слабость ихъ, особенно правой и еще что-то, не помню, а ко всему этому война и миръ».

По поводу Библіологическаго Опыта Котляревскій возобновилъ переписку съ издателемъ воронежскихъ «Филологическихъ Записокъ». Отъ 31 января 1878 г., онъ писалъ:

«Здравствуйте..... послѣ многихъ лѣтъ прерваннаго знакомства — здравствуйте, старый другъ!

«Во-первыхъ: искреннее спасибо за Филолог. Записки 1877, а еще болѣе за добрую память: послѣднюю я очень высоко цѣню, ибо книгу можно купить, а ее не купишь.

«Во-вторыхъ: знаете ли, когда послѣдній разъ сносился я съ вами? Въ 1871 году, предъ моимъ отъѣздомъ за границу.... Съ той поры много воды утекло, и какъ много... Начиная съ того, что прошлой зимой я чуть не отправился на тотъ свѣтъ отъ остраго бронхита, отъ котораго и теперь страдаю страшной одышкой.

«Въ-третьихъ: съ удовольствіемъ готовъ возобновить мое прерванное сотрудничество въ вашемъ журналѣ. Матеріала у меня довольно: и лекціи, и ученыя изслѣдованія моихъ студентовъ, само собою разумѣется, мною выглаженныя и исправленныя... На первый разъ предлагаю вамъ *десять* лекцій изъ моего курса: «Библіологической исторіи древней русской письменности». Хотите? Лекціи готовы къ печати.... Объемъ: листовъ на пять, на шесть печатныхъ. Сіи лекціи имѣютъ отдѣльную цѣлость, что также важно для журнала....

«Да пришлите мнѣ отдѣльныхъ оттисковъ, какіе у васъ имѣются. Смерть люблю ихъ....

«P. S. Кстати: не поможете ли вы въ одномъ для меня весьма важномъ дѣлѣ. Вотъ три тода добиваюсь получить изъ Воронежа тамъ изданную (статистическимъ комитетомъ) книжицу, а именно *третій* (одинъ) выпускъ Переписки Евгенія съ графомъ Румянцевымъ..... И стоитъ-то она всего 50 коп. Готовъ заплатить вдвое, да не знаю, куда и обратиться.... Не развѣдаете ли вы, дружище, и не укажете ли сего сокровеннаго мѣста. Истинно былъ бы признателенъ».

Въ письмѣ отъ 23 мая, онъ говоритъ о новомъ повтореніи болѣзни; своей статьи онъ еще не могъ выслать, такъ какъ она еще не была окончательно обработана. Взамѣнъ того онъ пишетъ:

«Посылаю вамъ сегодня же статью Соколова о словацкомъ языкѣ и литературѣ. Станете печатать, то сдѣлайте 100 оттис-

ковъ и пришлите мнѣ. Это—его лекція въ нашемъ университетѣ pro venia legendi». Въ томъ же письмѣ онъ говоритъ о своемъ участіи въ преподаваніи на женскихъ курсахъ въ Кіевѣ: «Оживленіе на высшихъ женскихъ курсахъ у насъ идетъ великое: я тоже, насколько позволяютъ силы, читаю тамъ исторію нѣмецкой и французской литературы».

Только въ слѣдующемъ году, въ теченіе лѣтнихъ каникулъ (которыя онъ въ эти годы проводилъ обыкновенно въ Москвѣ), онъ докончилъ первую часть своего «библіологическаго курса по древней русской словесности» и выслалъ его г. Хованскому. Изданіе было для него очень хлопотливо: приходилось печатать въ другомъ городѣ, дѣлать корректуру по почтѣ; провинціальныя типографіи до сихъ поръ работаютъ у насъ не весьма складно, а Котляревскій былъ относительно печати довольно требователенъ, а кромѣ того у него бывали свои библіографическія причуды. При началѣ печатанія онъ послалъ г. Хованскому цѣлое наставленіе о шрифтахъ, расположеніи примѣчаній, объ отдѣльныхъ оттискахъ, сколько ихъ дѣлать и на какой бумагѣ. Книга печаталась частями въ «Филологическихъ Запискахъ» 1879—1880 годовъ, и отдѣльные оттиски съ общими и частными заглавіями помѣчены 1881 годомъ (цензурное разрѣшеніе отъ 12. ноября 1880, изъ Москвы) и выпущены были въ числѣ 66 экземпляровъ, изъ которыхъ 33 на веленевой бумагѣ, нумерованныхъ [1]). Книга вышла впрочемъ не въ томъ составѣ, какъ это предполагалъ Котляревскій: въ письмѣ отъ 6 декабря 1879, онъ пишетъ г. Хованскому, что вслѣдъ за главами объ историческомъ развитіи изученія языка и письма (которыми кончается книга въ суще-

---

1) Объ этомъ онъ спеціально писалъ г. Хованскому отъ 15 ноября 1880: «Что я печатаю 66 оттисковъ — на это существуетъ у меня свой капризъ и прошу васъ усерднѣйше, пригляднте, чтобы ни единаго не было выпущено въ свѣтъ, кромѣ цензурныхъ, которые — разумѣется — вы оттиснули всѣ (особо) не въ счетъ моихъ 66. Если вы пустили нѣсколькими экземплярами больше, то пришлите ихъ ко мнѣ, оставивъ — разумѣется — себѣ экземпляръ на добрую память обо мнѣ. Мнѣ очень важно, чтобы ни единый экземпляръ не миновалъ моихъ рукъ. При брошюровкѣ — избавь Боже обрѣзывать!!!».

ствующемъ изданіи) должна была итти еще глава: «Ходъ историческаго изученія русской народной поэзіи», которую онъ надѣялся кончить къ половинѣ января слѣдующаго года. Окончена она не была; но онъ не покидалъ этого плана: въ мартѣ и въ маѣ 1880 года, онъ опять писалъ г. Хованскому, что глава объ изученіи народной поэзіи почти окончена: «Противъ всякаго чаянія разрослась толико, что я рѣшился не включать ее въ мое изслѣдованіе объ изученіи древней русской письменности, а пустить какъ самостоятельный отдѣльный трудъ».

Въ 1879 году его тяжело поразила смерть Соловьева. Отъ 8-го октября онъ писалъ къ одному изъ одесскихъ друзей: «Нездоровъ—нѣсколько дней уже, какъ не выхожу изъ дома, не бываю на лекціяхъ.... А тутъ еще извѣстіе о кончинѣ Соловьева!... Боже, что же это такое: всякіе мертвые, четверодневно смердящіе..... — живутъ; живые—умираютъ, когда могли бы еще жить и быть полезны. Странно: я почти заранѣе былъ увѣренъ въ Москвѣ, что Соловьеву не выйти изъ болѣзни живымъ, а все же смерть его подѣйствовала на меня новымъ и неожиданнымъ образомъ.... Къ воскресенью долженъ приготовить о немъ «поминку» для чтенія въ Несторовскомъ историческомъ Обществѣ.

«Земля да будетъ пером — достойному русскому ученому и еще болѣе достойному—профессору».

«Библіологическій Опытъ» и изданіе третьяго тома сочиненій Максимовича, заключающаго труды филологическіе и этнографическіе, были послѣдними работами Котляревскаго. Въ Кіевѣ онъ работалъ кромѣ того въ Обществѣ лѣтописца Нестора, гдѣ онъ былъ съ 1879 года предсѣдателемъ и гдѣ имъ было представлено нѣсколько рефератовъ; онъ далъ также нѣсколько статей въ «Славянскій Ежегодникъ» Задерацкаго, принялъ нѣкоторое участіе въ кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ. Планы научныхъ работъ не оставляли его можно сказать до послѣднихъ дней его жизни; но эти дни были уже сочтены.

Послѣдніе годы болѣзнь не покидала его, и къ 1881-му окончательно обострилась. Отъ 18 января 1881 г. онъ писалъ

А. А. Кочубинскому: «Давно не писалъ, но коли бы вы, друже мой, знали, какъ страдаю я: не могу ни сидѣть, ни спать.... Послѣднее самое горшее. Отъ неправильнаго дыханія произошла неправильность кровообращенія, застой крови, лишившій меня сна и покоя.... Только днемъ по обѣдѣ могу часикъ вздремнуть, а ночью только къ самому утру»...

Въ письмѣ отъ 14 февраля къ тому же лицу, сиъ пишетъ: «...Боже, въ какое мятежно-сумбурное время довелось намъ жить: я, почти удалившійся отъ міра — и я такъ сильно чувствую тягость жизни, что иногда предаюсь полному отчаянію, а еще чаще—полной апатіи....

«Мою книжицу, «Библіологическій Опытъ», примите благодушно, хотя, можетъ быть, и посердитесь за ту или другую строку.... Коли придетъ на мысль какой пропускъ — или улучшеніе, не оставьте увѣдомить; ибо имѣю въ виду переиздать, какъ «введеніе» къ большому труду «объ изученіи древней русской литературы». Теперь такимъ же порядкомъ начинаю печатать «исторію изученія русской народной поэзіи».

«Замысловъ и предпріятій много, не мало и матеріала; а силъ уже мало.....и Богъ знаетъ, приведется ли мнѣ исполнить хоть половину того, что̀ задумано и на что̀ положено много труда»...

Въ маѣ врачи, его лѣчившіе, потребовали, чтобы онъ выѣхалъ за границу въ мѣста болѣе благопріятныя для его здоровья. Какъ говорятъ, онъ «покинулъ свою рабочую комнату, свои книги и бумаги лишь послѣ тяжелой борьбы съ собою и окружающими». Передъ отъѣздомъ онъ послалъ А. А. Кочубинскому небольшое открытое письмо (отъ 8 мая) съ извѣстіемъ о своемъ отъѣздѣ, гдѣ печальное предчувствіе не удалило и шутки:

«Недугъ гонитъ меня въ Европію (городокъ Reichenhall близь Зальцбурга). Постараюсь отыскать тамъ городъ «Клянсфортъ», о которомъ говорится въ лекціяхъ Григоровича, напечатанныхъ недавно въ «Филол. Вѣстникѣ».... Хочется вѣрить, что еще увижу васъ въ семъ мірѣ. Выѣзжаю на дняхъ».

Путешествіе въ тяжкой болѣзни было преисполнено всякими трудностями и невзгодами. Видимо, кромѣ тягостей матеріальныхъ, его угнетала и разлука съ любимымъ дѣломъ, съ друзьями, которые дѣлили его интересы. Послѣдніе два года, и особливо въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни, онъ несмотря на болѣзнь велъ съ этими друзьями дѣятельную переписку, въ которой большое мѣсто занимали научные интересы и собственные планы будущихъ работъ, какія онъ еще мечталъ совершить; изрѣдка, въ двухъ словахъ, упоминалъ онъ (какъ мы уже видѣли) о томъ смутномъ времени, какое переживало тогда русское общество и въ которомъ особенно тяжело было ему видѣть распространеніе того, что̀ онъ называлъ «анти-гуманизмомъ».

Его направили въ Рейхенгалль. Онъ писалъ оттуда къ одному изъ одесскихъ друзей:

«Зима, хотя и 11 іюня.

«Снѣгъ кругомъ хлопьями, туманъ и холодъ, комната безъ печей...

«Въ таковой-то «парадизъ» загнали меня недуги и, разумѣется, загнали — исцѣленія ради... Комично, хотя и зазнобно... Исцѣлюсь ли хотя отчасти, увижусь ли снова съ вами — не знаю; а пока хоть строкою мертваго письма хочу отогрѣться бесѣдою съ вами.... Теперь состояніе здоровья нѣсколько улучшилось, хотя дышу тяжко, астменно...

«Но по крайности могу удѣлять часикъ-другой музамъ, а для меня это много. Что дѣлается на святой Руси? — Двѣ недѣли не читаю газетъ; а слышу, что ужасы».

Отъ 23 іюня (н. ст.) онъ писалъ А. А. Кочубинскому:

«Reichenhall (неподалеку отъ знаменитаго Кляпсфорта).

«Неладно живется, друже К., — не знаю даже: выскочу ли...

«Испытавъ различныя мытарства, добрались мы до указаннаго намъ эскулапіями Рейхенгалля... Мѣсто прекрасное: въ долинкѣ среди Альповъ, чистый горный воздухъ, зелень встрѣтила насъ дружественно... Но чрезъ дня два — зима, снѣгъ, холодъ, вѣтеръ; а съ этимъ возобновленіе моей лихорадки и кровохар-

канья, чтò все продолжается и понынѣ. Совсѣмъ — сосудъ скудельный: слабость и нетвердость въ ногахъ значительная, чтò — кромѣ одышки — мѣшаетъ моему движенію....

«При этомъ, конечно, не можетъ быть и рѣчи о правильныхъ занятіяхъ. Урывками возвращаюсь къ нимъ, и вспоминаю слова Гётія, славнаго изъ тевтонскихъ піитовъ:

Verbiete du dem Seidenwurm zu spinnen,
Wenn er sich schon *dem Tode nahe* spinnt.

«Можетъ быть, и ко мнѣ подойдутъ сіи пророчествá...

«И Андрея Попова не стало. Признаюсь, я ожидалъ сего уже около двухъ лѣтъ, но все какъ-то не вѣрится, потому что больно за россійскую науку. Честный и трудолюбивый дѣлецъ былъ. Наука обязана ему очень и очень многимъ. Еще въ маѣ получилъ я отъ него изданіе «Исторической ц.-сл. Палеи». Добрая память ему. Былъ бы я здоровъ и съ своими друзьями (т. е. при книгахъ), написалъ бы для «Филол. Вѣстника» помяночку о немъ»...

Отечественная современность его удручала. «Боже, чтò только творится, и когда и гдѣ конецъ? Когда случится мнѣ раздуматься о смерти, мнѣ мучительно больна бываетъ мысль, что я уже ничего болѣе не сдѣлаю для науки, что предстоятъ разлуки: съ семьей, съ близкими; но съ идеей родины разлучусь спокойно, ибо душа полна бываетъ вѣры въ ея будущее и отчаянія въ ея настоящее. Утѣшьте, напишите, дайте вѣсточку о себѣ и другихъ»...

Отъ 30 іюня онъ послалъ одному изъ молодыхъ кіевскихъ друзей, проф. П. И. Аландскому, письмо, изъ котораго приведены выдержки въ «Помпикѣ»; онъ проситъ между прочимъ сдѣлать справки въ библіотекѣ университетской о присланныхъ для него книгахъ, чтобы предостеречь его отъ соблазна купить тѣ же книги дважды... «Что слышно про женскіе курсы? Неужели въ самомъ дѣлѣ ихъ собираются закрыть?»

Въ письмѣ къ нему же отъ 6 (18) іюля: «Вы пожелали мнѣ *здоровья*... т. е. пожелали лучшаго, что только теперь я оцѣнилъ, теперь, когда, пожалуй, безвозвратно его утратилъ... Лихорадки нѣсколько дней нѣтъ,... но *грозныя* кровохарканья періодически повторяются и такъ какъ благорастворенiе воздуховъ здѣсь бываетъ зачастую ураганное, то сіи кровоизліянія нерѣдки... А въ общемъ—разслабленіе и тоска... При таковомъ состояніи грѣшной плоти моей и духа моего не могу и думать о возвращеніи въ августѣ на Русь»... Онъ хотѣлъ послать ректору два прошенія: одно съ просьбой о годовомъ отпускѣ для излѣченія болѣзни, другое—на случай затрудненій къ первому—объ увольненіи отъ службы... «Горитъ душа по работѣ, а работать не могу: муки Тантала въ миніатюрѣ»...

Въ припискѣ отъ 10 (22) іюля: «... Перетерпѣлъ два грозныя кровоизліянія, на груди и въ настоящую минуту ледяная подушка»... «Странно, однако, что при этомъ я рѣшительно не чувствую никакихъ ухудшеній: нѣтъ ни кашля, ни боли въ груди, ни лихорадки... точно какъ будто все естественно»...

Онъ вспоминаетъ опять стихи Гёте и продолжаетъ: «Такъ и теперь: разыгралась въ мозгу моемъ фантазійка обработать здѣсь I часть моей Энциклопедіи славистики, т. е. Введеніе къ ней или обозрѣніе предмета, метода и современнаго состоянія вспомогательныхъ наукъ славяновѣдѣнія... Само собою разумѣется, что, наученный опытомъ, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы удалось мнѣ исполнить сію мечту.., да это все равно: тѣшусь ею и только. И то хорошо».

Отъ 4 августа н. ст. онъ писалъ А. А. Кочубинскому, что «Кляпсфордъ-Рейхенгалль» не принесъ ему пока никакого улучшенія, а скорѣе ухудшеніе, потому что никогда прежде не было у него такихъ кровоизліяній; онъ извѣщаетъ, что рѣшился просить отпуска или чистой отставки—«тосклпаться душѣ моей, какъ говорилъ Скорина», что «душа рвется къ работѣ», что онъ «обработываетъ» Введеніе къ исторіи и энциклопедіи славистики, обнимающее обозрѣніе наукъ вспомогательныхъ: языкознанія,

миѳологіи, древностей, этнологіи и пр. Въ Рейхенгаллѣ останется до половины сентября, «по бусурм. стилю». «Читаю (для своихъ цѣлей энциклопедіи) прекрасную книгу Бунзена Outlines of universal history, которая главнымъ образомъ содержитъ отчеты различныхъ ученыхъ объ успѣхахъ языкознанія по отношенію къ индо-европейскимъ языкамъ... Книга у насъ малоизвѣстная; но сколько въ ней хорошаго!.. Я напалъ на нее совершенно случайно....

«Читали вы про Ц... Вотъ къ *какой* пристани привела его гордыня и мятежъ самомнѣнія... Боюсь — одного ли его. Впрочемъ, вѣрнѣе было бы сказать, не *боюсь*, а скорблю; ибо все же онъ былъ сила, да непутящая, дикая, у которой если и была святыня, то свое бурсацкое самолюбіе. Requiescát in pace»...

Въ письмѣ къ Аландскому отъ 17 августа, «еретическаго стиля», онъ говоритъ о своей заботѣ, посылая сына въ Московскій университетъ: «... какъ-то управитъ онъ челнъ свой среди водоворотовъ времени, среди сатурналій всякой... разнузданности и антигуманизма»... Онъ вѣритъ въ лучшее: «какъ бы то ни было, безъ этой вѣры мнѣ мало остается привлекательнаго къ жизни»... Въ Московскій университетъ онъ направилъ сына — «въ силу моего глубокаго піетета къ моей кормилицѣ, въ силу добрыхъ традицій, тамъ еще живущихъ (доживающихъ?)»....

«Что новаго въ наукѣ и литературѣ?

«Повѣрите ли, что со времени запрещенія «Голоса» (мотивы запрещенія по истинѣ комичны) — рѣшительно моя Русь исчезла для меня изъ моего географическаго кругозора: о Патагоніи и Новой-Гвинеѣ знаю болѣе, чѣмъ о Россіи. Читаю только о чудовищной мысли разсмотрѣть всю Русь съ точки зрѣнія подсудимыхъ военнаго суда».... «И правда ли?! Все, впрочемъ, быть можетъ: «такъ русская печь печетъ» — говорилъ когда-то Погодинъ»...

«Черезъ дней 10 выѣзжаемъ изъ Рейхенгалля на «уру», куда попадемъ; сначала въ Боценъ, а потомъ, вѣроятно, или въ Пизу

или въ Ниццу.... Сущая бѣда—ни тамъ, ни здѣсь нѣтъ порядочной книжной торговли: приходится голодать».

Отъ 20 августа н. ст. онъ пишетъ А. А. Кочубинскому: «Гдѣ вы? А я—все тамъ же, и только 1-го сентября (бѣсов. стиля) спускаюсь далѣе на югъ, чрезъ Боценъ, Миланъ, Геную—кажется—до Ниццы или Пизы... Самъ еще не знаю. Лихорадка прекратилась и кровоизліянія какъ-то (временно) утишились, но—Боже милый—посмотрѣли бы вы на меня, что изъ меня сотворила «нѣмецкая кухня», въ особенности ихъ знаменитые «супы».

«Послѣ долгой отвычки—никакъ еще не могу приладиться къ систематическимъ занятіямъ—можетъ быть, въ семъ виновна и слабость плоти моея...

«Что дѣлается въ нашихъ университетахъ и съ нашими университетами?» Онъ разспрашиваетъ о нашихъ славистахъ въ Харьковѣ, Кіевѣ, Варшавѣ.

Въ письмѣ къ В. Ѳ. Миллеру отъ 4 сентября н. ст.:

«Лихорадка совсѣмъ повысосала меня; теперь только начинаю немного поправляться... Да какъ поправишься на подлыхъ нѣмецкихъ хлѣбахъ?! Посему на дняхъ двигаюсь далѣе, на югъ, сначала въ Баденъ, недѣльки на двѣ, а потомъ въ Пизу....

«Только недавно возродились у меня силы къ занятіямъ. Къ счастію захватилъ съ собою свои лекціи по энциклопедіи славистики и по тиху приготовляю къ печати *вводную* часть ихъ, обнимающую «Обозрѣніе предмета и современнаго состоянія «вспомогательныхъ» наукъ славистики», т. е. языкознанія, миѳологіи, археологіи, древностей, исторіи литературы и т. д. Успѣю ли закончить—за недугами сказать не рѣшаюсь; а хотѣлось бы: часть библіографическая была бы положительно не безъ пользы для студентовъ»....

Для этой работы онъ читалъ между прочимъ книги Кокса (Cox, Introduction to Mythology and Folklore) и Сэйса (Sayce, Introduction to the Science of Language), также Губернатиса (индійская археологія) и Пауля, Principien der Sprachgeschichte...

«Годъ имѣю нужду прожить за границей; будетъ ли толкъ,

не знаю: страшно разстроился, ходить совсѣмъ не могу отъ одышки. Если дотяну до апрѣля, пріѣду на лѣто въ Москву, а нѣтъ—то помяните мя въ праведныхъ молитвахъ вашихъ».

Отъ 7 октября онъ писалъ Аландскому изъ Пизы: «....Послѣ многихъ и долгихъ перекочеваній (при чемъ каждое или ни одно не обходилось безъ лихорадочныхъ жертвоприношеній), послѣ флорентинскихъ ужасовъ (десять дней пребыванія и 15 злѣйшихъ пароксизмовъ лихорадки) прибылъ я, накопецъ, сегодня въ Пизу».... Здѣсь ждало его письмо Аландскаго: «Спасибо, хорошій человѣкъ, за память!» Но писать много не можетъ: «голова идетъ кругомъ, не столько отъ дороги, сколько отъ хины»... Онъ спрашиваетъ объ университетскихъ дѣлахъ и посылаетъ поклоны друзьямъ, которымъ проситъ сообщить: «я нахожусь въ Пизѣ и, кажется,— на долго».

Послѣднее письмо отъ 8 октября н. ст. было получено мною: «....Послѣдній разъ писалъ я къ вамъ изъ Рейхенгалля; вскорѣ затѣмъ пустился я на долгихъ—въ странствіе на Югъ: въ каждомъ мѣстѣ, при каждой остановкѣ приносилъ обильнѣйшія жертвы вавилонской блудницѣ, дщери Ирода-царя, трясавицѣ—Гнетеѣ, такъ что, пока добрался до Пизы, отъ меня осталась только тѣнь моя. Что будетъ далѣе, не вѣдаю.... Что дѣлается въ любезномъ отечествѣ, совершенно мнѣ неизвѣстно».... Но его опять тревожили слухи, какіе до него доходили. Онъ продолжаетъ интересоваться тѣмъ, что дѣлается въ научной литературѣ... «А пока простите.... Сегодня цѣлый день лежу: лихорадка, хининъ и широкко сокрушаютъ мою бренную плоть».

Но еще раньше, чѣмъ было мною получено это письмо, пришло извѣстіе о его смерти. Котляревскій умеръ неожиданно 29 сентября (11 октября н. ст.).

Совѣтъ Кіевскаго университета, въ засѣданіи 2-го октября, постановилъ выразить признательность свою къ заслугамъ покойнаго отправленіемъ депутаціи въ Москву для присутствія при погребеніи его.

«Отъ преподавателей университета, студентовъ-филологовъ и

слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ были возложены на гробъ покойнаго въ день погребенія вѣнки, свидѣтельствовавшіе объ уваженіи товарищей и благодарности учениковъ его. Такой же вѣнокъ былъ посланъ и Обществомъ Нестора лѣтописца, которое посвятило особое засѣданіе (4-го окт.) воспоминанію о заслугахъ своего преждевременно скончавшагося предсѣдателя. Погребеніе тѣла было совершено 14-го октября въ Москвѣ, въ Покровскомъ монастырѣ, за алтаремъ главной церкви» [1]).

А. А. Котляревскій былъ выдающимся и характернымъ представителемъ того періода въ развитіи нашей науки, который послѣдовалъ за первыми трудами нашей славистики и первыми вліяніями школы Гримма въ изученіи нашей народной старины. Его собственная дѣятельность не успѣла произвести того, къ чему клонились его стремленія: рано надорванный тяжелымъ недугомъ, онъ могъ вести свою работу только урывками, тѣмъ болѣе, что его научные интересы были очень разнообразны, простираясь отъ первобытной археологіи до новѣйшихъ явленій литературы. Первоначальную школу въ славистикѣ прошелъ Котляревскій подъ руководствомъ Бодянскаго и рано пріобрѣлъ извѣстную самостоятельность, которая освобождала его отъ нѣкоторыхъ односторонностей учителя; это было тѣмъ болѣе возможно, что рядомъ онъ имѣлъ другого наставника, которому вообще былъ много обязанъ, въ лицѣ Ѳ. И. Буслаева, который въ это самое время, въ серединѣ пятидесятыхъ годовъ, былъ въ полномъ расцвѣтѣ своей дѣятельности, и труды его, внушенные Гриммомъ, были въ нашей литературѣ настоящимъ открытіемъ и тѣмъ болѣе производили впечатлѣнія въ кругу ревностныхъ молодыхъ питомцевъ науки, какимъ былъ Котляревскій. Народная старина представала въ новомъ образѣ, какого до тѣхъ поръ не знала наша литература: съ великою поэтическою привлека-

1) Біографическій словарь профессоровъ университета Св. Владиміра, стр. 310.

тельностью новое изученіе представляло и широкій, ранѣе невиданный научный горизонтъ,—и при всѣхъ новыхъ задачахъ, какія возникали впослѣдствіи, Котляревскій до конца остался вѣренъ этому основному интересу. Нѣсколько позднѣе Котляревскій сблизился съ Срезневскимъ, который принялъ тогда участіе въ мудреномъ положеніи его дѣлъ и тѣмъ получилъ право на его признательность; но еще болѣе привлекало Котляревскаго уваженіе къ научнымъ заслугамъ и особенностямъ Срезневскаго — его обширныя знанія, соединявшіяся съ строгой, недовѣрчивой критикой, требованіемъ всесторонняго осмотра предмета, осторожность выводовъ и наконецъ высокое представленіе о достоинствѣ науки, чуждой всему эфемерному и современному.... Складъ научныхъ работъ и вообще взгляды Срезневскаго, за послѣдніе годы его дѣятельности, пріобрѣтали извѣстную исключительность, до сихъ поръ мало разъясненную; Котляревскій отчасти раздѣлялъ ее, хотя не дошелъ до ея крайностей.... Въ свои молодые годы Котляревскій переживалъ то знаменательное время нашей общественной и государственной исторіи, которое совпадаетъ съ первыми годами прошлаго царствованія. Естественно было, что онъ, какъ вообще молодыя поколѣнія того времени, да и болѣе старые и опытные, былъ увлеченъ тѣми перспективами новаго порядка вещей, какія обѣщалъ подготовлявшійся тогда рядъ реформъ, которыя составили славу прошлаго царствованія. Извѣстно, въ какомъ подавленномъ состояніи находились передъ тѣмъ наука и литература, единственныя формы дѣятельности, возможныя для общества[1]), и понятно, что всѣ сочувствія болѣе образованной части общества и молодыхъ поколѣній направлялись къ этимъ новымъ формамъ общественной жизни, которыя должны были удалить старый застой и неправду. Впослѣдствіи высказано было не мало укоровъ тогдашнимъ увлеченіямъ и ошибкамъ, но очевидно, что увлеченія были

1) Объ этомъ напоминаетъ К. Н. Бестужевъ-Рюминъ, касаясь біографіи Котляревскаго, по поводу перваго тома настоящаго изданія его сочиненій, въ Журналѣ министерства нар. просв. 1889.

порождены именно условіями предыдущаго времени, и справедливое историческое сужденіе могло бы постигнуть ихъ только въ этой тѣсной связи съ нимъ. Подобные упреки въ нѣкоторой степени были дѣланы и Котляревскому, хотя онъ собственно говоря, только очень рѣдко касался въ тѣ годы вопросовъ, волновавшихъ общество, оставаясь почти исключительно въ любимой области старины, народности, языка и литературы. Очень естественно, что на пространствѣ почти сорока лѣтъ, со времени появленія его первыхъ трудовъ, многое должно было измѣниться во взглядахъ общественныхъ, литературныхъ и научныхъ; но труды пятидесятыхъ или шестидесятыхъ годовъ должны быть судимы лишь въ исторической связи съ тогдашними явленіями. Мы не приложили бы къ нему упрека въ «шатаніи мысли», потому что цѣлый историческій моментъ тогдашней общественной и государственной жизни заключался въ стремленіи къ реформѣ, вопросъ о которой былъ совершенно недоступенъ для общества въ предыдущую эпоху и который потому засталъ не только общественные, но и государственные умы неприготовленными [1]).

Первые труды Котляревскаго были популярно-критическаго характера въ области литературной исторіи, народно-поэтической старины и языка. Задача была въ томъ, чтобы содѣйствовать установленію тѣхъ новыхъ пріемовъ изслѣдованія, какіе приносила новая школа: эти пріемы еще не были достаточно сознаны въ средѣ самихъ спеціалистовъ и однако должны были многое отвергнуть въ томъ, что еще казалось авторитетомъ или было ходячимъ мнѣніемъ. Въ критическихъ статьяхъ Котляревскаго разбросано много вѣрныхъ и остроумныхъ наблюденій и замѣчаній, которыя свидѣтельствовали о критическомъ чутьѣ и большой начитанности. Таковы были его замѣчанія о трудахъ

1) Укажемъ для примѣра новѣйшія изслѣдованія по исторіи крестьянскаго вопроса и другихъ реформъ и массу изданныхъ мемуаровъ и переписки тогó времени, касающихся этого предмета.

Шевырева, Давыдова (еще въ то время авторитетныхъ), Ореста Миллера, Лниничека и др.; его замѣтки о тогдашнихъ изслѣдованiяхъ по этнографiи и археологiи, собранныя въ книжкѣ «Старина и народность»; таковы были впослѣдствiи его специальные разборы «Поэтическихъ воззрѣнiй» Аеанасьева и «Исторiи русской жизни» И. Е. Забѣлина и др. Въ трудахъ подобнаго рода онъ старался дать понятiе о цѣломъ состоянiи науки (сравнительное языкознанiе, миеологiя), къ которой примыкали наши изслѣдованiя, что̀ было для того времени совершенно ново въ нашей литературѣ и безъ сомнѣнiя полезно при той отрывочности, съ какою обыкновенно проникали къ намъ влiянiя европейской науки. Котляревскiй принялъ свою долю участiя въ тѣхъ трудахъ, которые дали тогда новое направленiе историко-литературному изученiю: поставивъ на мѣсто преимущественно художественной критики временъ Бѣлинскаго критику реально-историческую, новыя изысканiя расширили область наблюденiя и дали впослѣдствiи болѣе широкую картину развитiя литературы въ связи съ исторiей общества, съ проявленiями народной стихiи, и открыли вмѣстѣ съ тѣмъ связь и преемственность въ двухъ основныхъ перiодахъ нашей литературы, которые прежнiй взглядъ разъединялъ Петровской реформой на два разнородныя историческiя явленiя. Оспаривая прежнiе неполные или устарѣлые прiемы изслѣдованiя, Котляревскiй въ то же время рѣзко отвергалъ и тѣ новые взгляды на старину и народность, которые носили въ ихъ объясненiи слишкомъ большую долю фантазiи,— каковы были нѣкоторые труды писателей славянофильскихъ, въ особенности комментатора «Пѣсенъ» Кирѣевскаго.

Основанiе Археологическаго Общества въ Москвѣ открыло еще новый путь для научныхъ интересовъ Котляревскаго: онъ принялъ не малое участiе въ установленiи разнообразной дѣятельности Общества, какъ своими трудами, такъ и сношенiями. Здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, онъ старался раскрывать и популяризировать общее содержанiе науки, которая и теперь, а тогда въ особенности разработывалась у насъ только отрывочно,

по вкусамъ отдѣльныхъ ученыхъ, необъединеннымъ въ цѣлое. Его диссертація «О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ» служитъ образчикомъ его пріемовъ въ археологіи: въ изслѣдованіи предмета привлечены самые разнообразные источники: языкъ; историческія преданія, сохраненныя старою лѣтописью у разныхъ славянскихъ народовъ; преданія современныя, въ которыхъ сохранилась народная память древняго обычая; сохранившіеся археологическіе памятники древнихъ погребеній и пр., все это въ постоянномъ сличеніи, которое обращается кромѣ славянства также къ преданію и обычаю другихъ европейскихъ племенъ. Трудъ Котляревскаго былъ въ нашей литературѣ первымъ въ своемъ родѣ; онъ встрѣченъ былъ съ большими сочувствіями и въ литературѣ западно-славянской. Понятно, что и здѣсь дальнѣйшій ходъ науки указывалъ необходимость многихъ поправокъ; напримѣръ, Котляревскій считалъ еще возможнымъ пользоваться для археологическихъ цѣлей данными Краледворской рукописи, хотя въ то время были уже заявлены возраженія противъ ея древности; онъ и до конца не отвергалъ ея, хотя (въ кіевскихъ лекціяхъ) не признавалъ въ ней народнаго преданія и видѣлъ произволъ личнаго авторства.

Въ семидесятыхъ годахъ, живя за границей, куда привела его необходимость заботиться о возстановленіи здоровья, онъ велъ двоякую работу—съ одной стороны, собирая матеріалъ по различнымъ отраслямъ славяновѣдѣнія (послѣ выхода изъ Дерптскаго университета онъ не терялъ надежды занять славянскую каѳедру въ одномъ изъ русскихъ университетовъ), съ другой приготовилъ двѣ книги по древностямъ балтійскаго славянства. Одна изъ этихъ книгъ, о древностяхъ права, послужила ему докторской диссертаціей: для нея подобранъ былъ обширный матеріалъ старыхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ и новыхъ изслѣдованій. Одни изъ критиковъ отнеслись очень строго къ выводамъ автора, недостаточно опредѣленнымъ и даже разнорѣчивымъ; другіе встрѣтили съ большимъ признаніемъ трудъ, посвященный такой об-

ласти славянской древности, которая особливо нуждалась въ разработкѣ [1]).

Внѣшность этой книги (общія и частныя заглавія) указывала, что Котляревскому хотѣлось дѣйствительно сдѣлать этотъ трудъ только началомъ дальнѣйшихъ изслѣдованій въ томъ же направленіи, и въ нормальномъ положеніи вещей это не было невозможно (ему было тогда тридцать семь лѣтъ), но вскорѣ сначала опять болѣзнь, потомъ занятіе новой каѳедры отвлекли его къ другимъ задачамъ. Въ Кіевѣ онъ имѣлъ возможность поставить курсъ славяновѣдѣнія болѣе широко, чѣмъ могъ въ Дерптѣ. Его мечтой была энциклопедія славяновѣдѣнія: его лекціи въ Кіевѣ,—программа которыхъ выше указана и съ которыми мы имѣли случай ознакомиться [2]),—касались дѣйствительно самыхъ различныхъ сторонъ предмета, сообщали много систематически расположенныхъ и полезныхъ свѣдѣній; между прочимъ было постоянное стараніе указывать старую и новую литературу предмета, знаніе которой должно служить для начинающаго ученаго первой опорой собственнаго труда. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ Котляревскаго, какія были въ нашемъ распоряженіи, не сохранились имъ самимъ составленныя лекціи (если онѣ были): сберeглась только рукопись вступительнаго чтенія.—Выше упомянуто, какъ въ связи съ лекціями составился «Библіологическій Опытъ». По весьма вѣроятному указанію одного изъ біографовъ, эта работа была исполнена по принятому имъ способу со-

---

1) Упомянутая ст. г. Ламанскаго въ Журн. мин. нр., 1875; ст. Ганеля, Rad jugoslavenske akademije znanosti i umjetnosti, кн. XXXIII, Zagreb, 1875, стр. 208—227.

Любопытны въ статьѣ Ганеля замѣчанія о русской научной литературѣ: «Ruska znanstvena literatura novije dobe tako se je pokazala netaknutom od upliva tudjega duha u načinu pisanja, kao ni jedna druga slavenska; ona nije preniela niti njemački, niti francezki, niti talijanski način mišljenja te izraživanja misli na svoje pole, već se ističe tako samostalnim narodnim karakterom, da ju možemo označiti zastupnicom čisto slavenske literature i u vanjskom obliku, te postaviti ju kao izgled slavenskoga načina razpravljanja znanstvenih pitanja»..

2) Запись ихъ была намъ сообщена А. В. Стороженкомъ, тогдашнимъ слушателемъ Котляревскаго.

биранія библіографическихъ и иныхъ данныхъ, по системѣ карточекъ, при чемъ требовалось только привести ихъ въ порядокъ и связать цѣльнымъ изложеніемъ. И этотъ «Опытъ» предполагался только началомъ другихъ работъ въ томъ же направленіи и на очереди стояло историческое изложеніе изслѣдованій о народной поэзіи: въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни онъ заботился даже о томъ, чтобы найти помѣщеніе для этого труда (въ «Филологическихъ Запискахъ» или въ «Журналѣ министерства просвѣщенія»), на дѣлѣ эта работа не была исполнена,—готовъ былъ, вѣроятно, только ея фактическій матеріалъ. По выдержкамъ изъ писемъ мы видѣли, что тяжелый недугъ, въ самыхъ грозныхъ его проявленіяхъ, не заглушалъ въ Котляревскомъ его научныхъ интересовъ; до послѣднихъ дней онъ все работалъ, собиралъ матеріалы для трудовъ, которымъ видимо не суждено было осуществиться: глубоко трогательный примѣръ преданности дѣлу науки, которая была для него по истинѣ дѣломъ жизни....

Воспоминанія товарищей по кіевскому университету, собранныя въ «Поминкѣ», и воспоминанія другихъ товарищей по наукѣ, говорятъ о томъ, какъ глубоко чувствовалась ими и личная утрата и потеря для русской науки даровитаго дѣятеля. Воспоминанія учениковъ, съ давняго московскаго кадетскаго корпуса до кіевскаго университета, исполнены теплаго чувства къ преподавателю, котораго любовь къ наукѣ сообщала имъ возбужденіе къ труду, у котораго находили они разумную помощь и руководство. Въ исторіи нашей науки за Котляревскимъ останется почетное имя.

Богатая библіотека, рѣдкая по своему составу, стала нынѣ достояніемъ Историческаго Музея въ Москвѣ. Сохранилось и другое наслѣдіе его трудовъ въ нѣкоторыхъ любопытныхъ рукописяхъ. Въ рукахъ Котляревскаго былъ достопримѣчательный сборникъ малорусскихъ думъ и пѣсенъ, составленный въ началѣ столѣтія неизвѣстнымъ любителемъ, и предшествовавшій или современный первому сборнику малорусскихъ думъ князя

Цертелева. По всей вѣроятности Котляревскій думалъ когда-нибудь обнародовать свою рукопись; но раньше онъ сообщалъ ее Н. И. Костомарову, который воспользовался ею въ своей «Исторіи козачества въ памятникахъ южно-русскаго народнаго пѣсеннаго творчества» («Русская Мысль», 1880, 1883) и привелъ изъ нея нѣсколько отрывковъ; въ послѣднее время содержаніе этой рукописи,— заключающей десять варіантовъ извѣстныхъ думъ, три думы новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ собирателямъ, и нѣсколько пѣсенъ,—было издано и сопровождено комментаріемъ въ книгѣ П. И. Житецкаго [1]). Кромѣ того сохранилось въ бумагахъ Котляревскаго еще три сборника: одинъ, изъ первыхъ годовъ нашего столѣтія, заключающій малорусскія пѣсни и канты; другой, представляющій оригинальное собраніе свадебныхъ пѣсенъ, въ первоначальной черновой рукописи 1838 года; третій «Зъ надъ Збруча и Смотрича» — опять оригинальное собраніе малорусскихъ пѣсенъ, сказокъ и т. п. неизвѣстнаго собирателя 1850-хъ годовъ. Первые два мы полагаемъ издать впослѣдствіи; о происхожденіи третьяго желали бы собрать свѣдѣнія.

---

1) «Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ». Кіевъ, 1893, стр. 177—249 (первоначально было напечатано въ «Кіевской Старинѣ»).

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

ДРЕВНОСТИ

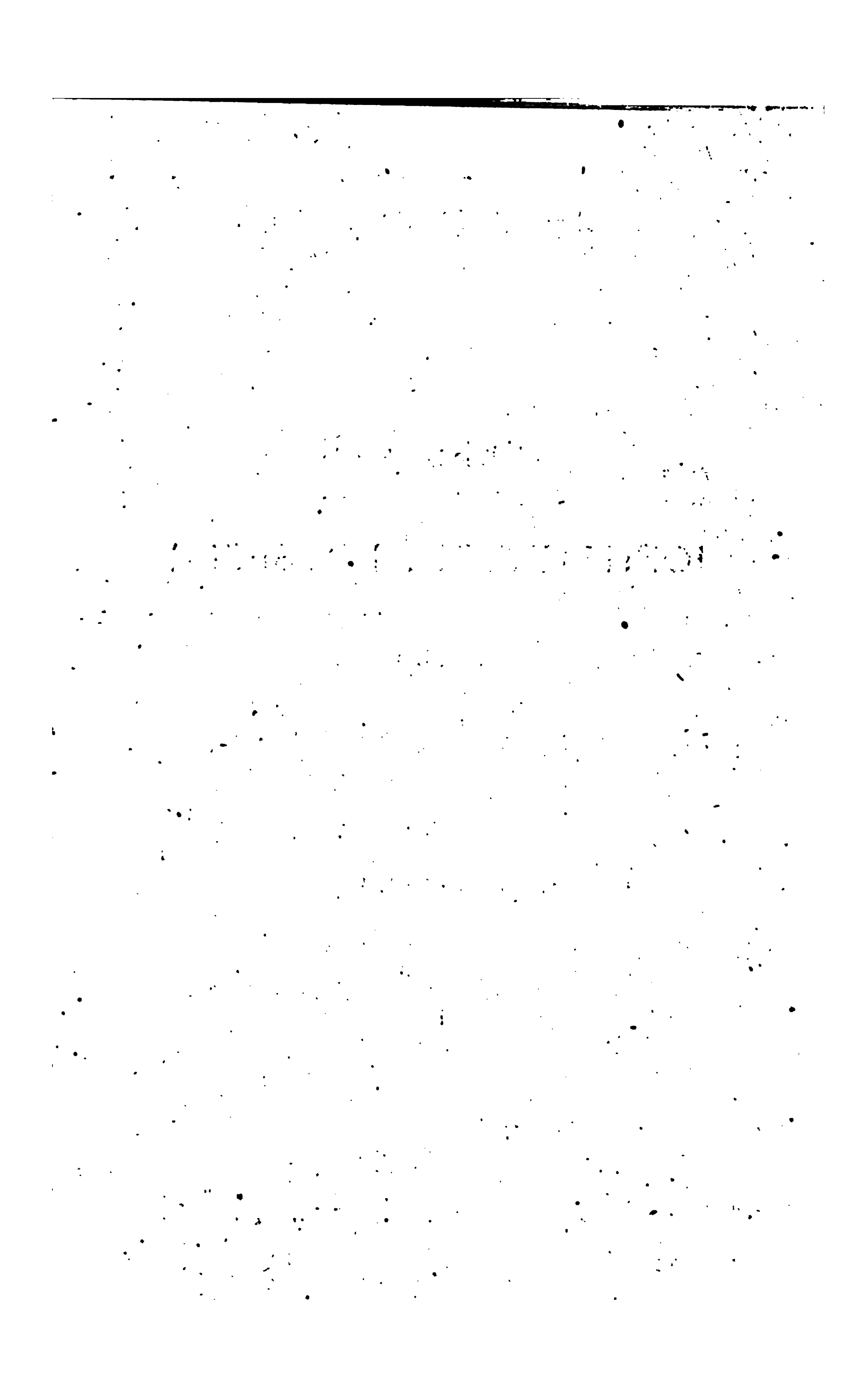
ЮРИДИЧЕСКАГО БЫТА

БАЛТІЙСКИХЪ СЛАВЯНЪ.

ОПЫТЪ СРАВНИТЕЛЬНАГО ИЗУЧЕНІЯ СЛАВЯНСКАГО ПРАВА.

А. КОТЛЯРЕВСКАГО.

I.

Къ тому, что изложено во «введеніи» къ настоящему труду, мнѣ остается прибавить немногое, именно:

а] выразить сердечную благодарность моимъ чешскимъ друзьямъ, проф. М. Гатталѣ, Я. И. Ганелю и А. О. Патерѣ, помогавшимъ мнѣ и добрыми совѣтами и всякою другою, зависѣвшею отъ нихъ, помощью; и

б] просить моего читателя о предварительномъ исправленіи опечатокъ, находящихся на слѣдующей страницѣ[1]).

Вторая часть сочиненія, надѣюсь, появится въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени: она будетъ заключать «общественный бытъ» балтійскихъ славянъ, а равно и тѣ дополненія и поправки, которыя должны быть сдѣланы къ предлежащей первой.

А. Котляревскій.

Прага, 19 сент. нов. ст.

---

1) Въ настоящей перепечаткѣ труда А. А. Котляревскаго всѣ, указанныя имъ въ изд. 1874 г., опечатки исправлены.

Оглавленіе I части.

„moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior [Sclauis] poterit inueniri"... Adamus brem. *II, 19.*

„pollebant [Rani] multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospi- „talitatis plenitudo, et parentum debitum exhibent honorem"... Helmoldus *II, 12.*

„Illi [Sclaui] nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiuscemodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui oneri esse solet, Slaui pro quadam uoluptate ducunt. Transeunt sane dies plurimi, his [Saxonibus] pro gloria et pro magno latoque imperio, illis pro libertate ac ultima seruitute uarie certantibus".. Widukindus *II, 20.*

„Fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique"... Helmoldus *I, 52.*

„Pomerani slaui est gens indomita, pugnax et praeda uiuens... Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratico apparatu praedas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt". Fragment. incerti auctoris.

Задача и методъ изслѣдованія. Источники.

Предметъ нашего труда — юридическій бытъ балтійскихъ славянъ, или вѣрнѣе — древности его.

Балтійскимъ славянамъ выпала и въ наукѣ недобрая доля: германизація осилила ихъ ранѣе, чѣмъ они успѣли создать и развить самобытную письменность. Какъ *славянское* племя, они исчезли, не оставивъ по себѣ никакого *славянскаго* наслѣдья, никакихъ памятниковъ быта [1]), кромѣ собственныхъ именъ, безмолвныхъ, загадочныхъ развалинъ своей матеріальной культуры и безмолвныхъ могилъ съ ихъ загадочными сокровищами. Все, что исторія — а съ ней и наука — знаетъ *о погибшемъ племени*, объ устройствѣ и порядкахъ его быта — идетъ отъ чуждой руки и чуждаго, исполненнаго вражды и національной ненависти — сердца: нѣмецкихъ и датскихъ анналистовъ, гагіографовъ, слагателей сагъ. Ихъ извѣстія, по большей части глухія, случайныя, передающія только внѣшнее — даютъ лишь слабое понятіе о внутренней жизни этой замѣчательной отрасли славянскаго племени. Если бы таланту и проницательности изслѣдователя и удалось свя-

---

1) Кромѣ немногихъ остатковъ вымиравшаго языка, случайно подобранныхъ трудолюбивыми нѣмцами въ 17—18 стол. Подробный библіографическій перечень этихъ сборниковъ читатель найдетъ въ статьѣ Hanuš'a: «Zur Literatur und Geschichte der slavischen Sprachen in Deutschland, namentlich der Sprache der ehemaligen Elbeslaven oder Polaben», въ Miklosich's Slavische Bibliothek, II, W., 1858, p. 109—140.

зать въ одно цѣлое эти отрывочныя свидѣтельства, его картина все таки осталась бы далека отъ полнаго и вѣрнаго дѣйствительности изображенія внутренняго быта народа, она имѣла бы механическую, искусственную, но не органическую, естественную цѣлость: въ ней недоставало бы многихъ существенныхъ частей, безъ которыхъ невозможно историко-органическое пониманіе предмета.

Располагая такимъ скуднымъ наличнымъ матеріаломъ и не уклоняясь отъ требованій исторической истины и достовѣрности, изслѣдователь, на нашъ взглядъ, долженъ опредѣлить свою задачу лишь подборомъ фактовъ и объясненіемъ прямого и скрытаго значенія и связи ихъ. При внимательномъ изученіи источниковъ—подборъ фактовъ можетъ быть исполненъ безъ особыхъ, чрезвычайныхъ затрудненій, но объясненіе значенія и связи ихъ представляетъ трудности, преодолѣть которыя нельзя съ помощью одной простой, наглядной логики или простого, разумнаго толкованія, примѣненнаго къ данному матеріалу. Послѣдній слишкомъ—глухъ, источенъ и запутанъ для того, чтобы можно было на основаніи его дѣлать положительные выводы. Его необходимо расширить.

Балтійскіе славяне—одна изъ вѣтвей сѣверо-западной отрасли славянскаго племени, генетически ближайшіе родственники поляковъ, лужичанъ и чеховъ и болѣе дальніе родичи славянъ юго-западныхъ и восточныхъ, хорутанъ, сербовъ, болгаръ и русскихъ. Это заключеніе, достаточно уже оправдываемое *языкомъ*[1]) и *географіей*, должно имѣть значеніе и для области нравственнаго и юридическаго быта.

Дѣйствительно, скажемъ напередъ—основы его у балтійскихъ славянъ и даже нѣкоторыя фазы дальнѣйшаго развитія, имѣя не мало общаго и со славянами юго-западными и восточными, го-

---

1) Schleicher: Laut und Formenlere der polabisches Sprache, Spb. 1871, pag. 17; Бодуэнъ де-Куртенэ: О древне-польскомъ языкѣ до XIV ст., Лейп. 1870.

раздо ближе подходятъ къ польскимъ, лужицкимъ и чешскимъ. Разница тѣхъ и другихъ заключается только въ степени развитія; но не въ коренныхъ началахъ. Естественна, поэтому, мысль, что темнота и отрывочность въ показаніяхъ источниковъ исторіи балтійскихъ славянъ во многомъ должны объясниться и восполниться при сравнительномъ сопоставленіи ихъ съ извѣстіями источниковъ польскихъ, лужицкихъ и чешско-моравскихъ—и далѣе прочихъ славянскихъ вообще.

Отсюда, естественно, открывается необходимость сравнительнаго изслѣдованія предмета.

Въ примѣненіи къ области права—сравнительный методъ, сколько намъ извѣстно, стоитъ еще на весьма шаткихъ основаніяхъ: ему недостаетъ, какъ кажется, яснаго, опредѣленнаго понятія о цѣли, къ которой онъ долженъ стремиться, и правильно опредѣленныхъ пріемовъ; онъ идетъ какъ-бы наугадъ, нетвердою дорогою, а потому и достигаетъ только нетвердыхъ результатовъ и случайныхъ успѣховъ. Положеніе—подобное тому, въ какомъ находилось сравнительное языкознаніе въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія...

Мы находимъ неумѣстнымъ распространяться здѣсь объ общихъ началахъ сравнительной юридической методологіи, но при такомъ состояніи вопроса, во избѣжаніе неточности и недоразумѣній, считаемъ не лишнимъ напередъ обозначить пріемы, цѣль и границы нашихъ сравнительныхъ изслѣдованій и сопоставленій.

Имѣя въ виду частную задачу, разъясненіе юридическихъ древностей балтійскихъ славянъ, мы прежде всего собираемъ или сводимъ въ одно всѣ относящіяся сюда показанія источниковъ и предлагаемъ *первое* объясненіе ихъ по законамъ тк. изв. *низшей критики*, обращающей вниманіе только на грамматическій и вещественный смыслъ текстовъ. Затѣмъ, мы обращаемся къ однороднымъ явленіямъ юридической жизни другихъ славянъ, поляковъ, чеховъ, лужичанъ и—въ случаѣ надобности—хорутанъ, сербовъ, и русскихъ, стараясь при этой помощи разъяснить то, что въ нашихъ источникахъ представляется темнымъ, недосказан-

вымъ или противорѣчивымъ, что требуетъ подтвержденій или дополненій. Богатый юридическій матеріалъ родственныхъ племенъ даетъ возможность пояснить, провѣрить и тк. скз. очистить то, что уже прежде добыто низшею критикой. Послѣ этого, какъ выводъ изъ предыдущаго — мы позволяемъ себѣ и нѣкоторыя общія заключенія объ историческомъ и культурномъ значеніи разсматриваемыхъ явленій, т. е. тк. изв. *высшую критику ихъ*...

Такимъ образомъ, *сравнительный пріемъ изслѣдованія послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ славянъ.* Послѣднія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія юридическаго быта прочихъ славянъ, о которыхъ нѣтъ воспоминаній или замѣтокъ въ источникахъ славянъ балтійскихъ, и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбѣжно необходимымъ. Равнымъ образомъ, и весь однородный славянскій матеріалъ разсматривается нами только въ той мѣрѣ, въ какой онъ—прямо или косвенно—можетъ послужить къ уясненію юридическихъ древностей славянъ балтійскихъ.

Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшились на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фактовъ юридическаго быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что для такой работы еще не наступилъ урочный часъ, еще не готовы должные матеріалы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, открывающую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную.

Считаемъ необходимымъ опредѣлить и основную мысль нашего труда.

Право есть такой же *историческій* памятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, нравы и обычаи. Потому,

точка зрѣнія на явленія юридическаго быта и оцѣнка ихъ могутъ и должны быть опредѣляемы общими требованіями и задачами исторіи культуры. Не думая отрицать пользы и значенія догматическихъ изслѣдованій въ области права, мы находимъ, однако, что такое существенно-важное свидѣтельство исторіи прежде всего требуетъ и разсмотрѣнія *историческаго*, прежде всего должно послужить цѣлямъ *науки исторіи*. На этомъ основаніи— не юридическіе институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность — составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ. Мы стремились обработать тѣсный участокъ славянскаго юридическаго поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ — si liceat parva componere magnis — геніальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности [1]).

Въ наукѣ «Древностей» книга Гримма представляетъ не только доселѣ никѣмъ не превзойденный образецъ антикварно-юридическаго труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ. Она равномѣрно освобождаетъ и отъ фантастическихъ увлеченій и отъ узкой исключительности воззрѣній, мѣряющихъ явленія юридическаго быта средневѣковыхъ народовъ мѣрою и догматикой римскаго права, и пренебрегающихъ культурно-исторической стороной правныхъ обычаевъ и учрежденій.... Пуритане-юристы нерѣдко упрекали нѣмецкаго ученаго въ излишествахъ, въ недостаткѣ системы, въ слабой оцѣнкѣ юридическихъ институтовъ. Такого упрека не сдѣлаетъ ему историкъ культуры, правильно понимающій требованія своей науки; напротивъ, онъ съ признательностью отнесется къ живому чувству исторической истины, которое вынесло Гримма изъ тѣсныхъ границъ школьной доктрины, и тѣмъ дало средства представить жизнь въ томъ

---

1) J. Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, Gött. 1828.

широкомъ просторѣ, въ какомъ она шла и совершалась въ самой дѣйствительности.

Гриммовы «Нѣмецкія юридическія древности» есть изображеніе древне-нѣмецкой правной жизни и культуры на основаніи всѣхъ извѣстныхъ ему памятниковъ, какъ собственно юридическихъ, такъ и не юридическихъ: языка, поэзіи, литературы, историческихъ свидѣтельствъ, памятниковъ быта и пр. Такого богатства средствъ—мы не имѣемъ, какъ не имѣемъ и богатствъ таланта геніальнаго ученаго; но преслѣдуя въ маломъ объемѣ ту же цѣль въ отношеніи балтійскихъ славянъ, мы не задумывались пуститься въ путь за столь надежнымъ вождемъ, и сочтемъ свою задачу — выполненною, если, послѣ нашихъ усилій, прояснятся хотя нѣкоторыя стороны еще столь темной—славянской балтійской древности.

Культурно-историческая задача нашего труда дѣлаетъ необходимымъ два дальнѣйшія объясненія. Одно касается различія и границы между явленіями и фактами *юридическими и нравственными*; другое — вопроса о самостоятельности и заимствованіи извнѣ правныхъ обычаевъ и порядковъ.

Для строгаго юриста явленія нравственной жизни и явленія жизни юридической—предметы совершенно различные: первыя, какъ не основанныя на правной идеѣ, какъ зависящія отъ движеній чувства или прихотливой воли, какъ, поэтому, непрочныя и измѣнчивыя—онъ вовсе исключаетъ изъ круга своего вѣдѣнія. Для его цѣлей имѣетъ значеніе только то, что признано правнымъ сознаніемъ за законъ, правду, за должное правило и порядокъ жизни, а равнымъ образомъ — за отступленія и нарушенія ихъ. Такого ограниченія едва-ли можетъ держаться историкъ культуры, изслѣдующій область правныхъ явленій; потому что такого разграниченія явленій не знаетъ самая жизнь, особенно—въ эпохи болѣе далекія, предшествующія положительному кодифицированному законодательству. Изъ чего же образуется законъ и правило, какъ не изъ суммы нравственныхъ началъ и дѣйствій, сознанныхъ и возведенныхъ въ идею, т. е. признанныхъ за обязательную для

каждаго правду и истину? Безъ нравственныхъ оснований, безъ цѣлаго долгаго ряда предшествующихъ нравственныхъ поступковъ—не возможно и даже не мыслимо—никакое право, никакое правное дѣйствіе. Источникъ нравственныхъ явленій и явленій юридическихъ одинъ и тотъ же; разница ихъ заключается въ степени возраста или развитія: первыя содержатъ въ себѣ зародыши права и имѣютъ тк. ска. молчаливое признаніе, вторыя выражаютъ дѣйствіе гласно признаннаго и утвержденнаго права, потому и обнаруживаютъ болѣе прочное и постоянное вліяніе. Конечно, не всѣ явленія нравственной жизни имѣютъ способность получить въ дальнѣйшемъ правную силу и дѣйствіе; нѣкоторыя изъ нихъ навсегда остаются только въ нравственной сферѣ, но другія — и такихъ не мало—при дальнѣйшемъ движеніи исторіи, выростаютъ и слагаются въ настоящее право. Далѣе, хотя право является вообще могучимъ двигателемъ жизни въ ея усовершенствованіяхъ, но какъ начало твердо установленное, постоянное, охраняющее, оно, по своей природѣ, консервативно и очень часто остается позади успѣховъ жизни. Образъ послѣдней, представленный на основаніи однихъ памятниковъ права, бываетъ, поэтому, нерѣдко образомъ идеально-запоздалымъ, стоящимъ не въ уровень съ движеніемъ жизни. Устранить этотъ *порокъ* можно только тогда, когда мы обратимъ должное вниманіе на сферу явленій нравственныхъ, столь тѣсно связанныхъ съ наличною жизнью и столь рѣдко расходящихся съ нею.

Отсюда видно, что историкъ культуры лишилъ бы себя существеннаго и законнаго пособія, если бы, при разсмотрѣніи юридическаго быта, совершенно оставилъ безъ вниманія тк. наз. нравственныя явленія. Его изображеніе вышло бы одностороннею и запоздалою картиною народной жизни.

Нѣтъ нужды распространяться о томъ, какъ важно и необходимо должно быть для насъ — точное опредѣленіе степени самобытности правныхъ учрежденій и порядковъ... Къ сожалѣнію, историко-юридическая наука въ этомъ отношеніи владѣетъ еще весьма недостаточными средствами. Изслѣдователи различаютъ

самобытное и извнѣ принесенное, слѣдуя болѣе признакамъ вѣроятія или голосу предвзятыхъ мнѣній, чѣмъ строгаго, основаннаго на разборѣ дѣла—убѣжденія... Исходя отъ мысли, что какъ самостоятельное начало, такъ и заимствованія равно бываютъ присущи и необходимы въ жизни каждаго народа, но не желая преждевременно и легко рѣшать столь важные вопросы, мы ограничились указаніемъ нѣкоторыхъ данныхъ для такого рѣшенія и догадками изъ нихъ вытекающими. При этомъ, кромѣ прочихъ историческихъ соображеній, мы руководились тѣмъ, кажется несомнѣннымъ, правиломъ, что область семейнаго частнаго быта, гдѣ дѣйствуетъ и долго держится народное обычное право, гораздо менѣе открыта для стороннихъ вліяній и менѣе способна къ воспріятію ихъ, чѣмъ область общественныхъ отношеній и порядковъ, гдѣ властвуетъ воля единичныхъ лицъ, творящая нерѣдко законы по своему усмотрѣнію.

Право есть столько же двигатель, сколько и результатъ исторіи народа, тѣхъ естественныхъ условій, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ онъ, и вообще его матеріальной и нравственной культуры. Эта старая, неоспоримая истина побудила насъ дать мѣсто вступительному обозрѣнію природы края, образа жизни и занятій народа, о которомъ идетъ рѣчь, основныхъ началъ его исторіи, нравственнаго быта и просвѣщенія. Назначенное служить объяснительною, вводною статьею къ послѣдующему разсмотрѣнію правныхъ обычаевъ и учрежденій, это *обозрѣніе*, само по себѣ, не могло не быть краткимъ: въ немъ представлены не изслѣдованія предмета, а только общіе выводы изъ такихъ изслѣдованій. Тѣмъ не менѣе, надѣемся—мы не упустили при этомъ ни одного важнаго факта изъ заслуживающихъ быть замѣченными. Выписки, сопровождающія наше изложеніе, есть возможно полное извлеченіе и указатель всего, что доселѣ извѣстно о древностяхъ матеріальнаго и нравственнаго быта балтійскихъ славянъ.

Остановимся теперь—на нашихъ ближайшихъ источникахъ. Подробное обозрѣніе и критику источниковъ, относящихся

къ исторіи балтійскихъ славянъ, можно найти въ сочиненіяхъ Люд. Гизебрехта и Виггера [1]. Мы укажемъ только то, что имѣетъ важность для нашей частной задачи и кратко обозначимъ степень этой важности.

«*Annales*» и «*Vita Caroli Magni*»—Эйнгарда († 840) [2]. Лицо, близкое къ Карлу Великому, Эйнгардъ не могъ не знать его отношеній къ славянамъ балтійскаго поморья, тѣмъ болѣе, что отношенія эти были не случайны и принадлежали къ *дѣламъ* Имперіи. Такое обстоятельство довольно ясно опредѣляетъ достовѣрность показаній франкскаго анналиста; но важность ихъ для насъ не особенно значительна: Эйнгардъ — лѣтописецъ политически государственный, онъ знаетъ и излагаетъ только *событія* и вовсе, завѣдомо — не касается фактовъ внутренняго быта славянъ. О послѣднихъ приходится *заключать* изъ самихъ происшествій или изъ полуглухихъ терминовъ его классической рѣчи.

«*Res gestae Saxoniae*»—Видукинда (пис. около 967—8 г.) [3]. О поэтико-исторической Хроникѣ Видукинда можно сказать то же, что и о произведеніяхъ Эйнгарда; съ тѣмъ различіемъ, что, наблюдая славянъ среди борьбы и вражды съ саксами, онъ еще менѣе имѣлъ возможности отмѣтить такія событія, которыя позволяли бы заключать о порядкахъ славянскаго правнаго быта. Самое важное для насъ—его мѣткія замѣчанія о характерѣ славянъ о внутреннихъ причинахъ и побужденіяхъ борьбы ихъ съ саксами (II, 20).

«*Chronicon*»—Титмара, епископа Межиборскаго († 1018) [4]. Какъ бы ни были велики недостатки Титмара въ историческомъ

---

1) Lud. Giesebrecht: Wendische Geschichten... t. III, B., 1843, p. 277—396; Wigger: Mecklenburgische Annalen bis zum Jh. 1066, Schwerin 1860, 4°, p. 89 sq.

2) Pertz: Monumenta Germaniae historica, Scr. t. I, p. 124 sq.; II, 426 sq. и въ отдѣльныхъ изданіяхъ in usum scholarum. Vita Caroli M. издана и у Jaffé: Bibliotheca rerum germanicarum, t. IV. 1867. B. p. 619 sq. и отдѣльно.

3) Изданіе Waitz'a у Перца, въ Monum. Germ. hist., Sec. III, 408 sq. и отдѣльно, 1861.

4) Изданіе Lappenberg'a у Перца въ Monum. Germ. hist., Sec. III, 723 sq.

отношенія, его Хроника имѣетъ для историка славянской культуры очень важное значеніе. По своему положенію, какъ членъ знатнаго рода, владѣвшій обширными помѣстьями въ землѣ славянъ, какъ епископъ славянской территоріи — Титмаръ былъ въ состояніи многое видѣть и многое слышать отъ стороннихъ очевидцевъ. Нечуждый политической и клерикальной нетерпимости [1]), онъ, однако не простираетъ ее до полнаго пренебреженія къ «язычникамъ» и передаетъ въ своемъ родѣ единственныя черты религіи и быта лютичей. Многія изъ его показаній оправдываются другими источниками, иныя же — еще нуждаются въ критическомъ объясненіи.

«*Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum*» — Адама бременскаго (пис. ок. 1075) [2]). Произведеніе Адама, основанное на многихъ письменныхъ и устныхъ достовѣрныхъ источникахъ, для насъ гораздо болѣе важно въ историко-географическомъ отношеніи, чѣмъ въ юридически-бытовомъ. Правда, бременскій магистръ сообщаетъ очень значительныя замѣтки о религіозныхъ древностяхъ славянъ, ихъ нравѣ, торговлѣ и отношеніяхъ племенъ между собою; но во внутреннее устройство и порядки жизни ихъ онъ не входитъ. Послѣдніе только кое-гдѣ виднѣются изъ-за разсказываемыхъ событій. Кажется, что Адамъ не располагалъ въ этомъ отношеніи достаточными свѣдѣніями; ибо онъ не преминулъ бы воспользоваться ими, какъ то сдѣлалъ въ своемъ образцовомъ изображеніи шведскаго быта (IV, 21—28).

«*Vita Ottonis episcopi bambergensis*» — произведеніе монаха Эбона (пис. ок. 1151 г.) [3]). Важнѣйшую часть своихъ показаній

1) «Quamuis de hiis (Лютичахъ) aliquid dicere *perhorrescam*, tamen... uanam eorum supesticionem inanioremque populi istius executionem, qui sint uel unde huc uenerint, strictim enodabo».. VI, 16.

2) Изданіе Lappenberg'а у Перца въ Monum. Germ. hist. Scr. t. VII, p. 267 sq. и отдѣльно, 1846.

3) По указаніямъ Клемпина (Baltische Studien Bd. IX, 1 Heft, Stet. 1842 p. 9—83). Köpke реставрировалъ памятникъ и издалъ его въ собраніи Перца, Monum. G. H. Scr. t. XII, 746 sq.; рецензія Jaffé въ V t. Biblioth. rerum german. 1869, p. 580 sq. и отдѣльно, Ber. 1869.

Эбонъ снялъ со словъ свидѣтеля непосредственнаго, священника Удальрика. Удальрикъ былъ прямой сотрудникъ и соучастникъ епископа Оттона въ дѣлѣ *вторичнаго*[1]) обращенія поморянъ въ христіанство и потому имѣлъ полную возможность довольно близко ознакомиться съ славянскимъ бытомъ. Можно думать, что наблюденія его были вообще богаты и разнообразны: но, пройдя монашескую кастигацію жизнеописателя (= Эбона), они сократились и обнажились отъ подробностей, не касающихся главнаго предмета. Тѣмъ не менѣе — и въ Эббоновой передачѣ они очень важны, представляя значительный запасъ фактовъ, относящихся ко внутреннему быту славянъ и сообщенныхъ отчетливо и вѣрно.

«*Dialogus de Ottone episcopo bambergensi*» — сочиненіе Герборда (пис. 1158—9 г.[2]). Діалогъ Герборда служитъ какъ бы пополненіемъ труда Эбонова; но онъ — гораздо важнѣе его. Подобно Эббону — Гербордъ имѣлъ надежнаго руководителя, клерика Сефрида, также — свидѣтеля непосредственнаго, слугу и ближайшаго сотрудника Оттона во время *первой* поморской миссіи. Образованный литераторъ, далекій отъ узкаго монастырскаго пуризма своего предшественника, Гербордъ, кажется передалъ воспоминанія Сефрида in extenso, сообщивъ имъ только литературную форму. Сефридъ же былъ наблюдатель, какихъ бываетъ мало: со способностью живо схватывать и ясно удерживать въ памяти видѣнное онъ соединялъ необыкновенную любознательность, которая увлекается не однимъ *поразительнымъ*, но не брезгуетъ и *обыкновеннымъ* и вездѣ дѣятельно ищетъ новаго и хочетъ знать причины явленій. Оттого — такъ обширенъ кругъ его наблюденій, и они переданы такъ умно, живо и отчет-

---

1) Удальрикъ не могъ принять участія въ первой миссіи по причинѣ болѣзни.

2) Рецензія Köpke у Перца въ Monum. G. his. Scr. t. XX и отдѣльно 1868 рец. Jaffé въ Biblioth. rerum. germ. t. V и отдѣльно, B. 1869. Одновременно съ настоящимъ трудомъ появляется въ свѣтъ и наше особое изслѣдованіе о «Жизнеописаніяхъ» Оттона бамбергскаго въ отношеніи славянской исторіи и древности. Пр. 1874.

диво! Мы нисколько не преувеличимъ дѣла, сказавъ, что изъ всѣхъ источниковъ внутренней исторіи балтійскихъ славянъ — ни одинъ, по важности своей, не можетъ быть поставленъ на ряду съ Гербордовымъ діалогомъ.

«*Chronica Slavorum*» — Гельмольда (пис. въ 1172 г.[1]). Будучи священникомъ въ Босовѣ (? въ Голштиніи), Гельмольдъ зналъ сосѣднихъ славянъ по личному опыту и личнымъ сношеніямъ съ ними: какъ миссіонеръ, онъ, кажется, прошелъ вмѣстѣ съ епископомъ Герольдомъ — Вагрію (I, 82—84[2]), многое видѣлъ, многое замѣтилъ и добросовѣстно передалъ въ своей Хроникѣ. Его извѣстія о руянахъ и бодричахъ идутъ, конечно, отъ стороннихъ свидѣтелей; но они достовѣрны не менѣе его собственныхъ. Количество свѣдѣній, сообщаемыхъ Гельмольдомъ по внутреннему быту славянъ, вообще довольно значительно, но большинство ихъ относится къ древностямъ религіознымъ и только немногія — прямо или косвенно — говорятъ о правномъ бытѣ и его порядкахъ.

«*Historia Danica*» — Саксона Грамматика (пис. между 1181—1208 гг.[3]). Саксонъ былъ клерикъ и писецъ знаменитаго архіепископа Абсалона. Онъ сопровождалъ послѣдняго[4]) въ походахъ противъ славянъ и, по его побужденію и подъ его руководствомъ — написалъ свою поэтическую Исторію. Собиратель народныхъ преданій въ первыхъ X книгахъ, Саксонъ становится на болѣе твердую почву исторіи только съ XI-ой, а съ половины XIV-ой его произведеніе получаетъ всю цѣну со-

---

1) По рецензіи Lappenberg'а у Перца въ Monum. Germ. his. Scr. t. XXI и отдѣльно, Han. in 8°, 1868

2) Лаппенбергъ (Pref. p. 2) полагаетъ болѣе вѣроятнымъ, что Гельмольдъ не принималъ участія въ путешествіи Герольда, а только получилъ отъ него подробныя свѣдѣнія. Во всякомъ случаѣ, эта часть разсказа Гельмольдова писана или подъ диктантъ очевидца, или — самимъ очевидцемъ и участникомъ путешествія.

3) Рецензія P. E. Müller'а и J. M. Velschow'а, Hav. 1839—58, 2 v.

4) Такъ можно заключать изъ характера разсказа, носящаго на себѣ всѣ признаки очевидца.

временныхъ историческихъ мемуаровъ. Случайныя замѣтки о внутреннемъ бытѣ славянъ (руянъ, поморянъ и лютичей) встрѣчаются въ разныхъ мѣстахъ «Датской Исторіи»; но важнѣйшее находится именно въ XIV книгѣ, въ описаніи послѣдней борьбы руянъ съ датчанами за политическую и религіозную свободу. Весьма вѣроятно, что или самъ Саксонъ велъ подробный дневникъ всего происходившаго и видѣннаго, или пользовался подобнымъ дневникомъ главнаго героя событій, архіеп. Абсалона; — иначе трудно понять необычайную обстоятельность разсказа, сохранившаго такія мелочи, которыя очень легко забываются. Саксоново изображеніе быта руянъ и особенно религіозныхъ учрежденій ихъ — въ своемъ родѣ образцовое и по вѣрности и по отчетливости наблюденія; даже и тамъ, гдѣ онъ долженъ былъ довѣряться чужому голосу, онъ былъ счастливъ удачею, попадая къ руководителямъ знающимъ и правдивымъ. Хотя Саксонъ Грамматикъ не представляетъ прямыхъ указаній на порядки правнаго быта славянъ, но многія изъ отмѣченныхъ имъ явленій не мало способствуютъ къ объясненію ихъ.

Грамоты[1]). Этотъ родъ историческихъ источниковъ открывается одновременно съ открытіемъ достовѣрной исторіи балтійскихъ славянъ и умножается по мѣрѣ распространенія у нихъ христіанства и нѣмецкой колонизаціи. Древнѣйшія грамоты — всѣ безъ исключенія — нѣмецко-римскаго происхожденія: но

---

1) Мы пользовались слѣдующими собраніями грамотъ: Meklenburgisches Urkundenbuch, hrsg. v. d. Verein für meklenbur. Geschichte und Alterthumskunde, Bd. I—II, Schw. 1863—4, 4°; Codex Pomeraniae diplomaticus ed. Hasselbach et Cosegarten. t. 1, Gr. 1843—1862, 4°; Pommersches Urkundenbuch, bearb. u. hrsg. v. Klempin, t. 1, Stett., 1868, 4°, содержитъ въ себѣ регесты дополненія и исправленія къ Codex'у Козегартена; Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen unter den eingebornen Fürsten, hrsg. und mit erläuternden Abhandlungen.. begleitet von C. G. Fabricius t. I—II, Str. 1841—1843. Въ сборникѣ Dreger'a: Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommersch. Rugianischen etc.. Stett. 1748 — для насъ была важна лишь одна грамота 1249, данная Яковомъ, папскимъ легатомъ и намѣстникомъ въ Польшѣ, Пруссіи и Помераніи, стр. 286 sq.; остальныя всѣ вошли въ собранія Козегартена и Клемпина.

большей части — это жалованные и утвердительные акты на земли и трибутъ епископскимъ діоцессамъ, аббатствамъ, монастырямъ и церквамъ, идущіе отъ папъ, императоровъ, королей и другихъ духовныхъ и свѣтскихъ властителей. Грамоты туземныхъ, славянскихъ князей начинаются только со времени оффиціальнаго принятія христіанства и заведенія нѣмецкихъ порядковъ. Характеръ ихъ — тоже церковно-административный. Жалованные акты городамъ возникаютъ еще позднѣе. Древнихъ частныхъ гражданскихъ актовъ, договоровъ и сдѣлокъ — нѣтъ вовсе. Какъ бы ни была значительна и высока *историческая* важность грамотъ, для эпохи предшествовавшей введенію христіанства, для внутренняго быта ея—онѣ даютъ очень не много, одни случайныя, отрывочныя указанія и неясные намеки! Изслѣдователь языческой культуры славянъ стоитъ здѣсь на чрезвычайно зыбкой почвѣ: отъ поздняго онъ долженъ дѣлать заключенія о древнемъ. Покамѣстъ онъ имѣетъ дѣло съ древней топографіей и бытомъ экономически-хозяйственнымъ — его заключенія могутъ быть и обильны и тверды; но, вступая въ область внутренней жизни, правныхъ отношеній и порядковъ, ему приходится съ безотраднымъ трудомъ собирать мелкія крохи и ежеминутно осматриваться, чтобы не сдѣлать ложнаго шага, не усвоить старинѣ — новыхъ и чуждыхъ ей порядковъ... Конечно, христіанство и германизація внутренно не скоро измѣнили исконный строй славянской жизни: старые обычаи и учрежденія еще долго жили и правили жизнью, но — совершенно въ другой области, чѣмъ та, которой касаются «грамоты». Грамоты — есть выраженіе новаго церковно-оффиціальнаго быта, а послѣдній могъ представить очень мало такого, что связывалось бы съ старыми порядками язычества, или указывало на нихъ. Указанія — есть, но, повторимъ, немногія и глухія. При употребленіи грамотъ, какъ источниковъ славянскаго быта — необходимо было имѣть въ виду *древность* и *происхожденіе* ихъ. Мы ограничились только *древнѣйшими* актами, приблизительно до половины тринадцатаго столѣтія. Ограниченіе, конечно — произволь-

ное, но оправдываемое тѣмъ, что съ этого времени въ юридической жизни балтійскихъ славянъ наступаетъ полный перевѣсъ нѣмецкаго начала. Славянскій бытъ еще свѣтитъ кой-гдѣ и потомъ, но такимъ тусклымъ, блуждающимъ огнемъ, что довѣриться ему — опасно. Касательно происхожденія памятниковъ — замѣтимъ, что мы отдавали предпочтеніе актамъ туземнымъ и менѣе полагались на грамоты римско-нѣмецкія: первые, по крайней мѣрѣ — стоятъ на родной почвѣ и исходятъ отъ дѣйствительности, вторыя нерѣдко составлены по готовымъ канцелярскимъ формулярамъ, общимъ для всѣхъ странъ и народовъ, куда простиралась власть духовныхъ и свѣтскихъ правителей.

Таковы наши *главные* источники. Менѣе значительныхъ, а равно и польскихъ и чешскихъ пособій — не указываемъ особо: они обозначатся — каждый въ своемъ мѣстѣ и при своемъ случаѣ.

Не можемъ, однако пройти здѣсь молчаніемъ еще двухъ пособій, изъ которыхъ одно было бы богаче и важнѣе всѣхъ прочихъ, если бы дошло къ намъ въ своемъ древнемъ, неиспорченномъ и непоблёкломъ образѣ. Разумѣемъ языкъ. Когда нѣмецкая любознательность остановилась на языкѣ балтійскихъ славянъ и стала собирать матеріалъ его, онъ находился въ періодѣ вымиранія — и не только въ отношеніи грамматическаго строя, но и лексикальнаго содержанія. Старые славянскіе термины правнаго быта и отношеній, не находя издавна поддержки въ жизни, исчезли почти безъ остатка; уцѣлѣли только слова, относящіяся къ хозяйственному быту, образу жизни и отчасти къ семейнымъ отношеніямъ. Указаніями языка мы такимъ образомъ могли пользоваться преимущественно въ первой, вводной части нашего труда, и очень немного, лишь въ двухъ-трехъ исключительныхъ случаяхъ — во второй. Слова и культурные термины нами указываются только такіе, которыхъ древность и относительная самостоятельность представлялись несомнительными и которые, потому, имѣютъ всю цѣну свидѣтелей быта и культуры славянскаго

періода жизни народа [1]). Другое пособіе — собственно археологическій матеріалъ. Запасы его, собранные трудами частныхъ лицъ и ученыхъ обществъ уже не малы, но ученая обработка его — вообще гадательна и рѣдко возвышается до степени исторической достовѣрности. Потому и самый матеріалъ еще не достигъ необходимыхъ условій историко-этнографическаго источника и можетъ быть принятъ во вниманіе только въ значеніи *вѣроятнаго*, *объяснительнаго* пособія. Если бы главною задачею нашего труда было разсмотрѣніе древностей матеріальной культуры балтійскихъ славянъ, то невниманіе къ этому пособію было бы явнымъ пробѣломъ и весьма чувствительнымъ недостаткомъ изслѣдованія; но служебное, вводное значеніе первой части труда, гдѣ разсматривается матеріальная культура — измѣняетъ характеръ вопроса. Имѣя цѣль представить только общіе выводы изъ *достовѣрныхъ* фактовъ, мы могли на этотъ разъ оставить археологическій матеріалъ почти нетронутымъ: отсюда не могло произойти никакой порухи или ущерба для дѣла, а скорѣе — прямая выгода опредѣленности.

Читатель видитъ скудость пособій, которыми мы располагаемъ... Пусть еще вспомнитъ онъ, въ какой недобрый часъ приходилось чужеземнымъ анналистамъ, историкамъ и миссіонерамъ наблюдать условія и порядки внутренняго быта балтійскихъ сла-

---

1) Ссылки на сборники, гдѣ находится какое нибудь слово — мы не считали необходимыми: довольно будетъ замѣтить, что матеріалъ извлеченъ нами изъ слѣдующихъ трудовъ; Pful — «Pomniki Polobjan Slowjanšćiny» въ Časopis'ѣ Maćicy serbskeje, 1863, p. 23—67, 69—138, Nro. 27, 28; 1864, p. 141—196, 199—241, Nro. 29, 30; Schleicher: Laut und Formenlere der Polabischen Sprache, Spb. 1871; Бодуэнъ-де-Куртенé: О древне-польскомъ языкѣ до XIV столѣтія, Лейп. 1870. Въ послѣднемъ сочиненіи обращено вниманіе и на слова, находящіяся въ грамотахъ балтійскихъ славянъ, впрочемъ — для цѣлей грамматическихъ. Что касается до фонетической передачи словъ, представлялось умѣстнымъ передавать ихъ русскимъ письмомъ въ *дѣйствительныхъ* или *предполагаемыхъ* формахъ. Ошибки и неправильныя догадки были, конечно, при этомъ неизбѣжны. Чтобы ослабить ихъ и дать возможность найти болѣе правильныя формы, мы присоединяли къ гадательнымъ реставраціямъ и оригиналы, т. е. уродливыя формы, въ какихъ полабскія слова были переданы нѣмецкими собирателями.

вянъ.. Время было слишкомъ тревожное для послѣднихъ. Ожесточеніе борьбы возмущало и извращало обычный ходъ жизни, *произволъ* становился *правомъ*, право не находило простора для дѣйствія. Среди такого броженія изслѣдователю бываетъ иногда очень трудно найтись и отличить въ источникахъ дѣйствіе временной исторической причины отъ обычныхъ поступковъ «по закону свату», отъ дѣйствій правныхъ. Его отчасти выручаютъ пособія другихъ славянскихъ племенъ, которыя въ жизни были счастливѣе балтійскихъ и владѣютъ древними письменными памятниками своего права; но только — *отчасти*; ибо и здѣсь мы не найдемъ ни одного памятника (за вычетомъ русскихъ договоровъ съ греками), въ строгомъ смыслѣ принадлежащаго языческой эпохѣ. Древнѣйшія постановленія чешскаго и польскаго права носятъ на себѣ уже несомнѣнные слѣды христіанскаго, церковнаго вліянія, а чрезъ него и римскаго элемента. Далѣе. Область древне-славянскаго права такъ еще мало изслѣдована въ культурно-историческомъ отношеніи, что изслѣдователь почти во всѣхъ важнѣйшихъ вопросахъ этого рода бываетъ предоставленъ своему собственному опыту и силамъ. По многимъ предметамъ онъ не только не найдетъ никакихъ удовлетворительныхъ объясненій, но даже и простого указательнаго сбора матеріала. До всего онъ долженъ доходить непосильнымъ собственнымъ трудомъ. Самый важный вопросъ, безъ основательнаго рѣшенія котораго все древнее право славянъ (а съ нимъ и культура ихъ) представляется въ какомъ-то сомнительно-непрочномъ освѣщеніи, вопросъ о вліяніи чужеземнаго права и учрежденій на славянскія — едва затронутъ...

Вотъ, если нужно, нѣкоторыя извинительныя причины тѣхъ недостатковъ, которыя, конечно — въ обиліи, встрѣтятся читателю въ предлагаемомъ изслѣдованіи. Другія — падаютъ на личную долю и отвѣтственность автора. И онъ усердно проситъ всѣхъ не о снисхожденіи, а о справедливой строгости къ нимъ и исправленіи ихъ, потому что, говоря словами Яна Гуса: «a primo studii mei tempore hoc mihi statui pro regula, ut quotiescunque

saniorem sententiam in quacunque materia perciperem, a priori sententia gaudenter et humiliter declinarem, sciens, quoniam illa quae scimus, sunt minima illorum, quae ignoramus». (De trinitate).

Земля и народъ.

Съ той поры, какъ начинаются твердыя свидѣтельства положительной исторіи, мы находимъ славянъ обладателями южнаго побережья балтійскаго моря, приблизительно — отъ Лабы по Вислу [1]).

Обширный край этотъ во многихъ частяхъ своихъ находился еще въ первобытномъ состояніи и былъ мало воздѣланъ рукою человѣка: огромные, дѣвственные буковые и дубовые лѣса, непроходимыя пущи и болота тянулись и по окраинамъ и внутри страны [2]), сообщая ей характеръ дикой заключенности, уединенія

---

1) Стремясь доказать нравственную законность и необходимость германизаціи балтійскаго поморья, нѣкоторые изслѣдователи утверждали, что основное населеніе страны — испоконъ вѣка, непрерывно — было и оставалось нѣмецкимъ, что дружины славянъ, покоривъ его, составили высшее, численно незначительное сословіе его, которое, въ качествѣ представителя, скрыло отъ глазъ исторіи германскую природу и языкъ низшаго слоя, основного народонаселенія. Съ особенною обстоятельностью эта гипотеза изложена и развита К. Ф. Фабриціемъ (см. его ст. «Über das frühere Slaventhum der zu Deutschland gehörenden Ostseeländer» Schw. 1841, а также и въ VI т. Jahrbücher d. Vereins f. meklenb. Gesch. u. Alterthumskunde, p. 1—59) и поддерживается братомъ его, извѣстнымъ издателемъ «Рюгенскаго Дипломатарія» (Urkunden zur Gesch. d. Fürst. Rügen, II, p. 36—7, 44, 72—4; cf. его же: Studien zur Gesch. der Ostseeländer. II, B. 1859, p. 3). Патріотическая гипотеза эта встрѣтила, однако, такое основательное опроверженіе со стороны Козегартена (Codex Pom. diplom. p. 316—321) и Боллля (ст. «Ueber die Volkssprache der Nordwestlichen Slavenstämme» въ Jahrbücher des Vereins. f. meklenburgische Gesch. u. Alterthmsk. Jhrg. IX, Schw. 1844, p. 1—17), что представляется совершенно излишнимъ снова вдаваться въ ея разсмотрѣніе. Ср. также Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern, I, H. 1839, p. 152.

2) Основательное разсмотрѣніе южнаго балтійскаго побережья въ естественно-историческомъ отношеніи читатель найдетъ въ книгѣ Barthold'a:

отъ сосѣдей и внутренняго разобщенія въ отдѣльныхъ частяхъ. Обширная полоса земли, окруженная съ сѣвера моремъ, съ запада, юга и востока пустошами и дремучими лѣсами, представляла много естественнаго разнообразія, много благопріятныхъ и неблагопріятныхъ условій для дѣятельности человѣка. Природа вообще щедро одѣлила ее своими дарами: твердая обитаемая почва отличалась необычайными богатствами, рѣдкимъ обиліемъ водъ, большихъ и малыхъ рѣкъ и озеръ, рѣдкою роскошью растительности, плодородія и живности. Свидѣтели почти не находятъ словъ, чтобы достаточно изобразить богатство естественныхъ произведеній края. Адамъ бременскій передаетъ молву своего времени, что «Славанія» очень богата полевыми плодами [1]), Адельготъ, епископъ магдебургскій (ок. 1110), говоритъ, что страна язычниковъ (т. е. славянъ) обильна мясомъ, медомъ, мукою и птицею, и — если воздѣлать ее, то богатства ея будутъ таковы, что съ ней несравнится никакая иная земля [2]); миссіонеръ Сефридъ съ явнымъ воодушевленіемъ отзывается о Поморьѣ, что оно невѣроятно обильно рыбой, добываемой какъ изъ моря,

---

Geschichte v. Rügen etc. I, p. 5—85. О лѣсахъ и болотахъ «Славаніи» говорятъ Widukindus, Res gestae, II, 4, III, 45; Adamus Brem: Gesta II, 18; Helmoldus, Chronica I, 37; Ebo, Vita Ottonis III, 4; Martinus Gallus Chronicon III, 1, у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae hist. I, p. 464—5; Chronicon Petershusan. у Раумера въ Regesta hist. brandenb. B. 1836, sub 1147 an. № 1106; Saxo Grammaticus, Historia ed. Mülleri, I, p. 883—4, 921, 976; а также и многія грамоты, напр. Cod. dipl. Pomer. № 33, 34, 36, 39, 40, 60, 61, 65, 69, 71, 81, 85, 86, 88 etc.

1) «Haec regio (=Sclauania) cum sit armis, uiris et *frugibus opulentissima*». Adami Br. Gesta II, 18.

2) «Gentiles isti (—Slaui) pessimi sunt, sed terra eorum optima carne, melle, farina, auibus et si excolatur, omnium de terra ubertate prouentuum, ita ut nulla ei possit comparari. Sic aiunt illi quibus nota est». Adelgorii-Epistola, пом. въ Martene et Durand: Veterum scriptorum amplis. collectio, t. I, Par. 1724, p. 627; скажемъ къ случаю, что сомнѣнія въ подлинности письма еп. Адельгорія, Raumer Regesta S. 1110 an. p. 126—7 — должны быть названы по малой мѣрѣ — недоказанными. Со стороны славянскаго быта эпистола даетъ скорѣе поводъ къ заключенію обратному.

такъ и изъ рѣкъ, озеръ, заводей и прудовъ: на одинъ денарь [1]) можно было, по его словамъ — купить цѣлый возъ свѣжихъ, жирныхъ и вкусныхъ сельдей. Въ такомъ же изобиліи водится и дичь: олени, дикіе быки и кони, медвѣди, вепри, свиньи и всякіе другіе звѣри. Здѣсь добывается въ излишествѣ масло отъ коровъ, молоко отъ овецъ, жиръ отъ барановъ и козловъ и медъ; обильно родится пшеница, конопля, макъ и всякаго рода овощъ — и если бы въ странѣ произрастали виноградная лоза, маслина, фиговое дерево, ее можно было бы назвать обѣтованною землею—по богатству плодоносныхъ деревьевъ... Вообще Сефридъ не знаетъ иной страны, которая предлагала бы обитателямъ такое обиліе рыбы, дичи, всякихъ хлѣбовъ и полевыхъ плодовъ, которая была бы такъ богата медомъ, пастбищами и травами [2]). Гельмольдъ называетъ обширную землю славянъ — богатою хлѣбомъ и удобствами тучныхъ пастбищъ, обильною рыбой, живностью и всякимъ добромъ [3]). Наконецъ, о природныхъ богатствахъ страны

---

1) «Серебряный *денаръ* — пишетъ составлялъ 12 часть солида или скиллинга т. е. равнялся 4¹/₁₈ нѣмецкаго новаго пфеннинга. См. пп. Ursinus'а къ его переводу Dithmars Chronik. Dresd. 1790, p. 320.

2) «Piscium illic tam ex mari quam ex aquis et lacubus et stagnis habundantia est incredibilis. Carratamque pro denario recentis acciperes allecis; de cuius sapore uel crassitudine, gulositatis arguerer, si dicerem, quod sentio. Ferine: ceruorum bubalorum et equulorum agrestium, ursorum aprorum porcorum omniumque ferarum copia redundat omnis prouincia. Butirum de armento et lac de ouibus cum adipe agnorum et arietum, cum habundantia mellis et triciti, cum canapo et papauere et cuncti generis legumine. Atque si uitem et oleam et ficum haberet, terram esse putares repromissionis propter lignorum habundantiam fructiferorum». Herbordi Dialogus II, 41. «Terra ipsa piscium et ferarum copiosam incolis prebet habundanciam; omnigenumque frumentorum et leguminum siue seminum fertilissima est. Nulla mellis feracior, nulla pascuis et gramine fecundior». Ibid II, 1. cf. II, 21.

3) «Quia autem terra (Wagirensium) deserta erat, misit (comes Adolfus) nuncios in omnes regiones...ut quicunque agrorum penuria artarentur, uenirent cum familiis suis, accepturi terram optimam, terram spaciosam, uberem fructibus, redundantem pisce et carne et commoda pascuorum gratia. Dixitque Holsatis et Sturmariis... «transmigrate in terram desiderabilem, et incolite eam, et participamini deliciis eius, eo quod uobis debeantur optima eius, qui tulistis eam de manu inimicorum». Helmoldi Chronica, I, 57. «Confluerent de terris suis homines Teu-

ясно свидѣтельствуютъ и дарственныя грамоты туземныхъ князей: здѣсь колонисты приглашаются въ плодороднѣйшую землю, щедро одаренную плодами, скотомъ, птицею, рыбою, молокомъ и медомъ; имъ отдаются села и деревни со всѣми удобствами жизни: съ богатыми лѣсами, лугами, полями и рыбными ловлями [1]).

На первый взглядъ можно подумать, что эти отзывы заключаютъ въ себѣ преувеличеніе [2]); но полная справедливость ихъ доказывается самой исторіей; ибо только имѣя въ виду природныя богатства края, можно объяснить себѣ, почему такъ долго и упорно стремились нѣмцы къ обладанію славянскимъ побережьемъ балтійскаго моря, почему, наконецъ — и (нѣмецкая) колонизація страны совершилась такъ охотно и быстро.

Распространеніе природныхъ богатствъ было, однако, не равномѣрно. Приведенныя свидѣтельства имѣютъ въ виду счастливыя мѣстности; но не мало было и такихъ, гдѣ природа откры-

---

tonici ad incolendam terram (Sclauorum) spaciosam, fertilem frumento, commodam pascuorum ubertate, abundantem pisce et carne et omnibus bonis».. Ibid., I, 87. Въ другомъ мѣстѣ—о землѣ Глинянъ (Lini Linoges)..: «perlatum est ad Mistue, quod gens quedam foret e uicino, fertilis omnibus bonis»..ibid. I, 37; cf. Ibid. I, 12; Annales Quedlinb. s. a. 997. О рыбныхъ богатствахъ страны Гельмольдъ говоритъ во II кн. гл. 12; сравни Sax. Gramm. Hist. Dan. p. 857, 839, и многія грамоты, особ. Cod. № 46, 75 и Ebbonis Vita Ottonis III, 4.

1) ...«Hec uille licet inculte amenitate tamen situs. ubertate glebe. uenationis. aucupationis et piscationis copia, et pratorum abundantia cultis circumiacentibus non cedunt. Ipsa enim terra et circum eam maritima loca sunt fertilissima frugum ac pecorum et piscium. et siluosa et sicut scribitur de terra repromissionis lacte et melle manantia». Codex Pom. dipl. № 29, cf. № 50. О природныхъ богатствахъ страны говорится во многихъ грамотахъ.

Находимъ не лишнимъ привести здѣсь нѣкоторые старые термины языка, обозначающіе предметы растительной и животной природы края: ими до нѣкоторой степени условливается движеніе самой культуры. Изъ родовъ деревьевъ извѣстны: *думбъ* (tumb, dumb)— въ собственномъ смыслѣ quercus и вообще дерево, какъ въ цл. древнеславянскомъ; *ядла* (jódla, gadela, jedla)-ель, *ясень* (josena, gossin), *вольха* (wilscha), *липа* (leypo), *букъ* (boic, bauk), *бреза* (bréza, brese); изъ ягодъ: *молина* (moleiné), *смордлина* (smordeleine). Изъ звѣрей: *дивый воль* (deiwa boala)-олень, *дива корва* (deiwa korwò, — kurwa)-оленица; *дива коза* (deiwa tjesâ), *дива свинья* (deiwa schweinang); *заянцъ* (sogans, sojangsa, sogangs), *лисица* (leisseitz, leisséitaka, leiscitza, leiscitzja), *вепръ* (wiper), *вовкъ* (wauck, vuk). О дикихъ быкахъ см. Adami brem. Gesta IV, 31.

2) Barthold: Geschichte von Rügen und Pommern, I, p. 482 sq.

валась человѣку своею суровою, непривѣтливою стороною. Это, говоря словами памятниковъ — «loci horroris et uaste solitudinis», мѣста безплодныхъ пустынь, болотъ и дикихъ лѣсовъ[1]), занимавшихъ иногда очень значительныя пространства, мѣста, гдѣ тяжелый трудъ человѣка приносилъ лишь скудные плоды, гдѣ заботы и потребности его не имѣли простора и рѣдко шли далѣе заботъ о дневномъ существованіи.

Природа съ подобными разнообразными условіями не могла не обнаружить и соотвѣтственнаго разнообразнаго вліянія на бытъ и образъ жизни обитателей.

Естественная производительность края, съ богатымъ избыткомъ вознаграждавшая трудъ, способна была породить не одно домашнее довольство и благосостояніе, но и вызвать промышленную дѣятельность и торговую предпріимчивость. Географическое положеніе страны вполнѣ благопріятствовало этому: она занимала такъ сказать средину европейскаго материка, соединяя югъ и западъ съ сѣверомъ; большія рѣки облегчали сообщеніе внутри ея, сосѣднее море открывало далѣе свободный путь къ рынкамъ Даніи, Швеціи и русскаго Сѣвера. Торговая дѣятельность являлась какъ бы неизбѣжнымъ слѣдствіемъ природно-географическихъ условій и отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, на сѣверѣ, у моря жизнь необходимо должна была получить болѣе широкое развитіе, чѣмъ внутри страны и на окраинахъ: населеніе, стѣсненное съ запада и юга врагами, уходило отъ опасныхъ мѣстъ и стремилось къ морю, которое давало просторъ его дѣятельности и поощряло ее удачею. О послѣдствіяхъ торговыхъ сношеній и знакомства съ иноземными народами — нѣтъ надобности распространяться: они никогда не проходятъ даромъ, какъ вообще для образованности, такъ и для направленія частныхъ сторонъ народной дѣятельности; замѣтимъ только, что жесткость

---

1) Herbordi Dialogus II, 10; Meklenburgisches Urkundenbuch, № 100, 255; Codex Pomer. dipl. № 60, 106; Saxo Grammaticus Hist. p. 928.

народнаго характера и та суровая, независимая энергія его, которыми въ средніе вѣка такъ славно было имя «сѣверныхъ язычниковъ», кромѣ вліянія воспитательной школы исторіи (см. ниже, стр. 28 sq.) должны быть во многомъ объясняемы и постояннымъ общеніемъ народа съ моремъ и его опасностями; равнымъ образомъ — морскіе разбои славянъ были слѣдствіемъ столько же знакомства ихъ съ сѣверными викингами, сколько и географическаго положенія при морѣ, которое манило къ легкой добычѣ и въ своихъ безчисленныхъ заливахъ и островахъ открывало надежное убѣжище для пирата.

Слѣдуетъ однако сказать, что легкое удовлетвореніе нуждъ человѣка, поощряя трудъ и предпріимчивость, увлекая мысль и силы его, могло имѣть и свою невыгодную сторону и произвести своего рода гибельную политическую и общественную безпечность и апатію: отдавшись самодовольно однимъ интересамъ, народъ легко забываетъ о другихъ, еще болѣе существенныхъ, особенно — если его природный характеръ наклоненъ къ беззаботности, если эти интересы требуютъ уступокъ и жертвъ нѣкоторыми удобствами, излюбленными обыкновеніями и привычками.

Не менѣе рѣшительно должно было быть вліяніе природныхъ условій тамъ, гдѣ они оказывались неблагопріятными для развитія соціальныхъ отношеній. Заброшенные судьбой среди болотъ, пустошей и лѣсовъ, отчужденные не только отъ иноплеменныхъ народовъ, но и отъ близкихъ родичей, нѣкоторыя племена неизбѣжно должны были одичать и остаться на весьма недалекой ступени соціальнаго развитія. Нравственное коснѣніе и консервативный застой бываютъ обыкновеннымъ слѣдствіемъ такого уединеннаго положенія. Здѣсь уже рѣшительно нѣтъ мѣста для мысли и дѣятельности политической, для предпріятій общественныхъ: первыя ограничиваются мелкими раздорами и ссорами съ ближайшими сосѣдями, вторыя выражаются грабежомъ и разбоемъ. Соединеніе такихъ племенъ въ прочный соціально-государственный союзъ можетъ совершиться только посредствомъ внѣшней, чуждой силы, но не посредствомъ внутренняго, изъ

нихъ самихъ исходящаго, объединяющаго начала: до послѣдняго они не вырастаютъ.

Отмѣченныя здѣсь природныя вліянія, какъ откроется далѣе, вполнѣ оправдались жизнью и исторіею балтійскихъ славянъ.

Взглянемъ теперь на *народъ*, обозначимъ важнѣйшія племена и мѣста жительства ихъ, ходъ ихъ исторіи, образъ жизни и характеръ.

Мнѣніе Шафарика, что балтійскіе славяне вышли изъ земель привислянскихъ и распространялись съ Востока на Западъ [1]) — представляется вполнѣ вѣроятнымъ, такъ — какъ на ближайшее родство ихъ съ вѣтвью славянъ привислянскихъ указываетъ уже самое тожество особенностей языка тѣхъ и другихъ. Но когда произошло это переселеніе, или вѣрнѣе — разселеніе, на это не существуетъ никакихъ положительныхъ указаній въ источникахъ [2]). Достовѣрная исторія знаетъ славянъ, какъ *обитателей* балтійскаго поморья, но не какъ — *насельниковъ пришельцевъ*.

Въ источникахъ VIII—XII в. страна носитъ этнографическое наименованіе *земли Вендовъ* (Vinedaland, Veonodland, Vindland), *Славіи*, *Славаніи* (Sclauia, Sclauania). Народы, сидѣвшіе на ней признаются свидѣтелями за народы одного рода и пле-

1) Šafařik: Slowanské starožitnosti, Pr. 1837, § 48, pag. 834 sq.

2) Домыслы Шафарика, Ibid. p. 836 sq., что такое переселеніе должно было произойти въ періодъ времени между III и V столѣтіями—заслуживаютъ, конечно, полнаго вниманія, но догадками, хотя бы и остроумными—нельзя замѣнить недостатокъ историческихъ данныхъ. Онѣ имѣютъ всѣ условія вѣроятности, но достовѣрными ихъ назвать нельзя. То же, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ сказать и о результатахъ попытокъ опредѣлить народность древнѣйшаго индо-европейскаго населенія балтійскаго поморья: *вѣроятнымъ* представляется, что относительно древнѣйшіе обитатели страны были нѣмцы, но кто захотѣлъ бы идти далѣе этой вѣроятности, кто пріиметъ ее за доказанный историческій фактъ и на немъ захочетъ основать дальнѣйшія историко-этнологическія заключенія, тотъ поступитъ вопреки правиламъ строгой науки. Къ слову о спорномъ вопросѣ—замѣтимъ, что приверженцами мнѣнія о древнѣйшемъ славянскомъ заселеніи балтійскаго поморья являются люди, которыхъ уже никакъ нельзя заподозрить въ узкомъ славянскомъ патріотизмѣ, см. предисловіе Латама къ книгѣ Kemble Horae ferales, L. 1863; а также его изданіе и комментарій къ Тацитовой «Германіи».

мени, за ближайшихъ родственниковъ. Мы перечислимъ ихъ, слѣдуя направленію съ Запада на Востокъ, т. е. по предполагаемому старшинству ихъ переселенія.

Вагры (Wagri, Waigri, Waari). Племя сидѣло въ крайнемъ сѣверо-западномъ углу между моремъ, рѣками Свaленой и Свентиной — съ одной стороны и Травьной — съ другой. Часть племени помѣщалась на островѣ Фембрѣ (Imbria). Принадлежали ли Вагры къ слѣдующей этнографической особи Оботритовъ, какъ часть ихъ, или составляли отдѣльное цѣлое — изъ источниковъ не видно.

Оботриты (Abodriti, Apdrede, Abtrezi) — по толкованію Шафарика = *Бодричи*, простирались отъ р. Травьны, Билой и Лабы, гдѣ проходилъ извѣстный «саксонскій предѣлъ» (limes Saxoniae), къ востоку по р. Варну. Племя подраздѣлялось на: а) *собственныхъ Оботритовъ*, называвшихся иначе *Perегами* (Reregi) и занимавшихъ сѣверную часть страны; б) *Полабовъ* (Polabingi, Polabi), обитавшихъ между рр. Билой и Лабой до Звѣринскаго озера, рр. Стэра и Эльды; въ источникахъ до нач. IX в. часть Полабовъ встрѣчается подъ именемъ *Смельдинговъ* (Smeldingi, Smeldingon) — по Шафарику = Смолинцы, они жили у нынѣшняго Дэмица; наконецъ — в) *Варновъ* (Warnabi), сидѣвшихъ на востокъ отъ Ререговъ, между моремъ и р. Варной.

Особыя группы племенъ составляли: 1) *Линоны* или *Лины* (Linones, Linoges, Linaa, Linagda) — по толкованію Шафарика = *Глиняне*, обитавшіе на правой сторонѣ р. Лабы, около нынѣшняго Путлица; 2) *Древане* (Dreuani), жившіе на лѣвой сторонѣ р. Лабы, насупротивъ Линовъ; 3) *Бетенцы* (Bethenz, Bethenici) — по Шафарику = *Вѣтницы, Вѣтники*, о которыхъ извѣстно только, что они сосѣдили съ Линами и находились на восточномъ берегу р. Лабы; 4) *Моричане* (Morizani, Morize), область которыхъ простиралась отъ Плавскаго озера на востокъ до р. Гаволы и отъ верхней Неболы на югъ до Безунтскаго лѣса.

Лютичи, называвшіеся иначе — *Велетовыми* и *Вильцами* (Lutici, Leuticii, Weletabi, Wilzi) — сидѣли отъ рѣки Варны до

рр. Одры и Гаволы, а также — на островахъ Узноміѣ и Волынѣ (?). Они дѣлились на четыре главныхъ племени: а) *Кичане* (Kycini), по объясненію Шафарика — Хижанъ, обитавшихъ между моремъ и рр. Варной и Рекеницей; б) *Чрезпѣняне* (Circipani, Zerezpani), простиравшихся отъ требельскихъ болотъ и р. Рекеницы до р. Пѣны и Неболы, и выше — до Парунскаго озера; в) *Редарей* (Riadri, Redari, Rederarii, Rethurii) — по толкованію Шафарика — *Ратарей*, жившихъ отъ р. Пѣны до Одры въ плодоносной холмистой странѣ нынѣшней Старыградской области, и г) *Доленчанъ, Долснцовъ* (Tholensani, Tholenzi), обитавшихъ на сѣверо-западъ отъ Редарей, между Доленскимъ озеромъ и р. Пѣною, въ Укермаркѣ.

Въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Лютичами находились: 1) *Гаволяне* (Heuelli, Hehfeldi, Heueldun), называвшіеся иначе Стодорянами, — по рѣкѣ Гаволѣ и Спревѣ; къ нимъ принадлежали еще *Спревяне* и *Брежане*; и 2) *Укране* (Vcrani) — на востокъ отъ Доленцовъ и Редарей по рѣкѣ Укрѣ до р. Одры или поморянскаго (штетинскаго) озера; сѣверная отрасль ихъ (?) называлась *Рѣчанами* (Riczani, Ritzani).

Ране или *Руяне* (Rani, Rugiani, Rugi, Raengjar) занимали островъ Рую или Руяну. Этнографически они, кажется, стояли ближе къ Поморянамъ, чѣмъ къ Лютичамъ.

Поморяне (Pomerani, Pomorani, Maritimi) сидѣли на огромномъ пространствѣ отъ Одры до Вислы. Существовали-ли внутри этого племени какія частныя подраздѣленія — неизвѣстно; но въ политико-географическомъ отношеніи страна дѣлилась на двѣ почти равныя части: переднее и заднее Поморье, границей служила рѣка Персанта [1]).

---

1) Шафарикъ, Slow. star. p. 761—2, отдѣляетъ Поморянъ отъ прочихъ балтійскихъ славянъ и разсматриваетъ ихъ, какъ одну изъ вѣтвей племени польскаго. На это — сколько знаемъ — не существуетъ достаточныхъ основаній. Напротивъ, Поморяне всегда стояли ближе къ своимъ заодранскимъ родичамъ, чѣмъ къ полякамъ. Польскіе анналисты, Мартинъ Галлъ, Кадлубекъ и Богухвала — разсматриваютъ ихъ, какъ племя, совершенно отдѣльное отъ поляковъ.

Вотъ всѣ *важнѣйшія* племена балтійскихъ славянъ [1]. Кромѣ ихъ въ источникахъ упоминаются еще нѣсколько мелкихъ, какъ *Дошане* (Doxane), *Любичи* (Leubuzi), *Земчичи* (Zemzici), *Лиличи* (Liezizi), *Нелитичи* (Nielitici) и т. д.; но они извѣстны только по именамъ, и даже можно думать, что нѣкоторыя изъ этихъ наименованій относились не къ племенамъ въ собственномъ смыслѣ, а къ округамъ, жупамъ или родовымъ поселкамъ [2].

Общее количество народонаселенія опредѣлить, конечно, невозможно; но въ источникахъ встрѣчаются нѣсколько указаній, которыя даютъ поводъ думать, что край, несмотря на многіе лѣса и пустоши, былъ вообще заселенъ не бѣдно. Такъ, Эйнгардъ замѣчаетъ, что Вильцы очень полагались на свою *многочисленность*, что въ походѣ Карла В. противъ чеховъ участвовали полчища *безчисленныхъ* славянъ. Въ битвѣ у Лунчина, по извѣстію Видукинда, сражалось *безчисленное множество* славянъ, однихъ убитыхъ было 120—200 тысячъ. О многочисленности

Попытка Доминика Шульца, см. его соч. O Pomorzu zaodrańskiem, Warsz. 1850, p. 4—58, подтвердить доказательствами мнѣніе Шафарика—не выдерживаетъ строгой критики.

1) Кромѣ *лужицкихъ сербовъ*, которые хотя и были ближайшими родичами славянъ балтійскихъ, но, говоря строго, не должны быть къ нимъ относимы, какъ часть къ цѣлому.

2) Подробныя ссылки на источники для древней географіи балтійскихъ славянъ читатель найдетъ у Шафарика, Slow. staroż. p. 871 sq. § 44, извлеченія — въ «приложеніяхъ» č. 16, 17, 18, 19, 21, 22, 24. Со времени Шафарика, разсматривавшаго съ особеннымъ вниманіемъ эту часть славянскихъ древностей, вопросъ не много подвинулся впередъ. Лучшій очеркъ предмета принадлежитъ датч. Петерсену, въ его статьѣ: «Die Züge der Dänen nach Wenden», помѣщ. въ Mémoires de la Société des Antiquaires du Nord, Cop., 1836—39, p. 87—188. Петерсенъ слѣдуетъ преимущественно сѣвернымъ источникамъ. Сочиненія по тому же предмету Квандта: «Zur Urgeschichte der Pomoranen» и «Die Liutizen und Obdriten», помѣщ. въ XXII. t. Baltische Studien, 1868, p. 121—847, содержатъ въ себѣ много вѣрныхъ замѣчаній, но, къ сожалѣнію, страдаютъ отъ очень запутаннаго и неяснаго изложенія. Самый же важный трудъ принадлежитъ Виггеру, въ его книгѣ: Mecklenburgische Annalen, bis zum Jh. 1066, Schw. 1860, 4°, стр. 100—122, экскурсъ «Zur Topographie der Slavenländer». Пользуемся здѣсь случаемъ, чтобы указать на книгу Виггера, какъ на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ, рѣдкихъ явленій въ области науки Славянскихъ Древностей. Мы ей обязаны очень многимъ.

славянъ по разнымъ случаямъ говорятъ и другіе свидѣтели, Метенскія анналы, Ліутпрандъ, Адамъ бременскій, Ордерикъ Виталій, Гельмольдъ [1]). Принявъ при этомъ къ свѣдѣнію показанія древнѣйшихъ грамотъ, изъ которыхъ рѣдкая не называетъ множества селъ, деревень, угодій, рынковъ и корчемъ, мы, даже и тогда, когда въ приведенныхъ показаніяхъ захотимъ увидѣть преувеличеніе или фразу — кажется все-таки будемъ имѣть право заключить, что современники считали балтійскихъ славянъ народомъ очень многочисленнымъ, что страна ихъ (regio Sclauorum) была дѣйствительно — заселена не рѣдко, по крайней мѣрѣ — въ своихъ плодородныхъ мѣстахъ, по теченіямъ рѣкъ и озерамъ.

Переходя къ движенію исторіи балтійскихъ славянъ, считаемъ умѣстнымъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе.

Вмѣстѣ съ началомъ положительной исторіи средневѣковой

---

1) «Gens illa (Wiltzorum), quamuis bellicosa et in *sua numerositate* confidens, impetum exercitus regii diu sustinere non ualuit».. Einhardi Ann. a. a. 789; Imperator...aliam partem (exercitus) per Saxoniam dirigens ut..cum Saxonibus et *innumerabilibus Sclauis*..in Sclauos prorumperet»..Ibid. a. a. 805.

«Cum pauci non praeualerent aduersus *innumerabiles* reuersus est (legatus) ad exercitum, referens, quia barbari non plures haberent equites, peditum uero *innumerabilem* multitudinem...fuere qui dicerent barbarorum *ducenta milia caesa*», Widukindi Res gestae Sax. I, 36 (Корвейскіе и кведлинбургскіе Анналы, S. aa. 920, 939 полагаютъ 120 тысячъ). «Duces gentis asperae Sclauorum...uenerunt...pugnatores quasi centum millia»...Annales Metens., apud Pertz Monum. G. h. I, p. 330.

«(Hugo) *Sclauorum gentem innumeram* subiugauit», Liudprandi Ant. An. III, c. 21.

«Multa milia paganorum (Circipanorum) hinc inde prostrati sunt, plures abducti in captiuitatem», Adami brem. Gesta, III, 21.

«In ea (Leuticia) populosissima natio consistebat» etc. Orderici Vitalis Historia eccl. pars II, l. IV, c. 7, acc. Migne Paris, 1855, p. 317.

«Conuenerunt omnes (Sclaui)...ut expugnarent Ranos, et fuerunt innumerabiles quasi arena maris», Helmoldi Chronica, I, 38. cf. Herbordi Dialogus, II, 5.

О степени населенности края см. также любопытныя соображенія Бидона въ его соч. Geschichtl. Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen. Greif. 1848, p. 5—6 и Гизебрехта Wendische Geschichten, I, p. 14—15.

Европы ясно обозначились и условія, необходимыя для прочнаго историческаго существованія и развитія народовъ.

Это — *Государство* и *Христіанство.*

Внѣ государственнаго союза и христіанской религіи все болѣе и болѣе становилось невозможнымъ достигнуть ни внѣшней крѣпости, ни мирныхъ связей съ другими народами. Сколь бы ни были велики мужество и отвага разрозненныхъ, чуждыхъ государственнаго наряда — племенъ, они не могли выдержать борьбы съ организованными силами враждебныхъ государствъ; какими бы природными доблестями и чистыми нравами ни отличались язычники, все же они были дѣтьми погибели, отверженцами человѣчества и не могли войти въ дружественное общеніе съ христіанскими народами. Понятно, что выполненіе означенныхъ условій было обязательно для каждаго народа, желавшаго устоять среди борьбы и пользоваться выгодами мирнаго развитія. Иначе — ему предстояло неминуемое паденіе: безъ прочныхъ основъ государственнаго союза и христіанства — жизнь его должна была истощиться въ тревогахъ дня и безсильной борьбѣ за существованіе.

Изъ славянскихъ племенъ, населявшихъ западную Европу, чехи и поляки во время позаботились о своемъ будущемъ: рано принявъ христіанство и соединясь въ государственные союзы, они тѣмъ надолго обезпечили себѣ независимую исторію и выгоды безопаснаго существованія и развитія.

Иное находимъ у балтійскихъ славянъ.

Со временъ глубокой древности славянскія племена заняли балтійское Поморье и ближайшія къ нему земли между Лабою и Вислою. Вмѣстѣ съ добрыми качествами своей природы, общественнаго и семейнаго быта, они принесли съ собою въ новое отечество и исконные, роковые политическіе недостатки: безотчетную привязанность къ старымъ порядкамъ вообще и къ формамъ розничнаго политическаго существованія въ особенности, привычку жить интересомъ дня безъ заботы о будущемъ и какую-то врожденную антипатію къ политическому расчету и предпрія-

тію. Эти недостатки, усиленные и развитые б. м. вліяніемъ природныхъ условій, отозвались на ходѣ исторіи балтійскихъ славянъ печальными послѣдствіями. Несмотря на вопіющую потребность безопаснаго и прочнаго существованія, несмотря на убѣждающіе примѣры сосѣдей, они — какъ были, такъ до конца и остались въ язычествѣ, племенной розни и внутреннихъ усобицахъ, безъ дѣятельнаго сознанія шаткости своего положенія, безъ принятія мѣръ къ лучшему устройству его. Задачи времени — не были ими сознаны. Отвергнувъ христіанство и форму государственной жизни, окруженные отовсюду врагами, балтійскіе славяне оказались безъ кормила въ настоящемъ, безъ возможности имѣть будущее: всѣ пути къ дальнѣйшему независимому движенію въ исторіи были для нихъ закрыты. Имъ оставалось безцѣльное, исполненное смутъ и треногъ — настоящее, месть за обиды и борьба со врагомъ за дневное существованіе.

Дѣйствительно съ тѣхъ поръ, какъ запомнитъ исторія, мы — находимъ балтійскихъ славянъ въ непрерывной борьбѣ съ сосѣдями, нѣмцами, позднѣе — съ датчанами и поляками. Откуда возникла эта многовѣковая кровавая славяно-германская тяжба, что было основнымъ двигающимъ началомъ ея — указываетъ знаменитый Видукиндъ: «transeunt sane, говоритъ онъ, dies plurimi his (i. e. Saxonibus) pro gloria et *pro magno latoque imperio*, *illis* (i. e. Slavis) *pro libertate ac ultima servitute* certantibus» (R. G. S., II, 20). Для нѣмцевъ, какъ видно, вначалѣ это былъ вопросъ политическаго властолюбія и страсти къ корыстному порабощенію, для славянъ же — вопросъ жизненнаго существованія, которое для нихъ не имѣло ни смысла, ни цѣны безъ свободы и независимости. Вотъ почему они, выражаясь словами того же историка, «nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes» (ib.).

Завязавшая борьба въ дальнѣйшемъ развитіи, усложнила и отчасти измѣнила интересы враждующихъ сторонъ. Выйдя на дорогу исторіи воспитанными среди насилій, славяне не могли уважать свободы и спокойствія сосѣдей: они платили тѣмъ же,

что получали. Набѣги и грабежи стали обычнымъ занятіемъ ихъ жизни. Какъ только затруднялись внутреннія отношенія имперіи, какъ только въ ней оказывались смуты и ослабѣвалъ порядокъ, такъ немедленно подымались полчища славянъ и производили свои опустошительные набѣги. Со времени паденія франскаго государства, нѣмецкія области жили въ постоянномъ страхѣ предъ «славянскимъ неистовствомъ». При такомъ положеніи не только затруднялись, но и становились почти невозможны прочные успѣхи гражданственности и дальнѣйшаго развитія. Да къ тому же еще — богатства земли «язычниковъ» влекли къ невольному искушенію и возбуждали корыстные инстинкты расы... Вотъ почему «славянское неистовство», необходимость смирить безпокойную, разрушительную энергію язычниковъ, овладѣть ихъ землею — были предметомъ серіозной заботы и предпріятій нѣмецкихъ императоровъ. Выполнить трудную задачу стремились различными путями: завоеваніемъ славянъ, введеніемъ и распространеніемъ между ними христіанства, наконецъ — поощреніемъ возникновенію и утвержденію среди нихъ государственной власти[1]). Мѣры оказались недѣйствительными. Мало того, онѣ только усилили «неистовство язычниковъ». Весь результатъ завоевательныхъ предпріятій нѣмцевъ въ славянскихъ земляхъ ограничивался *побѣдами и грабежомъ*. Славяне съ виду покорялись, обѣщали принять христіанство, жить въ мирѣ и платить дань; но какъ скоро побѣдители возвращались домой, побѣжденные снова принимались за прежнее удалое ремесло, не стѣсняясь данными обязательствами[2]).

Покорить славянъ завоеваніемъ было невозможно. Сама дѣвственная, покрытая лѣсами и болотами, страна ихъ и огромное

---

1) Нѣкоторые, какъ напр. Оттонъ II и Конрадъ приходили даже къ рѣшенію вовсе истребить родъ сѣверныхъ язычниковъ, что было въ духѣ времени и національнаго характера, но не въ духѣ благоразумія и удобоисполнимости.

2) Этимъ слѣдуетъ объяснить, почему средневѣковые лѣтописцы такъ часто называютъ Славянъ: «infideles, mutabiles, perfidi, infidi», и т. д. Helm. I. 14, 25; Thietm. VI, 18. Annales Quedlinb., a. 997.

протяженіе, на которомъ сидѣли они, полагали тому необоримую преграду. Можно было опустошить нѣкоторыя, открытыя и доступныя, области ихъ можно было уничтожить, принудить и увлечь въ рабство десятки и сотни тысячъ людей, но этимъ достигалось совершенно противное тому, къ чему стремились. Оправившись отъ пораженія и подкрѣпивъ себя свѣжей силой другихъ родственныхъ племенъ, славяне снова подымались грозными мстителями за разоренную землю отцовъ, за убитыхъ или порабощенныхъ близкихъ. Къ жаждѣ добычи присоединялась неодолимая жажда мести.

Столь же безуспѣшны были попытки нѣмцевъ ввести христіанство и утвердить государственную туземную власть среди славянъ. Не смотря на политическій консерватизмъ и привязанность къ старой языческой религіи, какими отличались балтійскіе славяне, все же, быть можетъ, при другихъ условіяхъ эти попытки принесли бы добрые плоды, но съ ними вмѣстѣ входило столько постороннихъ своекорыстныхъ расчетовъ, столько началъ, враждебныхъ славянской жизни и разрушительныхъ для нея, что всѣ эти усилія нѣмцевъ могли вызвать только ожесточенное противодѣйствіе. Поэтому — несправедливо, думаемъ, поступаютъ тѣ историки, которые противодѣйствіе славянъ введенію христіанства и государственной организаціи объясняютъ одною привязанностью ихъ къ старымъ, исконнымъ порядкамъ жизни, однимъ духомъ политическаго и религіознаго застоя [1]). Эти причины — были далеко не главными причинами противодѣйствія. Христіанство вносилось къ славянамъ не въ чистомъ видѣ, а съ римско-нѣмецкою идеею политическаго порабощенія и трибута: съ христіанствомъ и церковно-административнымъ раздѣленіемъ страны, своекорыстнымъ стремленіямъ нѣмцевъ открывалось широкое поле для жатвы. Лѣтописцы эпохи, Адамъ бременскій и Гельмольдъ, люди въ глубинѣ души преданные нѣмецкому дѣлу и искренно убѣжденные въ законной справедливости

1) Usinger: Deutsch-dänische Geschichte, B. 1863, pag. 27 sq.

славянскаго трибута, съ негодованіемъ говорятъ о чрезмѣрной жадности саксовъ къ добычѣ и деньгамъ, о томъ, какъ нѣмцы обремененяли славянъ тяжелыми палогами и данью, какъ разоряли страну и тѣснили ихъ [1]). Понятно, почему въ умахъ славянъ идея новой религіи неразлучно соединялась съ идеею политическаго рабства, грабежа и мученій, почему они не только относились къ христіанству съ упорнымъ противодѣйствіемъ, но, даже и обращенные—снова отпадали въ темное язычество и рѣшались лучше погибнуть, чѣмъ быть христіанами и платить подати саксамъ [2]).

---

1) «Bernardus dux, tam auitate humilitatis quam paternae religionis oblitus, primo quidem per *auaritiam* gentem Winulorum *crudeliter opprimens*, ad necessitatem paganismi coëgit». Adami brem. Gesta Hamab. ecclesiae, II, c. 46. «Sed cum diuerso modo et tunc et nunc in gente Winulorum dux et episcopus laborent, *duce scilicet pro tributo*, pontifice uero pro augenda christianitate laborantibus, uidetur mihi iam dudum studio sacerdotum christianam religionem ibidem conualuisse, si conuersionem gentis *auaricia principum* non praepediret», ib. II, 69. «Nostri cum triumpho redierunt, de christianitate nullus sermo, uictores tantum praedae intenti»,ib. III, 21. «Audiui etiam, cum ueracissimus rex Danorum sermocinando eadem replicaret, populos Sclauorum iamdudum procul dubio facile conuerti posse ad christianitatem, *nisi obstitisset auaricia Saxonum*: «quibus, inquit, mens pronior est ad pensionem uectigalium, quam ad conuersionem gentilium». Nec attendunt miseri, quam magnum periculum suae cupiditatis luant, qui christianitatem in Sclauania primo *per auariciam turbabant*, deinde *per crudelitatem subiectos ad rebellandum coegerunt*, et nunc salutem eorum, qui uellent credere, *pecuniam solam exigendo* contempnunt». ib. III, c. 22 cf. II, 40. «Dux Saxonum Bernardus, totus auaricia infectus, Sclauos..tantis uectigalium pensionibus aggrauauit, ut nec memores Dei nec sacerdotibus ad quiquam essent beneuoli», etc...Helmoldi Chronica, I, 18. «Vnde cognosci potest Saxonum insatiabilis auaritia, qui..semper proniores sunt tributis augmentandis, quam animabus Domino conquirendis». Ibid. I, 21.. («Dux Henricus) in uariis expeditionibus, quas adhuc adolescens in Sclauiam profectus exercuit, nulla de Christianitate fuit mentio, sed tantum de pecunia»..Ibid. I, 68. Cf. I, 83, 88; II, 2, 5. Saxonis Gram. Hist. ed. Müller, I, p. 814—15.

2) Sclaui seruitutis iugum armata manu submouerunt, tantaque animi obstinatia, libertatem defendere nisi sunt, ut prius *maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa soluere Saxonum principibus*. Hanc sane contumeliam sibimet parturiuit infelix *Saxonum auaritia*, qui cum adhuc uirium suarum essent compotes, et crebris attollerentur uictoriis, non recognouerunt, quia Domini est bellum et ab ipso est uictoria, quin potius Sclauorum gentes, quas bellis aut pactionibus subegerant, *tantis uectigalium pensionibus grauauerunt*, ut diuinis legibus et principum seruituti refragari amara necessitate cogerentur», Helmoldi

То же должно сказать и о попыткахъ ввести и установить между славянами — государственный нарядъ. Переходъ отъ племенной розни въ организованное государство — вообще труденъ для народа, испоконъ вѣка привыкшаго къ неограниченной свободѣ: для него яснѣе стѣснительная, враждебная сторона государственныхъ порядковъ, чѣмъ выгоды ихъ. Здѣсь же, къ тому еще, онъ видѣлъ, что вмѣстѣ съ государствомъ вводилось и христіанство съ неизбѣжнымъ тяжелымъ трибутомъ, и подчиненіе нѣмцамъ, что послѣдніе покровительствовали утвержденію власти изъ корыстныхъ видовъ, «tributis suis augmentandis» — какъ говоритъ Гельмольдъ [1]). Правда, у нѣкоторыхъ племенъ княжеская власть установляется и пускаетъ, повидимому, твердые корни, но привязанность народа къ старому быту, къ старой розни долго не даетъ ей возвыситься до объединяющаго государственнаго значенія; князья почти всегда возвращаются на старый путь предводителей удалыхъ дружинъ, т. е. въ качествѣ воеводъ руководятъ набѣгомъ и добываніемъ добычи. Когда же войны съ Гейнрихомъ Львомъ и Польшею усилили и расширили кругъ дѣйствія княжеской власти, она пыталась соединить разрозненныя силы для отпора врагу, но время было упущено:

Chronica I, 25, 34. «Principes nostri—говорилъ Прибиславъ еп. Герольду—tanta *seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita...»* etc. Ib. I, 83.

«Qui (Wirikindus) protestatus plebem archiepiscopo suo Noriperto rebellem, eo quod duriori seruitutis iugo iam subiugare temptaret, nullo modo cogi posse fatebatur, ut ab eo doctrinæ uerbum reciperet; sed prius mortis occasum quam seruitutis huiusmodi onus subire paratam esse». Ebbonis Vita Ottonis III, 2.

«Apud christianos—говорили Поморяне—fures sunt, latrones sunt, truncantur pedibus, priuantur oculis et omnia genera scelerum et penarum christianus exercet in christianum; absit a nobis religio talis...Herbordi Dialogus, II, 26. Cf. грам. 1158, Meklenb. Urk.-Buch. № 65; Adami brem. Gesta III, 50.

1) «Principes Sclauos seruare solent tributis suis augmentandis». Helmoldi Chronica, I, 56, cf. 65. «Audientes uniuersi Sclauorum populi quod surrexisset inter eos princeps, qui dicat subiacendum christianis legibus et tributa principibus soluenda, uehementer indignati sunt, conueneruntque omnes una uoluntate ut pugnarent aduersus Heinricum et statuerunt in locum eius, qui erat cristicolis oppositus omni tempore». Ibidem, I, 34.

враги сложились въ крѣпкія государства, о твердыню которыхъ разбивались всѣ союзныя предпріятія поздно образумившихся славянъ.

Какъ видно, историческія обстоятельства сложились для балтійскихъ славянъ крайне неблагопріятно. Вмѣсто того, чтобы пробудить ихъ отъ безпечности и застоя, они возвели ихъ инстинктивную привязанность къ старымъ порядкамъ и язычеству до сознательной политической апоѳеозы, вмѣсто убѣжденія въ необходимости принятія христіанства и образованія государственнаго союза, они въ корнѣ подорвали ихъ довѣріе къ этимъ формамъ жизни, въ условіяхъ которыхъ единственно возможно было историческое развитіе.

Исторія балтійскихъ славянъ отсюда принимаетъ такъ сказать неисторическій характеръ: въ ней много энергическаго, иногда болѣзненнаго, движенія, но нѣтъ движенія впередъ, нѣтъ въ собственномъ смыслѣ политическихъ стремленій. Нескончаемыя домашнія усобицы, междуплеменные раздоры [1]), набѣги и грабежи сосѣдей и, наконецъ, борьба за независимое существованіе и законы отцовъ — вотъ основныя, вѣками повторяющіяся, явленія исторіи балтійскихъ славянъ въ періодъ ихъ политической самостоятельности.

Но пока въ этомъ безцѣльномъ броженіи совершаются судьбы ихъ, пока на это уходятъ лучшія силы племенъ, сосѣди — враги слагаются въ могучія, прочныя государства. На югѣ и западѣ съ распаденіемъ монархіи Карла Великаго — выступаютъ отдѣльныя средоточія мѣстныхъ силъ, отдѣльныя государства, на сѣверѣ укрѣпляется Данія, на востокѣ — Польша. Для всѣхъ ихъ — одинаково важенъ *славянскій вопросъ*, одинаково видна не-

1) Это печальное явленіе, показывающее, какъ мало балтійскіе славяне понимали свое положеніе и необходимость дружнаго между собою союза — проходитъ черезъ всю ихъ исторію, cf. Einhardi Vita Caroli magni c. XII, *его же* Annales a. 808; Widukindi Res gestae S. III, 54; Adami brem. Gesta III, 21; Helmoldi Chronica I, 21, 24, 71; II, 12; Saxonis Gram. Historia p. 833; Ebbonis Vita Ottonis, III, 5; Herbordi Dialogus III, 2, 31; Arnoldi Lub. Chronicon III, 4. etc.

обходимость положить ему немедленное рѣшеніе. Борьба принимаетъ постоянный и ожесточенный характеръ, когда среди нея мирно водворяется нѣмецкое христіанство. Оно рѣшаетъ побѣду, нерѣшенную оружіемъ; за утвержденіемъ въ странѣ его духовныхъ полчищъ — слѣдуетъ вызовъ нѣмецкихъ колонистовъ и быстрое усвоеніе чужеземныхъ общественныхъ и государственныхъ порядковъ, а за этимъ вскорѣ и оканчивается независимая исторія истомленныхъ борьбою балтійскихъ славянъ. Безпечное племя поплатилось за свою оплошность потерею роднаго языка и прирожденной народности.

Остановимся и сдѣлаемъ общій выводъ о вліяніи исторической жизни на бытъ и характеръ балтійскихъ славянъ: онъ, кажется, ясенъ.

Какими бы добрыми и мягкими свойствами ни отличалась природа племени, но постановленное среди такихъ тревожныхъ, раздражающихъ историческихъ обстоятельствъ, среди такой непрестанной суровой воинской обстановки, въ какихъ проходила жизнь балтійскихъ славянъ, оно неминуемо должно загрубѣть и утратить мягкость нравовъ. Постоянныя опасности существованія и несчастія ожесточаютъ и дѣлаютъ равнодушнымъ къ страданіямъ другихъ. Въ тревогахъ воинскаго быта менѣе возможно развитіе частной семейной жизни, чѣмъ общественной, менѣе имѣютъ мѣсто мирныя занятія земледѣлія, чѣмъ случайной добычи, менѣе признается способность мирнаго труда, чѣмъ способность внѣшней силы, отвага и удача... Наконецъ, при общемъ воинскомъ направленіи жизни, религія должна необходимо получить соотвѣтствующій грозный характеръ и особое развитіе. Ничто такъ не укрѣпляетъ суевѣрія, какъ неизвѣстность будущаго, невѣрность успѣха и страхъ неудачи. Отданный на произволъ судьбы язычникъ-воинъ естественно стремится найти опору въ своихъ богахъ и дѣлаетъ ихъ непосредственными участниками своихъ предпріятій; въ его бытѣ они имѣютъ несравненно болѣе дѣйствительное значеніе, чѣмъ въ прочной, подверженной незначительнымъ и мелкимъ случайностямъ, жизни мирныхъ племенъ.

Переходимъ къ образу жизни народа.

Съ той поры, какъ славянское населеніе балтійскаго Поморья становится извѣстно исторіи, оно живетъ уже въ формахъ полнаго и прочнаго осѣдлаго быта. Осѣдлая жизнь, можно думать, установилась здѣсь съ весьма давняго времени; по крайней мѣрѣ въ нравахъ, привычкахъ и наклонностяхъ народа, насколько они видны изъ источниковъ — нельзя подмѣтить никакихъ опредѣленно-явныхъ слѣдовъ или живыхъ воспоминаній кочевой, бродническое жизни. Войны и шедшее за ними «бремя невыносимаго опустошенія» нерѣдко возмущали спокойствіе осѣдлаго быта, вынуждая жителей оставлять насиженныя гнѣзда и искать болѣе безопасныхъ убѣжищъ [1]); но это не было возвратомъ къ давно забытому, непосѣдному существованію номадовъ, а временнымъ волненіемъ массы или простою замѣною мѣста осѣдлости. Осѣдлыя привычки народа, его инстинктивная, безпечная привязанность къ старымъ мѣстамъ были столь сильны, что, по миновоніи грозы, онъ нерѣдко собирался снова къ роднымъ опаснымъ пепелищамъ и возстановлялъ задержанное врагомъ теченіе прежней жизни, мало заботясь о томъ, что будетъ впереди [2]).

Простѣйшимъ и, говоря исторически — первоначальнымъ видомъ осѣдлости была осѣдлость *сельская* [3]). Потому ли, что свидѣтели не имѣли случая близко ознакомиться и вникнуть въ устройство славянскихъ сельбищъ, или потому, что послѣднія не представляли на ихъ взглядъ ничего особеннаго, отличнаго отъ нѣмецкаго строя, только извѣстія ихъ о формахъ сельской осѣдлости на балтійскомъ Поморьѣ ограничиваются одними голыми упоминаніями о нихъ. Свидѣтельства исторіи, зорко устремленныя на *крѣпость* и *городъ*, какъ бы пренебрегаютъ *поселкомъ* и *деревней:* они обращаютъ на нихъ вниманіе только когда рѣчь

1) Ebonis Vita Ottonis, II, 16; III, 4; Herbordi Dialogus II, 18; Helmoldi Chronica I, 63, 68; II, 5; Saxo Gram. Historia l. XIV, p. 928.

2) Herbordi Dialogus II, 18, 36; Ebonis Vita Ottonis, II, 18.

3) Въ языкѣ сохранилось слово *сидлейште* (cideleist); хотя оно отмѣчено въ значеніи собственнаго мѣстнаго имени, но, нѣтъ сомнѣнія, употреблялось первоначально въ общемъ нарицательномъ смыслѣ мѣста осѣдлости.

зайдетъ о поземельной собственности, владѣніи и доходахъ съ нихъ, т. е. только въ общемъ юридически-экономическомъ отношеніи.

Соединивъ немногіе намеки и показанія источниковъ, касающіеся образованія, внѣшняго устройства и формы сельской осѣдлости у балтійскихъ славянъ, приходимъ къ слѣдующимъ, достовѣрнымъ или очень вѣроятнымъ, заключеніямъ.

По нѣкоторымъ мѣстамъ, а также среди лѣсовъ, пущей и топкихъ болотъ—населеніе жило разрозненно, отдѣльными поселками и хуторами, въ бѣдныхъ, непрочныхъ хижинахъ [1]). Такой образъ жизни прямо вытекалъ изъ тревожныхъ историческихъ обстоятельствъ времени: расточенные и запуганные вторженіями враговъ и войнами, обитатели шли и садились врозь, укрываясь по безопаснымъ, уединеннымъ и мало доступнымъ пристанищамъ и основывая тамъ свои одинокія обиталища. Чѣмъ болѣе извѣстный край подвергался тревогамъ войны, тѣмъ шире въ немъ должна была быть распространена подобная форма розничной осѣдлости. Но какъ бы ни было, однако, значительно ея распространеніе, во всякомъ случаѣ ее нельзя разсматривать, какъ господствующую норму осѣдлаго общежитія балтійскихъ славянъ, или какъ типическое выраженіе степени бытового развитія народа: она—явленіе случайное, вынужденное частными условіями исторической жизни, но не коренной необходимый фактъ народной культуры. Источники очень рѣдко говорятъ объ этой формѣ осѣдлости: по ихъ указаніямъ господствующими родами сельскаго общежитія были *села* или *деревни* [2]), т. е. болѣе или менѣе об-

---

1) «(cruce signati) inuenerunt (trans flumen Alba) terram inuiam et ualde aquosam paludibus plenam, habitatores non simul commorantes, sed dispersos, ut non facile inueniri possent». Chronic. Petershus. apud Raumer Regesta his. brand. a. an. 1147, nn. 1108, p. 189.

«nec in construendis edificiis operosi sunt (Slaui) quia potius casas de uirgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias», Helmoldi Chron. II, 13.

2) «uillae, uici, uiculi, rurae; въ языкѣ «ес» (wâs, wáas, wessi).

ширныя соединенія различныхъ семей или родовъ, сидящихъ на одной какой-нибудь мѣстности.

Большинство *селъ* и *деревень* на балтійскомъ Поморьѣ, какъ кажется, образовалось путемъ не *родоваго нарощенія*, а *дружиннаго завладѣнія*, т. е. изъ частныхъ владѣній отдѣльныхъ лицъ, дружинниковъ, которые заняли свободную землю или овладѣли ею оружіемъ, и постепенно привлекли сюда насельниковъ [1]). Были, впрочемъ, и сельбища *родовыя*, хотя съ достовѣрностью ихъ можно указать очень немного [2]). Образованіе новыхъ селъ и деревень происходило также подъ вліяніемъ промышленныхъ и торговыхъ стремленій и вслѣдствіе централизаціи святилищъ и мѣстъ защиты [3]). Въ XI—XII вв. села и деревни славянъ на балтійскомъ поморьѣ представляли уже довольно развитую и устроенную форму жизни. Изъ грамотъ видно, что кругъ деревенскаго хозяйства не былъ тѣсенъ, къ нему принадлежали пастбища, охоты и рыбныя ловли, мельницы, различныя зданія, рынки съ корчмами, гдѣ производились торги и взимались пошлины, и т. п. Поземельная собственность деревень является опредѣленною довольно точными границами, что указываетъ на раз-

---

1) Такую догадку мы позволяемъ себѣ сдѣлать на томъ основаніи, что въ грамотахъ и прочихъ источникахъ балтійской древности встрѣчается поразительно мало деревень и селъ съ *отечными*, патронимиальными окончаніями на *ицы*, ичь, ичи и очень много съ суффиксами притяжательными. Подобная формація сельбищъ нашла бы себѣ непремѣнно соотвѣтствующее выраженіе въ именословѣ, какъ это мы видимъ у всѣхъ другихъ славянъ, преимущественно же юго-западныхъ. *Явленіе* заслуживаетъ быть замѣченнымъ; оно, какъ увидимъ, находитъ подтвержденіе и въ фактахъ юридическаго быта.

2) Латинскія формы грамотъ очень рѣдко позволяютъ различать патронимиальные суффиксы: *ицы*, ичи отъ суффикса *ице*, *ич*; потому указать съ достовѣрностью родовыя селенія бываетъ очень затруднительно. Вотъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ грамотъ: Slauboris (Cod. Pomer. dipl. № 24, pas.), Sclatkonis, Spascenis, Mirinis (ib. № 37), Zelislauis (№ 55), Miroslauece (№ 29), Soraultzi, Charnetis (№ 60) etc....

3) Таковы по большей части селенія, находившіяся вблизи городовъ и крѣпостей. Каждая дарственная грамота называетъ ихъ въ большомъ количествѣ, см. напр. Codex Pomer. dipl. № 6, 7, 16, 24, 28, 37, 60, 69, 70, 73, 88 etc.; Saxo Gramm. Hist. p. 987; cf. Herbordi Dialogus II, 14, 26.

витыя аграрныя отношенія и условія[1]). Не всѣ села и деревни имѣли значительный объемъ: большинство, конечно, состояло изъ немногихъ дворовъ съ необходимыми службами; но существовали и сельбища обширныя, такъ можно заключать изъ показаній грамотъ, которыя довольно часто упоминаютъ объ отчужденіи въ пользу церквей и монастырей только *половины* или даже *третьей* части селъ и деревень[2]). Что развитіе сельской осѣдлости балтійскихъ славянъ не было низкимъ, это видно—наконецъ, и изъ нѣкоторыхъ глухихъ упоминаній Гельмольда и Саксона Грамматика[3]).

Если справедливо, что округлая, подковообразная форма деревень и селъ составляетъ прототипъ древне-славянской сѣверной осѣдлости, отличающій се отъ нѣмецкой, то можно думать, что она была распространена въ это время на всемъ балтійскомъ поморьѣ; по крайней мѣрѣ замѣтные остатки ея встрѣчаются не въ одномъ Люнебургѣ, но и въ Мекленбургѣ и въ Помераніи[4]).

---

1) «uillae cum appendiciis, utilitatibus, attinenciis, hoc est: areis, edificiis, mancipiis, terris cultis et incultis, pascuis, pratis, campis, exitibus et reditibus, siluis, uenationibus, aquis, aquarumque decursibus, molendinis, piscationibus, uiis et inuiis, cum foro, taberna et theloneo». Вотъ общія формулы, которыми грамоты очень часто обозначаютъ собственность и имущество деревень; см. напр. грам. 1182 г. у Козегартена, Codex. P. № 50, у Клемпина Urkundenbuch, № 90; cf. № 24, 26, 40, 43, 88, 36, 38, 58, 62, 77, 78, 105, 109 etc.; Meklenburgisches Urkundenbuch, I. № 22, 81—82, 95, 111, 113, 114.

2) Codex Pomeraniae diplom. I, № 24, 43, 56, 60, 78 etc. cf. Fabricius Urkunden, II, p. 85.

3) Helmoldi Chronica I, 14; Saxonis Gr. Historia l. XIV. p. 981, 983, 749, 763, 800, 892.

4) Jacobi: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856; Fabricius: Studien zur Geschichte der wendischen Ostseeländer. B. 1859, II, p. 72; Hammerstein-Loxten: der Bardengau, Han. 1869, p. 633 sq. Вопросъ объ округлой формѣ деревень еще далеко не рѣшенъ. Сочиненіе Якоби есть трудъ фантаста, чутьемъ, кажется, попавшаго на истину. Подковообразныя селенія находятся и въ Чехахъ, см. Wocel: Pravěk země české, P. 1868, p. 283. Находятся ли они гдѣ въ другихъ мѣстахъ, бывшихъ занятыми или занимаемыхъ славянами, и въ какой степени, — досель мало изслѣдовано. А при такомъ положеніи вопроса — преждевременно и выводить рѣшительное заключеніе объ исключительной принадлежности славянамъ этого рода сельскаго устройства.

Относительно назначенія подобнаго устройства — вѣроятнымъ представляется мнѣніе Якоби, что цѣлью его было доставить жителямъ безопасность въ случаѣ нападенія враговъ и дикихъ звѣрей[1]).

Внутреннія усобицы и вторженія внѣшнихъ враговъ рано должны были вызвать въ населеніи страны заботу объ упроченіи своего существованія, о постоянной защитѣ. Слѣдствіемъ этого было возникновеніе укрѣпленныхъ мѣстъ, *крѣпостей* или *городковъ* (castra, urbes, ciuitates), за стѣнами которыхъ, въ случаѣ вражьяго нападенія, жители могли найти безопасное убѣжище. Городки возводились въ защищенныхъ самою природою мѣстностяхъ, большею частью — на возвышенностяхъ, среди болотъ: болѣе или менѣе пространная площадь, пустая, или застроенная зданіями, обносилась округлымъ земляннымъ валомъ, который иногда укрѣплялся еще частоколомъ и бревнами. Здѣсь обыкновенно помѣщались и святилища. Въ мирное время городки оставались пусты, но во время войны или нападенія враговъ, сюда собирались и сносили свое имущество жители и, подъ покровомъ боговъ, отстаивали свое существованіе и независимость[2]). Чѣмъ болѣе страна подвергалась нападеніямъ, тѣмъ болѣе бывало въ ней городковъ: уже въ X столѣтіи у Оботритовъ ихъ было 53, у Вильцовъ — 95 и т. д.[3]). Образецъ такихъ укрѣпленій пред-

1) Jacobi: Slaven-und Teutschthum, p. 60 sq.

2) Въ языкѣ удержалось наименованіе подобныхъ городковъ и мѣста ихъ: *гордъ* (ghörd, bgörd, ggord, chörd) = замокъ, укрѣпленіе и *гордище* (chorteisde). Ссылки на письменныя и археологическія извѣстія о городкахъ см. ниже, стр. 42—3, пр. 2—8.

3) Въ извѣстномъ географическомъ баварскомъ отрывкѣ 9—10 ст., «Descriptio ciuitatum et regionum» находимъ слѣдующія извѣстія о городкахъ балтійскаго поморья: «Isti sunt qui propinquiores resident finibus Danaorum, quos uocant *Nortabtresi*, ubi regio, in qua sunt ciuitates LIII. per duces suos partite. *Vuilci* in qua ciuitates XCV. et regiones IIII. *Linaa* est populus, qui habet ciuitates VII. Prope illis resident, quos uocant *Bethenici* et *Smeldingon* et *Morizani*, qui habent ciuitates XI. Iuxta illos sunt qui uocantur *Hehfeldi* qui habent ciuitates VIII. Juxta illos est regio quae uocatur *Surbi*, in qua regione plures sunt, quae habent ciuitates L. ...» и далѣе: «Isti sunt qui iuxta istorum (scil. Merehanorum) fines resident. *Osterabtrezi* in qua ciuitates plus quam C sunt....

ставляютъ Аркона и Кореница на островѣ Руянѣ, обстоятельно описанныя Саксономъ Грамматикомъ [1]). Можно полагать, что и тк. изв. *городища*, разсѣянныя во множествѣ по землямъ, занятымъ славянами — суть остатки подобныхъ религіозно-оборонительныхъ укрѣпленій [2]).

Иной родъ укрѣпленій возникъ вслѣдствіе потребности обезопасить внѣшніе предѣлы страны: по границамъ земли и не вдалекѣ отъ нихъ возводились *особыя крѣпости* (municipia, castra, urbes, castella), снабженныя уже постоянною стражею. Сюда также, по старому обычаю, при вѣсти объ опасности — стекались съ своимъ имуществомъ окрестные жители. Кромѣ того подобныя же укрѣпленія, въ виду потребности болѣе прочной защиты—строились и внутри страны—или цѣлымъ округомъ, или князьями и другими владѣтельными лицами [3]). Въ исторически из-

Lunsizi, ciuitates XXX, *Dadosesani*, ciuitates XX. *Milzane*, ciuitates XXX. *Besunzane*, ciuitates II. *Verizane*, ciuitates X. *Fraganeo*, ciuitates XL». Слово *ciuitas*—едва ли здѣсь можетъ быть толковано въ другомъ смыслѣ, чѣмъ *крѣпостной городокъ*, *burg*. см. Виггеръ, loco citato p. 123. Географическія объясненія къ именамъ племенъ—см. у Ледебура: «Die slavische Völkertafel d. St. Emmeramer Handschrift», въ Märkische Forschungen, II, B. 1844, p. 72—82.

1) «Munimentum (sc. Arkon) habitatore uacuum serarumque duntaxat claustris firmatum, existimantibus indigenis, parum humanae tutelae egenum, quod praesentis numinis excubiis esset uallatum»... Saxonis Gramm. Historia danica, lib. XIV, p. 742; устройство Арконы ib. p. 822; о Кореницѣ ibid. p. 841 sq...«locus pacis tempore desertus».

2) Полезный сводъ извѣстій о славянскихъ городищахъ читатель найдетъ въ книгѣ Wocel'я Pravěk země české, P. 1868, p. 888 sq.. О лужицкихъ городищахъ отмѣтимъ любопытныя свѣдѣнія въ новомъ трудѣ Андре: Wendische Wanderstudien. St. 1874, p. 98—132, ст. «Heidenschanzen und Steinwälle der Lausitz».

3) Einhardi Ann. a. an. 808; Thietmari Chronicon, I, 9; VIII, 4; Widukindi Res gestae III, 45; Annales Hildesheim. a. an. 995, 1093; Martini Galli Chronicon II, 3, 31, 44, 48; III, 1, 4, 18, 26; Herbordi Dialogus II, 5, 14, 19; III, 10; Ebonis Vita Ottonis II, 5, 6; III, 23; Helmoldi Chronica I, 18, 34, 48, 56, 62, 87, 88, 92; II, 2; Kadlubkonis Chronica II, 22, 24; III, 2, 6, 14; Arnoldi Lub. III, 4; VI, 13; Saxonis Gramm. Historia, p. 766, 830, 873, 879, 884, 891, 953, 981, 981; Knytlinga Saga c. 125, 127, 129. Рисунки старыхъ укрѣпленій см. Cosegarteni Codex. Pomer. diplom. I, p. 33—4 (Tab. I), 211; по литературѣ предмета должно указать слѣдующее: превосходный экскурсъ Виггера: «Wendische Burgwälle in Mecklenburg», въ его Mecklenburgische Annalen, p. 122—127 и статьи Гизебрехта старшаго: «Die Landwehre der Pommern und

вѣстное время на балтійскомъ Поморьѣ преобладаютъ послѣдніе два рода укрѣпленій; защита посредствомъ небольшихъ земляныхъ *городковъ* относится болѣе ко времени предшествовавшему.

Съ теченіемъ времени, интересы развивавшагося общежитія, промышленности и торговли произвели существенныя измѣненія въ бытовомъ устройствѣ. Городки и крѣпости, отличенные удобствами природнаго положенія, привлекли къ себѣ постоянное населеніе, которое постепенно усаживалось вокругъ *тверди* или стѣнъ *стараго города* (castellum, arx, munitio) и, разросшись до значительнаго количества, обводило свои жилища вторичнымъ укрѣпленіемъ, валомъ, палисадомъ, рвомъ, наполненнымъ водою. Такъ образовался *новый городъ* или *мѣсто*—въ древнемъ значеніи этого слова. Слѣдующіе притоки населенія селились уже за этими стѣнами и образовывали *подгородъ* (suburbium, uicus), которая, смотря по торговымъ и промышленнымъ отношеніямъ, получала большій или меньшій объемъ и нерѣдко также бывала обводима укрѣпленіемъ[1]). Все вмѣстѣ составляло *городъ*—въ обширномъ значеніи этого термина (ciuitas, oppidum, urbs).

---

der Polen zu Anfang des zwölft. Jhrhund». . . — въ Baltische Studien XI, H. 1, p. 147—190; «Das Pommersche Landwehr an der Ostsee», ibid. XII, II, 1—29; «Die Landwehre der Luitizer und der Pommern auf beiden Seiten der Oder», ibid. p. 105—117; «Luitizische Landwehre», ibid. p. 148—188; «Die Landwehre in Pommern», ibid. XII; I, p. 60—66; «Pommersche Landwehre östlich der Persante», ibid. p. 67—103; «Die Burgwälle der Insel Rügen», ibid. XII, II, 156—177; «Die Landwehre in Pommern», ibid p. 178—184; «Burgwälle», ibid. XIII, II, 159—162; о городищахъ въ Мекленбургѣ можно найти много свѣдѣній въ повременникѣ: Jahrbücher des Vereins für Meklenburgische Geschichte und Alterthumskunde, издающемся вмѣстѣ съ годовыми отчетами (Jahresberichte) съ 1836. См. также ст. Даниловича: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ» въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, т. IV, М. 1841, стр. 173 sq., 183 sq. и предисловіе Клемпина въ книгѣ Краца: Die Städte d. Prov. Pommern, p. IX sq.

1) Исторія образованія городовъ у сѣверо-западныхъ славянъ еще очень темна. Правильное изслѣдованіе предмета очень затруднено крайнею подвижностью и непостоянствомъ латинской терминологіи источниковъ, которые безъ различія обозначаютъ одними и тѣми словами и развитые *города*, и *крѣпости*, и *городки*, и *укрѣпленія*. Можно, конечно, ожидать многаго отъ чисто археологическихъ разысканій, но до сихъ поръ—успѣхи ихъ незначительны. Лучшее, и доселѣ единственное, общее сочиненіе по внутренней исторіи славянскихъ

Таковъ, говоря вообще, былъ естественный ходъ образованія города у сѣверо-западныхъ славянъ. Первоначальнымъ зародышемъ его послужилъ *военный городокъ*, крѣпость, и, несмотря на всѣ дальнѣйшія видоизмѣненія своего устройства, несмотря на то, что городъ становится мѣстомъ обширнаго общежитія, промышленной и торговой дѣятельности, онъ долго удерживаетъ и значеніе оборонительной крѣпости—и еще долѣе, иногда даже до нашихъ дней, сохраняетъ въ своемъ строѣ ясные слѣды такого происхожденія и былого военнаго значенія.

Такъ какъ для образованія и развитія города недостаточно однихъ твердынь, а необходимы и выгодныя природныя условія, способныя соединить населеніе, возбудить и поощрить интересъ его промышленной и торговой предпріимчивости, то понятно, почему всѣ важнѣйшіе города балтійскаго Поморья сосредоточивались на сѣверѣ страны, у моря, при большихъ заливахъ, на островахъ, по теченію большихъ рѣкъ, впадающихъ въ море. Здѣсь открывался свободный путь къ иноземнымъ рынкамъ и вообще— просторъ для всякаго рода дѣятельности. Таковы были: Старьградъ—у Вагровъ; Микилинъ—у Оботритовъ; Дыминъ, Волегощь, Узноимъ и Волынъ (славная Юмна, Винета) — у Вильцовъ; Штетина, Камина, Колобрега и Бѣлградъ — у Поморянъ. Хотя города балтійскихъ славянъ и не были собственно городами въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы привыкли теперь понимать значеніе этого слова, а скорѣе представляли распространенную форму поселеній религіознаго, военно-торговаго и промышленнаго харак-

---

городовъ принадлежитъ пок. проф. Даниловичу, это: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ и преимущественно польскихъ городовъ до XIII столѣтія», помѣщ. въ Русскомъ историческомъ Сборникѣ, изд. г. Погодинымъ, т. IV, кн. 2—3, М. 1841, стр. 165—209. По исторіи поморскихъ городовъ можно указать на превосходный трудъ Kratz'a: Die Städte der Provinz Pommern, Ber. 1865, съ пред Клемпина. Въ археологическомъ отношеніи полнаго вниманія заслуживаетъ монографія Геринга: «Beiträge zur Topographie Stettins in älterer Zeit» въ Baltische Studien, t. X, 1 Heft, St. 1844, p. 1—86. Мѣста изъ источниковъ о городахъ балтійскихъ славянъ указаны въ слѣдующемъ примѣчаніи.

тера, хотя сравнительно съ огромностью территоріи число ихъ можетъ показаться незначительнымъ, тѣмъ не менѣе они довольно близко удовлетворяли интересамъ общежитія той эпохи. Нѣкоторые изъ городовъ были очень обширны, многолюдны и хорошо устроены, какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ военномъ отношеніяхъ: они имѣли улицы, помосты, площади, большіе дома и всякія строенія, бывали обведены высокими земляными валами, которые укрѣплялись частоколомъ и другими деревянными сооруженіями. О крѣпости славянскихъ городовъ неоднократно свидѣтельствуютъ многіе писатели. Непобѣдимость твердынь Штетины вошла даже въ пословицу у сосѣднихъ народовъ [1]).

При обиліи въ странѣ — рѣкъ и озеръ сношенія между мѣстами осѣдлостей происходили главнымъ образомъ — путями водными; впрочемъ, не было недостатка и въ устроенныхъ твердыхъ дорогахъ: грамоты и другіе источники нерѣдко указываютъ такіе пути сообщенія, которые облегчались сверхъ того многими мостами. Забота о поддержкѣ послѣднихъ, какъ увидимъ далѣе, составляла важную статью общественной администраціи [2]).

---

1) Einhardi Ann. a. 789, 809; Widukindi Res gestae, I, 35, 36; II, 21; III, 45; Thietmari Chronicon I, 6; III, 9; VI, 17; VII, 15; Adami bremensis Gesta II, 12, 18, 57; III, 19, 50; Herbordi Dialogus II, 5, 24—6, 32, 34, 33; III, 1, 2, 4, 6—10, 14, 22, 24; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7—9, 12, 15, 16; III, 1—3, 5, 7, 8, 15—17, 18, 20; Martini Galli Chronicon II, 2, 22, 28, 39; Kadlubkonis Chron. II, 22; III, 2, 6; Helmoldi Chronica I, 4, 9, 14, 16, 18, 48, 65; Arnoldi Lubic. Chronica II, 4; III, 7; Saxonis Gramm. Historia pp. 480, 763, 797—8, 817, 822, 831, 835, 857—8, 864; 866—7, 879, 890—2, 921—3, 985, 995; Annales Palid. a. an. 1164, 1177; Annales Hildesheim. a. an. 1110; Miracula beati Egidii apud Pertzium Monum. G. h. XII, p. 320. Объ устройствѣ городовъ см. приведенныя выше сочин. Даниловича стр. 189 sq. и Геринга p. 9—20.

Въ языкѣ, кромѣ вышеуказаннаго, *городъ* — собственно замокъ, burg — употреблялось для наименованія города слово *вѣка* (weika, weicka).

2) Adami brem. Gesta II, 18, 19; Thietmari Chronicon IV, 9; Herbordi Dialogus II, 21, 25; III, 2; Ebonis Vita Ottonis: II, 9; III, 20; Codex Pomeraniae diplomaticus № 24 (Klempin's P. Urk. B., N., 48), 34 (61), 36 (62), 38 (68), 62 (110), 73 (127), 77 (103); Mecklenburgisches Urkundenbuch I, № 111, 223, 225 et cet. О мостахъ говорятъ очень многія грамоты, cf. Saxonis Gram. Historia. p. 793, 857—8, 864, 884, 924, 927. Въ языкѣ: *моустъ* (möst)=Dammstrasse; *стедзя* (stâcia, stazia)- стезя, дорога; *понтъ* (pûnt, pungt, punct)- путь, дорога.

Какъ племя осѣдлое на плодородной, богатой почвѣ, балтійскіе славяне не могли остаться чуждыми *земледѣльческимъ занятіямъ*. Правда, по мѣрѣ приближенія къ положительной исторической эпохѣ, подъ вліяніемъ тревожныхъ обстоятельствъ жизни, при частыхъ опустошительныхъ вторженіяхъ враговъ внутрь страны, успѣхи земледѣлія затруднялись и слабѣли, и пахарь нерѣдко навсегда оставлялъ свои поля и становился промышленникомъ или пиратомъ[1]); правда, въ странѣ находилось еще много пустошей, лѣсовъ и болотъ, къ которымъ не касалась рука земледѣльца и которые впервые были воздѣланы уже нѣмецкими колонистами[2]); но тѣмъ не менѣе основное славянское населеніе было и удержалось земледѣльческимъ[3]). Страсть къ легкому пріобрѣтенію добычи и промысловая дѣятельность увлекали много силъ, но еще болѣе ихъ оставалось при исконныхъ занятіяхъ земледѣліемъ. Выше (стр. 19—20) мы имѣли случай привести свидѣтельства Сефрида о томъ, что Поморяне воздѣлывали пшеницу, коноплю, макъ, всякія сѣмена, овощи и плодовыя деревья. Въ другихъ мѣстахъ своего итинерарія тотъ же свидѣтель-очевидецъ разсказываетъ о жатвахъ (серпами), какъ объ обыкновенномъ занятіи народа, о превосходномъ пивѣ, которое, конечно, выдѣлывалось изъ ржи или ячменя[4]). Изъ хроники Гельмольда видно, что балтійскіе славяне не только имѣли обработанныя поля и запасы хлѣба, но и считались народомъ преимущественно *земледѣльческимъ*: подать, взимаемая съ нихъ въ пользу правительства, состояла главнымъ образомъ въ зерновомъ хлѣбѣ и льнѣ. То же

---

1) ... crescenti adhuc etate latrocinalis consuetudo adeo apud eos (Slavos) invaluit, ut omissis penitus agriculture commodis ad navales excursus expeditas semper intenderint manus... Helmoldi Chronica, II, 13. cf. ibidem, I, 56, 88; II, 5.

2) Это ясно изъ нѣмецкихъ наименованій мѣстностей, гдѣ вторая часть термина состоитъ изъ слова — *hagen*. См. Wigger, въ Jahrbücher d. Vereins für mekl. Geschichte. Bd. XXVIII, 1863, Schw. p. 27.

3) Einhardi Ann. a. an. 808, 809.

4) Herbordi Dialogus II, 1, 23, 41; III, 4, 20; cf. Ebonis Vita Ottonis II, 6; III, 22.

подтверждаютъ и грамоты [1]). Наконецъ, Саксонъ Грамматикъ много разъ упоминаетъ о жатвахъ, полевыхъ работахъ и хлѣбахъ Руянъ, Лютичей и Поморянъ [2]). Впрочемъ, если бы у насъ вовсе не было такихъ ясныхъ свидѣтельствъ, то достаточно и однихъ фактовъ религiозной древности балтiйскихъ славянъ, чтобы утвердить за ними значенiе коренного земледѣльческаго народа. Религiя и въ этомъ отношенiи служитъ вѣрнымъ показателемъ быта и культуры. Празднества балтiйскихъ славянъ совершались въ *земледѣльческiя годовщины*, весною — при посѣвѣ, и осенью — по сборѣ хлѣба; а существенная часть богослужебнаго обряда *состояла* въ гаданiи, предвѣщанiи и мольбѣ объ успѣхѣ будущей жатвы [3]).

---

1) (Heinricus) «precepit Sclauorum populo, ut coleret uir agrum suum et exerceret laborem utilem»... Helmoldi Chronica I, 84; «Quotiens bellicus tumultus insonuerit, omnem annonam palleis excussam, aurum...fossis abdunt», ibid. II, 13; «Quicquid in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt», ibid. I, 82; «Dabatur pontifici annuum de omni Wagirorum siue Obotritorum terra tributum, quod scilicet pro decima imputabatur, de quolibet aratro mensura grani et quadraginta resticuli lini»...Ibidem, I, 12; cf. c. 14; «Et precepit dux Sclauis. qui remanserant in terra Wagirorum, Polaborum, Obotritorum, Kicinorum, ut soluerent reditus episcopales, qui soluuntur apud Polanos atque Pomeranos, hoc est de aratro tres modios siliginis et duodecim nummos monete publice. Modius autem Sclauorum uocatur lingua eorum curitce. Porro Sclauicam aratrum perficitur duobus bubus et totidem equis».. ibid. I, 12, 83, 86, 87. Cf. Saxonis Historia, lib. XIV, p. 834. Въ грамотѣ Оттона 949 г. (Cod. P. № 7. Mek. Urk. B. № 15) епископству бранденбургскому опредѣляется: «tres modios tritici»; въ грамотѣ папы Иннокентiя II, 1140 (Codex № 16, Klempin № 30) устанавляется: «de tota Pomerania usque ad Lebam fluuium de unoquoque arante duas mensuras annone»; грам. 1158 и 1174 (Meklenb. Urk. Buch., № 65, 113): «census Slauorum de unco tres mensuras siliginis qui dicitur Kuriz, solidus unus, toppus lini»; грам. 1191 (ibid. № 151).. «II magnas mensuras annone... I tritici bracii, alteram siliginis»,.. въ грамотѣ Яромара I (Cod. № 71, Fabricius II, № 8) 1198: modium frumenti de quolibet aratro.... unum eciam denarium cum quolibet modio et duos cum duobus».. О земледѣльческихъ налогахъ въ Поморьѣ см. Bilow'a: Geschichtliche Entwicklung der Abgabenverhältnisse in Pommern und Rügen. Gr. 1843. p. 6 sq. 10, 18—20.

2) Saxonis Gram. Historia, p. 748, 766, 802—3, 892, 977—8, 981—3; Kaydlinga Saga c. 120. Incerti auctoris Chronica slauica c. I, apud Lindebrog. Script. Fr. 1609, p. 208.

3) Herbordi Dialogus II, 14; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 3, Saxonis Gram. Hist. p. 824—5; Guillelmi Malbesbur. Gesta regum Anglorum II, 189, apud Wigger Meklenb. Annalen, p. 70.

Зерно превращалось въ муку на водныхъ или ручныхъ мельницахъ, мѣсилось и пеклось въ хлѣбы, которые нерѣдко шли за мытовую единицу [1]).

Важную часть земледѣлія составляло *огородничество* и *садоводство* [2]).

Вообще, устранивъ частныя уклоненія и случайности, объясняемыя обстоятельствами исторіи, должно признать, что земледѣльческія занятія у балтійскихъ славянъ имѣли не только широкое распространеніе, но и были главными, господствующими занятіями. Въ остаткахъ языка уцѣлѣло много старыхъ славянскихъ земледѣльческихъ терминовъ; они показываютъ, что народъ стоялъ въ этомъ отношеніи нисколько не ниже прочей европейской культуры того времени, что вопросъ о вліяніи славянскаго земледѣлія на нѣмецкій экономическій бытъ вовсе не такъ страненъ, какъ онъ кажется нѣкоторымъ ученымъ германофиламъ [3]). Балтійскимъ славянамъ извѣстно было воздѣлываніе всѣхъ важнѣйшихъ родовъ хлѣба, огородныхъ и садовыхъ растеній и всѣ способы употребленія ихъ на пользу человѣка, какіе вообще были извѣстны въ то время [4]).

---

1) «Molendina, loci molendinorum super rivos» — очень часто упоминаются въ грамотахъ, см. Codex Pomer. diplom. № 26, 43, 45, 52, 56, 73, 77, 107 etc.; Meklenb. Urk. Buch № 93, 111, 151...Страннымъ поэтому представляется мнѣніе Гизебрехта, Wendische Geschichten I, pag. 18, повторяемое и многими другими, что балтійскіе славяне знали только родъ *ручныхъ* мельницъ.

Печеные хлѣбы упоминаются въ грамотахъ Codex Pomer. dipl. № 26, 43, 56, 72, 74, 96 etc.

2) Adami brem. Gesta II, 18; Herbordi Dialogus II, 1, 41, см. выше стран. 20—21, пр. 2.

3) Sprengel: «Ueber d. Einfluss der wendisch. Nation auf den Anbau des östlich. Deutschlands» въ журн. Крузе: Deutsche Alterth. I, Heft. VI, pag. 2 sq. Основательно о состояніи земледѣлія у балтійскихъ славянъ разсуждаетъ Якоби: Slaven- und Teutschthum, Han. 1856, p. 119—141.

4) *Ворать*, *ворена люнда*, *воре* (woarat, woarad, woaróna ljuntj, wirre); (при этомъ словѣ одинъ изъ собирателей замѣчаетъ: «ist dieses Orts eine Art das Land umzuackern *mit 2 Ochsen*»); *рилья*, (rûhljaa), *ратой* (ratoj, rottû, rato), *радьло*, *радьлица* (radelj, radly, rotlû, radeleicia, radlaicaist, radleitzjaa), *плоуга*, *плоужи* (plauk, plausc), *сіять*, *сіie* (ssye, ssûe, syôt), *бгрна* (pôrna)=борона; *гробля* (grubléi, grublof); роды хлѣба: *ячмень* (gansnum, jazmin, jausmin), *жито* (seiti, seito), *овесъ* (wias, wubbyes, wûas, wiwâs), *просо* (preasi, prusu), *рожь* (rase, rasai, raâsch,

Кромѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ занятіемъ народа было *рыболовство*. Грамоты и другіе источники много разъ упоминаютъ о значительныхъ рыболовляхъ, находившихся по морскимъ заливамъ, озерамъ и рѣкамъ. Существованіе особыхъ поселеній рыбаковъ также указываетъ на значительность промысла. Главный родъ рыбы былъ *сельдь*, ловившійся преимущественно въ ноябрѣ у Руяны и по заливамъ въ огромномъ количествѣ. Кромѣ него упоминаются и многіе другіе роды рыбы. Рыба приготовлялась впрокъ: солилась, вялилась и сушилась [1]).

Занятіе *скотоводствомъ* условливалось плодородіемъ страны,

газ); *пшеница* (pissineiza, pesineicia, pasinaitaia, pasinaicia); вообще — *зерно* (zioraj); *лёнъ* (laang, lgân, lion); *гумно* (tjelmene, geim); *жито* (setzt); *серпъ* (sarpe); *коса* (koossa, dachûsa, tscûssa, tjessa), *снопъ* (snip, snup); *цѣпъ* (zépoy, tzepoy, sepoi), *слама* (schlamma, slana, slamai, slamû); *млатъ*, *мальница*, *мальникъ* (mlaht, mahlneicia, malnéicia, mahlneitz, mahlnik, malnic), *мельница водена*, *вѣтарница* (mahlneicia woâdena, wetarneicia); *мука* (munka, mooke), *сладъ* (slade) = malz; *печь хлѣбъ* (pütz kiaybe), *тѣсто* (dgôsti), *пекарь*, *пекарница* (peckar, peikarneicia); *хлѣбъ* (theibe), *скиба*=хлѣбъ (skaiayba, stjeiba, skiaybe).

Относительно садоводства и огородничества: *думбица* (dumbeiza), *вогардъ* (woagard, wogaart, waggôrt, waygôrd, wakoort)=садъ; *яблунь*, *яблоко* (jüblûn, jübka, jaâpke), *грушь*, —*къ*, —*шьва* (graussey, greiswôy, grauk, grauck, chrûc, gräuck), *вишьня* (weysnói, weisnoi, woissoigna); *сливена* (schleiwenói, scheiwenoi, steiwènja); *садовина* (sadoweina)—вообще зелень, плоды; *бобъ* (pûb, pubay, bûpoy, boipey), *горхъ* (gorchey, ggorcb, gorgoi, karg), (о податѣ горохомъ см. грамоту 1218 г. Mekl. Urk. Buch. № 242: «nouem modios pisorum»); *рѣпа* (repo, repa), *лукъ* (lauk); наконецъ замѣтимъ воздѣлываніе *хмеля* (schemigl, chimil).

1) «Piscaturae, piscationes, clausurae piscium, piscaria, capture piscium» — упоминаются въ грамотахъ безчисленно, см. Codex. Pom. № 24, 26, 29, (uilla piscatorum) 34, 36, 43, 45, 50, 56, 60, 61, 71, 73, 88, 99, 107 et caeter. Mekl. Urk. B. № 22, 95, 111, 135, 143, 148, 152 etc. cf. supra, pag. 19—20, свидѣтельство Сефрида; Ebonis Vita Ottonis III, 4, 17; Helmoldi Chronica II, 82 (выше стр. 47, пр. 1.) и II, 12: «Accidit... maximam institorum multitudinem eo (въ Руяну) conuenisse piscationis gratia. In Nouembri enim flante uehementis uento multum illic halec capitur» ... Saxonis Gram. Historia p. 824, 857, 869—70 (halec e captura). О соленыхъ рыбахъ см. Martini Galli Chronicon II, 28 in Monum. Polon. his. ed. Bielowski I, pag. 447. См. также о рыбномъ промыслѣ замѣчанія Fabricius'a Studien zur Gesch. d. wendisch. Ostseeländer, II, p. 61 sq. 73; «pisces cuiuscunque generis». Alec, Rumbos uel Esoces» грам. 1178 Codex Pom. № 46; «salmo et sturio» въ грам. 1198, № 75. Ibid. Въ языкѣ находимъ слѣдующія названія рыбъ: *следь* (slid, slide), *щука* (stjaucka), *вугоръ* (wundjirr, wundjor).

весь сѣверъ, но и Польшу и Русь [1]). Изъ родовъ ремесленной дѣятельности у балтійскихъ славянъ извѣстны: *тканье полотна*, служившаго часто и вмѣсто денежной единицы, *выдѣлка кожъ*, *тканье сукна*, впрочемъ — довольно грубаго, ибо тонкія ткани были завозныя и цѣнились въ странѣ очень высоко; *шитье* всякаго рода платья и одеждъ [2]). Плотничье ремесло было довольно развито: зданія и дома — при рѣдкости дикаго камня и незнакомствѣ съ искусствомъ выжигать кирпичъ—строились преимущественно изъ дерева, они иногда выводились въ два и м. б. нѣсколько этажей и бывали очень обширны; дома менѣе зажиточныхъ людей были, конечно, *мазаныя*: основу для стѣнъ составляли наклонно вбитые колья, промежутки которыхъ забивались соломой или паклей и замазывались глиною; кровли дѣлались изъ тростника. Гельмольдъ, правда, говоритъ, что славяне (въ Вагріи) не заботятся о постройкѣ жилищъ своихъ и, только повинуясь необходимости имѣть защиту отъ дождя и непогоды, сплетаютъ свои хижины изъ вѣтвей и хвороста, и потому очень мало дорожатъ ими [3]); но такое извѣстіе, какъ мы уже замѣчали

---

1) «sartagines, census salis de sartaginibus, salina, tugurium salis, puteus salis» etc.: Codex Pom. dipl. № 16, 24, 26, 29, 34, 36, 43, 50, 52, 56, 63, 78, 86, 88, 99, 107 et sq.; Meklenb. Urk. B. № 93, 111, 114, 135, 168, 247, 550, 563; Helmoldi Chronicon I, 77. См. также соч. Hehn'a: Das Salz, B. 1873, p. 20 sq.

2) Apud Ranos... quicquid in foro mercari uolueris, panno lineo comparabis».. *Helmoldi* Chronica I, 38; *Ebonis* Vita Ottonis III, 1, кожи употреблялись между прочимъ для щитовъ: *Saxonis Gram*. Hist. p. 751; *Herbordi* Dialogus I, 36, II, 28. Грамота 1189 г. Meklenb. Urk. B. № 148. Въ отношеніи ремесленной дѣятельности языкъ предлагаетъ слѣдующіе термины: *прясть*, *прядка* (prangst, eyprangst, brangde, brangdja, prodka), *врътено* (writene), *кудѣль* (kundiglia, kundeglia); *ткать*, *ткачь* (tackat, tocatsch, takats, tacaika, tatzecka), *кросна* (krčsna), *човникъ*, челнокъ (tzaunack), *глава*, *главка* (klawa, glawka), *вунтокъ* (wuntok), *вортидло* (worteidle); *сукно* (zeickna, saukna, saucnia, ssaukene, sänckneh); *платно* (platnâ, plaatna, platne); *вальня* (wolnè), *клобучникъ*, *клобучня* (klibauzeick, klibauznik, hlipoitznia); *усна* (wâusne, wausna), *чрѣвникъ* (sriwenik, zriwenik) — сапожникъ; *игла* (gagla), *шидло* (saidlu).

3) *Herbordi* Dialogus: II, 24, 31; III, 5; *Ebonis* Vita Ottonis III, 1, 7; *Saxonis Gram*. Historia p. 867, 841. Мазанки до сей поры удержались у простого народа балтійскаго Поморья. Извѣстіе Гельмольда приводимъ здѣсь вполнѣ: «recenti adhuc etate latrocinalis consuetudo adeo apud eos inualuit, ut omissis penitus

(выше стр. 37—8), должно быть понимаемо не въ общемъ значеніи, а какъ историческая случайность, какъ слѣдствіе временной непрочности самой жизни. *Гончарное производство* не шло далѣе выдѣлки отъ руки на свободномъ огнѣ необходимыхъ сосудовъ: гончарный кругъ и печь были неизвѣстны. Объ *обработкѣ металловъ*, золота, мѣди, желѣза — можно до нѣкоторой степени заключать какъ изъ существованія оружія и многихъ металлическихъ вещей домашняго обихода, такъ и изъ того, что нѣкоторыя изображенія боговъ (идолы) были изъ золота и мѣди [1]). Конечно, многія вещи были не туземнаго происхожденія: художественная бронза, серебро и золото могли одинаково заходить изъ Даніи и Швеціи и съ Юга — путемъ ли торговли, или какъ добыча при войнахъ и грабежахъ; но предметы житейской необходимости, вѣроятно, производились въ самой странѣ [2]).

Подобное развитіе промышленной дѣятельности едва ли было

---

agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus, unicam spem et diuitiarum summam in nauibus habentes sitam. Sed nec in construendis edificiis operosi sunt, quin potius casas de uirgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias.... Nec quicquam hostili patet direptioni nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam indicant», II, 18. Въ языкѣ: *изба* (gasaba, jazaba), *вѣжа* (wisé, wisa), *горница* (twarneicia, dwarneiç'), *двѣрь* (divar), *вокно* (wakenow), *ворта* (vórda).

1) О состояніи гончарнаго искусства славянъ можно заключать изъ археологическихъ раскопокъ, см. ст. Лиша: «Über die Graburnen der Kegelgräber» въ Jhrbüch. f. meklenb. Gesch. t. XI, 1846, p. 353 sq. «Die Graburnen der Wendenkirchhöfe», Ibid. t. XII, 1847, p. 421 sq., *Adami brem.* Gesta II, 18; *Widukindi* Res Gestae III, 68; *Ebonis* Vita Ottonis II, 13; III, 1, 10; *Saxonis Gram.* Hist. p. 823—4.

2) Археологическія отношенія Даніи и Швеціи къ балтійскимъ славянамъ—вопросъ еще нетронутый въ наукѣ, по крайней мѣрѣ—намъ неизвѣстно никакого особаго труда по этому предмету. А между тѣмъ — вопросъ очень важенъ для опредѣленія степени самостоятельности славянской культуры. Что обработка желѣза существовала у балтійскихъ славянъ, это можно было бы заключать, между прочимъ, изъ грамоты 1186, Codex Pom. № 13, въ которой упоминается «decimatio ferri», если бы существовало ручательство, что грамота составлена по дѣйствительности, а не по готовому папскому формуляру.

Въ языкѣ уцѣлѣли слѣдующія старыя наименованія металловъ: *злато* (slata), *сребро* (srebri, srebrj', zrebri), *желѣзо* (siljosi, zilgosi, silosüh, silgosi), *олово* (algôf).

ея богатыми, тучными пастбищами. Сефридъ говоритъ, что въ Поморьѣ разводились овцы, бараны, козы, свиньи и коровы [1]). Особенно же славились кони и быки. Кони составляли даже предметъ религіознаго вниманія и культа; количествомъ ихъ измѣрялась сила, богатство и могущество знатныхъ людей въ Поморьѣ [2]). Быки служили главнымъ рабочимъ скотомъ и были столь замѣчательны, что уже съ довольно ранней поры *бычья голова* заняла почетное мѣсто на гербѣ оботритскихъ князей, а потомъ—и самаго города и области Мекленбурга [3]).

О разведеніи всякаго рода домашней птицы упоминаютъ многіе источники: грамоты, еписк. Адельготъ, Гельмольдъ и термины языка [4]).

---

1) Herbordi Dialogus II, 41, v. supra, стр. 19 и 20, прим. 2. Meklenburgisches Urkundenbuch гр. 1188, № 143; 1202, № 178; 1200, № 190; Saxonis Grammatici Historia, p. 800, 834, 922—3. Въ языкѣ: *корва* (korvo, korvu), *яловиця* (juliweicia, goliweicia), *волъ* (woal, bola, boala, vallo), *телян* (tilang, tila), *овьця* (woitza, wûcia, wuzia, witzia, wyzja), *скупъ* (szûb, stjip), *янян* (gnjenang, gonegang), *свинья* (schweinja, sweinang, sweinya, schweina), *вепрь* (wiper), *порсян*- (porsaung); *жребацъ*,—*иця*, *жребян*- (zribac, zrebeica, sribeicia, sribang, schribang), *конь* (tjun, tyûn), *кобыла* (tschûpogla); общее наименованіе *скотъ* (skidt, skjôt, stijôht).

2) Herbordi Dialogus II, 33; Saxonis Gram. Hist. p. 826—7. Thietmari Chronicon VI, 17; Annales August. sub an. 1068, apud Pertz, Monum. V, 128.

«Fortitudo et potencia nobilium et capitaneorum secundum copiam uel numerum estimari solet caballorum. «Fortis inquiunt — et potens est ac diues ille; tot uel tot potest habere caballos» ..sunt autem magni et fortes equi terre illius (Pomeraniae)», Herbordi Dialogus II, 23. Гизебрехтъ, Wendische Geschichten I, p. 16—17, считаетъ эту сильную породу коней—чужеземною, нѣмецкою. Я не вижу для этого — основаній, по крайней мѣрѣ выставленное имъ никакъ не можетъ быть признано за *основаніе*. См. также въ отношеніи славянской культуры коня интересную, хотя нѣсколько фантастическую, ст. Бейера «Die wendische Schwerine» въ Jhrb. der mekl. Gesells. t. XXXII, 1867, p. 58 sq.

3) Ebonis Vita Ottonis III, 10, 21. Древнѣйшее изображеніе бычьей головы встрѣчается на печати грамоты Борвина, 1220, Meklenb. Urk. B. № 268.

4) См. supra pag. 19—20. «..mactant (Slaui) diis suis hostias de bobus et ouibus», Helmoldi Chronica I, 52; въ грамотѣ 949, Codex Pom. dipl. № 7: «duos porcellos, duas anseres, decem gallinas», въ грам. 1158, Mek. Urk. B. № 65: «census Slauorum de unco... pullus unus». Въ языкѣ: *гонсь*, *гонска*: (gona, gunga, gums, ggunsgska?), *куран*- (tjeirang, tjaurang, tscheirân'), *пила* (pagla, paila) = утка.

Пчеловодство принадлежало также къ обыкновеннымъ занятіямъ обитателей. Изъ грамотъ видно, что при деревняхъ существовали пасѣки и пчельники, что съ меда и воска шла извѣстная часть князю и церкви [1]). Едва ли, потому, можно думать, что медъ и воскъ добывались преимущественно въ ихъ дикомъ, лѣсномъ видѣ. Медъ, сваренный и искусно приготовленный, былъ господствующимъ напиткомъ и своимъ пріятнымъ вкусомъ удивлялъ чужеземцевъ (ниже, стр. 65, прим. 3).

При обиліи въ лѣсахъ дикихъ звѣрей: свиней, вепрей, оленей, дикихъ быковъ (зубровъ), медвѣдей, волковъ, лисицъ — естественно должна была существовать и *охота* на нихъ. Кажется, впрочемъ, что этотъ родъ занятій не получилъ особенно широкаго распространенія у балтійскихъ славянъ, не сталъ промысломъ въ собственномъ смыслѣ слова; по крайней мѣрѣ грамоты и другіе источники не часто упоминаютъ объ охотахъ [2]). Охота принадлежала къ частнымъ занятіямъ и потому не получила особаго значенія въ экономическомъ бытѣ народа.

Весьма важную вѣтвь промышленности составляло *соловареніе*. Большія и малыя соловарни находились въ разныхъ мѣстахъ, у рѣки Гильды (нынѣш. Рыкъ), возлѣ Гостькова, въ странѣ Доленцовъ и т. д., но главнымъ мѣстомъ ихъ была Колобрега, производившая выдѣлку соли въ огромныхъ размѣрахъ. Она, кажется, снабжала этимъ необходимымъ предметомъ не только

---

1) «medones, decimatio mellis, mellificia, truncus apum, urne collate in aillis, urna mellis, cera de tabernis, lapis cere», etc. См. Codex Pom. dipl. № 7, 13, 51, 60, 61, 64, 75, 82, 89, 91, 175, 225 etc. Cf. Raumer: Regesta hist. Brandebur. B. 1836, a. an. 965, 978, 1004, 1178; Thietmari Chronicon VII, 13; Herbordi Dialogus II, 1, 41, supra pag. 19—21. Guillelmus Malmesburiensis у Бергера, въ Meklenburg. Annalen, p. 70; Saxonis Hist. D. p. 824 sq. 862, 865; Даниловичъ: Историческій взглядъ на древн. образов. славян. городовъ, l. c. p. 228 sq.; въ языкѣ *мотиця* (moteicia)=матка, *пчела* (zela, dechéla), *соуль* (waul), *воскъ* (woask, woska), *медъ* (mêd, medang).

2) «decimatio pellidariorum, mard et uulpinum; uenatio, aucupatio»: Codex Pomer. № 13, 29, 50, 60, 61, 103, 225; Mekl. Urk. B. № 22. По корвейскимъ лѣтописцамъ Чрезпѣняне платили Свантовиту ежегодно отъ рала «uulpinam pellem», Pertz Monum Scr. III, a. 1114. Cf. Helmoldi Chronica I, 82.

весь сѣверъ, но и Польшу и Русь [1]). Изъ родовъ ремесленной дѣятельности у балтійскихъ славянъ извѣстны: *тканье полотна*, служившаго часто и вмѣсто денежной единицы, *выдѣлка кожъ*, *тканье сукна*, впрочемъ — довольно грубаго, ибо тонкія ткани были завозныя и цѣнились въ странѣ очень высоко; *шитье* всякаго рода платья и одеждъ [2]). Плотничье ремесло было довольно развито: зданія и дома — при рѣдкости дикаго камня и незнакомствѣ съ искусствомъ выжигать кирпичъ—строились преимущественно изъ дерева, они иногда выводились въ два и м. б. нѣсколько этажей и бывали очень обширны; дома менѣе зажиточныхъ людей были, конечно, *мазаные*: основу для стѣнъ составляли наклонно вбитые колья, промежутки которыхъ забивались соломой или паклей и замазывались глиною; кровли дѣлались изъ тростника. Гельмольдъ, правда, говоритъ, что славяне (въ Вагріи) не заботятся о постройкѣ жилищъ своихъ и, только повинуясь необходимости имѣть защиту отъ дождя и непогоды, сплетаютъ свои хижины изъ вѣтвей и хвороста, и потому очень мало дорожатъ ими [3]); но такое извѣстіе, какъ мы уже замѣчали

1) «sartagines, census salis de sartaginibus, salina, tugurium salis, puteus salis» etc.: Codex Pom. dipl. № 16, 24, 26, 29, 34, 36, 43, 50, 52, 56, 63, 73, 86, 88, 99, 107 et sq.; Meklenb. Urk. B. № 95, 111, 114, 135, 168, 247, 550, 563; Helmoldi Chronicon I, 77. См. также соч. Hehn'a: Das Salz, B. 1873, p. 20 sq.

2) Apud Ranos... quicquid in foro mercari uolueris, panno lineo comparabis».. *Helmoldi* Chronica I, 38; *Ebonis* Vita Ottonis III, 1, кожи употреблялись между прочимъ для щитовъ: *Saxonis Gram.* Hist. p. 751; *Herbordi* Dialogus I, 36, II, 28. Грамота 1189 г. Meklenb. Urk. B. № 148. Въ отношеніи ремесленной дѣятельности языкъ предлагаетъ слѣдующіе термины: *прянсть*, *прядка* (prangst, eyprangst, brangde, brangdja, prodka), *вретено* (writene), *кудѣль* (kundiglia, kundeglia); *ткать*, *ткачъ* (tackat, tocatsch, takats, tacaika, tatzecka), *кросна* (krêsna), *човникъ*, челнокъ (tzaunack), *глава*, *главка* (klawa, glawka), *вунтокъ* (wuntok), *вортидло* (worteidle); *сукно* (zeickna, saukna, saucnia, szaukene, säuckneh); *платно* (platnå, plaatna, platne); *вальня* (wolnê), *клобучникъ*, *клобучня* (klibauzeick, klibauznik, klipoitznia); *усня* (wäusne, wausna), *чревикъ* (criwenik, zriwenik) — сапожникъ; *игла* (gagla), *шидло* (saidlu).

3) *Herbordi* Dialogus: II, 24, 31; III, 5; *Ebonis* Vita Ottonis III, 1, 7; *Saxonis Gram.* Historia p. 867, 841. Мазанки до сей поры удержались у простого народа балтійскаго Поморья. Извѣстіе Гельмольда приводимъ здѣсь вполнѣ: «recenti adhuc etate latrocinalis consuetudo adeo apud eos inualuit, ut omissis penitus

(выше стр. 37—8), должно быть понимаемо не въ общемъ значеніи, а какъ историческая случайность, какъ слѣдствіе временной непрочности самой жизни. *Гончарное производство* не шло далѣе выдѣлки отъ руки на свободномъ огнѣ необходимыхъ сосудовъ: гончарный кругъ и печь были неизвѣстны. Объ *обработкѣ металловъ*, золота, мѣди, желѣза — можно до нѣкоторой степени заключать какъ изъ существованія оружія и многихъ металлическихъ вещей домашняго обихода, такъ и изъ того, что нѣкоторыя изображенія боговъ (идолы) были изъ золота и мѣди [1]. Конечно, многія вещи были не туземнаго происхожденія: художественная бронза, серебро и золото могли одинаково заходить изъ Даніи и Швеціи и съ Юга — путемъ ли торговли, или какъ добыча при войнахъ и грабежахъ; но предметы житейской необходимости, вѣроятно, производились въ самой странѣ [2].

Подобное развитіе промышленной дѣятельности едва ли было

---

agriculture commodis ad nauales excursus expeditas semper intenderint manus, unicam spem et diuitiarum summam in nauibus habentes sitam. Sed nec in construendis edificiis operosi sunt, quin potius casas de uirgultis contexunt, necessitati tantum consulentes aduersus tempestates et pluuias.... Nec quicquam hostili patet direptioni nisi tuguria tantum, quorum amissionem facillimam indicant», II, 18. Въ языкѣ: *изба* (gasaba, jazaba), *вѣжа* (wisé, wisa), *ворниця* (twarneicia, dwarneiç'), *дверь* (divar), *вокно* (wakenow), *ворта* (vórda).

1) О состояніи гончарнаго искусства славянъ можно заключать изъ археологическихъ раскопокъ, см. ст. Лиша: «Über die Graburnen der Kegelgräber» въ Jhrbüch. f. meklenb. Gesch. t. XI, 1846, p. 353 sq. «Die Graburnen der Wendenkirchhöffe», Ibid. t. XII, 1847, p. 421 sq., *Adami brem.* Gesta II, 18; *Widukindi* Res Gestae III, 68; *Ebonis* Vita Ottonis II, 18; III, 1, 10; *Saxonis Gram.* Hist. p. 823—4.

2) Археологическія отношенія Даніи и Швеціи къ балтійскимъ славянамъ—вопросъ еще нетронутый въ наукѣ, по крайней мѣрѣ—намъ неизвѣстно никакого особаго труда по этому предмету. А между тѣмъ — вопросъ очень важенъ для опредѣленія степени самостоятельности славянской культуры. Что обработка желѣза существовала у балтійскихъ славянъ, это можно было бы заключать, между прочимъ, изъ грамоты 1136, Codex Pom. № 18, въ которой упоминается «decimatio ferri», если бы существовало ручательство, что грамота составлена по дѣйствительности, а не по готовому папскому формуляру.

Въ языкѣ уцѣлѣли слѣдующія старыя наименованія металловъ: *злато* (slata), *сребро* (srebri, srebrj', zrebri), *желязо* (siljosi, zilgosi, silosüb, silgosi), *олово* (algôf).

возможно безъ поощрительнаго вліянія *торговли*. Къ ней вызывало уже одно срединное географическое положеніе страны, соединявшей сѣверъ и востокъ съ западомъ и югомъ, богатой морскими и рѣчными судоходными путями сообщенія. Торговля балтійскихъ славянъ, можно полагать—началась очень рано. Древнѣйшія свидѣтельства о ней представляютъ арабскіе диргемы VIII—XI, находимые въ большомъ количествѣ на балтійскомъ поморьѣ и по ближнимъ островамъ. Конечно, отсюда будетъ слишкомъ смѣло заключать, что балтійскіе купцы непосредственно торговали съ мусульманскимъ востокомъ, или что мусульманскіе торговцы сами заходили въ прибалтійскія страны (послѣднее, впрочемъ—не невозможно); но фактъ развитыхъ торговыхъ сношеній славянъ съ русскимъ востокомъ (и сѣверомъ?), гдѣ арабская монета долгое время была единственнымъ родомъ денегъ, не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію [1]). Въ началѣ IX в. торговля балтійскихъ славянъ съ западомъ была настолько значительна, что Карлъ Великій счелъ необходимымъ сдѣлать о ней государственное постановленіе [2]). Эйнгардъ пере-

1) Древнѣйшій періодъ балтійской торговли на основаніи найденныхъ въ прибалтикѣ монетъ и нѣкоторыхъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей разсматривали: *Rasmussen*: De Orientis commercio cum Russia et Scandinavia medio aevo, Haun. 1825; *Bohlen*: «Ueber den wissenschaft. Werth und die Bedeutsamkeit der in den Ostseeländern vorkommenden arabischen Münzen» въ Archiv oder Preuss. Provinzialblätter Bd. XIV, 1835, pag. 313—28, 427—42. (перепеч. также въ histor. litter. Abhand. der kön. deutsch. Königsber. Gesellsch. t. IV, 1836, p. 8—56); *Ledebur*: Ueber die in d. baltisch. Ländern in der Erde gefund.. Zeugnisse eines Handels-Verkehrs mit dem Orient.., B. 1840, p. 44, 70; основательнѣе же всѣхъ В. В. Григорьевымъ въ ст. «О куфическихъ монетахъ VIII, IX, X и отчасти VII и XI вѣка, находимыхъ въ Россіи и прибалтійскихъ странахъ» въ Запискахъ одесскаго общества исторіи и древностей, т. I, 1844, p. 128 sq. 147, 157 sq. и Савельевымъ въ его соч. Мухамеданская Нумизматика въ отношеніи русской исторіи, Спб. 1847. Здѣсь, стр. 55 sq. передано сочин. Ледебура съ замѣчательными дополненіями и объясненіями.

2) Въ капитуляріи Карла Великаго, 805—6 г.: «De negotiatoribus qui partibus Sclauorum.. pergunt, quousque procedere cum suis negotiis debeant, id est partibus Saxoniae usque ad Bardaenovic, ubi praeuideat Hredi, et ad Schezla, ubi Madalgaudus praeuideat; et ad Magedoburg praeuideat Aito.. Et ut arma et brunias non ducant ad uenumdandum»... Pertz, Monumenta, Leges, I, 133.

даетъ, что Оботриты уже тогда имѣли на берегу моря особый торговый портъ [1]. XI в. былъ, кажется, самымъ цвѣтущимъ временемъ балтійской торговли. Средоточіемъ ея является городъ Волынъ. Слѣдуя разсказамъ людей бывалыхъ, купцовъ—Адамъ бременскій передаетъ, что объ этомъ знаменитомъ городѣ (Jumne, Julin) ходитъ сильная, едва вѣроятная молва, будто онъ болѣе всѣхъ прочихъ городовъ въ Европѣ и обитаемъ славянами, греками (русскими) и варварами. Саксонскіе пришельцы также пользуются равнымъ правомъ сожительства подъ условіемъ не обнаруживать своего христіанства. Городъ богатъ товарами всѣхъ сѣверныхъ народовъ, все пріятное и рѣдкое тамъ находится. Отсюда, суда въ короткій срокъ ходятъ въ Дыминъ, къ устью Пѣны, а также и къ Руянамъ; отъ нихъ въ Семландію, находящуюся въ обладаніи Пруссовъ. Сухимъ путемъ отъ Гамбурга или Лабы къ Волыну приходишь на седьмой день, а морскимъ путемъ отсюда доходишь къ Шлезвигу и Альденбургу (Старьграду) и, подъ парусами, на четырнадцатый день достигаешь Острогарда на Руси [2]. Допустивъ, что извѣстіе Адама объ огром-

---

1) «Godefridus..priusquam reuerteretur (изъ земли Оботритовъ) destructo emporio, quod in Oceani litore constitutum, lingua Danorum Reric dicebatur, et magnam regno illius commoditatem uectigalium persolutione praestabat, translatisque inde negotiatoribus... ad portum Sliesthorp uenit.» Einhardi Annales Laurish. sub. anno 808.

2) «Vltra Leuticios, qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddara flumen occurrit, ditissimus amnis Sclauaniae regionis. In cuius ostio, qua Scyticas alluit paludes, nobilissima ciuitas Iumne celeberrimam praestat stacionem barbaris et Graecis, qui sunt in circuito. De cuius praeconio urbis, quia magna quaedam et uix credibilia recitantur, uolupe arbitror pauca inserere digna relatu. Est sane maxima omnium quas Europa claudit ciuitatum, quam incolunt Sclaui, cum aliis gentibus, Graecis et barbaris. Nam et aduenae Saxones parem cohabitandi legem acceperunt, si tamen christianitatis titulum ibi morantes non publicauerint... Vrbs illa mercibus omnium septentrionalium nationum locuples, nichil non habet iocundi aut rari.. Ab illa ciuitate breui remigio traiicitur, hinc ad Dyminem urbem, quae sita est in hostio Peanis fluuii, ubi et Runi habitant; inde ad Semland prouinciam, quam possident Pruzi. Iter eiusmodi est, ut ab Hammaburc uel ab Albia flumine septimo die peruenias ad Iumne ciuitatem per terram; nam per mare nauim ingrederis ab Sliaswig uel Aldinburc, et peruenias ad Iumne. Ab ipsa urbe tendens quartodecimo die ascendes ad Ostrogard Ruzziae». Adami brem. Gesta II, 19.

ности Волына — преувеличено, все же изъ приведенныхъ мѣстъ открывается и становится несомнѣннымъ существованіе обширной внѣшней торговли поморскихъ славянъ, простиравшейся далеко на востокъ и западъ. Опустошенія Гейнриха Льва въ странѣ Оботритовъ, Болеслава Кривоустаго и Вальдемара I въ Помераніи и Руянѣ нанесли чувствительный ударъ этой цвѣтущей торговой дѣятельности, и хотя Оттонъ бамбергскій (1123—27) еще засталъ бодрое ея продолженіе, хотя и грамоты XII—XIII неоднократно говорятъ о ней [1]), тѣмъ не менѣе съ этого времени постепеннаго пониженія и упадка славянской жизни на балтійскомъ поморьѣ начинается и постепенный упадокъ славянской торговли. Она возрождается, но уже въ чужихъ формахъ, на пользу и преуспѣяніе чуждой національности, чужого просвѣщенія. Предметами внѣшней торговли балтійскихъ славянъ служили столько же и свои, туземныя произведенія, сколько и завозныя. Послѣднія, франкскія и саксонскія товары, не только покупались для собственнаго употребленія, но и перепродавались, кажется, далѣе на сѣверъ и востокъ [2]); а пушной товаръ, шедшій изъ Руси, Литвы и Пруссовъ, передавался на западъ [3]). Изъ домашнихъ продуктовъ вывозились полотно, рыба, соль, хлѣбъ, лѣсъ

«Ad quam stationem (Bircam in Sueuonia) solent omnes.. Sclanorum naues.. pro diuersis commerciorum necessitatibus solempniter conuenire», ibidem I, 62, cf. III, 57.

1) Herbordi Dialogus, II, 39, 40; Ebonis Vita Ottonis, II, 15; cf. Helmoldi Chronica I, 76, 83; Codex Pom. dipl. № 56, 65. Основательное изложеніе исторіи балтійской торговли можно найти въ популярной книгѣ Falke: Die Geschichte des deutschen Handels I, L. 1859, p. 45 sq. 87 sq.

2) Не ради же домашняго потребленія Волынъ былъ «mercibus omnium septentrionalium nationum locuples». Изъ Шлезвига нѣмецкіе корабли ходили и «in Sclauaniam», Adami brem. Gesta IV, 1.

3) «Sembi uel Pruzzi pellibus habundant, quarum odor letiferum nostro orbi propinauit superbiae uenenum. Et illi quidem ut stercora haec habent ad nostram credo dampnationem, qui per fas et nefas ad uestem anhelamus marturinam, quasi ad summam beatitudinem. Itaque pro laneis indumentis quae nos dicimus faldones, illi oferunt tam preciosos marturesa». Adami brem. Gesta IV, 18; cf. тоже о шведахъ, Ibidem IV. 21.

и — можетъ быть — янтарь [1]); но особенно сильно была распространена торговля *челядью*, рабами [2]). Внутренняя торговля шла также очень дѣятельно: города и важнѣйшія селенія имѣли рынки, на которые въ урочное время собирался изъ окрестныхъ мѣстъ народъ для купли и продажи. Судя по тому, какое видное мѣсто занимали эти торги въ финансовой администраціи страны и княжьихъ доходахъ, можно полагать, что они были не незначительны [3]). Домашняя торговля въ большинствѣ случаевъ, вѣроятно—была *мѣновая*. Выше (стр. 52, пр. 2) мы указали мѣсто изъ хроники Гельмольда объ употребленіи въ Руянѣ холста вмѣсто денегъ. Простой народъ, дѣйствительно, могъ во многомъ обходиться этою и подобными единицами цѣнности, но торговыя

---

1) Cod. Pom. dipl. № 99; о вывозной торговлѣ хлѣбомъ упоминается въ грамотѣ 1253, Codex Pom. dipl. № 488; о торговлѣ лѣсомъ Mekl. Urk. B. 1188, № 143. Торговля янтаремъ не засвидѣтельствована источниками прямо, но предполагать существованіе ея—вполнѣ умѣстно. Мартинъ Галлъ, Chronicon II, 28, упоминаетъ о *«богатствахъ моря»* diuitiae marinae, награбленныхъ въ Колобрегѣ воинами Болеслава, Bielowski: Monumenta Poloniae histor. I, p. 447. Едва ли это могло быть что иное, кромѣ янтаря или товаровъ, шедшихъ изъ-за моря.

2) (Otto) «monuit (Stetinenses) ut omnes christianos nec uenderent, nec interficerent..» Herbordi Dialogus II, 33; (reliquie Sclauorum Obotritorum) «congregatim ad Pomeranos siue ad Danos fugere cogerentur, quos illi nichil miserantes Polanis, Sorabis atque Boemis uendiderunt», Helmoldi Chronica, II, 5; «Audiui a referentibus, quod Mikelenburg die fori de captiuitate Danorum septingente numerate sint anime, omnes uenales, si suffecissent emptores», Ibidem II, 13. Cf. извѣстіе Мартина Галла о томъ, что Поморяне продавали польскихъ плѣнныхъ варварамъ, Chronicon II, 35, у Бѣлёвскаго въ Monumenta etc. I, p. 451., Vita Anskarii c. 15, 36, ap. Pertz, Mon. II, 700, 720; Thietmari Chronicon VI, 21.

3) «nos (проповѣдники бамбергскіе) bis in ebdomada, in diebus sc. mercatus, per medium fori, populo ex omni prouincia conueniente, crucem portauimus», Herbordi Dialogus, II, 20; «sacerdos... mane summo quendam rusticum de rure ad forum gradientem his alloquitur».. etc.; ibidem III, 4; «die dominica conuenit uniuersus populus ad forum Lubicense», Helmoldi Chronica I, 83; «quo (Aldenburg) omnis terra die dominica, propter mercatum conuenire solebat», Ibid. I, 69; cf. I, 94; II, 13, см. пред. выноску. Упоминанія о внутреннихъ *торгахъ* въ грамотахъ многочисленны, см. Codex Pomer. diplom. № 16, 24, 26, 43, 45, 50, 52, 53, 63, 73, 107 etc. Mekl. Urk. Buch № 95. О финансовомъ значеніи торговъ мы распространимся ниже. См. впрочемъ—Даниловича: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славянскихъ городовъ», loco citato, p. 239 sq.

предпріятія требовали звонкой монеты. Денегъ своего, туземнаго чекана балтійскіе славяне не имѣли и пользовались чужеземными, сначала арабскими диргемами, потомъ монетою саксонскою (бардевикскою и др.) и польскою [1]); большого недостатка въ монетѣ, кажется, не было: грамоты, вмѣстѣ съ натуральными повинностями — нерѣдко называютъ и повинности денежныя; другіе источники, по разнымъ поводамъ, свидѣтельствуютъ, что деньги въ странѣ вовсе не были рѣдкостью [2]). Цѣнность золотой и серебряной монеты въ болѣе древнее время опредѣлялась по вѣсу, что было весьма естественно при совмѣстномъ обращеніи денегъ разнородныхъ системъ [3]).

Географическое положеніе славянъ у моря и торговая предпріимчивость рано сдружили ихъ съ опасностями мореходной жизни и образовали изъ нихъ отважныхъ пловцовъ. Они имѣли многочисленный флотъ, состоявшій изъ большихъ и малыхъ кораблей, легкихъ на ходу и нерѣдко носившихъ значительное количество товаровъ, пѣшихъ и конныхъ людей [4]). Какъ далеко

---

1) См. выше, стр. 54, пр. 1; «(Slaui fatebant) ciuitati Corbeiae.. annuatim se debere... bis terdena nomismata Bardenwiccensis monetae simillima uel propria», etc., Annales Corbeien. s. an. 1114, ap. Pertz, Monum. G. hist. Scrip. III; бамбергскимъ миссіонерамъ, отправлявшимся въ Поморье, Болеславъ «monetam *illius terre* (sc. Poloniae) liberalitate contulit ingenua», Herbordi Dialogus II, 9; «denarii poloniensis monete» упоминаются въ поморскихъ грамотахъ, какъ единица дани, см. Codex Pomer. dipl. № 24.

2) Codex Pomer. dipl. № 8, 9, 10, 16, 24, 26, 34, 36, 40, 43, 45, 52, 53, 56 etc. Vita Anskarii c. 19, ap. Pertz Mon. II, 703; Adami brem. Gesta III, 21; Annales Hildesh. s. an. 1030; Herbordi Dialogus, II, 30, 41; III, 2; Ebonis Vita Ottonis, III, 9, 12, 13; Helmoldi Chronica I, 12, 14, 18, 21, 38, 71, 83, 87; Saxonis Grammatici Historia, lib. XIV, p. 804, 817, 825, 834, 893; lib. XVI, p. 928, 987 etc.

3) Этимъ объясняется, почему нерѣдко находятся монеты разрѣзанныя, см. Giesebrecht: Wendische Geschichten I, p. 33 и В. В. Григорьева ст. «о куфическихъ монетахъ», loco citato, p. 154—6.

4) Ebonis Vita Ottonis, III, 5; Helmoldi Chronica I, 36, 63, 64, 66; II, 13; Saxonis Gram. Historia, lib. XIV, p. 704: «Sclauorum expeditio inusitatae multitudinis classe»; p. 729: «eadem nox Sclauos, ad Hallandiam mille quingentarum nauium classe appulsos, naufragio obruit»; 789: «aduersus infinitam Sclauorum classem»; 830: Kazimarus claudendi amnis gratia quinquaginta nauium classem

ходили славяне по морю—сказать съ опредѣлительною точностью трудно; не подлежитъ однако сомнѣнію, что съ одной стороны они бывали въ русскомъ Новгородѣ, съ другой — въ Англіи и Нидерландахъ [1]). Подъ увлекающимъ вліяніемъ бурнаго движенія скандинавской жизни, подъ давленіемъ разбойничьей опустошительной политики западныхъ сосѣдей, удалые разъѣзды славянъ по морю получили и не мирное направленіе: въ народѣ развились страсти пиратовъ. Пріобрѣтеніе добычи посредствомъ разбоя и грабежа стало для многихъ ремесломъ или обыкновеннымъ занятіемъ, которое тѣмъ болѣе уважалось, что съ нимъ соединялась не только личная отвага и доблесть, но нерѣдко и высшія, національныя и религіозныя цѣли: обязанность отмстить за обиду и почтить божество принесеніемъ ему богатой жертвы изъ добычи. Чѣмъ обстоятельнѣе источники входятъ въ изображеніе событій исторіи балтійскихъ славянъ, тѣмъ чаще слышится голосъ ихъ объ этомъ грозномъ направленіи народной дѣятельности. Адамъ брем. передаетъ, что въ его время острова Фембра и Руяна были полны пиратами и свирѣпѣйшими разбойниками, которые никому не давали пощады изъ проходящихъ: другіе обыкновенно продавали плѣнниковъ, а они убивали ихъ; жизнеописатели еп. Оттона, Гельмольдъ, Саксонъ Грамматикъ, монахъ Теодорихъ и др. много разъ говорятъ о пиратскихъ экспедиціяхъ и опустошительныхъ разбояхъ, какимъ въ особенности подвергалась отъ славянъ Данія и принадлежавшіе ей острова [2]). Тѣснимые ото-

---

eius principio obiicebat»; 872: «a Sclauis aduersum Daniam ingentem classem esse contractam»; cf. lib. XVI, p. 677, 860—1, 879, 969, 976—7; «Burizlauus sexcentes naues habens», Knytl. Saga c. 128; «Rettibur Vindorum rex... adduxit trecentas liburnas uendicas, quarum singulae quadragenos quaternos uiros binosque equos uehebant», Historia Haraldi Gilii et Magni Caeci c. 11, in Secr. hist. Island. VII.

1) Šafařik Slowanské starožitn. ed. princ., 1837, p. 887 sq.; Гильфердингъ: Исторія балтійскихъ славянъ М. 1855, p. 66 sq.

2) «Ambae hae insulae (Фембра и Руяна) pyratis et cruentissimis latronibus plenae sunt et qui nemini parcant ex transeuntibus. Omnes enim, quos alii uendere solent, illi occidunt», Adami brem. Gesta III, 18; «Gens ista (Pomerani), terra marique bellare perita, spoliis et raptu uiuere consueta», Herbordi

всюду врагами, не находя спокойнаго угла въ землѣ отцовъ, славяне бросались на море и въ разгульной жизни пирата, въ разбоѣ и грабежѣ стремились найти удовлетвореніе подавленныхъ потребностей и правъ жизни [1]). Добрая природа племени отдалась

Dialogus II, 1; «hic ciuis Stetinensis (Wirtschachus).. frequenter in prouinciam Danorum nauigare et predam ex ea agere solebat», Ebonis Vita Ottonis III, 2; cf. Ibidem III, 13; «omne hoc hominum genus (Winulorum populi),... piraticas exercentes predas, ex una parte Danis, ex altera Saxonibus infestum».. Helmoldi Chronica I, 2; «fuit Sclauorum genti crudelitas ingenita, saturari nescia, impatiens ocii, uexans regionum adiacentia terra marique», ibid. I, 52; cf. ibidem, I, 67; «agebant (Sclaui) piraticas incursationes in terram Danorum», ibid. ˜, 68; «erat illic (iuxta flumen Crempine) pyratarum familiare latibulum»... «ecclesie in terra Polaborum... predas Sclauorum needum inhibere poterant, siquidem adhuc mare transfretabant et uastabant terram Danorum, necdum recesserant a peccatis patrum suorum», ibid. I, 83; «rogauit rex (Danorum Waldemarus) ducem (Heinricum) ut faceret sibi pacem de Sclauis, qui sine intermissione uastabant regnum eius», ibid. I, 86; въ 1168 г. Гейнрихъ, разсерженный отказомъ Вальдемара въ дани, призвалъ славянскихъ князей и «mandauit, ut ultionem facerent de Danis. Vocati sunt et dixerunt: *assumus*, et obaudierunt ei cum letitia qui misit illos. Et amoti sunt uectes et ostia quibus iam pridem conclusum erat mare, et erumpebat uadens et inundans et intentans excidium multis Danorum insulis et regionibus maritimis. Et instaurate sunt predonum naues, et occupauerunt in terra Danorum insulas opulentas, et saturati sunt Sclaui post diutinam inediam diuitiis Danorum incrassati inquam sunt, impinguati sunt, dilatati sunt», ibidem, II, 13. Выписывать извѣстія Саксона Грамматика о пиратскихъ грабежахъ славянъ—не находимъ возможнымъ: ими полна вся XIV книга его «Исторіи»; вотъ голыя указанія, стр.: 604, 676, 687, 704, 736, 739, 741, 800, 813, 844 sq., 848 sq., 854, 871 sq., 874, 889—90, 920, 977 etc. Укажемъ здѣсь одно малоизвѣстное, но очень важное свидѣтельство невѣдомаго автора (по всему вѣроятію—датчанина XII—XIII в.): «Pomerani Slaui est gens indomita, pugnax et praeda uiuens et Danorum maxime terram depopulans. Hic usus et hic uictus et nichil pace molestius. Pyratico apparatu predas exercent. Occidere ut occidi fortunam credunt et iudicium dei non metuunt. De nouo Christiani adhuc poganizant uiciniisque gentibus pacem non tenentes».. etc. у Maciejowskiego: Historya prawodawstw Słowiańskich, t. VI, W. 1858, p. 390—1. Сравни еще: Widukindi Res gestae II, 20. Thietmari Chronicon III, 10; Annales Hildesh. a. an. 993, 995, 997; cf. Wigger, p. 51, Annales Quedlinb. a. an. 997; Theodoricus monachus: De regibus uetustis norvagicis C. XXIV, apud Langebek, Scriptores V, p. 332; Adami brem. Gesta II, 40—1; III, 25; Martini Galli Chronicon I, 25; II, 33, 49, Kadlubkonis Chronicon II, 26; III, 8; Helmoldi Chronica I, 14, 34, 35, 53, 65; II, 11, 12, 14.

1) Замѣчательны въ этомъ отношеніи слова князя Прибислава, сказанныя имъ еписк. Герольду въ отвѣтъ на увѣщаніе принять христіанство: «qualiter

страсти и исказилась: не одна Данія, не одни враги-чужеземцы, въ отношеніи которыхъ всякій грабежъ и разбой могъ быть названъ только справедливымъ возмездіемъ, чувствовали тяжелую руку «славянскаго неистовства»: страсть грабежа, повальная болѣзнь добычи нерѣдко приводила въ забвеніе и естественныя узы народности, одна часть племени ополчалась на другую, грабила и работила ее, и сама, въ свой чередъ, подвергалась той же участи: западные Лютичи грабили восточныхъ и Оботритовъ, Поморяне — Лютичей, Штетинцы — прочихъ Поморянъ [1]) и т. д. Корыстный эгоизмъ рушилъ основы, на которыхъ коренилась жизнь племени. *Война* принадлежала къ тому же удалому ремеслу, какъ и разбой: каковы бы ни бывали первыя побужденія ея, она предпринималась и велась главнымъ образомъ ради добычи и, при счастливомъ исходѣ — всегда заканчивалась грабежомъ и раздѣломъ награбленнаго между участниками [2]). Войско состояло преимущественно изъ пѣхоты, конница сравнительно

---

ingrediemur hanc uiam, tantis malis irretiti?.. Principes enim nostri tanta seueritate grassantur in nos, ut propter uectigalia et seruitutem durissimam melior sit nobis mors quam uita. Ecce hoc anno nos, habitatores breuissimi anguli huius, has mille marcas duci persoluimus, porro comiti tot centenaria, et necdum euicimus, sed cotidie emungimur et premimur usque ad exinanitionem. Quomodo ergo uacabimus huic religioni noue, et edificemus ecclesias, et percipiamus baptisma, quibus cotidiana indicitur fuga? Si tamen locus esset quo diffugere possemus. Transeuntibus enim Trabenam, ecce similis calamitas illic est, uenientibus ad Penem fluuium, nichilominus adest. Quid igitur restat, quam ut omissis terris feramur in mare et habitemus cum gurgitibus? Aut que culpa nostra, si pulsi patria, turbauerimus mare, et acceperimus uiaticum (т. е. добычу) a Danis siue insistoribus, qui mare remigant? Nonne principum erit hec noxa, qui nos propellunt». Helmoldi Chronica I, 83.

1) Einhardi Vita Caroli M. c. 12; Ebonis Vita Ottonis, III, 3, 5, 23; Herbordi Dialogus III, 2; Helmoldi Chronica I, 14, 37; cf. supra, стр. 35, пр. 1.

2) «Ad uesperum dux (Wortizlaus) multa onustus preda cum suis omnibus reuertitur. Nobis (sc. predicatoribus) inspicientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substantiam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant. Ibi uero fletus et gemitus et dolores innumeri, cum ad diuersos dominos pro racione diuisionis uir ab uxore et uxor a uiro et filii a parentibus et parentes a filiis discedebant»., Herbordi Dialogus III, 2; «uictores (Rani) aurum et argentum in erarium Dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur», Helmoldi Chronica I, 36.

была немногочисленна; ее составляли, какъ кажется, дружины князей и богатыхъ воеводъ. Постояннымъ, можно думать, былъ только послѣдній родъ войска, пѣхота же собиралась, подобно русскимъ воямъ, на данный случай изъ народонаселенія, способнаго владѣть оружіемъ [1]). Выходя на войну, балтійскіе славяне обыкновенно бывали легко вооружены. Вслѣдствіе ли дѣйствовавшаго запрещенія Карла Великаго ввозить къ нимъ брони (см. выше, стр. 54 прим. 2), или по иной причинѣ, славянскіе воины рѣдко употребляли тяжелые доспѣхи; каждый конникъ — по словамъ Сефрида — сражался безъ щитоносца, носилъ плащъ и щитъ, и довольно ловко и бодро исполнялъ свои воинскія обязанности. Вооруженіе состояло въ сѣкирахъ, мечахъ, ножахъ, копьяхъ (метательныхъ) и лукахъ; щиты были кожаные. Войска имѣли военныя трубы, значки и цвѣтныя знамена, на которыхъ иногда изображались грозныя божества [2]). Хотя источники и го-

---

1) «... barbari non plures haberent equites, peditum uero innumerabilem multitudinem», Widukindi Res Gestae I, 36; cf. ibid. III, 54; Thietmari Chronicon III, 11; Ebonis Vita Ottonis, III, 5; Herbordi Dialogus, II, 11, 21, 23; Martini Galli Chronicon III, 1, у Бѣлёвскаго въ Monumenta Poloniae I, p. 464; Helmoldi Chronica I, 36, 63, 92; II, 34; Saxonis Gram. Historia, p. 705, 861, 974; О томъ, какъ собирались вои видно, изъ условія Болеслава съ Поморянами, Herbordi Dialogus II, 30, и изъ многихъ грамотъ, см. ниже, въ отдѣлѣ «повинностей народа»; cf. Annales Corbeienses a. an. 1114.

2) «Caeteri ex eadem coborte (Sclauorum) corpus clypeolis tecti, praelongis ensibus aeriique coloris parmulis utebantur, quas belli tempore aut in tergum repellentes aut impedimentorum gerulis dantes, abiectis pectorum munimentis expositisque ad discrimen omne corporibus, districtis Martem mucronibus intenderunt» .. Saxonis Gram. Histor. lib. VIII, pag. 379. Саксонъ взялъ свое извѣстіе, несомнѣнно — изъ саги; при этомъ издатель (П. Е. Мюллеръ) замѣчаетъ, что и исландская сага (Sögubrot) согласуется съ Саксономъ въ описаніи славянскаго вооруженія.

«Vnusquisque militum sine scutifero militat, manticam per se gestans et clipeum, agiliter satis et strenue sic militie sue officium exequens», Herbordi Dialogus, II, 23; Helmoldi Chronica I, 34; Saxonis Gramm. Historia p. 705; впрочемъ вожди носили и панцыри и шлемы, см. Historia Magni Boni c. 33 въ собр. Scr. hist. Island. t. VI; Helmoldi Chronica I, 87; божества въ Ретрѣ были «galeis atque loricis terribiliter uestiti», Thietmari Chronicon VI, 17. О вооруженіи см. Adami brem. Gesta. II, 18; III, 50. Herbordi Dialogus, II, 11, 24, 31—33; III, 5, 16—18, 22; Ebonis Vita Ottonis, II, 7; III, 1, 4, 15, 16, 18, 19;

ворятъ о нѣкоторой опытности славянъ въ военномъ дѣлѣ, тѣмъ не менѣе—военное искусство стояло у нихъ гораздо ниже, чѣмъ у ихъ сосѣдей: оно не имѣло никакой организаціи. Обыкновенная тактика ихъ заключалась въ военныхъ хитростяхъ: они любили засады и неожиданныя, мгновенныя нападенія, преимущественно въ ночное время. Дѣйствуя по большей части толпой, вразсыпную, они бросались на враговъ то спереди, то сзади, то съ крыльевъ, предавались притворному бѣгству, отступали, стараясь разъединить силы противника, и снова возвращались въ бой. Въ открытой борьбѣ они не могли долго и устойчиво держаться [1], — и потому то Саксонъ Грамматикъ называетъ ихъ нападенія — сильными болѣе видомъ, чѣмъ дѣломъ [2]). Такой образъ вѣденія битвы—очень не далекъ отъ военнаго искусства первобытныхъ временъ и близко напоминаетъ картину военной тактики южныхъ славянъ, представленную императоромъ Маврикіемъ (VII в.) [3]).

Saxonis Gram. Historia p. 705, 751, 762, 808, 823—4, 827, 840—1, 858, 885, 924, 927, 977, 979, 980; Knytl. Saga c. 76; Vita Altmanni c. 1, in Pertzii Monum. XII. О знаменахъ, значкахъ и трубахъ, см. Thietmari Chronicon III, 11; VI, 17; VII, 47; Brunonis Epistola ad Heinricum II, apud Wigger-Meklenburg. Annalen, p. 56; Ebonis Vita Ottonis III, 8; Helmoldi Chronica, I, 38; Saxonis Gram. Historia p. 880 sq.

1) Orderici Vitalii hist. ecclesiast. Pars II, lib. IV, c. 7, ed. Migne, p. 317; Herbordi Dialogus II, 1; Widukindi Res gestae, I, 36; Thietmari Chronicon IV, 25; Adami brem. Gesta, III, 25; Helmoldi Chronica, I, 35, 87, 92; II, 3, 13 («Sclani clandestinis incursibus maxime ualent»); Kadlubkonis Chron. III, 14 ed. Mulkowski Crac. 1864, p. 78, 79; Saxonis Gram. Historia, p. 619, 676, 705—6, 750—2, 759, 761, 763, 848, 876.

2) «Sclauorum irruptio specie quam re formidabilior existere soleat», Saxonis Gram. Historia, p. 761; cf. Ibidem, p. 751.

3) По латинскому переводу Scheffer'a: «neque ordinem nouerum (Sclani et Anti) nec coniunctim curant pugnare uel in locis nudis planisque se ostendere. Sique accidat, ut in pugnam contra ire ausint, conclamantes simul parum se mouent, et si hostes clamori eorum respondeant, aduertunt cellerime. Si uero non, uertuntur, neque curant collato pede uim suorum aduersariorum experiri. Verum tendunt in syluas, a quibus plurimum adiuuantur, ut qui apprime sciant praeliari inter angustias. Sed et non raro praedam offerunt cum simulatione quapiam pauoris, uelut desererent eam, conceduntque in syluas, iisque, qui superueniunt et circum praedam uagantur, magnum afferunt detrimentum, strenue regressi. Hocque diuersimode ac ultro facere student, ut sit uelut esca, qua hostes capiant». Mauricii Strategicum XI, c. 5, apud Šafařik, Slow. Starož. ed. 1837, p. 969—70.

Она годилась для внезапныхъ разбоевъ, для нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаевъ, но оказывалась совершенно несостоятельною тамъ, гдѣ со стороны враговъ дѣйствовало правильно устроенное, организованное войско. Въ осадномъ и оборонительномъ искусствѣ нужда заставила славянъ усвоить многія усовершенствованія того времени: имъ извѣстны были осадныя постройки, разныя оборонительныя орудія, метательныя машины, фортификаціонныя укрѣпленія и т. д.; потому ихъ крѣпости и города выдерживали иногда долговременныя осады многочисленныхъ непріятелей [1]).

Торговая и промышленная дѣятельность, морскіе и сухопутные разбои и войны составляли главные источники обогащенія народонаселенія. Они были столь обильны, что страна — по извѣстіямъ современниковъ — почти не знала бѣдности: о Поморьѣ шла молва, что тамъ не было ни нищихъ, ни бѣдняковъ; а если и были, то они находились въ сильномъ презрѣніи [2]). Когда епископъ Бернгардъ явился для проповѣди въ Волынъ, Волынцы, видя его наружное убожество, не повѣрили, чтобы онъ былъ посланникомъ истиннаго Бога, полнаго славы и *богатства;* они приняли его за обманщика, пришедшаго ради корыстныхъ цѣлей. Успѣхъ проповѣди Оттона бамбергскаго во многомъ зависѣлъ отъ того, что Поморяне уважили въ немъ *богатаго человѣка* [3]). Вообще, богатство давало не одну матеріальную, но и нравственную силу: люди наиболѣе богатые имѣли и наиболѣе вліянія въ дѣлахъ общественныхъ [4]). Какъ велики бывали богатства от-

---

1) Martini Galli Chronicon II, 48; III, 26, apud Bielowski Monum. Poloniae histor. p. 458, 483; Helmoldi Chronica I, 25—26, 57, 82; Saxonis Grammatici Historia, p. 799, 830, 864 sq. 885, 927 sq., 978—9, 999; Arnoldi lub. Chronica III, 7. cf. supra стр. 39, пр. 3. cf. Annales Egmundiani a. a. 1164.

2) «Otto, qui terram Pomeranorum, fama ferente, opulentam audiuerat et egenos atque mendicos penitus non habere sed uehementer aspernari».. etc. Herbordi Dialogus II, 7; «nec aliquis egenus aut mendicus apud eos (Ranos). aliquando repertus est.» Helmoldi Chronica, II, 12; cf. Saxonis Grammatici Historia p. 984; Ebonis Vita Ottonis III, 9: «opulentissima regna Pomeranorum».

3) Ebonis Vita Ottonis II, 1—3; III, 9; Herbordi Dialogus II, 7, 14.

4) Ebonis Vita Ottonis II, 8, 9; III, 2, 16.

части видно изъ имущества, принадлежавшаго храмамъ, и добычи, которая доставалась врагамъ славянъ [1]). Конечно, распредѣленіе богатствъ было далеко не равномѣрное: они сосредоточивались въ рукахъ немногихъ, и простой народъ едва-ли имѣлъ значительную часть въ нихъ; но въ настоящемъ случаѣ для насъ очень важно это господство плутократическаго начала: оно, какъ увидимъ, не мало отразилось и въ правной жизни балтійскихъ славянъ.

Судя по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и остаткамъ старыхъ славянскихъ терминовъ рѣчи, *домашній хозяйственный бытъ* и его обстановка были просты, но не бѣдны. Зажиточный славянинъ владѣлъ орудіями, утварью и многими иными предметами, необходимыми въ обиходной жизни [2]). Яства и вообще пища бывали разнообразны и многочисленны. Вина, по словамъ Сефрида— не знали и не старались добывать его; зато—умѣли приготовлять другіе хмельные напитки, превосходные меды и пиво [3]).

---

1) Herbordi Dialogus II, 32; Helmoldi Chronica I, 36, II, 12; Saxonis Grammatici Historia, p. 825, 845: «regem septem aequalis magnitudinis arcae, consecrata deorum numini pecunia refertae, a Rugianis allatae sunt»; cf. p. 752, 801, 886, 924; Annales Magdeburgenses sub an. 1169; Knytlin.-saga, c. 122; Annales Quedlinbur. s. an. 997, Monum. V, 73.

2) *Клада* (klada) = fass, *скудьлъ?* (sgittâl, stjittâl?), *вумборакъ*, (wumbarak, wunberack), *горнакъ* (ggòrnack)=горшокъ, *котелъ*, *котликъ* (tgüttgâl, tschüttschóol, tgüttlik, tjüttlik, tschütlig, kutlik), *корыто* (tjereita, -e, tyereitza), *решето* (rišete, resete, rissete), *рака*, *ракевица* (rakai, roatgay, roackweizia), *ключь* (kilgaux, kiljutz, kloitz); *сѣкира*, *-я* (tsytjer, sikar, sétjar, ssitjaria, zitjaria, ziettjar), *ножь* (nuz, nis, nüs), *ножицы* (nüsaitze, nüseitze), *клещи* (klesta, kleada, klèste), *видлы* (weidlo, weidloy, weitloy, weitloi), *гробли* (grublei, grubloi); *свѣча*, *свѣчникъ* (swetzia, suecia, schwezza, swêtznick); *постеля*, *-ь* (pustila, pestilija, pöstuhl, püstiglia), *ручникъ* (runznik), *гребень?* (griwin), *щеть* (ssatsit, saxyt); *зеркадло* (serriudlo, -e, sartjódela), *стеклиникъ* (saglinic), *лажица* (lasseitz, lazau); *кругъ*, *-жка* (crois, kranska, kreuska, croisko). Cf. supra, pag. 52, n. 2. Изъ остатковъ языка видно, что у балтійскихъ славянъ была опредѣленная система мѣръ: *корецъ* (tjératz, cjeratz, kuritz), — это довольно часто упоминаемый въ грамотахъ и у Гельмольда терминъ «Caritze, kuritz» = modius, Mekl. Urk. Buch № 65, 113, Helmoldi Chron. I, 87; слово встрѣчается одинаково почти во всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ; *копа* (tyipa), *локоть* (litgitt), *саженя* (zangsma, sangsaman), *пасмяи льна* (pösmang, posma).

3) Herbordi Dialogus II, 41; Ebonis Vita Ottonis III, 7; Helmoldi Chro-

О костюмѣ извѣстно немногое. Верхняя одежда, плащъ — была коротка, доходя только до колѣнъ, шляпа имѣла особую форму, отличную отъ нѣмецкой; обувь — кожаная; волоса и борода подстригались. Мужчины носили украшенія, браслеты-обручи и кольца; женщины—мониста, состоявшія изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ [1]).

Таково было состояніе матеріальной культуры балтійскихъ славянъ въ эпоху, предшествовавшую христіанству. Переходя къ изображенію *нравственнаго ихъ быта*, считаемъ необходимымъ припомнить, что отзывы о немъ идутъ отъ чужеземцевъ: имъ трудно было не только возвыситься надъ непріязненнымъ пристрастіемъ и антипатіей расы, но даже просто отличить существенныя черты и явленія отъ временныхъ и случайныхъ. Для нѣмцевъ, датчанъ, отчасти поляковъ — балтійскіе славяне представлялись народомъ дикимъ, свирѣпымъ, лукавымъ и лживымъ, вѣроломнымъ и непостояннымъ [2]). Такими, дѣйствительно,

---

nica, I, 82, 83, см. ниже стр. 68, пр. 1 и 2, с. 69, пр. 1. Guillelmi Malmesburiensis Gesta regum Anglorum II, 189, apud Wigger Mekl. Annal. p. 70. «Vinum nec habent nec querunt, sed melleis poculis et cerevisia curatissime confecta, vina superant Falernica», Herbordi Dialogus II, 1, cf. ibid. II, 14. Подъ словомъ «merum» напитка, находившагося въ рогѣ Святовита, Saxonis Gramm. Historia p. 824, должно, конечно — разумѣть также *медъ*; cf. supra, стр. 10, пр. 2 и с. 20, пр. 2. Въ языкѣ: *варенамука* (worenamunka) = gesotten Mehl.; *мясло?* (moeskum, mostie, mostge, mosca), *олея* (olaja, olja), *саръ* = сыръ (saaro, saroo, sarou), *мёдъ* (meda), *пиво* (poywi, peiwo, peiwi).

1) Ebonis Vita Ottonis II, 18; Helmoldi Chron. I, 38; Saxonis Gram. Hist. p. 823—4; Historia Magni Boni, c. 34 въ Scripta Hist. Island. t. VI; въ лицевомъ «Саксонскомъ Зерцалѣ» XIV в. изд. Mone, Batt'омъ и Weber'омъ, Teutsche Denkmäler, Heid. 1820, f. находится и нѣсколько изображеній славянъ: въ отличіе отъ саксовъ они представлены съ коротко остриженными волосами; одежда — или простая, короткая, съ косымъ воротомъ — рубаха, подпоясанная, или родъ камзола съ вырѣзанными внизу язычками (фестонами), ноги отъ обуви вверхъ перевиты лентообразною повязкою, шапки высокія, остроконечныя или съ закругленнымъ верхомъ. Въ языкѣ: *клобукъ* (klibick, klubuk, clubuc, klupe), *нитьнога* (netnosa) = чулокъ, *черевъ* (zriwei, zriv, zriw, zriwoi, zriwe, schriwe), *ронкавица* (ronkaweiz, runkaweiza); *нарстенъ* (parstin, parsten, porstin), *монисто* (mimeista).

2) Annales Hildesheim. a. aa. 992 (Pertz, Mon. V, 69); Annales Quedlinburg. a. aa. 997 (Pertz, Mon. V, 73); Thietmari Chron. VI, 18;

были они въ отношеніи своихъ враговъ; но едва-ли подобныя качества могутъ быть признаны за основныя черты народнаго характера. Это — плодъ тяжелыхъ обстоятельствъ жизни, знаменія времени насилія, неправды и озлобленія; это — пороки одичалаго существованія, но не основныя свойства пороковъ развращенной природы. За историческими наносами сами враги не могли не замѣтить и не признать болѣе свѣтлыхъ качествъ славянскаго характера. Съ нѣкоторымъ изумленіемъ говоритъ Видукиндъ о любви славянъ къ свободѣ, для которой они жертвовали всѣми другими благами, о необыкновенной простотѣ и суровости ихъ быта, о привычкѣ къ тяжелымъ трудамъ [1]). Свободолюбіе, незнавшее ограниченій, и потому ставшее отчасти причиною ихъ гибели, отмѣтило исторію ихъ чертами отваги и мужества, и пріобрѣло имъ славу храбрыхъ воителей и доблестныхъ защитниковъ отечества [2]). Среди безысходныхъ тревогъ, способныхъ порушить и извратить всѣ исконныя основанія и порядки жизни, славяне — какимъ то чудомъ — удержали многія добрыя качества лучшихъ временъ: добродушную простоту [3]), честность, гостепріимство. Адамъ бременскій передаетъ о Волынцахъ, что не было народа нравомъ и гостепріимствомъ честнѣе и благодушнѣе ихъ; Сефридъ разсказываетъ о Поморянахъ, что между ними господствуетъ такая правда и общительность, что

Martini Galli Chron. in Prooem.; Herbordi Dialogus II, 3, 4, 24, 30, 33; III, 37; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 7, 40; III, 3, 5, 13, 14, 23; Helmoldi Chronica I, 14, 25, 36, 52; Meklenb. Urk. Buch. грам. 1162 г. № 74.

1) «Illi (s. Slaui nichilominus bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes. Est namque huiuscemodi genus hominum durum et laboris patiens, uictu leuissimo assuetum; et quod nostris graui onere esse solet, Slaui pro quadam uoluptate ducunt», Widukindi Res gestae II, 20; cf. ibid. III, 53.

2) Einhardi Annales s. an. 789; Thietmari Chronicon, V, 5; VIII, 4; Adami bremens. III, 21; IV, 18; Martinus Gallus Chronicon II, 48; III, 26, apud Bielowski, Monum. P. h. I, p. 456, 483; Saxonis Gram. p. 833: «Tanto siquidem patrii munimenti caritate tenebantur, ut eius ruinarum socii quam superstites existere praeoptarent».

3) «rusticitas Slauica», Herbordi Dialogus, III, 30; cf. ibid. II, 26: «simplicitas plebis»; cf. II, 14.

имъ вовсе неизвѣстны кража и обманъ: у нихъ не видно ни замковъ, ни ключей, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, и весьма дивились, когда увидѣли запертыми вьюки и сундуки бамбергскихъ миссіонеровъ. Платье свое, деньги и все дорогое они хранятъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его. Ихъ столъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый отецъ семейства имѣетъ свой отдѣльный домъ, опрятный и честный, назначенный для угощенія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами: снимаются одни, немедленно ставятся другіе..., чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія вкусителей; и въ какое время кто ни захотѣлъ бы поѣсть — чужіе гости или домочадцы — ихъ ведутъ къ столу, гдѣ стоитъ все готово[1]). Сефридъ и Удальрикъ, миссіонеры-свидѣтели — указываютъ и самые примѣры подобной общительности и гостепріимства[2]). Гельмольдъ хвалитъ многія добрыя качества Руянъ, въ особенности — ихъ гостепріимство и заботу о престарѣлыхъ родныхъ и немощныхъ Онъ самъ имѣлъ случай убѣдиться въ справедливости ходившей въ то время молвы о при-

---

1) «moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inueniri», Adami brem. Gesta II, 19; «tanta est fides et societas inter eos, ut, furtorum et fraudium penitus inexperti, cistas aut scrinia serata non habeant. Nam seràm uel clauem ibi non uidimus; sed et ipsi admodum admirati sunt, quod clitellas nostras et scrinia serata uiderunt. Vestes suas, pecuniam et omnia preciosa sua in cuppis et doliis suis simpliciter coopertis recondunt, fraudem nullam metuentes utpote inexperti. Et quod mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam defereulatur; sed quilibet paterfamilius domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur; sed aliis absumptis alia subrogantur. Non sorex, non sorilegus (? murilegus) admittitur, sed de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam», Herbordi Dialogus, II, 41.

2) Ebonis Vita Ottonis, III, 7: «(Vdalricus et Albwinus) a matre familias, uxore scilicet prefecti urbis, honorifice suscepti sunt; ita ut pedes eorum summa humilitatis deuocione lauaret statimque, mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret; mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent»; cf. Herbordi Dialogus, III, 5.

вѣтливомъ гостепріимствѣ славянъ, какъ они — наперерывъ другъ передъ другомъ — спѣшатъ принять гостя, такъ что послѣднему нѣтъ никакой нужды просить кого-нибудь о пристанищѣ. Все, что пріобрѣтали они отъ земледѣлія, рыболовства и охоты, все цѣликомъ шло въ угощеніе; и тотъ слылъ болѣе достойнымъ человѣкомъ, кто былъ расточительнѣе. Позволялось даже воровство для того, чтобы не отказать гостю въ достойномъ пріемѣ. Отказъ въ гостепріимствѣ странникамъ, увидимъ далѣе, считался важнымъ преступленіемъ и строго наказывался [1]). Гостю принадлежало въ собраніи почетное мѣсто [2]). Несмотря на непривѣтливую обстановку быта, жизнь славянъ не была чужда веселія, игръ, пиршествъ и попоекъ, нерѣдко переходившихъ границы умѣренности. Саксонъ Грамматикъ передаетъ такіе случаи, что даже вблизи враговъ, среди войны — славяне не умѣли воздержаться и пировали до-пьяна. Пиршества нерѣдко сопровождались музыкой и пляской [3]).

Одна существенная черта народнаго характера, черта роковая, бывшая причиною гибели балтійскихъ славянъ — проходитъ чрезъ весь бытъ и всю ихъ исторію: это — беззаботность суще-

---

1) «et suscepit (Pribizlaus) nos cum multa alacritate, fecitque nobis conuiuium lautum. Mensam nobis appositam uiginti fercula cumularunt. Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse est. Quicquid enim in agricultura, piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiorem quemquam quo profusiorem iactitantes». Helmoldi Chronica, I, 82; cf. *ibidem*, I, 83; II, 12.

2) «(Absalon) inter ipsos (Rugianos) honoratissimo sedendi loco susceptus». Saxonis Gram. Historia, p. 796.

3) Thietmari Chronicon, VII, 50; Ebonis Vita Ottonis, III, 1; Herbordi Dialogus II, 14, 32; Helmoldi Chronica, I, 84, 52, 68; Saxonis Gram. 825, 682—3, 971, 982—3, 988. О пляскѣ и музыкѣ см. Herbordi Dialogus l. cit. Ebonis Vita Ottonis, ibid. Наивная веселость славянъ выражалась иногда очень оригинальнымъ образомъ: пѣніе псалтири вызывало новокрещенныхъ къ пляскѣ: «tu psalterium arripe, puto non alicuius mimi ante ianuam stantis, sed neque Sclaui saltantis... Ermenricus Augiensis (пол. 9 в.), ap. Pertz Monum. II, p. 101 in notis. Въ языкѣ: пѣснь (pessen), плясать (plungsat, plesat, ploosat, plusat).

ствованія, умственная малоподвижность, безпечность о будущемъ, какое-то инстинктивное отвращеніе отъ далекаго разсчета, отъ привычки осматриваться и взвѣшивать свое положеніе и итти впередъ путемъ сознательныхъ дѣйствій къ твердо опредѣленной цѣли. Такой *историческій порокъ* обусловилъ другіе: бытовую консервативность и застой, неумѣніе жертвовать частными интересами — общему благу, наклонность къ мелкой приходской враждѣ и раздору.

Касательно религіозныхъ вѣрованій балтійскихъ славянъ — ограничимся лишь немногими замѣчаніями общаго характера.

Какъ у прочихъ славянъ, такъ и у балтійскихъ — основаніемъ, или вѣрнѣе — формою языческой религіи послужило олицетворенное обоготвореніе предметовъ и явленій природы, солнца, грозы, небеснаго огня, облаковъ, дождя и т. д. Время, когда эти образы получили нравственный смыслъ и стали предметами религіознаго почитанія, лежитъ далеко за предѣлами исторіи балтійскихъ славянъ, какъ этнологической особи. Несомнѣнно, однако, что такой религіозно-миѳологическій процессъ произошелъ въ эпоху жизни земледѣльческой, въ тѣсной связи съ заботами и радостями земледѣльческаго быта. Тогда, изъ прежнихъ страшныхъ, но нравственно чуждыхъ человѣку диво-вищъ — вышли свѣтлые боги, которые, выражаясь словами одного изъ жрецовъ — одѣвали тукомъ поля и зеленью лѣса, во власти которыхъ были плоды нивъ, деревьевъ, скота, и все, что служитъ на пользу людямъ, поклонникамъ боговъ[1]. Тогда установились и празднества, какъ общественное выраженіе благодарности, просьбъ и моленій земледѣльца къ его божествамъ[2].

1) Herbordi Dialogus II, 23; III, 4.

2) Herbordi Dialogus II, 14; Ebonis Vita Ottonis III, 1, 8; cf. Saxonis Grammatici Historia p. 824. Изъ остатковъ языка, видно, что балтійскимъ славянамъ было извѣстно раздѣленіе года на мѣсяцы, мѣсяцевъ на недѣли: *роженца?* (risatz, rûsatz) = hornung, февраль; *сеньник* = (seninik) = іюль; *недѣля* (nidel, nidèlja, nidelga, nidiglia), *перендень* (perendân, perandân) = четвергъ. Этотъ фактъ доказывается также періодически-опредѣленными днями торговъ; см. выше стр. 67, пр. 3.

Тогда же, а можетъ быть и еще ранѣе — водворились въ бытѣ народа и тѣ тихія, мелкія божества, которыми, по понятіямъ славянъ, были населены поля, луга, рощи, лѣса и источники, и тѣ домашніе пенаты-дѣдки, которыхъ власть и дѣйствіе не выходило изъ круга семьи и рода [1]).

Этотъ древнѣйшій, семейно-земледѣльческій и стихійный періодъ религіи еще ясно свѣтитъ въ извѣстіяхъ источниковъ о вѣрованіяхъ балтійскихъ славянъ, онъ образуетъ такъ сказать первый слой ихъ.

Войдя въ бурную исторію, богопочитаніе ихъ не могло не измѣниться въ своемъ характерѣ. Оно вѣрно отподобило образъ жизни народа, раздвоенной между мирными занятіями и суровой, ожесточенной борьбой со врагомъ, грабежами, внутренними усобицами, всякими погромами и страданіями. На семейномъ, земледѣльчески-мирномъ основаніи богопочитанія балтійскихъ славянъ — подъ вліяніемъ исторіи, выростаетъ новый слой: съ прежней религіей земледѣльца сливается религія воина и пирата, религія — гнѣвная и воинствующая. Какъ предметъ высшаго поклоненія, на огромномъ столбѣ укрѣпляется *оружіе* (копье), божества воплощаются въ грозные образы, облеченные во всеоружіе и доспѣхи воиновъ; они караютъ гибелью, дарятъ побѣды, требуютъ чествованія военной добычей и кровавыми человѣчьими жертвами, въ которыхъ находятъ особое наслажденіе. Подъ ихъ знаменами врагу несется смерть и безпощадное разореніе. Каждую ночь выѣзжаетъ божественный всадникъ (Свантовитъ) на жестокую битву и, къ утру на усталомъ, опѣненномъ конѣ возвращается домой... Между собою божества находятся также въ постоянномъ раздорѣ, враждуютъ о первенствѣ и ведутъ поклонниковъ огнемъ и мечомъ защищать свою гегемонію. Даже при мирныхъ земледѣльческихъ празднествахъ они не оставляютъ

---

1) Thietmari Chronicon VII, c. 50, cf. VI, 26; Herbordi Dialogus II, 32; Ebonis Vita Ottonis III, 18; Helmoldi Chronica I, 47, 52, 83; Saxonis Gram. Hist. p. 832, 845; Knytlinga-saga c. 121.

своей воинственной одежды, шествуя въ сопровожденіи боевыхъ знаменъ и значковъ [1]). Видное мѣсто въ іерархіи боговъ занимаетъ особое, и въ исторіи европейскаго язычества почти безпримѣрное, *мрачное божество* (Чернобогъ), во власти котораго находится всякое зло и несчастіе [2]).

Вотъ образы, созданные длиннымъ рядомъ историческаго озлобленія, битвъ вражды и страданій! Что другого могли пробудить они въ душѣ народа, кромѣ чувства безотраднаго страха предъ ними, кромѣ дикой отваги, кромѣ нравственнаго мрака и коснѣнія?

Дѣйствительно, религіозная жизнь балтійскихъ славянъ, несмотря на внѣшнее развитіе, была исполнена тяжелаго, подавляющаго суевѣрія, неспособнаго ни къ какому движенію впередъ и очень способнаго заглушить всякое подобное движеніе. Подъ вліяніемъ тревожной исторіи исчезла та ровность, то спокойствіе духа, которымъ вообще отличается язычество европейскихъ народовъ и которое сообщаетъ ему привѣтливый, вѣротерпимый характеръ. Религія балтійскихъ славянъ стала религіей народнаго фанатизма: она слилась съ местью, ненавистями и буйными страстями народа и возвела ихъ до апоѳеозы. Среди нея выросло и окрѣпло учрежденіе, которое могло только усилить зло и въ конецъ исказить болѣзненный организмъ ея, учрежденіе, которому подобнаго мы не находимъ ни у одного изъ славянскихъ племенъ. Разумѣемъ — сильную жреческую іерархію [3]). Какимъ

1) Thietmari Chronicon, VI, 17—18, VII, 47; Adami brem. Gesta, III, 50; Epistola Brunonis ap. Wigger Mekl. Ann. a. a. 1008; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 18; III, 1, 3, 8; Herbordi Dialogus, III, 6; Mon. Priefl. Vita Ottonis II, c. 6, apud Pertz Mon. Germ. hist. Scr. t. XII; Helmoldi Chronica I, 21, 36, 52, 69; II, 12; Saxonis Gramm. Historia 824—5 sq., 830 sq., 842; Knytlingasaga c. 122.

2) Helmoldi Chronicon, I, 52. Къ Чернобогу до нѣкоторой степени подходитъ Локи сѣверной миѳологіи, но только до нѣкоторой степени, ибо образъ его все же смягченъ ироніей; да къ тому же злобный и ненавистный въ отношеніи боговъ, Локи къ людямъ почти равнодушенъ.

3) Thietmari Chronicon VI, 17; Ebonis Vita Ottonis II, 1, 4, 7, 18; III, 1, 6, 8, 15, 16, 20; Herbordi Dialogus II, 33, 34; III, 4, 14; Helmoldi Chronica, 1, 6, 36, 38, 83; II, 12; Saxonis Gram. Historia, p. 824, 826, 827.

путемъ возникла она, пришла-ли извнѣ (съ сѣвера или отъ Пруссовъ), развилась ли самобытно — мы не знаемъ; но вѣрно то, что жречество легло на бытѣ народа мрачнымъ, тяжелымъ бременемъ. Своей систематизаціей язычества, укрѣпленіемъ наивныхъ вѣрованій и преданій въ мертвенные догматы, установкою формъ и порядковъ культа, апоѳеозою народныхъ страстей и ненавистей — жрецы окончательно сковали и развратили нетвердыя мысли и чувства народа, поработивъ ихъ суевѣрному ритуалу страхомъ всякихъ каръ и наказаній, подавивъ, или по крайней мѣрѣ — стѣснивъ свободное движеніе ихъ, усиливъ и такъ сказать освятивъ свирѣпость народнаго озлобленія и страстей. Правда, въ догматикѣ жрецовъ есть слѣды нѣкоторыхъ довольно возвышенныхъ понятій[1]); но они, кажется, проходили даромъ, нисколько не облегчая дѣла народнаго развитія; да и что значатъ эти мелочи сравнительно съ массой темныхъ мыслей и дѣйствій, внушенныхъ или навязанныхъ этими учителями простодушному и запуганному народу!

Выше (стр. 36), говоря о движеніи исторіи балтійскихъ славянъ, мы теоретически сдѣлали выводъ, что въ жизни ихъ религія, или вѣрнѣе — религіозная практика должна была имѣть несравненно болѣе дѣятельное и важное значеніе, чѣмъ въ прочномъ бытѣ племенъ мирныхъ и пользующихся миромъ. Предположеніе — оправдывается дѣйствительностью. Религія, или говоря точнѣе — мрачное суевѣріе обняло здѣсь всѣ важнѣйшія отправленія жизни. Преданный непостоянству судьбы, язычникъ на каждомъ шагу страшился пробудить и навлечь губительный гнѣвъ своихъ страшныхъ боговъ, не смѣлъ не только произносить ихъ имени, но даже дышать въ святилищѣ предъ ихъ образами.

---

1) Къ жреческой догматикѣ, на нашъ взглядъ, должно отнести понятіе о *богѣ боговъ* и объ отношеніяхъ къ нему другихъ божествъ, происходящихъ отъ его крови. Helmoldi Chronica I, 83. Объясненіе значенія повязки, закрывавшей глаза Триглава, Ebonis Vita Ottonis III, 1, — принадлежитъ также къ жреческой богословіи.

Среди самаго веселія его не оставляла тяжелая мысль о геніи зла, и онъ посвящалъ ему, какъ заклинаніе, свою круговую чашу[1]). Богамъ шла лучшая часть добычи, лучшія жертвы; забота о красотѣ и богатствѣ ихъ видимыхъ образовъ и храмовъ, гдѣ обитали они — была одной изъ существенныхъ заботъ народа и составляла предметъ его гордости; ихъ святилища владѣли богатыми имуществами, пользовались многими данями и пошлинами[2]). Подъ покровомъ и при участіи религіи совершались всякія общественныя дѣла и предпріятія и происходили совѣщанія о нихъ. Жрецы имѣли въ нихъ первенствующее мѣсто; власть ихъ иногда бывала неограниченною[3]). Ища опоры и правилъ для жизни въ своихъ богахъ, славяне стремились узнать волю и опредѣленія ихъ посредствомъ различныхъ обрядовыхъ дѣйствій, гаданій, и поступали сообразно съ обнаруженными такимъ образомъ знаменіями и предвѣщаніями[4]).

Однимъ словомъ, религія была могучимъ двигателемъ жизни, источникомъ, откуда черпалось много силы и воодушевленія для борьбы съ нею. Она — дѣйствительно, поддержала на нѣкоторое время падающій духъ народа, но возродить и спасти его не могла уже и потому, что сама обречена была неминуемой гибели.

Остается — сказать объ общемъ состояніи образованности у балтійскихъ славянъ.

Хотя и существуютъ намеки, что имъ было не безызвѣстно употребленіе письменъ, однако — до сихъ поръ не только не открыто ни одного памятника ихъ письменности, но даже и ни одного прямого положительнаго указанія о быломъ существованіи

---

1) Helmoldi Chronica I, 52, 83; Herbordi Dialogus III, 6; Saxonis Gramm. Historia, p. 824.

2) Thietmari Chronicon VI, 18; VIII, 4; Herbordi Dialogus II, 32; III, 7; Ebonis Vita Ottonis III, 9, 10; Helmoldi Chronica I, 6, 21, 36, 38, 52, 83; II, 12; Saxonis Gram. Hist. p. 822, 824 sq., 834, 841, 845.

3) Herbordi Dialogus II, 32; Helmoldi Chronica I, 6, 36, 38, 83; II, 12.

4) Thietmari Chronicon VI, 17; Herbordi Dialogus II, 32—3; Monachi Priefl. II, 11; Helmoldi Chronica I, 36, 52; II, 12; Saxonis Gram. Hist. p. 827.

такихъ памятниковъ, такъ что пока изслѣдователь вправѣ вообще отрицать существованіе письменности у балтійскихъ славянъ[1]). Лишенные такого важнаго средства образованности, они до нѣкоторой степени восполняли этотъ недостатокъ знакомствомъ съ плодами образованности другихъ странъ и народовъ. Средства и путь предлагали имъ обширныя торговыя сношенія. Ихъ вліянію, конечно, должно приписать то развитіе вкуса и художественнаго чувства красоты, слѣды котораго замѣчены свидѣтелями-очевидцами. Титмаръ передаетъ, что въ Радигощѣ стоялъ храмъ художественно сложенный изъ дерева; внѣшнія стѣны его были украшены различными изображеніями боговъ и богинь, удивительно красиво изваянными[2]). Сефридъ, человѣкъ образованный, жившій во время высшаго процвѣтанія, такъ называемаго романскаго искусства и, конечно, умѣвшій хорошо различать и цѣнить истинное художество, говоритъ, что главная *кóнтина* въ Штетинѣ была отстроена съ удивительной отдѣлкой и искусствомъ: внутри и снаружи по стѣнамъ ея находились рѣзныя выдающіяся изображенія людей, птицъ и звѣрей, представленныя столь естественно и вѣрно, что — казалось, они живутъ и дышатъ; но, — особенная рѣдкость: краски наружныхъ изображеній отличались необыкновенною прочностью, ни снѣгъ, ни дождь не могли потемнить или смыть ихъ... Таково было искусство живописцевъ! Удальрикъ, съ своей стороны, сообщаетъ, что въ Гостьковѣ на-

---

1) «Dii stant manufacti — singulis nominibus insculptis». Thietmari Chronicon, VI, 17. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ въ старьградскомъ округѣ найдена была урна съ неизвѣстными руноподобными надписями, см. Jahrbücher des Vereins für meklenburg. Geschichte und Alterthumskunde, B. XXIV, Schw. 1859, p. 16 sq. Надписи — не нѣмецкія и не сѣверныя; но славянскія ли? Это вопросъ. Что балтійскимъ славянамъ извѣстно было употребленіе письменности, это, *кажется*, можно заключать и изъ показанія Герборда: Штетинцы говорили: «si apud ducem (Poloniae) perpetue pacis stabilitatem obtinere tributumque alleuiare queant, his ibi coram suis et nostris legatis ex *scripto* firmatis, christianis se legibus sponte inclinarent»... Herbordi Dialogus II, 26.

2) «fanum de ligno artificiose compositum... huius parietes uariae deorum dearumque imagines mirifice insculptae, ut cernentibus uidetur, exterius ornante... Thietmari Chronicon VI, c. 18.

ходился богато украшенный и построенный съ удивительнымъ искусствомъ храмъ; на него жители затратили огромныя деньги и гордились имъ, какъ славнымъ украшеніемъ города. Тамъ находились огромные, но изваянные съ невѣроятнымъ изяществомъ — идолы [1]). Художественную отдѣлку Свантовитова святилища и кореницкихъ храмовъ отмѣтилъ Саксонъ Грамматикъ [2]). Допустивъ даже, что эти произведенія художественной архитектуры, скульптуры и живописи были дѣломъ рукъ и искусства чужеземныхъ художниковъ, все же — нельзя не видѣть, что народъ, чувствовавшій потребность въ нихъ и умѣвшій цѣнить ихъ — стоялъ не на низкой степени образованности. Конечно, приведенные факты не даютъ еще права заключать о *повсемѣстномъ* распространеніи образованности; но оставить ихъ безъ вниманія нельзя: что было въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, то могло быть и во многихъ, гдѣ только проживали люди бывалые, которымъ удалось «многихъ земель города посѣтить и обычаи видѣть», и которые пожелали внести въ жизнь свои опыты и знанія. Какъ дѣйствовали торговыя сношенія на образованность жителей, всего яснѣе видно на городѣ Волинѣ. Купцы-путники разсказывали Адаму бременскому о немъ чудеса, будто онъ болѣе всѣхъ (конечно — ими видѣнныхъ) городовъ въ Европѣ, будто въ немъ

1) «Vna ex his (continis), que principalis erat, mirabili cultu et artificio constructa fuit, interius et exterius sculpturas habens, de parietibus prominentes: imagines hominum et uolucrum et bestiarum, tam proprie suis habitudinibus expressas, ut spirare putares ac uiuere. Quodque rarum dixerim, colores imaginum extrinsecarum nulla tempestate niuium uel imbrium fuscari uel dilui poterant; id agente industria pictorum». Herbordi Dialogus, II, 32; «in (urbe Chozegowa) magni decoris et miri artificii fana erant que ciues eiusdem loci trecentis extruxerant talentis»... Ebonis Vita Ottonis, III, 9. Къ этому Гербордъ прибавляетъ: «multum in illo (sc. fano) gloriabantur, eo quod uideretur magnum tocius ciuitatis esse ornamentum», III, 7; iocundum erat spectaculum, cum simulacra mire magnitudinis et sculptoria arte incredibili pulchritudine celata... igni cremanda trahebantur». Ebonis, ibid., III, 10.

2) «Medium urbis (Arkon) planicies habebat, in qua delubrum materia ligneum, opere elegantissimum uisebatur». «(Karentia) trium praepollentium fanorum aedificiis erat, ingenuae artis nitore uisendis»: Saxonis Gram. Historia p. 827, 841.

находится все рѣдкое и пріятное, будто жители его — самый гостепріимный и привѣтливо-вѣжественный народъ въ мірѣ [1])... Молва, нѣтъ сомнѣнія, преувеличенная; но не безосновательная.

Здѣсь мы остановимся, въ немногихъ словахъ подведемъ итогъ всему, доселѣ изложенному, и сдѣлаемъ переходъ къ дальнѣйшему.

Разсматривая явленія матеріальной и нравственной жизни балтійскихъ славянъ, нельзя не замѣтить рѣзкой, поражающей двойственности ея.

Съ одной стороны — мы видимъ народъ съ рѣшительными наклонностями къ мирнымъ занятіямъ земледѣліемъ, промыслами, ремеслами и торговлей, народъ беззаботный и простодушно добрыхъ нравовъ, честный, привѣтливый, дружественно-гостепріимный, безпечный и малоспособный къ политическимъ разсчетамъ и предпріятіямъ, сильно привязанный къ старымъ формамъ, порядкамъ и обычаямъ жизни, къ старой свободѣ, неумѣющій поступаться ею даже для достиженія высшихъ, спасительныхъ цѣлей; словомъ — народъ, хотя не чуждый нѣкоторой образованности, но все же близкій къ патріархальному времени и, сравнительно съ сосѣдями, на нѣсколько вѣковъ опоздавшій въ историческомъ движеніи впередъ.

Съ другой стороны—насъ встрѣчаетъ племя буйное, одичалое въ безпрерывной борьбѣ со врагомъ-чужеземцемъ и между собою, преданное грабежамъ и разбою, озлобленное, и потому свирѣпое, безпощадное и загрубѣлое въ жестокостяхъ; племя, до крайности развившее корыстный эгоизмъ, заставлявшее много страдать другихъ, но и само страдавшее еще болѣе; племя, наконецъ — безотрадно ходившее во тьмѣ и сѣни смертнѣй, отовсюду опутанное сѣтями мрачнаго суевѣрія, жадно требовавшаго крови, грозившаго одними карами да ужасами.

Мы имѣемъ предъ собою какъ будто два, совершенно различные, далекіе народа!

---

1) Adami brem. Gesta II, 19.

Первыя свойства были свойствами природы и естественныхъ условій и обстоятельствъ жизни, вторыя — были результатомъ условій и отношеній историческихъ.

Исторія давала совершенно иное направленіе дѣятельности, понятіямъ, чувствамъ и наклонностямъ народа, чѣмъ то, къ которому располагала его и природа характера и долговременныя привычки, отвердѣвшія въ характеръ. Жизнь проходила подъ дѣйствіемъ этихъ двухъ непримиренныхъ и другъ друга исключающихъ силъ, и потому была полна глубокихъ внутреннихъ противорѣчій. Среди тяжелыхъ, ожесточающихъ историческихъ обстоятельствъ — свойства мирной, доброй природы народа поступались, слабѣли и искажались, но все же они были еще довольно сильны и выходили наружу всюду, гдѣ открывалась свобода и просторъ ихъ обнаруженію. Въ этой борьбѣ и взаимнодѣйствіи двухъ разнородныхъ началъ заключается, на нашъ взглядъ, разгадка не только многихъ непонятныхъ явленій, но и вообще всего быта и исторіи балтійскихъ славянъ. Здѣсь — ключъ къ правильному ихъ пониманію!

Той же двойственности подчинялась и *область права:* она была въ этомъ случаѣ вѣрнымъ отраженіемъ самой жизни, колебавшейся между дѣйствіями двухъ различныхъ силъ и немогшей привести ихъ въ согласіе.

Потому, напрасно стали бы мы искать здѣсь какого-нибудь одного общаго, управляющаго отдѣльными явленіями, начала. Въ тотъ періодъ исторіи, который составляетъ предметъ нашего изслѣдованія, главными источниками права и правныхъ дѣйствій бываютъ или старые, вѣками сложившіеся убѣжденія и порядки быта, или инстинкты, привычки и понятія, выходящія изъ историческихъ обстоятельствъ и отношеній. Иногда эти двѣ силы дѣйствуютъ вмѣстѣ, сливаясь и пополняя другъ друга, но чаще — они идутъ врозь, сами по себѣ и исполняютъ жизнь противорѣчіями и внутренней борьбой. Народы, сильные единствомъ — обыкновенно счастливо переживаютъ этотъ болѣзненный кризисъ, выходя изъ него какъ бы обновленными; народы же слабые и

безпечные погибаютъ, т. е. переходятъ «въ языкъ инъ и племя ино.»

Древности права.

Право. Обычай. Законъ. Постановленія власти.

Титмаръ, какъ бы противъ своей воли — даетъ довольно опредѣленное свидѣтельство о томъ, что балтійскіе славяне считали закономъ — вѣрное исполненіе слова или обязательства. «Вѣроломные, говоритъ онъ, и измѣнчивые сами, они требуютъ отъ другихъ точной и непреложной вѣрности [1].» Если таково было требованіе отъ враговъ и чужихъ людей, то тѣмъ болѣе оно имѣло мѣсто и силу въ собственныхъ отношеніяхъ, гдѣ являлось необходимѣйшимъ условіемъ общежитія. Мы слышали (стр. 67) отзывы Адама бременскаго и Сефрида о необычайной честности, правдивости и общительномъ довѣріи (fides et societas), существовавшихъ у Руянъ и Поморянъ; другой свидѣтель XII вѣка передаетъ и частный случай *обычной славянамъ* вѣрности однажды сдѣланному уговору [2]). Такія постоянныя черты народнаго характера выходили, конечно, не изъ однихъ инстинктовъ доброй, простой природы, но и изъ сознанія правды, изъ убѣжденія въ необходимости справедливыхъ дѣйствій, словомъ — изъ юридической идеи. Потому, оставляя въ сторонѣ отзывы закупленныхъ враждою чужеземцевъ, упрекающихъ славянъ въ вѣроломствѣ, лживости и непостоянствѣ (см. стр. 66—7), мы имѣемъ полное основаніе думать, что *понятія права, правды, справедливости, нравственнаго закона*, вопреки многимъ житей-

---

1) «Infideles ipsi et mutabiles ipsi, inmutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem», Thietmari Chronicon VI, 18.

2) Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis, cap. XXII, apud Langebek: Scriptores rerum danicarum, t. V. Haun. 1783, p. 363. Объ этомъ свидѣтельствѣ см. ниже, въ ст. о «договорахъ».

скимъ искушеніямъ и несмотря на частое забвеніе ихъ — оставались въ бытѣ славянъ на степени понятія опредѣленно-твердаго, какъ живое правное начало, которому подчинялись частныя и общественныя дѣйствія и отношенія лицъ.

Совокупность юридическихъ обыкновеній, законовъ и постановленій, подъ властью и дѣйствіемъ которыхъ жили балтійскіе славяне, обозначается въ источникахъ слѣдующимъ образомъ:

«Ritus gentis slauicae, ius gentis Slauorum, ritus gentilis, lex, mos regionis, mos gentis slauicae, lex antiqua patrum et maiorum, leges antiquae, patriae leges, parentum ueterae traditiones, priscae patrum consuetudines, ius slauicum, ius proprium, gentis slauicae consuetudo, ius pomeranicum, consuetudo, quae ius slauicum appellatur, consuetudo, quae in Slauia pro lege (uel iure) consueuerat obseruari» [1]).

Разсматривая внимательно употребленіе этихъ выраженій въ самихъ текстахъ свидѣтельствъ, нельзя не замѣтить, что ими обозначаются два близкія, но различныя юридическія начала: во первыхъ—*начало права обычнаго*, или старыя обыкновенія, сохраненныя путемъ преданія; во вторыхъ—*начало права и власти государственной*, или установленія правительства.

Не имѣя письменности, балтійскіе славяне не имѣли и письмомъ укрѣпленной «*правды*». Они руководились обычаями, преданіями и примѣрами отцовъ, жили по старинѣ и «закону свѣту», установленному предками и переданному ими, какъ наслѣдье — потомкамъ. Законъ отцовъ, «lex antiqua patrum et maiorum» былъ полнымъ вождемъ и правителемъ ихъ жизни.

Власть обычнаго права имѣла широкое пространство: ему подчинялись какъ семейныя и вообще частныя отношенія, такъ во многомъ — и общественныя.

---

1) Einhardi Annales sub. an. 823; Widukindi Res gestae Sax. II, 21; Herbordi Dialogus, II, 22—4, 26, 32; Ebonis Vita Ottonis, II, 7, 11; Helmoldi Chronica, I, 13; cf. c. 82; Codex Pomer. diplom. № 41, 86, 126; Mekleab. Urk. Buch № 114, 150, 247 etc.; «wendesch rechte» упоминается въ Саксонскомъ Зерцалѣ, кн. III, art. 73.

Семья или родъ (ибо родъ въ сущности есть только естественное распространеніе семьи), какъ древнѣйшій природно-юридическій союзъ, непрерывно продолжающійся отъ незапамятной древности до нашихъ дней, тѣмъ крѣпче должна была хранить обычай и тѣмъ полнѣе довольствоваться имъ, что область ея была мало открыта для новыхъ, измѣняющихъ явленій и вліяній. Регулирующее общественное начало заходитъ сюда очень поздно, не ранѣе полнаго утвержденія христіанства и церковнаго закона. До того времени семья управлялась своимъ обычаемъ, порядки ея находились въ исключительномъ вѣдѣніи закона по преданію. Послѣдній можно сказать выросъ среди нея.

Тоже должно замѣтить и вообще о частныхъ отношеніяхъ лицъ: обычай, по большей части, представлялся достаточнымъ для точнаго опредѣленія и разрѣшенія затрудненій ихъ.

Въ дѣлахъ и отношеніяхъ общественныхъ обычное право имѣло дѣйствующую силу тамъ, гдѣ общественные порядки и учрежденія велись по старинѣ, гдѣ они связывались съ нею непорванною нитью живого преданія.

Когда обычный законъ прямо оказывался недостаточнымъ для разрѣшенія возникавшихъ вопросовъ и случайностей подвижной жизни и исторіи, то постановлялся *новый* (чешск. nalez, sententia, decretum) [1]), который, смотря по свойству, могъ имѣть или постоянное дѣйствіе, или временное, на данные случаи. Во времена, болѣе далекія, при полномъ господствѣ преданія, такіе законы и рѣшенія происходили на стародавнихъ основаніяхъ, путемъ самобытной мысли; но по мѣрѣ историческаго развитія племени и знакомства его съ бытовыми порядками другихъ, чужеземныхъ народовъ, могли усвояться и получать законную силу и нѣкоторыя чужеземныя обыкновенія, тѣмъ легче, чѣмъ менѣе они противорѣчили исконному строю жизни и тѣмъ ближе могли отвѣчать встрѣчавшимся требованіямъ и нуждамъ.

1) Herbordi Dialogus II, 4, 25; III, 30.

Религіозныя учрежденія и порядки держались также силою обычая, принадлежали къ тому же твердому, преданіемъ донесенному закону.

Обычное право балтійскихъ славянъ есть памятникъ того отдаленнаго времени, когда вполнѣ господствовало частное, семейное или родовое начало. Освященное вѣковою практикой народа, оно имѣло болѣе охраняющій, консервативный, чѣмъ прогрессивный характеръ. Его дѣйствіе въ народномъ бытѣ было тѣмъ шире и значительнѣе, что сама исторія располагала народный характеръ къ упорному консерватизму. Здѣсь умѣстно остановиться на одномъ отличительномъ свойствѣ обычнаго права, невниманіе къ которому часто приводитъ къ неразрѣшимымъ недоумѣніямъ и ложнымъ выводамъ. Мы говоримъ о присущихъ ему внутреннихъ противорѣчіяхъ и несогласіяхъ. Обычное право — не есть органическое-цѣлое, члены котораго, выходя изъ одного начала, отвѣчали бы другъ другу и по идеѣ и по дѣйствію: это — сборный результатъ предшествующей жизни народа, гдѣ механически, неупорядоченно и несоглашенно — скопились самыя гетерогенныя, исторически различныя и нерѣдко—другъ друга исключающія, начала: обычаи вѣковъ глубочайшей древности, дошедшіе по преданію, и порядки послѣдняго времени; рѣшенія давнымъ давно пережитой старины и отвѣты на новыя потребности; здѣсь заурядъ, совокупно дѣйствуетъ и то, что прямо вытекаетъ изъ жизни, имѣетъ смыслъ и значеніе, — и то, что утратило всякій смыслъ и держится только силою традиціонной привычки и безотчетнаго вѣрованія народа въ его непонятную правду и непреложность. Между такими различными и разновременными фактами — противорѣчія и несогласія неизбѣжны. Иногда, при дѣятельномъ направленіи народной мысли, эти противорѣчія устраняются и сглаживаются: старые, отжившіе обычаи падаютъ или получаютъ новую окраску и направленіе; но очень часто они живутъ и дѣйствуютъ въ своей древней формѣ, уцѣлѣвшей вопреки всѣмъ успѣхамъ быта. Особенно стойки и сильны бываютъ они тамъ, гдѣ ихъ противорѣчіе съ новыми порядками ограничивается

одною, такъ сказать, теоретическою стороною дѣла, гдѣ они не мѣшаютъ практическому ходу новыхъ, вызванныхъ самою жизнью, обычаевъ и учрежденій. Тамъ — старое мирно уживается съ новымъ, не смущая людей своими взаимно другъ друга исключающими противорѣчіями. Таковъ вообще характеръ обычнаго права. А потому — ложный шагъ сдѣлаетъ тотъ, кто захочетъ объяснить всѣ его явленія изъ одной общей идеи, или согласить ихъ противорѣчія: онъ неминуемо придетъ къ ложнымъ, противорѣчащимъ живой исторіи, заключеніямъ.

Какимъ образомъ и какимъ путемъ въ бытѣ балтійскихъ славянъ зародились начала государственной власти и права — одинъ изъ самыхъ темныхъ и самыхъ трудныхъ вопросовъ ихъ древности. Развились ли они путемъ естественнымъ, изъ обычныхъ, семейно-родовыхъ учрежденій и порядковъ, вошли ли въ жизнь помимо воли и санкціи массы, какъ простые факты внѣшней силы, получившіе потомъ только юридически-обязательное значеніе закона — рѣшить, пока, невозможно; одно не подлежитъ сомнѣнію, что, еще до начала положительной исторіи балтійскихъ славянъ, въ бытѣ ихъ уже присутствуютъ эти зародыши государственной власти. Они очень еще слабы, но тѣмъ не менѣе дѣйствительны: самъ народъ признаетъ не только фактическое ихъ существованіе, но и право на такое существованіе.

Событія тревожной исторіи и шедшее въ связи съ ними усиленіе общественной власти — сдѣлали необходимымъ установку нѣкоторыхъ юридическихъ порядковъ и правилъ, которыми опредѣлялись права и дѣйствія власти, общественныя обязанности и повинности народа. Это — начатки государственнаго наряда и администраціи.

Отъ старыхъ правныхъ обычаевъ эти юридическіе институты существенно отличались тѣмъ, что они почти вовсе не касались области частнаго права и частныхъ отношеній лицъ; равнымъ образомъ, почва тѣхъ и другихъ была различна: обычный законъ, за немногими исключеніями, выросъ на народныхъ основаніяхъ, а постановленія правительства довольно рѣдко бывали

самобытны, и по большей части переносились отъ сосѣднихъ народовъ, которые имѣли болѣе твердую государственную организацію и ея учрежденія. Для народа, преданнаго старинѣ и упорно хранившаго формы розничнаго, безгосударственнаго быта — государственныя учрежденія были, конечно, началомъ стѣснительнымъ и чуждымъ, и не могли имѣть той нравственно обязательной силы, какою пользовались его коренные обычаи; тѣмъ не менѣе, de facto — власть ихъ являлась столь же дѣйствительною, какъ и власть излюбленнаго обычнаго закона: имъ подчинялись по необходимости.

Таковы были два главныя начала права, два закона, подъ дѣйствіемъ которыхъ проходила жизнь и развивалась культура балтійскихъ славянъ. Иногда они дѣйствовали врозь, сами по себѣ, иногда сближались въ стремленіяхъ и даже основаніяхъ, обычное учрежденіе кой-гдѣ становилось государственнымъ институтомъ, послѣдній входилъ въ обычай; но природа ихъ была различна, а отсюда — различна была и степень вліянія ихъ на жизнь народа. Несмотря на то, что обычное правс являлось консервативнымъ, задерживающимъ началомъ, что оно старалось лишь сохранить существовавшія, многовѣковой практикой закрѣпленныя, формы быта и его порядки, все же оно было началомъ твердымъ, живою дѣйствующею силою, которая управляла частными и общественными житейскими отношеніями и связывала въ одно цѣлое отдѣльные члены обществъ и племенъ. Начатки государственнаго элемента не могли достигнуть такого значенія уже и потому, что остались на степени слабыхъ начатковъ, не успѣвъ развиться въ твердую организующую и объединяющую силу. Для жизни и успѣховъ народной славянской культуры они не принесли никакихъ существенныхъ улучшеній, ничего, что могло бы укрѣпить основы быта, сплотить и упорядочить расшатанные исторіей его элементы. Какъ слабо и безжизненно было у балтійскихъ славянъ туземное государственное начало — всего яснѣе видно, наконецъ, изъ того, что оно съ удивительною скоростью и безъ всякой борьбы, незамѣтно перехо-

дить въ начало нѣмецкое. Только со времени этого самоуничтоженія оно получаетъ дѣйствительную силу и старается проявить ее прежде всего въ ревностномъ введеніи и утвержденіи германскихъ порядковъ.

Хотя всѣ славянскія племена, сидѣвшія на пространствѣ между рѣками Лабой и Вислой, были самыми близкими родственными побѣгами одной этнографической отрасли, тѣмъ не менѣе, относительно степени своего развитія, они представляютъ не мало различія, смотря по мѣсту жительства и болѣе или менѣе благопріятнымъ для успѣховъ культуры условіямъ. Племена, обитавшія при морѣ, въ мѣстахъ, гдѣ происходила значительная торговая дѣятельность, вблизи городовъ, какъ Оботриты, сѣверные Лютичи и Поморяне — стояли, конечно, на несравненно высшей степени развитія, чѣмъ иные ихъ соплеменники, проживавшіе въ глухихъ мѣстахъ, среди болотъ и лѣсовъ, и такимъ образомъ отчужденные отъ прочаго міра. Эта неравномѣрность распространенія культуры замѣтна кой-гдѣ и въ скупыхъ показаніяхъ источниковъ, ею объясняется не только различіе въ нѣкоторыхъ обычаяхъ и учрежденіяхъ однихъ племенъ отъ другихъ; но и вообще неравномѣрность въ развитіи правной культуры балтійскихъ славянъ: у однихъ государственная власть выступаетъ сильнѣе и значительно уже ограничиваетъ свободу обычнаго права, у другихъ она остается на степени простыхъ зародышей, а обычный законъ еще дѣйствуетъ полновластно; койгдѣ мы встрѣчаемся съ обыкновеніями единичными, дѣйствующими въ одной какой-нибудь мѣстности и совершенно забытыми или вовсе неизвѣстными въ другой... Намъ нерѣдко прійдется указывать на подобныя явленія, и мы считаемъ важнымъ напередъ признать и отмѣтить такой фактъ, чтобы не дать повода видѣть обобщеніе тамъ, гдѣ дѣло идетъ только о частномъ, такъ сказать приходскомъ обычаѣ и учрежденіи, не переходящемъ за черту одного какого-нибудь племени.

Семейный бытъ.

Полъ. По древнему праву европейскихъ народовъ, женщина выступаетъ лицомъ, менѣе правоспособнымъ и меньшей юридической цѣнности, чѣмъ мужчина.

Это начало, не чуждое понятіямъ всѣхъ славянъ, дѣйствуетъ во всей своей силѣ и въ бытѣ славянъ балтійскихъ. Изъ послѣдующаго изложенія откроется, что а) мужескій полъ имѣетъ безусловное право на жизнь, женскій же — съ извѣстными ограниченіями, опредѣляемыми отцовскою властью; что б) наслѣдниками и владѣтелями семейнаго имущества являются мужчины, женщины же исключаются изъ наслѣдованія и иногда сами разсматриваются, какъ предметъ собственности или владѣнія: онѣ несутъ отвѣтственность за проступки, совершенные ихъ мужьями, подвергаются вмѣсто ихъ, или вмѣстѣ съ ними — наказанію, секвестру или заключенію и продажѣ; что в) мужья могутъ отдать въ неволю своихъ женъ — наравнѣ съ рабами; что г) жены, какъ собственность мужей, слѣдуютъ за ними въ могилу, а не наоборотъ; что д) высшее, чего въ правномъ отношеніи могли достигнуть женщины была опека надъ малолѣтными; наконецъ — самые источники, прямо или косвенно, нерѣдко указываютъ на права мужского пола и очень рѣдко, почти никогда не говорятъ о правахъ лицъ женскаго пола.

Ясно, что женщина не пользовалась полной правоспособностью и, такъ сказать заслоняясь мужчиной — не признавалась юридически самостоятельною личностью.

Еслибы, впрочемъ, у насъ не было достаточныхъ указаній на такой фактъ, то — довольно и однихъ общихъ справокъ съ исторіей балтійскихъ славянъ, чтобы убѣдиться въ его необходимости. Тамъ, гдѣ бытомъ управляетъ внѣшняя боевая сила, гдѣ господствуетъ страсть къ отважнымъ предпріятіямъ, тамъ — женскій полъ не можетъ имѣть высокой, равной мужескому, цѣны и значенія: женщина стоитъ какъ бы внѣ общественной

жизни и соприкасается съ нею только чрезъ посредство мужа и сыновей.

Мы увидимъ, что это начало не было проведено въ жизни съ логическою строгостью; въ пользу женщины здѣсь говорили многія прирожденныя чувства и значительно смягчали ея положеніе; но по праву и закону женскій полъ стоялъ и признавался гораздо ниже мужского.

Семья и родъ. Сколько можно судить по отрывочнымъ и скуднымъ показаніямъ источниковъ — господствующею юридическою формою частнаго быта у балтійскихъ славянъ была *семья* или *союзъ семейный*. Союзъ родовой, какъ совокупность всѣхъ родичей, происходящихъ отъ общаго корня и связанныхъ между собою извѣстными юридическими отношеніями, правами и обязанностями, словомъ — какъ правная форма жизни — почти вовсе не виденъ: родственныя отношенія остаются на степени нравственной силы, не имѣя силы юридической и не дѣйствуя, какъ таковая.

Мы имѣли уже случай замѣтить, что именословъ деревень и сельбищъ у балтійскихъ славянъ представляетъ очень немного именъ родовыхъ; да и они еще не даютъ права заключать о существованіи юридическаго рода, ибо родовымъ именемъ могло обозначаться сожительство нѣсколькихъ отдѣльныхъ семействъ, хотя и пошедшихъ отъ одного родоначальника, но не стоящихъ въ правномъ родовомъ союзѣ. Тоже слѣдуетъ сказать и о такихъ по названію *родовыхъ* племенахъ, какъ Лютичи-Велетовы, Любичи, Лѣтичи, Земчичи и т. д.: дѣйствительное или воображаемое (фиктивное) происхожденіе ихъ отъ общихъ родоначальниковъ не представляетъ еще ручательства, что юридической формой быта ихъ былъ родовой союзъ; такъ какъ родовыя наименованія могутъ держаться очень долгое время и по совершенномъ разложеніи рода. Въ свидѣтельствахъ исторіи мы встрѣчаемъ нравственное вліяніе родового начала [1]), но вліянія юридическаго

1) Эбонъ говоритъ о какомъ-то знатномъ Домиславѣ, что по его волѣ «uniuersa tam publica, quam priuata disponebantur negocia. Nam et pars maxima

почти не видимъ. Говоримъ — *почти*, потому что все же есть нѣсколько случайныхъ историческихъ фактовъ, которые какъ бы указываютъ, что «родовой союзъ» нѣкогда присутствовалъ и дѣйствовалъ въ бытѣ балтійскихъ славянъ, но уже въ древнюю эпоху разложился, оставивъ по себѣ одни незначительные слѣды и воспоминанія [1]). Такое явленіе не покажется страннымъ, если припомнить, что крѣпость родового союза зависитъ отъ большей или меньшей степени патріархальности и спокойствія быта. Полное господство родового быта, *родъ* чистой формы относится къ незапамятной эпохѣ славянской старины; во времена историческія мы имѣемъ только обломки отъ этого стараго союза, у каждаго племени смотря по обстоятельствамъ жизни: чѣмъ болѣе народъ жилъ по старинѣ и хранилъ ея начала, чѣмъ менѣе онъ былъ захваченъ исторіей, тѣмъ ярче въ его бытѣ остались слѣды родового правнаго начала, родовыхъ порядковъ и установленій. Потому славяне восточные и юго-западные сохранили начала родового быта въ гораздо большей свѣжести, чѣмъ славяне западные, чехи и поляки [2]); а послѣдніе, въ свою очередь, въ большей свѣжести, чѣмъ славяне балтійскіе, исторія которыхъ началась рано и шла такой неровной, тревожной дорогой.

Какъ бы то ни было, съ той поры, какъ балтійскіе славяне станóвятся извѣстны, присутствіе и дѣйствіе родового начала въ ихъ правномъ бытѣ обнаруживается такими поблеклыми, слабыми чертами, что можно считать родъ уже разложившимся. Онъ, быть можетъ, существовалъ еще только по тѣмъ уединеннымъ,

---

urbis Stetinensis propinquis et affinibus Domizlai repleta; sed et in aliis circumiacentibus regionibus, tantam propinquorum turbam habebat, ut non facile quisquam ei resistere posset».. Ebonis Vita Ottonis, II, 9; cf. Herbordi Dialogus II, 28.

1) См. ниже, въ статьѣ «о наслѣдствѣ»; тамъ собраны относящіяся сюда мѣста изъ источниковъ.

2) Объ остаткахъ родового союза у поляковъ см. ст. Röpell'я: «über den Geschlechtsverband» въ приложеніяхъ къ его Geschichte Polens, Ham. 1840, p. 559—614.

заброшеннымъ среди болотъ и лѣсовъ, племенамъ, которыхъ почти не коснулась исторія и ея свидѣтельства.

Вездѣ, напротивъ, нормальною формою быта выступаетъ *союзъ семейный*, состоящій изъ мужа-отца, жены-матери, дѣтей ихъ и иногда — стариковъ родителей.

Источники представляютъ въ этомъ отношеніи нѣсколько указаній, заслуживающихъ быть замѣченными. Такъ счетъ жителей въ Поморьѣ шелъ по семьямъ, т. е. по отцамъ семействъ: въ Штетинѣ жило такихъ отцовъ около *девяти сотъ* [1]. Болеславъ III обязывалъ Поморянъ къ военной помощи слѣдующимъ образомъ: девять отцовъ семействъ снаряжаютъ на войну оружіемъ и продовольствіемъ десятаго и во время его отсутствія пекутся о его домѣ и семьѣ [2]. Здѣсь разумѣются, конечно, не *роды*, а *семьи;* ибо нельзя же думать, что въ то время въ Штетинѣ, какъ бы ни былъ обширенъ городъ, проживало девятьсотъ родовъ, не считая дѣтей, женщинъ и остальнаго множества, такъ сказать безродныхъ. Постановленіе Болеслава прямо указываетъ на дробныя семьи, какъ на правную единицу частнаго быта: забота о семьѣ во время отсутствія отца-покровителя — при родовомъ устройствѣ немыслима.

Вспомнимъ еще, что и подать съ балтійскихъ славянъ взималась не съ общаго количества обработанной земли, какъ было бы умѣстно при родовомъ владѣніи; но съ числа сохъ или количества рабочаго скота, какъ вполнѣ умѣстно въ семейномъ, единичномъ хозяйствѣ [3].

Далѣе, въ продолженіи нашего изложенія, мы встрѣтимся съ

---

1) «In tam ingenti ciuitate (Stetina), que nongentos patres familias absque paruulis et mulieribus et reliqua multitudine numeratos habebat, non est inuenta persona»... etc. Herbordi Dialogus II, 34.

2) «Si bellum ingruerit ei (principi Polonorum), hoc modo eum iuuabunt: nouem patres familias decimum in expeditionem armis et impensis habunde procurabunt; et eiusdem familie interim domi fideliter prouidebunt».. Herbordi Dialogus II, 30.

3) См. выше, стр. 46—7 и пр. 1 на 47-ой стран.

еще болѣе разительными доказательствами правнаго господства семейнаго, а не родового начала жизни.

Семейно-родовые термины, сохранившіеся въ языкѣ, указываютъ на такія же развитыя родственныя отношенія, какія были и у другихъ славянъ [1]).

Бракъ. Источники представляютъ очень мало данныхъ для заключеній о *юридическихъ условіяхъ брачнаго союза* и вообще о *правахъ брака* у балтійскихъ славянъ. Съ полной достовѣрностью намъ извѣстно въ этомъ отношеніи очень немногое.

Многоженство. У балтійскихъ славянъ существовалъ еще обычай многоженства. О немъ дошли довольно опредѣленныя указанія.

Въ прощальномъ наставленіи къ жителямъ г. Пырицы епиcк. Оттонъ, по передачѣ его біографа, запрещалъ имъ имѣть многихъ женъ:

«Vos qui usque ad haec tempora non christiani sed pagani fuistis, sacramentum coniugii non habuistis; quia fidem uni thoro non seruastis, sed, qui uoluistis, plures habuistis uxores. Quod deinceps uobis non licebit. . Si quis ergo in uobis est, qui plures habuerat uxores ante baptismum, nunc unam de illis, que sibi magis placet, eligat. . .» [2]).

Ставъ христіаниномъ, поморскій князь Вартиславъ и многіе другіе клятвенно отказались отъ многихъ женъ, которыхъ дотолѣ имѣли:

«coram episcopo, populo aspiciente, uiginti quatuor concubinas, quas ritu gentili sue legittime uxori superduxerat, publice abiurauit. Quod uidentes, alii complures eiusdem enormitatis

---

1) *отта* (eyta, eyda), *мати* (motáy, mohtey), *сынко* (sânka, sönka), *отрокъ* (woatrick), *дѣвка* (dèwka, deefka) = дочь; *братъ*, *братецъ* (brot, brotatz, brûdatz), *сестра* (sèstra), *стрыя* (straja, straga, streujah), *вуя* (wauga, wäujah), *тетя* (teta? tetang), *дѣдъ* (? dêdan), *баба* (baba), *матечка* (motechga) = мачеха; *зять*, *зятикъ* (santick, saankt) = женихъ и зять въ теперешнемъ смыслѣ.

2) Herbordi Dialogus II, 18.

presumptores, abiurata et ipsi coniugum pluralitate, uno thoro exemplo ducis fidem se seruaturos polliciti sunt» [1]).

По обращеніи Штетины въ христіанство — жители также отрекаются отъ многоженства:

«Emundata ciuitate (Stetina) ab immanitate scelerum et spurcitiarum, abdicata etiam coniugum pluralitate.. fiunt cathecismi per uicos et capita platearum.. » [2]).

Въ собственномъ отчетѣ еп. Оттона о его дѣйствіяхъ въ Поморьѣ говорится, что онъ внушалъ туземцамъ, чтобы каждый довольствовался одною только женою:

«unus quisque contentus sit una uxore» [3]).

Къ извѣстію Адама бременскаго о многоженствѣ у шведовъ его схоліастъ дѣлаетъ замѣчаніе, что тотъ же обычай существуетъ у славянъ и другихъ народовъ:

«Quo morbo Sclaui laborant et Parti... etc.» [4]).

Наконецъ, въ грамотѣ (1249 г.) папскаго легата Якова, говорится, что «неофиты» обѣщали впредь не имѣть по двѣ или по нѣскольку женъ:

«promiserunt (Neophyti) quod duas uel plures uxores simul de caetero non habebunt, sed una sola contenti cum ipsa contrahet unusquisque sub testimonio competenti» [5]).

Многоженство представляется такимъ образомъ, повидимому, несомнѣннымъ обычнымъ фактомъ народной жизни на славянскомъ Поморьѣ.

Разсмотримъ же бытовую силу и правное значеніе обычая, т. е. степень его распространенія въ народѣ, юридическія условія и слѣдствія его существованія.

Изъ вышеприведенныхъ свидѣтельствъ трудно сдѣлать какое-нибудь положительное въ этомъ отношеніи заключеніе. Первое

1) Ibidem, II, 22.
2) Ibidem, II, 34.
3) Ebonis, Vita Ottonis, II, 12.
4) Adami brem. Gesta IV, 21, sch. 127.
5) Dreger Codex diplomaticus.. St. 1748, p. 290.

изъ нихъ есть часть увѣщательной рѣчи, обращенной еп. Оттономъ къ жителямъ Пырицы и окрестныхъ мѣстностей; легко потому подумать, что многоженство было довольно сильно распространено среди самаго народа. Но, вглядываясь ближе во всѣ обстоятельства дѣла, приходится отказаться отъ такого заключенія. Прежде прочаго — рѣчь Оттона въ текстѣ его жизнеописателя (Герборда) — не *дѣйствительная рѣчь* бамбергскаго миссіонера, а досужее *сочиненіе* біографа, которому показалось приличнымъ, чтобы епископъ, на прощаньи съ новообращенными, сказалъ имъ наставительное слово, соединявшее ученіе вѣры и правила христіанской жизни съ обличеніемъ поморскихъ нехристіанскихъ уклоненій отъ нихъ. На этотъ конецъ — литераторъ Гербордъ сочинилъ рѣчь, въ которой собралъ въ общихъ чертахъ все, что могъ узнать о языческихъ обыкновеніяхъ балтійскихъ славянъ отъ Сефрида и прочихъ свидѣтелей очевидцевъ. Онъ зналъ, что у Поморянъ существовалъ еще обычай многоженства и потому заставилъ Оттона обличить его грѣховность. Вотъ почему, не отвергая общей справедливости его показанія, какъ свидѣтельства о существованіи явленія, нельзя довѣряться его такъ сказать частной справедливости, примѣнительно къ данному случаю, нельзя придавать ему значеніе обстоятельнаго, исторически точнаго извѣстія. Но пойдемъ далѣе: допустимъ даже, что бамбергскій проповѣдникъ дѣйствительно подобнымъ, или близкимъ къ этому — образомъ убѣждалъ народъ отвергнуть обычай многоженства, всеже и тогда мы должны оставить за такимъ извѣстіемъ лишь значеніе *общаго*, *глухого факта;* ибо Оттонъ явился въ страну славянъ съ готовыми свѣдѣніями о темныхъ, нечестивыхъ обычаяхъ ихъ языческой жизни: онъ напередъ, конечно, зналъ о существованіи у нихъ противнаго христіанскому закону обычая многоженства и не могъ не вооружиться противъ него при первомъ началѣ своей дѣятельности, при первой проповѣди.

Гораздо опредѣлительнѣе и, потому, гораздо важнѣе — *второе* свидѣтельство. Князь Вартиславъ отказывается отъ двадцати

четырехъ наложницъ, которыхъ, по условіямъ языческой жизни и обычаю, онъ имѣлъ сверхъ законной жены; по примѣру князя отъ многоженства отказываются и *многія* другія лица. Позволительно думать, что такимъ образомъ обычай не былъ общенароднымъ; имъ пользовался князь и нѣкоторыя другія лица, но не всѣ; да и они, кромѣ побочныхъ женъ — имѣли одну *законную*, признаваемую за таковую, стало быть — de iure у нихъ существовало и дѣйствовало начало моногаміи. . . .

Послѣднія четыре свидѣтельства слишкомъ глухи: они утверждаютъ только существованіе факта.

Итакъ, прямыя извѣстія источниковъ мало разрѣшаютъ вопросъ о степени распространенности обычая многоженства. Обратимся къ показаніямъ косвеннымъ, домашнимъ и взятымъ изъ древняго быта прочихъ славянскихъ племенъ.

За вычетомъ біографовъ Оттона и схоліаста къ Адаму бременскому—никакой другой свидѣтель исторіи и быта балтійскихъ славянъ не говоритъ о существованіи у нихъ обычая многоженства: ничего подобнаго, ни даже далекаго намека на него — мы не находимъ ни въ самомъ текстѣ Адама бременскаго, ни у Титмара, ни у Гельмольда, ни у Саксона Грамматика; а они, кажется, должны были бы замѣтить такое рѣзкое явленіе славянскаго быта, особенно тамъ, гдѣ имъ приходилось касаться условій семейной жизни, или говорить о паденіи язычества и замѣнѣ его порядковъ христіанскими. Бамбергскіе миссіонеры довольно близко были знакомы со многими знатными людьми поморской земли и ихъ семьями [1]), и нигдѣ, кромѣ указаннаго случая, они не упоминаютъ о многоженствѣ; епископъ Герольдъ (вмѣстѣ съ Гельмольдомъ?) прошелъ Вагрію, былъ гостепріимно принятъ и угощаемъ княземъ Прибиславомъ и другимъ знатнымъ мужемъ Тессемиромъ; онъ очень многое видѣлъ, слышалъ и передалъ касательно образа жизни, языческихъ вѣрованій и обычаевъ сла-

---

1) Herbordi Dialogus II, 24, 26—29; III, 14 sq. Ebonis, Vita Ottonis II, 8—9; III, 12, 15.

вянъ; но обычай многоженства остался ему неизвѣстенъ; по обращеніи Прибислава въ христіанство—графъ Адольфъ и священникъ Бруно нашли нужнымъ сдѣлать нѣкоторыя постановленія, запрещавшія обычаи языческой жизни; между ними также—нѣтъ помина о многоженствѣ [1]). Такія «argumenta a silentio» — не могутъ быть оставлены безъ вниманія: они, по крайней мѣрѣ, даютъ право думать, что обычай въ бытѣ балтійскихъ славянъ X—XII вв. не имѣлъ особой жизненной силы и широкаго распространенія, иначе онъ былъ бы болѣе замѣченъ людьми, съ ними соприкасавшимися или неравнодушными къ успѣхамъ христіанской жизни на балтійскомъ поморьѣ.

Что находимъ мы у другихъ славянъ?

Извѣстія арабскихъ писателей на этотъ разъ для насъ останутся всторонѣ: они и неопредѣленны и незначительны; важнѣйшее изъ нихъ указываетъ только, что у славянъ бывало по три жены [2]); но какіе славяне разумѣются здѣсь, въ какой мѣрѣ распространено было между ними многоженство — это остается вопросомъ. Нѣсколько опредѣленнѣе извѣстія польскія, чешскія и русскія.

Мартинъ Галлъ говоритъ, что Мѣшко по языческому обыкновенію имѣлъ семь женъ; Кадлубекъ, реторически распространяя это извѣстіе, даетъ какъ будто бы разумѣть, что самъ Мѣшко называлъ ихъ своими женами, стало быть — признавалъ законными. . [3]) Такъ именно и понялъ слова Кадлубка Лелевель, опровергая ими мнѣніе позднѣйшихъ писателей, что это были на-

1) Helmoldi Chronica I, 82, 83.

2) Ибнъ-Даста (X-го в.): «если у покойника (славянина) было три жены...» etc., у Хвольсона: Извѣстія о Хозарахъ Буртасахъ... Спб. 1869, стр. 30, cf. стр. 180 sq.

3) «Adhuc tum in tanto gentilitatis errore innoluebatur, quod sua consuetudine septem uxores abutebatur..» Martini Galli Chronicon I, 5. «septem pellicum scortis, quas coniuges nuncupabat, nocturnas uariare uices consueuerat», Winc. Kadlubkonis Chron. II, 8.

ложницы [1]). Доказательство — едва ли достаточное: дѣло не въ названіи, не въ имени, а въ предметѣ; тогда только можно было говорить о законности ихъ, когда бы браки съ ними были заключаемы по закону, съ обычною торжественно-обрядовою правною обстановкою, какъ всегда заключались и заключаются настоящіе браки у племенъ, возвысившихся надъ грубою степенью первобытной звѣрской культуры, или когда существовали бы на лицо ясныя правныя послѣдствія такихъ браковъ, напримѣръ въ равноправномъ наслѣдованіи женъ по смерти мужа и дѣтей отъ разныхъ женъ по смерти отца и т. п., но такихъ послѣдствій не было: всѣ жены Мѣшка остались безплодны, что и побудило его отпустить ихъ и жениться на Домбровкѣ. Вопросъ о законности остается такимъ образомъ неразрѣшеннымъ; но фактъ, что языческій обычай допускалъ многоженство сохраняетъ свою силу. Распространенія обычая — не видно; изъ молчанія о немъ лѣтописцевъ можно заключать, что онъ былъ не силенъ; напротивъ, слѣды дохристіанскаго единоженства очень явственны: родоначальникъ княжеской династіи Пястъ имѣетъ только одну жену, Рѣпку [2]); говоря о языческомъ обычаѣ жены предавать себя смерти на гробѣ мужа, Титмаръ употребляетъ такія выраженія, которыя заставляютъ предполагать о единоженствѣ, какъ явленіи повсемѣстномъ [3]). Далѣе, Мартинъ Галлъ говоритъ, что старшій сынъ Владислава Германа Сбигнѣвъ былъ рожденъ отъ наложницы, самъ отецъ будто бы непризнавалъ его законности, называя въ противуположность ему Болеслава (Кривоустаго) — своимъ законнымъ сыномъ [4]); а между тѣмъ Сбигнѣвъ на дѣлѣ

---

1) Lelewel: Rozpatrzenie niektórych względów i pomników prawodawstwa wiślickiemu uprzednich», въ Polska wieków średnich, t. III, Pozn. 1856, стр. 409—410.

2) Martini Galli Chronicon I, 2.

3) Thietmari Chronicon VIII, 2.

4) «Zbigneuus a Wladislauo duce de concubina progenitus?...» Martini Galli Chronicon II, 4; «Boleslauus *legitimus filius*, meus etc..» Ibid. II, 8.

явился такимъ же дѣйствительнымъ наслѣдникомъ, какъ и Болеславъ: онъ, по раздѣлу отца, получилъ во власть половину земли, да къ тому же еще—лучшую, болѣе любимую старымъ княземъ. При объясненіи этого возможны три предположенія: во первыхъ — что такой фактъ былъ слѣдствіемъ личной воли Владислава Германа и его личнаго расположенія къ старшему, хотя и незаконному — сыну; или — во вторыхъ, что въ язычествѣ и время близкое къ нему — сыновья, рожденные отъ наложницъ, признавались одинаково законными, какъ и сыновья настоящихъ женъ, или, наконецъ—въ третьихъ, что лѣтописецъ неправильно взглянулъ на бракъ князя съ матерью Сбигнѣва и потому неправильно объяснилъ себѣ и правное положеніе ихъ сына. Случай, аналогически говорящій въ пользу перваго предположенія — существуетъ: Болеславъ Храбрый устранилъ отъ наслѣдства старшаго своего сына Оттона Безбраима, какъ кажется—единственно по личному расположенію къ сыну отъ третьей жены, Кунильды [1]); но едва-ли такія побужденія были у Владислава Германа: Сбигнѣвъ незадолго предъ раздѣломъ поднялъ мятежъ противъ отца и былъ заключенъ имъ въ темницу [2]); потому едва-ли послѣдній могъ чувствовать къ сыну особую привязанность. При надѣлѣ Сбигнѣва Мазовіей, онъ руководился, конечно, не чувствомъ расположенія, а убѣжденіемъ въ законныхъ правахъ его. Равноправность сыновей, рожденныхъ отъ законныхъ женъ и наложницъ—находитъ нѣкоторую поддержку въ примѣрѣ сыновей Св. Владиміра и въ аналогическихъ явленіяхъ древне-сѣвернаго права, датскаго и шведскаго [3]). Дѣйствительно, языческая древность нерѣдко опредѣляла права сыновей по ихъ происхожденію отъ отца, а не отъ матери: отъ какой женщины, жены или наложницы — ни произошелъ бы сынъ — все равно; если отецъ признаетъ его своимъ—онъ пользуется тѣми же правами, что и

---

1) Lelewel Rozpatrzenie, etc. l. c. p. 418 sq.
2) Martini Galli Chronicon II, 4, 5.
3) Adami brem. II, 72; IV, 21; Helmoldi Chronica I, 49.

другіе сыновья... Если такъ было и у прочихъ славянъ, если и Сбигнѣвъ получилъ права только въ силу подобнаго отцовскаго признанія, помимо своего происхожденія съ материнской стороны, то, очевидно, что все извѣстіе польскаго анналиста о немъ и его матери теряетъ всякое значеніе, какъ доказательство правнаго положенія многоженства: оно не будетъ свидѣтельствовать ни за, ни противъ законности обычая... Намъ кажется, однако, что такое объясненіе должно уступить въ вѣроятности своей предположенію о неправильномъ взглядѣ польскаго анналиста на событіе. Вмѣстѣ съ Лелевелемъ мы болѣе наклонны думать, что мать Сбигнѣва была наложницей только въ глазахъ лѣтописца, закупленныхъ церковнымъ канономъ [1]) и блескомъ славы его героя, Болеслава III; а не въ дѣйствительности. Она была настоящею женою Владислава, бракъ ихъ былъ дѣйствительнымъ бракомъ, но какъ женщина низкаго происхожденія, она не имѣла условій, требуемыхъ церковно-политическимъ канономъ для правильнаго брака съ лицомъ свободнымъ и благороднымъ, могла считаться наложницей, и была поэтому оставлена княземъ. До какой степени такой взглядъ мало согласовался съ дѣйствительными отношеніями видно изъ того, что никто не сомнѣвался въ законности Сбигнѣва и его правъ: «ему, по словамъ Кадлубка, болѣе вредили дурныя способности, чѣмъ подозрительное происхожденіе» [2]). Сверхъ этого, кто вникнулъ внимательно въ историческую апоѳеозу Болеслава III, изображенную Мартиномъ Галломъ, для того не будетъ страннымъ встрѣтить въ оцѣнкахъ его всякія преувеличенія и крайности: всѣ свѣтлыя, благородныя и возвышенныя черты онъ собираетъ въ образѣ своего героя, набрасывая мракъ, низость и порокъ на образы враговъ его. Что же удивительнаго, что подъ такою кистью мать непріятнаго ему

---

1) Lelewel, Rozpatrzenie, etc. loc. cit. p. 424—5.

2) «Sbigneo non tam natalium suspicio, quam flagitiorum obfuere piacula». Wincent. Kadlubk. Chron. II, 32. ap. Bielowski Monum. II, p. 328.

Сбигнѣва явилась наложницею, а Болеславъ единственнымъ законнымъ сыномъ стараго князя!

Изъ разсмотрѣнія этого факта мы получаемъ только отрицательный для нашего вопроса результатъ, именно, что извѣстія польскаго лѣтописца о Сбигнѣвѣ и его матери не могутъ служить основаніемъ для мнѣнія о правномъ значеніи многоженства и о равноправности въ польской старинѣ дѣтей отъ наложницъ съ дѣтьми отъ законныхъ женъ.

Относительно чешской старины — древнѣйшее извѣстіе принадлежитъ Фредегару (cc. fin. s. VII): онъ разсказываетъ, что Само, ставъ правителемъ славянъ, властвовалъ надъ ними тридцать пять лѣтъ и имѣлъ двѣнадцать женъ изъ рода славянъ, отъ которыхъ родилъ двадцать двухъ сыновей и пятнадцать дочерей[1]). Былъ ли Само родомъ Франкъ (natione Francus), или, какъ основательно полагалъ Палацкій — славяниномъ, въ настоящемъ случаѣ—все равно: живя среди славянъ, онъ, конечно, слѣдовалъ не чужеземному, а славянскому обычаю, тѣмъ болѣе, что жены его были изъ рода славянъ. Потому мы можемъ разсматривать показаніе Фредегара, какъ фактъ славянской древности.

Въ Канапаріевомъ († 1004) житіи св. Войтѣха говорится, что главная причина, почему онъ въ первый разъ оставилъ Прагу — по собственному признанію, заключалась въ многоженствѣ ея жителей, «propter plures uxores unius uiri»[2]). Слѣдуетъ ли видѣть здѣсь одновременное сожительство мужа со многими женами, или только частый разводъ и перемѣну женъ[3]) — изъ

---

1) «Samo duodecim uxores ex genere Winidorum habebat, de quibus uiginti duos filios et quindecim filias habuit», Fredegarii Chronicon, a. an. 623, cap. 48; заимствуемъ извѣстія изъ статьи Палацкаго «Über den Chronisten Fredegar» въ Jahrbücher des böhmischen Museums, I Band, Pr. 1830, p. 395.

2) «Quod (т. е. уходъ Адальберта) maxime de tribus causis actum esse dicunt, qui huius rei ordinem ipso narrante comperierunt. Prima et uelut principalis causa propter plures uxores unius uiri...». Vita et passio Sti Adalberti, c. 12, apud Bielowski Monum. I, p. 160.

3) Такъ наклоненъ объяснить понятіе многоженства у славянъ знамен. Добнеръ: W. Hagek — Annales bohemorum, Pr. 1763, II, p. 67, а за нимъ и

текста неясно: оба обычая могли быть въ одинаковомъ употребленіи, противъ обоихъ могъ возставать благочестивый Войтѣхъ. Менѣе глухи показанія Козьмы пражскаго. Въ своей грубой идиллической картинѣ золотого чешскаго вѣка лѣтописецъ говоритъ, что у древнихъ чеховъ вначалѣ не было никакого брачнаго союза «connubia erant illis communia», каждый, подобно звѣрямъ, случайно удовлетворялъ своимъ потребностямъ любви[1])... Такъ какъ подобное состояніе вовсе неизвѣстно исторіи и едва-ли даже мыслимо, то и нельзя не согласиться съ Палацкимъ, что чешскій лѣтописецъ вдался здѣсь въ чистую фантазію, далекую отъ всякой дѣйствительности [2]); потому — его картина имѣетъ, такъ сказать, только историко-литературный интересъ, какъ ученое гаданіе XII в. о первобытныхъ временахъ народа, но не какъ свидѣтельство о его бытѣ въ древности. Подъ 1002 г. Козьма разсказываетъ, что чешскій князь Удальрикъ не имѣлъ отъ законнаго брака дѣтей, но родилъ сына Бретислава отъ какой-то женщины Божены, которую взялъ ради красоты ея, не разорвавъ, однако, прежняго брака; «потому что—поясняетъ лѣтописецъ, въ то время по желанію каждаго позволено было имѣть двухъ и трехъ женъ: одинъ отнималъ жену у другого, жена чья-нибудь брала другого мужа. Что теперь (т. е. во время Козьмы) считается вѣжествомъ, то тогда было порокомъ, именно, если мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ.

Мацѣіовскій, см. «Wielożeństwo u Słowian» въ кн. Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, I, P. 1839, p. 233 sq. Послѣдній вовсе отрицаетъ существованіе многоженства у славянъ; но толкованіемъ, хотя бы и остроумнымъ, трудно устранить силу ясно засвидѣтельствованнаго факта. Потому объясненія Добнера и Мацѣювскаго могутъ быть допущены только по отношенію къ нѣкоторымъ свидѣтельствамъ старины, но далеко не всѣмъ.

1) «et ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulas ad noctes nouos probant hymeneos, et surgente aurora trium gratiarum copulam, et ferrea rumpunt uincula, et ubi nox quemque occuparat, ibi fusus per herbam frondosae arboris sub umbra dulces carpebat somnos». Scriptores rerum bohemicarum (ed. Dobrowsky et Pelzel) I, Pr. 1783, pag. 8.

2) Palacky: Würdigung d. alten böhmischen Geschichtschreiber, Pr. 1830, p. 21—22; его-же Dějiny národu českého, t. I, P. 1862, p. 219.

Люди жили, какъ грубые звѣри, имѣя общіе браки».. [1]) Въ каноническомъ декретѣ Бретислава (у Козьмы подъ 1039 г.) касательно народныхъ нравовъ читаемъ: «первымъ и самымъ важнымъ постановленіемъ моимъ будетъ, чтобы ваши браки, которые по сю пору вы имѣли, подобно грубымъ звѣрямъ, общими, какъ распутство — съ этого времени стали законными, единичными, нерасторгаемыми, чтобы мужъ довольствовался одною женою, а жена однимъ мужемъ». [2]) Остановимся прежде прочаго на поступкѣ Удальрика. Что его союзъ съ Боженою былъ дѣйствительнымъ бракомъ, а не простымъ сожительствомъ — ясно не столько изъ того, что Бретиславъ пользуется полнымъ признаніемъ и правами законнаго сына, что еще при жизни отца онъ получаетъ отъ него въ удѣлъ Моравію, по смерти же его, за отреченіемъ дяди (Яромира), всходитъ на княжескій столъ и утверждается народомъ [3]); сколько изъ того, что въ союзѣ съ церковью (еп. Северомъ) онъ издаетъ знаменитый декретъ, въ которомъ на первомъ мѣстѣ запрещаетъ незаконное брачное сожительство. Достигнуть власти могъ и сынъ отъ побочной жены, но едва-ли, будучи таковымъ, онъ издалъ бы подобное постановленіе, гдѣ самымъ рѣзкимъ образомъ осуждался поступокъ его отца, гдѣ и его собственные права и власть, какъ лица рожденнаго отъ «нечестиваго распутства», подрывались въ самомъ

---

1) «Huic (duci Odalrico) ex legitimo matrimonio non est nata soboles propter infoecunditatem coniugis: sed ex quadam foemina, nomine Boziena... filium suscepit, quem Brzieczislaw appellari fecit.... Hanc continuo mittens Dux tulit in sua, nec tamen antiqua soluit connubia. Quia tunc temporis, prout cuique placuit, binas uel ternas coniuges habere licuit: nec nefas fuit uiro rapere alterius uxorem, et uxori alterius nubere marito... Et quod nunc adscribitur pudori, hoc tunc fuit magno dedecori, si uir una coniuge, aut coniux uno uiro contenti uiuerent. Viuebant enim quasi bruta animalia, connubia habentes communia». Script. rerum bohemicarum I, p. 72.

2) «meum maximum et primum sit decretum, ut uestra connubia, quae hactenus habuistis ut lupanaria, et cen brutis animalibus communia, amodo iuxta Canonum scita sint legitima, sint priuata, sint insolubilia, ita duntaxat, ut una uir coniuge, et coniux uno uiro contenti uiuant». Ibidem, a. an. 1039, p. 110.

3) Cosmae Prag. Chronica, sub. an. 1021, 1037; ibid. pag. 84, 88—9.

корнѣ. Причина, почему Удальрикъ вступилъ во второй бракъ, не расторгнувъ перваго, заключалась, кажется, въ томъ, что первый бракъ былъ церковный и могъ быть расторгнутъ только церковью; а послѣдняя не признавала и не допускала развода. Удальрикъ заключилъ второй бракъ, конечно, «usualiter», по народному обычаю, — и онъ въ то время считался вполнѣ законнымъ. Такимъ образомъ, передаваемое чешскимъ лѣтописцемъ событіе не можетъ быть разсматриваемо, какъ свидѣтельство о существованіи многоженства и еще менѣе — какъ свидѣтельство о правныхъ послѣдствіяхъ его. Возвратимся теперь къ пояснительнымъ отзывамъ Козьмы пражскаго и декрету Бретислава. Первые — суть отзывы духовнаго лица, второй — преимущественно постановленіе церковное. Устранимъ же изъ этихъ свидѣтельствъ личные взгляды христіанскихъ канонистовъ, для которыхъ многоженство и легкая расторжимость браковъ въ языческой эпохѣ казались отсутствіемъ всякаго брака, распутствомъ или *бракомъ общимъ*, устранимъ также слѣдствія такого воззрѣнія, будто бы каждый по произволу отнималъ жену у другого, а жена брала себѣ другого мужа (!), будто бы единоженство — считалось порокомъ, а многоженство добродѣтелью, и мы пріидемъ къ довольно твердому выводу, что въ началѣ XI в. въ Чехахъ еще существовалъ обычай многоженства. Одни разводы и многократныя заключенія новыхъ браковъ не вызвали бы упрековъ въ звѣрскомъ обычаѣ *общности брака*. Съ другой стороны, кажется, что еслибы многоженство было повсемѣстнымъ, общимъ народнымъ обычаемъ, оно выразилось бы въ свидѣтельствахъ исторіи болѣе рѣзкими, опредѣленными чертами; сами канонисты не смѣшали бы съ нимъ явленій частаго расторженія браковъ и не соединили бы ихъ въ одно общее понятіе. Нѣкоторые изслѣдователи указывали еще на Краледворскую рукопись, будто бы въ ней также есть свидѣтельство о древнечешскомъ многоженствѣ: «и вторгся чужой насильно въ землю отцовъ — поетъ Забой — и чуждою рѣчью велитъ намъ.. имѣть одну подругу на всемъ пути жизни, съ весны (юности) по Морану

(смерть)[1]». Мы не думаемъ, чтобы здѣсь непремѣнно должно было видѣть указаніе на обычай многоженства: наказъ чужого (т. е. духовенства) можетъ быть съ такою, и даже большею — вѣроятностью объясненъ въ смыслѣ вѣрности единому браку, т. е. и запрещенія развода и вступленія во вторичный и такъ далѣе бракъ; но допустимъ, что рѣчь идетъ дѣйствительно о многоженствѣ.., спрашивается — имѣетъ ли это указаніе условія настоящаго свидѣтельства? Думаемъ — никоимъ образомъ. Стоитъ только ближе вглядѣться въ сентиментальное воздыханіе пѣвца объ исчезающихъ порядкахъ быта, чтобы убѣдиться, что оно идетъ не изъ жизни, а изъ подогрѣтаго антикварнаго чувства. Это — такая слабая, вывѣтрившаяся память о древнемъ обычаѣ, что какъ-то поневолѣ приходишь къ мысли о ея книжномъ источникѣ. Фактъ, донесенный даже преданіемъ, высказался бы ярче и свѣжѣе.

Русскихъ свидѣтельствъ о многоженствѣ мы не приводимъ — по ихъ общеизвѣстности. Скажемъ только, что хотя они и указываютъ на нѣсколько большую силу обычая у русскихъ, чѣмъ у другихъ славянъ[2]), но еще никакъ не даютъ права думать о широкомъ его распространеніи: правныя, исторически важныя послѣдствія многоженства — остаются не видны, и вообще обычай стоитъ какъ-то одиноко среди моногамическаго быта и его порядковъ.

Таковы слѣды славянской полигаміи въ историческихъ свидѣтельствахъ!

Соображая и оцѣнивая значеніе всѣхъ, приведенныхъ нами данныхъ, нельзя не прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ.

Неизвѣстно, когда и изъ какихъ условій быта возникло и вошло въ обыкновеніе у славянъ многоженство. Произошло-ли

---

1) Въ пѣснѣ о Забоѣ и Славоѣ: «I přiide cuzi usilno v dědinu, v cuzimi slovy zapovída... jedinu druzu nám iměti po puti vsiej z Vesny po Moranu».

2) Мнѣніе о большей свѣжести обычая многоженства мы основываемъ на томъ, что русская «Повѣсть временныхъ лѣтъ» прямо говоритъ о бытованіи обычая въ средѣ народа, у радимичей, вятичей и сѣверянъ.

оно путемъ самобытнымъ, или усвоено, какъ обычай чужеземный—рѣшить трудно. *Всенароднымъ обычаемъ*, какъ кажется, оно никогда не было; но можно думать, что во времена древнія, предшествовавшія положительной исторіи, у племенъ воинскихъ, гдѣ положеніе женщины было особенно сурово, оно имѣло довольно значительную силу и распространеніе и было правнымъ обычаемъ. Имъ, кажется, пользовались не одни только знатныя и богатыя лица, но и простолюдины—по мѣрѣ своего достатка. Существовали, конечно, и правныя условія и послѣдствія обычая, но память о нихъ утрачена: они не видны ни въ языкѣ, сохранившемъ строгую и обширную семейно-родовую терминологію, ни въ преданіяхъ, ни въ какихъ другихъ источникахъ древности. Въ эпоху историческую IX—XII в. полигамія является у славянъ уже въ очень ослабѣлой формѣ. Она кой-гдѣ сохраняется, но болѣе—какъ случайно уцѣлѣвшій остатокъ древняго обычая, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее народное обыкновеніе. Въ правѣ преобладаетъ начало единоженства: одна только жена считается законною, другія допускаются при ней, какъ жены побочныя. Вездѣ, гдѣ только въ свидѣтельствахъ исторіи упоминается и дѣйствуетъ чья-либо жена, она является единичною: возлѣ нея вовсе не видно другихъ женъ равнаго съ нею достоинства, и бамбергскіе миссіонеры были совершенно правы, называя жену Вартислава законною: она была таковою, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла—въ самой дѣйствительности; другія жены поморскаго князя были побочными, связь съ ними стояла какъ бы внѣ закона. Слѣдуя преданію, обычай, очевидно—терпитъ или дозволяетъ многоженство, но не даетъ ему никакой правной силы, не узаконяетъ его. Иными словами—многоженство разсматривается не въ смыслѣ правнаго условія семейной жизни, но какъ возможная случайность ея, до которой законъ не касается. Потому—какъ частное, не юридическое явленіе, многоженство у балтійскихъ славянъ, имѣя, такъ сказать, право существованія, не имѣло ни правныхъ опредѣленій и ограниченій, ни правныхъ послѣдствій. Нѣтъ основаній думать, что оно дозволено было только для князя и

высшаго сословія и составляло какъ бы ихъ привилегію. Обычай и преданіе предоставляли, кажется, въ этомъ отношеніи свободу каждому: каждый могъ имѣть нѣсколько женъ по личной волѣ; но какъ бы ни было значительно число полигамовъ, оно зависѣло уже не отъ правнаго обычая, а отъ постороннихъ, неюридическихъ обстоятельствъ, личнаго расположенія и имущественнаго достатка. По всему этому—послѣдствія полигаміи балтійскихъ славянъ могли быть только нравственныя, но не юридическія. Да и они ни одной чертой не обнаруживаются въ свидѣтельствахъ исторіи, такъ, что мы имѣемъ полное право сказать, что обычай многоженства, несмотря на отдѣльные случаи своего существованія, вымеръ въ своихъ основаніяхъ прежде, чѣмъ противъ него возвысили голосъ проповѣдники христіанства.

Вникнемъ-ли въ условія быта балтійскихъ славянъ, мы также не найдемъ въ нихъ твердой почвы для жизни обычая многоженства, какъ явленія правнаго. Непосѣдный воинъ, чувствовавшій мало влеченія къ прочной семейной жизни, признававшій одни только грубыя доблести внѣшней силы — могъ, конечно, имѣть по разнымъ мѣстамъ нѣсколько женъ или наложницъ, отвѣчавшихъ его физическимъ потребностямъ; но подобныя явленія, возможныя всегда и вездѣ, не составляютъ еще правнаго многоженства: они казались таковымъ только глазамъ благочестивыхъ проповѣдниковъ и анналистовъ эпохи; историкъ же увидитъ здѣсь или слабый, безжизненный отголосокъ прежняго обычая, или — что вѣрнѣе — единичныя явленія, случайности, маловажныя въ исторіи славянской культуры IX—XII вв. Бытъ простого народа — насколько онъ видѣнъ — вообще идетъ въ направленіи строго моногамическомъ: женщина стоитъ уже гораздо выше положенія рабыни, условливающаго полигамію, она — лицо нравственно признанное, какъ мать семьи и т. д., даже опекунша своихъ дѣтей; семейный союзъ является въ такомъ заключенномъ, крѣпкомъ видѣ, какой только можетъ быть при исключительномъ господствѣ моногамическаго начала и его порядковъ.

Способы заключенія брака. Въ прямыхъ источникахъ мы не

находимъ никакихъ указаній по этому предмету; но есть одно свидѣтельство косвенное. Оно—очень важно по своимъ обстоятельнымъ подробностямъ и заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Мы разумѣемъ свидѣтельство грамоты (1249 г.) папскаго легата архид. Якова [1]). Судя строго, эта грамота не относится къ балтійскимъ славянамъ: она обращена къ новокрещеннымъ Пруссамъ, обитателямъ Помезаніи, Варміи и Натангіи и главнымъ образомъ говоритъ о прусско-литовскихъ языческихъ обыкновеніяхъ [2]), но такъ какъ архид. Яковъ былъ папскимъ легатомъ in Polonia, Prussia et *Pomerania*», такъ какъ въ числѣ именуемыхъ здѣсь мѣстностей — встрѣчаются и славянскія имена [3]), то — зная притомъ, что въ пограничной Помезаніи жили и славяне, мы не можемъ оставить извѣстія этой грамоты безъ всякаго вниманія, хотя не можемъ въ то же время ручаться за полное славянство ихъ. Приводимъ ихъ, какъ факты предположительно-возможные.

«Promiserunt (neophiti), quod nullus eorum de cetero filiam suam uendet alteri matrimonio copulandam et quod nullus uxorem filio emet uel sibi. Nam ex hoc talis inter ipsos consuetudo. sicut intelleximus inoleuit, qualis nec inter gentes ut uidelicet uxorem patris sui aliquis habeat (?). Cum enim pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat. sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. Et ne aliquis hac de causa nouercam suam possit sibi uendicare ulterius in uxorem. uxores nec uendere nec emere promiserunt. Si tamen a sponso patri uel matri sponse uel e conuerso. uestes et alia clenodia data fuerint, uel

---

1) Dreger: Codex diplomaticus oder Urkunden, so die Pommersch-Rugianischen etc. t. I, Stettin, f. 1748, p. 286 sq.

2) На этомъ основаніи грамоту не внесли въ свои Дипломатаріи ни Козегартенъ, ни Клемпинъ; а равно и мы не позволили себѣ поставить ее въ числе источниковъ славянской религіозной древности, см. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 182—3.

3) «Potzloue, Butitz, Lyopietz, Chomor, Proixle, Reyditz», etc.

promissa. uel si dos uiro uel donatio propter nuptias uxori data fuerit uel promissa secundum quod iura permittunt. hoc nullatenus prohibemus. Vnde promiserunt dicti Neophyti, quod nullus ex eis quacunque de causa nouercam suam ducet de cetero in uxorem, nec uxorem fratris sui, nec etiam aliam sibi in primo. secundo. tertio uel quarto consanguinitatis uel affinitatis gradu attinentem [1])».

Разсматривая текстъ грамоты арх. Якова, не трудно замѣтить, что въ немъ указываются два рода правныхъ брачныхъ обычаевъ: одни онъ запрещаетъ, другіе—дозволяетъ и какъ бы одобряетъ. Дѣйствительное существованіе первыхъ въ бытѣ «неофитовъ» не подлежитъ сомнѣнію, иначе запрещеніе не имѣло бы смысла и не могло бы быть выражено такимъ положительнымъ образомъ (talis inter ipsos consuetudo, sicut intelleximus, inoleuit); существованіе же вторыхъ представляется далеко не столь яснымъ. Скорѣе даже, по смыслу рѣчи, можно полагать, что указывая на нихъ, папскій легатъ хотѣлъ обратить вниманіе новокрещенныхъ на добрыя, закономъ дозволенныя брачныя обыкновенія, существующія въ иныхъ земляхъ; онъ, такъ сказать, рекомендуетъ ихъ вниманію народа. На это намекаетъ и выраженіе: «secundum quod iura permittunt»; права, разумѣется—церкви и христіанскаго государства; но никакъ не язычества, гдѣ и покупка женъ и женитьба на ближайшихъ свойственницахъ были дѣйствіями законными.

Мы приходимъ, такимъ образомъ, къ слѣдующимъ заключеніямъ: вполнѣ достовѣрнымъ представляется, что

во-первыхъ—бракъ совершался посредствомъ купли и продажи: отецъ семьи покупалъ для себя или сына невѣсту у ея родителей или семьи;

во-вторыхъ—купленная жена считалась семейною собственностью или имуществомъ, и, по смерти мужа, переходила къ пасынку или деверю, какъ всякое другое наслѣдство, потому—

---

1) Dreger: Codex diplom., p. 290—1.

въ-тренихъ браки допускались между ближайшими свойственниками, пасынкомъ и мачехой, деверемъ и невѣсткой.

Довольно вѣроятнымъ представляется обычай *почетнаго даренія*: женихъ дарилъ родителей невѣсты одеждами и другими вещами, а родители невѣсты, въ свою очередь, дарили жениха тѣмъ же.

Подъ сомнѣніемъ пока остается обычай получаемаго мужемъ за женою—*приданаго и брачнаго подарка* женѣ—со стороны мужа.

Провѣримъ теперь эти данныя фактами древняго быта славянскихъ племенъ. Такимъ образомъ опредѣлится большая или меньшая степень вѣроятной умѣстности указанныхъ явленій въ жизни славянъ балтійскихъ.

Заключеніе брака посредствомъ купли и продажи невѣсты было, несомнѣнно, въ обычаѣ славянской древности. Даже протолковавъ въ иномъ смыслѣ ясныя показанія русской «Повѣсти временныхъ лѣтъ» и новгородской «рядной» записи XIII в.[1]), мы не сможемъ однако отвергнуть живого свидѣтельства подобныхъ обычаевъ, доселѣ бытующихъ у многихъ славянскихъ племенъ[2]), не сможемъ и отказать въ извѣстной долѣ убѣдительности и многочисленнымъ аналогіямъ, почерпнутымъ изъ жизни другихъ родственныхъ племенъ[3]). Правда, продажа невѣстъ ничѣмъ не обнаружилась въ памятникахъ славянскаго права, *за-*

---

1) Подъ годомъ 6496: вдасть же (Володимиръ) за вѣно Грекомъ Корсунь опять царицы дѣля...»; подъ годомъ 6551: «и вдасть Казимиръ за вѣно (за сестру Ярослава) людей 8 сотъ, еже бѣ полонилъ Болеславъ...». Настоящая плата замѣняется здѣсь вознагражденіемъ другими равноцѣнными предметами. Толкованіе этихъ мѣстъ лѣтописи въ другомъ смыслѣ у Неволина: Исторія россійскихъ гражданскихъ законовъ въ III т. Полн. Соб. Соч. Спб. 1857, стр. 131—2; В. Шульгинъ: О состояніи женщинъ въ Россіи до Петра Великаго, К. 1850, стр. 20. Въ «рядной записи» XIII в.: «и на дѣвицѣ Якимъ серебро взялъ...» см. Записки археолог. Общ. т. III, Спб. 1851, стр. 221—250, объясн. И. И. Срезневскаго и Неволина.

2) См. ст. Я. И. Ганеля: «Vĕno v právu slovanském», въ журн. Právník, t. X, Pr. 1871, pag. 798—799.

3) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, pag. 420 sq.

конодательство оставляетъ ее безъ вниманія; но это потому, что такой актъ обычнаго права былъ исключительно обычаемъ частнаго быта, частнымъ договоромъ, который исполнялся немедленно, не влекъ за собою правныхъ столкновеній и споровъ, и потому не подлежалъ и не нуждался въ участіи правительственнаго суда и рѣшенія. Положительному закону здѣсь дѣлать было — нечего. Да къ тому, всѣ древнѣйшіе памятники славянскаго законодательства уже относятся къ эпохѣ христіанской; церковь же могла не обратить вниманія на обычай, но никакъ не могла признать его и допустить въ законъ, такъ какъ онъ оскорблялъ понятіе *таинства* брака.

На нашъ взглядъ, обычно-правная продажа невѣстъ была прямымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ древняго понятія о женскомъ полѣ, какъ о родовой или семейной собственности или имуществѣ. Время полной силы и дѣйствія такого возрѣнія славяне, какъ кажется, пережили еще въ эпоху доисторическую. Отъ времени, засвидѣтельствованнаго исторіей, до насъ доносятся только немногіе его отголоски, являющіеся то въ первобытной ихъ грубости, то уже въ смягченныхъ нравственнымъ развитіемъ образахъ. Если жена, какъ собственность мужа, живою слѣдовала въ могилу за нимъ, чтобы и въ другомъ мірѣ служить его нуждамъ и потребностямъ [1]); если она за преступленіе мужа подвергалась секвестру, наравнѣ съ прочимъ его имуществомъ [2]); если отецъ семейства, обязавшійся платить заимодавцу извѣстную сумму со всякаго отчуждаемаго семейнаго имущества, платилъ и за выдачу дочери въ замужство [3]), то при такомъ взглядѣ на жену или дочь — заключеніе брака посредствомъ купли и продажи является обычаемъ, естественно-необходимымъ, стоящимъ въ органической связи съ прочими правными понятіями и

1) Наше изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 230 sq. и ниже, стр. 96.

2) См. ниже, въ отдѣлѣ «правнаго положенія жены».

3) Ibidem, въ отдѣлѣ «договоровъ».

явленіями быта. Разсматриваемая какъ семейная собственность, невѣста,—съ одной стороны отчуждалась продажею, съ другой пріобрѣталась куплею. Въ остаткахъ языка балтійскихъ славянъ, есть одинъ терминъ, какъ бы указывающій на такой способъ заключенія брака, это *запитье* (zopeitje, sopeytje), оно обозначаетъ «помолвку» (Verlöbniss): торговая сдѣлка, такъ сказать, скрѣпляется чрезъ питье чаши вина; обычай доселѣ господствуетъ у всѣхъ славянъ, преимущественно между простымъ людомъ.

Нельзя также оставить безъ вниманія одного извѣстія у Саксона Грамматика. Передавая, на основаніи древней саги, подвиги Фротона III, Саксонъ говоритъ, что онъ внушилъ Рутенамъ («Rutheni») заключать браки не иначе, какъ посредствомъ покупки женъ:

«praecipit... ne quis uxorem nisi emptitiam duceret. Venalia siquidem connubia plus stabilitatis habitura censebat, tutiorem matrimonii fidem existimans, quo pretio firmaretur [1]).

Хотя извѣстіе это и не имѣетъ строгаго историческаго характера, но, нѣтъ сомнѣнія, основаніемъ ему послужилъ замѣченный датчанами славянскій обычай заключенія браковъ посредствомъ купли невѣстъ. Обычай издавна бытовалъ у датчанъ [2]); встрѣтясь съ нимъ и на славянской почвѣ, слагатель саги, по чувству патріотизма, увидѣлъ здѣсь доказательство датской власти и вывелъ происхожденіе его отъ датчанъ, сочинивъ будто Фротонъ утвердилъ его между покоренными славянами. Полубаснословная обстановка извѣстія, такимъ образомъ, нисколько не мѣшаетъ признать его за весьма важное свидѣтельство о славянскомъ обычаѣ покупки женъ. Кто таковы были «Рутены» саги— сказать трудно. Ближе всего подумать о Руянахъ, съ которыми датчане сносились и мѣрялись съ незапамятныхъ временъ. Названіе «Rutheni» для Руянъ, правда, не обыкновенно, но, какъ

---

1) Saxonis Grammat. Historia I, lib. V, pag. 235.

2) Saxonis Gramm. Historia, pars posterior, notae uberiores. Haun. 1858, p. 156—7.

видно изъ «Жизнеописаній» Оттона бамбергскаго, не — единственно [1]).

Утверждая вѣроятное существованіе обычая продажи невѣстъ у балтійскихъ славянъ, мы тѣмъ самымъ признаемъ и возможность воззрѣнія на жену, какъ на семейную собственность: она пріобрѣталась на семейныя средства и потому, вмѣстѣ со всякимъ другимъ имуществомъ, могла подлежать дѣйствію обычныхъ имущественныхъ отношеній и переходить по наслѣдству въ собственность пасынка или деверя. Такихъ логически-естественныхъ правныхъ послѣдствій покупки жены не знаютъ, впрочемъ, ни положительная исторія, ни положительныя законодательства славянъ; но что они могли существовать, это—ясно изъ вышеуказанныхъ фактовъ, гдѣ жены, такъ сказать, подвергались участи предметовъ имущества. Сюда подойдетъ и замѣченный саксонскимъ лѣтописцемъ случай отдачи женъ въ рабство у балтійскихъ славянъ, если въ этомъ происшествіи позволительно видѣть дѣйствіе права, а не вынужденный обстоятельствами поступокъ [2]).

Итакъ, совершеніе брака посредствомъ купли и продажи, а равно и значеніе лицъ дочерей и женъ, какъ предметовъ семейной собственности, были вполнѣ умѣстно въ бытѣ балтійскихъ славянъ: существованіе перваго обычая представляется болѣе, чѣмъ вѣроятнымъ; существованіе второго понятія и его послѣдствій представляются, по крайней мѣрѣ, вѣроятными для эпохи болѣе древней. Плата за невѣсту могла быть живымъ, дѣйствующимъ обыкновеніемъ, имущественное значеніе лицъ женскаго пола могло быть остаткомъ грубыхъ обычаевъ прежняго времени, уцѣлѣвшимъ вопреки развитію и господству другихъ болѣе мягкихъ понятій и обыкновеній, о которыхъ мы распространяемся ниже.

Довольно *близкое родство и свойство* въ древнемъ бытѣ

---

1) Herbordi Dialogus III, 30, 31; Ebonis Vita Ottonis III, 23.
2) Widukindi Res gestae I, 36; см. ниже, въ отд. «пужинной власти».

славянъ не признавались препятствіемъ къ вступленію въ брачный союзъ: оно стало имъ со времени утвержденія христіанства, подъ вліяніемъ Церкви. У насъ нѣтъ данныхъ для точнаго опредѣленія дѣйствовавшаго въ этомъ отношеніи обычая, но приведенные Лелевелемъ указанія изъ польской древности [1]) даютъ право заключать, что браки были законно допускаемы между дѣтьми родныхъ братьевъ, сестеръ, брата и сестры. Тѣмъ болѣе представлялись правильными браки между свойственниками, мачехой и пасынкомъ, деверемъ и невѣсткой. Слѣдовательно, и отмѣченный грамотою арх. Якова обычай былъ вполнѣ умѣстенъ и возможенъ въ бытѣ славянъ балтійскихъ. И дѣйствительно, мы находимъ ясные слѣды въ отчетѣ бамбергскаго еп. Оттона о его просвѣтительной дѣятельности въ Поморьѣ: здѣсь онъ говоритъ, что имъ воспрещены браки у туземцевъ между свойственниками и ближайшими родственниками:

«interdixit ne quis commatrem suam ducat in uxorem, neque propriam cognatam suam usque in sextam et septimam generationem [2])».

Обычные подарки жениха родителямъ невѣсты и наоборотъ по самому существу своему были скорѣе дѣйствіемъ нравственнымъ, чѣмъ правнымъ: обычай въ этомъ отношеніи едва-ли имѣлъ непреложную обязательную силу, т. е. едва-ли неисполненіе его могло служить законнымъ препятствіемъ къ заключенію брака. Потому и брачное право славянъ вовсе не знаетъ такого способа обычнаго даренія. Слѣды его, однако, еще видны въ обыкновеніяхъ простого народа на Руси, въ Чехахъ и другихъ славянскихъ земляхъ: обыкновенно, только родители невѣсты дарятъ жениха. Смыслъ обычая — ясенъ: это — уваженіе и почетъ, оказываемые къ личности родителей невѣсты жени-

---

1) Lelewel: «Rozpatrzenie niektórych względów i pomników prawodawstwa wiślickému uprzednich», въ Polska wieków średnich, t. III, Pozn. 1859, pag. 422—428.

2) Ebonis Vita Ottonis, II, c. 12.

хомъ и—къ лицу послѣдняго родителями; своимъ подаркомъ они къ тому же—какъ бы полагали первое основаніе семейному хозяйству будущаго зятя.

Строго юридическое значеніе имѣютъ, напротивъ—обычай *приданаго* (dotis) и обычай *брачнаго даренія* мужа своей женѣ (donationis propter nuptias). Мы замѣчали, что изъ словъ объясняемой нами грамоты еще никакъ нельзя дѣлать положительнаго вывода, что эти обычаи бытовали у «неофитовъ», мы скорѣе предполагали здѣсь указаніе на чужеземные брачные порядки. Чѣмъ глубже мы всматриваемся въ предметъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся въ истинѣ нашей догадки. Понимая обычай *приданаго* не въ смыслѣ дѣйствія доброй воли родителей и ихъ любовнаго чувства къ дочери (это—возможно вездѣ и всегда), а какъ дѣйствіе, проистекающее изъ твердаго, признаннаго права дочери на часть семейнаго имущества, мы рѣшительно должны отвергнуть его существованіе, какъ у «неофитовъ» такъ и вообще—у древнихъ славянъ. Право на приданое необходимо вытекаетъ изъ права на участіе въ семейномъ наслѣдованіи: безъ этого—обычай будетъ только обычаемъ нравственнымъ, случайно-возможнымъ, но не общеобязательнымъ, не юридическимъ. «Неофиты», о которыхъ говоритъ грамота, еще не доросли до признанія за женщиной правъ на часть семейнаго имущества: наслѣдниками по закону были у нихъ только лица мужескаго пола, сыновья, а не дочери. Какое же приданое могли получать онѣ при отсутствіи права на него? Очевидно—только то, которое могла удѣлить имъ добрая воля и любовь родителей, т. е.—такъ сказать *приданое безправное*, опредѣляемое только нравственными отношеніями. Далѣе. Какъ ни скудны наши свѣдѣнія о бытѣ древнихъ славянъ (приблизительно до эпохи христіанства и вѣка два—три по немъ), но ихъ достаточно для убѣжденія, что единственно возможный родъ *приданаго* въ это время было также приданое безправное, зависѣвшее отъ чувства и воли родителей и родичей. При нераздѣльности родовой или семейной собственности, при равномъ, исключительномъ господствѣ въ родѣ

или семьѣ лицъ мужескаго пола, при общей шаткости правъ женщины и ея зависимомъ, подчиненномъ положеніи, какъ юридическаго лица, она могла владѣть вещью только въ силу передачи этой власти лицомъ правоспособнымъ, и поэтому могла получить приданое, какъ даръ, но не какъ неотъемлемую собственность, приходящую ей по праву. Дѣйствительно, ни въ одномъ свидѣтельствѣ исторіи о древнемъ бытѣ славянъ, ни въ одномъ изъ древнихъ памятниковъ ихъ законодательствъ мы не находимъ никакого опредѣленно-твердаго указанія о правѣ лицъ женскаго пола на часть семейнаго имущества и, слѣдовательно, — на *приданое по закону*. Право это начинаетъ проявляться не ранѣе конца XII, начала XIII в. — и то въ такой формѣ и обстановкѣ, которая даетъ разумѣть, что обычай былъ еще очень молодъ, не успѣлъ установиться и окрѣпнуть въ твердый законъ [1]). Отрицая существованіе въ древнемъ бытѣ славянъ *приданаго по праву*, мы вовсе не думаемъ отрицать *обычая* давать приданое дочерямъ, сестрамъ и т. д. Основанный на естественномъ чувствѣ семейно-родственной любви — обычай могъ быть очень древенъ и постояненъ въ своемъ дѣйствіи. Изъ него, конечно, при дальнѣйшемъ развитіи жизни, не безъ вліянія б. м. христіанства и чужеземнаго права (византійскаго и нѣмецкаго), выросъ институтъ *приданаго по праву*, гдѣ женщина выступаетъ уже лицомъ правоспособнымъ, владѣющимъ вещью не на основаніи передачи ей власти другого, но самостоятельно, по своей природѣ.

Итакъ, если въ бытѣ балтійскихъ славянъ было умѣстно *приданое* (плата за невѣсту — не исключаетъ его: и то и другое могутъ уживаться рядомъ), то только въ своей первоначальной формѣ, какъ обычай родственнаго даренія, но не какъ дѣйствіе,

1) Lelewel: «Historyczny rozbiór prawodawstwa cywilnego i kryminalnego».., loco cit. стр. 55—56; Hanél: «Vĕno v právu slovanském», loc. cit. pag. 518 sq. Обычай вытекаетъ не изъ права, а скорѣе изъ дѣйствія доброй воли; онъ распространяется преимущественно между высшимъ сословіемъ, гдѣ, выражаясь словами Лелевеля: «dziwna slepota niemieckim pierwszeństwo dawała zwyczajom»; самые случаи обыкновенія — очень немногочисленны...

вышедшее изъ ясно признаннаго права лицъ на долю въ семейномъ имуществѣ. Обычай дасть, такимъ образомъ, значительное свидѣтельство о не низкомъ нравственномъ положенія женщины въ семьѣ; но еще не можетъ служить доказательствомъ ея высокаго положенія правнаго!

Брачное дареніе мужа или *жениха* («donatio propter nuptias», а также и «dos») упоминается и въ поморскихъ грамотахъ, хотя довольно рѣдко, — собственно два раза: такъ въ грамотѣ Анастасіи 1224 г., вдовы князя Богуслава I, говорится, что она получила отъ мужа поземельную собственность, какъ брачное дареніе и владѣетъ ею и по его смерти, съ дозволенія сыновей:

«domum ancillarum Christi in dote mea, quam a marito meo recepi. quam et post mortem ipsius. filiis meis michi concedentibus. tenui inconuulsam.. de meis facultatibus edifacare (dignum duxi») [1]).

Въ грамотѣ Барнима I, 1249 г., которою утверждаются наслѣдственныя владѣнія знатнаго мужа Боранты, говорится, что ему должна принадлежать вся мѣстность Стрыя, часть которой, однако, въ видѣ законнаго залога, онъ обязалъ за пятьсотъ марокъ серебра, данныхъ, какъ брачное дареніе, при помолвкѣ какого-то пятилѣтняго графа изъ Гостькова съ двухлѣтнею дочерью его брата:

«cuius (terre Streye) partem cuidam comiti de gutzkowa quinquenni cum filia fratris sui byenni. pro quingentis marcis argenti racione dotis iusto pignoris titulo secundum nostram placitationem obligauit [2])».

Слова послѣдней грамоты допускаютъ, впрочемъ, и иное объясненіе, не въ смыслѣ брачнаго даренія жениха, а въ смыслѣ приданаго: Боранта обязался дать пятьсотъ марокъ за своею

---

1) Codex diplom. Pomeraniae I, № 148. «*Брачное дареніе*» Анастасіи упоминается въ грамотахъ еще два раза №№ 164, 165: «Anastasia ducissa Pomeranorum... de rebus propriis in dote, quam ab illustri uno nostro. Bugzlao duce Pomeranorum... receperat».

2) Codex diplom. Pomer. I, № 412.

племянницей, а пока — въ залогъ исполненія договора, отдать часть земли своей. Оба случая — одинаково возможны.

Изъ грамоты 1224 г. видно, что брачное дареніе разсматривалось не какъ законное обезпеченіе жены мужемъ, но какъ свободное, зависящее единственно отъ воли и расположенія мужа — дареніе; иначе, зачѣмъ нужно было concessio filiorum, чтобы жена могла владѣть имъ по смерти мужа?

Какъ бы то ни было, оба извѣстія относятся къ слишкомъ позднему времени и имѣютъ въ виду слишкомъ привилегированное состояніе, чтобы на нихъ можно было основать выводъ о туземномъ, старо-славянскомъ происхожденіи правнаго обычая брачнаго даренія.

Брачное дареніе мужа какъ обезпеченіе жены — предполагаетъ такія развитыя юридическія отношенія, такое высокое положеніе женщины, такъ отклоняется отъ условій древне-славянской семейной и родовой жизни, что мы рѣшительно не можемъ допустить не только его существованія въ славянской древности, но даже вообще и его славянскаго происхожденія. Обычай намъ кажется — чужеземнымъ, римско-нѣмецкимъ, распространившимся въ Польшѣ, Чехіи и Поморьѣ съ XIII в. преимущественно между высшимъ сословіемъ. Въ настоящемъ славянскомъ правѣ о немъ нѣтъ ни малѣйшаго упоминанія, и попытка Лелевеля защитить его славянскую народность не выдерживаетъ даже и слабой критики [1]).

---

1) Historyczny rozbior prawodawstwa» etc. l. cit. p. 55—7. Лелевель основываетъ свое мнѣніе на томъ, что терминъ *dotalitium* былъ для поляковъ не вразумителенъ: они понимали его одинъ разъ, какъ *donatio*, другой разъ — какъ *dos*, иногда, какъ *вѣно*, *wiano*. Этого быть не могло, еслибы учрежденіе было взято изъ нѣмецкаго городоваго права: оно употреблялось бы тогда въ твердо опредѣленномъ значеніи. Учрежденіе *вѣна* стало быть было вполнѣ народнымъ и шло со временъ древнѣйшихъ. Странная логика! Непрочность терминологіи именно и указываетъ на то, что самъ обычай, какъ чуждое явленіе, былъ очень смутно понимаемъ и толковался различно... Далѣе, откуда слѣдуетъ, что словомъ *вѣно* вообще обозначалось *обезпеченіе жены мужемъ*, а не *приданое*, не *почетное дареніе*... Факты языка нисколько не даютъ права

Умычка дѣвицъ. Хотя свидѣтельства древности и не представляютъ яснаго указанія на существованіе у балтійскихъ славянъ способа заключенія браковъ посредствомъ насильственнаго или согласнаго похищенія дѣвицъ; но имѣя въ виду несомнѣнное существованіе такого обычая у другихъ славянъ, какъ въ древности, такъ и въ наши дни [1]), не можемъ не отмѣтить здѣсь одного, по содержанію родственнаго, факта, занесеннаго въ грамоты. Въ числѣ различныхъ преступленій, право суда надъ которыми (оботритскіе) князья удерживали за собою при передачѣ другихъ правъ духовнымъ лицамъ — находится и похищеніе дѣвицъ: «si quos capitalis sententia reos condempnauerit... quales sunt... uiolentie illatores oppressione mulierum seu raptu uirginum ita duntaxat, si in ipso instanti uiolentiam passa clamore ualido per uicinos fuerit attestata: quiquid in tales agere uoluerimus... ad nostre iurisdicionis spectabit ordinationem» [2]).

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что здѣсь рѣчь идетъ о похищеніи дѣвицъ съ цѣлью насилія, какъ это ясно выражено въ «Саксонскомъ Зерцалѣ» [3]), что, поэтому, статья представляетъ только измѣненную копію нѣмецкаго права; но, имѣя въ виду подобныя же указанія древне-польскаго и чешскаго права [4]),

---

къ подобному рѣшительному заключенію: *вѣно*, какъ кажется, первоначально обозначало *подарокъ*, потомъ *цѣну* вообще, наконецъ — *приданое*, cf. Hanuš, Ueber d. alterthümliche Sitte der Angebinde bei Deutschen, Slaven und Litauern: Pr. 1866, p. 9—11; при колеблющемся значеніи термина, естественно — имъ могли обозначить и затруднительныя латинскія donatio и dotalitium. Здѣсь можно скорѣе видѣть подтвержденіе мнѣнія о чужеземномъ происхожденіи института, чѣмъ доказательство его народнаго, туземнаго происхожденія.

1) Немногія, но лучшія доселѣ замѣчанія о предметѣ находятся въ «Письмѣ проф. О. И. Буслаева къ проф. С. М. Соловьеву», напеч. въ 1-мъ изданіи 2-го т. Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ, М. 1852, въ Приложеніяхъ. Число фактовъ съ тѣхъ поръ значительно увеличилось.

2) Грамоты относятся къ 1237—8 гг., Meklenburgisches Urkundenbuch №№ 463, 479, 490.

3) Sachsenspiegel hrs. v. Sachsse, Heid. 1848, lib. III, c. 1; cf. II, c. 65 p. 207, 195.

4) Вислицкій статутъ у Helcel'я: Starodawne prawa polskiego pomniki, I, War. 1856, c. 125 общаго свода pag. 138 sq; піотрковскаго великопольскаго статута cap. 11, ibid. p. 187; cf. синодальное вратиславское постановленіе архид.

позволительнымъ становится разсматривать похищеніе дѣвицъ у балтійскихъ славянъ, какъ средство или способъ заключенія браковъ. Было бы слишкомъ смѣло утверждать положительнымъ образомъ связь такого явленія съ старымъ, доисторическимъ обычаемъ брачной умычки, но нельзя отрицать и возможности такой связи. Зная упорную крѣпость нѣкоторыхъ народныхъ обычаевъ и общее состояніе гражданственности балтійскихъ славянъ, не будетъ особенно невѣроятнымъ думать, что такой обычай могъ имѣть мѣсто въ ихъ бытѣ и своими слѣдствіями, какъ насиліе и нарушеніе семейнаго мира и порядка, могъ обратить на себя вниманіе карающей власти.

Обязанности супружескаго союза. Чистота жизни и вѣрность мужу считались у балтійскихъ славянъ непремѣннымъ условіемъ брачнаго союза и семейнаго общежитія. Еще въ VIII в. апостолъ нѣмецкой земли Бонифацій удивлялся этому цѣломудрію славянскихъ женъ и ставилъ его въ примѣръ распущенному англійскому королю Этибальду: «славяне, говорилъ онъ, этотъ мерзѣйшій и отвратительнѣйшій народъ, такъ вѣрно соблюдаютъ въ бракѣ взаимную супружескую любовь, что по смерти мужа, жена отказывается отъ жизни и почтенною женщиною слыветъ между ними та, которая предаетъ себя смерти, чтобы сгорѣть на кострѣ вмѣстѣ съ мужемъ:

«Winedi; quod est foedissimum et deterrimum genus hominum, tam magno zelo matrimonii amorem mutuum seruant, ut mulier, uiro proprio mortuo, uiuere recuset; et laudabilis mulier inter illas esse iudicatur, quae propria manu sibi mortem intulit, ut in una strue pariter ardeat cum uiro suo» [1]).

Якова, ст. 18, ibid. p. 355. Указанія послѣдняго — особенно замѣчательны, ибо они свидѣтельствуютъ, что въ половинѣ XIII в. «raptus uirginum in istis partibus (т. е. въ Польшѣ, *Помераніи* и Пруссіи) frequencius debito, sicut audiuimus, attemptetur»... Чешскій Řad práwa zemského čl. 84, 85, 86 въ изданіи Палацкаго Archiv český II (1842, Pr.) p. 123—5; kniha Rožmberská, vyd. Brandl, Br. 1871, cl. 183, pag. 81.

1) Migne, Patrologiae cursus completus, ser. II, t. 89, P. 1850, pag. 760, epis. 62.

Обычай славянскихъ женъ предавать себя смерти вслѣдъ за мужемъ — можно объяснять и иными причинами и побужденіями, чѣмъ объяснялъ Бонифацій [1]); но уже одно то, что такой поступокъ признавался со стороны соотечественниковъ — почетнымъ и славнымъ, свидѣтельствуетъ, что идея крѣпости семейнаго союза, вѣрности мужу была твердымъ нравственно-юридическимъ правиломъ жизни. Древность балтійскихъ славянъ сохранила въ этомъ отношеніи одно очень знаменательное повѣріе или преданіе сказочнаго характера. Саксонъ Грамматикъ передаетъ, что Руяне (въ Коренцѣ) очень превозносили могущество своихъ боговъ и часто разсказывали о той карѣ, которая постигала людей, оскорблявшихъ мѣсто святыни ихъ дѣйствіемъ блуда. Когда какому мужчинѣ случалось имѣть въ Коренцѣ непозволительное сообщеніе съ женщиной, то они, по обычаю собакъ, оставались какъ бы связаны въ такомъ положеніи, не могли свободно разойтись и служили посмѣшищемъ для народа:

«Nec mirum, si illorum numinum potentiam formidabant, a quibus stupra sua saepenumero punita meminerant. Si quidem mares in ea urbe cum foeminis in concubitum adscitis canum exemplo cohaerere solebant, nec ab ipsis morando diuelli poterant; interdum utrique perticis e diuerso appensi inusitato nexu ridiculum populo spectaculum praebuere» [2]).

То же, независимо отъ Саксона, разсказываетъ и Книтлингасага:

«Quae idola (Rinuit, Turupid et Puruuit) tanta miracula patrarunt, ut, si quis intra oppidum (Karenziam) rem cum muliere haberet, hi canum ritu inter se coahererent, neque prius disiungerentur, quam ex oppido egressi fuissent» [3]).

Источникомъ разсказа, кажется, послужила этимологія: изъ

1) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 50.

2) Saxonis Grammatici Historia danica, ed. Müller I, lib. XIV, p. 844.

3) Scripta historica Islandorum. Haf. 1842. t. XI, p. 349—350: Historia Kautidarum, c. 122.

остатковъ языка балтійскихъ славянъ видно, что для обозначенія понятія развратной женщины и блудника, они употребляли нарицательное имя *суки* и *сукаря* (sauko, zäuko, sautgirr, seytcher); отъ перенесенія имени недалеко было и до перенесенія самаго свойства одного предмета на другой. Такъ возникла эта странная сага. Намъ, впрочемъ, нѣтъ теперь дѣла до ея происхожденія, но до ея смысла: она разсматриваетъ stuprum, какъ дѣйствіе непозволительное, достойное кары, и такимъ образомъ отрицательно свидѣтельствуетъ, что цѣломудріе и вѣрность супружеству считались важнѣйшимъ условіемъ и обязательствомъ семейнаго союза. Саксонъ Грамматикъ сообщаетъ и въ этомъ отношеніи одинъ замѣчательный фактъ. Какая-то женщина у Руянъ была подозрѣваема мужемъ своимъ въ нарушеніи супружеской вѣрности и должна была очистить себя отъ безчестія *божьимъ судомъ*, т. е. испытаніемъ посредствомъ раскаленнаго желѣза. Она чудеснымъ образомъ доказала свою невинность:

«Matrona quaedam, a uiro immerens adulterii insimulata, cum purgandae infamiae gratia candenti laminae dexteram obtulisset, subito ferrum, quod exceptura erat... sublime se extulit. Ea res mulieris infamiam leuauit» [1]).

Если вопросъ о супружеской вѣрности могъ требовать подобнаго суднаго рѣшенія, то нѣтъ сомнѣнія, что на него глядѣли очень строго, что онъ входилъ въ условія жизни не только какъ нравственное начало, но и какъ начало права, какъ обязательный законъ, нарушеніе котораго требовало правнаго возмездія и кары.

Представленные нами факты получаютъ полную силу, когда въ помощь къ нимъ мы призовемъ современныя свидѣтельства о польской и чешской старинѣ.

Титмаръ говоритъ, что народъ польскій во времена Мѣшка I и Болеслава Храбраго имѣлъ многіе жестокіе, но все же похвальные обычаи. Если кто позволялъ себѣ незаконное сообщеніе съ

1) Saxonis Gram. Historia, I, p. 845.

чужими женами или прелюбодѣяніе, тотъ подвергался слѣдующему наказанію: его выводили на помостъ среди рынка и пригвождали тамъ за дѣтородныя части; возлѣ полагали ножъ, оставляя преступнику на волю: или умереть въ такомъ положеніи, или отрѣзать прибитые члены. Развратной женщинѣ вырѣзывали генитаміи и вѣшали ихъ на дверяхъ дома, въ поученіе и урокъ входящимъ [1]). По извѣстію Богухвалы, во время семилѣтняго отсутствія Болеслава Смѣлаго и его воиновъ, жены и дочери ихъ вступили въ незаконную связь со слугами и рабами. Провѣдавъ объ этомъ, воины возвратились поспѣшно домой и предали своихъ женъ, какъ развратницъ, жестокимъ казнямъ [2]).

По возвращеніи еп. Войтѣха въ Прагу—разсказываютъ его біографы, Канапарій и Брунъ—случилось, что одна знатная женщина была признана виновною въ блудѣ съ какимъ-то клерикомъ. Обезчещенные родные (parentes) мужа должны были, по *варварскому обычаю*, наказать ее смертью; она убѣжала къ епископу и нашла въ немъ защитника, но не надолго: вооруженная толпа требовала ея выдачи, говоря, что Войтѣхъ защищаетъ блудницу вопреки закону божьему и правамъ людей, и угрожая, если она не будетъ немедленно выдана, отмстить на женахъ, дѣтяхъ и имуществѣ духовенства. Убѣжище несчастной женщины было открыто, и ее отдали на казнь мужу, который, однако, устранился отъ этого. Она пала подъ рукою какого-то низкаго слуги [3]). Де-

1) «In huius sponsi (sc. Boleslaui) regno sunt multae consuetudines uariae, et quamuis dirae tamen sunt interdum laudabiles... Si quis in hoc alienis abuti uxoribus uel sic fornicari presumit, hanc uindictae subsequentis poenam protinus sentit. In pontem mercati is ductus, per follem testiculi clauo affigitur, et nouacula prope posita, hic moriendi siue de hiis absoluendi dura eleccio sibi datur... Et si qua meretrix inueniebatur, in genitali suo, turpi et poena miserabili, circumcidebatur, idque, si sic dici licet, preputium in foribus suspenditur, ut intrantis oculus in hoc offendens, in futuris rebus eo magis sollicitus esset et prudens...». Thietmari Chronicon VIII, 2.

2) «Vxores suas, ueluti praeuaricatrices et adulteras, poenas diuersis crudeliter extinxerunt...». Boguphali Chronicon, cap. 18, ap. Bielowski, Monum. Pol. his. II, p. 488.

3) «Mulier cuiusdam nobilis cum clerico adulterasse publice arguitur. Quam cum more barbarico parentes dedecorati coniugis decapitare quaererent, fugit

кретъ Бретислава (1039 г.), конечно, подъ вліяніемъ церкви, уже смягчаетъ суровость обычая: женщины-прелюбодѣйки, завѣдомо утратившія доброе имя и стыдъ, подвергаются только наказанію вѣчнаго изгнанія изъ страны [1]).

Нѣтъ ни малѣйшаго основанія приписывать эту строгость наказанія за нарушеніе брачной вѣрности дѣйствію какого-нибудь чужеземнаго вліянія: она вытекала изъ коренныхъ условій быта, основаннаго на крѣпости семейныхъ отношеній и сурово-взыскательнаго за уклоненія отъ нихъ. Невѣрностью жена не только нарушала законъ семейнаго мира и принадлежности мужу; но и наносила безчестіе и безславіе членамъ семьи, какъ бы свидѣтельствуя о внутреннемъ слабосиліи ихъ союза. Разсматривая жену, какъ семейную собственность, обычай въ этомъ случаѣ предоставлялъ мужу право высшаго наказанія ее, т. е. наказаніе лишеніемъ жизни, которымъ только и могло удовлетвориться оскорбленное чувство обезславленнаго властителя; и кажется, что чѣмъ болѣе народъ отдавался тревожнымъ увлеченіямъ воинственной жизни, чѣмъ болѣе развивалось въ немъ чувство, такъ сказать, кровожадной чести, презрѣніе къ жизни и слабости другихъ, тѣмъ крѣпче и неотмѣннѣе становился обычай кары смертною казнью за преступленіе противъ чистоты супружескаго ложа. У племенъ мирныхъ мы нерѣдко находимъ отношенія болѣе мягкія, т. е. болѣе снисходительныя къ слабостямъ человѣческой природы.

Приведя въ естественную связь свидѣтельства польской и

---

illa... ad episcopum... Impia manus interea absconsae mulieri ferum necemque parans, armato milite episcopale forum irruperunt. Quaerunt minis et contumacibus dictis episcopum, qui contra diuinum fas et legalia iura adulteram defendere uellet... Rapitur infelix illa, et sub manu coniugis capitalem iussa est subire sententiam. Quod cum ille, uelut, uir iustus, facere nollet, sub gladio uilis uernulae truncata, poenas male usi corporis capite exsoluit...». Canaparii Vita et passio Sti. Adalberti, c. 19, apud Bielowski Monum. Pol. hist. I, p. 174—5; cf. Brunonis Passio Sti. Adalberti, c. 16, Ibidem, p. 202—3.

1) «Eadem sententia (т. е. изгнанію въ Угры на вѣчныя времена) sint plectendae uirgines et uiduae et adulterae, quae nomen bonum amisisse et pudorem corrupisse, ac per scortum concepisse dignoscuntur»... Cosmae Prag. Chronicon a. an. 1039, ed. Pelzel et Dubrowsky, Pr. 1783, p. 110.

чешской старины съ вышеуказанными фактами быта балтійскихъ славянъ, вспомнивъ при этомъ общее суровое направленіе ихъ жизни, мы кажется будемъ имѣть достаточное основаніе полагать, что крѣпость семьи, обязанности супружескаго союза и ихъ нарушенія признавались, понимались и карались у нихъ одинаково строгимъ образомъ, какъ, и у близкихъ къ нимъ поляковъ и чеховъ.

Власть мужа отчасти видна изъ слѣдующаго, довольно впрочемъ глухого, извѣстія у Видукинда: осажденные нѣмцами въ Лунчинѣ, славяне, по неудачной битвѣ, за жизнь и свободу—отдали побѣдителямъ, кромѣ имущества и рабовъ, еще своихъ женъ и дѣтей:

«arma deponunt, salutem tantummodo deposcunt ac merentur. Inermes igitur urbe egredi iussi: seruilis autem conditio et omnis pecunia cum uxoribus et filiis et omni supellectili barbarorum regis captiuitatem subibant» [1]).

Изъ словъ саксонскаго анналиста не видно: было ли это дѣйствіе только на данный случай, или оно основывалось на правѣ распоряжаться личностью и свободою своихъ женъ и дѣтей. За первое говоритъ самый фактъ стѣсненнаго положенія славянъ предъ силою побѣдителей, за второе — общее правное состояніе ихъ гражданственности. Тамъ, гдѣ жена признавалась собственностью семьи или мужа и не имѣла опредѣленнаго правомъ самостоятельнаго положенія, гдѣ пространство отцовской власти, какъ увидимъ далѣе, было столь значительно, тамъ подобное дѣйствіе могло основываться не только на случайныхъ, временными обстоятельствами условленныхъ обстоятельствахъ, но и на правѣ. Конечно, такая власть, если она дѣйствительно существовала—скорѣе должна быть разсматриваема, какъ неустраненный, анахронически-зажившійся остатокъ далекой старины, чѣмъ какъ живое, дѣйствующее начало быта, но нельзя отрицать что кой-гдѣ, въ исключительныхъ случаяхъ—она могла проявлять свою не вполнѣ

1) Widukindi Res Gestae Sax. I, 36.

отжитую силу и дѣйствіе. По крайней мѣрѣ, употребляя отрицательное доказательство—у балтійскихъ славянъ мы нигдѣ не находимъ правныхъ ограниченій власти мужа надъ женою — ни со стороны родныхъ ея, ни со стороны общества. Ограниченія, кажется, были только обычно-нравственныя, опредѣлялись *приличіемъ*, признаннымъ закономъ общежитія, но не строгимъ правомъ. Общество дожило до того, что мужья не продавали болѣе своихъ женъ, какъ рабынь, но продать ихъ или отдать въ рабство — они могли: препятствій правныхъ къ этому, кажется, не было.

Немалое подтвержденіе нашего взгляда на характеръ власти мужа въ историческое время у балтійскихъ славянъ представляетъ обычай славянскихъ женъ слѣдовать въ могилу за своими мужьями, чтобы служить ихъ нуждамъ и въ загробной жизни. Обычай довольно рано замѣченъ св. Бонифаціемъ (755). Текстъ его нами приведенъ выше (стр. 117). Такъ какъ мы прежде уже имѣли случай посвятить этому свидѣтельству подобное разсмотрѣніе [1]), то теперь можемъ ограничиться только немногими замѣчаніями.

Народъ, у котораго св. Бонифацій подмѣтилъ этотъ обычай и который онъ называетъ «Winedi» — были, несомнѣнно, балтійскіе славяне: это ясно и изъ контекста письма его къ Этибальду, гдѣ они ставятся рядомъ съ Саксами, и изъ того, что такимъ именемъ въ средніе вѣка спеціально обозначали славянскія племена балтійскаго поморья. Бонифацій познакомился съ ихъ бытомъ во время своего пребыванія въ сосѣднихъ Тюрингіи и Саксоніи. Обычай жены слѣдовать въ могилу за умершимъ мужемъ онъ замѣтилъ не въ правно-обязательной формѣ, а какъ нравственнообычное явленіе доброй воли, и объяснилъ его въ смыслѣ преданности и любви къ мужу. Мы полагаемъ, что эта форма обычая не была первоначальною, а позднѣйшею, ослабѣлою. Обыкновеніе не могло выйти изъ исключительно нравственныхъ началъ: оно должно было основываться на древнемъ безграничномъ

1) О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. М. 1868, стр. 46—50.

правѣ мужа по отношенію къ женѣ, какъ своей собственности, и потому въ болѣе отдаленной древности должно было имѣть юридически-обязательное значеніе. Умиралъ мужъ, повторимъ прежде сказанное нами, должна была умерсть и жена, и не потому только, что существованіе ея (среди быта воиновъ) оказывалось совершенно лишнимъ, но и потому, что она была необходима своему, отшедшему къ праотцамъ, владыкѣ: владѣлецъ бралъ съ собой свою собственность ради удовлетворенія своихъ нуждъ и потребностей въ будущей жизни. Это было—дѣйствіе правное и законное. Такимъ образомъ, во времена глубокой древности — власть мужа надъ женой не прекращалась и со смертью перваго. Большее или меньшее дѣйствіе и распространенность обычая зависѣли, какъ кажется, отъ степени развитія семейной жизни и историческихъ условій: въ мирномъ бытѣ земледѣльца — поселянина, гдѣ жена и по смерти мужа находила мѣсто и признаніе, какъ мать своихъ дѣтей, обычай былъ мало умѣстенъ; но среди постоянной воинской жизни, гдѣ женщина рѣдко возвышалась надъ значеніемъ рабыни и предмета физической необходимости, открывалось, конечно, гораздо болѣе поводовъ и причинъ къ его существованію и примѣненію. Съ теченіемъ времени, съ относительнымъ развитіемъ образованности и семейной жизни, когда личность жены и матери поднялась — суровость обычая должна была смягчиться и ослабѣть: онъ постепенно переходилъ изъ области строгаго, обязательнаго закона въ область свободно нравственную, становился явленіемъ доброй воли. Въ такой именно формѣ, въ 8-мъ вѣкѣ — замѣтилъ Бонифацій этотъ обычай у балтійскихъ славянъ. Жена добровольно слѣдовала въ могилу за мужемъ, поступокъ ея признавался со стороны другихъ похвальнымъ, справедливымъ дѣйствіемъ; но необходимо-обязательнымъ онъ болѣе уже не былъ. Жизнь уже отвергла *право* обычая, но еще не оказывала ему въ нравственномъ значеніи: онъ вытекалъ изъ тѣхъ же основаній, которыми держался семейный союзъ и потому пользовался, по понятіямъ времени, справедливымъ почетомъ и признаніемъ. Дальнѣйшихъ историческихъ

слѣдовъ жизни обычая—у балтійскихъ славянъ не видно, но что онъ могъ продолжаться, какъ частное явленіе, и позднѣе — свидѣтельство тому представляетъ Польша, гдѣ, несмотря на гораздо большіе успѣхи жизни, обычай былъ еще живъ и дѣйствителенъ въ половинѣ X вѣка, такъ сказать — наканунѣ принятія христіанства. Даже, если понять свидѣтельство Титмара [1]) въ буквальномъ смыслѣ, то можно подумать, что здѣсь онъ сохранялъ и нѣкоторую юридически-обязательную силу, т. е. былъ дѣйствіемъ не столько доброй воли, сколько закона. Такому объясненію мы не найдемъ противорѣчія въ свидѣтельствахъ исторіи; скорѣе отыщемъ въ нихъ кое-что говорящее за него, или, по крайней мѣрѣ — за его *вѣроятность*.

Правное и нравственное положеніе жены. Издавна установившійся законъ предоставлялъ женѣ и вообще женщинѣ немного правъ. De iure — она не имѣла самостоятельности: жена стояла подъ рукою мужа, дѣйствія и власть ея опредѣлялись не собственною, а мужниною волею. Зависимость шла такъ далеко, что за преступленія мужей отвѣтственности и наказанію подвергались жены. Въ послѣднемъ отношеніи замѣчательныя указанія даетъ Титмаръ и одна поморская грамота.

Титмаръ говоритъ, что обвиненная славянская семья, по обычаю, распродавалась въ разныя руки:

«Omnia nostra prius ecclesiam respicientia diuisa sunt miserabiliter sclauonicae ritu familiae, quae accusata uenumdando dispergitur? [2])».

Текстъ — не вполнѣ ясенъ: согласившись даже съ толкованіемъ комментатора Киндерлинга, что слово «accusata» значитъ то же, что «damnata», т. е. не только обвиненная, но и осужденная [3]), все же остается неяснымъ, о чьемъ обычаѣ («ritu») го-

---

1) «In tempore patris sui (т. е. отца Болеслава Храбраго — Мѣшка) cum is iam gentilis esset, unaquaeque mulier, post uiri exequias sui igne cremati, decollata subsequitur...». Thietmari Chronicon VIII, 2, sub an. 1018.

2) Thietmari Chronicon III, 9.

3) Bielowski Monumenta Poloniae historica, I. Lw. p. 251 in notis.

воритъ здѣсь Титмаръ, нѣмецкомъ или славянскомъ. Намъ кажется — о послѣднемъ. Анналистъ скорбитъ о расточеніи церковнаго имущества, ему представляется это дѣло беззаконнымъ и достойнымъ жалости, и онъ, по этому случаю, вспоминаетъ о другомъ внѣшнимъ образомъ подобномъ явленіи, распродажѣ славянской семьи. Едва ли онъ указалъ бы на такое обыкновеніе, если бы оно шло отъ нѣмцевъ: оно было бы тогда въ его глазахъ дѣломъ простой справедливости. Что Титмару, какъ епископу Межиборья и владѣльцу славянскихъ помѣстій, были извѣстны многіе порядки славянскаго быта — это не подлежитъ сомнѣнію и вполнѣ откроется изъ дальнѣйшаго нашего изложенія. Если же нашъ домыслъ основателенъ, то изъ него само собою слѣдуетъ, что у балтійскихъ славянъ жены и дѣти подлежали отвѣтственности и наказанію за преступленія мужей; ибо нельзя же думать о какомъ-нибудь коллективномъ преступленіи славянской семьи; напротивъ, совершенно естественно — полагать, что рѣчь идетъ только о преступленіи правнаго лица, отца или мужа, преступленіи, послѣдствія котораго отражались на всѣхъ находившихся во власти и зависимости отъ него членахъ семьи, виновныхъ, такъ сказать, только своимъ безправіемъ. Отъ такого понятія не всегда свободны бываютъ и права очень образованныхъ и развитыхъ народовъ, тѣмъ болѣе онъ представляется умѣстнымъ въ суровой въ отношеніи къ семьѣ и женщинѣ — старинѣ. Что дѣйствительно это воззрѣніе дѣйствовало въ бытѣ балтійскихъ славянъ, яснымъ и уже неоспоримымъ доказательствомъ служитъ грамота (1238 г.) мазовецкаго епископа Петра, гдѣ въ числѣ разныхъ ущербовъ церковнаго интереса выставляется и то, что князь судитъ и рѣшаетъ дѣла по супружескимъ отношеніямъ и за преступленія мужей наказываетъ и подвергаетъ заключенію ихъ женъ:

«Volumus ut... causas matrimoniales non iudicet et uxores pro delictis maritorum non puniat et que tenentur uolumus ut in continenti dimittantur»... [1]).

---

1) Cosegarten: Codex diplom. Pomeraniae, I, № 263, p. 570. Грамота относится къ восточнымъ Поморянамъ.

Церковь, очевидно, отстаивала свои права противъ старыхъ правъ народныхъ, усвоенныхъ впослѣдствіи князю. Если въ половинѣ XIII в., по утвержденіи уже христіанства, жены могли быть подвергаемы отвѣтственности и наказанію за преступленія мужей, то нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ болѣе отдаленное время, при полномъ господствѣ обычнаго языческаго права, законъ дѣйствовалъ еще строже, и жены съ дѣтьми, какъ собственность мужа, вполнѣ раздѣляли постигавшую его кару.

Итакъ, для закона — правоспособность лица жены у балтійскихъ славянъ почти не существуетъ: она совершенно еще поглощается властною личностью мужа.

Но въ чемъ отказывалъ законъ, то нерѣдко восполнялось самою жизнью: мягкость семейнаго обычая, такъ сказать, уравновѣшивала суровую строгость права. Въ семьѣ — женщина достигала иногда очень виднаго и вліятельнаго положенія, какъ жена главы семьи, какъ мать дѣтей и домоправительница — хозяйка. De facto — она имѣла силу и власть.

Мы не можемъ оставить безъ вниманія этой стороны предмета: безъ нея все предыдущее окажется въ культурномъ отношеніи только полу-справедливымъ, т. е. одностороннимъ.

Бамбергскіе свидѣтели замѣтили нѣсколько очень важныхъ фактовъ высокаго положенія женщинъ въ семьѣ и ихъ вліянія. Такъ, по ихъ словамъ, легкое утвержденіе христіанства въ г. Каминѣ было приготовлено законной женой князя Вартислава: своими увѣщаніями она такъ подѣйствовала сначала на приближенныхъ, потомъ и на народъ, что когда явился еп. Оттонъ съ своими сотрудниками, они встрѣтили одну полную готовность принять крещеніе [1]). Подобное передаетъ Сефридъ о женѣ какого-

---

1) «Ducissa, uxor uidelicet ducis legitima... sue fidei scintillam... inter suos familiares modeste primo, deinde fiducialius apud omnes, quos potuit uentilare cepit... Et totam illam ciuitatem etiam ante nostrum introitum tantus ardor fidei... per matronam inuaserat, ut non solum nichil contradictionis, uerum etiam tocius populi consensum de suscipiendo baptismo inuenerimus...». Herbordi Dialogus, II, 19.

то вельможи Домислава въ г. Штетинѣ. Женщина эта пользовалась въ городѣ огромнымъ уваженіемъ и властью. Въ отсутствіе мужа и безъ его предварительнаго согласія — она допустила Оттона окрестить своихъ дѣтей и вслѣдъ затѣмъ увлекла въ христіанство весь домъ свой и многихъ гражданъ. Самъ Домиславъ, человѣкъ могущественный и крутого нрава, принялъ сначала очень худо самовольный поступокъ жены, но въ концѣ — уступилъ ей, и самъ сталъ христіаниномъ [1]). Удальрикъ разсказываетъ, что его и переводчика Альбина—въ гор. Волегощѣ самымъ радушнымъ и гостепріимнымъ образомъ приняла жена начальника города. Она показала себя при этомъ не только полною хозяйкою дома, но и лицомъ болѣе властнымъ. Узнавъ, что гости ея — были христіанскіе проповѣдники, что имъ угрожаетъ смерть, она скрыла ихъ въ потаенномъ помѣщеніи своего дома, а пожитки и лошадей ихъ отправила въ свои отдаленныя помѣстья. Такимъ распоряженіемъ, вопреки рѣшенію властей города — она спасла миссіонеровъ отъ смерти [2]). Самый важный фактъ, свидѣтельствующій о значительномъ положеніи женщины въ семьѣ, сообщается Сефридомъ. Фактъ, правда, переданъ не просто, а ради совершившагося чуда, но бытовая обстановка его, нѣтъ сомнѣнія — вѣрна дѣйствительности. Неподалеку отъ Камины, въ одной деревнѣ — проживала богатая и очень знатная вдова. Она имѣла многочисленную семью, пользовалась большою властью и дѣятельно управляла домомъ своимъ. При обращеніи Камины въ христіанство, она упорно оставалась въ язычествѣ, говоря, что не уклонится въ новую суету отъ старыхъ преданій отцовъ своихъ. Случилось такъ, что въ воскресный день, въ годину жатвы, народъ собирался въ церковь; вдова же не пустила

1) «Erat matrona magne honestatis et potentie in ciuitate illa... eadem petente... omnes eius domesticos aqua tinxit regenerationis (sc. episcopus). Deinde etiam omnes conuicinos eius et familiares, uiros ac feminas cum paruulis suis, eadem fidei societas paulatim inuoluit». Herbordi Dialogus, II, 28. cf. ibid. II, 29; Ebonis Vita Ottonis II, 9.

2) Ebonis Vita Ottonis, III, 7.

своихъ домочадцевъ и приказала имъ идти на жатву. Желая дать личный примѣръ дѣла и разсѣять ложный страхъ нарушенія христіанскаго праздника, она сама взялась за серпъ; но вдругъ была поражена внезапнымъ ударомъ [1]. Въ Хроникѣ Гельмольда находится также два указанія на то, что голосъ и участіе женщинъ могли имѣть нѣкоторое значеніе и въ области политическихъ событій. Старшій сынъ оботритскаго князя Готшалка — Бутый былъ завлеченъ въ засаду своимъ противникомъ Крутомъ и осажденъ имъ въ крѣпости Плунѣ. Доведенные до крайности, онъ и его воины рѣшились сдаться и явились предъ Крутомъ безъ вооруженія. Послѣдній, быть можетъ, пощадилъ бы ихъ: но какая-то знатная горожанка пробудила ненависть побѣдителей, сказавъ, что эти враги, находясь въ крѣпости, дѣлали много насилій и безчестія женамъ ихъ. Она требовала смерти ихъ въ отмщеніе за позоръ и обиды. Услыша это, Крутъ и дружина бросились на плѣнниковъ и всѣхъ ихъ умертвили [2]... У Крута была молодая жена, «госпожа Славянка». Наскучивъ старымъ мужемъ, она обратила свое вниманіе на другого сына Готшалка-Гейнриха и думала о томъ, какъ бы соединиться съ нимъ бракомъ... Часто втайнѣ она помогала ему, предупреждая о коварныхъ замыслахъ и предпріятіяхъ своего мужа и, наконецъ, устроила такъ, что Крутъ явился на пиръ къ Гейнриху, гдѣ и палъ жертвою кровавой мести врага, мстившаго насильственную смерть своего старшаго брата [3]. Не станемъ отрицать, что при-

---

1) «uidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde, christiana religione contempta, patrios deos se colere nullaque occasione uanitatis noue a parentum suorum ueteri traditione declinare se uelle dicebat. Erat autem multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strenuue regens domum suam... etc.». Herbordi Dialogus, II, 23.

2) «Vbi omnes presentati sunt (ad faciem Crutonis) mulier quedam prepotens de casto mandauit Crutoni ceterisque Sclauis, dicens: Perdite uiros, qui se tradiderunt uobis...» etc... Helmoldi Chronica, I, 26.

3) «domna Slauina, uxor Crutonis, sepius illum (sc. Heinricum) premunivit (premoniuit) denuncians insidias. Denique marito iam uetulo inuisa, Heinrico, si possibile foret, nubere affectabat. Vnde etiam instinctu eiusdem femine Heinricus inuitauit Crutonem ad conuiuium...» etc.... Helmoldi Chronica, I, 34.

веденныя здѣсь показанія — не всѣ равной цѣны, что въ болѣе значительныхъ, можетъ быть, есть своя доля исторической неточности, зависящая и отъ взгляда чужеродныхъ свидѣтелей и отъ способа ихъ выраженія, т. е. отъ краснаго слога, который невольно увлекалъ (напр. Герборда) къ преувеличенію; но все же — едва-ли должно думать, чтобы переданные факты были лишены всякаго основанія. А вмѣстѣ съ этимъ, по малой мѣрѣ — придется заключить, что въ бытѣ балтійскихъ славянъ для женщины не была закрыта возможность стать выше тѣхъ тѣсныхъ границъ, въ которыя замыкало ее строгое право. Какъ нерѣдко случается — жизнь, опередивъ законъ, уже давала женщинѣ довольно широкія нравственныя права: она могла стать лицомъ вліятельнымъ, пріобрѣсть дѣйствительную силу и пользоваться властью. Вмѣсто слабаго, зависимаго юридическаго лица насъ встрѣчаетъ здѣсь лицо, de facto гораздо болѣе правное, самостоятельное и свободное. Вотъ — почему, хотя такое положеніе женщины и основывалось на *нравственныхъ началахъ*, въ немъ нельзя не замѣтить и, такъ сказать, скрытыхъ, молча признанныхъ — началъ юридическаго характера. Еще одинъ шагъ впередъ и при пробужденіи стремленія къ точному опредѣленію правъ лицъ — эти начала получили бы силу яснаго положительнаго закона, т. е. изъ явленій нравственныхъ стали бы вполнѣ явленіями правными.

Всѣ представленныя нами свидѣтельства о положеніи женщины у балтійскихъ славянъ относятся къ лицамъ высшаго сословія. Что и какъ было у простого народа — неизвѣстно; но нѣтъ никакихъ основаній полагать, чтобы въ этой сферѣ право не сдѣлало никакихъ уступокъ и осталось бы не смягченнымъ тѣмъ же чувствомъ семейнаго уваженія къ женѣ и матери.

Что касается до правнаго и нравственнаго положенія женщины въ современной польской и чешской старинѣ, то здѣсь уже виденъ значительный шагъ впередъ: нравственное признаніе правъ жены начинаетъ проникать въ область права и становиться таковымъ, ей усвоиваются нѣкоторыя уже дѣйствитель-

ныя права, хотя въ то же время, въ другихъ отношеніяхъ, личность ея еще стоитъ подъ властью стараго, непріязненнаго къ ней обычнаго закона. Такое колеблющееся положеніе было естественнымъ слѣдствіемъ начинавшагося вліянія церковно-христіанскаго начала; обычный законъ уже дѣлалъ ему значительныя уступки, конечно, на первый разъ въ томъ, что и помимо христіанства было отвергнуто нравственнымъ сознаніемъ и чувствомъ и держалось только силою обычая. Преступленія противъ супружеской вѣрности по старому закону еще наказывались смертью (выше, стр. 119—120), жены безпрепятственно еще могли быть отпускаемы или бросаемы (стр. 132), но онѣ уже не отвѣчали за проступки мужей, уже имѣли право, по смерти мужа, хотя бы и преступника, на часть его имущества [1])... Успѣхъ, весьма важный!

Прекращеніе брака при жизни обоихъ супруговъ или *разводъ* засвидѣтельствованы Гельмольдомъ и «Саксонскимъ Зерцаломъ». Гельмольдъ передаетъ, что какой-то князь Оботритовъ (regulus) Билугъ имѣлъ въ замужествѣ сестру епископа Вагона. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ сожительства онъ *отпустилъ* ее въ противность закону христіанскому:

«Billug matrimonii sui iura corrupit, repudiata sorore pontificis» [2]).

---

1) Jus Conradi 1222, ст. 15: «si aliquis capitur in manifesto furto, uxor eius tertiam partem habeat», Jireček Codex iuris bohemici I, Pr. 1867, p. 56. Лучшее положеніе женщины видно и изъ наслѣдственнаго права дочерей; о немъ мы распространимся ниже. Укажемъ здѣсь сочиненія, въ которыхъ читатель можетъ найти болѣе подробное подтвержденіе нашего взгляда на правное и нравственное состояніе женщины у польскихъ и чешскихъ славянъ: Lelewel: Hystoryczny rozbiór prawodawstwa polskiego», § 22; «Rozpatrzenie niektórych względów» etc. §§ 15, 19, 29, 30; въ Polska wieków srednich, III, p. 51 sq. 409 sq.; Спасовичъ: Объ отношеніяхъ супруговъ по имуществу по древнему польскому праву, Спб.1857, стр. 5—53; Wocel: O staročeském dědickém pravu, P. 1861, p. 26 sq. Brandl: «Právni postaveni ženského pohlavi v Čechách», въ журн. Právnik t. IX, p. 757—778; Strobach: Wýklady na pojednáni p. Iwanišewa pod наз. «Idea o osobnosti», въ Časopis českého Museum, 1844, p. 349—376; 489—514.

2) Helmoldi Chronica I, 14; cf. 18.

«Саксонское Зерцало», опровергая мнѣніе тѣхъ, которые полагали, что всѣ славянки (wendinnen) — свободны, доказываетъ ихъ несвободное состояніе тѣмъ, что какъ при выходѣ замужъ, такъ и при разводѣ, по славянскому обычаю, съ мужемъ, онѣ платили своему господину извѣстную подать:

«Latet se ok eren man alse wendesch recht is. se moten erme heren de uerschen penninge geuen. dat sin dre scillinge. unde anders wur mer na des landes wonheit» [1])...

Свидѣтельство Гельмольда очень глухо: оно передаетъ простой фактъ, не указывая былъ-ли это формальный разводъ или обыкновенный разрывъ сожительства. Неизвѣстна также и ближайшая, быть можетъ, законная, причина поступка Биллуга: аналистъ по своему объясняетъ все дѣло личнымъ произволомъ оботритскаго князя. Напротивъ, показаніе «Саксонскаго Зерцала»—очень важно. Оно прямо указываетъ на свободное существованіе развода въ славянскомъ правѣ, какъ бы противуполагая эту свободу ограниченіямъ права нѣмецкаго (церковнаго). Разводъ является здѣсь самобытнымъ славянскимъ учрежденіемъ «alse wendesch recht is»! Принимая текстъ въ буквальномъ смыслѣ, можно даже прійти къ убѣжденію, что славянскія жены сами пользовались правомъ расходиться съ своими мужьями, т. е. могли оставлять мужей по собственной волѣ [2]). Но, всматриваясь ближе въ способъ выраженія памятника, приходится отказаться отъ такого мнѣнія, какъ неосновательнаго. «Саксонское Зерцало» говоритъ о женахъ, а не о мужьяхъ: ведя рѣчь о лицѣ первыхъ, оно, естественно, могло употребить выраженіе: «latet se ok eren man», т. е. *если онѣ оставятъ своихъ мужей*, но придавать этой фразѣ вышеуказанный опредѣленный юридическій смыслъ—нѣтъ основаній: она значила не болѣе — не менѣе, какъ дѣйствіе развода, разрывъ супружеской связи, выходъ изъ состоянія замужества

1) Liber III, art. 73.

2) Такъ именно и понялъ это мѣсто Sachsse, см. Sachsenspiegel, Heid. 1848, Repertorium подъ слов. Wendinnen, p. 524.

жества—безъ всякаго отношенія къ тому, по чьей власти и праву произошелъ разводъ.

Мы имѣли уже случай (стр. 98, 101) коснуться нѣкоторыхъ свидѣтельствъ чешской старины, какъ бы указывающихъ на довольно широкое распространеніе и свободу разводовъ въ славянской древности. Нѣтъ недостатка и въ прямыхъ по этому предмету указаніяхъ. Еще въ 877 г. папа Іоаннъ VIII писалъ къ моравскому князю Коцелу о нечестивомъ языческомъ обычаѣ его народа отпускать своихъ женъ и брать другихъ при ихъ жизни [1]); извѣстный Войтѣхъ — по словамъ Козьмы пражскаго — жаловался сыну Болеслава I-го, Страхквасу о нечестивомъ сожительствѣ и недозволенныхъ разводахъ непостояннаго супружества чеховъ [2]); декретъ Бретислава (1039 г.) также сильно возстаетъ противъ частыхъ разводовъ, полагая наказаніе вѣчнаго изгнанія изъ страны для тѣхъ, которые не захотятъ возвратиться въ узы законно заключеннаго супружества, т. е. церковнаго брака [3]).

---

1) «Poro eos qui uxores suas dimisserunt (uel) illis ad alias uiuentibus migrauerunt nupcias tam diu cum consentaneis eorum excomunicamus, quousque posterioribus remotis, priores penitendo receperint... Precipue cum hec pessima consuetudo ex paganorum more remanserit»... ap. Wattenbach: Beyträge z. Gesch. d. christl. Kirche in Mähren u. Böhmen, W. 1849 p. 49 in Addit. Cf. Boczek Cod. dipl. I, 1836, Hol. p. 36—7, № 53.

2) «Cum quo (Ztrahquas) Adalbertus secretum petiit et colloquium tenuit... de incesta copula et super illicita discidia inconstantis coniugii»... Cosmae Prag. Chronicon S. an. 990, ap. Dobrowsky et Pelzel Script. rer. bohem. I, Pr. 1783, p. 57.

3) «Si coniux uirum, aut uir coniugem spreuerit, et rixa inter eos usque ad discidium efferuerit, qui ex eis in priorem copulam legitime celebratam redire noluerit, nolo ut secundum ritum terrae huius rei uiolator in seruitutem redigatur sed potius nostri immutabilis decreti per angariam, qualiscunque sit persona, redigatur in Vngariam et nequaquam liceat, ut pretio se redimat, aut in hanc terram redeat»... Cosmae Prag. Chronicon. S. an. 1039, ibid. p. 110. Извѣстіе декрета, будто бы прекращеніе брачнаго сожительства по чешскому обычному праву (secundum ritum terrae) считалось преступленіемъ и наказывалось отдачею въ рабство — чрезвычайно странно и противорѣчитъ всѣмъ другимъ свидѣтельствамъ славянской древности. По всему вѣроятію Бретиславъ или разумѣлъ здѣсь какое-нибудь предшествовавшее постановленіе *духовенства*, или, понимая по своему расторженіе брака, какъ преступленіе — примѣнилъ

Примѣры частыхъ расторженій браковъ въ польской древности и у другихъ славянъ въ достаточномъ количествѣ указаны Лелевелемъ и Мацѣіовскимъ [1]), и намъ нѣтъ нужды повторять ихъ. Замѣтимъ только, что изъ польскихъ свидѣтельствъ ясно, что разрывъ сожительства былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и правнымъ прекращеніемъ брака, что для развода, повидимому, не требовалось особыхъ основаній и причинъ кромѣ воли мужа.

Итакъ, допуская, что въ эпоху язычества одинаковыя обыкновенія дѣйствовали и у балтійскихъ славянъ и у славянъ чешскихъ и польскихъ, приходимъ къ твердому заключенію о томъ, что и у первыхъ существовала такая же полная, ничѣмъ и никѣмъ въ правномъ отношеніи не стѣсняемая, свобода расторженія браковъ. Разводъ опредѣлялся только волею и усмотрѣніемъ мужа; жена, какъ кажется, была при этомъ лицомъ юридически пассивнымъ. Такія отношенія вполнѣ отвѣчаютъ характеру эпохи, еще исполненной отголосковъ той суровой старины, когда личность жены вмѣнялась ни во-что и всецѣло зависѣла отъ воли повелителя-мужа. Мы не желаемъ этимъ сказать, что такой грубый взглядъ на женщину господствовалъ у балтійскихъ славянъ во время X—XII вв.: мы только что видѣли нѣкоторыя доказательства противнаго; но иное дѣло—воззрѣніе, а иное—обычно правное дѣйствіе, послѣднее не всегда опредѣляется современными понятіями, а нерѣдко—понятіями, выходящими изъ далекой и давно, повидимому, пережитой старины. Многоженство и безосновательное (въ юридическомъ смыслѣ), прихотливое отпущеніе женъ или прекращеніе брака—суть именно такія запозда-

---

въ нему общеупотребительную кару за преступленія вообще. По народному праву — разводъ былъ дѣйствіемъ обычно — законнымъ и вовсе не преступнымъ.

1) Lelewel: «Rozpatrzenie niektórych względów i pomnikow» въ Polska wieków średnich, III, Poz. 1859, p. 415 sq. Maciejowski: «Wielożenstwo u Słowian» въ Pamiętniki o dziejach, piśmiennictwie i prawodawstwie Słowian, I, Spb. 1839, p. 231—248.

лыя порожденія древняго быта, уцѣлѣвшія вопреки распространенію болѣе твердыхъ и человѣчественныхъ понятій о семейной жизни и ея необходимыхъ условіяхъ.

Свобода расторжимости браковъ какъ будто противорѣчитъ замѣченной выше (стр. 117—122) крѣпости семейнаго союза; но не слѣдуетъ забывать, что семейный союзъ—особенно въ древнія времена—былъ союзомъ исключительно мужскимъ: на долю женщины выпадали одни обязанности, правъ—она не знала, и ничто не защищало ее отъ исключенія изъ союза, если такова была воля мужа-отца. При подобномъ устройствѣ быта—дозволенная обычаемъ частая смѣна женъ нисколько не ослабляла крѣпости семьи: мѣсто одной женщины заступала только другая, столь же строго, какъ и первая—связанная обязанностями и столь же безправная, какъ и она. Во всемъ прочемъ, семья оставалась, какъ была, порядки ея не нарушались ни въ чемъ. Правда, изъ міра поэзіи (въ сказкахъ) къ намъ доносятся грустныя картины тяжелаго положенія дѣтей, стоящихъ подъ грознымъ, ненавистнымъ началомъ власти мачехи, но полу-поэтическіе, полу-дѣйствительные образы эти едва ли должны быть приняты въ разсчетъ, когда дѣло идетъ о строгихъ явленіяхъ историко-юридической жизни.

Отцовская власть. Въ племени со слабыми начатками государственной власти естественно предположить сильное развитіе власти отцовской. Къ сожалѣнію источники представляютъ очень мало данныхъ, способныхъ уяснить юридическое значеніе и пространство власти отца. Вотъ все, что извѣстно въ этомъ отношеніи.

Отцу принадлежала (у Поморянъ) власть надъ жизнью и смертію новорожденныхъ дѣтей женскаго пола. Сефридъ передаетъ, что Оттонъ запрещалъ поморскимъ женщинамъ убійство новорожденныхъ дѣвочекъ:

«quod omni immanitate crudelius erat femineos partus enecare, ne ultra fieret, mulieres collaudare monebat. Nam usque ad hec tempora, si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius

prouiderent, aliquas ex eis iugulabant, pro nichilo ducentes parricidium [1])».

Въ извѣстной уже намъ рѣчи Оттона къ жителямъ Пырицы говорится о томъ же:

«partus — inquit — femineos, audio, quia uos, o mulieres, necare consueuistis.. Parricidium hoc, non fiat ammodo in uobis.. Siue igitur sit masculus, siue femina, diligenter enutrite partus uestros [2])».

Такія же явленія засвидѣтельствованы и Эбономъ:

«Illic (въ Каминѣ) in catezizatione requisitum est a mulieribus, quod infantes necassent — nam crudelitate paganica puellas necare, et mares reseruare solebant — et pro hoc scelere specialis penitentia eis iniuncta est [3])»..

Въ отчетѣ своемъ папѣ Каликсту самъ Оттонъ говоритъ, что онъ

«hoc etiam districta redargutione prohibuit: ne filias suas necarent, nam hoc nephas maxime inter eos uigebat [4])»..

Въ грамотѣ папскаго легата архид. Якова (1249) говорится, что новообращенные обѣщали,

«quod nullus filium suum uel filiam quacunque de causa per se uel per alium abiiciat de cetero uel occidet publice uel occulte, uel ab alio talia quocunque modo fieri consentiet uel permittet [5])».

Сомнѣнія въ дѣйствительности обычая — едва-ли будутъ умѣстны: опредѣленно ясныя выраженія источниковъ прямо указываютъ, что бамбергскіе проповѣдники передали не какой-нибудь общій, глухой слухъ, ходившій въ христіанскомъ мірѣ о звѣрскомъ нравѣ сѣверныхъ язычниковъ; а настоящій, дѣйствительный фактъ ихъ быта, имѣющій и свою причину.

---

1) Herbordi Dialogus, II, 33.
2) Ibidem, II, 18.
3) Ebonis Vita Ottonis, II, 5.
4) Ibidem, II, 12.
5) Dreger Codex diplomaticus, St. 1748, p. 291.

Если бы мы могли прямо отнести къ Поморянамъ показанія грамоты Якова, то разъясненіе значенія обычая не представляло бы особыхъ затрудненій: здѣсь власть отца является неограниченною, онъ властенъ самъ или чрезъ посредство другихъ—явно или тайно—*отвергнуть* или лишить жизни своихъ дѣтей. Это—тотъ же суровый законъ, который мы находимъ въ древне-германскомъ правѣ [1]). Но такъ какъ грамота 1249 г. не можетъ служить прямымъ нашимъ источникомъ (см. выше, стр. 105), то мы и примемъ ея свидѣтельство только—какъ общее подтвержденіе факта, замѣченнаго бамбергскими миссіонерами.

Я не сомнѣваюсь, что поморскій обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола есть измѣненный исторіей остатокъ древняго (бытовавшаго у грековъ, римлянъ и германцевъ) права, по которому отецъ могъ отвергнуть и экспонировать новорожденнаго ребенка, т. е., отказавъ ему въ признаніи—умертвить его, или выбросить на произволъ судьбы [2]). Три особенныя черты отличаютъ поморское обыкновеніе (въ передачѣ источниковъ) отъ древне-нѣмецкаго: *во-первыхъ*—смерти или экспозиціи (что, въ сущности—одно и то же) предавались только новорожденныя дѣвочки, но не мальчики; *во-вторыхъ*—исполнялось это будто бы затѣмъ, чтобы тѣмъ легче и лучше можно было вырастить и воспитать другихъ дѣтей; *въ-третьихъ*—отцовская власть остается въ сторонѣ: убійство дѣвочекъ поставляется какъ бы въ зависимость отъ власти матерей. Мы оставимъ на время первое отличіе и осмотримъ сначала два послѣднія. Не много нужно проницательности, чтобы замѣтить, что *второе* изъ нихъ есть простое и крайне недостаточное *объясненіе* причины обычая, а *третіе*—*поверхностное наблюденіе* исполненія его. Сами ли свидѣтели дошли до заключенія, что Поморяне, предавали смерти однихъ дѣтей затѣмъ, чтобы удобнѣе воспитать другихъ, или Поморяне отозвались такъ на вопросъ миссіонеровъ,—во всякомъ случаѣ это бу-

---

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer. G. 1828, p. 455 sq.
2) Ibidem.

детъ личное, сподручное объясненіе или извиненіе факта. Взятое въ широкомъ смыслѣ — оно противорѣчитъ и нравственной природѣ человѣка и правному сознанію, для котораго никакъ не можетъ быть достаточно такое безправное основаніе, чтобы произнести судъ смерти. Но поставленное въ извѣстныя границы, это объясненіе получаетъ нѣкоторую долю вѣроятія. Судя по примѣрамъ нѣмецкаго обычая, смерти предавались такіе новорожденные, которые отличались природными физическими недостатками или подозрѣвались въ незаконномъ происхожденіи [1]). Ростить и воспитывать калѣкъ, уродовъ или незаконныхъ дѣтей въ ущербъ здоровымъ и собственнымъ, по понятіямъ старины, было неумѣстно; они подвергались экспозиціи, а чрезъ это — естественно — облегчалось и воспитаніе прочихъ. То же начало, вѣроятно, дѣйствовало и у балтійскихъ славянъ, и въ такомъ именно ограниченіи слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, понимать разсматриваемое показаніе. Что касается до извѣстія — будто бы убійство дѣвочекъ зависѣло отъ воли и власти матерей, а не отцовъ—намъ кажется оно призрачнымъ и неосновательнымъ. По всему тому, что мы знаемъ (см. выше, стр. 125—7) о положеніи женщины у балтійскихъ славянъ, никакъ нельзя думать, чтобы матерямъ могла быть предоставлена такая широкая власть. Дѣти, какъ и жена, принадлежали отцу и равномѣрно находились въ его власти; одинъ глава семьи имѣлъ право признать или непризнать ихъ, принять въ семейный союзъ или отвергнуть. Вліяніе жены въ этомъ отношеніи могло быть только нравственное, но не юридическое. Это начало, общее праву всѣхъ средневѣковыхъ европейскихъ народовъ, не оставалось, конечно, чуждымъ и праву балтійскихъ славянъ. Допустивъ даже, что отецъ — на случай рожденія дѣтей женскаго пола, передавалъ свою власть женѣ, все же de iure полнымъ властелиномъ оставался онъ, а мать, такъ сказать, только заступала его, была распорядительницей его власти и силы. Впрочемъ, кажется, нѣтъ и необходимости

---

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 465.

придавать показаніямъ бамбергскихъ миссіонеровъ значеніе определеннаго свидѣтельства о недѣйствіи отцовской власти въ обыкновеніи предавать смерти новорожденныхъ дѣвочекъ и объ исключительномъ дѣйствіи здѣсь власти материнской. Проповѣдники знали, что суровый обычай *исполнялся* женщинами и, не проникнувъ до дальнѣйшаго источника его, не замѣтивъ управлявшаго имъ начала отцовской власти, подумали, что женщины поступали здѣсь по своей власти и волѣ, т. е., что отъ нихъ зависѣлъ и самый обычай. Имѣя, кажется, достаточное основаніе отнести обычай къ дѣйствію отцовской власти, разсмотримъ теперь первую и важнѣйшую особенность, которою онъ отличается отъ подобныхъ обыкновеній другихъ народовъ.

Почему обычай, оставляя права жизни мальчикамъ, обрекаетъ на смерть *единственно дѣтей женскаго пола?* Такого различія не дѣлаютъ права древнихъ и средневѣковыхъ народовъ; гдѣ только существовала экспозиція, тамъ она одинаково распространялась на оба пола. Нельзя думать, что обычай условило безправное положеніе женщинъ: мы видѣли, что онѣ стояли вовсе не такъ низко и пользовались въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ довольно значительнымъ признаніемъ. Объясненіе вопроса, кажется, должно искать въ обстоятельствахъ исторіи. Если наша мысль объ *основномъ* тожествѣ поморскаго обычая съ древнимъ правомъ экспозиціи новорожденныхъ дѣтей—справедлива, то можно безошибочно предполагать, что во времена болѣе древнія права отцовской власти у славянъ были гораздо шире, т. е. отецъ былъ властенъ вообще надъ жизнью своихъ дѣтей, безъ различія пола ихъ. Когда, со временемъ, суровый обычай ослабѣлъ и смягчился, исчезла, такъ сказать, только половина его: мужской полъ, какъ болѣе правоспособный, освободился изъ-подъ его власти, но женскій—остался въ ней по старому. Падающій обычай поддержала съ своей стороны —исторія. Среди безконечныхъ тревогъ ея—женщины часто бывали, дѣйствительно лишнимъ бременемъ, затруднявшимъ вольную, непосѣдную жизнь воина и пирата, и нѣтъ ничего удивительнаго, что отвѣчая существенной потреб-

ности быта, обычай могъ остаться въ своей силѣ. Варварская жестокость его не останавливала людей, загрубѣвшихъ во всякаго рода насиліяхъ и жестокостяхъ; обычай скорѣе находилъ въ этой грубости существенную для себя поддержку: онъ не расходился съ самою жизнью и очень вѣрно выразилъ одно изъ крайнихъ направленій народной культуры.

Глухія извѣстія источниковъ не дозволяютъ судить ни о степени распространенности обычая, ни о тѣхъ ограниченіяхъ, которымъ, можетъ быть, подлежалъ онъ; но, кажется, не будетъ слишкомъ смѣлымъ и неосновательнымъ полагать, что онъ находилъ мѣсто преимущественно среди воинскаго, или подверженнаго частымъ тревогамъ войны — населенія. Спокойному семейному быту земледѣльца онъ противенъ по своей природѣ.. Чѣмъ руководились, оставляя въ жизни однихъ дѣтей и предавая смерти другихъ — неизвѣстно; вѣроятно — тѣмъ же, чѣмъ руководились и у германцевъ, физическими пороками, рожденіемъ въ день, признававшійся несчастнымъ, подозрѣніемъ въ принадлежности другому, а не законному отцу и тому подобными примѣтами [1]).

Обычай умерщвленія дѣтей женскаго пола или экспозиція представляетъ какъ бы особенность юридическаго быта балтійскихъ славянъ. Такой крайней отцовской власти въ историческія времена не знаетъ ни одно славянское племя. Только въ поэтическихъ разсказахъ (сказкахъ) кой-гдѣ видиѣются слабые, смягченные слѣды стараго грознаго обычая [2]), нѣкогда, быть можетъ, бытовавшаго у всѣхъ славянъ, но рано исчезнувшаго подъ вліяніемъ мирныхъ успѣховъ жизни и семейнаго быта.

Возникъ ли обычай у балтійскихъ славянъ самостоятельно или подъ вліяніемъ примѣровъ другихъ сосѣднихъ народовъ — рѣшить нельзя. И то и другое возможно: условія быта могли столько же независимо привести къ нему, сколько и облегчить

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, pag. 456.

2) Афанасьевъ: Русскія нар. ск. I, № 13, II, 35, VI, № 68—9; Худяковъ Русскія сказки III, 126; Kulda Moravské povĕsti I, 289.

его воспріятіе извнѣ. Заслуживаетъ, однако, быть замѣченнымъ, что точно такой же обычай умерщвленія новорожденныхъ дѣвочекъ, какъ видно изъ грамоты папы Гоноpія III (1218) [1], существовалъ у сосѣдившихъ съ Поморянами Пруссовъ; а при этомъ какъ-то невольно думается, что и самое тожество обычаевъ не было однимъ случайнымъ совпаденіемъ..

Опека. Со смертью отца власть его надъ малолѣтними дѣтьми переходила къ ближайшему родственнику, совершеннолѣтнему сыну или брату. Такъ, естественно, должно было статься при раздѣльности семейнаго быта: при родовомъ же устройствѣ — опека не нужна. Примѣры подобной опеки у балтійскихъ славянъ мы находимъ въ княжескихъ родахъ. По смерти поморскаго князя Богислава I (1187) опеку надъ его сыновьями получилъ дядя ихъ Вартиславъ, сынъ Ратибора, называвшійся потому «uicedominus terre»; но король Канутъ (датскій), леномъ котораго было Поморье—передалъ ее (въ 1189) Яромару, князю Руянъ [2]. Князь восточнаго Поморья Мьстивой, на смертномъ одрѣ, поручаетъ опеку надъ младшимъ сыномъ — старшему, Свантополку: «Pater meus—говоритъ послѣдній—in articulo mortis positus commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem.. Victus precibus patris fratrem in curam recepi... (et) duodecim annis sicut melius potui procuraui. Quibus expletis anno tercio decimo fratrem meum dominio suo cum fraterna dilectione restitui...» [3]).

---

1) Voigt: Codex diplom. prussicus I, 1836, гр. № 12: «In Pruscie partibus populus est a fide prorsus exorbitans... inter alia multa que de ipsorum immanitate feruntur, quotcumque feminini sexus mater pariat perimunt, preter unam...» cf. Dusburgi Chronicon III, c. 4: «istis (sc. Galindis) uidebatur consultam, quod quicquid nasceretur sexus foeminini, occideretur, et masculi ad bellum seruarentur», ed. Hartknochii, 1679, Franc, p. 77; обычай былъ у *скандинавовъ*, см. Grimm, loco citato: cf. Maciejowski: Historya prawodawstw Slow. III, § 258, p. 304—5.

2) Klempin: Pomm. Urkundenbuch I, №№ 108, 115.

3) Cosegarten: Codex Pomer. diplom. I, № 395, p. 307.

Опека надъ несовершеннолѣтними дѣтьми, увидимъ далѣе, могла быть исполняема и матерями-вдовами. Пространство власти опекуновъ не можетъ быть опредѣлено положительнымъ образомъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что она распространялась на имущественныя отношенія малолѣтнихъ. Это — видно изъ грамотъ.

Опекѣ подлежали немощные и старики: забота о нихъ лежала на обязанности наслѣдниковъ. Такой обычай у Руянъ засвидѣтельствованъ Гельмольдомъ:

«Statim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitum etas, heredis cure delegatur plena humanitate fouendus [1]».

При замѣченной нами (стр. 89—90) нормѣ особной семейной жизни — опека, естественно, представлялась необходимостью: она, конечно, имѣла мѣсто и въ бытѣ простого народа, иначе — нельзя понять, чѣмъ и какъ держалась семья остававшихся по отцѣ малолѣтнихъ дѣтей.

Старики. О положеніи старыхъ, немощныхъ людей въ семьѣ у балтійскихъ славянъ сохранились двоякаго рода извѣстія. По Гельмольду — старики пользовались вниманіемъ, почтеніемъ и присмотромъ потомковъ и родичей: уваженіе и уходъ за родителями считались у славянъ первою добродѣтелью:

«pollebant (Rani) multis naturalibus bonis. Erat enim apud eos hospitalitatis plenitudo, et parentibus debitum exhibent honorem. Nec enim aliquis egenus aut mendicus apud eos aliquando repertus est. Statim enim, ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas aut decrepitum etas, heredis cure delegatur plena humanitate fouendus. Hospitalitatis enim gratia et parentum cura primum apud Sclauos uirtutis locum optinent [2]».

По другимъ извѣстіямъ — у балтійскихъ славянъ существовалъ жестокій обычай предавать старыхъ, неспособныхъ къ

1) Helmoldi Chronica II, 12.
2) Helmoldi Chronica II, 12.

войнѣ и работѣ людей — насильственной смерти. Сыновья и потомки не только убивали ихъ или заживо погребали, но даже — будто бы, сваривъ — съѣдали.

Три такого рода извѣстія указаны Я. Гриммомъ. Изъ нихъ одно — довольно древнее, остальныя — очень поздни.

Писатель XI в. Ноткеръ, толкуя греческое слово *brosis*, говоритъ, что отсюда получили названіе свое *ambrones*; они называются также *antropofagi*, т. е. commessores hominum, и живутъ въ Скиѳіи; но Велеты, называемые также Вильцами и живущіе въ Германіи, не стыдятся утверждать, что они съѣдаютъ своихъ родителей съ большимъ правомъ, чѣмъ черви:

«aber uueletabi die in germania sizzent. tie uuir *uuilze* héizên. die ne scâment sîh nicht zechédenne. daz sie iro *parentes* mit mêren réhte ézen súlin. dánne die uuurme [1])».

Въ сѣверно-фризской хроникѣ Гейнриха разсказывается о случаѣ (1607 г.) погребенія заживо одной женщины, которая, по старости лѣтъ — не могла слѣдовать въ походъ за своими соотечественниками; хронистъ прибавляетъ при этомъ, что такой же обычай существовалъ въ прежнее время и въ славянскихъ земляхъ:

«Welches denn weiland bei den wendischen ländern ein ehrlicher und löblicher gebrauch ist gewesen».

Въ Епистолахъ Цейллера — находимъ также указаніе, что въ прежнее время въ Вагріи, Люнебургѣ и другихъ славянскихъ земляхъ — дѣти убивали своихъ престарѣлыхъ родителей и родственниковъ, варили и съѣдали ихъ, или заживо погребали:

«es ist ein ehrlicher brauch im Wagerlande gleichwie in andern Wendlanden gewesen, dasz die kinder ihre altbetagte eltern, blutfreunde und andere verwandten, auch die so nicht mehr zum kriege oder arbeit dienstlich, ertödteten, darnach gekocht und gegessen oder lebendig begraben, derhalben sie ihre freunde nicht

---

1) Приводимъ текстъ по рецензіи В. Вакернагеля: Altdeutsches Lesebuch, Bas. 1859, p. 132—3.

haben alt werden lassen, auch die alten selbs lieber sterben wollen, als dasz sie in schwerem betrübtem alter länger leben sollen. Dieser brauch ist lange zeit bei etlichen Wenden geblieben, insonderheit im lüneburger lande [1]).

Существуютъ, однако, и болѣе древнія извѣстія: одно изъ XIII столѣтія, другое изъ XIV.

Неизвѣстный авторъ статьи «объ округѣ и наименованіи вендской околицы Древанъ» разсказываетъ, что въ 1220 году нѣмецкому дворянину Левину фонъ-Шуленбургу удалось спасти одного такого старика, осужденнаго на насильственную смерть:

«Im Jahre 1220 reisete Lewin von der Schulenburg Landeshauptmann in der Altemark Brandenburg (der wahrscheinlich auf der heutigen Probstein zu Salzwedel wohnte) durch den Drawän, und sah dass einige Wenden mit einem alten Mann ins Holz wollten. «Wohin mit dem Alten?» — fragte der Landeshauptmann. «Zu Gott, zu Gott» erwiederten jene. Dem Landeshauptmann jammerte des alten Mannes; er entriss ihn mit Gewalt den Händen seiner Führer, und nahm ihn mit sich, und machte ihn zum Schlosswächter. Erst nach 20 Jahren gefiel es Gott, diesen alten Mann zu sich zu nehmen [2])».

По другому извѣстію старика спасаетъ графиня Мансфельдъ. Оно записано тѣмъ же авторомъ вышеуказанной статьи и Кранцомъ, въ его Вандаліи. Приводимъ текстъ послѣдняго, какъ старѣйшій:

«Rem a multis seculis retro commemoratam de barbarie in qua uetuli etiam parentes a filiis mactantur et senes iam labori inutiles ad mortem urgentur, hac tempestate quidam ex rustica Wandalorum gente (qui in durissima seruitute uix panem excu-

1) Grimm: Deutsche Rechtsalterthümer, p. 488.

2) Ст. «Etwas über den Bezirk und Namen des wendischen Pagus Drawän, nebst einigen Bemerkungen über die alten Wenden und deren Sprache» въ «Neues Hannöverisches Magazin» 1796, 33 Stück, p. 520—1. Издатель предполагаетъ, что авторомъ статьи былъ Christian Henningen, бывшій священникомъ въ Вустровѣ, въ началѣ 18 вѣка.

dunt omni labore et sudore quotidiano) conprobauit. Nobilis domina, uxor comitis de Mansueld, filia comitis de Luchow, quum parentes inuisere constituisset, iter faciens per Ericam Luneburgensem, in uicino fruticeto audiuit uocem gementis et miserabiliter precantis: missoque uno ac altero ex familia, iubet contemplari quid esset: nec demorata reditum quum moram facerent, ipsa aditura iussit aduerti currum. Conspexit senem iam annis pressum, labori inutilem, ligatis manibus eiulantem, orare ut uitae eius parceretur. Iuxta uidit uirum scrobem effodere: quem interpelens rogat quid moliatur. Ille nihil ratus illicitum, plane confitetur, patrem suum, iam labori defunctum et inutilem, quique panem suum quaerere non possit, sepulturum. Illa redarguit impium, quod parenti non parceret. «Non times, inquit, improbe Deum, cuius est mandatum de honorandis parentibus et de nemine occidendo, minime uero patre»? Ad haec ille suscipiens: «Non possum, inquit, o domina, auferre panem paruulis, quos multos alo domi, et dare inutili seni: utrisque autem enutriendis non sufficio. «Quid faciam?» Tum ingemiscens domina respexit in suos dixitque: «Videtis, quae sit horum pauperum conditio, quibus nemo impendit misericordiam, magis emunguntur ad sanguinem?» Illa prolatis aliquot argenteis dedit filio ut patri uitam permitteret. Pollicetur ille, quoad durauerint argenta, patri prospecturum [1])».

Несмотря на всѣ усилія — намъ не удалось доискаться прямыхъ источниковъ этихъ извѣстій. Самое время жизни Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ (XIII и XIV с.) мы обозначили, слѣдуя указаніямъ археолога Кейзлера [2]); но тѣмъ не менѣе, нѣтъ, полагаемъ, причинъ сомнѣваться въ относитель-

1) Krantzii: Wandalia, Franc. ad. M. 1580, p. 175, lib. VII, c. 48.

2) J. G. Keysler: Antiquitates selectae septentrionales et Celticae... Han. 1720, p. 148—9. Кейзлеръ въ краткихъ словахъ передаетъ приключенія Левина фонъ Шуленбурга и графини Мансфельдъ, говоря о первомъ, что онъ жилъ «circa annum 1220», а о второй — «ad initio seculi XIV».

ной древности показаній и дѣйствительной принадлежности ихъ названнымъ лицамъ.

Память о варварскомъ обычаѣ славянъ сохранялась долго: въ 15—16 столѣтія ее записали извѣстный Маршалкъ и маркскій хронистъ Энцельтъ [1]), въ 17 — она замѣчена церковнымъ визитаторомъ Гильдебрандомъ [2]), наконецъ — въ концѣ прошлаго вѣка и въ нынѣшнемъ она перешла въ область поэзіи и доселѣ живетъ, какъ устное преданіе [3]).

Итакъ, оставимъ на время въ сторонѣ совершенно ясное и не требующее никакихъ предварительныхъ толкованій свидѣтельство Гельмольда и остановимся на извѣстіяхъ объ обычаѣ убійства стариковъ у балтійскихъ славянъ.

Насъ прежде прочаго поражаетъ одна черта, именно—будто-бы Вильцы *съѣдали своихъ стариковъ родителей*... Не встрѣчая не только у славянъ, но и у самыхъ дикихъ народовъ ничего подобнаго, мы не задумываемся видѣть здѣсь *этнографическую сказку*. Такія сказки были въ большомъ ходу въ средніе вѣка: со словъ странниковъ и мореходцевъ, любившихъ хвастнуть ви-

1) Маршалкъ Турій (1470—1525) въ своихъ «Annales Herulorum» cap. VIII: «Amicum (Heruli sc. Obotriti) non sunt passi senescere, mortem potiorem duxerunt quam uitae tempus reliquum per ignaniam transigere. Senio confectos occidere pulchrum. Parentes acherontios ac silicernios secare in uiscera, parare in mensam, officiosum ducebant» — у Westphalen'a Monumenta inedita I, Lip. 1739, p. 191. Möhsen, Geschichte der Wissenschaften in der Mark-Brand. Berl. 1781, p. 50 — говоритъ: «Enzelt sagt ausdrücklich in seiner 1579 herausgekommenen Chronik der Altmark dass die Lüneburger Wenden noch vor wenig Jahren ihre Väter, wenn sie alt und lebenssatt gewesen, getödtet».

2) Гильдебрандова визитація имѣла мѣсто въ 1672 г. Въ статьѣ своей: «Ueber die Wenden in sogenannten Drawähn» въ гл. 9, обозн. «Von den Begräbnissen», онъ говоритъ «Sonsten pflegten die Kinder ihre abgelebte Eltern, wann sie nichts mehr verdienen kunten, selbst tod zu schlagen, vorgebende: Gott hätte keinen Gefallen an Leuten, die nichts arbeiten...» въ Hannoversches Magazin 1817, p. 1056—7. Указаніе и выписка обязательно сообщены намъ А. А. Куникомъ.

3) Jean Potocki: Voyage dans quelques parties de la basse Saxe, Hamb. 1795, p. 43; Zwölftes Jahresbericht des altmärkischen Vereins für vaterl. Geschichte. Salzw. 1859, p. 25, сага: «der gerettete Wende»; (Hennings) Das hannoversche Wendenland, Lüch. 1862, p. 77.

дѣянными ими чудесами, онѣ записывались довѣрчивыми анналистами или расходились путемъ устной передачи, а позднѣе—попадали и въ сочиненія ученаго содержанія [1]). Легковѣріе и отсутствіе положительныхъ знаній открывало широкую дорогу ихъ распространенію. Стоитъ прочесть нѣкоторыя главы IV книги Гамбургской церковной исторіи Адама бременскаго, особенно 19-ую [2]), чтобы убѣдиться въ полной возможности образованія такого баснословно-этнографическаго разсказа о Вильцахъ, далекомъ и свирѣпомъ народѣ, имѣвшемъ—по общимъ понятіямъ времени—звѣрскіе нравы и обыкновенія. Намъ кажется, впрочемъ, что сказка сложилась не безъ историческихъ основаній. Къ ней, быть можетъ, подали поводъ обычай подвергать тѣла умершихъ варкѣ для отдѣленія костей [3]) и тризненное пиршество на

---

1) Въ космографіи Бартоломея Гланвилы, Мюнстера и т. д. Въ особенности такими сказками полно знаменитое сочиненіе Олая Магна: Historia de gentibus septentrionalibus, earumque diuersis statibus... etc. Romae, 1555, 4°.

2) Приводимъ здѣсь эту главу, потому что въ ней виденъ ясный слѣдъ занимающей насъ сказки о Вильцахъ. «Sunt et aliae in hoc ponto (sc. baltico) insulae plures, ferocibus barbaris omnes plenae, ideoque fugiuntur a nauigantibus. Item circa haec littora Baltici maris ferunt esse Amazonas, quod nunc terra feminarum dicitur. Eas aquae gustu dicunt aliqui concipere. Sunt etiam qui referant eas fieri praegnantes ab hiis qui praetereunt negociatoribus, uel ab hiis quos inter se habent captiuos, siue ab aliis monstris, quae ibi non rara habentur. Et hoc credimus etiam fide dignius. Cumque peruenerint ad partum, si quid masculini generis est, fiiunt cynocephali; si quid feminini, speciosissimae mulieres. Hae simul uiuentes, spernunt consortia uirorum; quos etiam, si aduenerint, a se repellunt uiriliter. Cynocephali sunt, qui in pectore caput habent; in Ruzzia uidentur sepe captiui, et cum uerbis latrant in uoce. Ibi sunt etiam qui dicuntur Alani uel Albani, qui lingua eorum wizzi (схоліастъ пишетъ: Wilzi) dicuntur, crudelissimi ambrones; cum canicie nascuntur; de quibus auctor Solinus meminit. Eorum patriam canes defendunt. Si quando pugnandum est canibus aciem struunt. Ibi sunt homines pallidi, uirides et macrobii, quos apellant Husos; postremo illi qui dicuntur Antropofagi, et humanis uescuntur carnibus. Ibi sunt alia monstra plurima, quae recitantur a nauigantibus sepe inspecta, quamuis hoc nostris uix credibile putetur». Adami brem. Gesta IV, 19; cf. cap. 25.

3) Такой обычай засвидѣтельствованъ многими несомнительными показаніями, см. Ph. Jaffé: De arte medica saec. VII, Ber. 1853, p. 27, 30—32. Онъ былъ возможенъ и у Вильцевъ.

могилахъ родителей [1]). Дурно наблюденныя и истолкованныя, эти дѣйствительныя обыкновенія могли породить сказку, что Вильцы варятъ и съѣдаютъ своихъ родителей. Сказка могла образоваться и книжнымъ, ученымъ путемъ, вслѣдствіе довольно распространеннаго въ средніе вѣка мнѣнія о происхожденіи и этнологической связи славянъ со скиѳами и массагетами, у которыхъ Геродотъ замѣтилъ точно такія обыкновенія. Вниманія также заслуживаетъ и объясненіе Dr. Виггера [2]). Онъ также считаетъ извѣстіе Ноткера — чистою сказкою, но зная, что словомъ *Велетъ*, *Волотъ* славяне обозначали вообще великановъ, думаетъ, что здѣсь черта нѣмецкихъ преданій о великанахъ перенесена на историческій народъ Велетовыхъ, т. е. что сага разсказывала о исполинахъ-велетахъ, то приписано дѣйствительнымъ Велетовымъ. Толкованіе — остроумное, и случай — возможный, если было-бы доказано, что значеніе нарицательнаго имени *велетъ* = исполинъ не оставалось неизвѣстнымъ нѣмецкому писателю XI вѣка, или нѣмецкому миѳу. Какъ бы то ни было, баснословный характеръ сказанія — не подлежитъ сомнѣнію, а поэтому и намѣреніе Гизебрехта-старшаго объяснить его въ смыслѣ строго-историческомъ — намъ представляется неумѣстнымъ [3]).

Совсѣмъ иное дѣло — насильственная смерть потерявшихъ способность къ труду стариковъ. Хотя всѣ извѣстія о существованіи подобнаго суроваго обычая въ бытѣ балтійскихъ славянъ — не древни и не могутъ быть приняты за прямыя достовѣрныя свидѣтельства, но, имѣя въ виду, что точно такое же явленіе — какъ доказано Я. Гриммомъ [4]), нѣкогда несомнѣнно бытовало у мно-

1) См. наше изслѣдованіе: о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 39 sq. 118 sq. 54 sq.

2) Wigger. Mecklenburgische Annalen, Schw. 1860, p. 58.

3) L. Giesebrecht: Wendische Geschichten, I, p. 40. Гизебрехтъ видитъ здѣсь частный случай: дѣти, можетъ быть, во время страшнаго голода, дѣйствительно какъ-то разъ съѣли своихъ стариковъ-родителей. Молва обратила этотъ случай въ обычай.

4) Deutsche Rechtsalterthümer, p. 486—489. Обычай несомнѣнно существовалъ у римлянъ, геруловъ, древне-сѣверныхъ племенъ, пруссовъ и многихъ дикихъ; cf. ст. Tylor'а въ «Ausland'ѣ», 1874, № 1, p. 16—17.

гихъ европейскихъ народовъ, мы едва-ли должны отказать этимъ показаніямъ во всякомъ вниманіи. Намъ кажется положительно невозможнымъ видѣть въ нихъ одну пустую выдумку или умышленный вымыселъ: ни для того, ни для другого нѣтъ видимыхъ побудительныхъ причинъ... Скорѣе мы наклонны допустить, что здѣсь выражаются — или донесенная преданіемъ поздняя память о нѣкогда дѣйствительно существовавшемъ обычаѣ, или, быть можетъ, и остатки самаго обычая, которые — вопреки вліянію христіанства и просвѣщенія, могли уцѣлѣть до поздняго времени гдѣ-нибудь въ глухихъ забытыхъ мѣстахъ, среди люнебургскихъ болотъ и лѣсовъ. Стоя на почвѣ шаткихъ свидѣтельствъ, было бы слишкомъ смѣло утверждать *дѣйствительное существованіе* обычая въ бытѣ балтійскихъ славянъ, но *возможность* и *даже вѣроятность* его — очевидны. Насильственная смерть ослабѣлыхъ старцевъ была совершенно въ духѣ воинственно дѣятельной балтійской старины. «Язычество—по словамъ Я. Гримма—ставило жизнь ни во что, если не было здоровья тѣла и полнаго употребленія всѣхъ членовъ его; потому признавалось справедливымъ выбрасывать (экспонировать) слабыхъ дѣтей и прекращать смертью страданія людей, неизлѣчимо больныхъ. На этомъ же началѣ основывалось и малое уваженіе къ хилому старчеству. Такой обычай намъ показался бы страшнымъ варварствомъ, еслибы не было извѣстно, что онъ совпадалъ съ волею, чувствами и воззрѣніями самихъ стариковъ, которые падали его жертвами [1].» Утверждая *возможность* существованія у балтійскихъ славянъ жестокаго обычая предавать смерти стариковъ, мы должны, однако, сказать, что онъ — если былъ, то уже со временъ глубокой древности былъ явленіемъ частнымъ, спорадическимъ, дѣйствовавшимъ у какихъ-нибудь отдѣльныхъ, болѣе одичалыхъ и погруженныхъ въ мракъ варварства племенъ. Тревоги ли воинскаго быта, гдѣ слабые старики представлялись тяжелымъ бременемъ, крайняя ли бѣдность и голодъ — сами по

1) Deutsche Rechtsalt., p. 488.

себѣ, дали такое грубое направленіе человѣчественной природѣ славянина, примѣры ли сосѣдей [1]) увлекли ее къ жестокому обычаю — опредѣлить нельзя; но несомнѣнно, что онъ не былъ обычаемъ распространеннымъ и этимъ-то обстоятельствомъ, конечно, объясняется, почему положительная исторія вовсе не замѣтила его ни у одного изъ славянскихъ народовъ [2]). Ей извѣстны грубыя отношенія дѣтей къ отцамъ и родственникамъ [3]), но такой грубости духа — она не знаетъ. Чѣмъ далѣе идетъ она, тѣмъ яснѣе становятся человѣчественныя отношенія дѣтей къ родителямъ, отношенія, столь опредѣленно и ярко засвидѣтельствованныя Гельмольдомъ и имѣвшія, конечно, мѣсто не у однихъ только Руянъ, но и у всѣхъ ихъ родичей и у всѣхъ славянъ вообще.

Уваженіе къ старцамъ у славянъ основывалось, можно полагать—столько же на чувствѣ кровной, семейной любви, сколько и на убѣжденіи и вѣрѣ въ ихъ богатое опытомъ знаніе жизни и вообще житейскую мудрость. Тамъ, гдѣ частныя и общественныя отношенія велись по преданію, старцы, естественно, должны были занимать въ обществѣ очень видное, почетное мѣсто, какъ хранители и истолкователи старыхъ законовъ и обычаевъ своего племени. На одного такого слѣпого старика — Руянина указываетъ Саксонъ Грамматикъ, приводя его мѣткое изреченіе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ саксами [4]).

---

1) P. Dusburgi Chronicon ed. Hartknoch. Fr. 1579: dissertatio XIII, p. 188—9, гдѣ собраны указанія объ этомъ обычаѣ у пруссовъ; cf. Grimm DRAlt. l. cit.

2) Память о немъ сохранилась только въ поэзіи, именно въ сказкѣ, Erben: Sto prostonárodních pohádek a pověstí slovanských. P. 1865, p. 137 sq. № 48.

3) «срамословье въ нихъ предъ отьци и предъ снохами». Лѣтопись по лаврентьевск. списку, Спб. 1872, p. 13.

4) «Masco quidam, inter Rugianos natu atque autoritate praestantissimus, luminibus orbatus, sed ingenii sagacitate perspicuus, nec annis quam animo uiuacior, Concitatioris, inquit, petulantiae equis nos est, quo arctius retinentur, hoc uehementius habenas tendere Laxentur itaque Saxonibus freni, ne retentationis nimietate rumpantur. Si quidem et nobis ipsorum et ipsis nostra perquam nota est uirtus». Saxonis Gram. Historia p. 774.

Положеніе вдовъ у балтійскихъ славянъ отчасти видно изъ показанія Сефрида у Герборда. Вдова представляется здѣсь лицомъ самостоятельнымъ и властнымъ, она правитъ домомъ и обширною семьею, воля ея служитъ вторымъ закономъ:

«Vidua quedam in rure non longe a ciuitate Caminensi diues ac nobilis ualde... erat multam habens familiam et non parue auctoritatis matrona, strennue regens domum suam... in una die dominica tempore messis, populo undique ad ecclesiam properante, nec ipsa ueniebat nec suos uenire permittebat: «Ite, inquit, metite michi agros meos [1])».....

Если бы можно было *вполнѣ* положиться на слова Герборда, мы не задумались бы увидѣть здѣсь примѣръ опредѣленной материнской опеки надъ дѣтьми. Иначе трудно объяснить ея полновластіе, почему она управляла всѣмъ домомъ, а не (предполагаемый) сынъ ея, или иной родственный опекунъ-глава семьи. Случаи древней материнской опеки, находимые въ древности польской и чешской и постановленіе «Русской Правды» о правной опекѣ вдовы-матери [2]) показываютъ, что такой обычай могъ уже имѣть мѣсто и въ бытѣ балтійскихъ славянъ, если не въ простомъ народѣ, то въ высшемъ сословіи, если не какъ явленіе правное, прочно установленное, то какъ обыкновенный, ничѣмъ не воспрещенный — случай. Дѣйствительно, въ поморскихъ грамотахъ, при дареніяхъ монастырямъ и церквамъ различныхъ помѣстій и другихъ предметовъ — выступаютъ и вдовы-княгини, какъ лица, распоряжающіяся имуществомъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей; онѣ нерѣдко даютъ записи отъ своего имени, хотя и съ

---

1) Herbordi Dialogus II, 23.

2) Примѣры материнской опеки у поляковъ указаны Лелевелемъ «Histor. rozb. prawodawstwa polskiego § XXII; Rozpatrzenie niekt. względów, § 26, въ Polaka wiek. sredn. III, p. 51 sq. 420, 438—9; древнѣйшій примѣръ чешской материнской опеки находится, сколько знаемъ въ Житіи св. Вячеслава, именно въ лицѣ матери его Драгомиры: Fontes rerum bohemicarum t. I, 1873, p. 128; cf. Wocel: o staročeském dědickém právu, P. 1861, p. 26 sq; ст. А. Н. Попова: «объ опекѣ и наслѣдствѣ во время русской Правды» въ (Валуева) Сборникѣ историческихъ и статист. свѣдѣній о Россіи, М. 1845, стр. 99—104.

согласія настоящихъ владѣтелей-наслѣдниковъ и иногда другихъ знатныхъ земли. Таковы: Анастасія, вдова Богуслава I и Ингарда, вдова Казиміра II, послѣдняя дѣйствуетъ, «pleno iure, uice filii sui Wartizlai, qui pro iuuentute sua nichil nouit de sublimibus ordinare», или «nomine sui filii, qui licet sit heres, tamen quanto tempore paruulus est, discretionem non habet de sublimibus ordinandi». Очевидно, это была настоящая опека [1]).

Гостепріимство было столько же обязанностью, сколько и правомъ семьи.

Адамъ бременскій говоритъ о Волынцахъ, что нельзя найти другого народа, который былъ бы нравами и гостепріимствомъ честнѣе и вѣжественнѣе ихъ:

«moribus et hospitalitate nulla gens honestior aut benignior poterit inueniri [2]).

Сефридъ замѣтилъ то же относительно Поморянъ вообще. «Удивительное дѣло, говоритъ онъ, столъ ихъ никогда не стоитъ пустымъ, никогда не остается безъ яствъ: каждый домохозяинъ имѣетъ особый домъ, опрятный и честный, назначенный для удовольствія. Здѣсь всегда стоитъ столъ съ различными напитками и яствами; принимаются одни, немедленно ставятся другіе; чистая скатерть покрываетъ яства, ожидающія потребителей, и въ какое время кто ни захотѣлъ бы угоститься, будутъ ли то чужіе, гости или домашніе — ихъ ведутъ къ столу, гдѣ все готово»:

«Mirum dictu, mensa illorum nunquam disarmatur, nunquam deferculatur; sed quilibet paterfamilias domum habet seorsum mundam et honestam, tantum refectioni uacantem. Illic mensa cum omnibus, que bibi ac mandi possunt, nunquam uacuatur, sed aliis absumptis alia subrogantur . . . de mappa mundissima fercula teguntur, comesuros expectantia. Quacunque igitur hora reficere

1) Codex Pomer. diplomaticus I, № 61, 65, 82, 94, 129, 136, 138.
2) Adami bremens. Gesta ham. eccl. II, 19.

placuerit, hospites sint, domestici sint, omnia parata inueniunt intromissi ad mensam [1]).

Эбонъ передаетъ, что двое изъ бамбергской миссіи, Удальрикъ и Альбинъ — пришли въ городъ Волегощъ и, какъ странники, были приняты женой правителя города самымъ гостепріимнымъ образомъ: она накрыла столъ и предложила имъ обильное угощеніе. Миссіонеры изумились, встрѣтивъ такой привѣтъ и гостепріимство «въ царствѣ діавола». Когда хозяйка узнала, кто они таковы, то пришла въ большое смятеніе и объяснила, что имъ готовится погибель отъ жителей города, она скорбѣла, что домъ ея, гостепріимно открытый всѣмъ странникамъ, станетъ мѣстомъ убійства, ибо она должна будетъ или выдать ихъ, или погибнуть вмѣстѣ съ ними. Обязанность гостепріимства взяла верхъ надъ чувствомъ опасности и страха: добрая женщина скрыла у себя пришельцевъ и, когда возбужденный народъ сталъ требовать ихъ выдачи, объяснила, что къ ней, дѣйствительно, заходили какіе-то странники, но, удовольствовавшись пищей, ушли, и будто она не знаетъ, кто были они и куда направились...:

«(Vdalricus et Albwinus) a matre familias uxore scil. prefecti urbis, honorifice suscepti sunt, ita ut pedes eorum summa humilitatis deuotione lauaret, statimque mensa apposita, copiosissimis eos dapibus reficeret, mirantibus eis et admodum stupentibus, quod talem in regno diaboli humilitatis et hospitalitatis gratiam inuenissent... Tandem, finita refectione, Albwinus matrem familias secretius alloquens, indicauit ei causam aduentus sui ... Hec illa audiens adeo expauit, ut terre procumbens, diu semianimus remanserit.... At illa: «pro nece uestra iam iamque imminenti contremuit cor meum. Nam magistratus ciuitatis huius cum omni plebe dispositum habet, ut, si uspiam apparueritis, sine retractatione occidamini. Et hec domus mea, semper quieta et pacifica, omnibus peregrinis superuentibus hospitalis fuit, nunc uero sanguine uestro contaminanda erit. Re uera namque si ali-

---

1) Herbordi Dialogus II, 41.

quis magistratuum introitum uestrum huc deprehendit, hac hora domus mea obsidione uallabitur; et ego infelix, nisi uos tradidero, igni cum omnibus meos concremabor. Ascendite ergo in superiora domus mee ibique latitate».. Post modicum plebs furibunda irrupit, omniaque scrutantes, peregrinos, illic ingressos uiolenter ad mortem expetebant. Quibus mater familias: «fateor, ait, domum meam ingressi sunt; et sufficienter refecti uelocius abierunt. Et ego, qui uel unde essent aut quo tenderent, explarare non potui [1]).

Еще важнѣе показаніе Гельмольда потому именно, что оно указываетъ на общее правное значеніе у славянъ обычая гостепріимства. Епископъ Герольдъ вмѣстѣ съ анналистомъ, ради утвержденія христіанства, странствовали по Вагріи и были приглашены княземъ Прибиславомъ въ его домъ. Онъ привѣтливо принялъ ихъ и угостилъ богатымъ пиромъ. «Здѣсь, говоритъ Гельмольдъ, я на опытѣ узналъ, что прежде доносилось ко мнѣ молвою, что нѣтъ народа, который былъ бы въ гостепріимствѣ радушнѣе славянъ: всѣ они въ принятіи гостей ревностны, какъ бы по уговору, и никто не имѣетъ надобности просить у нихъ пристанища. Все, что пріобрѣтаютъ земледѣліемъ, рыболовствомъ или охотой, они со щедростью вполнѣ отдаютъ гостямъ, и тотъ между ними считается болѣе почтеннымъ, кто бываетъ расточительнѣе. Страсть къ такой расточительности доводитъ многихъ изъ нихъ до воровства и разбоя, и оба рода этихъ преступленій у нихъ находятъ извиненіе: покровъ обычая гостепріимства защищаетъ ихъ. По славянскимъ обычаямъ, что ночью укралъ, то на утро ставь гостямъ. Если же кто-нибудь, что случается очень рѣдко, будетъ уличенъ въ отверженіи странника, то позволительно бываетъ сжечь его домъ или имущество, на такого подымаются всѣ, въ одинъ голосъ называя безчестнымъ, низкимъ, достойнымъ презрѣнія того, кто не постыдился отказать въ хлѣбѣ страннику».

---

1) Ebonis Vita Ottonis III, 7.

«Illic experimento didici, quod ante fama uulgante cognoui, quia nulla gens honestior Sclauis in hospitalitatis gratia; in colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quenquam postulare necesse sit. Quicquid enim in agricultura piscationibus seu uenatione conquirunt, totum in largitatis opus conferunt, eo fortiorem quemquam quo profusiorem iactitantes. Cuius ostentationis affectatio multos eorum ad furta uel latrocinia propellit. Que utique uitiorum genera apud eos quidem uenalia sunt, excusantur enim hospitalitatis palliatione. Sclauorum enim legibus accedens, quod nocte furatus fueris, crastina hospitibus dispertics. Si quis uero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio remouisse deprehensus fuerit, huius domum uel facultates incendio consumere licitum est, atque in id omnium uota pariter conspirant, illum inglorium, illum uilem et ab omnibus exsibilandum dicentes, qui hospiti panem negare non timuisset [1]).

Въ концѣ своего труда Гельмольдъ еще разъ хвалитъ обиліе гостепріимства славянъ и говоритъ, что оно наравнѣ съ почтеніемъ къ родителямъ занимаетъ у нихъ мѣсто первой доблести:

«Erat apud eos (Ranos) hospitalitatis plenitudo... Hospitalitatis gratia et parentum cura primum apud Sclauos uirtutis locum optinent» [2]).

Приведемъ, наконецъ, еще одно свидѣтельство, которое хотя и не говоритъ прямо о гостепріимствѣ, но очень важно для объясненія этого обычая. Когда монахъ Бернгардъ явился на проповѣдь въ г. Волынъ, жители, принявъ его за обманщика, требовали, чтобы онъ удалился. На настоянія его жрецы и старѣйшины составили совѣтъ и рѣшили, что это—человѣкъ безумный, слушать его негодится; но не слѣдуетъ также и предать его смерти: онъ — бѣдный странникъ, а убійство странниковъ, какъ дознано опытомъ, не проходитъ безъ возмездія, навлекаетъ бѣд-

1) Helmoldi Chronica I, 82.
2) Helmoldi Chronica, II, 12.

ствія. Этому обстоятельству Бернгардъ былъ обязанъ своимъ спасеніемъ:

«Non expedit nobis peregrinum nudipedem interficere. Quia et fratres nostri Pruzenses ante annos aliquos Adelbertum quendam, similia huic predicantem, occiderunt, et ex eo omnis pressura et calamitas apprehendit eos totaque substancia eorum ad nichilum redacta est»[1]).

Для насъ рѣшительно все равно — такъ или иначе говорила волынская сходка, одно не подлежитъ сомнѣнію, что *страннический* характеръ Бернгарда былъ его спасеніемъ; благодаря этому же странническому характеру Войтѣха, Поморяне особенно уважали память его [2]).

Такимъ образомъ, старый, коренной славянскій *обычай гостепріимства*, очень рано замѣченный исторіей [3]), сохранился у балтійской отрасли неколебимо, какъ бы вопреки ожесточающимъ историческимъ обстоятельствамъ и отношеніямъ. Невольно возникаетъ вопросъ, въ чемъ заключалась причина такой упорной долговѣчности, что давало силу этому обычаю пройти чрезъ длинный рядъ житейскихъ искушеній и уцѣлѣть среди разлива непріязненныхъ для него страстей и обыкновеній, среди горькихъ опытовъ, изъ которыхъ малѣйшаго достаточно было, чтобы снести его и на мѣсто его поставить недружелюбную, угрюмую самозаключенность и подозрительное недовѣріе къ чужеземцамъ? Въ бытѣ балтійскихъ славянъ обычай присутствуетъ не какъ бездѣйственный, случайно уцѣлѣвшій остатокъ старины, но какъ начало живое, руководящее людскими отношеніями, какъ дѣйствующее право и обязанность. Сказать, что гостепріимство выходило изъ основныхъ свойствъ племенного характера — значитъ обойти, но не разрѣшить вопросъ; ибо племенной харак-

1) Ebonis Vita Ottonis II, 1; все происшествіе подробно передано въ нашемъ трудѣ: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 22—3.

2) Ebonis Vita Ottonis II, 15.

3) См. свидѣтельства объ этомъ Маврикія (582—602) и Льва Мудраго (886—911) у Шафарика въ Slowanské starož. 1837, приложенія, стр. 967—972.

теръ во многомъ зависитъ отъ исторической жизни, а она издавна имѣла враждебное ему направленіе, могла только разрушить, но не поддержать его. Была, слѣдовательно, иная сила, которою оно держалось и крѣпилось наперекоръ жизненнымъ обстоятельствамъ, и которая давала ему значеніе долга и права.

Такою силою могла быть только религія.

Религіозное основаніе обычая станетъ для насъ вполнѣ ясно, когда примемъ въ расчетъ нѣкоторыя преданія и повѣрья славянской старины. Одно изъ нихъ стоитъ на переходѣ отъ миѳической къ достовѣрной исторіи Польши: имъ открывается первая страница ея, утвержденіе исторической династіи Пястовъ. Въ Гнѣзднѣ, такъ разсказываетъ старѣйшій польскій анналистъ, княжилъ князь, по имени Попелъ. У него было двое сыновей. Пришло время, когда по обычаю старины, надъ ними слѣдовало совершить обрядъ *постригъ*. Князь по этому поводу устроилъ большой пиръ, на который позвалъ многихъ знатныхъ людей и друзей. Случилось такъ, что туда пришло двое странниковъ; ихъ не только не пригласили къ пиру, но еще съ безчестіемъ изгнали изъ города. Они ушли отъ негостепріимныхъ людей въ пригородъ и случайно остановились возлѣ хижины княжьяго пахаря. Добрый бѣднякъ пригласилъ ихъ въ свое скромное жилище и просилъ снисходительно простить его убожество. Странники вошли подъ гостепріимную кровлю и привѣтствовали его. Пахарь назывался Пястомъ и имѣлъ жену по имени — Рѣпку. Бѣдняки, по мѣрѣ силъ, старались чѣмъ бы угодить своимъ гостямъ. Среди бесѣды странники попросили напиться, и радушный хозяинъ отвѣчалъ: «припасена у меня кружка пива на тотъ день, когда будутъ постриги моего единственнаго сына; да что беречь эту мелочь: пейте, коли ваша ласка». Надобно сказать, что крестьянинъ имѣлъ намѣреніе устроить постриги своему сыну въ то время, когда князь станетъ справлять пиръ по случаю семейнаго торжества (постригъ же); тогда и онъ хотѣлъ сдѣлать кое-какое скромное угощеніе друзьямъ-бѣднякамъ и на этотъ конецъ откармливалъ поросенка. Странники велѣли принести пиво и раз-

лить его въ чаши, и — чудное дѣло — разсказываютъ, что пиво росло, пока не наполнили всѣ чаши и всѣ сосуды, которые нашлись пустыми на пиршествѣ князя. Странники приказываютъ убить поросенка, и опять — его мясомъ наполняется цѣлыхъ десять цеберъ или ведеръ. Когда Пястъ и Рѣпка увидѣли такое чудо, они поняли его, какъ доброе предзнаменованіе для сына, думали даже позвать на пиръ князя, но не смѣли безъ согласія странниковъ. Тѣ позволили; пришелъ князь съ своими гостями — и пошелъ пиръ горой... Наконецъ, странники совершили надъ сыномъ Пяста обрядъ постриженія, они нарекли его Семовитомъ въ предвѣстье о его будущемъ [1]). То былъ родоначаль-

---

1) «Erat in ciuitate Gneznensi, quae nidus interpretatur Sclauonice, dux nomine Popel, duos filios habens, qui more gentilitatis ad eorum tonsuram grande conuiuium praeparauit, ubi plurimos suorum procerum et amicorum inuitauit. Contigit autem ex occulto Dei consilio duos illuc hospites aduenisse, qui non solum ad conuiuium non inuitati, uerum etiam a ciuitatis introitu cum iniuria sunt redacti. Qui statim ciuium illorum inhumanitatem abhorrentes et in suburbium descendentes, ante domunculam aratoris praedicti ducis pro filiis conuiuium facientis forte fortuna deuenerunt. Ille uero bonae conpassionis pauperculus hospites illos ad suam domunculam inuitauit, suamque paupertatem eis benignissime praesentauit. At illi pauperis inuitationi gratanter inclinantes et hospitalitis tugurium subeuntes: «Bene — inquiunt — nos aduenisse gaudeatis, et in nostro aduentu bonorum copiam, et de sobole honorem et gloriam habeatis.» Erant enim hospitii domestici Past filius Chossisteonis et uxor eius Repca uocabulo nuncupati, qui cum magno cordis affectu pro posse suo hospitum necessitati ministrare sathagebant, eorumque prudentiam intuentes, secretum si quid erat cum eorum consilio perficere disponebant. Cumque de more residentes colloquerentur de plurimis, et peregrini an ibi potus aliquid habeatur inquirerent, arator hospitalis respondit: «est, inquit, michi uasculum cereuisiae fermentate, quam pro caesarie filii quem habeo unici tondenda praeparaui, sed quid prodest hoc tantillum? Si libeat ebibatis.» Decreuerat enim rusticus ille pauper, quando dominus suus dux pro filiis conuiuium praepararet — nam in alio tempore prae nimia paupertate non posset — aliquid obsonii pro suo tondendo paruulo praepare, et quosdam amicorum et pauperum, non ad prandium, sed ad gentaculum inuitare, qui etiam porcellum nutriebat, quem ad illud seruitium reseruabat... Imperant igitur eum hospites securi ceruisiam propinari, quam bene nouerant potissando non deficere sed augeri; usque adeo enim creuisse fertur ceruisia, donec uasa mutuata repleantur omnia et quae ducis conuiuantis inuenere uacua. Praecipiunt et porcellum supradictum occidi, unde decem situlae, sclauonice *cebri*, mirabile dictu, memorantur adimpleri. Visis igitur Past et Repca miraculis quae fiebant, aliquid magni praesagii de puero sentiebant, iamque ducem et conuiuas inuitare cogitabant, sed non audebant, nisi

никъ княжескаго рода Пястовъ. Какъ бы въ наказаніе за оскорбленіе правъ гостепріимства, со смертью Попела прекращается родъ его, и на княжій столъ вступаетъ Семовитъ, отецъ котораго нѣкогда почтилъ странниковъ дружественнымъ пріемомъ и тѣмъ пріобрѣлъ себѣ и своему потомству благоволеніе высшей силы...

Кто были эти перехожіе гости — лѣтописецъ не знаетъ, или не помнитъ, но уже самое чудо, совершенное ими, указываетъ, что они не были обыкновенные смертные люди. Дѣйствительно, во многихъ народныхъ преданіяхъ мы встрѣчаемъ, что въ образѣ и подъ видомъ странниковъ очень часто нисходятъ на землю лица высшаго, божественнаго происхожденія, они посѣщаютъ людей, принимаютъ участіе въ ихъ дѣлахъ и отношеніяхъ, награждаютъ правду и добро, караютъ порокъ и нечестіе[1]. Такихъ-то божественныхъ гостей, конечно, принималъ у себя и крестьянинъ Пястъ!

Религіозное воззрѣніе положило основаніе обычаю гостепріимства: неизвѣстность, окружавшая пришельцевъ-странниковъ, служила не только вѣрнымъ для нихъ покровомъ и защитою, но и обязывала къ уваженію и почету относительно ихъ; ибо — кому извѣстно, кто они таковы, и что если въ лицѣ ихъ будутъ оскорблены самыя божества, пожелавшія принять на время земной образъ перехожихъ странниковъ? Гибель и кара неминуемо падетъ тогда на главу оскорбителя, его семьи и негостепріимнаго крова! Подъ вліяніемъ мирныхъ свойствъ племенной природы и развивавшагося патріархальнаго понятія о святости семейнаго крова обычай выросъ и возвысился до значенія семейнаго долга

---

prius peregrii nos hoc inquirant. Quid moramur? Consilio itaque hospitum et exhortatione dominus eorum dux et conuiuae omnes ipsius ab agricola Past inuitantur, neque rustico suo dux inuitatus condescendere dedignatur..... Inito de more conuiuio, et habundanter omnibus apparatis, hospites illi puerum totonderunt, eique Semovith uocabulum ex praesagio futurorum indixerunt. Martini Galli Chronicon I, c. 1—3, apud Bielowski, Monumenta Pol. I, p. 395—397.

1) J. Grimm. Deutsche Mythologie, G. 1854, p. 137, 312 sq; О. Ѳ. Миллера, Илья Муромецъ и богатырство Кіевское. Спб. 1869, стр. 177 sq; Аѳанасьевъ, Русскія народныя легенды, М. 1860, № 1, 2, 3, 7; послѣдняя легенда очень близка къ преданію у Мартина Галла; Erben: Sto prostonárodních pohádek a pověstí, Pr. 1865, p. 207.

или обязанности.. Нужды нѣтъ, что съ теченіемъ времени сознаніе религіознаго источника его затемнилось, что въ странникахъ уже не видѣли и не предполагали ничего необыкновеннаго, одинъ разъ твердо установившійся обычай остался обязательнымъ на долгіе вѣка; корни его такъ глубоко проникли въ народную жизнь, что онъ сталъ какъ бы нерушимымъ нравственнымъ закономъ и уцѣлѣлъ во всей свѣжести и силѣ даже и тамъ, гдѣ, казалось, не могло быть ни простора, ни даже мѣста его дѣйствію. Такъ именно было у балтійскихъ славянъ!

Не иначе, какъ принявъ во вниманіе религіозный источникъ и значеніе обычая гостепріимства, намъ становится возможнымъ объяснить, почему Поморяне считали убійство странниковъ — дѣломъ беззаконнымъ и опаснымъ, почему, какъ гласила молва и какъ было на самомъ дѣлѣ, ни одинъ народъ не отличался такой «полнотой гостепріимства», какъ славяне, почему они рѣшались на кражу, разбой, даже на самую смерть, чтобы только не отказать страннику въ пріемѣ и удовлетворить его, почему — наконецъ, отверженіе странника и отказъ въ гостепріимствѣ разсматривались не только, какъ дѣло нравственно-безчестное и позорное, но и какъ общественное преступленіе, караемое лишеніемъ крова и имущества. Не мало, конечно, во всемъ этомъ участвовалъ «широкій», открытый характеръ добраго отъ природы племени, но онъ одинъ не могъ возвести обычай на степень непремѣннаго долга, не могъ дать ему правныхъ обязательныхъ основаній: дѣйствіе обычая въ такомъ случаѣ не вышло бы за предѣлы добровольныхъ поступковъ и осталось бы только при нравственныхъ послѣдствіяхъ. Гостепріимство же признавалось дѣломъ общественной необходимости, въ нарушеніи его видѣлось нѣчто большее, чѣмъ нарушеніе приличіемъ утвержденнаго нравственнаго правила и обычая жизни, видѣлась опасность благосостоянію общества, его миру и порядкамъ. А такой взглядъ понятенъ только тогда, когда въ основѣ его допустимъ указанную выше религіозную причину. Сознавалась ли она отчетливо, или какъ преданіе — смутно чувствовалась, но довольно, что съ почетнымъ уваженіемъ

и пріемомъ странниковъ народъ соединялъ идею справедливаго, необходимаго дѣйствія, въ оскорбленіи же и отверженіи ихъ видѣлъ преступленіе, навлекающее на все общество бѣды и несчастія и потому требующее очистительнаго возмездія и кары. Такое воззрѣніе съ одной стороны возвысило обычай до значенія обязательнаго закона, съ другой — опредѣлило нѣкоторыя права его. Разбой и воровство ради гостепріимства извинялись и разсматривались, какъ дѣйствія не преступныя, ибо только чрезъ нихъ для нѣкоторыхъ становилось возможнымъ удовлетвореніе болѣе высокому, религіозному закону, неуклоннымъ исполненіемъ котораго достигалась спасительная цѣль общественнаго блага и мира... Какъ велика была сила обычая гостепріимства у балтійскихъ славянъ видно изъ Гельмольда, по словамъ котораго — случаи нарушенія его бывали очень рѣдки, вызывали строгое осужденіе и даже наказаніе.

У всѣхъ славянскихъ племенъ съ древности и до нашихъ дней обычай гостепріимства понимается и исполняется, какъ важная обязанность семьи или частнаго лица; но, за исключеніемъ балтійскихъ славянъ и отчасти славянъ южныхъ (сербовъ и болгаръ), мы нигдѣ не находимъ слѣдовъ его праваго значенія. Должно ли видѣть въ этомъ уцѣлѣвшій остатокъ отдаленнѣйшей общеславянской старины или только частное, случайное направленіе народной мысли — рѣшить трудно, но одно несомнѣнно, что самый обычай громко свидѣтельствуетъ въ пользу искони мирнаго, дружелюбнаго характера славянской природы: онъ вызываетъ изумленіе нѣмцевъ, непривыкшихъ и незнающихъ въ своей средѣ ничего подобнаго.

Кровная месть. Къ семейному праву принадлежало право кровной мести за родныхъ, погибшихъ насильственною смертью. Месть была священною обязанностью семьи.

Довольно ясныя свидѣтельства объ этомъ находимъ у Адама бременскаго, Гельмольда, неизвѣстнаго автора «о видѣніяхъ Готшалка» и Саксона Грамматика.

Адамъ бременскій разсказываетъ, что сынъ оботритскаго князя

Ута, Готшалкъ мирно занимался науками въ одномъ монастырѣ въ Люнебургѣ, когда до него дошла вѣсть о смерти отца, убитаго какимъ-то саксонцемъ. Питая въ душѣ еще чувства язычника, Готшалкъ не могъ оставить гибели отца безъ справедливаго отмщенія, онъ соединился со славянами и избилъ многія тысячи саксовъ:

«ira et furore commotus, reiectis cum fide litteris, arma corripuit, amnemque transmisso, inimicis Dei se coniunxit Winulis. Quorum auxilio christianos impugnans, multa milia Saxonum prostrasse dicitur in patris uindictam[1]).

Тотъ же свидѣтель говоритъ о сильномъ славянскомъ князѣ Ратиборѣ, что онъ былъ убитъ датчанами; восемь сыновей его поднялись на месть за отца, и всѣ погибли:

«habuit filios octo, principes Sclauorum, qui omnes occissi sunt a Danis dum patrem ulcisci quaesierunt. Ad cuius (sc. Ratiboris) mortem ulciscendum iam tunc cum exercitu Winuli uenientes usque ad Ripam uastandam progressi sunt[2]).

Гельмольдъ передаетъ о смерти Ута и мести Готшалка то же самое, что и Адамъ и почти тѣми же словами, но прибавляетъ слѣдующее. Собравъ многочисленную дружину Готшалкъ опустошилъ въ отмщеніе за отца всю Нордалбингію:

«percussit in ultionem patris omnem terram Nordalbingorum, tantas strages fecit christiane plebis, ut crudelitas omnem modum excesserit»..

Разъ какъ-то, во время своихъ разъѣздовъ, онъ встрѣтилъ одного саксонца, который, не зная, кто былъ онъ — началъ обвинять оботритскаго князя въ погромахъ и разореніи края. Готшалкъ отвѣчалъ, что онъ дѣйствовалъ, какъ доблестный мститель смерти отца:

«multum coarguis uirum illum, principem Sclauorum. Reuera

1) Adami brem. Gesta ham. ec., II, 64.
2) Ibidem, II, 72.

enim multas ille pressuras suscitauit populo et terre uestre, ultor paterne cedis existens magnificus. Ego sum uir iste»[1]).. etc.

Готшалкъ также погибъ насильственною смертью. Ему долженъ былъ наслѣдовать старшій сынъ его Бутый; но убійцы отца его, боясь мести сына, сдѣлали крамолу и поставили въ князья Руянина Крута:

«timentes autem hii, qui patrem eius interfecerant, ne forte filius ultor paterne cedis fieret, concitauerunt tumultum in populo, dicentes: non hic dominabitur nostri sed Cruto, filius Grini»[2]).

Бутый палъ жертвою Крута; а этотъ, въ свою очередь, былъ убитъ на пиру у другого сына Готшалкова, Гейнриха, который не задумался здѣсь нарушить законъ гостепріимства ради удовлетворенія высшей священной обязанности, мести за смерть брата. Вражда между родами Готшалка и Крута продолжалась и впослѣдствіи[3]).

Семейную месть Готшалка замѣтилъ и Саксонъ Грамматикъ:

«Guthscalcus Sclauicus... paternae saltem neci ultionem non negaret.. Saxoniam, parentis necem ultus, obtriuit, paruae gloriae regnum aut diuitias reputans, si non ultionem opibus adiecisset[4]).

По убійствѣ князя Оботритовъ Никлота — борьба его сыновей Прибислава и Вартислава съ соединенными войсками Гейнриха Льва и Вальдемара датскаго приняла ожесточенный характеръ. Случилось такъ, что еп. Абсалонъ, послѣ переговоровъ съ Гейнрихомъ, возвращался ночью въ свой лагерь въ сопровожденіи очень малаго количества воиновъ (60-ти). Проводникомъ ихъ былъ Приславъ, одинъ изъ сыновей Никлота, христіанинъ, зять Вальдемара и искренно преданный датчанамъ. Опасность положенія была очевидна: каждую минуту можно было ждать внезапнаго нападенія славянъ. Приславъ старался воодушевить воиновъ, онъ говорилъ, что смерть и славнѣе и легче плѣна; ибо отдавшись вра-

1) Helmoldi Chronica, I, 19.
2) Ibidem, I, 25, 34.
3) Ibidem, I, 34, 55.
4) Saxonis Gramm. Historia, lib. X, p. 544—5.

гамъ они, какъ убійцы Никлота — все же падутъ жертвами мести его сыновей:

«Capti enim occisi parentis mei poenas, perinde ac eius interfectores, crudeli morte pendetis, fratresque mei paternis manibus per summam crutiatuum acerbitatem uestro sanguine parentabunt[1]).

Замѣчателенъ въ этихъ словахъ намекъ на религіозное значеніе кровной мести, какъ умиротворительной жертвы душѣ погибшаго насильственною смертью.

Повѣсть «о видѣніяхъ Готшалка» (ок. 1190) разсказываетъ, что одно семейство славянъ по прозванію Бакаричи, отецъ и пять человѣкъ сыновей — долго и сильно разбойничали въ Норторпскомъ округѣ (въ Гользатіи); выведенные, наконецъ, изъ терпѣнія, жители, славяне и нѣмцы, пустились ихъ преслѣдовать, имъ удалось поймать одного, и его предали мучительной смерти. Тогда братья, пренебрегая опасностью — постановили отомстить смерть родного товарища и выполнили этотъ долгъ съ равною жестокостью: они не брали на этотъ разъ ничьего имущества, но уничтожали его, находя, по словамъ «Повѣсти», для себя болѣе выгоднымъ чужой вредъ, чѣмъ собственную выгоду:

«reliqui de tam probrosa morte ipsius medullitus permoti, sanguinem eius cum periculo etiam uite proprie in totam quoque parochiam, si fieri posset, ulcisci statuerunt. Vnde domum illius, qui lancea eum transuerberauerat, et aliorum, quos in nece eius precipuos fuisse audiuerant, primum statimque succendentes, non tam questum proprium, ut antea, quam dampnum alienum, lucrosum sibi estimabant. Bubulcum deinde pecora in pascuis custo-

---

1) Ibidem, l. XIV, p. 761. Считаемъ умѣстнымъ привести изъ того же свидѣтеля слѣдующую выдержку, такъ какъ она нѣсколько касается предмета: «eodem tempore Nucleti filius Pribislauus, ripa altera superueniens, cum fratrem Prizlauum Bernardo, cuius manu Nucletum occidisse fama fuerat, nauigio communicantem aspiceret, conuicio laccessiuit, *impietatem obiiciens, quod cum parentis sui interfectore amicos conuersari, sustinuisset*. Contra Prizlauus, bene de se meruisse eum, per quem patre sacrilego careat, affirmabat. Sed neque se eius filium censere uelle, quem maximi sceleris parentem extitisse constaret», Ibid. p. 763.

dientem, et inter pascendum in presagium futurorum, crucem, cruciatum forte ipsius portendentem, in alno arbore incidentem, ex improuiso accurrentes, in fugam conuersum, et affugere temptantem, cum socio pastore alio comprehenderunt. Itaque in ultione sanguinis fratris sui, uelut talionem reddituri, sed talione non contenti, primum utrique guttur secantes, deinde ab ore ad aures usque maxillas scindentes, uentrem per medium dissecuerunt, et stomachis uersis, uentribusque ad instar pernarum suillarum de lignis distentis, ablata corda eorum ad peruersos nescio quos usus secum asportauerunt»[1]).

Отмѣтимъ еще одно мѣсто изъ саксонской хроники Видукинда: оно указываетъ на наслѣдственный характеръ родовой вражды у славянъ и тѣмъ даетъ косвенное дополнительное свидѣтельство къ предыдущему:

«Erant duo subreguli Herimanno duci, inimicitae a patribus uicariae relicti, alter uocabatur Selibur, alter Mislau[2]).

Судя строго, всѣ приведенные факты не имѣютъ опредѣленнаго юридическаго характера, но тѣмъ не менѣе ихъ нельзя понимать въ смыслѣ однихъ случайныхъ нравственныхъ дѣйствій чувства возмездія, въ нихъ замѣчается нѣчто болѣе постоянное и твердое, чѣмъ движеніе временнаго чувства, они выходятъ изъ сознанія семейнаго долга и обязанности и потому должны быть разсматриваемы, какъ дѣйствія правныя. Правное начало кровной мести у балтійскихъ славянъ — не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ удовлетворенія естественнаго чувства возмездія за семейное безчестіе или убійство близкаго родного, кровною расправою — по понятіямъ языческой старины, удовлетворялся и другой, болѣе высокій, священный долгъ по отношенію къ нему, именно — умиротвореніе души его, требовавшей жертвы. На это намекаютъ слова

---

1) Excerpta quaedam e uisionibus Godeschalci Nouimonasteriensis 1190 an. cap. XXIV, у Langebek'a Scriptores rerum danicarum t. V, Han. 1783, pag. 370.

2) Widukindi Res gestae Saxoniae III, 68.

Саксона Грамматика: какъ ни глухи они, но, поставленныя въ связь съ нѣкоторыми понятіями славянскаго язычества о дѣйствіяхъ душъ людей, погибшихъ насильственною смертью [1]), они даютъ право къ такому заключенію. Съ этой точки зрѣнія и принесеніе въ жертву плѣнниковъ у балтійскихъ славянъ, о которомъ сохранились достаточныя свидѣтельства [2]), можетъ быть разсматриваемо, какъ дѣйствіе кровной, религіозной мести. Исторія застаетъ обычай кровной мести у балтійскихъ славянъ уже не на древнѣйшей, безпредѣльно властной и неограниченной его степени: съ одной стороны — религія и общественная власть стремятся положить нѣкоторые предѣлы обычаю, съ другой — самъ обычай незамѣтно начинаетъ замѣняться композиціей, головщиной или платой за убійство. Первое ясно изъ учрежденія *мѣстъ защиты* (asyla), гдѣ угрожаемый смертью находилъ убѣжище до дальнѣйшаго разбора дѣла или до суда. Сефридъ передаетъ, что въ Поморьѣ:

«In singulis ciuitatibus dux palacium habebat et curtim cum edibus, ad quam si quis confugisset, lex talis erat, ut quolibet hoste persequente, securus ibi consisteret et illesus [3])».

Гельмольдъ говоритъ, что входъ въ святилище (въ Вагріи) былъ воспрещенъ для всѣхъ, кромѣ жреца, приносившихъ жертвы и тѣхъ, кому угрожала смерть: послѣдніе находили здѣсь надежное убѣжище:

«Ingressus atrii omnibus inhibitus nisi sacerdoti tantum et sacrificare uolentibus, uel quos mortis urgebat periculum, hiis enim minime negabatur asilum [4])».

Обычай платы за убійство засвидѣтельствованъ также Гель-

---

1) См. наше изслѣдованіе: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ, М. 1868, стр. 35, 117.

2) Helmoldi Chronica, I, 52; II, 12; Thietmari Chronicon VI, 18; Adami brem. Gesta, III, 50.

3) Herbordi Dialogus II, 24; cf. Ebonis Vita Ottonis II, 7; Priefling. monachi (apud Pertz Monum. XII) II, 5.

4) Helmoldi Chronica I, 83.

мольдомъ. Сынъ оботритскаго князя Гейнриха—Вольдемаръ былъ убитъ Руянами. Горюющій и разгнѣванный отецъ весь отдался помысламъ возмездія. Онъ собралъ сильное войско изъ своихъ славянъ и союзныхъ саксовъ и пошелъ войною на Руянъ. Въ Волегощѣ пришли къ нему посланники отъ Руянъ, предлагая миръ и головщину въ двѣсти марокъ за убитаго сына. Гейнрихъ спросилъ совѣта саксовъ, они отвергли условіе, и все войско, перейдя море по льду, явилось въ Руянѣ. Руяне выслали своего жреца, который на этотъ разъ предлагалъ сначала — четыреста, потомъ восемьсотъ марокъ головщины. Гейнрихъ опредѣлилъ ее въ четыре тысячи четыреста марокъ, и Руяне принуждены были согласиться [1]).

Въ грамотахъ, какъ увидимъ, *мужебойство* или *глава* совершенно устранена изъ семейной расправы: она подлежитъ суду правительства и возмѣщается денежными вирами или тѣлесными наказаніями. Конечно, кровная месть еще долго была въ силѣ у нѣкоторыхъ племенъ, менѣе подчиненныхъ государственному началу, но вообще она представляется у балтійскихъ славянъ не въ той строгой, правной формѣ закона и непреложнаго долга, въ какой мы встрѣчаемъ ее въ первыя времена исторіи въ бытѣ славянъ русскихъ и долго потомъ у славянъ южныхъ [2]), но въ формѣ исторически дальнѣйшей, срединной между восточно- и юго-славянской и той, какую мы находимъ въ Польшѣ и Чехахъ современной эпохи. Въ древне-польскихъ и чешскихъ правахъ, уже смягченныхъ вліяніемъ христіанства, мы не находимъ прямого указанія на кровную месть, какъ дѣйствующее, признанное

---

1) Ibidem I, 88.

2) Tobien. Die Blutrache nach altem russischem Rechte I, Dorpat, 1840; уже «законникъ» Душана (1349—54) замѣняетъ кровную месть денежными платежами, но обычай продолжался долго, до нашихъ дней, см. В. С. Караджича: Српски рјечникъ подъ сл. освета. Cf. также соч. С. М. Шпилевскаго: Союзъ родственной защиты у древнихъ германцевъ и славянъ, К. 1866, стр. 36 sq, гдѣ хрестоматически собраны нѣкоторые факты о кровной мести у славянъ и приведены разныя толкованія ихъ учеными.

право, но есть многіе ясные слѣды, что она существовала въ прежнее время, что случаи ея были не рѣдки и въ XII—XIV вв.; есть цѣлое правное учрежденіе *«покоры»*, цѣлью котораго было предупрежденіе или отвращеніе кровной мести, т. е. примиреніе убійцы съ мстителями — родными убитаго[1]). Итакъ, кто въ приведенныхъ нами историческихъ случаяхъ кровной мести у балтійскихъ славянъ, захотѣлъ бы увидѣть не правныя дѣйствія, а явленія нравственной случайности, тотъ долженъ убѣдиться въ противномъ уже и изъ того, что обычай въ древности былъ одинаково распространенъ у всѣхъ славянскихъ племенъ: балтійскіе не были же въ этомъ случаѣ какимъ-либо исключеніемъ; тѣмъ болѣе, что двѣ главныя причины паденія и отмѣны кровной мести: вліяніе христіанства и усиленіе государственной власти — въ ихъ бытѣ почти не существовали. Каковы были правныя условія дѣйствія кровной мести у балтійскихъ славянъ, кто обязанъ былъ мстить и кто, кромѣ прямого убійцы, подвергался мщенію — остается неизвѣстнымъ. Одно только можно замѣтить, что воинское направленіе быта ихъ должно было расширять дѣйствіе обычая и выводить его изъ тѣснаго круга семьи въ область племенную: вмѣсто единичнаго убійцы, его семьи или рода месть падала на цѣлыя племена и народы; а чрезъ это слабѣла крѣпость обычая въ семьѣ и облегчался переходъ его къ обычаю композиціи или платы за убійство. Здѣсь, быть можетъ, находилась и причина того, что кровная месть у балтійскихъ славянъ является уже не въ той строгой формѣ, какъ въ бытѣ славянъ русскихъ. Иначе нельзя понять ея смягченіе у народа, столь освоеннаго съ насиліями и кровавыми дѣйствіями.

Наслѣдованіе. Необходимымъ находимъ сдѣлать одно предварительное замѣчаніе о собственности по отношенію къ семьѣ и семейному праву. Съ той поры, какъ семейная собственность на-

---

1) Основательное изслѣдованіе предмета читатель найдетъ въ сочин. Р. Губе: O zemście i pokorze podług praw polskich i czeskich, Warsz., 1829 p. 1—30.

чинаетъ быть замѣтна въ источникахъ исторіи балтійскихъ славянъ, она ограничивается въ кругѣ быта простого народа уже только предметами движимости. Недвижимой, поземельной собственности семья не имѣетъ: она сидитъ на чужой землѣ, пользуется и владѣетъ ею; но право собственности на нее принадлежитъ княжескому роду и немногимъ знатнымъ лицамъ. Такой строй жизни мы встрѣчаемъ, по крайней мѣрѣ, у важнѣйшихъ историческихъ вѣтвей балтійскаго племени: Поморянъ, Руянъ, Оботритовъ и отчасти Лютичей. О другихъ — мало что извѣстно въ этомъ отношеніи. Какимъ путемъ сталось это «беззмельство» народа, мы попытаемся отвѣтить въ заключительномъ отдѣлѣ нашего изслѣдованія; теперь, при разъясненіи вопроса о наслѣдованіи, достаточно и простого упоминанія о фактѣ.

При общей неясности условій и отношеній семейнаго быта у балтійскихъ славянъ, очень неясными остаются и начала семейнаго наслѣдованія. О нихъ до нѣкоторой степени можно заключать изъ извѣстій анналистовъ о наслѣдованіи княжеской власти и отчасти изъ грамотъ.

1. Въ 817 г., по извѣстію Эйнгарда, Оботриты и князь ихъ Славомиръ отпали отъ германской имперіи. Причина отпаденія заключалась въ томъ, что Славомиръ, властвуя до той поры надъ Оботритами единодержавно, получилъ отъ императора повелѣніе раздѣлить свою власть съ Чедрагомъ, сыномъ Дражка:

«Causa defectionis erat, quod regiam potestatem, quam Sclaomir eatenus post mortem Thrasconis solus super Abodritos tenebat, cum Ceadrago, filio Thrasconis, partiri iubebatur[1])».

Для объясненія этого извѣстія нужно сказать, что Дражко (Thrasco) былъ однимъ изъ князей оботритскихъ; въ 808 г. онъ былъ прогнанъ съ мѣста датскимъ королемъ Готфридомъ; но въ слѣдующемъ году воротился въ княженіе, давъ предварительно своего сына Чедрага въ заложники Готфриду. Дражко былъ скоро убитъ. Ему наслѣдовалъ Славомиръ, по свободному ли

1) Einhardi Annales, a. an. 817.

избранію народа, или въ силу родственной связи съ прежнимъ княземъ, т. е. въ силу закона семейнаго наслѣдованія — неизвѣстно. Пока Чедрагъ былъ малолѣтенъ — Славомиръ княжилъ одинъ (около 6—7 лѣтъ), потомъ первый началъ отыскивать свою законную отчину. Императоръ призналъ его право, но не отвергъ и права Славомира, и потому постановилъ раздѣлить власть между обоими. Славомиръ не захотѣлъ покориться такому рѣшенію и отдѣлился отъ имперіи. Чрезъ два года онъ былъ пойманъ и приведенъ на судъ къ императору въ Ахенъ. Туда пришли также «лучшіе люди» Оботритовъ. Они обвиняли своего князя во многихъ преступленіяхъ и такъ какъ онъ не могъ оправдаться, то былъ приговоренъ къ ссылкѣ, а княжество отдано Чедрагу. Но и послѣдній былъ скоро заподозрѣнъ въ измѣнѣ и смѣненъ снова Славомиромъ.

По смерти Славомира — княземъ остался Чедрагъ. Въ 826 г. къ Людовику Благочестивому явились послы Оботритовъ съ жалобой на своего князя. Вызванный, явился и Чедрагъ. Дѣло было, вѣроятно, очень не ясно, потому что императоръ, отпустивъ пословъ, удержалъ у себя Чедрага и отправилъ къ Оботритамъ нарочитыхъ людей, которымъ поручилъ узнать — хочетъ ли народъ имѣть Чедрага княземъ, или — нѣтъ. Посланные воротились и донесли, что нѣкоторые этого желаютъ, другіе — нѣтъ; но «лучшіе люди» земли согласны принять его. Вслѣдствіе этого Чедрагъ, давъ заложниковъ, былъ возстановленъ въ своей власти [1]).

2. Другой случай, переданный также Эйнгардомъ, относится къ Вильцамъ. Въ 823 г. былъ съѣздъ во Франкфуртѣ; на него явились «послы варваровъ» и два брата — Милегастъ и Чедрагъ, князья Вильцевъ. Они спорили между собою о княженіи или верховной власти. Милегастъ основывалъ свои права на нее на законномъ старѣйшинствѣ, Чедрагъ — на выборѣ народа:

«Erant filii Liubi, regis Wiltzorum, qui licet cum fratribus

---

1) Ibidem, a. an. 819, 821; 823, 826.

suis regnum diuisum teneret, tamen propterea, quod maior natu erat, ad eum totius regni summa pertinebat. Qui cum commisso cum orientalibus Abodritis proelio interrisset, populus Wiltzorum filium eius Milegastum, quia maior natu erat, regem sibi constituit; sed cum is secundum ritum gentis commissum sibi regnum parum digne administraret, illo abiecto iuniori fratri regium honorem deferunt. Quam ob causam ambo in praesentiam imperatoris uenerunt. Quos cum audisset et gentis uoluntatem proniorem in iunioris fratris honorem agnouisset, statuit, ut is deletam sibi a populo suo potestatem haberet [1])».

3. Видукиндъ сообщаетъ о какомъ-то плѣнномъ Тугумирѣ, который, по народному закону наслѣдованія, былъ послѣ отца своего княземъ Гаволяпъ; подкупленный Саксами, онъ рѣшился предать имъ свою родину: притворившись, что избѣжалъ плѣна, онъ явился къ народу и былъ признанъ имъ княземъ, измѣной убилъ своего племянника, послѣднюю отрасль княжескаго рода, и привелъ въ исполненіе свой замыселъ:

«Fuit quidam Slauus a rege Heinrico relictus, qui iure gentis paterna successione dominus esset eorum qui dicitur Heueldi, dictus Tugumir. Hic pecunia multa captus et maiori promissione persuasus, professus est se prodere regionem. Vnde quasi occulte elapsus uenit in urbem quae dicitur Brennaburg, a populoque agnitus et ut dominus susceptus — nepotem suum, qui ex omnibus principibus gentis supererat, ad se inuitans dolo captum interfecit urbemque cum omni regione ditioni regiae tradidit [2])».

Гельмольдъ также даетъ нѣсколько важныхъ указаній на право наслѣдованія.

4. По убійствѣ Готшалка, по закону наслѣдованія, власть перешла къ сыну его Бутому,

«ad filium eius Butue peruenit principatus eius hereditaria successio»;

---

1) Ibidem, a. an. 823.
2) Widukindi Res gestae Sax. II, 21.

но непріязненная партія, опасаясь мести сыновей Готшалка, исключила законныхъ наслѣдниковъ и поставила въ князья Руянина Крута,

«conspirata manu, statuerunt Crutonem in principatum, exclusis filiis Godescalci, quibus iure debebatur dominium [1])»..

Бутый погибъ въ борьбѣ съ Крутомъ, но младшій братъ его Гейнрихъ впослѣдствіи получилъ свою законную отчину.

5. Послѣ Гейнриха осталось двое сыновей: старшій Свентополкъ и младшій Канутъ. Старшій хотѣлъ править одинъ. Это произвело раздоръ между братьями. . Свентополкъ, заручившись помощью Гользатовъ, осадилъ Канута въ крѣпости Плунѣ. Тогда послѣдній обратился къ осаждавшимъ, жалуясь, что братъ хочетъ лишить его законнаго отцовскаго наслѣдья и прося учинить между ними судъ и правду и дать ему, что приходитъ по закону. Народъ призналъ такое требованіе правымъ и постановилъ раздѣлить между враждовавшими братьями власть надъ землею:

«Quid rogo cause est — говорилъ Канутъ — ut consurgatis aduersus amicum uestrum? Nonne ego frater sum Suentopolci, eodem patre Heinrico genitus et de iure ditionis paterne coheres? Quare igitur frater meus extorrem me facere nititur hereditatis paterne? Nolite queso frustra uexari aduersum me, sed reuertimini ad iudicium et obtinete mihi apud fratrem meum, ut det portionem, que me iure contigit». His auditis animequiores facti sunt animi obsidentium, decreueruntque uirum iusta postulantem exaudiri. Adhibitaque opera, germanos discordes reconciliauerunt, partita inter eos prouincia [2])».

Грамоты представляютъ очень немного опредѣленныхъ упоминаній о правѣ наслѣдованія, да и они по большей части относятся уже къ такому времени, когда начинало входить въ силу нѣмецкое право.

---

1) Helmoldi Chronica I, 25.
2) Ibidem I, 48.

6. Отчуждая собственность свою (hereditas paterna) въ пользу діоцессовъ, церквей, монастырей, и освобождая извѣстныя мѣстности отъ нѣкоторыхъ повинностей, князья и знатныя лица напередъ замѣчали, что такіе акты совершаются ими съ согласія и воли ихъ наслѣдниковъ или совладѣльцевъ, сыновей и братьевъ:

«cum consensu et uoluntate heredum, filiorum et fratrum[1])»..

7. Иногда, очень впрочемъ рѣдко, отчужденіе совершается и съ согласія женъ:

«cum consensu uxoris[2])».

8. Иногда соучастницами дарепія являются матери[3]).

9. Одинъ только разъ, сколько знаемъ, таковою является сестра[4]).

10. Нерѣдко отчужденіе собственности происходитъ уже безъ дипломатическаго заявленія согласія и воли наслѣдниковъ, единственно отъ лица князя[5]).

11. Около половины XIII в. является въ первый разъ *завѣщаніе*[6]).

12. Изъ объяснительнаго письма поморскаго князя Святополка къ архидіакону Якову (1248) ясно, наслѣдство дѣлилось между братьями, но старшій оставался опекуномъ младшаго до совершеннолѣтія и управлялъ его имѣніемъ:

«cum pater meus in articulo mortis positus esset, commisit mihi fratrem meum cum terra sua, ut eum uiginiti annis in curam reciperem, et terram suam tamquam meam regerem[7])».

13. Въ грамотѣ архидіакона Якова — семейное имущество

---

1) Codex Pomer. diplom. I, № 50, 81, 83, 86, 89, 90, 109, 128, 175, 198, 248, 250, 393 et cet.; Meklenb. Urkundenbuch № 152, 167, 239, 260, 450 etc.

2) Codex Pomer. dipl. № 24, 26, 90, 175; Meklenb. Urk. B. № 167.

3) Cod. Pom. dipl. № 65, 82, 86, 89, 130, 178.

4) Codex Pom. dipl. № 80.

5) Codex Pomer. dipl. № 29, 36, 37, 48, 52, 57, 71.

6) Cod. Pom. dipl. № 83, гдѣ годъ грамоты 1203 поставленъ ошибочно, по поправкѣ Клемпина должно быть 1241.

7) Codex Pomer. diplom. № 395, pag. 307.

представляется общею семейною собственностью, но его наслѣдують одни только сыновья:

«cum pater aliquam uxorem de communi pecunia sibi et filio emerat, sibi pater hactenus seruauit, ut mortuo patre uxor eius deuolueretur ad filium sicut alia hereditas de bonis communibus comparata. ... (Predicti neophiti) in paganismo non habuissent, ut dicebant, nisi solos filios successores» [1]).

Когда въ славянскомъ Поморьѣ усилилась нѣмецкая колонизація и начали распространяться нѣмецкіе порядки, нѣкоторые города получали особые уставы и права. Таковы были: городовое право, данное Пархиму и Плаву и извѣстное право Шверинское, нашедшее впослѣдствіи весьма широкое распространеніе. Статуты эти вообще основаны на нѣмецкомъ правѣ, но съ извѣстными ограниченіями и изъятіями отъ нѣкоторыхъ условій его. Равнымъ образомъ, встрѣтясь на славянской почвѣ съ цѣлой системой чуждыхъ порядковъ и обыкновеній, нѣмецкое право нерѣдко принуждено было дѣлать уступки славянскому, или входить съ нимъ, такъ сказать, въ мировую: большинство населенія было все еще славянское, да и самая юрисдикція находилась, въ Штетинѣ напр., въ рукахъ славянъ почти до половины XIII вѣка. Правда, разграничить славянскій и нѣмецкій элементъ въ *городовомъ правѣ* — очень трудно, иногда почти невозможно; но такъ какъ присутствіе перваго въ немъ не подлежитъ сомнѣнію, то мы и должны обратить на него вниманіе — хотя въ смыслѣ дополнительнаго пособія.

Въ отношеніи наслѣдованія — городовое право Пархима: а) постановляетъ полное равенство сыновей и дочерей и полную правоспособность наслѣдованія послѣднихъ:

14. «equam partem habere debent filie cum filiis in omnibus bonis, tam feodis, quam aliis; et si non sint filii, prestari debent filiabus bona patris (art. 9)»;

---

1) Dreger Codex diplomaticus I, 290—1.

б) обезпечиваетъ старое право сыновей на имущество, которымъ владѣли изстари отцы ихъ:

15. «Si contigat mori aliquem, cuius filii non receperunt bona sua uiuente patre, prestari debent eis bona, que patres eorum possederunt a paganismo et cultura siluestri (art. 10)[1]».

Шверинское городовое право определяетъ: а) никто не имѣетъ права отчуждать родовую собственность безъ согласія наслѣдниковъ:

16. «Nullus dabit hereditatem suam sine consensu heredum (art. 16)»;

б) въ случаѣ смерти отца, оставляющаго двухъ наслѣдниковъ, мать, желая вступить во вторичный бракъ, должна прежде раздѣлить наслѣдство:

17. «Si moritur quis et heredes duos reliquerit, mater uolens nuberi alteri prius diuidet hereditatem (art. 18)»;

в) въ случаѣ смерти какого-либо изъ наслѣдниковъ, имущество его переходитъ къ брату, въ случаѣ же смерти всѣхъ — къ матери:

18. «Si moritur quis heredum illorum, transibit hereditas ad fratrem, omnibus defunctis transibit ad matrem (art. 19)»;

г) умретъ ли мать, оставивъ наслѣдника, и отецъ, отдѣливъ его отъ себя, вступитъ въ вторичный бракъ и родитъ отъ второй жены дѣтей, то, по смерти его, отдѣленный наслѣдникъ возвращается къ наслѣдству отца:

19. «Si moritur aliqua reliquens heredem, et pater, separans ipsum a se, ducit uxorem et generit ex ea paruulos, mortuo patre separatus heres redibit ad hereditatem patris (art. 21)[2]».

---

1) Meklenburgisches Urkundenbuch, I, № 319, ос. 1225—6, cf. № 337, 428 etc.

2) Ibidem, № 359. Первоначальный текстъ шверинскаго городового права 1160 г. утраченъ. Оно сохранилось въ болѣе позднихъ жалованныхъ грамотахъ городамъ Густрову 1228 г., Малхову—1235, Малхину—1236 г. и т. д. О дѣйствіи шверинскаго права въ Поморьѣ см. соч. Гомейера: Historiae iuris Pomeranici capita quaedam. Ber. 1821, p. 30 sq.

20. Изъ историческихъ фактовъ наслѣдованія княжеской власти въ Поморьѣ отмѣтимъ слѣдующее: а) по смерти Вартислава I княземъ становится братъ его Ратиборъ, а по немъ — сыновья Вартислава: Казимиръ I и Богуславъ I [1]; б) по смерти Самбора, князя восточнаго Поморья — верховную власть получаетъ, frater pro fratre — Мьстивой, затѣмъ наслѣдниками являются сыновья Мьстивоя, каждый въ своемъ удѣлѣ [2]; хотя Самборъ и оставилъ сына Субислава, устраненнаго, какъ кажется, отъ наслѣдованія вопреки праву [3]).

Вотъ всѣ, сколько намъ извѣстно, указанія, съ 9-го по половину 13 столѣтія, о правѣ наслѣдованія у балтійскихъ славянъ. Въ пять вѣковъ многоподвижной жизни, при часто измѣнявшихся условіяхъ ея, при вліяніи разнородныхъ началъ, нѣтъ сомнѣнія, должны были произойти и соотвѣтственныя измѣненія въ воззрѣніяхъ на собственность и правныя основанія наслѣдованія ея. Дѣйствительно, взятыя въ цѣломъ, всѣ приведенныя нами извѣстія о наслѣдственномъ правѣ балтійскихъ славянъ представляютъ комплексъ, состоящій изъ разновременныхъ, и потому разнородныхъ частей. При объясненіи ихъ необходимо привести въ послѣдовательный историческій порядокъ. Чтобы итти прочнѣе, мы предварительно изложимъ вкратцѣ основанія древняго наслѣдственнаго права поляковъ и чеховъ.

Въ древнѣйшее время, при господствѣ родового быта—имущество считалось общею родовою или семейною собственностью, потому—не подлежало личному наслѣдованію. Отецъ семьи или старшій въ родѣ были только распорядителями или правителями его, но не собственниками. Но исторія уже не застаетъ такого способа владѣнія въ его чистой, первоначальной формѣ: она знаетъ его въ дальнѣйшихъ видоизмѣненіяхъ, произведенныхъ стрем-

---

1) Klempin Pommer. Urk. B. № 48, 45, 62; Codex Pomer. diplom. I, 33, 36, 48.

2) Codex Pomer. diplom. I, № 132.

3) Fabricius: Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer, II, B. 1859, p. 97—103.

леніемъ личности къ обособленію. На этой ступени развитія имущество еще по-прежнему разсматривается, какъ семейная собственность: имъ владѣютъ — нераздѣльно, оно можетъ быть отчуждаемо не иначе, какъ съ общаго согласія правоспособныхъ членовъ семьи, но уже можетъ итти и въ раздѣлъ между ними, можетъ наслѣдоваться; сначала, въ силу стараго воззрѣнія объ исключительной правоспособности однихъ лицъ мужескаго пола, наслѣдуютъ только братья и сыновья съ нисходящими мужскими потомками, дочери исключаются изъ наслѣдованія: выходя замужъ онѣ, по обычаю, получаютъ приданое (безправное), въ случаѣ незамужства остаются съ братьями или дядями. Постепенное признаніе за лицами женскаго пола нѣкоторыхъ правъ на семейное имущество выразилось тѣмъ, что законъ опредѣлилъ обязательность и объемъ ихъ приданаго, онѣ начали получать его уже по праву; затѣмъ онѣ были допущены и къ наслѣдованію, но только въ такомъ случаѣ, когда не оказывалось прямыхъ наслѣдниковъ мужского пола, т. е. братьевъ; наконецъ — уже гораздо позднѣе, дочери получаютъ въ наслѣдованіи равную часть съ братьями. Жены-вдовы, какъ чужеродныя, не наслѣдовали: онѣ оставались съ сыновьями въ пользованіи семейнымъ имуществомъ, а вступая во вторичный бракъ, получали только принесенную съ собою въ семью свою собственность и, въ видѣ даренія, коекакіе предметы движимости. Наслѣдованіе жены-вдовы является не прежде наступленія послѣдняго періода въ исторіи наслѣдственнаго права, т. е. наслѣдованія по *завѣщанію*, гдѣ личность въ отношеніи имущества достигаетъ возможно полной, мало чѣмъ стѣсняемой свободы воли и дѣйствія.

Этотъ естественный ходъ развитія наслѣдственнаго права у славянъ будетъ вѣренъ только тогда, когда мы поймемъ въ общемъ, широкомъ смыслѣ: въ исторической дѣйствительности различныя фазы его нерѣдко смѣшиваются между собою, отчего и въ самыхъ памятникахъ законодательствъ являются многія, трудно согласимыя, противорѣчія. Какъ въ древне-польскомъ, такъ и въ древне-чешскомъ правахъ еще очень ясны слѣды общаго

владѣнія семейной собственностью: отчужденіе имущества, какъ видно изъ грамотъ, совершается съ общей воли и согласія владѣльцевъ-братьевъ и наслѣдниковъ, но тѣмъ не менѣе начало раздѣла имущества и единичнаго наслѣдованія столь же, если не болѣе — дѣйствительно [1]). Въ Польшѣ наслѣдовали одни только сыновья [2]): они — или владѣютъ имуществомъ вмѣстѣ, или дѣлятъ по-ровну между собою. Недавно открытый нѣмецкій текстъ обычнаго польскаго права XIII в. говоритъ, что по смерти лица благороднаго, оставившаго одного, двухъ или нѣсколькихъ сыновей наслѣдниковъ, вдова остается во владѣніи прежней собственностью у сыновей, пока не выйдетъ замужъ. Захочетъ ли она выйти замужъ, то сыновья обязаны дать ей нѣкоторыя домашнія вещи и ея личную собственность, что принесено ею къ мужу и что добыто личнымъ трудомъ; болѣе же изъ наслѣдства она не получаетъ ничего. Ежели мужъ умираетъ бездѣтнымъ, вдова остается во владѣніи его собственностью, пока остается вдовою; въ случаѣ же выхода ея въ замужство, собственность получаетъ господинъ (князь), а ей выдастъ то же, что обязаны были выдать наслѣдники сыновья. Дочь умершаго получаетъ отъ наслѣдника приданое и имущество своей матери. Равнымъ образомъ — въ случаѣ смерти бездѣтнаго простолюдина, имѣніе его достается «господину», который обязанъ, однако, дать вдовѣ нѣкоторые предметы домашняго обихода. Если простолюдинъ имѣетъ сына наслѣдника, мать остается при немъ, пока остается вдовою; захочетъ ли выйти въ замужство, то сынъ обязанъ ей выдать постель, подушки, одѣяло; остальное—зависитъ отъ его воли. Оста-

---

1) J. Hube: Wywód praw spadkowych słowiańskich, Warsz. 1832, pag. 51 sq. H. Jireček, Slovanské právo v Čechách a na Moravě, II, P. 1864, p. 278 sq.

2) Губе (Іосифъ) и Мацѣіовскій полагали, что дочери также участвовали въ наслѣдованіи, но это мнѣніе основательно опровергнуто Рёппелемъ, см. его Geschichte Polens B. I, 1840, приложеніе первое, «Ueber den Geschlechtsverbands», стр. 604 sq. in notis. При всей краткости своего объема ст. Рёппеля — до сей поры лучшее, что было писано о польскомъ наслѣдственномъ правѣ.

вить умершій дочь, тогда тотъ, кто окажется наслѣдникомъ, сынъ или господинъ, должны дать ей приданое [1]). Подобный же порядокъ наслѣдованія виденъ и въ четырехъ первоначальныхъ статутахъ, вошедшихъ въ Вислицкій, съ тѣмъ дополненіемъ, что въ случаѣ смерти или неимѣнія прямыхъ наслѣдниковъ сыновей, наслѣдуютъ дядя и ихъ сыновья; не будетъ же таковыхъ — наслѣдство переходитъ къ ближайшему родичу. Дочери вообще получаютъ отъ наслѣдниковъ только приданое; но сами не наслѣдуютъ [2]). Въ древне-чешскомъ правѣ господствуетъ то же начало: сыновья наслѣдники или владѣютъ имѣніемъ сообща, или дѣлятъ его пополамъ; дочери — при существованіи сыновей, кажется, получали только приданое; безъ братьевъ же являлись настоящими и равными наслѣдницами [3]).

Обратимся теперь къ балтійскимъ славянамъ. Пояснивъ вышеприведенныя извѣстія о наслѣдственномъ правѣ ихъ польскими и чешскими пособіями, приходимъ къ слѣдующимъ заключеніямъ. Упоминанія въ грамотахъ о согласіи и волѣ наслѣдниковъ на совершаемое князьями отчужденіе имущества (6) указываютъ несомнѣнно, что и здѣсь имущество еще разсматривалось, какъ общая семейная собственность. Слѣды этого воззрѣнія видны и въ грамотѣ архид. Якова (13), и въ постановленіи шверинскаго городового права (16). Но совмѣстно съ этимъ, ясно видно уже начало личное, твердое стремленіе къ опредѣленію собственности правомъ единичнаго лица: сперва князья отчуждаютъ имущества безъ согласія наслѣдниковъ (19), потомъ появляется и завѣщаніе (11). Основной принципъ наслѣдованія тотъ, что каждый сынъ имѣетъ право на имущество своего отца, послѣднее—раз-

1) Helcel: Starodawne prawa polskiego pomniki, II, Kr. 1870, p. 25—26 c. XXI—II.

2) Helcel: Ibidem I, Warsz. 1856. p. 177, § 29—31; p. 186, § 17—18.

3) H. Jireček Slovanské právo II, 278; statuta Ottonis, § 17: si quis autem non habuerit filium et habuerit filias ad illas deueniat hereditas aequaliter; et si non sint, hereditas deueniat ad proximos heredes», Cod. iuris bohem. I, p. 56. cf. ту же ст. бриенскаго права 1229 г. ibid., p. 63. Cf. Šafařik — Palacky: Die ältesten Denkmäler der böhmisch. Sprache, Pr. 1840, p. 99—100.

дѣлится между наслѣдниками (1, 2, 4, 5, 12, 15, 16, 17, 19); кромѣ сыновей и братьевъ (18) въ наслѣдствѣ, быть можетъ, участвовали и другіе ближайшіе родственники, такъ можно понять обстоятельство, почему для исполненія замысла Тугумира — ему нужна была смерть его племянника (3); въ исторіи Поморянъ есть примѣры наслѣдованія власти не сыномъ, а старшимъ въ родѣ, дядей: по смерти Вартислава княземъ становится братъ его Ратиборъ; со смертію же послѣдняго власть переходитъ снова къ сыну Вартислава; Самбору наслѣдуетъ «frater pro fratre» — Мьстивой, помимо его сына (20). Существовало ли еще (въ XI — XII в.) совмѣстное, нераздѣльное наслѣдованіе и владѣніе, какъ было въ Чехахъ и отчасти въ Польшѣ — рѣшить трудно: если оно и существовало, то въ высшемъ сословіи, а не въ народѣ, не имѣвшемъ, въ строгомъ смыслѣ, недвижимой поземельной собственности. Наслѣдовалъ только мужской полъ, какъ правоспособный, дочери и вдовы первоначально исключались изъ наслѣдства (13); обстоятельство, почему жены и сестры могли быть соучастницами въ отчужденіи имущества (7, 8) — должно быть объясняемо не правоспособностью этихъ лицъ, а религіозною цѣлью дарителя, отдававшаго имущество монастырямъ и церквамъ «pro remedio animae suae, uxoris suae suarumque consanguinearum»; матери могли распоряжаться имуществомъ въ силу своей опеки надъ малолѣтними наслѣдниками. Вдова, при вступленіи въ бракъ, выходила изъ владѣнія собственностью мужа и должна была (въ качествѣ опекунши) раздѣлить ее между сыновьями. Позднѣе, подъ вліяніемъ нѣмецкаго права, входитъ въ силу правило о переходѣ имущества по смерти сыновей-наслѣдниковъ къ матери (18), а равно и законъ о равномъ раздѣлѣ наслѣдства между сыновьями и дочерьми (14). Два извѣстія памятниковъ говорятъ о правѣ первородства (2, 5), и одно изъ нихъ (5) какъ будто касается не исключительно верховной власти, но и имущественныхъ отношеній. Это — точно такой же случай вражды братьевъ изъ-за наслѣдства, какой встрѣчаемъ въ отрывкѣ о «Судѣ Любуши», гдѣ старшій, въ силу первородства,

хочетъ отнять у младшаго его законную часть отчины. Какъ чешская правительница рѣшаетъ въ пользу совмѣстнаго владѣнія братьевъ или раздѣла между ними, такъ и у Гельмольда народъ рѣшаетъ раздѣлить власть между Свентополкомъ и Канутомъ. Потому, если несомнѣнно, что начало первородства, отстаиваемое Кленовичемъ Хрудошемъ, выходило изъ нѣмецкаго обычая, то отсюда же, конечно, проистекали и притязанія Свентополка на единовластіе; по крайней мѣрѣ мы не въ состояніи объяснить ихъ древнеславянскимъ правомъ, въ которомъ не встрѣчается никакихъ слѣдовъ значенія первородства въ обычаяхъ имущественнаго наслѣдованія: первородство здѣсь имѣло значеніе (и то не исключительное) только въ престолонаслѣдованіи (2) и при случаяхъ опеки надъ имуществомъ несовершеннолѣтняго брата (12) [1].

Таково было наслѣдство у балтійскихъ славянъ. Намъ извѣстно оно изъ показаній, относящихся преимущественно къ высшему сословію; въ бытѣ простого народа, гдѣ собственность, по большей части, ограничивалась предметами движимости, начало общаго семейнаго владѣнія и нераздѣльнаго наслѣдованія должно было практически устраниться и перейти въ начало личной собственности и раздѣла гораздо скорѣе, чѣмъ въ высшей землевладѣльческой сферѣ. Вотъ почему, какъ мы уже имѣли случай замѣтить выше (стр. 87—90), юридическою единицею частнаго быта у балтійскихъ славянъ являются не роды, не пространныя семейныя соединенія, а дробныя семьи. Родовой бытъ въ наслѣдованіи показывается только одною слабою чертою у Гаволянъ (3) и въ наслѣдованіи княжеской власти Ратиборомъ и Мстивоемъ. Можно, даже необходимо думать, что у нѣкоторыхъ племенъ, уединенно остававшихся при старомъ строѣ и порядкахъ жизни, имѣвшихъ поземельную собственность, существовало еще и общее владѣніе ею и нераздѣльное наслѣдство; но въ историческихъ источникахъ объ этомъ мы не встрѣчаемъ никакихъ упо-

---

1) Šafařik-Palacky, Ibidem; cf. ст. Шафарика въ Časopis Musea kr. česk. 1864, p. 1—10: «Výměsky o dědičném právu v Čechách.

минаній. Устраненіе отъ наслѣдованія лицъ женскаго пола, видное какъ изъ молчанія источниковъ, такъ и изъ тожественнаго факта древне-польскаго права, происходило, нѣтъ сомнѣнія, на основаніи стараго понятія о неправоспособности женщины вообще и о временной только принадлежности ея къ семьѣ; но въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ — обычай, а за нимъ и законодательство стремятся упрочить за дочерью опредѣленное приданое, въ Чехахъ, при вліяніи христіанства, ей предоставляется уже и право наслѣдованія... Ничего подобнаго мы не видимъ у балтійскихъ славянъ до времени введенія нѣмецкихъ обычаевъ и порядковъ: семейное имущество дробится, но надъ нимъ, по-прежнему, властвуютъ одни только мужчины, такъ какъ только ихъ рукою совершалось и пріобрѣтеніе самой собственности. Обычай въ этомъ отношеніи согласовался съ направленіемъ общественной жизни и быта, мало расположеннаго къ уваженію физически слабой женской природы.

Вотъ все, что даютъ скудные источники въ отношеніи семейной древности балтійскихъ славянъ!

Остановимся здѣсь и сдѣлаемъ нѣсколько общихъ историческихъ замѣчаній.

«Налоги и тяжкое рабство — говорилъ вагорскій князь Прибиславъ — сдѣлали для насъ смерть пріятнѣе жизни.. Нѣтъ мѣста на землѣ, гдѣ мы могли бы пріютиться и убѣжать отъ враговъ. Остается покинуть землю, броситься въ море и жить съ морскими пучинами [1])»...

«Привычки пиратства — говоритъ Гельмольдъ — такъ овладѣли славянами, что они почти совсѣмъ оставили выгоды земледѣлія и предались морскимъ набѣгамъ, полагая единственную надежду и все достояніе свое въ корабляхъ. Они мало заботятся объ удобствахъ жизни, хижины свои сплетаютъ изъ вѣтвей и то затѣмъ только, чтобы укрыться отъ непогоды и дождя. Когда же пронесется вѣсть военной тревоги, они прячутъ хлѣбъ, золото, серебро и все драгоцѣнное въ ямы, а женъ и дѣтей укры-

1) Helmoldi Chronica I, 83.

ваютъ въ укрѣпленіяхъ или скорѣе — въ лѣсахъ. Врагу въ грабежъ остаются только жалкія хижины, о потерѣ которыхъ они не жалѣютъ [1])»..

Это живое свидѣтельство современника какъ нельзя лучше раскрываетъ предъ нами картину той обстановки, среди которой суждено было жить и дѣйствовать семьѣ балтійскихъ славянъ. Естественно ли думать, чтобы при такомъ положеніи она могла получить широкое и правильное развитіе? Дѣйствительно, какъ ни недостаточно извѣстенъ намъ семейный бытъ балтійскихъ славянъ, извѣстнаго уже довольно для убѣжденія въ слабомъ и, такъ сказать, неорганическомъ его развитіи. Семья стоитъ еще на старыхъ, издавна заложенныхъ основаніяхъ и еще идетъ старымъ строемъ, но уже видно, что эти основы колеблются, что онѣ расшатаны безпрерывными тревогами непокойнаго существованія, которое недопускало ни развитія старыхъ началъ, ни утвержденія на ихъ мѣстѣ чего-нибудь прочнаго новаго. Оскорбляемая, тѣснимая и искажаемая исторіею, семейная жизнь утратила энергію и впала въ состояніе застоя, равнодушнаго ко всякимъ стремленіямъ и заботамъ, кромѣ заботъ о существованіи. Что могло удержаться изъ стараго, то держится, но болѣе — по привычкѣ, чѣмъ по сознанію нравственной законности и необходимости его, что привзошло изъ новаго, то утвердилось само по себѣ, по своей физической необходимости или потому, что заключало въ себѣ нѣкоторыя, иногда очень грубыя, удобства. Семейный бытъ слагается изъ разнородныхъ, другъ съ другомъ не вяжущихся и несоглашенныхъ началъ: на ряду съ мягкими, привѣтливыми чертами старой славянской природы и характера—порою выходятъ черты суровой первобытной грубости, на ряду съ случайно привившимися началами образованной жизни — дѣйствуютъ начала, порожденныя тяжелой исторической нуждой и одичаніемъ.. И никакой попытки согласить и привести въ порядокъ эти нестройные элементы! Они измѣняются механическимъ, а не внутреннимъ

---

1) Helmoldi Chronica II, 18.

процессомъ... Всего яснѣе это видно на отношеніи семейнаго къ родовому началу. Родовой союзъ давно распался: отъ него остались слабыя, едва-замѣтныя черты; нормальною формою частнаго быта являются мелкія семьи.. Казалось бы, жизнь должна была отразить въ себѣ это важное измѣненіе... Нѣтъ, въ самомъ существенномъ оно проходитъ почти безслѣдно. Распаденіе рода совершилось не вслѣдствіе внутренняго развитія, не потому, чтобы личность почувствовала стремленіе выйти изъ заключенныхъ, узкихъ условій совокупной родовой жизни — въ жизнь особную, а вслѣдствіе историческихъ отношеній и обстоятельствъ, принявшихъ такое направленіе, что продолженіе родовой жизни становилось невозможнымъ, т. е. вслѣдствіе причинъ внѣшнихъ. Оттого, хотя разложеніе рода у балтійскихъ славянъ совершилось несравненно быстрѣе, чѣмъ у поляковъ и чеховъ, оно долгое время не приводитъ къ тѣмъ внутреннимъ послѣдствіямъ, которыя мы замѣчаемъ въ бытѣ послѣднихъ и которыя бываютъ обыкновенно и основною причиною и вмѣстѣ плодомъ органическаго, самостоятельнаго распаденія родовой жизни. Упадокъ ея у другихъ славянъ происходилъ въ тѣсной связи съ расширеніемъ правъ семейной личности — и не только въ мужскомъ полѣ, но и въ женскомъ: жена или дочь въ особныхъ семьяхъ пріобрѣтаютъ значеніе правныхъ членовъ, личность ихъ получаетъ большую или меньшую самостоятельность.. У балтійскихъ славянъ этого не находимъ: родовыя связи ослабѣли, родъ распался въ семьи, но новое начало семейной жизни не создалось; женщина осталась въ тѣхъ условіяхъ безправія, какъ и прежде: дочь по-прежнему не имѣла никакихъ имущественныхъ правъ и, если получала часть имущества, то оно приходило ей не по праву, а по доброй волѣ отца или брата; жена — по прежнему была собственностью мужа и подлежала участи имущественныхъ предметовъ; самая личность отца семьи не достигла полной самостоятельности, по крайней мѣрѣ — въ имущественныхъ отношеніяхъ; улучшилось только положеніе вдовы — матери малолѣтнихъ дѣтей: на нее, если не de iure, то de facto, по необходимости — перешли нѣкоторыя права

и обязанности прежняго старшаго въ родѣ, она могла стать правительницей — опекуншей своихъ дѣтей и ихъ имущества. Очевидно, что родовой союзъ, такъ сказать, только механически смѣнился семейнымъ: отпали тѣ части, которыя фактически не могли имѣть мѣста въ тѣсномъ семейномъ соединеніи, прибавилось и измѣнилось кое-что по необходимости; но строй и форма жизни — остались прежніе безъ прежняго смысла, начало личности не выиграло почти ничего, бытъ не преобразовался ни въ чемъ существенномъ: онъ лѣниво тянулся по прежней битой дорогѣ, не замѣчая и не имѣя возможности подвергнуть ее коренной переработкѣ.

Всѣ славянскія племена, въ большей или меньшей степени, пережили этотъ періодъ борьбы и броженія родовыхъ и семейныхъ началъ, но всѣ были въ этомъ отношеніи счастливѣе балтійскихъ славянъ; ибо нигдѣ, кромѣ ихъ, мы не замѣчаемъ такого упадка силъ, такой апатіи къ своему частному быту.

Исторія, повидимому, не давала никакихъ условій для свободнаго и правильнаго движенія его.

Иной важный вопросъ представляется здѣсь, именно — объ отношеніяхъ семейнаго союза къ общественному, о степени внутренней связи между ними; но возможное уясненіе его мы должны, пока, оставить на послѣдующее: мы разсмотримъ его, когда будемъ говорить объ общинѣ и условіяхъ общественной жизни.

Собственность.

Права лицъ въ отношеніи къ собственности будутъ разсмотрѣны нами ниже, въ отдѣлѣ «состояній»; здѣсь мы остановимся только на *предметахъ собственности*, *способахъ пріобрѣтенія* и *владѣнія ею*.

Какъ мы замѣчали, различныя вѣтви балтійскихъ славянъ имѣли не равную судьбу и стояли не на равной степени культуры.

Необходимо предположить, что и понятія о собственности, и способы пріобрѣтенія и владѣнія ею были, смотря по племенамъ, не вездѣ одинаковы, т. е. не вездѣ стояли на одинаковой степени развитія. Историческіе памятники раскрываютъ намъ въ этомъ случаѣ — отношенія Поморянъ, Руянъ, Оботритовъ и, въ болѣе позднее время — Лютичей. Что и какъ было у другихъ племенъ — изъ источниковъ не видно. Потому, говоря о собственности у балтійскихъ славянъ, мы имѣемъ въ виду только вышеназванныя вѣтви ихъ.

Собственность недвижимая, земля. Странное явленіе встрѣчаетъ насъ здѣсь: казалось бы — отсталые въ своей общественной культурѣ и въ государственномъ объединеніи отъ другихъ родственныхъ племенъ, поляковъ и чеховъ, балтійскіе славяне должны были остаться при старой, общинной земельной собственности гораздо въ большей степени, чѣмъ первые. На дѣлѣ выходитъ обратное: уже съ давнихъ временъ Поморяне, Руяне и Оботриты живутъ въ условіяхъ замкнутой, опредѣленной, строго размежеванной частной поземельной собственности, находящейся въ рукахъ князей и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ. Собственности общинной — въ строгомъ смыслѣ нѣтъ, существуютъ только предметы, предоставленные общинному пользованію ихъ собственниками. Такое явленіе должно быть объясняемо, какъ кажется, тѣмъ, что первоначально, во времена предшествовавшія исторіи, частной поземельной собственности здѣсь не существовало, вся земля была собственностью общинною; въ этотъ періодъ произошелъ захватъ ея военною дружиною, земля перешла въ частную собственность немногихъ лицъ, народъ же, фактически утративъ право общинной собственности, остался безземельнымъ, т. е. сталъ *пользоваться* землею единственно на основаніи особыхъ условій, поставленныхъ завоевателями — собственниками. Въ справедливости этой мысли насъ убѣждаетъ обстоятельство, что такимъ же точно образомъ общинная собственность переходила въ регалію въ Польшѣ и Чехахъ, хотя здѣсь раннее образованіе частной собственности значительно ограничило дѣйствіе прави-

тельственнаго захвата, такъ что многіе знатные роды и, кажется, даже общины остались при полной поземельной собственности [1]).

Можно, впрочемъ, объяснить переходъ общинной собственности въ княжью и безъ посредства насильственнаго, военнаго захвата, какъ естественное слѣдствіе возвышенія власти князя, первоначально — только надсмотрщика, судью и защитника общаго достоянія, а потомъ — полновластнаго представителя общественныхъ правъ собственности.. Но намъ кажется, что такимъ мирнымъ путемъ начало регаліи не могло бы достигнуть тѣхъ широкихъ, всеобъемлющихъ размѣровъ, въ какихъ мы находимъ его въ бытѣ балтійскихъ славянъ. Къ тому же, для существа дѣла рѣшительно все равно, совершился ли захватъ сразу, вооруженною рукою, или происходилъ постепенно, такъ сказать постояннымъ давленіемъ силы, не находившей равновѣскаго отпора: въ обоихъ случаяхъ онъ остается, какъ главное дѣйствующее начало.

Предметы недвижимой собственности опредѣлены въ грамотахъ столь подробно и точно, какъ только можно ожидать отъ частнаго осмотрительнаго и разсчетливаго владѣнія. Они суть:

1. *Земля вообще*, сухая, твердая земля, какъ обработанная, такъ и дикая, какъ заселенная, такъ и пустая, со всѣмъ тѣмъ, что находится на ней и въ ней, именно: а) съ полями, лугами и пастбищами, б) съ горами, холмами и долинами, в) съ лѣсами, рощами и охотами, г) съ болотами и трясинами, д) съ дорогами, большими и проселочными, е) съ мостами и мѣстами нахожденія и выдѣлки соли:

«Terra, terra sicca, terra solida, que coli potest, terra dura; loci, termini culti et inculti, terra culta et inculta, deserta, solitudines, omnia quae sub terra uel super terram sunt, agri, campi,

---

1) Palacky, ст. Práwo staroslovanské» въ его сб. Radhost II, Pr. 1872, стр. 249—252; Даниловичъ: «Историческій взглядъ на древнее образованіе славян. городовъ», въ Русск. Ист. сб. IV, к. 2 и 3, стр. 287 sq. Röppel: Geschichte Polens H. 1840, I, p. 305—306.

prata, area, pascua, pastura, montes, colles, monticuli, terra bassa, ualles, loca plana et aspera, siluae, nemora — cum uenacionibus et mellificiis, fageta, arbusta, mirice, paludes, uiae et inuiae, semite, pontes, salina, paludes salicae».

2. *Воды* со всѣмъ, что въ нихъ и на нихъ находится: а) рѣки, большія и малыя, источники, ручьи; б) озера, в) пруды — съ рыболовлями, садками, плотинами и мельницами, г) морской берегъ съ островами:

«Aquae, amnes, fluuii, riui, aquarum decursus, paludes, stagna, lacus — cum piscationibus, piscaturis, clausuris piscium, molendinis; littus maris — cum insulis[1])»..

Земля раздѣлялась на мѣстности, «uillae, praedia, mansiones», въ составъ которыхъ, смотря по объему и положенію ихъ, входили различныя вышепоименованныя принадлежности, «appendicia, attinencia, pertinentia[2])».

Мѣстности были издавна, «ab antiquo», обозначены довольно точными границами, конечно, съ цѣлью опредѣленія правильнаго пользованія ими и доходовъ собственника.

Межи и границы, «mete, termini, granize» обозначались по предметамъ замѣтнымъ, постояннымъ и долговѣчнымъ, таковы: а) *лѣса и одиночныя деревья*, отличающіяся своею величиною, ростомъ и положеніемъ (дубъ, букъ, липа и такъ далѣе); для точнѣйшаго обозначенія на деревьяхъ высѣкались мѣтки и знаки, всего чаще — знакъ креста; иногда для той же цѣли дерево обжигалось или очищалось отъ коры; б) *большіе камни*, лежащіе или торчащіе въ землѣ; на нихъ также полагалось знаменье, высѣкался крестъ; г) *старые могильные холмы*, *тріюрки* или

1) Не считаемъ необходимымъ указывать на отдѣльныя грамоты, ибо пришлось бы выписать почти всѣ № дарственныхъ грамотъ туземныхъ поморскихъ, руянскихъ и оботритскихъ князей. Сопоставленіе важнѣйшихъ указаній читатель найдетъ въ первой, вводной части нашего труда, см. notae, а также въ сочин. Фабриціуса: Urkunden zur Geschichte des Fürst. Rügen, II, Str. 1848, p. 35—78; и Studien zur Gesch. der wendischen Ostseeländer. B. 1859, II, p. 59—63.

2) Выше стр. 39—40, nota 1.

тк. изв. могилы великановъ, д) *горы, холмы и долины;* гдѣ не было природныхъ, тамъ насыпались холмы искусственные, проводились рвы и окопы; е) *дороги, перекрестки, мосты, плотины и гати;* ж) всякаго рода *воды: рѣки, ручьи, озера, болота, устья и источники рѣкъ, броды* [1]).

---

1) Codex Pomeraniae diplom. № 34, 36, 38, 54, 58, 75, 78, 97, 105, 109, 128, 131; Meklenburgisch. Urkund. B. I, 111, 113, 114, 247, 330 etc... Cf. Fabricius Urkunden II, 68—69. Какъ образецъ подобнаго размежеванія, приводимъ выдержку изъ дарственной и утвердительной грамоты поморскаго князя Казимира — Монастырю Даргуну, 1174, Codex Pom. dipl. № 36, Meklenb. Urk. B. № 114: «Scitote ergo terrminos sic haberi: primum in uado Rokeniz, quod est ad orientem Dargon, per quod et uia transit de Dimin in Lucho, de quo ascendunt per ipsam Rokenize et aque decursum, donec ueniant contra Guhtkepole ubi de amne exeunt ad aquilonem in quandam uiam in mirica, que ipsam Guhtkepole circuit, unde et in sclauico dicitur Pant wo Guhtkepole, et per eandem uiam tendunt ad occidentem in quandam profundam paludem salicam, que et sclauice dicitur *glambike loug*, a qua procedunt versus occidentem in quandam magnam quercum, sub qua et quidam magnus lapis terre affixus iacet ex occidentali eius parte et a sua magnitudine nomen accepit *wili damb*, et inde in quosdam tumulos, qui sclauice dicuntur Trigorke, antiquorum uidelicet sepulcra, et abinde versus occidentem recta linea in quandam magnam paludem, que et sclauice dicetur *dalge loug*, et de palude eadem per riuum, qui de ipsa effluit in stagnum, quod sclauice dicitur Dambnio, et ultra per medium stagni contra meridiem in cumulum satis magnum, qui sclauice uocantur *mogela*, et inde adhuc versus meridiem in quandam quercum, circa quam terra bassa est quasi uallis quedam et in duos lapides iuxta eandem ad occidentem iacentes, quorum propinquior occidenti fractus fracturam et fragmen adhuc ibi iacens ostendit, et inde adhuc uersus meridiem in quandam paludem salicam, que sclauice dicitur *seruco loug*, et ab illa adhuc uersus meridiem in quendam magnum lapidem terre affixum sub quamdam orno, et ab illo ultra uiam, que ducit Lucho, in stagnum, quod dicitur Kalen, cum sua urbe Kalen et toto stagno, et ab orientali fine eiusdem stagni flectuntur ad aquilonem per quandam longam paludem, in quandam quercum cruce signatam, quod signum dicitur sclauice *knesegranisa*; et ab eadem quercu in eandem uiam, que ducit Lucho, et inde per eandem uiam uersus orientem, donec per eam uenitur in paludem, que iacet inter siluam et uillam Kuzuzine, per quam paludem circa eandem uillam ad orientem tendunt usque ad siluam orientalem, et ibi iuxta siluam ascendunt in occidentali eius parte reflexi contra aquilonem usque in uiam iam sepius dictam Lucho ducentem, et ultra ipsam uiam de grabone descendunt contra aquilonem in riuulum, qui dicitur Bouzka, et inde descendunt per eundem riuulum, donec uenitur in oppositum cuiusdam quercus combuste non longe a quadam *mogela*, et ab eadem quercu contra orientem usque in Rokenize, ubi ipsam riuulus, qui dicitur Ruthnic, influit, tendunt includentes omnem siluam, que est intra uiam de Lucho et Rokenize et flexi contra aquilonem ascendunt per ipsam Rokenize usque in uiam, que eam transit, de Dimin in Lucho, a qua uia et incipiunt».

Проведеніе границъ, какъ вообще въ нѣмецкой и славянской древности[1]) — совершалось, вѣроятно, съ извѣстною оффиціальною обстановкою и обрядами, при надлежащемъ количествѣ свидѣтелей. Въ немъ участвовалъ и самъ князь: его рукою полагались граничные знаки, носившіе поэтому названіе «княжьей границы» (knezegranica)[2]). Орудіемъ размѣра — служила верви = funiculus dimensionis[3]). Нѣтъ сомнѣнія, что существовали также особые обычаи и учрежденія, относившіеся къ охраненію границъ, наказаніямъ за нарушеніе ихъ и вообще къ межевымъ спорамъ, но изъ источниковъ они не видны.

Единицею земельной мѣры у балтійскихъ славянъ была *соха* или *радло*, «uncus, mansus slauicus». Изъ Гельмольда видно, что этою мѣрою обозначалось вообще количество земли, которую можетъ обработать пара быковъ и одна или двѣ лошади[4]); впослѣдствіе — «соха» опредѣлялась болѣе точнымъ образомъ, ибо ею измѣрялась не только земля, но и лѣсъ и болота: она—соотвѣтствовала 15 нѣмецкимъ моргенамъ[5]). Самое раздѣленіе угодій, обозначаемое въ грамотахъ общими словами: «dimidium pars uillae, tercia pars[6])», указываетъ на точную опредѣленность мѣры, иначе такое глухое обозначеніе не имѣло бы надлежащаго смысла и вело бы къ частымъ спорамъ и столкновеніямъ владѣльцевъ.

Способы пріобрѣтенія недвижимой собственности въ древнее время, вѣроятно, ограничивались однимъ *захватомъ*, какъ пустопорожнихъ земель, такъ и, de iure belli — населенныхъ и

---

1) Grimm Deutsche Rechtsalterthümer, p. 541—548; его же «Deutsche Grenzalterthümer» въ Kleinere Schriften t. II, B. 1865; ст. неизвѣстнаго автора «Granicepodług dawnego prawa polskiego» въ Biblioteka Warszawska, 1841, t. III, p. 151—170, 346—364; ст. Брандля: «Staročeské právo mezni», въ журн. Právnik, 1869, t. VIII, p. 117—127; 155—166.

2) Codex Pomer. diplomaticus № 36, 38, 54, 58 cf. примѣч. 1 на предыд. стран.

3) Fabricius Urkunden II, № 14, p. 8. cf. p. 64.

4) «slauicum aratrum par boum aut unus confecit equus», Helmoldi Chronica I, 12; cf. Ibidem 14, 87.

5) Codex Pomer. diplomaticus, I, стр. 311—312; Fabricius Urkunden II, стр. 64—5.

6) См. выше, стр. 40, пр. 2.

обработанныхъ, жители которыхъ были побѣждаемы, вытѣсняемы, обращаемы въ рабство или оставляемы *въ пользованіи* землею подъ условіями особыхъ службъ, повинностей и податей. Позднѣе, какъ будетъ объяснено далѣе — право собственности пріобрѣтается *чрезъ договоры и пожалованья* (даренія); но такая собственность—въ періодъ времени насъ занимающій, была не полною: на нее распространялось право наслѣдованія (отсюда въ грамотахъ haereditas = помѣстье, владѣніе), но не право передачи или отчужденія ея.

И послѣ того, какъ общинная собственность перешла въ руки немногихъ, стала частною собственностью княжьихъ родовъ и нѣкоторыхъ знатныхъ лицъ — до самаго утвержденія нѣмецкихъ колонистовъ и правъ церкви, отношенія народа къ землѣ оставались въ главномъ тѣ же, что были и прежде: и лишенный права поземельной собственности, онъ пользовался землею прежнимъ порядкомъ, но только отбывалъ за это право многія службы, повинности и обязанности, платилъ мыто и подати за многое, чѣмъ встарину пользовался бездапно и безпошлинно.

Предметами общаго пользованья были луга и пастбища, т. е. мѣста выгона и корма скота; лѣса рощи и пущи, гдѣ происходила охота, разводились пчелы и кормились свиньи, откуда добывался строевой лѣсъ и валежникъ; болота, рѣки и озера, въ которыхъ происходило рыболовство; наконецъ — пути сообщенія, твердые и водные, и мосты [1]). Нерѣдко такіе предметы предоставлялись общему пользованію нѣсколькихъ осѣдлостей и деревень [2]).

Предметы частнаго пользованія — составляли поля, назначенныя для посѣва хлѣба, и усадьбы съ жилищами, хозяйственными зданіями, садами и огородами [3]).

---

1) См. выше стр. 46—53 и примѣчанія къ нимъ. Fabricius, Urkunden II, p. 63, not. 111, p. 65—8; *его же:* Studien zur Geschichte d. wend. Ostseeländer II, 60—8.

2) Codex Pomeraniae diplom. № 101, 406.

3) См. выноску [1]).

Въ такомъ состояніи мы находимъ недвижимую собственность у Поморянъ, Руянъ, Лютичей и Оботритовъ около половины XII в. Устранивъ регальныя условія, въ которыхъ стояла она въ то время, мы получимъ довольно чистый видъ древнеславянскаго общиннаго владѣнія; и оно, нѣтъ сомнѣнія, господствовало, во время болѣе отдаленное, до поры усиленія княжеской и дружинической власти. Очень вѣроятнымъ представляется также, что у другихъ племенъ общинное владѣніе держалось гораздо долѣе — и сохранялось свѣжѣе: прямыхъ данныхъ для подтвержденія этой догадки — историкъ не имѣетъ; но онъ вправѣ допустить ее на томъ основаніи, что общественный бытъ этихъ племенъ былъ менѣе развитъ, чѣмъ бытъ вышеназванныхъ ихъ сродниковъ: старинные порядки должны были удержаться здѣсь крѣпче, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, открытыхъ для исторической дѣятельности и развитія княжеской власти.

Единичныя соединенія различныхъ предметовъ общественной поземельной собственности вмѣстѣ съ жителями, на ней сидѣвшими, и ихъ осѣдлостями — составляли особые округи или союзы, носившіе общее наименованіе *жупъ*. Слово это, увидимъ далѣе, не встрѣчается въ грамотахъ, но въ нихъ мы находимъ «*жупановъ*[1])» (suppani), а въ Чехахъ и самыя *жупы*[2]); и этого вполнѣ достаточно, чтобы утвердить существованіе и предмета и такого наименованія его для балтійской древности. Къ сожалѣнію жупные порядки намъ нѣсколько извѣстны въ отношеніи управленія и суда, но вовсе неизвѣстны въ отношеніи собственности; а потому мы и можемъ сказать о нихъ столь же мало, сколько и о частныхъ порядкахъ пользованія общею собственностью.

Собственность движимая. Предметы движимой собственности составляли: а) домашній скотъ и пчелы; б) одежда и украшенія; в) оружіе, утварь и всякія орудія; г) все пріобрѣтаемое посредствомъ земледѣльческой и промышленной дѣятельности,

---

1) Codex Pomer. diplom. № 64.
2) Jireček, Slovanské právo I, P. 1863, p. 70; II, 1864, p. 7 sq.

какъ-то: хлѣбъ, плоды и овощи, рыба и всякіе товары; наконецъ, д) рабы[1]).

Мѣрами для нѣкоторыхъ предметовъ движимости были: *корецъ* (curitze) = modius — мѣра хлѣбная; *пасмо* = resticulus — для льна, *саженя* и *локоть* — для предметовъ линейной мѣры. Штука полотна шла за единицу цѣнности, а потому, конечно, была также обычно-опредѣленной мѣры[2]).

Способы пріобрѣтенія движимой собственности, кромѣ общераспространенныхъ, заключавшихся въ непосредственномъ трудѣ, въ мѣнѣ, куплѣ и продажѣ, опредѣлялись еще *войною* и *грабежомъ*, а также и *береговымъ правомъ*.

Все добытое на войнѣ считалось полною собственностью воиновъ и, по окончаніи похода, раздѣлялось между ними; часть добычи шла въ личную собственность, часть же отчуждалась въ пользу боговъ и ихъ святилищъ.

Бамбергскіе миссіонеры присутствовали на одномъ такомъ раздѣлѣ, гдѣ воины кн. Вартислава дѣлили между собою награбленное имущество: одежду, деньги, скотъ, всякое другое добро и военноплѣнныхъ:

Nobis inspicientibus diuidebant spolia, uestes, pecuniam, pecora et aliam diuersi generis substanciam. Homines quoque, quos captiuauerant, inter se distribuebant[3])»..

Тѣ же свидѣтели говорятъ, что въ главную штетинскую контину, по старому обычаю, отдавалась десятина богатствъ и оружія враговъ и всякой добычи, добытой въ морскихъ и сухопутныхъ грабежахъ:

«In hanc edem ex prisca patrum consuetudine captas opes et

---

1) См. выше, страницы 46—58 и примѣчанія къ нимъ, гдѣ указаны мѣста источниковъ.

2) См. выше, стр. 47, пр. 1; с. 52, пр. 2; с. 65, пр. 2. *О корцѣ* подробно разсуждаетъ Мацѣіовскій въ ст. «Historya dawnych polskich miar i wag» особ. отт. (1868), p. 7 sq. Мѣра эта опредѣлялась различно, ср. также ст. *Landau*: Der Bauerhof in Thüringen, Beilage zum Corresp. Blatt, 1862, Jan. p. 87—8.

3) Herbordi Dialogus III, 2.

arma hostium, et quicquid ex preda nauali uel etiam terrestri pugna quesitum erat, sub lege decimationis congerebant[1])».

Гельмольдъ передаетъ, что въ святилище Свантовита приносилось только награбленное золото и серебро, остальная добыча раздѣлялась между воинами:

«Victores aurum et argentum in erarium dei sui conferunt, cetera inter se partiuntur[2])».

Равнымъ образомъ — все выброшенное на берегъ бурею, будутъ-ли то вещи или лица, переходили въ полную собственность захватившаго ихъ, какъ будто оно было пріобрѣтено по праву войны. Правда, береговое право у балтійскихъ славянъ намъ извѣстно въ позднѣйшей формѣ регаліи: въ грамотахъ — князья обыкновенно отказываются отъ принадлежащаго имъ «права крушенія», «ius naufragii[3])», но нѣтъ сомнѣнія, что до усиленія власти князей — оно было общенароднымъ. Нужды нѣтъ, что этотъ варварскій обычай шелъ въ разрѣзъ съ доброй природой племени, съ его знаменитымъ гостепріимствомъ и почтеніемъ къ странникамъ: жизнь, извращенная историческими отношеніями, дѣлаетъ существованіе его вполнѣ понятнымъ.

Движимость была или собственностью общею, семейною или личною. И это, какъ кажется, зависѣло не столько отъ способовъ пріобрѣтенія, не столько отъ степени участія личнаго или общесемейнаго труда, сколько отъ единенія семейнаго союза и его цѣлости: чѣмъ менѣе семья разъединялась, чѣмъ менѣе въ ней выступало начало личное, тѣмъ необходимѣе и скорѣе каждый предметъ, пріобрѣтенный личнымъ трудомъ одного изъ ея членовъ, входилъ въ составъ общей семейной собственности и подлежалъ законамъ ея; и наоборотъ, чѣмъ начало личности выдава-

---

1) Herbordi Dialogus II, 32.

2) Helmoldi Chronica I, 36. cf. Saxonis Gramm. Historia, p. 325: «Simulacri quoque spoliorum ac praedarum pars tertia deputabatur, perinde atque eius presidio parta obtentaque fuissent.»

3) Meklenburgisches Urkundenbuch № 268. Codex Pomer. diplom. № 150, 225, 261, 348, 356, 378; Klempin Pomm. Urkund. B. № 503.

лось сильнѣе, тѣмъ скорѣе пріобрѣтенье лица оставалось въ его личной безотчетной собственности со всѣми ея послѣдствіями. Въ бытѣ балтійскихъ славянъ, какъ мы видѣли (стр. 173—4), есть еще слѣды такой общесемейной собственности, которые позволяютъ заключать о томъ, что въ старину она была—явленіемъ распространеннымъ, но въ историческое время по отношенію къ предметамъ собственности преобладаетъ уже личное начало.

Старой привычкой къ общей, а не личной собственности, объясняется, по нашему мнѣнію, отчасти и то уваженіе къ чужой собственности у Поморянъ, которое такъ ярко засвидѣтельствовано Сефридомъ: «между ними—говоритъ онъ, господствуетъ такая честность и общительность, что они не знаютъ, что такое кража и обманъ, они не запираютъ своихъ ящиковъ и сундуковъ, мы не видѣли тамъ ни замковъ, ни ключей, и сами они очень удивлялись, когда увидѣли замкнутыми наши пожитки и вьюки. Платье свое и все дорогое они сохраняютъ въ покрытыхъ сосудахъ и бочкахъ, не опасаясь никакого обмана, потому именно, что не испытали его [1])».

Едва-ли, въ виду исторіи, до крайности развившей въ балтійскихъ славянахъ страсти корыстнаго эгоизма и грабежа, едва-ли такое уваженіе къ чужой собственности можетъ быть объясняемо одними свойствами народнаго характера, безъ того, чтобы не допустить, что здѣсь также дѣйствовала и еще не остывшая, вѣками укорененная привычка жить въ границахъ безличной собственности.

Въ понятіяхъ о собственности, въ употребленіи способовъ пріобрѣтенія ея—племена обыкновенно выражаютъ сущность своего характера и своихъ историческихъ наклонностей. Эта историческая истина оправдывается и на балтійскихъ славянахъ. Мы замѣчаемъ здѣсь ту же роковую двойственность, которая дѣйствовала и во всемъ ихъ бытѣ: съ одной стороны—собствен-

1) Herbordi Dialogus II, 41; текстъ помѣщ. выше, стр. 68, пр. 1.

ность пріобрѣтается усиліями мирнаго труда, земледѣліемъ, промышленностью, торговлей; съ другой — ее даетъ право меча, война и грабежъ, предпринимаемые не случайно, но съ систематическою цѣлью промысла и пріобрѣтенья добычи. Чѣмъ сильнѣе стѣснялись врагами дѣйствія мирной природы племени и мирные способы пріобрѣтенія собственности, тѣмъ болѣе оно отдавалось страсти пріобрѣтенья грабежомъ и разбоемъ.. Дивиться ли, что такое искаженное исторіей племя скоро и легко соединилось и срослось съ этнографическою семьею другихъ племенъ, столь мѣтко названныхъ славянскимъ историкомъ — именемъ Räuber или Raubvölker, и столь блистательно оправдывающихъ это названіе своею новѣйшею исторіею[1]).

Договоры.

Народъ, завѣдомо съ временъ Карла Великаго, стоявшій въ связяхъ и политическихъ отношеніяхъ къ франкамъ, саксамъ и датчанамъ, производившій обширную торговлю съ Сѣверомъ и Западомъ, имѣвшій, наконецъ, устроенный образъ жизни и общественныя отношенія, — не могъ обойтись безъ договоровъ и условій.

Форма договоровъ. До времени введенія нѣмецкихъ порядковъ — договоры, нѣтъ сомнѣнія, заключались устно. Важнѣйшіе сопровождались извѣстною торжественною обстановкою, произнесеніемъ клятвенной формулы и внѣшнимъ символическимъ дѣйствіемъ; иногда же клятва соединялась съ символомъ. Скажемъ сначала о клятвѣ, потомъ соберемъ и объяснимъ немногое, что передаютъ источники о договорныхъ символахъ.

Гельмольдъ говоритъ, что балтійскіе славяне очень рѣдко допускали клятвы, какъ бы боясь ими разгнѣвать божества:

1) Palacký: Die Geschichte des Hussitenthums und Prof. C. Höfler, Pr. 1868, p. 76 sq.

«Jurationes difficillime admittunt, nam iurare apud Sclauos quasi periurare est, ob uindicem (s. inuicem) deorum iram».

«Mira reuerentia circa fani diligentiam affecti sunt: nam neque iuramentis facile indulgent, neque ambitum fani uel in hostibus temerari patiuntur»[1]).

Въ обоихъ мѣстахъ, какъ видно изъ контекстовъ, рѣчь идетъ о клятвѣ богами, въ храмахъ, предъ лицомъ самаго божества. Стоя въ отдаленіи отъ грозныхъ боговъ, славянинъ могъ опасаться навлечь гнѣвъ ихъ своею суетною клятвою; близость къ божеству была не обычна его запуганному чувству и мысли и потому — страшна... Но въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ — славяне употребляли клятвы и скрѣпляли ими свои утвержденія и договоры[2]). Саксонъ Грамматикъ отмѣтилъ одинъ, въ этомъ отношеніи очень важный, фактъ. Въ 1160 г. датчане поднялись въ походъ противъ Руянъ. Не желая вступать въ борьбу, послѣдніе выслали къ еп. Абсалону какого-то нарочитаго мужа Домбора для переговоровъ о мирѣ. Домборъ просилъ заключить миръ на вѣру и предлагалъ, вмѣсто залога, утвердить его прочность и нерушимость клятвою и символическимъ *верженіемъ камня въ воду*: «a quo (s. Absalone) ablationem suam liquida fide prosequi rogatus (sc. Domborus), pignoris loco lapillum se aquae iniecturum asseruit. Si quidem icturis foedus barbaris religioni erat calculum in undas coniicere, seque, si pacto obuiam issent, mersi lapidis exemplo perituros orare[3]).

Это — такая же утвердительная клятва, соединенная съ внѣшнимъ символическимъ дѣйствіемъ, какую находимъ во вступительныхъ и заключительныхъ формулахъ «Договоровъ» русскихъ съ греками. Предъ обнаженными мечами, оружіемъ, щитами и

---

1) Helmoldi Chronica I, 52, 83.

2) Тотъ же Гельмольдъ передаетъ, что по обращеніи Прибислава: «inhibiti sunt Sclaui de cetero iurare in arboribus, fontibus et lapidibus», Chron. I, 83, cf. I, 16.

3) Saxonis Grammatici Historia, p. 755.

золотомъ — языческая Русь клянется свято и нерушимо исполнять договоръ «на вся лѣта дондеже съяеть солнце и весь миръ стоить». Кто помыслитъ разрушить такую любовь, говорится въ клятвѣ, тѣ «да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ весь вѣкъ в будущий»; или — если не сохранимъ установленнаго, «да имѣемъ клятву отъ Бога, въ него же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса скотья Бога, и да будемъ золоти, яко золото, и своимъ оружьемъ да исѣчени будемъ»[1]). *Воинъ*, естественно, клянется съ символомъ *оружія*, *мореходецъ* Руянинъ съ символомъ *камня, ввергаемаго въ море*: какъ камень тонетъ въ пучинѣ, такъ да погибнетъ онъ, если нарушитъ свой договоръ и клятву.

Титмаръ передаетъ, что Лютичи сопровождали заключеніе мира особымъ обрядомъ: обрѣзывалась верхушка волосъ, бралась трава или кусокъ дерну и происходило рукобитье:

«pacem abraso crine supremo et cum gramine datisque affirmant dextris[2]).

Высокую древность этого обычая замѣтилъ уже Я. Гриммъ. Онъ указалъ и на другія подобныя обыкновенія не только изъ римской и германской древности, но и изъ славянской[3]). Сюда же, нѣтъ сомнѣнія, относится и извѣстное указаніе обычая у славянскаго переводчика (XI в.) произведеній Григорія Назіанзена: «овъ же дьрнъ въскроущь на главѣ покладая, присягоу творить»; а также и нѣкоторыя русскія обыкновенія[4]). Дернъ обыкновенно служитъ символомъ земли и, если, слѣдуя аналогіи другихъ тожественныхъ обычаевъ, позволительно поясиять глухое показаніе

---

1) Лѣтопись по лаврентьевскому списку. Спб. 1872, стр. 46—7; 71—2; cf. 51—2.

2) Thietmari Chronicon VI, 18.

3) J. Grimm. Deutsche Rechtsalterthümer, p. 110 sq., 129.

4) Извѣстія Им. Академіи наукъ по отд. русскаго языка, etc. Спб. 1854, III, стр. 87; митр. Евгенія стат. «О разныхъ родахъ присягъ у Славяно-Руссовъ», въ Трудахъ Общ. Исторіи и Древн. М. 1826, г. III, 1, стр. 85; Макарова: «Древнія и новыя божбы, клятвы и присяги русск.». Ibidem, стр. 197.

Титмара — чертою, что кусокъ дерна или травы возлагался на *обнаженную* голову клянущихся, то смыслъ дѣйствія будетъ ясенъ: оно служило внѣшнимъ символическимъ выраженіемъ и подтвержденіемъ словъ клятвы: «коли порушимъ договоръ, да покроетъ земля нашу голову», т. е. да погибнемъ. Значеніе *рукобитья*, которымъ скрѣплялся всякій договоръ и условіе—понятно даже и изъ языка и обычаевъ («дать руку» въ русскихъ лѣтописяхъ, «ударить по рукамъ и т. д.). Правая рука, главный органъ дѣйствія и власти, соединяется съ рукою другого, какъ утверждающій символъ союза и согласія. Изъ «Жизнеописаній» Оттона бамбергскаго видно также, что миръ утверждался *рукобитьемъ* и *поцѣлуемъ*, «porrectione manus et osculo pacis» [1]).

Роды договоровъ были не разнообразны:

а) *купля и продажа*, производившіяся и въ чужихъ земляхъ и внутри страны, въ опредѣленные дни въ недѣлѣ, въ средоточіяхъ общественной жизни — городахъ и укрѣпленіяхъ [2]). Существовали ли большіе торги или ярмарки — изъ источниковъ не видно, но предположить ихъ можно на томъ основаніи, что для нихъ существовали условія, именно большія урочныя празднества, къ которымъ во множествѣ стекался народъ изъ всей страны [3]). Право производить внутренній торгъ на рынкахъ въ IX—XII в. является стѣсненнымъ пошлиной или мытомъ [4]), въ болѣе древнее время оно, вѣроятно, не подлежало никакимъ ограниченіямъ, т. е. было вполнѣ свободно. Вѣроятно также, что при покупкѣ нѣкоторыхъ, болѣе важныхъ — предметовъ необходимо было присутствіе свидѣтелей, а равно, что заключеніе купли скрѣплялось *запитьемъ*, т. е. дружественнымъ раздѣленіемъ чаши [5]). На послѣднее, кромѣ самаго термина, намекаетъ и то обстоятельство, что

---

1) Herbordi Dialogus II, 30; Ebonis Vita Ottonis III, 13, 23.

2) См. выше, стран. 54—8.

3) См. наше изслѣдованіе: «Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ... Пр. 1874 стр. 126.

4) Codex Pomer. diplom. № 50, 52, 56, 63, 73, 107 etc.

5) См. выше, стр. 109.

въ штетинскихъ континахъ, куда обыкновенно сходились для заключенія дѣловыхъ условій — имѣло мѣсто и «запитье»[1]);

б) *заемъ*; о немъ сохранилось одно очень замѣчательное извѣстіе. Въ 1239 году папа Григорій IX писалъ къ лундскому духовенству, что до его свѣдѣнія дошло о существованіи у Ружнъ особаго рода лихвы, называемой *подачею* или *поддачею* (poddas), условія которой были чрезвычайно стѣснительны для должника: заимодавецъ не довольствовался тѣмъ, что ежегодно получалъ отъ должника опредѣленное количество хлѣба, льна и другихъ предметовъ, которые превышали занятыя деньги болѣе, чѣмъ вдвойнѣ, онъ бралъ съ него пять солидовъ при выдачѣ дочери его въ замужство, — иначе бракъ не былъ дозволенъ; бралъ съ него извѣстное количество денегъ при продажѣ имъ каждаго животнаго.. Если должникъ умиралъ до отдачи займа, обязательство переходило на его наслѣдниковъ, такъ, что если который изъ нихъ не исполнялъ его, то на его мѣсто въ судебномъ собраніи полагался пукъ соломы; такимъ дѣйствіемъ должникъ исключался изъ числа (правныхъ) членовъ общины и обращался въ вѣчное рабство заимодавца:

«nobilis uir princeps... maior et populus terre rugianorum in Sclauia.. quandam prauam consuetudinem obseruantes, que corruptela potius est consenda, eiusmodi usurarum lucra, que poddas uulgariter appellant, sequuntur: quod uidelicet creditor a debitore certam quantitatem annone, lini, et aliarum rerum, que longe plus quam pecuniam mutuatam excedunt, recepit annuatim, nec hoc contentus, a debitore pro filia sua, quam nuptiis tradere forte uoluerit, quinque solidos recepit, alioquin ei tradere ipsam filiam nuptiis non licebit. Simili quoque modo pro quolibet animali, quod debitor ipse uendiderit, certam creditori persoluet pecunie quantitatem. Si uero debitor, ante mutuate sortis solutionem, uiam fuerit uniuersi carnis ingressus, talis detestanda conditio transit

---

1) Herbordi Dialogus II, 32; Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ... Пр. 1874, стр. 47, п. 69.

ad singulos heredes, ita ut, si eorum aliquis soluendo non fuerit, supponitur ei in iudiciali foro fasciculus straminis, a quo presentibus habitatoribus terre sue deiicitur et in perpetuam creditoris redigitur seruitutem[1]).

Такимъ образомъ—неисполненіе обязательства по займу влекло за собою лишеніе правъ свободнаго состоянія. Заемъ съ *поддачею* заключался, какъ кажется, только между лицами неравнаго состоянія, княземъ или знатью и народомъ. Въ грамотахъ упоминаются люди, имѣющіе *поддачу* (podacam, podaizam) князей или церкви, т. е. состоящіе въ обязательныхъ къ нимъ отношеніяхъ[2]). Отсюда — такая строгость наказанія; въ менѣе значительныхъ случаяхъ и при равенствѣ состояній — заемъ, вѣроятно, обезпечивался *залогомъ* (см. выше, стр. 114—115);

в) *частныя и племенныя условія* союза въ торговыхъ, промышленныхъ и политическихъ предпріятіяхъ и обязательства взаимной неприкосновенности. Намъ извѣстно одно подобное частное условіе какого-то Готшалка съ Бакаричами: послѣдніе сильно разбойничали въ норторпскомъ округѣ; въ обезпеченіе себя Готшалкъ заключилъ съ ними обязательство взаимнаго мира и помощи, и Бакаричи сохраняли его непорушимо, «какъ обычно славянамъ»:

«Dasonides (Godeschalcus).. pactum cum eis (Bakaridis) conseruande ad inuicem pacis et fidelitatis pepigit. Hac confederatione secur ores (securiores) illi effecti amplius grassari ceperunt... Dasonide uero fidem integram ut mos est Slauis conseruantes, participem eum tocius questus sui fecerunt et ipsi consilium ab eo alios oportune nocendi, et sibi precauendi, nec non uictualium necessaria, cum opus esset, receperunt[3]).

Политическіе и общественные договоры и союзы отдѣльныхъ племенъ между собою упоминаются въ источникахъ довольно

1) Codex Pomer. diplom. № 276.
2) Codex Pomeraniae diplom. № 85, Meklenburgisches Urkund. B. № 148.
3) Langebek: Scriptores rerum danicarum, Haun. 1783, t. V, p. 368, ex. Excerpta e uisionibus Godeschalci, c. XXII.

часто; условіями ихъ были: обязательство взаимной помощи, общихъ предпріятій и общаго рѣшенія въ важныхъ дѣлахъ. Нарушеніе условій равнялось политическому разрыву[1];

г) *договоры мировые;* они обыкновенно заключались особенными полномочными нарочитыми людьми, послами и жрецами[2]. Во время военныхъ дѣйствій послы — по обычаю — удерживались въ непріятельскомъ лагерѣ до полнаго окончанія дѣла[3]. Видимымъ внѣшнимъ знакомъ намѣренія вступить въ переговоры о мирѣ служилъ разведенный огонь[4]. Договоръ обезпечивался *заложниками*, всего чаще — дѣтьми знатнѣйшихъ гражданъ; въ случаѣ нарушенія условія они предавались, или могли быть преданы — смерти[5]. Заложники давались и въ частныхъ обязательствахъ: одного такого, сына знаменитаго датчанина, бамбергскіе миссіонеры нашли въ тяжкомъ заключеніи у волегощанскаго князя Мацлава, которому отецъ его былъ долженъ пятьсотъ марокъ[6]. Кажется, однако, что самая жизнь этого рода заложниковъ оставалась неприкосновенна.

---

1) Thietmari Chronicon, I, 6; Adami brem. Gesta ham. ec. IV, 18; Helmoldi Chronica I, 21, 34, II, 12; Herbordi Dialogus II, 4, 26, 30; III, 10; Ebonis Vita Ottonis III, 5, 18, 23; cf. наше сочиненіе: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 101—2, 140, п. 307.

2) Einhardi Annales a. an. 815, 816, 818, 822; Annales Fuldens. a. an. 845, 805; Raumer Regesta hist. brand. a. an. 1003, 1025, pag. 75, 90. Adami brem. Gesta ham. eccl. III, 17; Helmoldi Chronica I, 38; Herbordi Dialogus II, 26, Ebo III, 18; Saxonis Gramm. Hist. p. 755, 764—7, 821.

3) «Siquidem legatos hostium expeditionis tempore susceptos ad reditum usque eius, mutua Rugiensium Danorumque consuetudine, retentari fas erat, ne ad suos exterarum rerum nuncii reuerterentur, speculationis potius quam legationis officia peracturi». Saxonis Gram. Historia p. 755.

4) «De pace acturus Domborus ad Danos dirigitur. Quibus ad naues digressis, ignem in littore accendit, cuius indicio se legationem affere monstraret». Saxonis Gram. Hist. dan. p. 764.

5) Chronicon Moissiacen. (Pertz, Mon. II, 258) a. an. 806; Einhardi Annales Laur. a. an. 809; Helmoldi Chronica I, 37, 38, 48; Saxonis Gramm. Historia, p. 662, 767, 773 et caet. Knytlinga Saga, c. 129: «Burizlauus ad regem Knutum et archiepiscopum ueniens fidem eorum implorauit filios nobilissimorum, qui in terra erant uirorum regi obsides dedit»..

6) Herbordi Dialogus III, 9; Ebonis Vita Ottonis III, 12; см. наше изслѣдованіе: Сказанія объ Оттонѣ бамбергскомъ, Пр. 1874, стр. 76—7, пп. 103, 104.

Титмаръ, какъ мы видѣли (стр. 79, пр. 1), очень невыгодно отзывается о вѣрности славянъ данному слову или уговору:

«Infideles ipsi (scil. Slaui) et mutabiles ipsi, immutabilitatem ac magnam exigunt ab aliis fidem» (VI, 18).

Сопоставивъ этотъ отзывъ съ показаніями Сефрида (стр. 67 и 68, пр. 1) и свидѣтельствомъ «Повѣсти о видѣніяхъ Готшалка» (стр. 201, пр. 3), мы можемъ оставить его безъ вниманія съ такимъ же правомъ, какъ и отзывы другихъ враждебно расположенныхъ свидѣтелей, нерѣдко говорящихъ «о врожденномъ вѣроломствѣ славянъ» (стр. 66, пр. 2). Нельзя отрицать, что вынуждаемые обстоятельствами — политическіе договоры съ врагами не имѣли для балтійскихъ славянъ той внутренней, нравственно обязательной силы закона, какъ договоры частные и общественные, заключаемые добровольно: первые нарушались постоянно; но видѣть здѣсь доказательства «врожденнаго вѣроломства» (innata perfidia) народа, паденія въ немъ сознанія чувства правды — значитъ не различать разнородныхъ между собою началъ. Съ такой точки зрѣнія вся исторія воинственныхъ народовъ вообще, а нѣмцевъ — въ особенности, окажется ничѣмъ инымъ, какъ книгою политическаго вѣроломства.

ОБОЗРѢНІЕ СОДЕРЖАНІЯ.

ДРЕВНЯЯ РУССКАЯ ПИСЬМЕННОСТЬ.

ОПЫТЪ

БИБЛІОЛОГИЧЕСКАГО ИЗЛОЖЕНІЯ

ИСТОРІИ ЕЯ ИЗУЧЕНІЯ.

I.

ОБЩЕЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ИСТОРІЯ ИЗУЧЕНІЯ ДРЕВНЕ-СЛАВЯНСКАГО И ДРЕВНЕ-РУССКАГО ЯЗЫКОВЪ И ПИСЬМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

Историческое обозрѣніе.

Числа:

Числа:

12. Сочиненіе А. Н. Оленина о Тмутараканскомъ камнѣ.
13. Общественныя книгохранилища на Руси въ началѣ текущаго вѣка.
14. Дѣятельность гр. Н. П. Румянцева на пользу отечественной науки.
15. Дѣятельность ученыхъ обществъ: а) Исторіи и Древностей, б) Любителей Россійской Словесности.
16. Сподвижники гр. Румянцева: а) митр. Евгеній Болховитиновъ.
17. б) А. Х. Востоковъ.
18. в) К. О. Калайдовичъ.
19. г) П. М. Строевъ.
20. д) П. И. Кеппенъ.
21. Прочіе, меньшіе дѣятели эпохи Румянцева.
22. Скептицизмъ М. Т. Каченовскаго.
23. Характеръ и направленіе ученой дѣятельности эпохи гр. Румянцева.
24. Археографическая Экспедиція; плоды ея усилій. Основаніе Археологической Коммиссіи.
25. Труды ученыхъ тридцатыхъ годовъ по изслѣдованію древней русской письменности.
26. Востоковскія: «Описаніе рукописей Румянцевскаго Музея» и изданіе «Остромирова Евангелія».
27. Обобщающій трудъ С. П. Шевырева: «Исторія русской Словесности, преимущественно древней».
28. Дѣятельность Московскаго Общества Исторіи и Древностей въ періодъ секретарства Бодянскаго и Бѣляева, 1845—1878.
29. Дѣятельность Академіи Наукъ по Отдѣленію Русскаго языка и Словесности. Труды Срезневскаго и др.
30. Дѣятельность прочихъ ученыхъ и литературныхъ обществъ по древней русской письменности.

II.

Систематическое обозрѣніе.

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ СТАТЬИ:

А. Языкъ.

Числа:

48. Труды О. М. Бодянскаго, Ѳ. И. Буслаева и В. И. Григоровича. Заключенія послѣдняго о рецензіяхъ старо-славянскихъ рукописей.

49. Труды по древне-славянскому языку И. И. Срезневскаго. Его мнѣніе о народности сего языка.

50. Труды А. Шлейхера и М. Гатталы.

51. Труды В. В. Ягича. Мнѣніе В. И. Ламанскаго о происхожденіи древне-славянскаго языка.

52. Изслѣдованіе отдѣльныхъ вопросовъ и собраніе матеріаловъ по древне-славянскому языку.

53. Изслѣдованіе въ бытовой области древне-славянскаго языка.

54. Изслѣдованія по церковно-славянскому языку *сербской* редакціи.

55. Изслѣдованія по сравнительному славянскому языкознанію.

56. Общія замѣчанія о томъ, что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованію древне-славянскаго языка.

Языкъ русскій.

57. Труды по исторіи русскаго языка II Отдѣл. Академіи Наукъ и пр. Павскаго.

58. Первые труды Максимовича и замѣтки Надеждина.

59. Первые труды Ѳ. И. Буслаева. Опытъ по исторіи русскаго языка Константина Аксакова.

60. «Начатки русской филологіи» М. А. Максимовича. Сочиненіе С. Лебедева о вліяніи Польши на русскій языкъ.

61. «Мысли объ исторіи русскаго языка» И. И. Срезневскаго.

62. Труды П. А. и И. А. Лавровскихъ.

63. «Записка о древнемъ русскомъ языкѣ» М. П. Погодина и движеніе, вызванное ею въ русской филологической литературѣ.

Числа:

64. «Историческая Грамматика» русскаго языка Ѳ. И. Буслаева. Его же «Историческая Хрестоматія» и опытъ Билярскаго о языкѣ «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ».
65. Изслѣдованія по исторіи русскаго языка А. А. Потебни.
66. Труды по исторіи русскаго языка М. А. Колосова.
67. Трудъ П. И. Житецкаго: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія».
68. Разработка частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка.
69. Труды по исторической лексикографіи русскаго языка.
70. Разработка «иноземныхъ словъ» въ языкѣ русскомъ.
71. Разработка «областныхъ нарѣчій русскаго языка».
72. Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русскаго языка.

Б. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Труды А. Фойгта, Добнера и Добровскаго по исторіи славянскаго письма.
74. Труды В. Копитара по отношенію къ Глаголицѣ.
75. Труды по тому же предмету П. И. Прейса и И. И. Срезневскаго.
76. Труды и мнѣнія о Глаголицѣ В. И. Григоровича.
77. Первыя изслѣдованія о Глаголицѣ П. І. Шафарика.
78. Сочиненіе Бодянскаго: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ».
79. «Пражскіе глагольскіе отрывки».
80. Изслѣдованія о происхожденіи славянскихъ письменъ д-ра И. Гануша.
81. Сочиненіе Шафарика: «О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма».
82. Изслѣдованія о славянскомъ письмѣ Миклошича и Рачкаго.
83. «Древніе глаголическіе памятники» И. И. Срезневскаго.

ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ДРЕВНЕЙ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.

I.

Историческое обозрѣніе.

Въ 1877-8 г. — по особымъ обстоятельствамъ — мною читанъ былъ въ Университетѣ св. Владиміра библіологическій курсъ «Исторія изученія древней русской письменности».

Курсъ распадался на двѣ неравныя половины: первая, краткая — заключала въ себѣ — «общее обозрѣніе исторіи изученія» нашей письменной старины; вторая — подробная представляла «исторію изученія ея въ систематическомъ порядкѣ», по отдѣламъ. Представляя нынѣ, на общее пользованіе, *извлеченіе* изъ первой части курса, считаю необходимымъ дать мѣсто одному библіографическому объясненію. Внимательный читатель замѣтитъ, что нѣкоторыя упоминаемыя мною изданія, сочиненія и статьи приводятся со всею библіографическою обстоятельностью и полнотою, другія — не столь подробно и обстоятельно... Обстоятельно и подробно называются въ этомъ отдѣлѣ лишь тѣ труды, о которыхъ или вовсе не упоминается во второй части курса, или же упоминается въ общихъ словахъ; наоборотъ — то, о чемъ во

второмъ отдѣленіи будетъ рѣчь подробная и обстоятельная — въ *первомъ* упоминается лишь кратко, или же и вовсе не упоминается. Обѣ части моего курса, такимъ образомъ, взаимно другъ друга пополняютъ и отвѣчаютъ требованіямъ библіографической обстоятельности — лишь въ своей совокупности... Короче — требованія *общей библіографической точности* соблюдены мною вездѣ, *библіографическая же обстоятельность* — только на *своемъ мѣстѣ*, тамъ, гдѣ — по моему плану — ей быть надлежало.

---

1. Произведенія древней русской письменности изучались съ давняго времени, но только съ прошлаго вѣка они начали быть изучаемы, какъ предметъ историко-филологической науки. Древняя Русь не знала науки въ собственномъ смыслѣ, она знала лишь науку вѣры, потому и изучала произведенія письменности только такія, которыя могли служить дѣлу вѣры, дѣлу спасенія души, дѣлу христіанской морали, т. е. съ цѣлями религіозно-практическими. Правда, были стремленія или попытки изученія произведеній письменности съ цѣлями удовлетворенія исторической и литературной любознательности, но или онѣ были слабы, или и здѣсь преобладало религіозно-практическое, назидательное направленіе: польза ума, идея образованности совершенно заслонялась идеею пользы души, т. е. ея спасеніемъ [1]).

1) О характерѣ «книжнаго почитанія» въ древней Руси см. ст. (Порфирьева): «О чтеніи книгъ въ древнія времена Россіи» Православ. Собесѣд. 1858, ч. II, стр. 173 sq. и 443 sq.; Шевырева «Исторія русской словесности» ч. I, М. 1859, стр. XXV sq.; ср. также ст. «О способахъ духовнаго просвѣщенія древней Россіи — внѣ училищъ», Православ. Собесѣдн. 1858, ч. I, стр. 87 sq., 262 sq.

2. При такомъ взглядѣ—естественно—гдѣ было средоточіе религіозной жизни, тамъ было и средоточіе литературной дѣятельности, письменности. Письменные памятники религіознаго характера собирались и хранились у насъ при монастыряхъ, соборахъ, епископскихъ каѳедрахъ, церквахъ, училищахъ [2]), памятники же дѣловые — въ мѣстахъ государственнаго правленія; на Государевомъ Верху, въ посольскомъ Приказѣ и въ Приказахъ иныхъ.

2) Перечень книжныхъ собраній древней Руси до XV в. въ трудѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго языка и письма». Спб. 1863, см. Указатель, подъ словомъ «Книги».

3. Библіотеки составлялись какъ чрезъ нарочитое списываніе книгъ при монастыряхъ, соборахъ; такъ и вкладами и приношеніями лицъ благочестивыхъ или же по правамъ наслѣдованія.

Замѣчательнѣйшія изъ нихъ, дошедшія до нашего времени были:

а) *Новгородская Софійская.* Исторія ея — у Купріянова: «Историческій Очеркъ Софійской библіотеки» въ Извѣстіяхъ II отд. Акад. Наукъ V, 1857, ст. 367—71. Здѣсь же, т. VI, стр. 34—66, 276—320. Книга издана и отдѣльно: «Обозрѣніе пергаменныхъ ркп. Новгородской Софійской библіотеки» Спб. 1857. X + 113. 8. — (Смирнова): «Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки» въ Лѣтописяхъ занятій археограф. Коммиссіи, 1864, III, Спб. 1865, От. III, стр. 1—106.

б) *Новгородскихъ церквей и монастырей.* Ст. арх. Макарія: «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ» въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и древностей 1861, кн. 2, Мат. Сл. 1—40, см. также Купріянова: «Указанія на нѣкоторыя рукописи Новгородскихъ церквей и монастырей». Ж. М. Нар. Пр. 1853, № 12, стр. 122—130.

в) *Московская патріаршая (нынѣ синодальная).* Исторія образованія ея изложена въ книгѣ арх. Саввы: «Указатель для обозрѣнія московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки, М. 1858, II, стр. 1—40; здѣсь же, стр. 41 sq. Алфавитный указатель рукописей, славянская часть котораго издана и отдѣльно, М. 1858, 8°, стр. 128.

Ст. И. М. Снегирева объ этой библіотекѣ помѣщена въ (плюшаровскомъ) Энциклопедич. Лексиконѣ, т. V, стр. 515—18; а также и въ «Памятникахъ Московской древности», 1842—1845, стр. 177—192.

Рукописи этой библіотеки описывали: Калайдовичъ: опи-

салъ № 101, напечатан. въ неизданномъ Архивѣ кн. М. А. Оболенскаго, ч. I, св. VII, стр. 1—62; Ундольскій: часть описанія издана въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.» 1867, кн. 2, Мат. Слов. 1—56; Горскій и Невоструевъ: Описаніе славянскихъ рукописей патріаршей, нынѣ синодальной библіотеки; т. 1. М. 1855; т. 2—ib. 1858; т. 3 ib. 1859; т. 4—ib. 1862; т. 5, ib. 1869; см. также старую опись: «Роспись книгъ, которые обрѣтаются въ патріаршей ризнице... 1718, изд. Полуденскимъ въ приложеніяхъ къ Русскому Архиву 1864 г. № 3—4.

г) *Успенскаго Собора.* Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: «Памятники Московской Древности» М. 1842—45, стр. 42—49.

д) *Чудова монастыря.* Извѣстіе о ней въ кн. Снегирева: «Памятники Моск. Древн.» стр. 145—148.

е) *Типографская*, принадлежащая синодальной типографіи въ Москвѣ. Исторія ея (не вполнѣ трезвая) изложена г. Безсоновымъ въ статьѣ: «Типографская библіотека въ Москвѣ,» Русская Бесѣда 1859, к. V, стр. 39—105 и отдѣльно, 1859. 8° стр. 66; см. также ст. Викторова: «Библіотека и историческая дѣятельность Московской синодальской типографіи». Москов. Вѣдомости 1859, № 285, 288, 291 и газета «Наше Время» 1860, № 5, 8, 10 и 12; свѣдѣнія о книгахъ типографской библіотеки на основаніи Реестра 1727 см. въ ст. Артемьева: «Каталоги библіотеки Московской синодальной типографіи». Временникъ Общ. Ис. и Др. 1851, к. XI, Смѣсь, стр. 1—13.

ж) *Троицко-Сергіевой Лавры:* извѣстіе о ней въ книгѣ (Горскаго) «Историческое описаніе Свято-Троицкія Сергіевы Лавры», М. 1865, стр. 151—165, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и древн. 1878, к. IV, 165—174, cf. С. П. Шевырева: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» ч. I, М. 1850, стр. 18—20. Недавно изданъ (въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1878, ч. 2, 4, 1879, ч. 2 и отдѣльно 3 ч. М. 1879) трудъ іер. Иларія и Арсенія, перечневое полное «Описаніе Славянскихъ рукописей библіотеки Свято-троицкой Сергіевской Лавры». М. 1878—9. Впереди предпослана краткая исторія книгохранилища.

з) *Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря.* Свѣдѣнія о ней въ книгѣ С. Шевырева: «Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь» М. 1850, ч. II, стр. 14—51; старый (18 в.) каталогъ рукописямъ библіотеки по списку Румянцевскаго Музея напечатанъ И. П. Сахаровымъ въ Русскомъ Вѣстникѣ 1842, № 11—12, стр. 1—40; см. также трудъ арх. Варлаама: Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго. М. 1860, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи 1860 кн. 2-я, Мат.Слов. стр. 1—69.

и) *Соловецкой обители.* Извѣстіе о ней: въ книгѣ «Истина св. Соловецкой обители пр. Игнатія». Спб. 1847, стр. 203—268; въ ст. (Ялова) «Библіотека Соловецкаго монастыря» въ «Православномъ Собесѣдникѣ» 1859, I, стр. 24—39, 199—221; II, стр. 67—85. Съ 1877 года начато систематическое ея описаніе (пр. Порфирьевымъ): оно печатается въ Православномъ Собесѣдникѣ; описанію предпосланъ краткій очеркъ исторіи библіотеки.

к) *Іосифа Волоколамскаго монастыря.* Свѣдѣнія о ней и рукописяхъ см. въ извлеченіи Анастасевича изъ обстоятельнаго описанія ркп. П. М. Строева, въ Отечественныхъ Запискахъ 1823, ч. XIII, № 33, 35, ч. XV, № 39, стр. 123—139, 400—413, 102—114; см. также К. И. Невоструева: Разсмотрѣніе соч. Хрущева: Іосифъ Волоцкій, въ «Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова», Спб. 1870, стр. 168—186, ст. «Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого препод. Іосифа». Въ отдѣльномъ оттискѣ стр. 85—103. См. опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго монастыря 1573 г. въ Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. 1847, № 7, стр. 1—16 Смѣси.

л) *Воскресенскаго или Новоіерусалимскаго монастыря.* Описаніе ркпс.—въ книгѣ архим. Амфилохія: «Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки» М. 1875. 4/°, также арх. Леонида: «Описаніе Славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Воскресенскаго, Новый Іерусалимъ имен. монастыря въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн. 1871, к. I, с. стр. 1—71, и

отдѣльно. Трудъ о. Леонида — во многомъ представляетъ дополненіе къ предыдущему. Въ началѣ помѣщена исторія библіотеки. Въ книгѣ И. П. Сахарова: «Русскіе древніе памятники.» Вып. I (Спб. 1842), стр. 4+13, помѣщено: «Описаніе Славяно-русскихъ рукописей, находящихся въ библіотекѣ Воскресенскаго Ново-Іерусалимскаго монастыря. Описаніе сіе составлено на основаніи предшествовавшаго рукописнаго труда П. М. Строева, см. Барсукова: «Жизнь и труды Строева», Спб. 1878, стр. 38. Многія книги изъ библіотеки Воскресенскаго монастыря «исправленія ради книгъ» были взяты въ Москву, въ патріаршую ризную казну, см. «Опись книгамъ», поступившимъ въ патріаршую ризную казну. М. 1847, и въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1847, № 5, смѣсь, стр. 1—20; брались книги отсюда въ Москву и позднѣе, въ 18 и 19 в. см. вышеуказанное Описаніе арх. Леонида.

Кромѣ этого, почти при каждомъ монастырѣ въ древней Руси существовали болѣе или менѣе значительныя библіотеки: въ составленной при патріархѣ Никонѣ «Описи книгамъ въ степенныхъ монастыряхъ находящимся (издана въ Чтеніяхъ общ. Ист. и Др. 1848, № 6 стр. 1—44 и отдѣльно), такихъ монастырскихъ библіотекъ поименовано 39; ихъ, конечно,—было гораздо болѣе [3]).

3) См. ст. Бередникова: «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и другихъ библіотекахъ» въ Журн. М. Нар. Пр. 1853 № 6; стр. 85—111.

Извѣстны собранія рукописей слѣдующихъ монастырей:

а) *Тихвинскаго монастыря*, см. ст. Бередникова: «Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библ. Тихвинскаго успенскаго монастыря», Ж. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, стр. 201—226.

б) *Спасскаго монастыря* въ Ярославлѣ. Свѣдѣнія о рукоп. монаст. представлены А. Ѳ. Бычковымъ въ Лѣтописяхъ занятій археогр. Ком., вып. V, Спб. 1871, прот. стр. 21—29 и въ «Сборникѣ» II отд. Академіи Наукъ. т. II, Спб. 1868—прот. с. VIII—XII.

в) *Суздальскаго Спасо-евфиміевскаго монастыря*, старая «опись» книгамъ его во Временникѣ Общ. Ист. и Др. т. V, 1850, см. стр. 43—51.

г) *Калужскихъ монастырей, городскихъ и сельскихъ церквей.* Обозрѣніе ихъ, составлен. арх. Леонидомъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и древ. 1865 кн. IV, см. стр. 1—115 и отдѣльно.

д) *Звенигородскаго Саввина монастыря*, описана П. М. Строевымъ, описаніе не издано, см. «Рукописи Царскаго» М. 1848. № 197. Рукописей въ 1818 г. было только 17.

е) *Пафнутія Боровскаго монастыря*, описана Строевымъ описаніе не издано, см. ibidem; всѣхъ рукописей было въ 1820 числомъ 60.

ж) *Иверскаго Святоезерскаго монастыря*: остатки книгохранилища XVII в. перечислены о. арх. Леонидомъ въ Русской Исторической библіотекѣ, т. V, Спб. 1878, стр. 50—62.

Исчисленіе всѣхъ монастырскихъ, соборныхъ и церковныхъ библіотекъ, откуда Археографическая коммиссія черпала свои матеріалы, см. въ книгѣ «Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археограф. Коммиссія за 25 лѣтъ», Спб. 1860, стр. 20—21, cf. Ундольскаго: Библіографическія разысканія. М. 1846, с. 4—9.

4. Были библіотеки, о которыхъ сохранились только извѣстія, такъ, напр. библіотека Св. Софіи въ Кіевѣ: нынѣшній запасъ книгъ ея (о немъ см. митр. Евгенія: Описаніе Кіево-соф. Собора, Кіевъ, книга 1825, стр. 54) происхожденія не очень давняго.

Были библіотеки, принадлежавшія правительственнымъ учрежденіямъ, великимъ князьямъ, патріархамъ, митрополитамъ и другимъ духовнымъ и свѣтскимъ лицамъ [4]).

4) а) *Архивъ при мастерской оружейной палатѣ*, описаніе рукописей и книгъ его, сост. г. Зубаревымъ, см. Вѣстникъ Европы 1827, № 14, стр. 81—102; № 15, с. 161—184, № 16, с. 241—264.

б) *Архивы дворцовыхъ приказовъ:* первый томъ описанія ихъ изданъ г. Викторовымъ, подъ заглавіемъ: «Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ 1584—1725», I, М. 1877, 8°, стр. 376.

Свѣдѣнія о московскихъ и иныхъ архивахъ можно найти: въ ст. П. Иванова «Государственные архивы въ Москвѣ», Москвитянинъ 1841 № 3, стр. 254—259, (подробнѣе)—въ особой

книгѣ П. Иванова: «путеводитель по г. Архивамъ, состоящимъ при Правит. Сенатѣ въ Москвѣ», М. 1845, VI+58 с. 8°; въ ст. «Архивы въ Россіи», помѣщен. въ Энциклопедическомъ Словарѣ 1862, т. V, с. 539—547; cf. ст. Н. В. Калачова: «Архивы» въ кн. «Труды перваго археологич. съѣзда», М. 1871, I, с. 207—218; наконецъ для *исторіи* московскихъ архивовъ важны и замѣчанія П. М. Строева въ книгѣ Барсукова: Жизнь и труды П. М. Строева» Спб. 1878, с. 338—340.

в) *Библіотеки вел. князей Василія IV Ивановича и Ивана IV Васильевича*, о нихъ ст. проф. Клоссіуса въ Dorpater Jahrbücher d. Literatur 1834, т. III № 4 с. 289—304 и Журн. М. Нар. Пр. 1834, № 6, 397—419.

г) Старинныя описи царскихъ библіотекъ напечатаны въ сочиненіи И. Е. Забѣлина: «Домашній бытъ Русскихъ царей», стат. 7-ая, «Отечественныя Записки» 1854, № 12, с. 122—136.

д) *Библіотека Павла митр. сарскаго и подонскаго*, реестръ ея во Временникѣ въ Общ. Истор. и Др. V, 1850, стр. 65—73.

е) *Библіотека Патр. Филарета Никитича*, «Роспись» ея во Временникѣ Общ. Ист. и Др., кн. XII, 1852, см. стр. 1—9, и въ «Описаніи Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ, сост. Ивановымъ, М. 1850, с. 287—295 и въ Вѣстникѣ Общества древне-русскаго искусства за 1875 М. 4°, отд. матеріалы, стр. 24—29.

ж) *Библіотека патріарха Никона*; перечень книгъ ея помѣщенъ въ ст. «Переписная книга домовой казны Патр. Никона, составленная въ 7166 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича», во Временникѣ Общ. ист. Древ. 1852, кн. 15, стр. 8—15.

з) *Библіотека іер. Евфимія*; опись ея въ «Лѣтописяхъ русской литературы», изд. Н. С. Тихонравовымъ, т. V, с. 50—56. Здѣсь же, стр. 56—74, помѣщена и опись библіотеки *цр. Матвѣева.*

и) *Библіотека Дмитрія* (Тупталенка) *Ростовскаго*, опись ея въ Москвитянинѣ 1855, № 21—2, стр. 79—86.

5. Одною изъ замѣчательнѣйшихъ библіотекъ была библіотека Сеньки (въ монаш. Сильвестра) Медвѣдева, который и со-

ставилъ подробную опись ея, первый русскій подробный библіографическій трудъ, подъ названіемъ: «*Оглавленіе книгъ*, кто ихъ сложилъ»; издано Ундольскимъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1846, № 3, смѣсь, стр. I—XXX, 90 и отдѣльно. М. 1846 XXX+90. Цѣль составленія «оглавленія» была, вѣроятно, та, чтобы узнать «кто которую книгу сложилъ и написалъ». Цѣль—практическая: для ученыхъ занятій, для переводовъ Отцовъ Церкви и изданія ихъ необходимо было прежде знать, что было сочинено и переведено, что напечатано и что нѣтъ, чтобы не трудиться понапрасну надъ переводомъ и изданіемъ. Библіографія согласно съ характеромъ древне-русскаго образованія служила цѣлямъ религіозно-церковнымъ.

Та же цѣль «великой душевной пользы» руководила и гигантскимъ предпріятіемъ митроп. Макарія—собрать воедино «всѣ книги чтимыя, которыя въ русской землѣ обрѣтаются». Это такъ называемыя его Великія Чети—Минеи.

6. Библіотеки въ *древней Руси* служили дѣлу и ученію вѣры,—въ новой имъ предстояла иная миссія, миссія науки.

Съ реформою Петра на Руси возникаетъ идея науки въ высшемъ значеніи этого слова. Правда, эта идея имѣетъ практически-утилитарный характеръ, но она не затрудняетъ уже, какъ прежде, свободы изслѣдованія и критическаго изученія. Памятники старинной отечественной письменности отыскиваются, собираются и разбираются съ цѣлями историко-научными. Еще въ 1722 г. Петръ издалъ указъ, чтобы, изъ всѣхъ епархій и монастырей, гдѣ о чемъ по описямъ курьезные, т. е. древнихъ лѣтъ рукописные, на хартіяхъ и на бумагѣ, церковные и гражданскіе лѣтописцы, степенныя, хронографы и прочія симъ подобныя, что гдѣ таковыхъ обрѣтается, взять въ Москву въ Синодъ и для извѣстія оные описать и тѣ списки оставить въ библіотекѣ [5]).

5) См. Чтенія въ Общ. Ист. и Древ. 1847, № 2, Смѣсь, стр. 29.

Воспитанникъ Петровской школы В. Н. Татищевъ, отдавшись изученію отечественной географіи и исторіи—«неусып-

нымъ трудомъ» отовсюду собираетъ манускрипты: лѣтописные сборники, церковные степенные хронографы, царственныя книги, Четьи Минеи, прологи и т. д., сводитъ и сличаетъ ихъ извѣстія, наконецъ самъ открываетъ и толкуетъ «Русскую Правду и Судебникъ» [6]).

6) Н. Поповъ: В. Н. Татищевъ и его время, М. 1861, стр. 431 sq. особ. 450 sq.

7. Академія наукъ, задачей которой по мысли Петра было «науки производить и свершать» — съ самаго своего основанія обратила серіозное вниманіе на изученіе рукописныхъ историческихъ источниковъ. Хотя при Академіи и не существовало особаго класса «русской исторіи», тѣмъ не менѣе академики общаго «историческаго класса» усердно занялись изученіемъ отечественныхъ древностей между прочимъ — и произведеній старинной русской письменности. Такъ:

I. П. Коль, приглашенный въ Академію профессоромъ краснорѣчія и церковной исторіи въ одномъ изъ академическихъ засѣданій представилъ статью: «de manuscriptis bibliothecae mosquensis»; а по возвращеніи на родину, въ 1729 г. издалъ цѣлую книгу «Введенія въ исторію и литературу славянъ, преимущественно церковную или критическую исторію славянскихъ замѣчательнѣйшихъ переводовъ, именно Священнаго писанія и Ефрема Сирина [7]) и т. д. При разсмотрѣніи судебъ славянскаго перевода Св. Пис. Коль пользовался и нѣкоторыми рукописными источниками. Описаніе славянскаго перевода Ефрема Сирина (стр. 300—366) очень замѣчательное. Въ концѣ книги изданы, латинской транскрипціей славянскій переводъ двухъ гомилій Ефрема Сирина, неизвѣстныхъ ни въ греческомъ, ни въ латинскомъ текстахъ. (Латинскій переводъ сихъ гомилій сдѣланъ самимъ авторомъ съ славянскаго). Такимъ образомъ уже тогда опредѣлилось вѣрное значеніе произведеній славяно-русской письменности для исторіи общей литературы и церкви, т. е. для возвращенія утраченныхъ памятниковъ ихъ.

Г. Ф. Миллеръ неутомимо, болѣе полустолѣтія трудившійся надъ отысканіемъ и собираніемъ всякаго рода историческихъ отечественныхъ матеріаловъ. Масса ихъ приведена имъ въ извѣстность въ его сборникахъ: нѣмецкомъ—«Sammlung Russischer Geschichte, Spb. 1732—64, 9 т. и русскомъ — Ежемѣсячныя сочиненія (къ пользѣ и увеселенію служащія), Спб. 1755—1764, 20 т. Миллеру принадлежатъ изданія: «Степенная книга» (митр. Кипріана и Макарія) М. 1775, 2 т.; «Исторія Россійская Татищева» М. 1768—74. 3 т. «Судебникъ государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича» и нѣкоторые сего государя и ближнихъ его пріемниковъ указы, собранные и примѣчаніями изъясненные В. Н. Татищевымъ, М. 1768[1]). Не мало рукописныхъ матеріаловъ Миллеръ сообщалъ, какъ увидимъ, и другимъ лицамъ.

А. Л. Шлецеръ. Еще до пріѣзда въ Россію (1761 г.) Шлецеръ составилъ себѣ высокое понятіе о русскихъ лѣтописяхъ и въ Россіи усердно занялся изученіемъ ихъ, сличалъ различные списки, подводилъ варіанты къ древнѣйшимъ, особенно съ той поры, какъ изданіе Кенигсбергскаго списка Таубертомъ было выполнено безъ соблюденія правилъ строгой филологической критики [2]). Плодомъ занятій Шлецера памятниками древне-русской письменности были: «Правда Русская», данная въ XI в. отъ вел. князей, Ярослава Вл. и сына его Изяслава Яр., изданіе Августа Шлецера, Спб. 1767. «Русская лѣтопись по Никонову списку», ч. I, Спб. 1667 съ предисловіемъ Шлецера: «Probe russischer Annalen v. A. L. Schlözer. Br. u. G. 1768. Послѣдній трудъ—программа и первообразъ того, что впослѣдствіи въ широкихъ размѣрахъ выполнено Шлецеромъ въ его «Несторѣ». «Probe» излагаетъ сначала жизнь Нестора, его сочиненія (Лѣтопись и Патерикъ (?) и его продолжателей, далѣе, по общемъ историко-этнографическомъ введеніи, предлагается обзоръ источниковъ русской исторіи: степенныхъ книгъ, хронографовъ, родословныхъ и разрядныхъ книгъ, Четіихъ Миней, Прологовъ, Патериковъ, грамотъ и наконецъ списковъ лѣтописей. Послѣднія обозрѣваются кратко, но по правиламъ ученой палеографіи

того времени, именно въ отношеніи матеріала письма, формата, способа написанія, языка; далѣе разсматриваются вопросы о варіантахъ, ошибкахъ переписчиковъ, о существенныхъ отличіяхъ въ текстѣ различныхъ списковъ и т. д. сжато, но съ замѣчательнымъ по времени знаніемъ дѣла.

Кромѣ Кенигсбергскаго списка и Никонова сборника (т. 8) Академія напечатала еще нѣсколько лѣтописныхъ списковъ [10]). Въ 1778 указомъ импер. Екатерины «для пользы общества и къ споспѣшествованію Россійской исторіи повелѣно было приступить къ напечатанію рукописныхъ книгъ, «касающихся до Россійской Исторіи достойныхъ примѣчаній лѣтописцевъ». Вслѣдствіе этого въ 1768—90 г. и Свят. Синодомъ было (подъ смотрѣніемъ митр. Платона) напечатано также нѣсколько лѣтописныхъ списковъ.

7) I. P. Kohlii Introductio in historiam et rem literariam Slavorum imprimis sacram sive historia critica versionum slavonicarum maxime insignium, nimirum codicis sacri et Ephremi Syri, duobus libris absoluta. Accedunt duo sermones Ephremi Syri nondum editi de sacra coena. Alton. 1729, 16° стр. 418. О дѣятельности Коля см. Пекарскаго «Исторія Импер. Академіи Наукъ», I, Спб. 1870, стр. 77—81.

8) О трудахъ Миллера см.: ст. Соловьева: «Г. Ф. Миллеръ» въ Современникѣ 1854, № 10, стр. 115—150; Пекарскаго: Исторія Акад. Наукъ, I, стр. 308—430; его же: Редакторъ, сотрудники и цензура въ русскомъ журналѣ 1755—1764 г., Спб. 1867. Полный перечень статей помѣщ. въ «Ежемѣсячныхъ сочиненіяхъ» см. у Неустроева: Историческое разысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г. Спб. 1875, стр. 46—67; обозрѣніе историко-литерат. матеріала «Ежем. Сочин.» въ ст. В. Милютина «Очерки русской журналистики», Современникъ 1851, № 1, 2 и 3.

Объ археографическихъ заслугахъ Миллера прекрасно говоритъ Строевъ въ своей рѣчи «О средствахъ къ открытію памятниковъ» и. т. д. см. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева». Спб. 1878, стр. 69.

9) Кенигсбергскій списокъ изданъ въ I т. изданія: «Библіотека Россійская историческая, содержащая древніе лѣтописи» и т. д. Спб. 1767, 4°, с. 33+XII+301+50. Объ этомъ изданіи см. въ ученой автобіографіи Шлецера «Общественная и частная жизнь А. Л. Шлецера» въ Сборникѣ II Отдѣл. Академіи Наукъ, т. XIII, 1875, с. 45 и сл., а также въ его Несторѣ. Russische Annalen, 1. p. 95—6. О Шлецерѣ писано у насъ не мало, но всѣ писавшіе разсматривали болѣе его общее вліяніе на русскую исторіографію, чѣмъ его археографическую дѣятельность.

10) Библіографическое обозрѣніе ихъ въ ст. Д. В. Полѣнова: «Библіографическое обозрѣніе русскихъ лѣтописей» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1849, № 10 и 11; а также Schlözer's: Несторъ. Russische Annalen. I, 1802, стр. 104—5 и въ ст. А. Ѳ. Бычкова въ кн. Отчеты о занятіяхъ археогр. Ком. Спб. 1860, с. 61—66, и ст. «О лѣтописяхъ, издан. отъ Св. Синода». Записки Ак. Наукъ, т. IV, 1864, с. 174—202; Полѣновъ ib. Schlözer's Несторъ ib. p. 105—6, и ст. Бычкова: loco cit.

8. Н. И. Новиковъ, помимо обширной литературной дѣятельности, какъ журналистъ, сатирикъ и публицистъ—извѣстенъ и какъ издатель многихъ памятниковъ древней русской письменности. Слѣды изученія ихъ видны уже въ его «Опытѣ историческаго Словаря о россійскихъ писателяхъ», Спб. 1772. Здѣсь онъ неоднократно касается писателей до-петровскаго времени и указываетъ на рки. матеріалы Императорской библіотеки, но съ 1773 онъ выступаетъ съ періодическими изданіями и сборниками, почти всецѣло посвященными обнародованію памятниковъ до-петровской письменности, таковы: а) «Древняя Россійская Вивліоѳика, или собраніе разныхъ древнихъ сочиненій» и т. д. Спб. 1773—5, 10 т.; второе изданіе, въ 20 частяхъ — болѣе чѣмъ вдвое увеличенное и упорядоченное въ хронол. систему, вышло въ 1788—91 г.; б) «Повѣствователь древностей Россійскихъ или собраніе разныхъ достопамятныхъ записокъ, служащихъ къ пользѣ Исторіи и Географіи Россійской», 1776, ч. I, 1 №; в) Санктпетербургскія ученыя Вѣдомости на 1777 г. т. 1. [11]).

До изданій румянцевской и археографической комиссій «Вивліоѳика» Новикова была единственнымъ въ своемъ родѣ сборникомъ. Она необходима каждому изслѣдователю русской древности и нынѣ, потому что матеріалъ ея далеко не исчерпанъ другими изданіями. Нельзя забыть также и другого изданія Новикова, именно «Древняя россійская идрографія» Спб. 1773 — это вторая редакція знаменитой «Книги большому Чертежу», составленная въ 1680 г. Предпріятіе Новикова нашло продолжателей въ членахъ Академіи Наукъ, которые при пособіи Штриттера — съ 1786 по 1801 издавали «Продолженіе древней Россійской Вивліоѳики», 11 частей, гдѣ за исключеніемъ трехъ списковъ «Русской Правды» — «Судебника» и «Новгородскаго лѣтописца» — все занято грамотами и актами юридическими и историческими [12]).

11) Точное библіограф. описаніе и оглавленіе этихъ изданій см. въ кн. Неустроева: «Историческое розысканіе о русскихъ повременныхъ изданіяхъ и сборникахъ за 1703—1802 г.» Спб. 1875. Стр. 181—201, 494—521, 222—230.

12) См. описаніе и оглавленіе у Неустроева: Историческое розысканіе, стр. 397—402.

9. Принявъ во вниманіе пробудившійся интересъ къ изученію русской письменной (рукописной) древности [13]) и указанныя предварительныя работы въ этомъ отношеніи, можно объяснить себѣ появленіе такихъ трудовъ, какъ Исторія кн. Щербатова и критическія сочиненія Болтина [14]). Были даже попытки свести въ одно плоды этого изученія. Замѣчательнѣйшія изъ нихъ принадлежатъ Т. Бакмейстеру и Баузе. Въ своемъ «Опытѣ о библіотекѣ» [15]) Бакмейстеръ предварительно обозрѣваетъ судьбу русскаго книжнаго просвѣщенія и дѣлаетъ при этомъ такія замѣчанія, которыя не только обнаруживаютъ близкое знакомство съ рукописной русской письменностью, но и могли бы быть повторены въ настоящее время. Таково напр. о существованіи лѣтописцевъ до Нестора (24 с.)... Баузе въ своей рѣчи о состояніи просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. [16]) раздѣляетъ исторію

просвѣщенія въ Россіи до XVIII в. на три періода. Въ *первомъ* (до Ярослава) знаменательны, между прочимъ, заведеніе Владиміромъ школъ и переводы церковныхъ книгъ съ греческаго на славянскій; во *второмъ* (до Іоанна III)—заботы Ярослава о наукахъ, заведеніе имъ въ Новгородѣ школы для 300 дѣтей высшаго и духовнаго сословій по Русской Правдѣ, основаніе Анною, дочерью Всеволода I, училища въ Кіевѣ для дѣвицъ, гражданское законодательство Владиміра Мономаха, лѣтопись Нестора въ эпоху, когда прочія страны Европы не имѣли своихъ историковъ; *третій* періодъ обнимаетъ время до Петра... Баузе извѣстенъ еще и тѣмъ, что собралъ замѣчательную библіотеку русскихъ рукописей, въ которой были въ своемъ родѣ единственныя. Она погибла въ 1812 г. [17]).

13) Даже и спеціалисты-естествоиспытатели не оставались, какъ нынѣ—чужды этому интересу, такъ напр. Лепехинъ не только обращаетъ вниманіе и пользуется старыми рукописями въ своихъ «Дневныхъ Запискахъ о путешествіи», но и цѣликомъ издаетъ нѣкоторыя изъ нихъ, напр. «Законы данные великимъ Ярославомъ», т. е. Уставъ Ярослава по списку, найденному близъ Архангельска. См. Дневныя Записки, ч. III, стр. 351, 346, 366.

14) Щербатовъ, кн., Исторія Россійская отъ древнѣйшихъ временъ. VII т. въ 15 частяхъ, 1770—91; Болтинъ: Примѣчанія на исторію древнія и нынѣшнія Россіи Леклерка, Спб. 1788, 2 т.; его же: Критическія примѣчанія на I т. Исторіи кн. Щербатова 1793—94, 2 т. Спб. и др. полезныя сочиненія тѣхъ же лицъ.

15) I. Bacmeister: Essai sur la Bibliotheque de l'Academie des sciences, Spb. 1776, переводъ на рус. яз. Костыгова «Опытъ о библіотекѣ». 1779.

16) Oratio de Russia ante hoc saeculum non prorsus inculta, nec parum adeo de litteris earumque studiis merita... Mosq. 1796. 4° 45 стр.; русскій переводъ или вѣрнѣе изложеніе съ нѣмецкаго въ «Вѣстникѣ Европы» 1806, ч. 25, № 1, стр. 3—20; № 2, стр. 81—96.

17) О знаменитой библіотекѣ Баузе можно составить нѣкоторое понятіе по книгѣ Калайдовича: «Извѣстіе о древ-

ностяхъ Славяно-Русскихъ и объ И. Ѳ. Ѳерапонтовѣ» М. 1811; перечневой каталогъ, сост. В. Н. Карязинымъ, напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ис. и Др. 1862, № 2, смѣсь, с. 45—79. Въ (бывшей) Чертковской библіотекѣ хранится болѣе исправный подлинникъ этого каталога.

Нельзя позабыть также и библіотеки П. Г. Демидова, которая заключала въ себѣ не мало рѣдкихъ русскихъ рукописей, см. Чтенія въ Об. Ис. и Др. 1846, № 2. Смѣсь стр. 1—35.

10. Тогда же началъ собирать свою библіотеку древнихъ русскихъ рукописей графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ. Изъ рукописей имъ пріобрѣтенныхъ онъ издалъ «Русскую Правду» 1799 и (вмѣстѣ съ Болтинымъ) «Духовную В. кн. Владиміра Всеволодовича Мономаха дѣтямъ своимъ», 1795. Въ 1795 г. Мусинъ-Пушкинъ открылъ въ одномъ сборникѣ и знаменитое «Слово о Полку Игоревѣ» [18]).

Девятнадцатый вѣкъ для древней русской письменности счастливо открывается изданіемъ [19]) сего въ своемъ родѣ единственнаго произведенія древне-русской поэзіи.

Въ то же время А. Л. Шлецеръ издаетъ своего «Нестора» [20]) съ обширнымъ историко-критическимъ введеніемъ, представляющимъ какъ бы сводъ и пересмотръ всего, что дотолѣ сдѣлано было по разбору и обнародованію старинныхъ русскихъ историческихъ памятниковъ.

18) См. Калайдовича: «Записки для біографіи гр. А. И. Мусина-Пушкина», въ Вѣстникѣ Европы, 1813, № 21, с. 76—89, и подробнѣе въ «Запискахъ о Трудахъ Общ. Ист. и Др.» ч. II, М. 1824, с. 1—48.

19) Историческая пѣснь о походѣ на Половцевъ кн. Игоря Святославича, писанная старинныгь русскимъ языкомъ въ исходѣ XII в. М. 1800.

20) Schlözer: Несторъ. Russische Annalen in ihrer slavonischen Ursprache verglichen übersetzt und erklärt, Gött. 1812—9. 5 ч.; русскій переводъ Д. Языкова. Спб. 1809—1819, 3 кн.

11. Съ 1804 г. начинаются обширные труды Карамзина. Предъ нимъ открылись дотолѣ нетронутыя богатства библіотеки и архивовъ. Ему приходилось совмѣщать тяжелую работу антиквара, отыскивателя-коллектора и изслѣдователя. Несмотря на это—онъ умѣлъ обогатить науку древне-русской словесности такимъ огромнымъ запасомъ новыхъ данныхъ, впервые имъ найденныхъ памятниковъ, новыхъ соображеній, изслѣдованій и замѣчаній, что, можно сказать, составилъ въ этомъ отношеніи эпоху. «Изъ примѣчаній» къ Исторіи Государства Россійскаго можно—по словамъ г. Срезневскаго — выдѣлить большую книгу записокъ о древнихъ памятникахъ русской письменности; а ея одной было бы достаточно для ученой дѣятельности и славы другого писателя не только того, но и нашего времени»...[21]) «Громадна—говоритъ другой почтенный ученый — масса памятниковъ, которые онъ въ первый разъ нашелъ, или которыми онъ впервые воспользовался. Сюда принадлежатъ: Хлѣбниковскій списокъ, Лаврентьевскій, Троицкій, Ростовскій, нѣкоторыя изъ Новгородскихъ лѣтописей и едва ли не обѣ Псковскія, потомъ —Даніилъ Паломникъ, Иларіонова похвала Владимиру, множество житій святыхъ, множество грамотъ, сказаній..., и все это онъ изучилъ, провѣрилъ, изъ всего выписалъ самое любопытное и нигдѣ не спутался... Каждый памятникъ онъ подвергаетъ критикѣ и критикѣ всегда удачной. Такъ превосходно разобрано житіе Константина Муромскаго, Дѣяніе собора на Мартина Армянина». Въ лѣтописяхъ онъ также нерѣдко указываетъ на ихъ составныя части: такъ въ «Повѣсти Временныхъ лѣтъ» онъ очень основательно подмѣтилъ одно чисто Новгородское сказаніе; помощью приписки на Остромировомъ Евангеліи возстановилъ одинъ годъ въ лѣтописи; указываетъ въ Кіевской лѣтописи одно извѣстіе, записанное, вѣроятно, въ Черниговѣ и т. д. Не довольствуясь нашими библіотеками и архивами, ищетъ возможности получить нужные для себя документы и изъ архивовъ заграничныхъ»...[22]). Вообще — «если обо многомъ въ «Примѣчаніяхъ» Карамзина на-

добно справляться и теперь, то можно себѣ представить, какое значеніе было за нимъ въ началѣ вѣка»...

21) Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1867, т. CXXXIII. № 1, стр. 86.

22) Слова К. Н. Бестужева-Рюмина въ его статьѣ: «Карамзинъ какъ историкъ» Жур. Мин. Нар. Пр. 1867, т. CXXXIII, № 1, стр. 17—19. Заслуги Карамзина въ отношеніи указанія и объясненія памятниковъ исторіи русскаго права см. въ ст. Н. В. Калачова, помѣщ. въ книгѣ: «Рѣчи, произнесенныя въ собраніи Московскаго Университета въ день Карамзинскаго юбилея» М. 1867, стр. 34—9 и въ Чтеніяхъ въ Общ. любителей Россійской Словесности, I, М. 1867, стр. 2, слѣд.

12. Знакомство съ памятниками древней русской письменности было уже таково, что въ 1806 становится возможенъ классическій палеографическій трудъ А. Н. Оленина, т. е. его «Письмо о камнѣ Тмутараканскомъ». Спб. 1°, 1806, гдѣ главнымъ образомъ важно и рѣшеніе частнаго вопроса, и установка образца и общихъ пріемовъ этого рода изслѣдованій, и разъясненіе важности ихъ для науки древней письменности.

13. Старыя рукописи собираются или въ общественныя книгохранилища или въ библіотеки частныхъ лицъ — гдѣ онѣ становятся болѣе или менѣе доступны изслѣдователямъ, каковы: библіотека Академіи Наукъ, Императорская Публичная библіотека, библіотеки: гр. Ѳ. А. Толстова, гр. Н. П. Румянцева, Московскаго Общества Исторіи и Древностей... [23]).

23) Библіотека Академіи Наукъ—до сихъ поръ не имѣетъ своей исторіи; краткая исторія Импер. публичной библіотеки изложена въ книгѣ «Путеводитель по Императорской публичной библіотекѣ». Спб. 1852, с. 2—53; о библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова (поступившей въ Публичную), см. ст. К. Калайдовича: «Библіографическія поправки», Вѣстникъ Европы 1820, № 11, стр. 195—204. Упомянемъ здѣсь о любопытной книгѣ Radziszewskiego: «Wiadomość hist. stat. o

znakomitszych bibliotekach i Archiwach... w krajach dawną Polską składających... Kr. 1875. Свѣдѣнія краткія, но иногда очень интересныя для исторіи библіотекъ юго-западной и западной Руси.

14. Время первой четверти текущаго столѣтія — по отношенію къ занятіямъ русской стариной — справедливо можетъ быть названо эпохой графа Н. П. Румянцева; вокругъ его сосредоточились и къ нему примкнули всѣ тогдашніе ученые, хотя нѣкоторые и начали свои занятія нѣсколько ранѣе.

Гр. Румянцевъ — по словамъ одного свидѣтеля [24]) — былъ истинный, искренній любитель и знатокъ русской исторіи и вообще русской старины; въ знаніи частностей онъ не уступалъ никакому ученому спеціалисту. Пристрастился онъ къ русской исторіи, кажется, въ десятыхъ годахъ; по крайней мѣрѣ первымъ свидѣтельствомъ его любви былъ докладъ (1811 г.) на Высочайшее имя объ учрежденіи особой комиссіи [25]) для изданія государственныхъ Грамотъ и Договоровъ при Московскомъ архивѣ (Иностранныхъ Дѣлъ). Первый томъ Грамотъ вышелъ въ 1813 г. Все древнее, старинное возбуждало любопытство гр. Румянцева; онъ читалъ постоянно все относящееся къ русской исторіи, отыскивалъ вездѣ ея любителей, привлекалъ къ занятіямъ, искалъ случаевъ начинать историческія работы, задавалъ вопросы, указывалъ источники, снабжалъ книгами, поручалъ изслѣдованія, употреблялъ всѣ зависѣвшія отъ него средства для содѣйствія всякому предпріятію. Всякое открытіе принималось имъ къ сердцу; онъ повѣщалъ прочихъ своихъ сотрудниковъ, славилъ въ обществѣ и, возбуждая соревнованіе, помогалъ деньгами, ходатайствовалъ, покупалъ, печаталъ, издавалъ, и — около него составилось цѣлое общество ревностныхъ, трудолюбивыхъ талантливыхъ дѣятелей, имъ найденныхъ, взысканныхъ, ободренныхъ, воспитанныхъ, которые старались наперерывъ другъ передъ другомъ угождать своему покровителю исполненіемъ его порученій, и сами вызывались на новые труды. Во всѣхъ архивахъ снимались копіи, во всѣхъ библіотекахъ дѣлались извлеченія, во

всѣхъ древнихъ городахъ производились поиски по порученію гр. Румянцева. Изданія слѣдовали одно за другимъ. Важнѣйшія изъ нихъ по отношенію къ древней русской письменности слѣдующія: [24]).

1) Собраніе Государственныхъ грамотъ и договоровъ 1813—28, 4 ч. М. f° съ 4 таб. снимковъ.

2) Древнія Россійскія стихотворенія, собран. Киршею Даниловымъ, изд. К. Калайдовичъ, М. 1818, 4° (второе изд., безъ перемѣнъ, М. 1878, 8°).

3) Законы вел. кн. Іоанна Васильевича и Судебникъ царя и вел. кн. Іоанна Васильевича, изд. К. Калайдовичемъ и П. Строевымъ. М. 1819, 4°, съ 1 л. снимк. (второе изд. безъ перемѣнъ, М. 1877. 8°).

4) Софійскій временникъ, или русская лѣтопись съ 862 по 1534, издалъ П. Строевъ, 2 ч. М. 1820—1, 4° съ 3 снимк.

5) Памятники Россійской Словесности XII в., изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821, 4°, съ листомъ снимковъ.

6) Бѣлорусскій архивъ древнихъ грамотъ. М. 1824, 4°.

7) Іоаннъ Ексархъ Болгарскій. Изслѣдованіе, объясняющее исторію словенскаго языка и литературы IX, X стол., написс. Калайдовичемъ, М. 1824, 2° съ 7 таб. снимковъ.

8) Словарь историческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго чина (соч. архіеп. Евгенія). Спб. 1818, 2 ч. Второе изд. Спб. 1827, 2 ч.

24) М. П. Погодина, въ ст. его: «Судьбы археологіи въ Россіи», въ «Трудахъ Перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ» М. 1871, ч. I, стр. 7, см. также статью: Старчевскаго: «О заслугахъ Румянцева, оказанныхъ отечественной исторіи», Жур. Мин. Нар. Пр. 1846, № 1, с. 1—50; Е. В. Барсова: «Государственный канцлеръ, графъ Н. П. Румянцевъ» въ жур. «Древняя и новая Россія» 1877, № 5, с. 5—22; А. В. Терещенки — въ книгѣ: «Опытъ обозрѣнія жизни сановниковъ въ Россіи», Спб. 1837, II, с. 246—267. Нѣкоторыя стороны ученой дѣятельности гр. Румянцева обстоятельно изложены А. А. Куникомъ въ предисловіи къ изданію Круговыхъ «Ger-

schungen in der älteren Geschichte Russlands» Spb. 1848. I, стр. CLXI—CCX, ст. Krug's Verhältniss zum Kanz. Rumänzow», а также и въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева, Спб. 1878, с. 17—56. Брошюра Ивановскаго: «Государственный канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ. Спб. 1871—плохая компиляція..

25) Краткія, сухія казенныя—«Историческія свѣдѣнія» (И. Ѳ. Аммона) о дѣятельности сей «Коммисіи» до 1856 г. находятся въ *потъльной* книгѣ: «Очеркъ дѣятельности коммисіи печатанія грамотъ и договоровъ, состоящей при Москов. главномъ Архивѣ Минис. Иностр. Дѣлъ». М. 1877; стр. 1—43.

26) Подробное оглавленіе этихъ изданій см. въ «Указателѣ изданіямъ, принадлежащимъ коммисіи печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, состоящей при Московскомъ главномъ Архивѣ Иностранныхъ Дѣлъ.. М. 1856, с. 1—8.

15. Въ 1804 г. по волѣ Императора Александра—составилось въ Москвѣ «Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ». Въ теченіе 7 лѣтъ оно имѣло нѣсколько засѣданій, прилагало стараніе объ отысканіи древнихъ лѣтописей и хронографовъ, хранящихся въ разныхъ мѣстахъ государства, и напечатало нѣсколько листовъ Несторовой лѣтописи по Лаврентьевскому списку. Не имѣя же устава, которымъ бы оно могло всегда руководствоваться, не могло имѣть ни порядочнымъ образомъ установленныхъ засѣданій, ни съ точностью опредѣленныхъ упражненій [27]).

Такой уставъ былъ данъ въ 1811 г. и съ той поры начинается настоящая «дѣятельность» Общества. Оно издало:

1) Записки и Труды (а съ 4 т. Труды и Лѣтописи) 1815—38 г.,—10 част.

2) Русскія Достопамятности, т. I. М. 1815.

3) Лѣтопись Несторова по древнѣйшему списку мниха Лаврентія, изданіе профессора Р. Тимковскаго. М. 1824. Тимковскому принадлежитъ кромѣ того заслуга изданія нѣкоторыхъ другихъ памятниковъ старинной русской письменности (въ «Русскихъ Достопамятностяхъ»), изданій замѣчательныхъ и по критическимъ пріемамъ обработки текстовъ и по объясненіямъ [28]).

4) Обозрѣніе Кормчей книги въ историческомъ видѣ, соч. бар. Розенкампфа. М. 1829, 8°, со многими выдержками изъ рукописей [29]).

. Въ 1811 г. основалось Общество любителей Россійской Словесности и весьма бодро продолжало свою дѣятельность до 1818. Оно издало 20 томовъ «Трудовъ» и 10 т. «Сочиненій въ прозѣ и стихахъ», какъ продолженіе Трудовъ. Разработка древней русской письменности входила въ занятіе Общества гораздо менѣе, чѣмъ разработка теоріи Словесности, новой русской литературы и въ особенности русской грамматики и словаря. Есть, впрочемъ, какъ въ «Трудахъ», такъ и въ «Сочиненіяхъ» Общ. Люб. Рос. Словесности многое, прямо касающееся древней русской письменности, таково знаменитое разсужденіе Востокова о славянскомъ языкѣ, разсужденія Калайдовича, Каченовскаго и др. Большая часть «дѣйствительныхъ» членовъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей, а равно и Общ. любителей Рос. Словесности принадлежали—

27) Записки и Труды Общества Исторіи и Древностей, т. I. М. 1815, стр. XXXVII.

28) см. ст. К. Калайдовича: «О трудахъ проф. Тимковскаго по части русской исторіи» въ Вѣстникѣ Европы, 1820 № 6, стр. 128—132.

29) Живой разсказъ очевидца-участника (П. М. Строева) о дѣятельности Общества Исторіи и Древностей до 1845, см. въ книгѣ Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, с. 418—430.

16. времени гр. Румянцева и были его спутниками и сотрудниками, таковы:

а) Евгеній Болховитиновъ, впослѣдствіи митр. кіевскій, по счастливому выраженію Погодина—«русскій неутомимый бенедиктинецъ: гдѣ судьба его ни водворяла, онъ тотчасъ начиналъ свои разысканія, собиранія, описанія». Труды митр. Евгенія по наукѣ русской письменности начались въ 1805—6 г. сочиненіемъ «Новаго опыта историческаго словаря о россійскихъ писателяхъ»; отдѣлъ его до буквы К напечатанъ въ журналѣ «Другъ

Просвѣщенія» 1805—6 г. Впослѣдствіи Евгеній отдѣлилъ писателей духовныхъ отъ свѣтскихъ и издалъ при пособіи гр. Румянцева словарь первыхъ уже въ полномъ видѣ, въ 1818 г. въ 2 ч.

Сравнительно съ «Опытомъ» Новикова древняя русская письменность занимаетъ здѣсь уже гораздо болѣе мѣста, о ней предлагаются многія новыя свѣдѣнія «бывшія послѣднимъ словомъ науки того времени». Въ новомъ, исправнѣйшемъ изданіи «Словарь писателей духовнаго чина» появился въ Спб. въ 1827 г. [30]). Съ 1812 г. въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ (Вѣстникѣ Европы, въ Запискахъ, Трудахъ и лѣтописяхъ Общ. Исторіи и Древностей, Сынѣ Отечества) и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ (Исторія Россійской Іерархіи, арх. Амвросія (?) т. 7, 1807—15, Исторія княжества Псковскаго, К. 1831, 4 к.; Описаніе Кіево-Софійскаго собора, К. 1825; Описаніе Кіево-Софійской лавры 1825. К. и т. д.) митр. Евгеній напечаталъ множество новыхъ памятниковъ старинной русской письменности, разысканій, изслѣдованій и замѣчаній о нихъ [31]). По мыслямъ и подъ руководствомъ Евгенія — воспитанниками вологодской семинаріи было передано по-русски сочиненіе Селлія «каталогъ писателей сочиненіями своими объяснявшихъ гражданскую и церковную россійскую исторію», М. 1815 [32]). Сочиненіе и тогда уже опоздалое.

30) «Словарь» митр. Евгенія въ первомъ изданіи былъ встрѣченъ признательною критикою извѣстнаго Добровскаго въ «Jahrbücher der Literatur 1824, т. XXVII, с. 25—54 и Ф. Штралемъ былъ переданъ (и съ добавленіями и въ иномъ, хронологическомъ, порядкѣ) по-нѣмецки подъ заглавіемъ «Das gelehrte Russland, L. 1828, с. XX+514, 8°. Рецензія книги Штраля и послѣдняго изданія, 1827, пап. Копитаромъ, см. въ Jahrbücher der Literatur, 1829 Bd. XLV, с. 129—141. О Словарѣ Евгенія см. Сборникъ статей II Отд. Ак. Н., т. V, 1868, с. 8 sq. и ст. А. Ѳ. Бычкова, ibid. стр. 217 sq.

31) О жизни и трудахъ м. Евгенія — существуетъ уже литература. Упомянемъ важнѣйшее: «*Чтенія* (Срезневскаго, Грота, Бычкова) въ память митр. Кіевскаго Евгенія съ приложеніями» въ Сборникѣ статей, читан. въ II Отд. Акад.

Наукъ, т. V, вып. I, 1868, стр. 292+36; Пономаревъ: «Матерьялы для біографіи митр. Евгенія», въ трудахъ Кіевск. Дух. Акад. 1867, № 8, стр. 195—258, отличная библіографія сочиненій Евгенія; Переписка митр. Евгенія съ гр. Н. П. Румянцевымъ, съ 1813—1825. Воронежъ 1868—71, 3 вып. 4/°; (Ивановскаго) Евгеньевскій Сборникъ, вып. I. Спб. 1871. 4/°.

32) Подлинника заглавіе: Schediasma literarium de scriptoribus, qui Historiam politico-ecclesiasticam Rossiae scriptis illustrarunt. Rev. 1736, 8/°. Для исторія русскаго изданія Селліева каталога см. Безсонова: К. Ѳ. Калайдовичъ, М. 1862, с. 104—7.

17. б) А. Х. Востоковъ своимъ извѣстнымъ «Разсужденіемъ о славянскомъ языкѣ» положилъ прочныя основы палеографической и филологической критикѣ памятниковъ письменности и исторіи церковнаго языка. Онъ представилъ описаніе нѣкоторыхъ старославянскихъ рукописей и по приглашенію Румянцева занялся описаніемъ его богатой рукописной библіотеки. Оно, какъ увидимъ, вышло позднѣе. Богатство знаній и основательнѣйшее знакомство съ произведеніями древней письменности обнаруживается въ его обширной «перепискѣ». [33])

33) См. ст. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова», между прочимъ и неизданныхъ. Спб. 1865, 4/° (а также впереди книги: «Филологическія Наблюденія» А. Х. Востокова. Спб. 1865; за симъ «Переписка» А. Х. Востокова въ повременномъ порядкѣ съ объяснительными примѣчаніями И. И. Срезневскаго. Спб. 1873, XL+504 (а также какъ V т., 2 от., Сборника II отд. Акад. Наукъ).

18. в) К. Ѳ. Калайдовичъ, по свидѣтельству Погодина, близко его знавшаго—былъ любителемъ, знатокомъ искателемъ частностей: рукопись, книга, камень, крестъ, образъ, монета — одинаково привлекали къ себѣ его вниманіе и подавали поводъ къ самымъ тщательнымъ и подробнымъ изслѣдованіямъ. Онъ живмя жилъ въ библіотекахъ, рылся въ рукописяхъ съ утра до вечера..., справлялся, записывалъ, изслѣдовалъ, читалъ, работалъ безъ устали, въ безпрерывномъ движеніи, и открытія слѣ-

довали у него одно за другимъ: Слова Кирилла Туровскаго, Святославовъ Сборникъ 1073 г. съ драгоцѣннымъ изображеніемъ его семейства, характерная рукопись Іоанна Ексарха, которая на первыхъ радостяхъ показалась принадлежащею къ X в... О всѣхъ открытіяхъ онъ сообщалъ съ торжествомъ своему государственному Канцлеру, представляя подробныя донесенія... Такимъ образомъ имъ вмѣстѣ съ Строевымъ были изданы два тома «Государственныхъ» грамотъ, «..законы в. кн. Іоанна Васильевича», вновь найденные, «Древнія Россійскія стихотворенія», «Памятники россійской словесности XII в.»..., наконецъ — изслѣдованіе объ Іоаннѣ Ексархѣ Болгарскомъ», сочиненіе, въ которомъ оглашено множество важнѣйшихъ и любопытнѣйшихъ свѣдѣній о древней письменности и какъ бы открывался цѣлый новый міръ» [24]).

Вмѣстѣ съ Строевымъ Калайдовичъ издалъ «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова, М. 1825, 8, LXVIII+811 и 6 стр. и атл. 5 гравированныхъ снимковъ [25]) и приготовилъ начало такого же описанія рукописей Синодальной библіотеки [26]). Перечневыя, инвентарныя описанія рукописныхъ матеріаловъ нашихъ библіотекъ были приготовляемы и до этого [27]), но трудъ Калайдовича и Строева былъ самымъ важнымъ въ то время и самымъ *обстоятельнымъ*, потому что дѣйствительно давалъ понятіе о составѣ рукописей. Достоинство его возвышалось и отъ того, что самому описанію предшествовало обширное «предисловіе», въ которомъ сдѣлана попытка систематически распредѣлить и обозрѣть весь матеріалъ славяно-русской письменности, заключающійся въ собраніи гр. Толстова. Кромѣ этихъ обширныхъ трудовъ Калайдовичу принадлежатъ много частныхъ важныхъ изслѣдованій, замѣчаній и разысканій: они въ обиліи наполняютъ страницы «Вѣстника Европы», «Записокъ и Трудовъ Общества Исторіи и Древностей», «Трудовъ Общества любителей Россійской Словесности», «Сѣвернаго Архива» и др. [28]).

34) Труды перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ. М. 1871, ч. I, стр. 11. О жизни Калайдовича см. соч. Безсонова: Кон. Ѳ. Калайдовичъ, библіографическій очеркъ, т. I. М. 1861 (и въ журн. Русская Бесѣда 1860, кн. 2); томъ второй этого труда, заключающій въ себѣ любопытные и важные матеріалы переписки, помѣщенъ въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1862, кн. III, и отдѣльно М. 1862, 8/°, 208 стр.

35) Важнѣйшія рецензіи этого труда принадлежатъ: Кеппену въ «Библіографическихъ листахъ», 1825, № 19, стр. 261—276 и Даниловичу въ Dziennik Warszawski, 1825, № 7, стр. 367—391; 1826 № 18, стр. 136—151 и *тамъ же*, 1826, № 19, стр. 211—241 Dodatek Лелевеля.

36) Въ неоконченномъ и невыпущенномъ въ свѣтъ изданіи кн. М. А. Оболенскаго «Архивъ разнородныхъ и преимущ. историческихъ свѣдѣній» ч. I, связ. VII, с. 1—62. Ср. также «Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи». Спб. 1868, с. 30—1.

37) Кромѣ перечневыхъ описей библіотекъ, составл. въ XVII—XVIII в., слѣдуетъ упомянуть о трудахъ по описанію рукописей академическихъ П. И. Соколова. Знаменитый «Опытъ Россійской библіографіи» В. Сопикова (1813—1821 5 кн.) можетъ быть названъ здѣсь на столько, на сколько первый его томъ касается старопечатныхъ книгъ и исторіи книгопечатанія въ Россіи (сост. К. Калайдовичемъ). Подробный перечень всѣхъ сихъ библіографическихъ трудовъ въ книгѣ Ундольскаго «Библіографическія Разъисканія», М. 1846, с. 1—18. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть, что по порученію гр. Румянцева В. Ханыковъ составилъ статью: «о рукописяхъ, относящихся до русской исторіи, хранящихся въ Дрезденской Королевской библіотекѣ», Труды Россійской Академіи. Спб. 1840, ч. III, с. 207—227. Кромѣ перечня здѣсь есть любопытныя выписки и два снимка.

38) Почти полное, обстоятельное перечисленіе сихъ статей у Безсонова: «К. Ѳ. Калайдовичъ» М. 1862, с. 11—90.

19. г) П. М. Строевъ[39]). Еще будучи студентомъ, на университетской скамьѣ — Строевъ обратилъ на себя вниманіе гр. Румянцева двумя историческими статьями, помѣщенными въ Сынѣ Отечества, [40]) и Румянцевъ далъ ему мѣсто въ коммиссіи

печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ. Въ слѣдующемъ 1817 г. гр. Румянцевъ поручилъ ему (и Калайдовичу) осмотрѣть и описать рукописи монастырскихъ библіотекъ; такъ были имъ описаны рукописи Волоколамскаго Іосифа монастыря, монастыря Воскресенскаго-Новаго Іерусалима, Звенигородскаго Саввина монастыря, Пафнутія Боровскаго... [41]). При пособіи «Общества Исторіи» Строевъ въ 1823 осмотрѣлъ библіотеку Новгородскаго Софійскаго Собора и составилъ записку о ней. Плодомъ этихъ первыхъ археографическихъ путешествій Строева и Калайдовича были — открытіе Святославова Сборника 1073 г., законовъ в. кн. Іоанна Васильевича, сочиненій туровскаго епископа Кирилла, труда царевича Іоанна Іоанновича, постановленій московскихъ соборовъ 1503, 1547, 1554 и множество разныхъ актовъ. Кромѣ 2-го и 3-го т. «Собранія Государственныхъ Грамотъ» Строевъ—вмѣстѣ съ Калайдовичемъ, какъ выше упомянуто, издалъ «Судебники Іоанна III и IV» и «Обстоятельное описаніе славяно-россійскихъ рукописей гр. Толстова». Два прибавленія къ этому «описанію» изданы уже однимъ Строевымъ [42]). Самое важное изъ *румянцевскихъ* изданій Строева — «Софійскій временникъ», М. 1820—2, 2 ч. 4° съ обширнымъ предисловіемъ, въ которомъ впервые — по слѣдамъ Каченовскаго—проводится свѣтлая мысль о *сборномъ* характерѣ русскихъ лѣтописей. Строевъ былъ дѣятельнымъ членомъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей; въ «Трудахъ» этого Общества впервые появились его статьи «о византійскомъ источникѣ Нестора (т. е. о лѣтопискѣ Георгія Амартола)», «объ изданіи извлеченій изъ «Хронографовъ», и о снаряженіи экспедиціи путешествія по Россіи для отысканія древнихъ рукописей и другихъ памятниковъ [43]). Мысль — которая осуществилась только 5—6 лѣтъ спустя и принесла такіе обильные плоды. Къ *румянцевскому* періоду дѣятельности Строева слѣдуетъ также отнести и «Обстоятельное описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ и россійскихъ, хранящихся въ библіотекѣ гр. Ѳ. А. Толстова.

XXIV+592, 8° М. 1829 съ 24 гравир. изображеніями шрифтовъ».

39) Записки Академіи Наукъ, т. VI, 1864, с. 112—123 ст. И. И. Срезневскаго: «Труды П. М. Строева», а также въ Сборникѣ II-го Отд., т. XVII, 1877, ст. Срезневскаго «Воспоминаніе о П. М. Строевѣ», стр. LX—LXXIX. Многотрудная и многополезная дѣятельность Строева недавно послужила предметомъ особой обширной, добросовѣстно и тщательно составленной монографіи г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева», Спб. 1878, с. 668.

40) «О родословіи владѣтельныхъ князей русскихъ» и «родословный чертежъ поколѣній влад. князей», Сынъ Отечества 1814, к. 26, 1815, № 51 и 52.

41) Строевъ: Рукописи славянскія и россійскія, принадл. Царскому, М. 1848, с. 162—3, № 197, Ундольскаго Библіографическія Разъисканія, М. 1846, с. 14—15. Изъ описаній Строева напечатано было (и то только начало и только въ извлеченіи) Анастасевичемъ «Описаніе рукописей Волоколамскихъ» въ Отечест. Зап. 1823, № 33, 35, 39.

42) «Первое прибавленіе къ описанію» etc. М. 1825, с. 18; «Второе прибавленіе».. М. 1827, IX+100.

43) «О средствахъ удобнѣйшихъ къ открытію памятниковъ отечественной исторіи, и объ успѣшнѣйшемъ способѣ обработывать оные»... См. «Труды и лѣтописи Общ. Ист. и Др.» ч. IV, кн. I. М. 1828, с. 277—301. Румянцевскій періодъ дѣятельности П. М. Строева весьма обстоятельно изложенъ въ вышеназванной книгѣ г. Барсукова «Жизнь etc»... стр. 19—64. Тамъ же помѣщена (стр. 65—74) и названная Рѣчь. Не могу не замѣтить, однако, что изложеніе г. Барсукова не вездѣ удовлетворяетъ требованіямъ полноты библіографическаго исчисленія трудовъ нашего археографа.

20. д) П. И. Кеппенъ [44]) началъ свою ученую дѣятельность трудами по палеографіи, исторіи и библіографіи письменности: еще въ 1819 г. онъ издалъ замѣчательное «Обозрѣніе источниковъ для составленія исторіи Россійской Словесности» [45]), т. е. библіографическій перечень русскихъ и иноземныхъ сочиненій и изданій, прямо или косвенно касающихся предмета съ 1665. Въ 1822 г.

Кеппенъ выступаетъ съ болѣе систематическимъ и болѣе важнымъ трудомъ, это: «Списокъ русскимъ памятникамъ, служащимъ къ составленію исторіи художествъ и отечественной палеографіи» М. 1821 [46]). Трудъ напечатанъ иждивеніемъ гр. Ѳ. А. Толстова—подъ присмотромъ Калайдовича. Это—повременный объяснительный текстъ къ невышедшимъ палеографическимъ снимкамъ. Впрочемъ, и независимо отъ послѣднихъ, трудъ Кеппена имѣетъ свою цѣль, какъ полный (для своего времени) перечень памятниковъ древне-русской письменности со всевозможными библіографическими и историко-литературными поясненіями. Кеппену принадлежитъ классическое изданіе «Библіографическихъ листовъ» 4°. 1825—6 г. [47]), полныхъ всякаго рода описаніями, замѣтками по древней русской письменности; здѣсь между прочимъ находится точная «Хронологическая роспись первопечатнымъ словенскимъ книгамъ» по 1600 (№№ 1, 6, 11, 16, 21, 26, 31, 39), составленная самимъ издателемъ.

44) О жизни и трудахъ Кеппена см. Юбилей Петра Ив. Кеппена, Спб. 1860, f°. Здѣсь автобіографическая записка, а также брош. А. А. Куника: «Литературные труды П. И. Кеппена». Спб. 1868.

45) Образуетъ I кн. сборн. «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи», Спб. 1819 (оттискъ изъ жур. Соревнователь просвѣщенія 1819. V).

46) М. 1822, x+VIII+119. Какъ общее обозрѣніе содержанія этого труда можно указать на брош.: Über Alterthum und Kunst in Russland, W. 1822, отд. отт. изъ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur, Anz. Bl. № XX, Bd. XX, pag. 1—27.

47) Образуетъ II т. сборника «Матерьялы для исторіи просвѣщенія въ Россіи». Спб. 4°, 725 столб.

21. Кромѣ этихъ, важнѣйшихъ дѣятелей Румянцевской эпохи въ исторіи русской науки, къ ней принадлежали [48]) и другіе: Малиновскій, Ермолаевъ, Анастасевичъ, Языковъ, о. Григоровичъ, Берхъ, также стоявшіе въ непосредственныхъ отношеніяхъ къ гр. Румянцеву, собиравшіеся вокругъ него. «То былъ кружокъ людей науки на Руси первый по времени, или по край-

ней мѣрѣ по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, безпристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ... Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта русскаго народа—такова была задача кружка»[49]). И она выполнена ими болѣе, чѣмъ можно было ожидать... Въ наукѣ исторіи русской словесности сталъ возможенъ *древній періодъ*[50]).

48) Труды А. Ѳ. Малиновскаго на пользу древней русской словесности заключались, кажется—болѣе въ активной помощи другимъ изслѣдователямъ, чѣмъ въ личныхъ изслѣдованіяхъ. Библіографическаго перечня его самостоятельныхъ ученыхъ трудовъ—доселѣ нѣтъ. Важнѣйшіе изъ нихъ помѣщены въ Запискахъ и Трудахъ Общ. Ист. и Древн. ч. VI—VII. О трудахъ Ермолаева (неизданныхъ) см. замѣтку И. И. Срезневскаго въ кн. «Переписка Востокова». Спб. 1873 с. 403—4; объ Анастасевичѣ ст. Пекарскаго въ Энциклопед. Словарѣ, IV, 249; о трудахъ Языкова въ «Словарѣ достопамятныхъ людей русской земли» Бантыша Каменскаго, ч. III, Спб. стр. 574—603; о дѣятельности о. І. Григоровича въ «Извѣстіяхъ Акад. Наукъ» по II От. II т., стр. 296—7. Переписка его съ гр. Румянцевымъ и митр. Евгеніемъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древн.» 1864, к. 2, стр. 1—92; «Письма гр. Румянцева къ В. Н. Берху» изданы г. Семевскимъ въ VI т. «Лѣтописей занятій археографич. Коммиссіи» и отдѣльно, Спб. 1876.

49) Слова И. И. Срезневскаго въ книгѣ: «Переписка А. Х. Востокова» Спб. 1873, предисл.

50) Здѣсь мѣсто, хотя въ выноскѣ, коснуться первой по времени полной исторіи русской словесности, именно книги Н. И. Греча: «Опытъ краткой исторіи русской литературы», Спб. 1822, 8°. Древній періодъ ея скуденъ, потому что писанъ до открытій Калайдовича и Строева, но новый—заслуживаетъ полной признательности: эта часть, не смотря на свою сухость—не безполезна даже и теперь. Извѣстный польско-нѣмецкій ученый С. Б. Линде перевелъ книгу Греча на языкъ

польскій и издалъ съ введеніемъ, со многими добавленіями (dodatkami) въ Warsz. 1823. 8°, стр. 575.

22. Неожиданность многихъ открытій въ области древне-русской письменности и неизбѣжное увлеченіе вызвали нѣкотораго рода противовѣсъ, подозрительную осторожность, скоро перешедшую въ сомнѣніе. Каченовскій и его ближайшіе ученики оспаривали древность русской Лѣтописи, договоровъ съ Греками, Русской Правды, произведеній Кирилла Туровскаго, Іоанна Ексарха болгарскаго[51])... И это «скептическое» направленіе въ изученіи русской старины — принесло несомнѣнную пользу: оно вызывало новые поиски, новыя изслѣдованія, сдерживало преждевременныя обобщенія...

51) Труды М. Т. Каченовскаго (важнѣйшіе только) пересмотрѣны въ «Біографическомъ Словарѣ профессоровъ и преподавателей Москов. Университета». М. 1855, I, 383—403.

23. Эпоха гр. Румянцева была по-преимуществу временемъ увлекательныхъ открытій въ древне-русской письменности и временемъ начальныхъ предварительныхъ изысканій по этому дѣлу: опредѣлялся (и иногда очень правильно) вѣкъ рукописей и время самаго памятника, подыскивались историческія и біографическія данныя для объясненія его, рукопись или памятники описывались библіографически, а иногда и цѣликомъ издавались... Пріемы изданія, за немногими исключеніями (какъ напр. Тимковскаго изданіе Лаврентьевскаго списка), не могли отвѣчать требованіямъ точной филологической науки, потому что самыя эти требованія стали извѣстны — позднѣе. Попытокъ филологической критики текстовъ — почти не существовало[52]). Еще менѣе сознавалась необходимость историко-литературныхъ изысканій источниковъ: объ отношеніи памятниковъ русской письменности къ византійскимъ прототипамъ — думали очень немногіе: Каченовскій, Строевъ и Востоковъ... Вообще—основанія для зданія были заложены, собралось не мало и матеріала, кой-гдѣ по частямъ обработаннаго, но о постройкѣ — нечего было еще и думать.

52) Критическимъ изданіемъ можно признать только вышеназванный трудъ Тиковскаго. Заслуживаетъ также упоминанія и попытка Грамматина исправить неправильныя— по его понятію — мѣста «Слова о Полку Игоревѣ» (въ его изданіи), она заслуживаетъ вниманія — впрочемъ только по мысли, но никакъ не по исполненію...

24. Выше было уже упомянуто, что еще въ 1823 году Строевъ развивалъ мысль о необходимости снаряженія Археографической Экспедиціи по всей Россіи. Мысль поднята была позднѣе президентомъ Академіи Наукъ, Уваровымъ, и Академія Наукъ снарядила Экспедицію въ обширныхъ размѣрахъ съ цѣлью «обстоятельнаго познанія всѣхъ (буде возможно) письменныхъ памятниковъ отечественной исторіи, дипломатики, законовѣдѣнія и пр., скрывающихся въ старинныхъ книгохранилищахъ и архивахъ»... Главнымъ дѣятелемъ Экспедиціи былъ Строевъ, помощникомъ его — Бередниковъ. Синодъ и нѣкоторыя министерства предписали — по своимъ вѣдомствамъ — о допущеніи Экспедиціи въ библіотеки и архивы. Путешествіе продолжалось съ 1829 по 1834 г. Археографы осмотрѣли болѣе 200, болѣе или менѣе примѣчательныхъ архивовъ и библіотекъ. Богаче всѣхъ оказались архивы духовнаго вѣдомства, именно: библіотеки — Московская синодальная, Новгородская Софійская, Троицко-Сергіевой Лавры; монастырей: Соловецкаго, Кирилла Бѣлозерскаго и Іосифа Волоколамскаго. Немало актовъ извлечено изъ архивовъ Псковского и Нижегородскаго губернскихъ правленій, Бѣлозерскаго и Соликамскаго уѣздныхъ судовъ. Самые древніе акты уцѣлѣли единственно въ монастыряхъ, между тѣмъ — какъ въ гражданскихъ архивахъ Экспедиція почти не нашла думагъ древнѣе XVII ст.

Въ продолженіе путешествія Экспедиція собрала списки до трехъ тысячъ актовъ историко-юридическихъ (съ 1340—1700). Списывались лишь акты наиболѣе важные въ историческомъ и историко-юридическомъ отношеніяхъ, и при списываніи строго сохранялись древнія формы языка. Къ списываемымъ актамъ присовокуплялись палеографическія ихъ описанія. Кромѣ актовъ

Экспедиція приготовила «каталоги рукописямъ и старопечатнымъ книгамъ, хранящимся въ монастырскихъ библіотекахъ, расположенные по алфавиту съ выписками и рецензіями рукописей подъ названіемъ «Матерьялы для исторіи славяно-русской литературы»[13]). Ст. «Матерьялы» Строевъ имѣлъ въ виду обработать въ «Библіографическій Словарь славяно-русской литературы до XVIII в.», но не успѣлъ довести до конца своего предпріятія, можно сказать — остановился на началѣ, но тогда же, по окончаніи дѣйствій Археографической Экспедиціи — онъ напечаталъ общій обзоръ или очеркъ своихъ работъ, программу будущаго труда — подъ заглавіемъ «Хронологическое указаніе матерьяловъ отечественной исторіи, литературы, правовѣдѣнія до начала XVIII в.»[14]). Перечень — небольшой по объему, но заключавшій въ себѣ плоды обширныхъ занятій предметомъ и исполненный съ критическимъ, даже, можетъ быть, съ гипер-критическимъ отношеніемъ къ дѣлу...

Все, добытое Экспедиціей, поступило въ Академію Наукъ. Президентъ Академіи С. С. Уваровъ видѣлъ, что изданіе въ свѣтъ такого важнаго собранія актовъ не можетъ быть поручено одному какому ученому, и что успѣшнѣе оно можетъ быть исполнено соединенными силами нѣсколькихъ лицъ, извѣстныхъ своими познаніями въ русской исторіи. Такъ образовалась сначала «Коммиссія для изданія собранныхъ Археографическою Экспедиціею актовъ»; когда же она окончила свои главныя занятія, то въ 1837 г. была организована въ «Коммиссію археографическую». Въ главную заботу «Коммиссіи» вмѣнено было изданіе источниковъ отечественной исторіи, именно — а) сочиненій, составляющихъ славяно-русскую литературу, собственно историческаго содержанія: лѣтописей, хронографовъ, степенныхъ книгъ, сказаній и другихъ рукописей, въ непосредственной связи съ исторіей стоящихъ, б) актовъ государственно-юридическихъ, грамотъ, уставовъ, наказовъ, судныхъ дѣлъ, розысковъ и т. п. документовъ, объясняющихъ законодательство, управленіе и судопроизводство, до начала XVIII в.[15]).

Кромѣ весьма дѣятельныхъ трудовъ по разысканію матеріаловъ старой письменности, осмотру и описанію архивовъ и библіотекъ, отечественныхъ и иноземныхъ—«Археографическія Коммиссіи» (старая до 1837 и новая—съ этого времени) до настоящаго времени, въ отношеніи русской письменной старины, издали: десять томовъ «Полнаго Собранія лѣтописей» съ указателемъ, три тома изданія отдѣльныхъ лѣтописныхъ списковъ и три фотолитографическихъ противней съ нихъ; тридцать четыре тома «Актовъ историческихъ» съ тремя указателями; пять томовъ «Актовъ юридическихъ» съ указателемъ; древнѣйшихъ русско-ливонскихъ «грамотъ»—два изданія; писцовыхъ книгъ—три тома; 1 томъ писемъ Русскихъ Государей; Макарьевскихъ Четіи Миней—четыре тома; «Паломникъ» игумена Даніила; сочиненіе подъячаго Котошихина о Россіи XVII в.; пять томовъ—«Русской Исторической библіотеки» и шесть томовъ «Лѣтописей занятій» Археографической Коммиссіи—оба сборника заключаютъ много важныхъ памятниковъ русской письменности, изслѣдованія о нихъ, описанія рукописей и актовъ и т. д. [56]). Главными дѣятелями Археографической Коммиссіи были: Бередниковъ, о. Григоровичъ, Коркуновъ, а позднѣе А. Ѳ. Бычковъ, А. А. Куникъ, Н. В. Калачовъ и П. И. Савваитовъ.

53) См. Отчеты о занятіяхъ и изданіяхъ Археографической Коммиссіи за двадцатилѣтіе. Спб. 1860, стр. 5—9 (а также въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1859, № 12), Строева «Отчетъ за археографическую экспедицію» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1835, № 1, стр. 95—99, а также и Recueil des Actes des séances de l'Academie, 1834, стр. 109—115. Исторія возникновенія и дѣйствій Археографической Экспедиціи подробно, по документамъ, изложена въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды П. М. Строева. Спб. 1878, с. 149—280.

54) Въ Журн. Минист. Народн. Пр. 1834, № 2, стр. 152—188.

55) См. Отчеты о занятіяхъ Археогр. Комм. Спб. 1860, с. 8—10.

56) Отчеты о занятіяхъ и т. д. с. 24—40. Обстоятельный, перечневой «Каталогъ изданій Археографической Коммиссіи,

вышедшихъ въ свѣтъ съ 1836—1870 г.» Спб. 1870. Содержаніе и библіографическое описаніе изданій коммиссіи указывается и мною ниже въ разныхъ отдѣлахъ, каждое въ своемъ мѣстѣ. Для исторіи возникновенія и дѣйствій Археографической Коммиссіи много важныхъ матеріаловъ находится въ книгѣ г. Барсукова: «Жизнь и труды Строева»; и не только тѣхъ, которые стоятъ въ связи съ лицомъ и дѣятельностію Строева, а и вообще.

25. Пока слагалась и вступала въ дѣйствіе Археографическая Комиссія, тихо, но непрерывно подвигались работы и единичныхъ ученыхъ: одни издавали открываемые памятники (таковы изданія: Снегирева «Сказаній о побоищѣ Димитрія Донскаго», Дубенскаго — «Памятниковъ древняго русскаго права», Погодина «Псковской лѣтописи», кн. Оболенскаго — «Сборника»), другіе подвергали ихъ исторической или литературной критикѣ (таковъ разборъ Слова о Полку Игоревѣ М. А. Максимовича; такъ называемой Несторовой лѣтописи—М. П. Погодина, ея же и Кіевскаго Патерика—А. М. Кубарева и др.), третьи—описывали рукописи и старопечатныя книги[17]). Были замѣчательныя попытки общихъ изложеній судебъ русской литературы. Въ 1838 г. Шевыревъ открылъ въ Московскомъ университетѣ въ первый разъ курсъ исторіи русской словесности: вступительная лекція его представляла общее обозрѣніе развитія русской словесности по наличному матеріалу[18]). Около того же времени Максимовичъ издалъ первую (и послѣднюю) книгу «Исторіи древней русской Словесности» Кіевъ, 1839[19]). Она представляетъ перечень произведеній русской письменности до конца XII (главнымъ же образомъ по «Словарю» митр. Евгенія) и изслѣдованія, во многомъ самостоятельныя и новыя, о русскомъ народномъ языкѣ и его отношеніяхъ къ другимъ славянскимъ нарѣчіямъ и языкамъ иноземнымъ, о языкѣ церковно-славянскомъ, его образователяхъ и его письменномъ употребленіи въ древней Руси... По тщательной обработкѣ филологической части, «Исторія» Максимовича была въ свое время важнымъ и выдающимся явленіемъ.

57) а) Востоковъ: «Описаніе рукописныхъ книгъ славянскихъ, принадлежащихъ г. Норову, въ Журн. М. Нар. Пр. 1836, № 9, стр. 529—551, и отдѣльно, 1836, 28 с., перепечатано въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» Востокова, стр. 172—187.

б) (Строевъ): Каталогъ Славяно-россійскихъ рукописей, принадлежащихъ Царскому, М. 1836, с. III+78, 8°.

в) Шевыревъ: ст. «О Славянскихъ рукописяхъ Ватиканской библіотеки» Ж. Мин. Нар. Пр. 1837 № 5, с. 103—120.

г) Сахаровъ: Славяно-русскія рукописи. От. I, Спб. 1839, V+32, 8°.

д) (Перевощикова, В. М.): Роспись книгамъ и рукописямъ Императ. Россійской Академіи. Спб. 1840, 160 с. 8°.

е) Строевъ, С.: Описаніе памятниковъ Славяно-русской литературы, хранящихся въ публич. библіотекахъ Германіи и Франціи, М. 1841, 8° X+175 и V снимковъ. Объ этой книгѣ см. статью Бередникова: «О Славянскихъ рукописяхъ, хранящихся въ германскихъ и французскихъ библіотекахъ» въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1844, т. XLII, № 5, с. 73—91. Трудъ С. Строева замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что представляетъ первую попытку выйти изъ рамокъ «Каталога» въ область изслѣдованій историко-литературнаго характера.

ж) Сахаровъ: Русскіе древніе памятники, вып. I, Спб. 1842, 4°, 28+16 (неперемѣч. г.)+13, съ 8 снимками.

з) Реестръ старопечатныхъ славянск. книгъ, находящихся въ библіотекѣ Ширяева. М. 1833, 162+34+2 снимка.

и) Строевъ, П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ Славянскихъ И. Н. Царскаго, М. 1836, VIII+454+12 грав. изобр.

к) Строевъ, П.: Описаніе старопечатныхъ книгъ славянскихъ, служащее дополненіемъ къ описаніямъ библ. гр. Толстова, и Царскаго. М. 1841, VIII+276+2 рисунка.

58) Напечатана въ Москов. Вѣдомост. 1838, № ? Есть отдѣльный оттискъ. Нѣкоторую попытку обобщенія исторіи древней русской словесности представляютъ статьи проф. Московскаго Университета И. И. Давыдова: «Составныя начала и направленія древней и средней отечественной Словесности», помѣщ. въ Ученыхъ запискахъ Москов. Универс. 1834, ч. III. № VIII, с. 251—207; № IX, с. 490—519. Ни чѣмъ инымъ, кромѣ возбужденнаго вниманія *къ предмету*—нельзя объяснить, что эти вполнѣ безсодержательныя статьи *произвели* своего

рода впечатлѣніе на ученыхъ: на нихъ ссылались, какъ на произведенія съ авторитетомъ!

59) 8°, стр. 226. Книга Максимовича была довольно неодобрительно встрѣчена критикой (М. Н. Каткова) въ Отеч. Запискахъ 1840, т. IX, № 4, с. 37—72. Отвѣтъ Максимовича былъ напечатанъ въ Сѣверной Пчелѣ 1840, № 125. См. также Собраніе сочиненій М. А. Максимовича, т. III, Кіевъ, 1880, с. 472—479.

26. Выше было уже упомянуто, что гр. Румянцевъ поручилъ Востокову описаніе своего богатаго рукописнаго собранія. Въ 1836 году огромный трудъ былъ готовъ и представленъ въ рукописи Археографической Коммиссіи. Въ свѣтъ «Описаніе русскихъ и славянскихъ рукописей Румянцевскаго Музеума» вышло только въ 1842 году. Востоковъ усвоилъ себѣ иные пріемы описанія рукописей, чѣмъ тѣ, которыя существовали дотолѣ: «каждая рукопись заняла его сама по себѣ, какъ будто бы она одна и должна быть осмотрѣна и описана, а другія нужны были, какъ пособіе. Въ каждой замѣтилъ онъ все важное въ отношеніи палеографическомъ, археологическомъ, литературномъ, и по каждой дѣлалъ изслѣдованія. Ни одна отдѣльная статья ни въ одной книгѣ не опущена изъ виду; очень многія отмѣчены особо, какъ болѣе важныя по содержанію или по языку. Очень многія изъ сочиненій, переведенныхъ съ греческаго, сличены были съ подлинникомъ, и главные выводы этого сличенія внесены въ Описаніе. Выводамъ историческихъ и литературныхъ соображеній также дано должное мѣсто, равно какъ и необходимымъ выпискамъ. Выписки дѣланы были всегда съ буквальною точностью... Послѣдствія изданія въ свѣтъ этого Описанія не могли быть маловажны. Съ этого только времени можно было начать ученую разработку древней литературы русской и вообще русскихъ древностей» [60]). «Описаніе» Востокова открыло не только новыя произведенія, но и цѣлые новые роды произведеній древней русской письменности. Несмотря на то, что Востоковъ какъ бы намѣренно устранялся отъ изслѣдованій общаго характера о самихъ

произведеніяхъ, его трудъ положилъ прочныя основанія критическому и историко-литературному разсмотрѣнію ихъ [61]).

Въ 1843 году вышелъ въ свѣтъ другой монументальный трудъ Востокова, знаменитое Остромирово Евангеліе.

60) И. И. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ Востокова, Спб. 1865, стр. 25—6.

61) Замѣчательно, что Бередниковъ встрѣтилъ трудъ Востокова, въ особенности филологическіе—археологическіе пріемы его (—самые неопровержимые) съ нѣкоторою холодною недовѣрчивостью, см. его ст. «Описаніе рукописей Румян. Музеума. Донесеніе въ Археограф. Коммиссію». Журн. М. Нар. Пр. 1837, томъ XIV, стр. 415—426. Гораздо важнѣе рецензіи (А. В. Горскаго) въ Москвитянинѣ 1843, № 4, с. 500—516, и А. Ѳ. Бычкова, *тамъ же*: 1843, № 4, стр. 516—524; № 5, стр. 195—217. Прекрасный сводъ наблюденій Востокова о рукописяхъ — сдѣланъ А. Н. Пыпинымъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Н., т. II, 2, с. 1—58; и «Филологич. Наблюд.» Востокова, с. 77—134.

27. Труды сподвижниковъ Румянцева, Археографической Экспедиціи и Коммиссіи, Общества Исторіи и Древностей и другихъ ученыхъ, критико-библіографическія разысканія Востокова, Строева, Ундольскаго [62]), отчасти — Сахарова достаточно объясняютъ смѣлую попытку профессора С. П. Шевырева написать полную «Исторію русской словесности, *преимущественно* древней». Еще въ 1844 году онъ напечаталъ «Введеніе, въ исторію русской словесности», пять чтеній, въ общемъ очеркѣ обнимающихъ: судьбы Свящ. Писанія, богослужебныхъ книгъ, переводовъ писаній отеческихъ въ древней Руси, литературу поучительную — проповѣди и посланія, произведенія богословскія и апокрифическія, наконецъ — житія святыхъ [63]). Въ 1846 г. появились и первые два тома большого труда «Исторіи русской словесности преимущественно древней» [64]), заключающіе, кромѣ многихъ вводныхъ статей — обозрѣніе произведеній русской письменности до вторженія татаръ. Трудъ Шевырева представлялъ собою добросовѣстный сводъ всего, что сдѣлано было по предмету до 1845 г.

Здѣсь нѣтъ новыхъ изслѣдованій и разысканій, но старое, извѣстное приведено въ стройный порядокъ и снабжено ученымъ, критико-библіографическимъ аппаратомъ. Такого рода сводъ необходимъ былъ для дальнѣйшихъ успѣховъ науки, и онъ принесъ свою пользу, хотя далеко не въ той степени, въ какой могъ бы принести, еслибы не страдалъ односторонностью мистическаго направленія и недостаткомъ критики. Историко-литературная и филологическая стороны книги — слабы: Шевыревъ остался чуждъ сравнительному направленію, внесенному въ науку народной словесности — братьями Гриммами, для разысканія же письменныхъ чужеземныхъ источниковъ нашей письменности — у него недоставало средствъ; въ отношеніи результатовъ сравнительнаго языкознанія онъ нерѣдко не различаетъ дѣйствительно важнаго отъ ни къ чему негодныхъ фантазій досужихъ мечтателей—языковѣдовъ. Вообще, возбуждая интересъ къ предмету— книга Шевырева во многихъ частяхъ не давала никакихъ средствъ удовлетворить его и даже отчасти затрудняла его удовлетвореніе отсутствіемъ критическаго отношенія къ дѣлу; тѣмъ не менѣе— она имѣла важное значеніе, какъ первый опытъ обширной исторической постройки древней русской словесности[65]). Въ этомъ— главная заслуга ея.

Въ 1858—60 гг. Шевыревъ переиздалъ первыя двѣ части своего труда и къ нимъ прибавилъ двѣ новыхъ, заключавшихъ въ себѣ XIII, XIV, XV и начало XVI столѣтія. Направленіе и пріемы изслѣдованія остались тѣ же, даже болѣе: мистическая односторонность ихъ выступила еще рѣзче (какъ напр. при разсмотрѣніи «Житій святыхъ»), но въ отношеніи содержанія — первыя двѣ части значительно умножены, между прочимъ — и обширнымъ «Введеніемъ» и «Дополненіемъ» библіографически— палеографическаго характера, — сообразно съ успѣхами науки; другія же, 3-я и 4-я, хотя и заключаютъ въ себѣ нѣкоторые важные пробѣлы, но имѣютъ ту же цѣну «свода», что и первыя. Если здѣсь историкъ не могъ представить библіографическихъ

подробностей, какъ прежде, то слѣдуетъ вспомнить крайнюю неразработанность этихъ вѣковъ русской словесности [66]).

62) Строевъ: библіотека московскаго Общества Исторіи и Древностей: М. 1845, VII+354, 8° съ однимъ литографич. снимкомъ. По поводу выхода въ свѣтъ этого труда Строева, В. М. Ундольскій напечаталъ свои «Библіографическія разысканія» въ Москвит. 1846, № 2, стр. 138 — 162; № 3, стр. 147—175, № 11—12, с. 181—230 и отдѣльно въ небольшомъ количествѣ экземпляровъ. М. 1846, 8°, стр. 105. Это—съ одной стороны — рецензія труда Строева, съ другой—рядъ самостоятельныхъ разысканій о памятникахъ древне-русской письменности (преим. житіяхъ) переводныхъ и своихъ. Обширное знакомство Ундольскаго съ греческими источниками помогло ему разъяснить многое, дать не мало новаго. Трудъ—классическій и незамѣнимый и понынѣ.

63) Москвитянинъ 1844, № 1, с. 219—240; № 2, с. 534—559; № 3, с. 118—139; № 4, с. 305—324; № 8, 285—317.

64) XXXIII публич. лекціи, томъ I, ч. I, с. 11+261, т. М. 1846, 8, и I ч. 2, с. 349. Критика встрѣтила весьма неодобрительно трудъ Шевырева, но, кажется,—болѣе за *«мистическое направленіе»*, чѣмъ за дѣло. Впрочемъ—всѣ «критики»—малозначительны. Только въ Сынѣ Отечества 1847, № 1, стр. 11—39, было сдѣлано (Вышнеградскимъ) нѣсколько *дѣльныхъ* замѣчаній. Шевыревъ отвѣтилъ на эту критику пространно въ Москвитянинѣ, 1848, № 1, стр. 95—142. Впослѣдствіи онъ самъ принялъ нѣкоторыя замѣчанія критика «Сына Отеч.», какъ напр. замѣчаніе о церковной пѣснѣ, какъ источникѣ проповѣданія Кирилла Туровскаго.

65) Нѣсколько ранѣе книги Шевырева—появился въ свѣтъ «Опытъ Исторіи русской литературы» пр. Никитенко, кн. I, Введеніе, Спб. 1845. Книга эта не принадлежитъ къ наукѣ, а къ *области искусства академическаго краснорѣчія*...

66) Во второмъ изданіи трудъ С. П. Шевырева носитъ названіе: «Исторія русской Словесности, лекціи С. Ш., ч. I, М. 1849 стр. CXXI+322; ч. II, М. 1860, с. 432 и 2 сним.; ч. III, М. 1858, с. XXX+405; ч. IV, М. 1860, с. 196. Какъ рецензію III т. укажу и на *мою* замѣтку въ жур. «Московское Обозрѣніе» 1859 № 1, с. 90—108. Указанный въ «Каталогѣ» Межова (с. 678) итальянскій переводъ «Исторіи» Шевырева—совсѣмъ

не *переводъ*, а особый популярный курсъ, читанный Шевыревымъ во Флоренціи по-итальянски; древняя литература изложена здѣсь на 73 страничкахъ.

28. Въ 1845—6 году, съ выборомъ проф. Бодянскаго въ секретари — оживляется дѣятельность «Московскаго Общества Исторіи и Древностей»: съ того времени оно издало сто книгъ «Чтеній» — подъ редакціей Бодянскаго и двадцать пять книгъ «Временника» — подъ редакціей И. Д. Бѣляева. Въ обоихъ изданіяхъ, въ особенности же въ «Чтеніяхъ» 1846—9 г. помѣщено множество произведеній древней-старославянской и русской письменности, множество ученыхъ разысканій, описаній рукописей и старопечатныхъ книгъ, всякаго рода частныхъ замѣтокъ и свѣдѣній по старинѣ[67]). Приготовлено было такихъ изданій еще болѣе, многія были уже и отпечатаны, но — по особымъ обстоятельствамъ — не выпущены въ свѣтъ[68]). Главными дѣятелями этого періода дѣятельности Московскаго общества были: Бодянскій, Ундольскій, Бѣляевъ.

67) Порядокъ изданія такой: съ 1846—9 = «Чтенія въ Общ. Ис. и Др.»; съ 1849 по 1857—«Временникъ»; съ 1858 по 1877—снова «Чтенія»...

Существуетъ два «Указателя къ повременнымъ изданіямъ Общества Исторіи и Древностей»: одинъ, никуда негодный—составленъ г. Гриневичемъ въ 1862, М. и напечатанъ какъ «приложеніе» ко II кн. Чтеній за 1862; другой—очень хорошій, изданъ при Чертковской библіотекѣ, какъ «Приложеніе» къ Русскому Архиву. М. 1866, онъ идетъ до 1865 г. Хорошее систематическое обозрѣніе содержанія 20 книгъ «Временника» представлено (И. В. Бѣляевымъ) въ «Москвитянинѣ» 1855, № 15—16, с. 137—172.

68) Вотъ слова Бодянскаго въ 1855 г.: «желая содѣйствовать (изданію церковно-славянскихъ письменныхъ памятниковъ) Общество Исторіи и Древностей, во время моего секретарства въ немъ помѣщало въ Чтеніяхъ своихъ довольно часто такіе памятники... Общество открыло—было для нихъ даже особый отдѣлъ съ 4 года «Чтеній», подъ заглавіемъ «Славянскіе матерьялы», для котораго заготовлялись уже (а нѣкоторые со-

вероятно готовы были) памятники далеко бо̀льшаго объема, между прочимъ: Творенія Іоанна Ексарха Болгарскаго, Константина (конца IX вѣка), Антіоха Черноризца Пандекты, Временникъ Георгія Грѣшнаго, Чтеніе о жизни и погубленіи св. князей Бориса и Глѣба, равно какъ «Сказаніе о страсти и похвала» имъ же (въ «Чтеніяхъ»), Житіе Θеодосія Печерскаго (тоже) и многія другія. Всѣ они по пергаменнымъ спискамъ, и съ разнословіями по нѣсколькимъ (напр. Θеодосій—по тремъ, Антіохъ—по пяти, Ексархъ по восьми, Амартолъ—по десяти)» [«О времени происхожденія Славянскихъ письменъ». М. 1855, стр. V—VI Примѣчаній.]. Изъ этихъ изданій, какъ увидимъ далѣе, изданы по смерти Бодянскаго — Богословіе, Шестодневъ Іоанна Экзарха Болгарскаго и Житіе пр. Θеодосія.

29. Въ 1841 г. «Россійская Академія» была присоединена къ Академіи Наукъ въ видѣ особаго (Второго) отдѣленія Русскаго языка и Словесности; но дѣятельность его не отличалась особою энергіею и плодотворностью до той поры, пока по мысли и предложенію г. Срезневскаго, Отдѣленіе съ 1852 ни стало издавать свой особый ученый органъ подъ названіемъ: «Извѣстія Императорской Академіи Наукъ по отдѣленію Русскаго языка и Словесности», подъ редакціей И. И. Срезневскаго, которыхъ вышло съ 1852 по 1863—десять томовъ съ шестью томами «приложеній», заключающихъ въ себѣ «Матерьялы для сравнительнаго и объяснительнаго словаря и грамматики» и однимъ томомъ «Памятниковъ и образцовъ народнаго языка и словесности». Отдѣльно, особыми изданіями изъ «Извѣстій» отпечатано три тома «Историческихъ чтеній о языкѣ и словесности» Спб. 1854—7 г. и одинъ—«Изслѣдованій и замѣчаній о древнихъ памятникахъ старославянской литературы», Спб. 1856. «Извѣстія» представляютъ такой же богатый сборъ новыхъ матеріаловъ, какъ и «Чтенія», только, конечно — съ большею спеціализаціею въ пользу произведеній древне-русской письменности. Въ «Извѣстіяхъ» мы находимъ напечатанными цѣлый рядъ новыхъ памятниковъ старославянской и древне-русской литературы и цѣлый рядъ палеографическихъ, филологическихъ, критическихъ и литературныхъ раз-

боровъ и замѣчаній о нихъ; указаны также и всѣ важнѣйшія явленія ученой литературы за десять лѣтъ, нерѣдко критически съ поправочными и дополнительными подробностями, обращено также должное вниманіе на движеніе науки литературы и языка у прочихъ славянъ. Важнѣйшая часть всего этого принадлежала ак. Срезневскому; въ дѣлѣ его — ар. Макарій, М. И. Сухомлиновъ, пр. Филаретъ, И. Д. Бѣляевъ и др. Обширнѣйшимъ трудомъ по содержанію и значительнѣйшимъ по объему изъ помѣщенныхъ въ «Извѣстіяхъ» — былъ трудъ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка X—XIV в. Общее повременное обозрѣніе съ палеографическими указаніями и выписками изъ подлинниковъ и изъ древнихъ списковъ»**). Это — опытъ хронологическаго указателя памятниковъ древне-русской письменности, сохранившихся доселѣ или и погибшихъ, но такихъ, о существованіи которыхъ имѣются положительныя указанія. Составить и одинъ простой реестръ такихъ памятниковъ — было бы трудомъ необыкновеннымъ, но опредѣлить хронологію каждаго, хотя бы и не абсолютную, а приблизительную—задача, требовавшая самыхъ разнообразныхъ знаній, многостороннихъ соображеній, справокъ и огромнаго труда. Нѣтъ нужды говорить, что г. Срезневскій исполнилъ эту задачу по «своему обычаю», т. е. въ высокой степени совѣстливо, не упустивъ изъ вида ничего, что могло способствовать ея рѣшенію. Въ сжатой формѣ изслѣдователь имѣетъ здѣсь плоды обширныхъ изысканій, между прочимъ и историко-литературныхъ, именно — наблюденіемъ надъ составомъ нѣкоторыхъ памятниковъ. Достоинство книги возвышается еще и тѣмъ, что вторая половина ея (съ 137—275 с.) заняты изданіемъ текстовъ, бывшихъ по большей части или дотолѣ вовсе неизданными или изданными неисправно. Другимъ изданіемъ II Отд. Академіи Наукъ были «Ученыя Записки», выходившія одновременно съ «Извѣстіями» также подъ редакціей И. И. Срезневскаго. Съ 1855—1863 ихъ вышло 7 томовъ. Кромѣ нѣкоторыхъ памятниковъ древней русской письменности, описанія ихъ и изслѣдованій о нихъ, принадлежащихъ гг. Срез-

невскому, ар. Макарію, Сухомлинову, Поліпову, Григоровичу, ар. Филарету, ар. Варлааму и др., въ «Ученыхъ запискахъ» мы находимъ обширный и совершенно новый по своему предмету трудъ А. Н. Пыпина: «Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ» и весьма важное сочин. еп. Филарета «Обзоръ русской духовной литературы 862—1720 г.». Трудъ этотъ—необходимое справочное пособіе для каждаго, занимающагося исторіей древней русской литературы; но пользоваться имъ нужно съ повѣркою: библіографическая точность не принадлежала къ числу достоинствъ, украшавшихъ почтеннаго ученаго; есть также и пропуски... Но зато книга его обильна иными иногда очень вѣрными и остроумными указаніями и замѣчаніями, которыхъ нельзя не цѣнить. Самый важный по новизнѣ отдѣлъ «Обзора» обнимаетъ литературу Южной Руси XVI—XVII вв. Слабою стороною книги должно признать общіе отзывы автора; въ нихъ проявляется болѣе клерикальный моралистъ, чѣмъ историкъ[70]).

«Записки Академіи Наукъ» съ 1862 г. и «Сборникъ статей, читанныхъ въ II Отд. Академіи Наукъ» съ 1867, и донынѣ выходящіе, замѣнили прежнія изданія. Кромѣ богатыхъ собраній «древне-славянскихъ памятниковъ юсоваго письма» и «Свѣдѣній и замѣтокъ о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ»[71]) И. И. Срезневскаго, кромѣ важной переписки Востокова и митр. Евгенія[72]), нѣкоторыхъ статей Срезневскаго, А. Ѳ. Бычкова, М. И. Сухомлинова, Невоструева, Головацкаго, — «Записки» и «Сборникъ» представляютъ немного относящагося собственно къ разработкѣ древней русской словесности; всего болѣе жаль, что устранены (а если и появляются, то урывками и случайно) критическіе отчеты о новыхъ явленіяхъ въ наукѣ исторіи словесности у насъ и соплеменниковъ славянъ.

69) Изданіе занимаетъ почти исключительно весь X томъ, издано также отдѣльно in 4°, Спб. 1855 г. с. 299 съ приложеніемъ превосходно исполненныхъ 50 палеографическихъ снимковъ съ рукописей и др. предметовъ.

70) Издана и отдѣльно, притомъ дважды: однажды въ Спб. 1857, с. 300 и вторично въ Харьковѣ, 1859, с. 447—съ немногими дополненіями и исправленіями. Цѣлый рядъ «Дополненій» напечатанъ позднѣе авторомъ въ Черниговскихъ Епархіальныхъ извѣстіяхъ 1863, № 16, 17, 18, 20, 21 и 1864, № 1, 2, 3, 4, 5, 14, 17, 21, 23, 24. Рецензіи труда Филарета: (А. Н. Пыпина) въ Отеч. Зап. 1857, № 6, стр. 75—87; Чистовича въ «Извѣстіяхъ Ак. Наукъ по 2 Отд.» т. 6-й, ст. 223—247; П. И. Саввантова, ibid., стр. 92—96. Обѣ рецензіи содержатъ важныя дополненія. Сербинова: въ Духовн. Вѣстн. 1862 № 7, с. 407—441.—Задорная и неважная рецензія! Слѣдуетъ наконецъ упомянуть о статьѣ Ф. Алексѣева (Терновскаго) «Обозрѣніе матеріаловъ для исторіи русской духовной литературы», «Православ. Обозрѣніе» 1862, № 3, с. 326—363, составленное исключительно на основаніи труда пр. Филарета.

71) «Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма, съ описаніемъ ихъ и замѣчаніемъ объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка». Спб. 1868, 4 неп.+192+416+24; Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ. Спб. 1867—1876, 2 т.: I, стр. VIII+86+96+88+100+16; II, с. VI+579. Первый трудъ напечатанъ только въ «Сборникѣ» т. III.; второй и въ «Запискахъ» т. 6, 7, 9, 11, 20, 22, 24, 28 и въ «Сборникѣ», т. I и XII.

72) Занимаютъ V томъ «Сборника статей, читанныхъ во II Отд. Академіи Наукъ. Спб. 1868—73.

30. Въ 1847 (вѣрнѣе 1849) основалось Археологическое Общество въ Петербургѣ. Въ «Запискахъ» [какъ общихъ (доселѣ съ 1849—14 томовъ), такъ и спеціальныхъ по отдѣленію славяно-русской археологіи 1851—61, 2 т.] въ «Извѣстіяхъ» доселѣ (съ 1859)—7 томовъ—находится не мало и матеріала и разысканій по древней письменности: въ послѣднемъ изданіи отпечатанъ трудъ И. И. Срезневскаго «Глаголическіе памятники»[72]). На средства Археологическаго же общества исполнено г. Срезневскимъ и классическое его изданіе «Сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ»...

Позднѣе съ 1858 оживилось и обнаружило довольно энерги-

ческую дѣятельность и старое Общество Любителей Россійской Словесности, не оставшееся чуждымъ и занятіямъ русской письменной стариной[74]). Въ 1864 основалось «Археологическое общество» и въ Москвѣ, также обращающее въ своихъ «Трудахъ» (доселѣ.6 т.) (и «Вѣстникъ» 1868 г. 1 т.) должное вниманіе на произведенія старинной отечественной письменности.

73) И отдѣльно «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы». Спб. 1866, VIII+298, 8° съ атласомъ изъ десяти снимковъ.

74) Въ своемъ сборникѣ: «Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности», М. 1867—71, три книги.

31. Не мало важнаго содержатъ въ себѣ «Архивы», издававшіеся Н. В. Калачовымъ, именно: «Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній 1850—57, 4 т. и «Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Спб. съ 1859—1861, 13-ть книгъ; но несравненно болѣе важное значеніе имѣетъ Сборникъ пр. Н. С. Тихонравова, выходившій подъ заглавіемъ: «Лѣтописи русской литературы и Древности» съ 1859—63, 8 частей или пять томовъ. Доля, падающая здѣсь на литературу новаго періода и на иные предметы, неотносящіеся къ литературѣ — очень невелика сравнительно съ массой матеріаловъ и изслѣдованій и замѣчаній по русской литературѣ древняго періода. Главнѣйшія образцовыя изданія памятниковъ — принадлежатъ самому издателю, изслѣдованія же — проф. Ѳ. И. Буслаеву. Въ «Лѣтописяхъ» г. Тихонравова наука древней русской словесности получила существенное пріобрѣтеніе и въ отношеніи матеріала, и въ отношеніи самой разработки. Въ первый разъ въ изслѣдованіяхъ г. Буслаева высказана мысль о необходимости разсмотрѣнія произведеній древней русской словесности по мѣстностямъ, такъ сказать этнографически; въ первый же разъ здѣсь разсмотрѣны съ историко-литературной точки зрѣнія и Житія Святыхъ.

Въ 1855 году богатая библіотека Соловецкаго монастыря была перевезена въ Казань. Это обстоятельство дало возмож-

ность помѣщать при «Православномъ Собесѣдникѣ» (издается Казанской Духовной Академіей съ 1855 г.) періодически многія важныя произведенія древней русской письменности. Такъ, кромѣ многихъ памятниковъ меньшаго объема — здѣсь мы находимъ цѣликомъ «Сочиненія» Максима Грека, «Просвѣтитель» Іосифа Санина, «Истины показаніе» Зиновія Отенскаго, «Стоглавъ», «Проскинитарій» Арсенія Суханова, «Мечецъ»—Лихудовъ и др. Въ томъ же изданіи помѣщены и нѣкоторыя замѣчательныя изслѣдованія о предметахъ, касающихся исторіи русской Словесности.

Не незамѣченными должно пройти и скромное, но заслуживающее доброй признательности — изданіе «Филологическихъ Записокъ» г. Хованскаго[75]). Не все печатаемое въ нихъ по древней литературѣ одинаково значительно, но все же значительнаго и важнаго найдется на столько, чтобы поставить изданіе въ числѣ необходимыхъ пособій для изучающихъ судьбы древней русской письменности. Впрочемъ, древняя письменность, какъ видно, косвенно только входитъ въ задачи этого изданія.

75) Издаются въ Воронежѣ съ 1860 года; досел́ѣ вышло 17 томовъ.

32. Успѣхи науки всегда зависятъ:

а) отъ открытія и усвоенія возможно большаго количества матеріала и

б) отъ правильности и ширины метода его изслѣдованія.

Средства къ первому предлагали общественныя хранилища рукописей и собранія частныхъ любителей и знатоковъ русской старины; средство ко второму — заключалось въ изученіи произведеній русской письменности сравнительно съ византійскими первообразами и сроднымъ матеріаломъ литературъ западныхъ.

Поэтому остановимся сначала на предметѣ рукописей, отмѣтимъ ихъ собранія, общій ходъ и основные пріемы библіографическаго изученія русской рукописной старины, способы изданія

памятниковъ ея, наконецъ — скажемъ о методѣ и успѣхахъ самаго изученія ихъ.

Уже выше мы имѣли случай упоминать о рукописныхъ собраніяхъ: Императорской Публичной библіотеки, Академіи Наукъ, библіотеки Общества Исторіи и Древностей, гр. Румянцева, Толстова и др. Въ разсматриваемый періодъ времени въ исторіи отечественныхъ рукописныхъ библіотекъ произошли многія измѣненія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на ходъ изученія древней русской письменности: собрались и стали извѣстными богатыя рукописныя хранилища М. П. Погодина [76]), И. Н. Царскаго, И. П. Сахарова [77]), послѣднія два вошли впослѣдствіи въ библіотеку — гр. А. С. Уварова, В. М. Ундольскаго, А. И. Хлудова (составившееся изъ трехъ коллекцій Озерскаго, Гильфердинга и Лобкова), Пискарева и др. Императорская Публич. библіотека обогатилась пріобрѣтеніемъ собраній гр. Толстова (1830), знаменитаго древле-хранилища М. П. Погодина (1852), и рукописей Гильфердинга, Эрмитажной библіотеки, куп. Сокурова; сюда же поступили и отборныя коллекціи старо-печатныхъ книгъ Кастерина и Каратаева [78]). Румянцевскій музей (съ 1862 въ Москвѣ) пріобрѣлъ богатѣйшее собраніе рукописей и старопечатныхъ книгъ Ундольскаго, Пискарева и старопечатныхъ книгъ И. Я. Лукашевича. Библіотека рукописей бывшей Россійской Академіи — соединилась съ библіотекой Академіи Наукъ. Не говоримъ о единичныхъ ежегодныхъ пріобрѣтеніяхъ о которыхъ свидѣтельствуютъ «Отчеты» Имп. Публичной библіотеки и Румянцевскаго Музея.. Изъ разныхъ мѣстъ, монастырей и церквей югозападнаго края, собрались и собираются рукописи въ церковно-археологическій Музей при Кіевской Духовной Академіи, Соловецкая библіотека перемѣстилась въ Казань, въ стѣны Духовной Академіи, Новгородская-софійская и Кирилло-бѣлозерская — въ Петербургъ, въ Духовную же Академію; библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря въ Москву — въ вѣдѣніе Общества любителей духовнаго просвѣщенія; собрался немалый запасъ рукописей при Археографической Коммиссіи; наконецъ —

и при Виленской публичной библіотекѣ образовалось особое русское рукописное отдѣленіе... Такое «собраніе» и обще-доступность рукописей, дотолѣ разсѣянныхъ и скрытыхъ — не могло не оказать сильнаго вліянія на успѣхи ихъ изученія. Къ нимъ мы теперь и обращаемся.

76) О рукописномъ собраніи М. П. Погодина можно найти свѣдѣнія въ его автобіографіи, въ Словарѣ профессоровъ Московскаго Универс. М. 1855, т. II, стр. 265—272, и въ «Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1852 годъ». Спб. 1853, стр. 23. sq.

77) Къ гр. Уварову поступили, впрочемъ, — не всѣ рукописи — И. П. Сахарова: часть ихъ, 52 рукописи — по его смерти — была пріобрѣтена Имп. Публичной Библіотекой, см. «Отчеты И. П. Б. за 1863» Спб. 1864. с. 43.

78) Имп. Публичная Библіотека также пріобрѣла собранія купца Береснева (краткій каталогъ собранія его напечатанъ въ «Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др.» 1864, к. I, смѣсь стр. 225—232); И. К. Купріянова, см. Отчеты И. Пуб. Биб. за 1863, с. 63—67 и за 1865, с. 22—4. Каталогъ библіотеки куп. Сокурова въ Отчетѣ за 1876, стр. 27—100.

33. Что сдѣлано по описанію славяно-русскихъ рукописей до 1846 г. подробно перечислено въ «Библіографическихъ разъисканіяхъ» В. Ундольскаго (с. 1—26), отчасти въ книгѣ Геннади «Литература русской библіографіи» Спб. 1858 (passim), а также указано мною въ разныхъ мѣстахъ выше. Съ того времени занятія рукописной стариной и библіографіей—значительно разрослись и оразнообразились. Вліяніе Востоковскаго «Описанія рукописей Румянцовскаго Музея» было столь сильно, что даже и тамъ, гдѣ библіографы, держась пути первоначально указаннаго Калайдовичемъ и Строевымъ, желали представить лишь перечневое, инвентарное описаніе рукописей,—они нерѣдко дѣлали уступки историко-литературнымъ требованіямъ или выписывали что находили важнымъ и интереснымъ, или облегчали разысканія библіографическими ссылками на источники, пособія и сродный матеріалъ. Вообще—библіографія нашихъ старин-

ныхъ рукописей со времени Востокова — по своимъ пріемамъ может быть раздѣлена на слѣдующіе пять раздѣловъ:

а) Описанія ученыя, съ обширными изслѣдованіями не только о рукописяхъ, но и о самыхъ предметахъ ихъ, о самыхъ памятникахъ, съ обширными филологическими извлеченіями.

б) Описанія строго библіографическія рукописи и ея состава, иногда съ замѣчаніями и указаніями источниковъ.

в) Описанія филологическія и палеографическія.

г) Описанія съ выборомъ неизвѣстныхъ или мало извѣстныхъ памятниковъ, помѣщаемыхъ in extenso.

д) Описанія перечневыя или охранныя и смѣшаннаго характера [79]).

79) Что требуется современною наукою отъ удовлетворительнаго описанія рукописей — очень обстоятельно изложено И. И. Срезневскимъ въ «Отчетѣ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи». Спб. 1868, стр. 20—1.

34. Представляю здѣсь хронологически-библіографическій списокъ всѣхъ описаній рукописей съ 1846 года, отмѣчая кратко направленія и пріемы важнѣйшихъ:

а) О. Бодянскаго: «О поискахъ моихъ въ Познанской публичной библіотекѣ». М. 1846, с. 45, 8° также въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древностей 1846, № 1, с. 1—45. Здѣсь между прочимъ напечатано «сказаніе о Петрѣ Медвѣдкѣ Москалѣ», 1607 г. и отрывки съ повѣстей «о королѣ Маркѣ», «о княжати Кгвидоне» и о «Атыли короли угорьскомъ».

б) В. Ундольскаго: «Библіографическія разысканія» М. 1846, 8°, с. 105. О нихъ см. выше, ст. 27, прим. 62.

в) Бередниковъ: «Описаніе четырехъ рукописей, хранящихся въ библіотекѣ Тихвинскаго Успенскаго монастыря» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1847, № 9, ч. LV, с. 201—226. Одинъ хронографъ и три Евангелія. Послѣднія — не важны. Описаніе перечневое.

г) П. Строевъ: Рукописи славянскія и русскія, принадле-

жащія гг. И. Н. Царскому, М. 1848, 8°, с. V+916 и 2 нен. Описаніе строго перечневое, но подробное, по главамъ. «Я держался—говоритъ библіографъ— правилъ библіографіи самыхъ строгихъ: въ каталогахъ рукописей выписки, особенно длинныя не могутъ имѣть мѣста; замѣтки филологическія и грамматическія, безъ связи и доказательствъ — мало полезны; сравненіе между собою книгъ огромныхъ (Хронографовъ, Прологовъ и пр.) выйдетъ только поверхностное». Собраніе Царскаго пріобрѣтено графомъ А. С. Уваровымъ, равно, какъ и собраніе Сахарова.

д) В. Ундольскій: («Описаніе славянскихъ рукописей Московской патріаршей библіотеки») s. t. anq. Семь полу-листовъ этого труда было напечатано (8-й остался въ корректурѣ)въ 1847—8 году для «Чтеній въ Общ. Ист. и Др.», но выпущено въ свѣтъ только по смерти библіографа, въ 1867, въ «Чтеніяхъ» II к., с. 56. Описаніе было приготовлено все. Напечатанное обнимаетъ только 110 №. Всего важнѣе описаніе Кормчихъ. Характеръ «описанія»—строго библіографическій съ пояснительными и изыскательными ссылками на источники. Мѣстами есть выписки предисловій, послѣсловій и записей. Трудъ образцовый въ своемъ родѣ. Жаль, что недоизданъ.

е) Артемьевъ: «Историческія рукописи библіотеки Казанскаго Университета» ст. въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1852, № 9, т. LXXV, с. 23 sq.; 1854, № 7—8, т. LXXXIII, с. 1 sq.; 1856, № 5 и 6, т. XC, с. 23 sq., 83 sq. и отдѣльно: s. tit. 54 с.+55 +53. Описаніе самыхъ рукописей кратко, но выдержки изъ нихъ любопытныхъ и важныхъ статей—обстоятельны. Вообще все важное и доступное вниманія указано и извлечено. Есть даже изслѣдованія. Трудъ заслуживалъ бы быть переизданнымъ.

ж) Бередниковъ: «О нѣкоторыхъ рукописяхъ, хранящихся въ монастырскихъ и др. библіотекахъ», въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1853, ч. LXXVII, № 6, с. 85—111. Съ выписками исторически замѣчательнаго.

з) Купріяновъ: «Указаніе на нѣкоторыя рукописи Новго-

родскихъ церквей и монастырей» въ Жур. М. Нар. Просв. 1853, № 12, т. LXXX, с. 122 sq. Дополненіе къ предыдущей статьѣ.

и) Буслаевъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Московской Сѵнодальной библіотеки..., съ приложеніемъ 22 литогр. снимковъ», въ книгѣ: «Матерьялы для исторіи письменъ, восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ». М. 1855, въ листъ, стр. 1—58. Описаніе имѣетъ характеръ исключительно филологическій: это—рядъ грамматическихъ и словарныхъ извлеченій. Снимки—исполнены превосходно. Дополненіе г. Срезневскаго къ труду Буслаева см. въ «Матерьялахъ для сравнительнаго Словаря и грамматики» Спб. 1856, т. III, с. 561—571.

к) Горскій и Невоструевъ: Описаніе славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки (томъ 1-й). Отдѣлъ первый, Священное Писаніе. Москва, 1855, 8° с. XIV+339; (томъ 2-й)—отдѣлъ второй, писанія святыхъ отцовъ: 1 толкованіе Священ. Писанія. М. 1857. 8°, с. V+199; (томъ 3-й)—2 Писанія догматическія и духовно-нравственныя. М. 1859, 8° с. XII+687; (томъ 4-й)—3 разныя богословскія сочиненія (прибавленія) М. 1862. 8° с. VII+841; (томъ 5-й)—отдѣлъ 3. Книги богослужебныя, часть первая. М. 1869, 8°, с. XXII+584.

Безспорно самый важный и обширный критико-библіографическій трудъ послѣдняго времени! Съ разборомъ рукописей, заключающихъ въ себѣ замѣчательные памятники литературы въ «Описаніи» Горскаго и Невоструева—соединяется разборъ самыхъ памятниковъ въ отношеніи къ содержанію и языку, а при разборѣ переводовъ и въ отношеніи къ правильности передачи подлинника. При оцѣнкѣ переводовъ и извлеченій изъ произведеній греческихъ и другихъ чужеязычныхъ — всегда отыскиваются и указываются источники, которымъ пользовался переводчикъ или извлекатель. Не оставлено безъ вниманія, по возможности—изслѣдовано и объяснено все, что заслуживаетъ особеннаго вниманія какъ въ главномъ содержаніи рукописи,

такъ и во вставныхъ статьяхъ и приписках ъ. Всѣ выписки изъ рукописей - въ текстахъ ли помѣщаемыхъ in extenso — въ словарныхъ и грамматическихъ извлеченіяхъ—передаются съ буквальною точностью (слова И. И. Срезневскаго). Библіографія рукописей въ такомъ объемѣ дотолѣ не существовала въ русской наукѣ. Потому-то и наука древней русской словесности въ «Описаніи» о. Горскаго и Невоструева обогатилась цѣлымъ рядомъ основательныхъ и новыхъ разысканій. Полную, всестороннюю оцѣнку этого труда, сдѣланную акад. И. И. Срезневскимъ и А. Ѳ. Бычковымъ см. въ книгѣ: «Отчетъ о первомъ присужденіи Ломоносовской преміи. Спб. 1868, 8° 106, въ «Сборникѣ статей II Отд.» томъ 7, № 1 и въ «Запискахъ Академіи Наукъ», т. XIII, с. 195—300. Рецензія г. Срезневскаго важна еще и тѣмъ, что представляетъ въ видѣ «Приложенія»—«Списокъ рукописей Синодальной библіотеки по новому счету съ показаніемъ прежнихъ №№ рукописей», а также «Указатель писателей и книгъ» въ 5-ти томахъ «Описанія». Широковѣщательная рецензія г. Безсонова на 1 томъ «Описанія», помѣщенная въ Русской Бесѣдѣ 1856, № 2, с. 1—90—нашла достойный отвѣтъ въ особой кн. Невоструева: «Разсмотрѣніе рецензій, явившихся на Описаніе рукописей Синодальной библіотеки, Спб. 1870, 8°, с. 78 и въ Сборникѣ статей, читанныхъ въ II Отдѣл. Ак. Н., т. VII, Спб. 1870, № 6. Для полноты можно отмѣтить еще и небольшую рецензію I-го т. Н. К—ва (Н. К. Купріянова) въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 3, см. стр. 86—98 и (неважную) рецензію св. Смирнова-Платонова въ «Православномъ Обозрѣніи» 1860, № 6, стр. 231—276.

л) Востокова: Краткія описанія отдѣльныхъ рукописей, разбросанныя по разнымъ изданіямъ — собраны въ одно цѣлое и напечатаны въ «Ученыхъ Запискахъ» по II Отд. Акад. Наукъ, 1856, т. II, отд. 2, с. 59—128 и въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» автора—стр. 135—204.

м) Купріяновъ: Обозрѣніе пергаменныхъ рукописей Новгородской софійской библіотеки». Спб. 8°, 1857, стр. 113. От-

дѣльно изъ «Извѣстій II Отд. Акад. Наукъ» т. V, с. 367—71; т. VI, с. 34—66; 276—320. Описаніе кратко, но съ обстоятельными извлеченіями для филологическихъ и историческихъ цѣлей.

н) (Викторовъ?) «Алфавитный указатель Славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки». М. 1858, 8°, с. 128. Оттискъ изъ труда ар. Саввы. «Указатель для обозрѣнія Московской патріаршей (нынѣ синодальной) ризницы и библіотеки». М. 1858, стр. 153 — 280. Описаніе краткое, довлѣющее для первой нужды.

P. Martinof: Les manuscrits slaves de la Bibliothèque Impériale de Paris, avec un calque. P. 1858, 8°, стр. 111. Прекрасное дополненіе къ книгѣ С. Строева, см. выше, ст. 25, прим. 57, е. Рукописей русскихъ не много, еще менѣе важныхъ.

о) Варлаамъ, арх. «Описаніе Сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря». Спб. 1858 г. 8°, 65 с., отдѣльно изъ V кн. Ученыхъ Записокъ II Отд. Акад. Наукъ. Спб. 1859, от. III, с. 1—66.

Описаніе обстоятельное, со многими выдержками и приложеніями, гдѣ помѣщены нѣкоторые памятники древней русской письменности въ лучшемъ противъ извѣстнаго или новомъ видѣ.

п) Лавровскій, П. «Описаніе семи рукописей С.-Петербургской Публичной библіотеки». М. 1859, 8°, 90. Отд. оттискъ изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Др.» 1858, кн. IV, с. 1 — 90. Трудъ очень замѣчательный въ филологическомъ отношеніи. Впрочемъ — авторъ не упускалъ изъ вида и реальнаго содержанія памятниковъ.

р) Варлаамъ, арх. «Обозрѣніе рукописей собственной библіотеки пр. Кирилла Бѣлозерскаго», въ II кн. Чтеній Общ. Ист. и Др. 1860, с. 1 — 69 и отд., М. 1860. Есть выдержки и притомъ — русскихъ статей.

с) Макарій, арх. «Обозрѣніе древнихъ рукописей и книгъ церковныхъ въ Новгородѣ и его окрестностяхъ», въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1861, к. II, с. 1—40. Обозрѣніе не библіографическое.

т) Александръ Б.: (Брянчаниновъ?)—«Описаніе нѣкоторыхъ сочиненій, написанныхъ русскими раскольниками въ пользу раскола». Спб. 1861, 8°, с. II+291+340. Первая половина книги обозрѣваетъ сочин. *историческія*, вторая—соч. *учительныя* или *обличительныя*. Трудъ не библіографическій, а — богословскій, хотя любопытный и для библіографа. Замѣчательно, что по недосмотру въ этомъ описаніи ниже словомъ не помянуты знаменитые «Поморскіе отвѣты».

у) П. Любопытный: Каталогъ или Библіотека старовѣрческой церкви. М. 1861, 8°, 152 с.+6 неп. Оттискъ изъ журн. «Библіограф. Зап.» за 1861 г.

П. Любопытный: Каталогъ или библіотека старовѣрческой церкви. М. 1863. 8°, стр. IV+66, отт. изъ «Чтеній въ Общ. Ист. и Древн.» 1863, книга I, от. мат. с. 1—66.

Два изданія одной и той же «раскольничьей библіографіи», но существенно между собою различныя: первое есть современная обработка труда П. Любопытнаго, исполненная Н. Субботинымъ, второе—настоящій, неизмѣненный текстъ его. Такъ какъ назначеніе «Каталога» было болѣе назидательно благочестивое, чѣмъ ученое, то — понятно, что въ немъ нельзя искать точныхъ библіографическихъ пріемовъ описанія; тѣмъ не менѣе онъ полезенъ и для библіографа и для историка литературы — очень многими указаніями. Есть еще *третье* изданіе «Каталога или библіотеки П. Любопытнаго» М. 1866, помѣщеннаго въ видѣ приложенія ко 2-му т. «Сборника для исторіи старообрядчества, изд. М. И. Поповымъ»—изданіе плохое и почти безполезное.

ф) «Описаніе рукописей, принадлежащихъ Археографической Коммиссіи въ книгѣ: «Лѣтописи занятій археограф. Коммиссіи 1861 г., вып. I, Спб. 1862, с. 1—13. Описаніе трехъ сборниковъ и одной родословной книги. Есть извлеченія. Описаніе не продолжалось.

х) П. И. Савваитовъ: Описаніе пяти рукописей, принадлежащихъ Археографической Коммиссіи въ кн. «Лѣтопись занятій

археогр. Коммиссіи, 1862—1863», вып. II, Спб. 1864, с. 14—31, прот.

Инвентарный каталогъ по главамъ.

ц) Ламанскій, В.: «О нѣкоторыхъ Славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, съ филологическими и историческими примѣчаніями». Спб. 1854, 8°, с. 167 (вмѣстѣ какъ «Приложеніе» къ VI т. Записокъ Академіи Наукъ). Трудъ г. Владиміра Ламанскаго богатъ и филологическими замѣчаніями и всякаго рода интересными выписками, сближеніями и замѣтками. Есть кое-что, касающееся русской старины. Къ книгѣ приложено 5 табл. литогр. снимковъ. Трудъ извѣстнаго нашего публициста греко-славянина замѣчателенъ еще и тѣмъ, что почти не заключаетъ въ себѣ ничего специфически ему свойственнаго греко-славянскаго.

ч) Дмитріевъ-Петковичъ: «Обзоръ Аѳонскихъ древностей» Спб. 1865, 8°, с. 69. Обозрѣніе славян. рукописей, находящихся въ аѳонскихъ монастыряхъ. Выписки — очень интересны, онѣ могутъ быть разсматриваемы, какъ дополненія къ трудамъ Аврамовича (Описаніе древностей србски Б. 1847) и Григоровича (Очеркъ путешествія по европейской Турціи. К. 1848). Нѣкоторыя рукописи только отмѣчены.

ш) (Смирновъ): «Описаніе рукописныхъ сборниковъ Новгородской Софійской библіотеки» въ кн. «Лѣтописи занятій Археографической Коммиссіи», 1864, кн. III. Спб. 1865, отд. III, стр. 1—106. Описаніе перечневое, но съ изложеніемъ содержанія тѣхъ статей, которыя могутъ имѣть историческій или литературный интересъ. Кой-гдѣ есть и библіографическія указанія на источники или сродныя произведенія.

щ) И. И. Срезневскій: Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ, томъ I, I—XI, Спб. 1867: вып. I. с. VIII+16+86; вып. II, 96; вып. III, с. 88; вып. IV, с. 100; томъ II, XLI—LXXX. Спб. 1876 стр. VI+579.

Трудъ не строго библіографическій, потому что кромѣ рукописей здѣсь разсматриваются и иные предметы, но онъ содер-

житъ въ себѣ такое преобладающее количество описаній новыхъ рукописей и памятниковъ письменности, извлеченій изъ нихъ, не рѣдко цѣликомъ, разнаго рода разысканій историческихъ и литературныхъ по поводу и ради нихъ, что ближе всего можетъ быть отнесенъ къ рукописной библіографіи.

аа) П. Лукьяновъ: «Отчетъ о занятіяхъ въ столичныхъ библіотекахъ» въ кн. «Протоколы засѣданій Совѣта Харьк. Универ.» 1867, № 6, с. 557—595; № 7, с. 628—662. Собственно — не библіографическое описаніе, а рядъ весьма важныхъ памятниковъ, извлеченныхъ изъ сборниковъ Публичной библіотеки съ краткими филологическими замѣчаніями.

бб) Оставшееся послѣ Карамзина собраніе рукописей было принесено Императорской Публичной библіотекѣ въ даръ его сыновьями. Оно описано въ «Отчетѣ И. П. Б. за 1867», Спб. 1868, стр. 55—99.

вв) А. Ө. Бычковъ: Описаніе славянскихъ рукописей, принесенныхъ въ даръ Императорской Публичной библіотекѣ А. Ө. Гильфердингомъ, въ Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1868 годъ. Спб. 1869, с. 10—159. Рукописи — исключительно югославянской рецензіи. Описаны перечневымъ способомъ; есть, однако, и выдержки. Другія рукописи были пріобрѣтены Пуб. библіотекой уже по смерти Гильфердинга; онѣ описаны въ «Отчетѣ» за 1873 г. с. 12—19.

гг) Описаніе книгъ и рукописей, пожертвованныхъ въ Кіевскую Духовную Академію Е. В. Барсовымъ. Кіевъ, 1868, 8°, 24 с. отд. оттискъ изъ Трудовъ Кіев. Духов. Ак. 1868. № 5, стр. 355—376. Простой инвентарный каталогъ.

дд) Ундольскій: Славяно-русскіе рукописи В. М. Ундольскаго, описанныя самимъ составителемъ и бывшимъ владѣльцемъ собранія съ № 1 по 579. Съ приложеніемъ очерка собранія рукописей В. М. Ундольскаго въ полномъ составѣ (составл. А. Е. Викторовымъ). М. 1870, 4°, с. III+468+64. Образцовый библіографическій трудъ, напечатанный по двумъ — пространной и сокращенной — редакціямъ, найденнымъ въ бумагахъ состави-

теля. Богатое собраніе У—скаго заключаетъ въ себѣ болѣе, чѣмъ 1850 номеровъ рукописей. Составитель успѣлъ описать только 579, именно отдѣлъ «Богословія» т. е. а) Священное Писаніе, б) Толкователи Св. Писанія; в) Каноническое право; г) Обряды; д) Отцы Церкви; е) Исторія Церкви; ж) Системы богословскія и з) Смѣсь, т. е. различные сборники, поученія и т. д. Несмотря на сжатость описанія — все важнѣйшее отмѣчено, нерѣдко приводятся библіографическія указанія на источники или однородныя статьи и всякаго рода историческія поясненія; не мало — и выписокъ болѣе интереснаго и важнаго. Составленный г. Викторовымъ очеркъ собранія рукописей В. М. Ундольскаго восполняетъ пробѣлъ, обозрѣвая важнѣйшія рукописи, которыхъ не успѣлъ описать собиратель. Здѣсь же помѣщенъ и очень хорошій обзоръ ученыхъ трудовъ Ундольскаго, оставшихся еще неизданными. Къ этому — еще можно сказать, что помимо богатства всякаго рода свѣдѣній, заключающихся въ трудѣ пок. Ундольскаго — изученіе его приноситъ пользу строгой библіографической школы: съ такимъ руководителемъ научаешься цѣнить и отыскивать такія стороны предмета, на которыя безъ него и не обратилъ бы вниманія. Изъ рецензій можно указать только на ст. В. О. Ключевскаго: «Рукописная библіотека В. М. Ундольскаго» въ Православномъ Обозрѣніи, 1870, № 5, с. 872—894, да и эта статья—скорѣе обзоръ содержанія труда, чѣмъ рецензія его.

ее) Невоструевъ: «Библіотека Іосифова Волоколамскаго монастыря времени самого преподоб. Іосифа», въ ст.: Разсмотрѣніе книги И. Хрущева о сочиненіяхъ Іосифа Санина и т. д. въ Отчетѣ о XII присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1870, с. 168 — 186 и въ отд. оттискѣ, стр. 65 — 103. Оригинальная попытка библіографической реставраціи на основаніи старинныхъ описей и записей въ рукописяхъ. Для исторіи просвѣщенія и литературы такія возстановленія утраченнаго — очень важны.

жж) Леонидъ, арх. (Кавелинъ): «Описаніе славяно-русскихъ рукописей книгохранилища Ставропигіальнаго Воскресенскаго,

новый Іерусалимъ именуемаго, монастыря и замѣтки о старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ того же книгохранилища, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Др. 1871, кн. I, стр. 1—71 и отдѣльно. Трудъ краткій охранный, но во многомъ пополняющій свѣдѣнія, изложенныя у арх. Амфилохія, см. ниже.

зз) Викторовъ, А. Е.: Каталогъ славяно-русскихъ рукописей, пріобрѣтенныхъ Московскимъ публичнымъ и Румянцовскимъ Музеемъ въ 1868 послѣ Д. В. Пискарева. М. 1871 8°, с. 69. При всей краткости своей — Каталогъ очень обстоятельный, потому что все важное и замѣчательное отмѣчено и пояснено библіографическими указаніями.

ии) Гильдебрандтъ, П.: Рукописное отдѣленіе Виленской публичной библіотеки, вып. первый: I, церковно-славянскія рукописи — II, Русскіе пергамены. Вильна 1871, 4°, XIV+230. Есть любопытные выдержки и извлеченія, но вообще все описаніе слѣдитъ болѣе охранныя, чѣмъ библіографическія цѣли, ибо даже основное библіографическое правило: выписывать начало каждой особой статьи — несоблюдено. Трудъ, впрочемъ, и въ такомъ видѣ — не мало полезный.

кк) Kaluzniacki, Aem.: Descriptio codicum slovenicorum, qui in bibliotecа Universitati Jagiell. inveniuntur. Leop. MDCCCLXXI, 8°, 1, p. 35 съ двумя листами снимковъ. Описаніе пяти рукописей XIV—XVI вв. юго-славянскихъ — съ палеографической и филологической точекъ зрѣнія.

лл) Поповъ, А. Н.: Описаніе рукописей и каталогъ книгъ церковной печати библіотеки А. Н. Хлудова. М. 1872, бол. 8°, 5 неп. + X + 664 + 54.

Поповъ, А. Н.: Первое прибавленіе къ описанію рукописей и каталогу книгъ церковной печати библіотеки А. И. Хлудова. М. 1875, 8° с. III + 94 + 5.

Трудъ образцовый по богатству содержанія, къ сожалѣнію доступный не каждому изслѣдователю, такъ какъ былъ напечатанъ въ числѣ 100 экземпляровъ и не поступилъ въ продажу. «При описаніи каждой рукописи, кромѣ обозначенія заглавія, ха-

рактера и времени его написанія и величины по листамъ, обращено вниманіе на содержаніе — тѣмъ подробнѣе, чѣмъ оно своеобразнѣе и чѣмъ менѣе извѣстны книги такого содержанія. При этомъ оглавленіе статей, составляющихъ книгу, передано дословно и буквально по рукописи. Записи и замѣчательныя приписки выписаны всѣ и также буквально. Такъ же выписаны и отрывки изъ рукописей, взятые для показанія языка и правописанія. Изъ нѣкоторыхъ рукописей выписаны цѣликомъ цѣлыя статьи, или неизвѣстныя или извѣстныя по какому-нибудь другому изводу, или по неудовлетворительному списку. Нѣкоторыя изъ этихъ выписокъ снабжены разночтеніями по другимъ спискамъ. Кромѣ всего этого есть еще очень много указаній то на другіе списки статей и книгъ и на печатныя изданія, то на греческіе подлинники и на изслѣдованія о статьяхъ и книгахъ... Книга А. Н. Попова, посвященная Хлудовскому собранію рукописей—важна не только для ознакомленія съ этими рукописями, но и вообще какъ пособіе для изученія юго-славянской и русской письменности». Изъ этихъ словъ такого судьи, какъ И. И. Срезневскій — видна высокая важность труда г. Попова: она совмѣщаетъ въ себѣ достоинства тщательнаго описанія рукописей съ изданіемъ самихъ памятниковъ, иногда совершенно новыхъ, неизвѣстныхъ или извѣстныхъ только отчасти. Быть можетъ строгіе пуристы-библіографы упрекнутъ описателя за эту библіографическую ересь, но отъ такого упрека воздержится каждый изслѣдователь древне-славянской и древне-русской письменности, правильно понимающій нужды своей науки... Рецензія труда г. Попова, написанная И. И. Срезневскимъ—помѣщена въ «Запискахъ Акад. Наукъ», томъ XXI, 1872, с. 319—327, въ «Сборникѣ статей II Отд. Акад. Наукъ», т. X, 1873, стр. XVII—XXV.

мм) Барсовъ, Е. В.: Описаніе рукописей и книгъ, хранящихся въ Выголексинской библіотекѣ. Спб. 1874, 8° с. IV+85, отдѣльный оттискъ изъ VI вып. Лѣтописей занятій Археограф. Коммиссіи. Краткій каталогъ съ нѣкоторыми, какъ кажется, случайными замѣчаніями и очень немногими выписками. Предпослан-

ный описанію «историческій очеркъ выговской библіотеки» — интересная глава изъ исторіи русской культуры и религіозной жизни.

нн) Амфилохій, арх.: «Описаніе Воскресенской Новоіерусалимской библіотеки, съ приложеніемъ снимковъ (16 in. f.) со всѣхъ пергаменныхъ рукописей и нѣкоторыхъ писанныхъ на бумагѣ». М. 4°, 1875, стр. 9 + II + 214. Описаніе по частямъ было исполнено гораздо ранѣе: именно въ 1858 г. и напечатано въ VII — VIII томахъ «Извѣстій по II Отд. Академіи Наукъ»; потомъ оно было дополнено авторомъ и издано вновь. Характеръ описанія — инвентарный, по статьямъ и листамъ. Есть выписки, но едва-ли помѣщеніе ихъ вездѣ опредѣлялось дѣйствительной нуждой и потребностями изслѣдователей, едва-ли вездѣ онѣ принадлежатъ къ замѣчательнымъ и избраны съ какою-нибудь иною цѣлью, кромѣ той, чтобы дать образцы языка и правописанія. Обозрѣніе рукописей Новоіерусалимской библіотеки, на основаніи труда о. Амфилохія, а равно и рецензія послѣдняго (И. И. Срезневскаго) въ Отчетѣ о двадцатомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1878, с. 749—754.

оо) Арх. Леонидъ (Кавелинъ): «Славяно-сербскія книгохранилища на св. Аѳонской горѣ, въ монастыряхъ Хилендарѣ и св. Павлѣ» въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древ. 1875, кн. I, см. стр. 1—80. Рукописи за немногими исключеніями—сербской рецензіи. Съ 52 стр. описано книгохранилище болгарскаго Зографскаго монастыря. Рукописи его—рецензіи болгарской. Есть любопытныя выписки.

пп) Петровъ, Н. И.: Описаніе рукописей церковно-археологическаго Музея при Кіевской Духовной Академіи. Кіевъ, 1875, 8°, вып. I, с. 1 — 280; вып. II, с. 281 — 542; вып. III, стр. 543 — 683 + CVII.

Задача, какою задался почтенный описатель, была широкая; онъ стремился: а) не только обозначить внѣшній видъ рукописей, но и «опредѣлить личность автора, переводчика и переписчика рукописи и время ея составленія, перевода и переписки; б) дать полное и обстоятельное свѣдѣніе о составѣ рукописи такъ, чтобы

ни одна малѣйшая статья не ускользнула изъ вниманія читателя; для чего показывалось не только заглавіе рукописи, но и частныхъ статей ея и начальнаго текста ихъ; в) указать на тождественныя статьи въ другихъ рукописяхъ Музея и г) указать рукописи или статьи ихъ, которыя извѣстны или въ печати, или въ другихъ извѣстныхъ въ Россіи собраніяхъ рукописей...» Естественно, что такія широкія, для нашего времени почти идеальныя — требованія могли быть исполнены только отчасти: трудъ Н. И. Петрова удовлетворяетъ только первому ознакомленію съ рукописями; выписокъ и извлеченій изъ текстовъ — почти нѣтъ никакихъ, нѣтъ и филологическихъ эксцерптовъ и характеристикъ. Историко-литературныя замѣтки и указанія — случайны и неполны, также точно и библіографическія ссылки, но полной признательности заслуживаютъ попытки библіографа опредѣлить источники нѣкоторыхъ произведеній древне-русской письменности, предпріятіе, которое и тѣмъ уже полезно, что въ значительной степени облегчаетъ трудъ изслѣдователей.

рр) Е. І. Калужняцкій: Обзоръ славяно-русскихъ памятниковъ языка и письма, находящихся въ библіотекахъ и архивахъ львовскихъ. Кіевъ, 1877, 4° с. 109, отдѣльный оттискъ изъ «Трудовъ» III Археологическаго съѣзда въ Кіевѣ, 1877, К., стр. 213—321. «Обзоръ» Е. І. Калужняцкаго есть скорѣе собраніе всякаго рода историко-литературныхъ и библіографическихъ замѣчаній о памятникахъ, чѣмъ библіографическое описаніе львовскихъ рукописей. Потребность въ такомъ обзорѣ чувствовалась тѣмъ сильнѣе, что извѣстное сочиненіе моравянина Беды Дудика: «Archive im Königreiche Galizien und Lodomerien. W. 1868, с. 222 — по отношенію къ русскимъ матеріаламъ было — менѣе чѣмъ неудовлетворительно.

сс) А. Е. Викторовъ: Описаніе записныхъ книгъ и бумагъ старинныхъ дворцовыхъ приказовъ, 1584 — 1725, вып. I. М. 1877, 8°, с. 376. Превосходный библіографико-археологическій трудъ. Первый томъ заключаетъ книги и дѣла Казеннаго Приказа, Государевой и Царицыной мастерскихъ Палатъ.

тт) Ѳ. Успенскій: «О нѣкоторыхъ Славянскихъ писанныхъ рукописяхъ, хранящихся въ Лондонѣ и Оксфордѣ», Журн. Мин. Нар. Пр. 1878, т. СХ — СІХ (№ 9) с. 1 — 21 и т. СС (№ 10) с. 63 — 94. Рукописи — южно-славянскія болѣе важны по историческимъ приписками и изображеніямъ, чѣмъ въ отношеніи филологическомъ или литературномъ.

уу) Іер. Иларій и Арсеній: «Описаніе славянскихъ рукописей библіотеки Свято-троицкой Сергіевой Лавры», въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1878, кн. 2, 4; 1879, кн. 2; и отдѣльно, М. 1878 — 9, I, с. XIX + 352; II, ib. 240; III, ib. 267 + 44.

Описаніе перечневое, по статьямъ, обстоятельно; но пока безъ выдержекъ.

ѳѳ) А. Ѳ. Бычковъ: Описаніе славянскихъ и русскихъ рукописныхъ сборниковъ Императорской Публичной библіотеки. Спб. 1878, 8°, въ первомъ выпускѣ стр. 176.

Давно ожиданный, образцовый трудъ, притомъ той части древне-русской письменности, которая представляетъ наибольшій интересъ. Все важное, интересное и новое въ отношеніи литературномъ и историческомъ извлечено. Есть и историческія объясненія и указанія.

хх) (Порфирьевъ) Описаніе рукописей Соловецкаго монастыря, находящихся въ библіотекѣ Казанской Духовной Академіи, Казань, 1879, 8° с. XIV? и при «Православномъ Собесѣдникѣ» 1878 — 9.

Описаніе обстоятельное, съ выдержками и историко-литературными разысканіями и указаніями. Въ предисловіи — краткая исторія библіотеки.

цц) Д. Прозоровскій: «Опись древнихъ рукописей, хранящихся въ Музеѣ русскаго Археологическаго Общества», Спб. 1879, 8°, стр. 307.

Главную часть книги занимаетъ описаніе актовъ и дѣловыхъ бумагъ съ подробными извлеченіями. Особенно важныхъ по старинѣ или содержанію рукописей — очень немного. «Опись не библіографическаго характера».

чч) Кн. Вяземскаго: Обзоръ Московскихъ книгохранилищъ (II Приложеніе къ протоколу Засѣданія Общ. Любителей Древней письменности, 10 ноября 1877), Спб. 1877 с. 18.—Заносится мною здѣсь единственно полноты ради: это — замѣтки дилетанта — туриста...

35. Въ эту краткую «лѣтопись» библіографическихъ трудовъ по рукописямъ [80]) я не внесъ ни описаній рукописей и памятниковъ отдѣльныхъ, ни нѣкоторыхъ рукописныхъ пріобрѣтеній Императорской Публичной библіотеки и Румянцевскаго Музея: первыя будутъ указаны — далѣе, каждое въ своемъ мѣстѣ; о вторыхъ—можно найти свѣдѣнія въ годовыхъ «Отчетахъ» этихъ учрежденій, и притомъ — почти въ каждомъ Отчетѣ» [81]).

Несмотря на то, что многія важныя собранія — рукописей еще не описаны — или, по крайней мѣрѣ, описанія ихъ не изданы (Биб. Моск. Духовной Академіи, С.-Петербургской Духовной Академіи, Московской Синодальной типографіи, Погодинскаго древле-хранилища, Общества любителей духовнаго просвѣщенія въ Москвѣ, Чудова монастыря и т. д.), что другія описаны не вполнѣ или только отчасти (собранія Императорской Публичной библіотеки, Синодальной библіотеки, гр. А. С. Уварова, Академіи Наукъ), нельзя — кажется — отечественную манускриптологію упрекнуть въ застоѣ: многое еще остается сдѣлать не потому, чтобъ было мало сдѣлано, а потому, что жатва вообще очень обильна и требуетъ работы многихъ поколѣній.

80) Даемъ здѣсь мѣсто прерванному выше (Ст. 25, пр. 57) перечню библіографическихъ работъ по старопечатнымъ книгамъ:

а) В. Ундольскій: «Каталогъ славяно-русскихъ книгъ церковной печати, библіотеки Кастерина» въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1848, № 9, смѣсь I—VIII+97—141; отсюда этотъ Каталогъ отпечатанъ въ двухъ видахъ: а) обыкновенномъ in 8°, М. 1848, стр. 50 и in 18°, ibid. XVI, с. 199. Послѣднее изданіе очень рѣдко.

б) И. П. Сахаровъ: Обозрѣніе славяно-русской библіографіи. Томъ первый, книга вторая. Спб. 1849, бол. 4°, стр. 184.

Описано 575 №, кон. 1655 г. — Продолженіе труда въ собственноручной бѣловой рукописи автора, № 576—824 по 1683 г. — въ моей библіотекѣ.

в) М. А. Максимовичъ: «Книжная Старина южно-русская». Три статьи: 1-ая во Временникѣ Об. Ис. и Др., к. I, 1849, ст. 1—12, 2-я ib. кн. 3, с. 1—12; 3-я въ «Кіевлянинѣ» кн. 3, М. 1850, с. 117—138. Прекрасное библіографическое обозрѣніе, впрочемъ — не хронологическое, а въ видѣ отрывочныхъ замѣтокъ.

г) Каратаевъ: Хронологическая Роспись славянскихъ книгъ, напечат. кирилловскими буквами. 1491—1730. Спб. 1861, в 16°, стр. XIX+227.

д) Ундольскій: Очеркъ Славяно-русской библіографіи, съ дополнен. А. О. Бычкова и А. Викторова. М. 1871, 8°, III+388 стр.

Изданіе замѣчательное по своду библіографическихъ указаній и относительной своей полнотѣ.

е) Барсуковъ: Списокъ книгъ церковной печати библіотеки Св. Синода. Спб. 1871, in 16°, с. 69.

ж) Каратаевъ: Библіографическія замѣтки о старославянскихъ печатныхъ изданіяхъ. 1491—1730. Спб. 1872, in 16°, стр. 54. Брошюра полемическая, specimen rabiei bibliographicae!

з) Головацкій: Дополненіе къ «Очерку славяно-русской библіографіи Ундольскаго» въ Сборникѣ стат. II От. Ак. Н., т. XI, № 5, Спб. 1874, с. 96. Много лишняго.

и) Голубевъ: Библіографическія замѣтки о нѣкоторыхъ старопечатныхъ церковно-славянскихъ книгахъ, преимущественно конца XVI—XVII с., Кіевъ, 1876, 8°, 80 с. изъ «Трудовъ Кіев. Духов. Акад.» 1876, № 1 и 2. Трудикъ чистенько сдѣланный!

к) Бѣлецькій: Опись церковно-богослужебныхъ книгъ, принадлежащихъ Комитету Описанія Подольской епархіи. Кам.-Подольскъ, 1876, 8°, стр. 14 (отд. отт. изъ Подольскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей).

л) Каратаевъ: Описаніе славяно-русскихъ книгъ, напечатанныхъ Кирилловскими буквами. 1491—1730, Спб. 1878, 8° с. VI+280+III—въ первомъ выпускѣ.

Описаніе обстоятельное, съ выписками изъ «предисловій», «послѣсловій» и самаго текста стар. книгъ. Литературная и

библіографическая исторія каждой книги представлена полно и отчетливо. Хотя описаніе сіе и не дѣлаетъ излишнихъ предыдущихъ трудовъ, въ особенности трудовъ Строева, но оно самое полное и важное изъ всего появившагося въ сей области въ послѣднее время.

м) Родосскій: «Свѣдѣнія о нѣкоторыхъ рѣдкихъ экземплярахъ церковно-славянскихъ книгъ, хранящихся въ Библіот. С.-Петерб. Духовной Академіи» въ «Христіанскомъ Чтеніи» 1879, май — іюнь, стр. 780—806. іюль — августъ, с. 223—244.

Книги — XVII вѣка. Статья — дѣльная, съ историко — литературными и историко — художественными выдержками. Особенно подробно и обстоятельно описана книга: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія. М. 1647.

81) См. напр. Отчетъ Импер. Публичной библіотеки за 1874, стр. 109 sq. Отчетъ за 1875 г. с. 49 и слѣд.; за 1876, стр. 27—100 и Отчетъ Московскаго публичнаго и Румянцевскаго Музеевъ за 1867—69, М. 1871, с. 24 слѣд., и Отчетъ за 1870—72, М. 1873, с. 25 sq., 39 sq., 61 sq.; Отчетъ за 1873—75 г. М. 1877, стр. 7 sq., 15 sq., 41 sq., 45 sq., 51 sq.

36. Вмѣстѣ съ разборомъ и приведеніемъ въ извѣстность рукописей шло и изданіе самихъ памятниковъ. О нѣкоторыхъ я уже упоминалъ выше (ст. 25, 28, 30, 31 и др.). Здѣсь умѣстно будетъ назвать еще: изданіе гг. Костомарова и Пыпина, выходившее въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Памятники старинной русской литературы» Спб. 1860 — 2, 4 т. и содержащее въ себѣ богатый запасъ произведеній повѣствовательной и отреченной литературы. Къ сожалѣнію — пріемы изданія не могутъ быть во всемъ названы безукоризненными [82]); изданіе гр. А. С. Уварова, подъ заглавіемъ: «Рукописи гр. Уварова», т. II, вып. 1., Спб. 1858, заключающее въ себѣ произведенія Кирилла Туровскаго, изд. подъ редак. проф. Сухомлинова; «Памятники отреченной литературы», изд. Н. С. Тихонравовымъ, Спб. и М. 1863, 2 т.—образцовое изданіе; «Памятники русской литературы XII и XIII в. издан. В. Яковлевымъ (и Праховымъ) Спб. 1872,— собственно—Патерикъ печерскій; «Изборникъ славянскихъ и русскихъ сочиненій и статей, внесенныхъ въ хронографы русской

редакціи», изд. А. Н. Поповъ, М. 1869; наконецъ — «Историческая Христоматія Церковно-Славянскаго и древне-русскаго языковъ», сост. пр. О. И. Буслаевымъ, М. 1861,—очень важный сборникъ, содержащій въ себѣ, между многими уже извѣстными текстами, множество такихъ, которые дотолѣ были неизданы. Они напечатаны съ удержаніемъ всѣхъ особенностей древняго правописанія и снабжены многими историко-литературными и грамматическими объясненіями.

82) См. рец. Н. А. Л. (Лавровскаго) въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1862, № 9 и 10.

37. Успѣхи въ разборѣ и ознакомленіи съ рукописной стариной — не могли не отразиться на успѣхахъ науки славяно-русской палеографіи.

Выше обозрѣвая труды по описанію рукописей, я отмѣтилъ, что при нѣкоторыхъ библіографическихъ описаніяхъ — прилагались и палеографическіе снимки съ рукописей, иногда въ значительномъ количествѣ и исполненные очень удовлетворительно. То же находимъ и при изданіяхъ отдѣльныхъ памятниковъ и при нѣкоторыхъ особыхъ трудахъ историко-филологическаго характера: такъ снимками съ рукописей снабжены нѣкоторыя румянцевскія изданія, изданія Общества Исторіи и Древностей, Археографической Коммиссіи, Академіи Наукъ, С.-Петербург. и Московскаго Археологическихъ Обществъ, «Христіанскія Древности» г. Прохорова, соч. Бодянскаго «о времени происхожденія славянскихъ письменъ» М. 1855, «Описаніе Архива старыхъ дѣлъ» Иванова, 1850, «Достопамятности Москвы» К. Тромонина, М. 1843—5, и мн. др. Были попытки въ точномъ снимкѣ передать всю рукопись, или по крайней мѣрѣ цѣлый памятникъ, въ ней заключавшійся, таковы: «Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ» Спб. 1860, изд. Срезневскимъ; «Туровское Евангеліе XI в.» В. 1868; «Псковская Судная грамота», изд. Мурзакевичемъ, Од. 1868; «Житіе Сергія, пр. чуд. Радонежскаго», въ листъ, 1853; «Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Лаврентьевскому списку. Спб. 1872,

«Повѣсть временныхъ лѣтъ» по Ипатскому списку, Спб. 1871, «Новгородская Лѣтопись» по синодальному харатейному списку, Спб. 1875, «Грамоты, касающіяся до сношеній сѣверо-западной Россіи съ Ригою и ганзейскими городами», Спб. 1857 и нѣк. друг.

Движеніе палеографической науки не ограничилось, однако изданіемъ *такого рода* сырыхъ матеріаловъ; были предпринимаемы и болѣе систематическіе опыты, въ которыхъ постепенное измѣненіе письма съ XI по XVII в. представлялось хронологически цѣлымъ рядомъ характерныхъ снимковъ, были попытки «сводныхъ» алфавитовъ и разсмотрѣнія нѣкоторыхъ частныхъ палеографическихъ вопросовъ. — Перечтемъ все въ строгомъ смыслѣ сюда относящееся. Послѣ указанныхъ (ст. 14, 19) «Палеографическихъ таблицъ (числомъ пяти) почерковъ, приложенныхъ къ IV ч. «Собранія государственныхъ грамотъ и договоровъ» и «Палеографическихъ таблицъ почерковъ съ XI по XVIII в. (числомъ 12)» приложенныхъ къ описанію славяно-русскихъ рукописей гр. Ѳ. А. Толстова — представляющихъ первыя слабыя попытки систематическаго подбора матеріала — появились:

а) «Образцы славянскаго древлеписанія, изд. пр. Погодинымъ», 2 тетради, М. 1840—41, т. 4°, заключающія въ себѣ сорокъ четыре превосходныхъ снимка, исполненныхъ художникомъ Тромонинымъ.

б) «Сборникъ палеографическихъ снимковъ съ почерковъ древняго и новаго письма разныхъ періодовъ времени» былъ изданъ П. Ивановымъ въ 1844, in 4°, с. 16 + 34 + 102 таб. Кромѣ «Историческаго взгляда на развитіе славяно-русской письменности и словесности», взятаго почти цѣликомъ изъ «Разсужденія» Востокова о славянскомъ языкѣ, — здѣсь помѣщены дипломатическія «объясненія содержанія снимковъ съ древнихъ актовъ», и чтенія нѣкоторыхъ грамотъ и разныя замѣчанія, впрочемъ несамостоятельныя. Снимки исполнены вообще неудовлетворительно.

в) Сборникъ снимковъ судебнаго письма, съ XII по XVIII в., составленный И. П. Сахаровымъ въ сороковыхъ годахъ — числомъ 27 таблицъ, въ свѣтъ неизданъ. Только немногіе снимки

исполнены удовлетворительно. Экземпляры полные: въ библіот. П. И. Савваитова и моей.

г) «Собраніе палеографическихъ снимковъ съ славянскихъ рукописей XI—XVII в.», принадлежащихъ библіотекамъ: Троицкой Лавры, Московской Духовной Академіи, Московской синодальной, Обществ. Исторіи и Древностей, Новоіерусалимской и др., сост. еще въ 1850-хъ годахъ В. М. Ундольскимъ. Въ свѣтъ доселѣ не выпущено. Число снимковъ по нашему экземпляру—86. Большинство снимковъ исполнено очень вѣрно. Выборъ ихъ — выборъ знатока своего дѣла. По плану собирателя эти снимки должны были служить «приложеніемъ» къ обширному «Опыту палеографіи», труду, — начало котораго и отрывочные матеріалы найдены въ бумагахъ нашего библіографа.

д) О. И. Буслаевъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ, собранные изъ XV рукописей Московской Синодальной библіотеки, съ приложеніемъ 22 снимковъ, литогр. Іон. Шелковниковымъ. f. (см. выше, ст. 34, и), 4 снимка съ греческихъ рукописей VII—XI в., 15 снимковъ со славянскихъ рукописей XI—XVI в., 2 снимка съ заглавныхъ буквъ рукописей и 1 снимокъ—со строчныхъ буквъ (азбука) и сокращеній». Снимки исполнены превосходно, во многихъ случаяхъ лучше чѣмъ оригиналъ!

е) Савва, еп.: «Палеографическіе снимки съ греческихъ и славянскихъ рукописей Московской Синодальной библіотеки» VI — XVII в. М. 1863, in 4° (есть нѣсколько экземпл. *въ листъ*, какъ въ моей библіотекѣ) л. V + 46 + 19 таб. греч. + 47 — славянскихъ, XIII таб. «Дополненій», гдѣ между прочимъ помѣщены греческія сокращенія и сводныя азбуки, греческія и славянскія. Объясненія къ снимкамъ, откуда, изъ какой рукописи каждый взятъ—очень кратки. Исполненіе снимковъ—вообще удовлетворительное. Трудъ — весьма важный. См. мою рецензію въ Спб. Вѣдом. 1863, № 72.

ж) И. И. Срезневскій: «Древніе памятники русскаго языка и письма (X — XIV в.). Приложеніе: Снимки съ памятниковъ».

Спб. 1866, 4°, 40 листовъ снимковъ. Какъ въ отношеніи подбора, такъ и въ отношеніи вѣрности—изданіе образцовое. Палеографическихъ разъясненій к общихъ сводовъ нѣтъ: ихъ, конечно, авторъ сберегалъ для своей полной «славяно-русской палеографіи».

Кромѣ такихъ болѣе или менѣе важныхъ и значительныхъ, систематико-палеографическихъ собраній,—есть не мало трудовъ и по отдѣльнымъ вопросамъ славяно-русской палеографіи; такъ помимо вышеуказанныхъ *сводныхъ алфавитовъ* еп. Саввы—извѣстны еще:

а) сводный алфавитъ изъ русскихъ грамотъ XII—XV вв., сост. Лелевеломъ и напеч. при его статьѣ «o dipłomatyce ruskiej» въ Dziennik Warszawski, 1826, № 19 (перепеч. въ его «Polska» etc. t. V. Poz. 1863, t. 391—415.

б) Köppen'a: «Die slawisch-russische Schrift v. XI b. z. XV Jahrhundert», 1 палеографическая таблица съ объяснительною статьею: «Erläuterungen zur paläographischen Tabelle der slawisch-russischen Schrift» въ Bulletin historico-philolog. de l'Académie de sciences, t. V, 1848, № 3, sq., 33—48 и отдѣльно. Сводный алфавитъ—достовѣрный, взятый съ рукописей съ хронологическими датами.

з) (Г. В. Есипова) Азбука и скоропись XVII в. для нагляднаго изученія. М. 1875, 8° obl. IV ненум.+60 стр. Кромѣ азбуки здѣсь помѣщены снимки отдѣльныхъ словъ, цифръ, старинныхъ грамотъ, объясненія и чтенія отдѣльныхъ словъ и снимковъ. Цѣль изданія — практическая.

Весьма важный вопросъ о книжномъ дѣлѣ въ древней Руси, т. е. обо всѣхъ отдѣльныхъ статьяхъ и предметахъ, относившихся къ списыванію книгъ—разсмотрѣнъ г. Срезневскимъ въ особомъ сочиненіи: «Древнія русскія книги. Палеографическій очеркъ. Спб. 1864, 4°, с. 40. Отд. оттискъ изъ журнала Прохорова «Христіанскія древности» 1864, № 2, с. 15—36 и № 3,

с. 57—72. Сюда же по собранію нѣкоторыхъ данныхъ принадлежитъ и статья: «Списываніе книгъ въ древнія времена Россіи» въ Православн. Собесѣдн. 1862, ч. I, с. 131—171, 350—368, хотя ни историческіе пріемы автора ея, ни его способъ изложенія не заслуживаютъ одобренія по отсутствію системы и излишнему многословію.

Проточные, заводскіе знаки на бумагѣ—нерѣдко служили къ тому, чтобы опредѣлять вѣкъ рукописи. Палеографически-научное значеніе сихъ знаковъ было ясно обозначено русскимъ палеографомъ — практикомъ, вологодскимъ купцомъ И. Лаптевымъ, издавшимъ въ 1824 собраніе сихъ знаковъ: «Опытъ въ старинной русской дипломатикѣ или способъ узнавать на бумагѣ время, въ которое писаны старинныя рукописи». Спб. 4°, 11 стр.+28 таб. Извѣстный въ свое время художникъ-археологъ Кор. Тромонинъ въ 1844 году издалъ цѣлую книгу ихъ подъ заглавіемъ: «Изъясненіе знаковъ видимыхъ на писчей бумагѣ, посредствомъ которыхъ можно узнавать, когда написаны или напечатаны какія-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другія старинныя и не старинныя дѣла, на которыхъ неозначено годовъ. М. 1844, 4, стр. 22 (?) и CXXX л. снимковъ. Только XVI таблицъ занято знаками, взятыми съ французскаго изданія Jansen'а, остальныя— съ рукописей и старопечатныхъ книгъ русскихъ [11]).

Отношеніе старославянскаго письма къ греческому, иначе— происхожденіе Кириллицы, а равно Глаголицы было предметомъ нѣсколькихъ остроумныхъ и важныхъ замѣчаній И. И. Срезневскаго, Григоровича и Лавровскаго, см. ст. «Палеографическія замѣтки» Срезневскаго въ Извѣст. II Отд. Ак. Наукъ 1860, т. IX, стр. 161—6 и Труды перваго Археологич. съѣзда въ Москвѣ, М. 1871, 4°, I, с. CXV—CXXIV, см. также Григоровича «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ» Од. 1872, с. 8—10.

Системы старорусскаго правописанія послужили также предметомъ особой записки И. И. Срезневскаго: «О русскомъ правописаніи. Письмо первое». Спб. 1867, стр. 32 отд. отт. изъ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867 г., CXXXIV, с. 449—480.

Системы криптографіи или старо-русскаго тайнописанія были разсмотрѣны П. А. Лавровскимъ въ ст. «Старо-русское тайнописаніе» М. 1870, 4, 27, отд. отт. изъ III т. Трудовъ Москов. Археологическаго Общества, стр. 29 — 55, и И. И. Срезневскимъ въ статьѣ «Замѣчанія о русскомъ тайнописаніи» (дополненіе къ предыд. статьѣ), Спб. 1871, 8°, с. 10 и въ «Сборникѣ статей», читанныхъ въ II Отд. Акад. Наукъ, т. VIII, Спб. 1872 с. XXIV — XXXI [84]).

Палеографическихъ трудовъ общаго, цѣльнаго характера — въ русской наукѣ, пока, не существуетъ, развѣ можно признать таковыми «Матерьялы для славянской палеографіи», извлеченные А. Н. Пыпинымъ изъ Востоковскаго описанія Румянцевскаго «Музея» въ «Ученыхъ Запискахъ II Отд. Ак. Н., к. II, 1856, вып. II, с. 3 — 58 и въ «Филологическихъ наблюденіяхъ» Востокова, Спб. 1865, с. 79—134, но это только—начало дѣла [85]).

83) Заводскіе проточные знаки на бумагѣ еще имѣютъ и тотъ интересъ, что ясно указываютъ, откуда старая Русь получала бумагу и какимъ путемъ. См. въ этомъ отношеніи интересный сборникъ «знаковъ», помѣщенный въ изданіи Luchsá: «Schlesiens Vorzeit in Bild und Schrift» за 1866 годъ, Bres. 4°, с. 49 и.

84) Сюда же должно отнести и ст. пок. А. Н. Попова: «Дипломатическая тайнопись времени ц. Алексѣя Михайловича» въ Запискахъ Имп. Археол. Общ. т. V, Спб. 1853, с. 152—6 и тамъ же «Перечнѣ Засѣданій» 117—124.

85) Подробности о всѣхъ изданіяхъ палеографическаго характера, а равно и о ходѣ этой науки въ Россіи и у западныхъ славянъ—можно найти въ статьѣ И. И. Срезневскаго «Обзоръ матерьяловъ для изученія славяно-русской палеографіи» въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 1, стр. 76—115 и отдѣльно. Я ограничился только тѣмъ, что строго-спеціально относилось къ предмету. Статья г. Срезневскаго подъ заглавіемъ: «Палеографическія изслѣдованія памятниковъ русской древности», помѣщ. въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Н., т. VI, с. 257—275, — есть, такъ сказать, первая редакція вышеназваннаго «Обзора».

38. Успѣхи въ изученіи рукописей, а равно и успѣхи филологической науки отозвались и на способѣ изданія памятниковъ. Не вполнѣ отвѣчающими требованіямъ науки признаны: а) изданіе памятниковъ по отдѣльному малоисправному списку при существованіи другихъ, гораздо болѣе исправныхъ (таковы отчасти «Памятники старинной русской литературы, изд. гр. Кушелевымъ-Безбородко 4 тома. Спб. 1860—2»); б) изданіе памятника, составленнаго выборкою отдѣльныхъ мѣстъ изъ многихъ списковъ (таково изданіе Даніила Паломника г. Норова); г) изданія отдѣльныхъ списковъ одного и того же мало чѣмъ между собою разнящихся (Рукописи гр. А. С. Уварова. Спб. 1858, «Житіе Кирилла и Меѳодія», изд. Бодянскимъ въ «Чтеніяхъ» и др.); д) изданіе варіантовъ отдѣльно отъ текста (тк. нѣкоторыя изданія пр. Бодянскаго въ «Чтеніяхъ», напр. Житіе Ѳеодосія, Бориса и Глѣба)... «Подлинникъ необходимо издавать, какъ онъ есть, взявъ въ основной текстъ древнѣйшій или исправнѣйшій списокъ; пропуски въ немъ должны быть дополнены по другимъ спискамъ, а равно и разночтенія; при чемъ всегда слѣдуетъ обозначать, изъ какого списка что взято. Также точно должны быть исправляемы по другимъ спискамъ — порча, ошибки, или описки писца въ основномъ спискѣ (всегда, однако, съ обозначеніемъ исправленій). Правописаніе и знаки препинанія слѣдуетъ оставлять тѣ же, что въ древнемъ текстѣ. «Все, прибавляемое къ подлиннику, должно ясно отдѣляться отъ подлинника, а подлинникъ долженъ быть данъ и въ изданіи такимъ, какъ онъ есть самъ въ себѣ». Только на основаніи такихъ изданій (а ихъ въ русской наукѣ уже не мало) станутъ возможны изданія еще болѣе высшаго порядка, т. е. «чтенія», изданія самаго подлинника, на сколько его можно возстановить съ помощью различныхъ списковъ и разныхъ соображеній. Это должна быть полная реставрація памятника, вѣнецъ филологической и палеографической критики! Есть въ русской наукѣ уже удачные опыты подобныхъ реставрацій; но вообще онѣ — pia desideria науки.

Такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ, многіе списки отли-

чаются разными схоліями, осложненіями и прибавками, то — для историческихъ цѣлей умѣстнымъ должно признать *изданія сводныя*.

39. *Историческій методъ* изученія произведеній словесности имѣетъ своей задачею раскрыть въ нихъ начала исторической и духовной жизни извѣстнаго народа, его бытъ, образованность, нравы, образъ жизни, мысли и нравственныя стремленія, — словомъ весь сложный комплексъ его «нравственнаго бытія и дѣятельности», какъ они выражаются въ произведеніяхъ слова и на сколько они возникаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ.

Начало *историческаго изученія русской словесности*, въ противуположность прежнему, эстетическому, ограниченному изученіемъ художественной стороны, и, конечно, немногихъ произведеній, въ первый разъ ясно и твердо было внесено въ русскую науку Шевыревымъ: еще въ 1838 г. онъ задавался задачей «слѣдить всю массу произведеній литературы нашей въ ея развитіи относительно къ тому, какъ въ нихъ отражалась жизнь русскаго народа и государства», а въ 1846 и 1860 гг., какъ мы видѣли (выше, ст. 27.), выполнилъ эту задачу въ довольно широкихъ размѣрахъ... Хотя въ способахъ примѣненія историческаго начала къ изученію нѣкоторыхъ родовъ словесности — Шевыревъ нерѣдко отступалъ отъ законовъ историческаго изслѣдованія и критики [86]), но все же за нимъ несомнѣнно останется заслуга постановки вопроса о важности историческаго изученія произведеній — нашей древней словесности и перваго широкаго опыта этого изученія.

Историческое изученіе произведеній словесности предполагаетъ и необходимо требуетъ:

а) изслѣдованія происхожденія памятниковъ, т. е. степени ихъ самобытности,

б) изслѣдованія историко-литературнаго содержанія и значенія ихъ.

Обѣ эти задачи не остались уже безъ посильныхъ отвѣтовъ въ русской наукѣ.

ad a) Мысль о необходимости изученія произведеній древней русской словесности въ связи съ византійскими источниками или образцами должна была явиться естественно, какъ слѣдствіе простого вникапія въ характеръ древне-русской образованности и письменности. Можно замѣтить присутствіе этой мысли въ нашей наукѣ еще въ 1820 — 30-хъ годахъ, но до выхода въ свѣтъ Востоковскаго «Описанія рукописей Румянцевскаго Музея»—она принадлежала вполнѣ ad pia desideria. Съ этого времени мысль эта становится однимъ изъ принципіальныхъ условій науки исторіи древней русской словесности. Хотя быстрымъ успѣхамъ подобнаго рода изслѣдованій много препятствуетъ слабое развитіе византійскихъ занятій у насъ и на западѣ, а равнымъ образомъ — неизвѣстность и недоступность многихъ византійскихъ источниковъ, но уже нѣкоторое количество византійскихъ источниковъ нашей древней письменности опредѣлено обстоятельно. Есть даже и подробныя сличенія... Правда, по вѣрному замѣчанію г. Срезневскаго, остается еще нерѣшеннымъ: а) «что именно изъ отмѣченнаго въ спискахъ именами извѣстныхъ греческихъ писателей можно считать переведеннымъ, а не передѣланнымъ, или не изъ головы написаннымъ, только подъ чужимъ именемъ; б) что именно изъ отмѣченнаго именами нашихъ писателей ими и написано, а не переведено, или передѣлано ими или кѣмъ-нибудь другимъ; в) что именно изъ безымённыхъ произведеній должно стать въ ряду переводовъ или въ ряду сочиненій и какихъ именно писателей, по крайней мѣрѣ—какого именно времени»... [87]), но вообще едва-ли можно утверждать, что византійскій элементъ нашей древней письменности — не привлекаетъ должнаго вниманія въ русской наукѣ: причина, почему изслѣдованія этого рода идутъ очень медленно, заключается, конечно, въ трудности дѣла, гдѣ нѣтъ иногда даже необходимыхъ элементарныхъ пособій... Не то приходится сказать объ элементѣ западномъ, т. е. объ изученіи произведеній русской словесности сравнительно съ западными ея источниками или съ однородными произведеніями европейской литературы... Здѣсь мы находимъ только одни начинанія, иногда

блестящія, рѣшительныя, но все же рѣшительныя только для нѣкоторыхъ частныхъ вопросовъ науки, а не для цѣлыхъ отдѣловъ ея [8]). Кажется даже, что самая мысль о сравнительномъ изученіи русскихъ произведеній съ западными — сознана не всѣми, — по крайней мѣрѣ она далеко не имѣетъ того авторитета и признанія, какъ мысль о важности византійскаго элемента... Но не распространяясь о томъ, что многіе роды произведеній древней русской словесности стоятъ въ прямыхъ, генетическихъ связяхъ и отношеніяхъ къ произведеніямъ западной литературы, а потому необходимо требуютъ совмѣстнаго, сравнительнаго разсмотрѣнія, не говоря также и о томъ, что въ западной, болѣе богатой литературѣ нерѣдко живѣе и полнѣе сохраняются слѣды недовѣдомыхъ источниковъ, общихъ какъ нашимъ сказаніямъ, такъ и западнымъ, — не могу, однако, не замѣтить здѣсь,

ad б) что даже общій пріемъ изученія литературныхъ памятниковъ сравнительно съ однородными произведеніями литературы западной есть — пріемъ въ высокой степени плодотворный; ибо чрезъ него почти всегда историческое и литературное значеніе нашихъ памятниковъ освѣщается совершенно новымъ и неожиданнымъ свѣтомъ: характерныя черты эпохъ и народностей тогда выступаютъ яснѣе, свои образы оттѣняются рельефнѣе, ближе входишь въ исторію времени, а потому научаешься глубже понимать и вѣрнѣе цѣнить ее... Нельзя сказать, чтобы русская наука была богата изслѣдованіями въ этомъ отношеніи, но нѣкоторыя монографіи гг. Буслаева и Веселовскаго 1-го не оставляютъ сомнѣнія, что приложеніе сравнительнаго метода къ разработкѣ исторіи русской литературы — приводитъ къ очень важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ. — Далѣе... единая по языку, но разрозненная на области въ политическомъ и гражданскомъ отношеніи — Русь въ первые вѣка своей исторической жизни не могла, конечно, во многихъ случаяхъ дать произведеній *обще-русской словесности:* лѣтопись, сказанія поэтическія и религіозныя — отмѣчены характеромъ *мѣстнымъ, областнымъ:* кіевскимъ, новгородскимъ, муромскимъ, владимірско-суздальскимъ и т. д. Этотъ

этнографическій, мѣстный характеръ нѣкоторыхъ родовъ произведеній древне-русской письменности, историко-литературная важность его — впервые отмѣчены и внесены въ науку проф. Буслаевымъ: онъ съ успѣхомъ пытался приложить это начало къ разбору нѣкоторыхъ сказаній религіозно-историческаго характера [86]), но, къ сожалѣнію, важныя замѣчанія его въ этомъ отношеніи встрѣтили въ ученой литературѣ довольно слабый откликъ, б. м. потому, что были высказаны въ нѣсколько исключительной, аподиктической формѣ общаго принципа, распространяющагося на всю сферу словесныхъ произведеній древней-Руси, тогда какъ далеко не всѣ они отмѣчены рѣзкимъ областнымъ характеромъ. Вообще говоря, поставленная въ надлежащія границы, мысль объ изученіи произведеній русской литературы по областямъ — является и вѣрною и плодотворною, но въ томъ видѣ, какъ она иногда высказывалась [87]), она — не только — крайность, но даже отрицаетъ въ принципѣ всякую идею объ исторіи древней *русской* словесности.

86) См. Объ этомъ замѣчанія пр. Буслаева въ книгѣ: «Историческіе Очерки рус. народной литературы и искусства». Т. II. Спб. 1861, стр. 156 sq.

87) Ст. И. И. Срезневскаго: «Работы по древнимъ памятникамъ языка и словесности», Журн. Мин. Народ. Пр. 1875, № 3, с. 37.

88) Въ нашей наукѣ имѣется только одинъ трудъ Н. И. Петрова, подробно осматривающій вопросъ «о вліяніи западно-европейской литературы на русскую», въ Трудахъ Кіевской Духовной Академіи 1872, № 4, с. 3—66; № 6, с. 463—544 и № 8, с. 705—779. Къ сожалѣнію, на ряду съ дѣльными замѣчаніями, иногда даже новыми, мы находимъ въ статьѣ очень много «заимствованій на вѣру» изъ ходячихъ учебниковъ, которые сами черпали изъ вторыхъ рукъ или вообще мутныхъ источниковъ. Авторъ не отступаетъ предъ уважительными заимствованіями изъ «Очерка поэзіи» Милюкова, «Исторіи русской литературы» и «Очерковъ» г. Кирпичникова, «Исторія русской словесности» г. Галахова и т. д.— какъ будто эти компиляціи могутъ замѣнить источники и во-

обще имѣютъ какое-нибудь ученое значеніе, кромѣ, разумѣется, новаго періода въ книгѣ Галахова.

89) «Историческіе очерки русс. народн. словесности» т. II. Спб. 1861, с. 108, слѣд.; «Лѣтописи русской литер. и древности» т. III, кн. 6, стр. 64—88 и томъ IV, 1862, с. 3—24.

90) И. С. Некрасова: «О современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы», Одесса 1869, с. 15—16.

40. Назовемъ въ заключеніе тѣ труды общаго характера, которые появились въ послѣднее время и представляютъ самостоятельныя попытки свести въ одно цѣлое разнообразныя отдѣльныя изслѣдованія. Важнѣйшіе изъ этихъ трудовъ:

а) Пр. О. Ѳ. Миллера: «Опытъ историческаго обозрѣнія русской словесности», ч. I, вып. 1, отъ древнѣйшихъ временъ до татарщины, изд. 2-е, Спб. 1865, стр. 407 + 25. Пр. Миллеръ старался внести въ исторію русской словесности результаты, добытые наукой русской бытовой древности и изслѣдованіями по различнымъ отдѣламъ русской народной поэзіи. Этому посвящена — первая, важнѣйшая часть книги. Вторая представляетъ обозрѣніе произведеній литературы и письменности съ XI в. по XIII; между ними, впрочемъ, помѣщены и стихи Каликъ перехожихъ. Хотя трудъ г. Миллера представляетъ своды и выводы изъ отдѣльныхъ изслѣдованій другихъ ученыхъ, но какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ частяхъ онъ содержитъ въ себѣ столько новыхъ, самостоятельныхъ разысканій, замѣтокъ и оригинальныхъ соображеній, что въ полной мѣрѣ можетъ быть названъ трудомъ самостоятельнымъ, независимымъ. Есть цѣлыя страницы, посвященныя сравнительно — историческимъ изслѣдованіямъ и сопоставленіямъ. Литературныя характеристики, почти всегда мѣткія и образныя страдаютъ, однако же, отсутствіемъ строго выдержаннаго историческаго взгляда: современныя идеи (славянофильскія) опредѣляютъ симпатіи и антипатіи автора, постоянно влекутъ его въ сферу лиризма, къ защитамъ, оправданіямъ — одного, обвиненіямъ — другого, — къ открытію того, что излюбленное чувство и мысль желали бы найти въ литератур-

ныхъ произведеніяхъ. Впрочемъ, этотъ недостатокъ книги — вовсе не таковъ, чтобы помѣшать ей занять серіозное мѣсто въ исторіи науки. Трудъ г. Миллера вообще — скажемъ — достоинъ полнаго признанія и, не пренебрегай онъ ученымъ библіографическимъ элементомъ, онъ былъ бы въ фактическомъ отношеніи столь же безукоризненъ, какъ и въ отношеніи добросовѣстности обработки.

б) Пр. И. Порфирьева: «Исторія русской Словесности», ч. I, древній періодъ: устная народная и книжная словесность до Петра Великаго, изд. 2. Каз. 1876, 689 с. Пр. Порфирьевымъ также приняты въ расчетъ всѣ успѣхи науки исторіи русской словесности за прежнее и ближайшее къ намъ время, но приняты самостоятельно, по повѣркѣ ихъ самими памятниками; потому трудъ его имѣетъ достоинства добросовѣстнаго свода наличнаго содержанія науки. Съ этою цѣлью соединяется другая, педагогическая: книга назначена служить учебникомъ, а отсюда — частыя извлеченія изъ памятниковъ, которыя всему труду даютъ извѣстный хрестоматическій характеръ. Способъ изложенія по вѣкамъ — едвали вездѣ можетъ быть названъ умѣстнымъ: не говоря уже о томъ, что онъ ведетъ къ повтореніямъ и нѣкоторой путаницѣ, — въ связномъ историческомъ изложеніи — нѣтъ вообще причинъ строго держаться такой хронологіи: измѣненія жизни, вызывавшія измѣненія въ характерѣ и направленіи литературныхъ произведеній — совершались не по вѣкамъ, ограниченнымъ точною хронологіей, но независимо отъ нея, по періодамъ времени инымъ, опредѣляемымъ мѣрою вовсе не календарною, а причинами историческими, внутренними или внѣшними. Правда, хронологическій способъ изложенія вноситъ въ предметъ внѣшній порядокъ, но это порядокъ — формальный, мертвенный, потому долженствующій остаться внѣ стройной науки. Иной вопросъ: «какой же принять порядокъ изложенія»? Отвѣчать на него едвали должно иначе, какъ словами: «порядокъ историко-предметный», т. е. удовлетворяющій и требованіямъ связнаго историческаго (и отчасти — этнографическаго) изложенія (хронологія не по вѣкамъ,

а въ обширномъ смыслѣ), и внутренней связи предметовъ между собою, недозволяющей разрывать ихъ только потому, что одни изъ нихъ появлялись въ одномъ вѣкѣ, а другіе въ другомъ. Помимо этого — на нашъ взглядъ — недостатка, — трудъ пр. Порфирьева долженъ быть признанъ вполнѣ удовлетворительнымъ сводомъ данныхъ, относящихся къ исторіи русской словесности до времени Петра Великаго: съ нимъ, конечно, не выдержитъ сравненія ни одно изъ подобнаго рода сочиненій, имѣющихся въ русской наукѣ [91]).

Къ трудамъ общаго характера, излагающимъ не столько факты, сколько выводы изъ нихъ — слѣдуетъ отнести и рядъ статей А. Н. Пыпина о сравнительно-историческомъ изученіи древняго и средняго періода русской литературы и образованности [92]). Это — весьма хорошая, съ знаніемъ дѣла исполненная попытка осмотрѣть содержаніе древней русской литературы и оцѣнить ея направленіе съ культурно-исторической точки зрѣнія. Установивъ принципъ или общій взглядъ на предметъ, авторъ сначала разсматриваетъ этнологическія начала русской народности, затѣмъ общій вопросъ о вліяніи на нее византійской культуры, особенности древняго періода, состояніе въ немъ народности и образованности, общія черты средняго періода, національныя перемѣны и состояніе образованія, потомъ — мѣстныя сказанія и московское литературное объединеніе, наконецъ — состояніе народной поэзіи.

91) «Исторія русской словесности древней и новой» г. Галахова, Спб. 1868—75, I, с. X+596 и II, с. IV+VII+472— сюда не принадлежитъ, ибо достоинства ея всѣ безраздѣльно относятся къ изложенію періода новой литературы, часть же «древняя» не возвышается надъ степенью неудачной и запутанной компиляціи. Превосходный подробный разборъ книги г. Галахова сдѣланъ проф. Тихонравовымъ и помѣщенъ въ отчетѣ о девятнадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ, Спб. 1878, стр. 13—136, и отд. а. t. с. 124.

92) «О сравнительно-историческомъ изученіи русской литературы», Вѣстникъ Европы, 1875, октябрь, стр. 641—677;

«Древній періодъ русской литературы и образованности», Ibidem, 1875, ноябрь, с. 99—141; декабрь, с. 655—698; 1876, іюнь, стр. 564—598; сентябрь, 1876, с. 289—324; «Средніе вѣка русской литературы и образованности», ibid., 1876, ноябрь, с. 303—343; 1877, февр. 684—736, апрѣль, с. 704—748.

II.

Систематическое обозрѣніе.

1. Предварительныя статьи.

Прежде чѣмъ перейду къ обозрѣнію хода изученія произведеній древней русской письменности въ систематическомъ порядкѣ, по отдѣламъ—нахожу нужнымъ, въ поясненіе дальнѣйшаго, дать мѣсто нѣкоторымъ *предварительнымъ статьямъ*, разсматривающимъ:

а] ходъ изученія *исторіи старо-славянскаго* и *русскаго языковъ*, какъ основанія филологической и объяснительной критики памятниковъ письменности и

б] ходъ изученія вопроса о *славянскомъ письмѣ*.

А. Языкъ.

41. Судьбы русскаго языка и письменности такъ тѣсно, можно сказать неразрывно—связаны съ судьбами языка и письменности старославянскихъ [=церковно-славянскихъ], что говоря о первыхъ, естественно и необходимо начать со вторыхъ, какъ старѣйшихъ, какъ ранѣе начавшихъ свою исторію.

Теоретическое изслѣдованіе [филологическое и сравнительное] языковъ старославянскаго, русскаго народнаго и литературнаго остаются для насъ здѣсь предметомъ второстепеннымъ: насъ занимаетъ преимущественно изслѣдованіе исторической ихъ стороны, т. е. *исторія языка* и основанная на ней *филологическая кри-*

зыка. На филологическую [въ тѣсномъ значеніи] и сравнительную разработку древне-славянскаго и русскаго языковъ мы обратимъ вниманіе лишь въ той мѣрѣ, въ какой онѣ важны для разъясненія ихъ историческаго движенія...

Исторія языка — недавняя отрасль языковѣдѣнія не только у Славянъ, но и въ старой, богатой европейской наукѣ. Важнѣйшими изъ вопросовъ, входящихъ въ «исторію языка» должно признать слѣдующіе:

а] объ исторически-древнѣйшемъ строѣ языка въ звукахъ, формахъ, словообразованія, словосочиненія и лексиконѣ, а равно и объ этнографическомъ характерѣ языка или его народности;

б] о постепенномъ, историческомъ измѣненіи древняго языка въ звукахъ, формахъ, словообразованіи и словосочиненіи и лексиконѣ, зависящемъ какъ отъ его самостоятельной исторической и этнографической жизни, такъ и отъ вліянія на жизнь и языкъ иныхъ началъ, родственныхъ или чуждыхъ...

Такимъ образомъ къ исторіи языка спеціально принадлежатъ вопросы: о народности языка, о ходѣ историческаго измѣненія въ немъ внѣшняго, формальнаго и внутренняго, духовнаго и бытового, о его историческомъ лексиконѣ, объ областныхъ видоизмѣненіяхъ его, о стихіяхъ чужеземныхъ, въ него вошедшихъ.

Языкъ древне-славянскій.

Изслѣдованіе древне- или церковно-славянскаго языка, а равно и попытки распознать его этнографическую принадлежность или народность — начинаются довольно рано: ихъ вызвала и практическая нужда имѣть и руководиться правилами языка при переводахъ священныхъ и отеческихъ писаній и самостоятельныхъ сочиненіяхъ, и потребности школы, и ученая пытливость, невольно увлекавшая людей, понявшихъ важность предмета — къ догадкамъ, соображеніямъ и изученію [66]). Но какъ ни любопытны и исторически важны попытки эти — онѣ всѣ были чужды строгаго историческаго изученія языка, и какъ въ изслѣдованіяхъ, такъ и въ общихъ соображеніяхъ стояли на чисто теоретической

почвѣ, шли отъ теоріи, блуждали въ произволѣ «мнѣній»... Нѣкоторые слѣды историческаго изученія языка замѣчаются только у лексикографовъ XVII в. [94]), но, конечно, въ самой ограниченной степени и притомъ все-же съ словарно-практическими цѣлями. Такъ было до двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, когда почти одновременно появляются знаменитые труды Добровскаго и Востокова.

93) См. ст. В. И. Григоровича: «О трудахъ, касающихся древне-славянскаго языка до М. Смотрицкаго», въ «Статьяхъ, касающ. древняго славянскаго языка», Каз. 1852, с. 26—52; а также Каченовскаго: «Историческій взглядъ на грамматику Славянскихъ нарѣчій» Труды Общ. Любит. Рос. Слов. 1817, ч. IX, к. 13, стр. 17—47; Вышеградскаго: «О филологическихъ изслѣдованіяхъ церковно-словенскаго нарѣчія», Спб. 1847, с. 1—63. Сюда же принадлежитъ и знаменитое сочиненіе Крижанича: «Граматично изказаније об руском језику», изданное О. М. Бодянскимъ, въ Чтеніяхъ въ Общ. Ист. и Древ. 1848, к. I, и 1859, к. III. Въ отношеніи теоріи и народности старославянскаго языка слѣдуетъ указать: Каченовскаго: «О славянскомъ и въ особенности о церковномъ языкѣ», Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1817, ч. VII, к. 11, с. 5—27, (по мнѣнію Каченовскаго коренной славянскій языкъ намъ неизвѣстенъ, а нынѣшній церковный нашъ языкъ есть старинное сербское нарѣчіе); К. Калайдовича: «О древнемъ церковномъ языкѣ Славянскомъ», Сочиненія въ прозѣ и стихахъ, Труды Общ. Люб. Росс. Слов. 1822, ч. II, к. IV, стр. 57—71, (по мнѣнію Калайдовича—«языкъ сей былъ нѣкогда однимъ, общимъ у Моравовъ, Болгаръ, Сербовъ, Русскихъ и вѣроятно другихъ племенъ однородныхъ»). Ср. также мнѣнія о семъ предметѣ у Бодянскаго, въ кн. «О времени происхожденія Славянскихъ письменъ» М. 1855, стр. CII и слѣд.

94) Лаврентія Зизанія «Лексисъ», приложенный къ его грамматикѣ словенской 1596 г.» и «Лексиконъ Славяно-Россійскій» Памвы Берынды, К. 1627, 4°, с. 4+477; и въ Кут. мон. въ 1653 г. Оба словаря перепечатаны у Сахарова въ «Сказаніяхъ рус. нар., т. II, Спб. 1849, с. 5—134 неисправно, съ выпусками текстовъ и историческихъ ссылокъ.

42. Знаменитыя «Institutiones linguae slavicae[95]) навсегда останутся книгою важною и необходимою для всѣхъ предающихся занятіямъ славянской филологіей: эта художественная *«анатомія»* славянскаго языка, замѣчательная — по отчетливой строгости изслѣдованія, по внѣшней архитектоникѣ и по многимъ частнымъ рѣшеніямъ (въ особенности тамъ, гдѣ дѣло идетъ о распредѣленіяхъ или классификаціяхъ), до сихъ поръ не отошла вполнѣ въ прошедшую исторію, не утратила во многомъ современнаго значенія (тк. напр. глава о корняхъ). Но — страннымъ образомъ — вся построенная на исторической основѣ — она совершенно чужда историческаго взгляда и направленія и разсматриваетъ языкъ, какъ нѣчто данное, остановившееся или и вовсе не бывшее въ историческомъ процессѣ развитія, перемѣнъ и превращеній. Каждый изъ элементовъ, входящихъ въ эту грамматику — взятъ изъ дѣйствительной исторіи, но анахронически, въ разновременные и разновременные моменты, и всѣ они искусственно отвлечены, сведены въ одну картину языка идеальнаго, лишеннаго исторической дѣйствительности, никогда не существовавшаго во времени и пространствѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Добровскому болѣе, чѣмъ кому иному изъ его современниковъ — были вѣдомы законы и пріемы историческаго изслѣдованія. Количество извѣстныхъ ему текстовъ древняго славянскаго языка [96]) было, конечно, не велико, но достаточно для попытки историческаго разсмотрѣнія, имѣлъ онъ предъ собою и одинъ замѣчательный опытъ по историческому чешскому языкознанію[97]); но здѣсь дѣло шло о дѣйствительно живомъ существующемъ языкѣ, тогда какъ церковно — или древне-славянскій языкъ былъ явленіемъ отжившимъ, требовавшимъ теоретическаго построенія — и вотъ, сынъ теоретико-матеріальнаго XVIII в. — Добровскій строитъ матеріальную анатомію языка теоретически, какъ бы внѣ исторіи. Его «старославянскій языкъ» созданъ имъ посредствомъ отвлеченія, причемъ языку позднѣйшей русской рецензіи церковныхъ книгъ — б. м. не безъ вліянія Мелетія Смотритскаго — было отдано имъ видимое преимущество, какъ языку *правильному*. Оттого, «исторія древне-славянскаго

языка» получила въ Грамматикѣ Добровскаго лишь очень малое для себя приращеніе, и для историко-филологической критики сей трудъ предлагалъ только матеріалы, но не руководительныя начала. Какъ нелегко разобраться и въ сихъ матеріалахъ—достаточно показываютъ нѣкоторые примѣры въ исторіи изученія русской письменности (напр. комментаріи Дубенскаго къ Слову о Полку Игоревѣ)...

95) Jos. Dobrowsky: Institutiones linguae slauicae dialecti veteris, quae quum apud Russos, Serbos aliosque ritus graeci, tum apud Dalmatas ritus latini Slavos in libris sacris obtinet. Vind. MDCCCXXII 8°, p. LXVIII+720+IV tab. Второе изданіе въ 1852 есть только перемѣна заглавнаго листа. Русскій переводъ Погодина и Шевырева въ 2-хъ ч., Спб. 1833—1834 (исторія русскаго перевода Грамматики въ «Воспоминаніяхъ» Погодина, Москвитянинъ, 1855, № 4, с. 81—8). Въ европейской литературѣ книга Добровскаго произвела весьма сильное впечатлѣніе и долгое время была единственнымъ источникомъ свѣдѣній о славянскомъ языкѣ. Важныя рецензіи: а) Я. Гримма въ Göttingische gelehrte Anzeigen 1823, 35 Stück, с. 337—352, перепечатано въ его Kleinere Schriften, t. IV, B. 1869, стр. 186—196; б) Копитара, въ вѣнскихъ «Jahrbücher der Literatur», 1822, t. XVII, с. 66—107.

96) Въ «Praefatio» къ Institutiones Добровскій даетъ подробныя свѣдѣнія объ «источникахъ» своего изслѣдованія. Ему извѣстны были и нѣкоторые древніе тексты XI—XII вв.

97) Разумѣю трудъ Франца Томсы: «Ueber die Veränderungen der čechischen Sprache nebst einer čechischen Chrestomathie seit dem Dreizehnten Jahrhunderte bis jetzt. Prag. 1805, 8°, с. 263. Замѣчательный и несправедливо забытый трудъ. Старочешскіе тексты напечатаны по рукописямъ съ такою дипломатическою точностью, съ какою они и въ настоящее время рѣдко печатаются въ Чехахъ.

43. Совершенно иное у Востокова. Основательное знакомство съ рукописными древнѣйшими и менѣе древними памятниками старославянскаго языка привело его къ мысли о необходимости *историческаго изученія*, т. е. «изслѣдованія и показанія

свойствъ языка и различныхъ его формъ, съ измѣненіями, какимъ подвергались формы сіи въ продолженіе столѣтій въ Россіи и другихъ земляхъ Славянскихъ». Свои наблюденія надъ историческимъ развитіемъ старославянской рѣчи Востоковъ въ первый разъ изложилъ въ знаменитомъ «Разсужденіи о Славянскомъ языкѣ» [98]). Въ исторіи старославянскаго языка онъ различалъ три періода: древній, средній и новый. «Древній языкъ заключается въ письменныхъ памятникахъ отъ IX и за XIII столѣтіе. Онъ непримѣтно сливается съ языкомъ среднимъ XV-го и XVI столѣтій, а за симъ уже слѣдуетъ новый славянскій, или языкъ печатныхъ церковныхъ книгъ». По отношенію къ народности старославянскаго языка Востоковъ не входилъ въ спеціальныя изслѣдованія, но склонялся къ его *болгаризму*. Въ послѣднее время своей дѣятельности онъ полагалъ, что «родина старославянскаго нарѣчія есть Македонія, а потому его можно назвать и македонскимъ..., собственно болгарское нарѣчіе могло издревле отличаться отъ него очень важными признаками» [99]). Объясненіемъ «особенностей древняго славянскаго языка» въ отличіе отъ средняго и новаго, а равно и замѣтками объ изводахъ или рецензіяхъ языка и правописанія церковно-славянскихъ рукописей Востоковъ положилъ прочныя начала историко-филологической критикѣ. Впослѣдствіи сіи начала были развиты имъ гораздо подробнѣе и опредѣлительнѣе въ его «Описаніи русскихъ и словенскихъ рукописей Румянцовскаго Музея» и въ другихъ историко-филологическихъ и библіографическихъ трудахъ, о которыхъ мы уже отчасти упоминали и еще часто будемъ упоминать [100]). Послѣ трудовъ Востокова стало возможнымъ общее опредѣленіе древности памятниковъ на основаніи языка и правописанія, а равнымъ образомъ опредѣленіе народности памятниковъ и рукописей, т. е. рецензій или изводовъ ихъ. Но востоковскіе историко-аналитическіе пріемы изслѣдованія, при всей видимой простотѣ ихъ — усвоялись славянской филологической наукой туго и дали должные плоды лишь много лѣтъ спустя. Какъ трудно было для филологовъ правильно и во всемъ его объемѣ понять и приложить начало восто-

ковской методы, доказательствомъ тому служитъ извѣстное сочиненіе Калайдовича: «Іоаннъ Ексархъ Болгарскій», 1824. Онъ много разъ [см. стр. 102] пользуется «Разсужденіемъ» Востокова, иногда удачно, по большей части нетвердо, смѣшивая — какъ справедливо замѣчалъ пок. Билярскій — «фонетическія особенности правописанія съ условными, подражательными и чисто палеографическими, древнія съ позднѣйшими, самыя характеристическія съ маловажными»[101]).

98) «Разсужденіе о славянскомъ языкѣ» въ «Трудахъ Общества Любителей Россійс. Словесности» 1820, ч. XVII, с. 5—61 и въ «Ученыхъ Запискахъ» по II Отд. Ак. Н. 1856, т. II, ч. I, с. 1—27 и еще въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ» Востокова, Спб. 1865, с. 1—27. Важное поясняющее «дополненіе» къ этому изслѣдованію представляетъ письмо Востокова къ Добровскому, помѣщ. въ «Переспискѣ А. Х. Востокова» [Сбор. статей II Отд. Ак. Н., т. V] Спб. 1873, с. 100—116, а равно и въ другихъ мѣстахъ сей «Переписки».

99) «Филологическія наблюденія» Востокова, Спб. 1865, с. 95 in notis.

100) См. выше, с. 239, 287. Перепечатаны всѣ сія труды въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ». Здѣсь же находимъ на стр. 79—134 статью, подъ заглавіемъ: «Матерьялы для славянской палеографіи», это весьма тщательно составленный А. Н. Пыпинымъ сводъ историко-филологическихъ и палеографическихъ наблюденій Востокова надъ славянскими рукописями, извлеченный изъ его «Описанія рукописей Румянцевскаго Музея». Для ученія о рецензіяхъ или изводахъ, а равно и для ученія о правописаніяхъ рукописей—сія статья имѣетъ нарочитую важность.

101) Билярскій: «Судьбы Церковнаго языка» II, Спб. 1848, с. 222.

44. Къ тридцатымъ годамъ относятся труды Шафарика и Копитара.

«Serbische Lesekörner» Шафарика[102]) есть обширная (разумѣется для того времени) съ необычайною точностью к филологическимъ талантомъ исполненная работа надъ сербскимъ отдѣломъ

древне-славянскаго языка: изъ памятниковъ древне-сербской письменности, писанныхъ на старославянскомъ и славяно-сербскомъ смѣшанномъ нарѣчіи, онъ хотѣлъ извлечь черты и признаки чистой сербской рѣчи и отсюда по возможности опредѣлить древность послѣдней, или — говоря другими словами — книга его представляетъ систематическую, формальную исторію древне-славянскаго языка въ Сербіи главнымъ образомъ по памятникамъ кирилловскаго письма. Трудъ Шафарика оказывается теперь во многомъ уже недостаточнымъ по содержанію или матеріалу, онъ требуетъ многихъ дополненій, но методъ его изслѣдованія — строго историческій, образцовый, а потому «Serbische Lesekörner» — остается до сихъ поръ весьма важнымъ пособіемъ для филологической критики древне-славянскихъ текстовъ сербскаго извода. Другіе труды Шафарика по славянскому языкознанію, кромѣ краткихъ, случайныхъ замѣтокъ о паннонскомъ элементѣ церковнаго языка, нашедшихъ мѣсто въ его послѣднемъ сочиненіи «О происхожденіи и родинѣ глаголитизма» — [103]) были посвящены сравнительному изслѣдованію «образованія словъ удвоеніемъ корней», «расширенія глагольныхъ корней вставкою и приращеніемъ согласныхъ», «претворенія гортанныхъ согласныхъ», «нѣкоторыхъ старыхъ грамматическихъ формъ» и «славянскихъ именъ числительныхъ»... Работы геніальнаго мастера! [104])

Труды Копитара имѣютъ не столько изслѣдовательно-историческій, сколько историко-догматическій характеръ.. Въ 1836 г. онъ издалъ въ свѣтъ древніе глаголическіе отрывки, прин. гр. Клоцу подъ заглавіемъ: «Glagolita Clozianus» [105]). Въ «Пролегоменахъ» къ изданію, кромѣ спеціальнаго описанія отрывковъ и разсмотрѣнія вопроса о глаголицѣ (о чемъ я распространяюсь ниже, въ отдѣлѣ о «письмѣ»), Копитаръ предложилъ тезисы о первоначальной исторіи древне-славянскаго языка и паннонскомъ его источникѣ, а въ «Эпиметронѣ» — «краткую Грамматику священнаго языка Славянъ» и «краткій же словарь языка». Любопытны сіи послѣднія произведенія по попыткѣ дать историческую

болѣе прочную, древнюю основу постройкѣ Добровскаго и освѣжить и исправить ее новыми открытіями; любопытны они въ томъ отношеніи, что показываютъ, какія трудности встрѣчалъ изслѣдователь въ исторіи славянскаго языка, какъ медленно усвоялись даже ясныя положительныя открытія Востокова... Но не эти «Slauorum linguae sacrae Grammatica breuis» и «Lexicon breue» обнаружили то сильное вліяніе на ходъ историческихъ занятій и понятій о древне-славянскомъ языкѣ, какое соединяется въ наукѣ съ именемъ Копитара, а его теоретическія и догматическія соображенія о паннонскомъ или хорутанскомъ происхожденіи древне-славянскаго языка и славянской литургіи, изложенныя имъ и въ «Glagolit' ѣ» и въ другихъ мелкихъ трудахъ по разнымъ случаямъ и поводамъ [106]).

По важности предмета для науки славянскаго языкознанія дасмъ здѣсь мѣсто слѣдующимъ общимъ положеніямъ о началѣ Христіанства и образованія у Славянъ, извлеченнымъ изъ сочиненій Копитара.

1. Распространеніе и введеніе Христіанства, а вмѣстѣ съ нимъ образованность и цивилизація Славянъ принадлежитъ исключительно латинской церкви. Это — заслуга римскихъ первосвященниковъ (папъ), что литература славянскаго юга и востока получила прочныя основанія въ одобренномъ ими кирилловскомъ переводѣ Библіи и литургіи на славянскомъ языкѣ.

2. Обращеніе въ Христіанство древнѣйшихъ славянскихъ поселенцевъ въ Норикѣ и Панноніи вышло изъ церковной епархіи Аквилеи и Зальцбурга. Сами византійцы говорятъ, что Хорваты и Сербы были крещены въ VII в. римскими священниками. Карантане (Хорутане) приняли Христіанство по крайней мѣрѣ 150 лѣтъ прежде, чѣмъ Мораване; обращеніе Чеховъ произошло изъ Регенсбурга, Поляковъ — отъ Чеховъ.

3. Мѣсто апостольской дѣятельности Кирилла и Меѳодія ограничивается областями по сю сторону Дуная, Болгарами, Хорутанами и жившими между ними моравскими поселенцами. Оба просвѣтителя — пришли къ племенамъ уже прежде обращеннымъ,

которыхъ они такъ сказать устроили въ литургическомъ, богослужебномъ отношеніи.

4. Славянская литургія является въ слѣдующихъ трехъ фазахъ своего развитія:

а) она *началась* въ юго-восточной Паннонія, гдѣ вмѣстѣ съ прастарыми славянскими поселенцами, осѣвшими здѣсь по крайней мѣрѣ со времени великаго переселенія народовъ (соотчичи ихъ распространились по всей Хорутаніи и образовали основное населеніе Мизіи и Македоніи, которое позднѣе подновлялось свѣжими притоками Болгаръ, Сербовъ и Хорватовъ), жили подъ франкскимъ владычествомъ Болгаре и моравскіе поселенцы, какъ сограждане, или какъ сосѣди.

б) Славянская литургія продолжалась по смерти Меѳодія и покоренія Паннонія Мадьярами у родственныхъ Болгаръ и Сербовъ на югѣ Дуная и Савы (т. е. въ прежней Мизіи) и 100 лѣтъ спустя, исторически неизвѣстными доселѣ путями.

в) Принесена была въ Кіевъ, къ русскимъ, гдѣ, искаженная и подновленная, она продолжаетъ жить доселѣ, тогда какъ паннонское происхожденіе ея въ самомъ отечествѣ ея постепенно тускнѣло и забылось. Вихингъ, суффраганъ Меѳодія, не дозволилъ проникнуть славянскому богослуженію за Дунай, въ Моравію. Вотъ почему въ Моравіи, Чехахъ и Польшѣ не видно никакихъ слѣдовъ ея.

5. Древній церковно-славянскій языкъ есть одно изъ славянскихъ нарѣчій IX столѣтія, а именно народное нарѣчіе паннонской епархіи Меѳодія, т. е. языкъ Хорутанъ, для которыхъ оба братья апостолы устроили азбуку и на языкъ которыхъ они перевели богослужебныя книги.

6. Обѣ славянскія азбуки были со времени Кирилла въ употребленіи у задунайскихъ Славянъ, такъ какъ въ Европѣ латинское и нѣмецкое письмо Глаголита древнѣе Кириллицы, но она должна была уступить послѣдней, составленной по греческому образцу, и теперь вымираетъ въ послѣднемъ своемъ убѣжищѣ на берегу Адріатическаго моря.

7. Мнѣніе русскихъ или пристрастныхъ протестантовъ о «великихъ успѣхахъ греческой церкви» или ея первенствѣ въ дѣлѣ обращенія Славянъ въ христіанство — принадлежитъ къ области мечтаній.

8. Латинская церковь, давъ происхожденіе славянской литургіи (880), внесла христіанство и западное богослуженіе 966 г. въ Польшу, въ 1000 г. въ Угрію, 1041 въ Лужицы и къ сѣвернымъ Славянамъ, 1168 къ Руянамъ. Въ 1278 глаголиты получили новую западную привиллегію для ихъ богослужебнаго языка, въ 1439 — воспослѣдовала извѣстная Унія.

Таковы понятія и мнѣнія Копитара. Они имѣли рѣшительное и продолжительное значеніе въ историко-филологической критикѣ старославянскихъ текстовъ. Нельзя сказать, что и теперь взгляды его принадлежатъ прошедшей исторіи, что при рѣшеніи вопросовъ исторіи древне-славянскаго языка можно было бы всегда обойтись безъ совѣта съ ними и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ признанія цѣны и достоинства ихъ.

102) «Serbische Lesekörner oder historisch-kritische Beleuchtung der serbischen Mundart. Ein Beitrag zur slawischen Sprachkunde v. P. J. Schaffarik, Pesth, 1833, 8°, с. 135 и 1 снимк.

103) «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», P. 1858, 4°, главы 7—8 *второго* мемуара. Сочиненіе Шафарика: «Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur» of. 1826, 8°, с. 524 (2-е изд. 1869 г.), котораго первый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ исторію древне-славянскаго церковнаго языка и литературы—не представляетъ частныхъ разысканій о предметѣ.

104) Помѣщены первоначально въ Časopis'ѣ чешскаго Музея, потомъ всѣ перепечатаны въ книгѣ: «Rozpravy z oboru věd slovanských» Pr. 1865, с. 446—661. Какъ *дополненіе* къ «Serbische Lesekörner» можно назвать тѣ страницы изданной по смерти автора Geschichte der Serbischen Literatur, P. 1865, I Abth. p. 139—165, которыя содержатъ въ себѣ «Sammlung alter serbischer Wörter»...

105) Glagolita Clozianus id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λείψανον foliorum XII membraneorum. Vind. MDCCCXXXVI, f, LXXX+86 et facs. Ниже я подробно распространяюсь объ этомъ изданіи Копитара и его судьбѣ въ наукѣ.

106) Сюда относятся нѣкоторыя «Epimetra» въ его: Hesychii glossographi discipulus. Vind. 1840, «Prolegomena historica» къ Реймскому Евангелію перепеч. въ Miklosich'a Slavische Bibliothek, I, 1851, с. 57—84 (русскій переводъ въ Журн. Мин. Народ. Просв. 1848, ч. LXVII, № 2, с. 111—153), и ст. «Die Kirchenbücher der Russen» въ Kaltenbäeck's Oesterreichische Zeitschrift für Geschichts- und Staatskunde, 1836, № 86, 87, 88. Здѣсь—общая исторія руссификаціи церковно-славянскихъ кирилловскихъ книгъ.

45. Задачу, отмѣченную Востоковымъ и отчасти, по отношенію къ сербской области — исполненную Шафарикомъ, — задачу изслѣдованія развитія старославянскаго языка въ его отечествѣ и у другихъ славянъ ставилъ себѣ и Прейсъ, но рановременная кончина не дозволила ему выполнить се: отъ него осталось лишь нѣсколько краткихъ замѣтокъ о болгарской фазѣ въ жизни церковнаго языка[107]. Гораздо болѣе успѣлъ сдѣлать въ этомъ отношеніи П. С. Билярскій, подъ вліяніемъ Прейса изучавшій «Судьбы церковнаго языка». Кромѣ многихъ мелкихъ статей критическаго содержанія[108]) ему принадлежать два труда большого объема: а) «О средне-болгарскомъ вокализмѣ» и б) «о кирилловской части реймскаго Евангелія»[109]). На средне-болгарскомъ языкѣ Билярскій остановился не случайно, а въ убѣжденіи: что самые главные вопросы о древнемъ церковномъ языкѣ ожидаютъ себѣ объясненія отъ средне-болгарскаго, что безъ этого послѣдняго нельзя доказать ближайшей связи между нынѣшнимъ болгарскимъ и первобытнымъ типомъ древне-славянскаго языка, который, по его мнѣнію — въ сущности тожественъ съ древне-болгарскимъ, что, наконецъ — въ Россіи распространялись преимущественно средне-болгарскія рукописи и онѣ сообщили свои черты характеру славяно-русскаго литературнаго языка церков-

20*

ныхъ писателей... Чтобы опредѣлить особенныя свойства средне-болгарскаго языка, Билярскій подвергнулъ грамматическому и ороографическому анализу «такое самостоятельное произведеніе средняго періода, которое, еще не потерявъ свойствъ древняго языка, въ то же время представляетъ опредѣленныя особенности своего времени и посредствомъ ихъ примыкаетъ къ позднѣйшему состоянію болгарскаго языка»... Таковъ по его мнѣнію — патріаршій списокъ перевода лѣтописи Манассіи. Подробно и съ рѣдкою отчетливостью Билярскій осматриваетъ всѣ гласные звуки памятника и дѣлаетъ нѣкоторыя общія заключенія касательно генетическихъ отношеній ихъ къ звукамъ древне-славянскаго языка, физіологическихъ свойствъ средне-болгарскихъ звуковъ и связи состоянія ихъ съ состояніемъ грамматики. Конечно — не можетъ быть и сомнѣнія въ томъ, что анализа вокализма одной рукописи недостаточно для общихъ выводовъ, но едва-ли также должно отказать труду Билярскаго въ важномъ значеніи. Это — монографія по строгости и точности историко-генетическаго метода изслѣдованія — въ своемъ родѣ образцовая, хотя въ отношеніи содержанія, представляющая только матеріалы... То же или почти то же должно сказать и объ «анализѣ правописанія Реймскаго Евангелія»: и здѣсь общіе выводы о памятникѣ, времени его и характерѣ на основаніи одного правописанія едва-ли не преждевременны, но пріемы изслѣдованія послѣдняго точны и вполнѣ отвѣчаютъ требованіямъ науки. Въ методологическомъ отношеніи труды Билярскаго заслуживаютъ полнаго вниманія филологической критики...

107) Въ его «Донесеніяхъ» г. Министру Народнаго Просвѣщенія, въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1841, № 2, с. 49—52 и 1842, № 3, с. 48—62 и ст. «О Глагольской письменности» ibid. 1843, № 3, особ. стр. 205—238, гдѣ разсматриваются правописаніе, формы и лексиконъ языка глагольскихъ рукописей сравнительно съ церковно-славянскимъ (кирилловскимъ).

108) Таковы его рецензіи изданій Миклошича («Radices linguae slovenicae», «Homilia in ramos palmarum», «Vitae Sanc-

torum») и Ганки («Сазаво-Еммауское св. Благовѣствованіе» и «Начала священнаго языка Славянъ») въ Журн. Минист. Нар. Пр. 1845, № 8, с. 140—5; 1846, № 10, с. 1—27; 1848, № 8, с. 159—165.

109) «Судьбы церковнаго языка. Историко-филологическія изслѣдованія П. Билярскаго». I: «О средне-болгарскомъ вокализмѣ по патріаршему списку лѣтописи Манассіи», изд. 2-ое, Спб. 1858, 8°, стр. 143. (Первое изд. безъ обширнаго предисловія, трактующаго о современномъ состояніи положительно-историческаго направленія въ славянской филологіи, безъ выдержекъ изъ памятника было издано въ Mémoires présent. à l' Académie par divers savants, T. VI, 1847, p. 99—140 и отд. Спб. 4°, p. 42); II: «о кирилловской части Реймскаго Евангелія», Спб. 1848, 8°, с. VII+283. Первая половина книги содержитъ историко-критическую оцѣнку изысканій о Реим. Ев., вторая (очень важная)—анализъ правописанія памятника. Рецензія перваго труда (о сред. Болгар. вокализмѣ), написа. А. А. Куникомъ въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1847, № 213, 214.

46. «Разсужденіе» Востокова было только «введеніемъ къ грамматикѣ сего языка, составляемой по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ», «Грамматическія правила словенскаго языка, извлеченныя изъ Остромирова Евангелія» и «Словоуказатель». къ Остромирову Евангелію [110]) — были приготовительными трудами къ: а) «Словарю Церковно-Славянскаго языка» [111]) и б) «Грамматикѣ церковно-славянскаго языка, изложенной по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ» [112]), которыми завершилась скромная, но славная дѣятельность Востокова на пользу отечественной науки. Въ историко-филологической критикѣ «Словарь» Востокова имѣетъ первостепенное значеніе и не столько по богатству матеріала, сколько по особому внутреннему качеству его отличающему: «Востоковъ всегда старался сличать разночтенія разныхъ списковъ и переводы съ подлинниками греческими и латинскими, отличать ошибки переводчиковъ отъ ошибокъ писцовъ и т. п., опредѣлять значеніе словъ по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія, источникъ

древній всегда предпочитая не древнему...» «Востоковъ всегда опредѣляетъ славянское слово по-русски, во всѣхъ нужныхъ случаяхъ приводитъ мѣста изъ памятниковъ; къ мѣстамъ изъ памятниковъ, переведенныхъ большею частію, присоединяетъ подлинный текстъ, иногда и свои соображенія»... [113]) Эта точность, это принципіальное избѣжаніе произвольныхъ объясненій, сообщая всему произведенію характеръ достовѣрности, и составляютъ его высокое научное достоинство, которымъ не можетъ не дорожить историко-филологическая критика. Обращаясь къ «Словарю» Востокова, она б. м. не всегда найдетъ искомое (Словарь нуждается во многихъ дополненіяхъ и уже вызвалъ не мало ихъ), но на найденное искомое всегда и смѣло можетъ положиться. «Грамматика церковно-славянскаго языка» вызвала недоумѣніе: «не такого малаго по объему труда — по словамъ Срезневскаго—ожидали отъ Востокова, и значеніе его не поняли тѣ, которые привыкли все измѣрять внѣшнею величиною. Не поняли его значеніе и тѣ, которымъ были нужны не столько прямыя вѣрныя свидѣтельства о языкѣ старославянскомъ, какъ они были въ древнѣйшее время дѣйствительно, сколько соображенія о его отношеніяхъ къ другимъ родственнымъ языкамъ»... [114]) Дѣйствительно, Грамматика Востокова почти не представляетъ грамматическихъ разысканій и изслѣдованій (особенно, въ фонетикѣ), но зато даетъ весьма богатый подборъ достовѣрныхъ данныхъ для такихъ изслѣдованій. Она можетъ быть названа вѣрнѣе «Инвентаремъ» или «Указателемъ» грамматическаго будущаго труда, чѣмъ самымъ трудомъ; но то обстоятельство, что она «дастъ вѣрно знать, въ какихъ памятникахъ допускаются тѣ или другія отклоненія отъ общихъ условій правильнаго грамматическаго строя въ древне-славянскомъ, а равно и то, что она не введетъ ни въ какую ошибку, не выставитъ никакое предположеніе за дѣйствительность» [115])—усвоетъ ей весьма важное значеніе. Это — необходимѣйшій матеріалъ и надежная справочная книга для занимающихся вопросами исторіи славянскаго языка.

110) Находятся при извѣстномъ изданіи Востокова: «Остромирово Евангеліе» Спб. 1843, въ приложеніи, занимая 315 с., «Грамматическія правила» перепеч. въ Учен. Зап. по II Отд., т. II, 1, стр. 28—76 и въ «Филологическихъ Наблюденіяхъ».

111) «Словарь церковно-славянскаго языка» Спб. 1858—1861, 4°, I, ст. 510; II, ст. 590—составляетъ также IV и VI томы «Матерьяловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики», изд. при Извѣстіяхъ II От. Ак. Наукъ. Подробное разсмотрѣніе сего труда сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Учен. Зап. II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, Спб. 1858, стр. XVIII—XLIII и въ Русской Бесѣдѣ 1857, кн. 2, с. 1—22. Здѣсь же — оцѣнка и предшествовавшей древне-славянской лексикографіи. «Дополненія» къ прсл. Словарю Востокова, собр. о. архим. Амфилохіемъ и друг. въ «Матерьялахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики» т. VII, стр. 1—104.

112) «Грамматика церковно-словенскаго языка, изложенная по древнѣйшимъ онаго письменнымъ памятникамъ», Спб. 1863, 8°, 134. Отпечатано и въ Ученыхъ Запискахъ по II Отд. Акад. Наукъ, т. VII, к. II, 1863.

Содержаніе Грамматики въ изложеніи Срезневскаго:

Въ §§ 1—6 сообщены свѣдѣнія объ азбукѣ и правописаніи, между прочимъ о различныхъ мѣстныхъ особенностяхъ правописанія; замѣчанія о звукахъ и ихъ употребленіи въ §§ 7—8—очень коротки и общи.

§§ 9—54 и 75—81 посвящены подробному разбору словъ, склоняемыхъ преимущественно въ отношеніи къ измѣненію по падежамъ и отчасти (прилагательныхъ, нѣкоторыхъ числительныхъ и мѣстоименій, равно причастій) въ отношеніи къ образованію.

§§ 55—74, 82—86 представляютъ разборъ глаголовъ почти исключительно въ отношеніи къ формамъ спряженія.

§§ 87—103 заключаютъ въ себѣ систематическій перечень нарѣчій, предлоговъ, союзовъ и междометій.

Вслѣдъ за этимъ сообщены, какъ прибавленіе къ первой части грамматики, замѣчанія 1) о значеніи нѣкоторыхъ окончаній именъ существительныхъ (-никъ, -икъ, -чии, -чии, -щина), 2) объ именахъ собственныхъ, объ отличіяхъ ихъ по выговору, о нѣкоторыхъ особенностяхъ ихъ образованія, (напр. ята, ицъ, вна), 3) о сложныхъ словахъ.

§§ 102—136 составляютъ вторую часть — о сочиненіи словъ. Здѣсь наблюденія ограничиваются въ кругѣ того, что въ древнемъ церковномъ отличено отъ новаго русскаго. Во всей этой части, очень любопытной по мѣткости наблюденій, приведены объяснительные примѣры изъ памятниковъ.

Небольшой объемъ книги свидѣтельствуетъ о строгомъ выборѣ того, что взято въ ея содержаніе. Видно, между прочимъ, что Востоковъ не хотѣлъ повторять того, что высказано имъ въ другихъ сочиненіяхъ». Извѣст. Акад. Наукъ по II Отд. т. IX, 1861, с. 272.

113) Ученыя Записки II Отд. Ак. Наукъ, кн. IV, стр. XXXIII—XXXIV.

114) «Филологич. Наблюденія» Востокова, Спб. 1865, стр. LI, ст. Срезневскаго: «Обозрѣніе научныхъ трудовъ А. Х. Востокова».

115) Ibidem, p. LI.

47. Труды Миклошича посвящены главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію, сюда относится важнѣйшій трудъ его «Сравнительная грамматика славянскихъ нарѣчій» и цѣлый рядъ изслѣдованій, помѣщенныхъ въ Трудахъ и Извѣстіяхъ Вѣнской Академіи Наукъ [116]). Тѣмъ не менѣе, обработывая древне-славянскій языкъ догматически или систематически, Миклошичъ, самъ издавшій не мало памятниковъ древне-славянскаго языка, естественно долженъ былъ держаться исторической почвы. Нѣкоторые труды его относятся къ исторіи древне-славянскаго языка прямо и непосредственно. Такъ: въ 1847 г. онъ представилъ разборъ востоковскаго изданія Остромирова Евангелія, разборъ, въ которомъ находится очень много важныхъ и мѣткихъ замѣчаній о языкѣ и правописаніи древнѣйшихъ старославянскихъ рукописей [117]); въ 1850 онъ издалъ «Lexicon linguae slouenicae ueteris dialecti» [118])—трудъ весьма важный для своего времени, хотя и не отвѣчающій требованіямъ обстоятельности ссылокъ и точности въ передачѣ древне-славянскихъ словъ греческими и латинскими терминами: послѣднія почерпнуты не изъ подлинныхъ источниковъ, а представляютъ плодъ мысли, пони-

манія и соображенія самого лексикографа (т. е. имъ придуманы), а потому при всей безотносительной вѣрности своей — лишены вѣрности исторической, т. е. гадательны. Никакого пріобрѣтенія, а развѣ ущербъ испытала наука исторіи древне-славянскаго языка отъ того обстоятельства, что Миклошичъ въ правописаніи словъ слѣдовалъ исключительно своей теоріи, не обращая вниманія на дѣйствительное правописаніе памятниковъ; а равно и оттого, что онъ помѣщалъ смѣшанно слова и болгарскія, и сербскія, и русскія, не различая ихъ народности... Въ 1862—5 г. появилось второе изданіе сего словаря, подъ заглавіемъ: «Lexicon palaeoslouenico-graeco-latinum emendatum auctum [119]), представляющее какъ бы совершенно новый трудъ: матеріалъ увеличился противъ прежняго по крайней мѣрѣ въ пять-шесть разъ, допущена большая точность въ нѣкоторыхъ ссылкахъ и выдержкахъ; но передача и толкованіе славянскихъ словъ греческими и латинскими остались съ прежнимъ характеромъ, остался и прежній субъективный способъ правописанія словъ и прежнее неразличеніе этнографическихъ элементовъ языка. Недостатки сіи значительно затрудняютъ употребленіе Словаря Миклошича для критическихъ и историческихъ цѣлей, но все же этотъ обширный почтенный трудъ остается полезнымъ и необходимымъ и въ этомъ отношеніи: ссылки на памятники до нѣкоторой степени вознаграждаютъ недостатокъ историческихъ и этнографическихъ опредѣленій и помѣтъ. Не мало замѣчательныхъ изслѣдованій, болѣе или менѣе касающихся исторіи древне-славянскаго языка, Миклошичъ напечаталъ въ изданіяхъ Вѣнской Академіи, таковы: а) «Объ образованіи славянскихъ собственныхъ именъ», 1860; б) «О славянскихъ мѣстныхъ именахъ, образовавшихся изъ личныхъ», 1864; в) «О славянскихъ мѣстныхъ именахъ изъ нарицательныхъ» 1872—74; г) «Христіанская терминологія въ славянскихъ языкахъ» 1875; д) «Славянскія наименованія мѣсяцевъ» 1867; е) «Чужія слова въ славянскихъ языкахъ», 1867; ж) «О языкѣ болгаръ въ Седмиградіи», 1856; з) «О слав. элементахъ въ новогреческомъ», 1870; и) «О славянскихъ элемен-

тахъ въ румунскомъ», 1861; к) «О славянскихъ элементахъ въ албанскомъ», 1870; л) «О славянскихъ элементахъ въ мадьярскомъ», 1871; наконецъ м) «о Глаголитизмѣ» въ Энциклопедіи Эрша и Грубера [120])... Конечно, для исторіи древне-славянскаго языка не всѣ сіи труды одинаково содержательны и важны... Важнѣе прочихъ: *«о глаголитизмѣ»*, *«разборъ христіанскихъ терминовъ»*, *«словарь чужихъ словъ»* и *«о древнемъ языкѣ болгаръ въ Седмиградіи»*... Если не всегда рѣшенія Миклошича въ концѣ концовъ могутъ удовлетворить изслѣдователя, то богатства собраннаго матеріала, остроуміе и основательность многихъ объясненій и соображеній — даютъ трудамъ его высокое ученое значеніе... Даже и тамъ, гдѣ мысль невольно устремляется по другой дорогѣ и приходитъ къ совершенно инымъ заключеніямъ — нельзя бывает отказать во вниманіи къ его, отвергаемымъ или оспариваемымъ, положеніямъ, потому что они — плодъ серіознаго и обширнаго изученія. Таково напр. его «Введеніе» къ краткой морфологіи древне-славянскаго языка [121]). Небольшое по объему, оно представляетъ сжатое, но весьма важное и живое разсмотрѣніе вопросовъ о народности древне-славянскаго языка, о рецензіяхъ паннонской (по его мнѣнію = настоящей древне-славянской), болгарской, сербской, хорватской и русской древне-славянскихъ памятниковъ и о наилучшемъ — по его мнѣнію — способѣ ихъ изданія...

119) «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen». W. 1879—74 г. 4 т. Недавно сей капитальный трудъ оконченъ: 1 т. (второе изданіе) заключаетъ Lautlehre, II—Stammbildungslehre; III (2-е изд.) — Wortbildungslehre; IV — Syntax....' см. рец. Ягича въ Archiv für Slavische Philologie I, р. 412—438 и т. IV, с. 482—496. Труды Миклошича по славянскому сравнительному языкознанію начались еще въ 1844 г. превосходною рецензіей Бопповой Сравнительной Грамматики, помѣщен. въ Jahrbücher der Literatur, т. CV, с. 43—70. Статьи въ «Denkschriften» и «Sitzungsberichten» Вѣнской Академіи—суть приготовительныя работы къ «Сравнительной Грамматикѣ». Во многихъ частяхъ онѣ касаются

и исторической стороны древне-славянскаго языка; посему я даю здѣсь мѣсто ихъ перечню; таковы статьи въ Denkschriften: а) Die Wurzeln des Altslovenischen, 1857 (VIII Bd.); б) «Die Bildung der Nomina im Altslovenischen», 1858 (IX Bd.); в) Die Verba impersonalia im Slavischen», 1865 (XIV Bd.); г) «Die Negation in den slavischen Sprachen», 1869 (XVIII Bd.); д) «Ueber den Ursprung der Worte von der Form Altsl. Trьt», 1877 (XXVII Bd.); е) Ueber den Ursprung der Worte von der Form altsl. Trêt und Trat», 1878 (XXVIII); ж) «Ueber die Steigerung und Dehnung der Vocale in den slavischen Sprachen», 1878 (XXVIII); з) «Ueber die langen Vocale» 1879, (XXIX Bd.); и изъ Sitzungsberichten: а) «Der präpositionslose Local in den slavischen Sprachen», 1868, (Bd. LVII); б) «Ueber die Genetivendung go der slavischen Sprachen», 1869 (LXII); в) «Ueber die zusammengesetzte Declination in den slavischen Sprachen», 1871 (LXVIII); г) »Das Imperfect in den slavischen Sprachen», 1874 (Bd. LXXVII); д) «Ueber den Ursprung einiger Casus der pronominalen Declination», 1874 (LXXVIII Bd.); е) «Beiträge zur altslovenischen Grammatik», 1875 (Bd. LXXXI). Сверхъ этого Миклошичемъ помѣщено не мало статей въ «Beiträge zur vergleichende Sprachforschung» и въ Rad'ѣ jugoslav. Akademji...

117) «Jahrbücher der Literatur, 1847, т. CXIX, с. 1—39. Есть русскій переводъ, въ кн. Перевлѣсскаго: «Памятники старо-славянскаго языка», Спб. 1854, с. 7—70.

118) «Lexicon linguae slouenicae veteris dialecti. Vind. 1875, 7°, p. XIV+204.

119) «Lexicon palaeoslovenicum — graeco—latinum emendatum auctum. Vind. 1862—1865, 8°, p. XXII+1171.

120) а) «Die Bildung der slavischen Personennamen». W. 1860, 4°, с. 118 (Denkschr. B. X); б) «Die Bildung der Ortsnamen aus Personennamen im Slavischen», W. 1864, 4°, с. 74 (Dsch. XIV) в) «Die slavischen Ortsnamen aus Appellativen» I, W. 1872, 4°, p. 34 (Dsch. XXI); II, 1874, 4°, p. 132 (Dsch. XXIII); г) Die christliche Terminologie der slavischen Sprachen», W. 1875, 4°, p. 58. Dsch. B. XXIV); д) Die slavischen Monatsnamen», W. 1867, 4°, с. 32 (Dsch. B. XVII); е) «Die Fremdwörter in den slavischen Sprachen», W. 1867, 4°, p. 68 (Dsch. B. XV); ж) «Die Sprache der Bulgaren in Siebenbürgen», W. 1856, 4°, p. 42 (Dsch. B. VII) cf. *Дополненія* къ этому труду въ «Slavische Bibliothek», II, p. 140—1; з) «Die slavischen Ele-

mente im Neugriechischen», W. 1870, 8°, p. 38 (Sitzber. Bd. LXIII); и) «Die slavischen Elemente im Rumunischen». W. 1862, 4°, p. 70 (Dsch. XII); к) «Albanische Forschungen. I. Die slavischen Elemente im Albanischen» W. 1870, 4°, p. 38 (Dsch. Bd. XIX); л) «Die slavischen Elemente im Magyarischen», W. 1871, p. 74 (Dsch. Bd. XXI); м) «Glagolitisch», въ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste», hrsg. v. Ersch und Gruber, I Section, Bd. 68. L. 1859, p. 403—422 et tab. Замѣчу здѣсь, что нѣкоторые труды Миклошича вызвали въ наукѣ очень важныя рецензіи, таковы: рец. Маценауера въ книгѣ «Cizí slova» (о ней — ниже) и Буслаева (Журн. Мин. Нар. Просв. 1867, № 8, с. 540—560)—книги «объ чужеземныхъ словахъ»; рец. Билярскаго (въ соч. «О среднеболгарскомъ вокализмѣ», 2-е изд. 1858, стр. 137—143)—книги «о языкѣ болгаръ въ Седмиградіи;» рец. «Лескина (въ Kuhn's Zeitsch. f. vergl. Sprachf. XXI, p. 280)—книги о славянскомъ элементѣ въ новогреческомъ; рец. Срезневскаго (Извѣст. II Отд. т. X, с. 143—151) и Дифенбаха (Kuhn's Zeits. f. ver. Spr. XI, 282 sq.)—книги о славянскомъ элементѣ въ румынскомъ.

121) «Altslovenische Formenlehre in Paradigmen», W. 1874, 8°, p. XXXV+96. Такъ какъ «Оглавленіе» «Введенія» представляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и положенія ученія Миклошича, то небезполезнымъ нахожу помѣстить его здѣсь въ русской передачѣ: «1) Древне-славянскій языкъ есть языкъ паннонскихъ Славянъ (Slovenen) въ срединѣ IX в.; 2) Объясненіе древне-славянской и булгарской гипотезъ. Различіе между древне—и ново-словенскимъ; 3) Древне-славянскіе памятники распадаются на паннонскіе и непаннонскіе; 4) Перечень паннонскихъ памятниковъ глагольскаго и кирилловскаго письма. Общая характеристика языка паннонскихъ памятниковъ; 5) Непаннонскіе памятники распадаются на булгарскіе, сербскіе, хорватскіе и русскіе; 6) Перечень главнѣйшихъ болгарскихъ памятниковъ. Общая характеристика ихъ; 7) Перечень нѣкоторыхъ изъ важнѣйшихъ сербскихъ памятниковъ. Общая характеристика языка ихъ; 8) Указаніе хорватскихъ памятниковъ. Особенности языка ихъ; 9) Указаніе русскихъ памятниковъ. Отличительные признаки языка ихъ; 10) Востоковское раздѣленіе древне-славянскихъ памятниковъ; 11) Мнѣнія о родинѣ древне-славянскаго языка; 12) и 13) о настоящей книгѣ (т. е. о «Formenlehre»); и наконецъ—14) Правила изда-

нія древне-славянскихъ памятниковъ». См. также о сихъ предметахъ содержательную рецензію труда Миклошича, написанную В. В. Ягичемъ, въ Archiv für slavische Philologie I, p. 438—453.

48. Хотя проф. Бодянскій и не оставилъ особыхъ отдѣльныхъ изслѣдованій по исторіи древне-славянскаго языка, но множество замѣчаній о предметѣ, разсѣянныхъ въ «Предисловіяхъ» къ изданнымъ имъ памятникамъ сего языка [122]), а равно его изслѣдованія: а) «О древнѣйшемъ свидѣтельствѣ, что церковно-книжный языкъ есть славяно-булгарскій» [123]) и б) «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» [124]) представляютъ труды необходимые и поучительные для историка церковно-славянскаго языка. Въ особенности послѣднее сочиненіе богато всякаго рода замѣтками и изслѣдованіями по сему предмету. Таковы напр. его разборы «Житія Вячеславова» (LXXVI—LXXXVIII), подробное разсмотрѣніе вопроса и мнѣній о народности старо-славянскаго языка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и разборъ древне-славянскихъ христіанскихъ терминовъ (с. 213 sq. et passim).

Проф. Ө. И. Буслаевъ еще въ самомъ началѣ своего ученаго поприща—быть можетъ не безъ вліянія образцовъ нѣмецкой науки—обратилъ вниманіе на одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ древне-славянскаго языка, именно на «вліяніе на него христіанства» [125]) и его отношеніе къ языку готскому. Трудъ его имѣетъ болѣе археологически-бытовой или культурный характеръ, чѣмъ строго формально-лингвистическій; нѣкоторыя стороны и вопросы его позднѣе съ большею точностью и опредѣлительностью разсмотрѣны Миклошичемъ (Christliche Terminologie), открылось много новыхъ матеріаловъ для дополненій; но въ цѣломъ изслѣдованіе пр. Буслаева доселѣ не замѣнено ничѣмъ лучшимъ и остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ «опытовъ исторіи языка», понимаемой не внѣшнимъ образомъ, а въ связи съ движеніемъ жизни и исторіи... Основываясь на сравненіи съ готскимъ переводомъ Библіи, предлагающимъ значительные факты для исторіи славянскаго языка въ XI в., пр. Буслаевъ доказываетъ, что славянскій языкъ задолго до Кирилла и

Меѳодія подвергся вліянію христіанскихъ идей, что славянскій переводъ Евангелія отличается чистотою выраженія христіанскихъ понятій, происшедшаго вслѣдствіе отстраненія всѣхъ намековъ на прежній, до-христіанскій бытъ, готскій же переводъ Библіи — напротивъ, сохраняетъ рѣзкое начало языческое для выраженія христіанскихъ идей. Далѣе—по заключеніямъ г. Буслаева — переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ относится къ той порѣ жизни народной, когда въ языкѣ господствовали еще во всей силѣ понятіе о семейныхъ отношеніяхъ, напротивъ — въ языкѣ готскаго и др.-нѣмецкаго переводовъ Св. Писанія замѣчается большее развитіе государственныхъ понятій. Въ исторіи славянскаго языка видимъ естественный переходъ отъ понятій семейныхъ, во всей первобытной чистотѣ въ немъ сохранившихся, къ понятіямъ быта гражданскаго. Столкновенія съ чуждыми народами и переводъ Св. Писанія извлекли Славянъ изъ ограниченныхъ домашнихъ отношеній, отразившихся въ языкѣ, сознаніемъ чужеземнаго и общечеловѣческаго. Отвлеченность славянскаго языка въ переводѣ Св. Писанія усилилась грецизмами, которыхъ у Готовъ было гораздо менѣе. Тк. обр. по языку перевода Св. Писанія пр. Буслаевъ пытается составить понятіе о характерѣ того народа, въ которомъ произошелъ переводъ Св. Писанія, а отчасти и самихъ переводчиковъ [126])... Другой трудъ пр. Буслаева «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ славянскихъ» [127]), какъ было замѣчено выше, с. 267, представляетъ рядъ словарныхъ и грамматическихъ извлеченій изъ церковныхъ рукописей по большей части — русской редакціи. Такой же характеръ матеріаловъ имѣютъ и его филологическія объяснительныя статьи или примѣчанія къ текстамъ, напеч. въ «Исторической христоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ». М. 1861.

Труды пок. пр. В. И. Григоровича значительны не внѣшнимъ объемомъ и количествомъ, а внутреннимъ содержаніемъ и качествомъ. Къ области исторіи древне-славянскаго языка относятся слѣдующіе, собранные въ одинъ небольшой сборничекъ подъ

заглавіемъ: «Статьи, касающіяся древняго славянскаго языка»[122]: а) «о значеніи церковно-славянскаго языка» (многосодержательная, прекрасная рѣчь); б) «о трудахъ, касающихся древняго славянскаго языка до Мелетія Смотрицкаго» — грамматическій текстъ Константина Костенческаго, XV в. и весьма важныя замѣчанія о рецензіяхъ въ правописательныхъ школахъ въ церковно-славянскомъ языкѣ; в) «о древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянской литературы» — съ краткой систематикой и характеристикой рецензій рукописей кирилловскихъ и глагольскихъ, и наконецъ — г) «Замѣчаніе о лексикальномъ изученіи рукописей». Если къ этому прибавить описаніе и замѣтки о языкѣ аѳонскаго глагольскаго четверо-евангелія [129]) и такія же замѣтки о языкѣ древне-славянскихъ рукописей, разсѣянныя въ разныхъ мѣстахъ «Очерка путешествія по европейской Турціи» [130]) — то будетъ почти все, что писано Григоровичемъ о языкѣ старославянскомъ. Есть, впрочемъ, его отлитографированный курсъ грамматики церковно-славянскаго языка (Каз. 1863), гдѣ его ученіе о рецензіяхъ или изводахъ церковнаго нарѣчія изложено гораздо обстоятельнѣе и пространнѣе, чѣмъ въ вышеназванныхъ статьяхъ [131]).

122) Таковы, помѣщ. въ Чтеніяхъ въ Общ. Исторіи и древностей: а) «Объ одномъ Прологѣ библ. Москов. духов. типогр». (1846, кн. 2); б) «Славянорусскія сочиненія въ пергам. сб. Царскаго» (1848, к. 7); в) «Грамматично исказаніе... Крижанича» (1848, 1) г); «Московскіе глагольскіе отрывки» (1859, к. I) и для исторіи отношеній русской рѣчи къ древне-славянской: «Чтеніе о житіи Бориса и Глѣба», съписаніе Нестора (1859, к. I); «Сказаніе и страсть, и похвала Бориса и Глѣба» (1870, к. I).

123) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1843, № 6, стр. 130—168.

124) Москва, 1855, 8°, с. 381+CXV.

125) «О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. Опытъ Исторіи языка по Остромирову Евангелію», М. 1848, 8°, с. 211. Образцомъ Буслаеву, кажется, послужило сочиненіе Рудольфа

Раунера: «Die Einwirkung des Christenthums auf die althochdeutsche Sprache», Stt. 1845, а важнѣйшимъ пособіемъ извѣстное изданіе Габеленца и Лэбэ: «Ulfilas ueteris et noui testamenti Gothicae fragmenta» 2 v. L. 1843—7. Скажу здѣсь кстати, что тотъ, кто захотѣлъ бы переизслѣдовать вопросъ въ буслаевскомъ направленіи, найдетъ по отношенію къ языку готскому прекрасную программу въ мемуарѣ Вейнгольда: «Die gotische Sprache im Dienste des Kristenthums», Hal. 1870, и основательнѣйшее разсмотрѣніе готскихъ христіанскихъ терминовъ въ сочин. Крафта: «Die Anfänge der christlichen Kirche bei den germanischen Völkern», I Bd., Ber. 1854, особ. 261 стр. по 326. Ср. Hofmann's, C. Gothische Conjecturen und Worterklärungen» въ Pfeiffer's Germania VIII, с. 1 sq.

126) «О вліяніи Христіанства» и т. д. стр. 210—11, извлечено изъ «Положеній».

127) Въ книгѣ «Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ» М. 1855, f°, стр. 1—58. Юбилейное изданіе Московскаго Университета.

128) Казань, 1852, 8°, с. 108. Помѣщено также въ 1 книгѣ «Ученыхъ Записокъ» Казанскаго Университета на 1851 г. Статья: «О древнѣйшихъ памятникахъ церковно-славянскихъ» — въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, т. I, стр. 86 sq. и въ «Изслѣдованіяхъ и замѣчаніяхъ о древнихъ памят. Старослав. литературы», Спб. 1856, 8°, с. 8 sq.

129) «Извѣстія II Отд. Ак. Наукъ, т. II, с. 241 sq. и «Изслѣдованія и замѣчанія», и т. д., с. 87 sq.

130) Хорошее *первое* изданіе: Казань (1848) 8°, с. 214, а также и въ Учен. Записк. Казан. Унив. 1848, к. 3.

131) Замѣчанія о рецензіяхъ церковно-славянскихъ рукописей, сдѣланныя такимъ знатокомъ ихъ, каковъ былъ пок. В. И. Григоровичъ — очень важны; потому я позволю себѣ здѣсь значительное дословное заимствованіе изъ указаннаго въ текстѣ его литографированнаго курса.

«Съ X—XIV в. мы замѣчаемъ только попытки ввести различныя рецензіи въ языкѣ, измѣнявшемся время отъ времени отъ вліянія иныхъ нарѣчій. Эти рецензіи не были случайностью, онѣ были дѣломъ сознательнаго изученія, чтобы согласить способъ писанія съ мѣстными произношеніями. У насъ Церковь заботилась не только о содержаніи, но и о формѣ книгъ. Справщики существовали уже въ XVI в. Тоже ду-

маю — могло быть и въ Болгаріи, которая стремилась къ духовной независимости, гдѣ въ X вѣкѣ былъ независимый архіепископатъ. Очевидно, что она должна была думать о церковныхъ книгахъ, Греки же не могли этимъ заниматься. Когда Болгарія ослабѣла въ борьбѣ съ Греціей въ началѣ XI в., то Церковь болгарская была поручена епископу греческому. Вѣроятно въ это время, когда Церковью управляли греческіе епископы—и возникли рецензіи. Въ концѣ XII столѣтія, когда Болгарія возстала при Асѣнѣ, она возникла не только какъ политическое государство, но возобновила также и независимость церковную, въ Терновѣ былъ основанъ патріархатъ. Окончательное же его устройство было въ 1204 г. Онъ существовалъ до совершеннаго преобладанія Турокъ надъ Болгарами. Патріархи справляли также церковныя книги. Если Болгары управлялись независимо, то вѣроятно они имѣли независимыхъ справщиковъ, заботившихся о содержаніи и формѣ книгъ. До основанія Терновскаго патріархата, сколько мы знаемъ, и Сербы были управляемы болгарской іерархіей. Слѣдовательно, книги нужно было писать такъ, чтобы и Сербы могли понимать ихъ. Въ XIII в. Сербы пріобрѣтаютъ духовную независимость, а въ XIV в. стали даже управляться своимъ независимымъ патріархомъ, называвшимся патріархомъ всего Иллирика. Естественно, что и патріархъ сербскій не могъ быть равнодушенъ къ просвѣщенію. И дѣйствительно, мы видимъ, что при патріархатѣ Сербскомъ была особая школа въ монастырѣ Рассавѣ, гдѣ занимались исправленіемъ книгъ (изводы Рассавскіе)...

Такимъ образомъ всѣ рукописи дѣлятся на слѣдующія *рецензіи:*

1) Рукописи, принадлежащія, по преданію, Кириллу и Меѳодію. Это *первая* рецензія. Но такъ-какъ нѣтъ прототиповъ такихъ рукописей, то мы можемъ принять за нихъ тѣ рукописи, въ которыхъ сохранились ясные слѣды древности. На Кириллицу мы имѣемъ Остромирово Евангеліе, на Глаголиту—Рукопись Клоціанскую или мою рукопись (т. е. тк. изв. Аѳонское Четвероевангеліе). Здѣсь въ каждомъ звукѣ видно желаніе выразить его отдѣльнымъ знакомъ, такъ что простые звуки отличаются отъ составныхъ; сверхъ того и тѣ звуки, которые можно назвать бѣглыми, переходными, имѣютъ свои особенные знаки. Кириллица отличается правильнымъ употре-

бленіемъ ъ и ь, изобилуетъ ринезмами ж, ѧ, ѭ, ѩ и отчетлива въ поставленіи ихъ. Глаголита смѣшиваетъ ъ и ь и употребляетъ большею частью ъ, употребляетъ также ринезмы ж, ѧ, ѭ, ѩ и еще особенные знаки ⰼ ⱇ = дј. Это *древнѣйшая* рецензія. Отъ нея мы имѣемъ весьма немного рукописей, именно кирилловскихъ не болѣе 15 и глагольскихъ до 7-ми.

2) *Вторую* рецензію я назвалъ бы *охридскою*, потому что въ Охридѣ было мѣстопребываніе патріарха болгарскаго. Съ паденіемъ Болгаріи письменность стала болѣе и болѣе разнообразиться. Главнѣйшіе признаки этой рецензіи слѣдующіе: повсемѣстное употребленіе ъ, юсы же смѣшиваются, т. е.: ж=ѧ, ѣ=ы. Знакъ ѧ употребляется часто вмѣсто ринезма. Замѣтно въ этой рецензіи стараніе сблизиться съ Глаголитой.

3) *Третья* рецензія возникла въ древнее время и, вѣроятно — приспособлена для Сербовъ. ь вездѣ, безъ всякаго различія, ж и ѧ смѣшиваются, йотированіе выражается — напр. а̄=ѩ, е̄=ѥ; ѩ, ѥ и ѭ—нѣтъ, и ѣ часто употребляется какъ ы.

4) *Четвертую* рецензію я назвалъ бы *терновскою*, она возникла въ Болгаріи въ XII или XIII столѣтіи. Когда заботливость патріарховъ терновскихъ была устремлена на устройство письменности, то въ этой рецензіи возродились всѣ древніе знаки. ъ и ь смѣшиваются, ринезмы всѣ употребляются promiscue, такъ что ж=ѧ и ѭ=ѩ. Здѣсь видно желаніе возстановить древнюю рецензію и поправить произношеніе. Эта же рецензія стала сближаться со второй и третьей. Сербы, задумавъ о церковной самостоятельности, пользовались также этой рецензіей; но мало-по-малу—изъ болгарской рецензіи переступили въ свою, т. е. въ

5) *Сербскую*, гдѣ ъ и ь=ь и ѭ=у и ю, ѧ и ѩ=є. Это собственно произношеніе сербскихъ рукописей.

6) Когда болгары и сербы распространяли письменность и примѣняли ее къ собственному произношенію, въ это время русскіе стали переписывать у себя рукописи съ болгарскихъ (Остромирово Евангеліе), потомъ — со 2-ой рецензіи стали примѣнять знаки къ своему произношенію: ъ и ь какъ и теперь, ж = у и ѧ = ы.

Итакъ, мы можемъ допустить *шесть* разрядовъ рукописей, и это дѣленіе необходимо для общаго опредѣленія ихъ харак-

тера. Иной можетъ быть допустилъ бы еще болѣе, на основаніи различныхъ варьированій и нюансовъ (такъ!!), но все это зависѣло совершенно отъ личности переписчиковъ. Есть, впрочемъ, довольно важные признаки, которые мы пропустили: напр.: первая рецензія употребляетъ звукъ тш, вторая — щ; ы писалось сначала ъи, потомъ ъı и наконецъ ы и т. д. Эти рецензіи отличаются также употребленіемъ какихъ-то знаковъ, но не удареній, потому что рукописи всегда были безъ нихъ. Намъ кажется, что эти знаки были соединены съ фонетикой напр. ъ̆ı, ѫ̀, ѫ̆; но во всѣхъ рукописяхъ до конца XIV в. не найдемъ удареній, они возникли позже. Все это относится ко времени до XIV с., послѣ же начинается вліяніе другихъ нарѣчій и наконецъ еще — вліяніе ученыхъ».

49. Самые важные и обширные труды по древне-славянскому языку принадлежатъ И. И. Срезневскому. Такъ имъ изданы: а) полные тексты всѣхъ доселѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ (четвероевангелій и книгъ евангельскихъ чтеній) значительное количество выписокъ — съ филологическими и палеографическими разборами и объясненіями [132]); б) «Древніе славянскіе памятники юсоваго письма», относящ. къ XI, XII, XIII и частію къ XIV в., частію въ полномъ ихъ видѣ, частію въ обширныхъ извлеченіяхъ съ подробнѣйшими филологическими и палеографическими разборами и объясненіями, изслѣдованіями [133]); в) цѣлый рядъ памятниковъ древне-славянскаго языка различныхъ изводовъ съ такими же филологическими обзорами, разборами и извлеченіями [134]). Срезневскому не суждено было свести въ одно цѣлое обширные и разнообразные свои наблюденія: онъ питалъ даже нѣкоторое нерасположеніе къ обобщающимъ выводамъ и заключеніямъ, считая ихъ преждевременными, и охотнѣе устранялъ господствовавшія малооснователныя мнѣнія и догадки, чѣмъ высказывалъ свои положительныя. Правда, матеріалъ, собранный имъ такъ великъ, его разысканія такъ обширны и точны, что иногда общій выводъ для изучающаго ихъ приходитъ какъ-бы самъ собою; но все же то, что высказано имъ какъ рѣшительное или положи-

тельное, какъ-то бѣдно и робко въ сравненіи съ богатствомъ его знаній и разысканій. Разсмотрѣніе памятниковъ юсоваго письма привело Срезневскаго къ слѣдующимъ выводамъ: 1) «И по правописанію, и по выговору, и по употребленію нѣкоторыхъ формъ словъ и ихъ измѣненій, письмо и языкъ юсовыхъ памятниковъ отличается отъ того древняго Славянскаго языка, который считается чистымъ и котораго главныя черты въ этихъ памятникахъ повторяются такъ же, какъ и въ древнихъ памятникахъ Русскаго письма — въ однихъ болѣе, въ другихъ менѣе правильно. 2) Въ этихъ памятникахъ отклоненія отъ чистаго Славянскаго языка не такъ однообразны, что всѣ могутъ быть считаемы особенностями одного и того же нарѣчія; напротивъ того, онѣ должны быть разсматриваемы, какъ указанія на нѣсколько различныхъ нарѣчій, отъ чего различныя, однѣ другимъ противоположныя особенности встрѣчаются не только въ разныхъ спискахъ одного и того же памятника, но и въ разныхъ частяхъ одной и той же рукописи»; т. е. «въ юсовыхъ памятникахъ, какъ и въ памятникахъ Русскихъ и Сербскихъ — черты чистаго Славянскаго языка виднѣются сквозь оттѣнки мѣстныхъ нарѣчій. Какія именно были эти мѣстныя нарѣчія? чѣмъ именно отличались одно отъ другого? какое господствовало? въ какой мѣрѣ какое было важно для языка письменности? На эти вопросы, многозначительные въ отношеніи къ народной образованности—отвѣчать опредѣленно еще невозможно. Можно только не отвергнуть, что въ числѣ ихъ занимали мѣсто между прочимъ говоры Болгарскіе и Мораво-Словенскіе, и что вліяніе какъ тѣхъ, такъ и другихъ было не маловажно на письменность Старославянскую. Послѣднее доказывается между прочимъ и памятниками письма Русскаго, въ числѣ которыхъ есть не мало, даже и изъ самыхъ древнихъ, очевидно переписанныхъ съ изводовъ юсоваго письма, совмѣщавшихъ въ себѣ особенности разныхъ говоровъ, между тѣмъ какъ на другихъ Русскихъ памятникахъ, столько же древнихъ, видно напротивъ того преобладаніе чистаго Старославянскаго нарѣчія... Древніе памятники глаголическаго письма даютъ также тому до-

казательства»... Касательно отечества или происхожденія старо-славянскаго нарѣчія Срезневскій высказался довольно рѣшительно противъ его болгаризма; но отъ прямого положительнаго рѣшенія воздержался. «Принимая во вниманіе—говоритъ онъ—громадное заселеніе Славянъ вмѣстѣ съ обстоятельствомъ образованія языка церковныхъ книгъ, мнѣ кажется, нельзя сказать, что церковно-славянское нарѣчіе было только въ Болгаріи и нельзя назвать его Болгарскимъ. Если разобрать слова старо-славянскаго языка, упоминаемыя у Грековъ и Римлянъ и встрѣчающіяся въ языкѣ Румуновъ и Венгровъ, то окажется, что языкъ старо-славянскій употреблялся на весьма обширномъ пространствѣ, а не въ одной Болгаріи. Болгарскимъ его можно назвать развѣ потому, что старо-славянскій языкъ близокъ къ нему; но почти тоже можно сказать и о близости къ другимъ нарѣчіямъ. Съ другой стороны, имѣя въ виду обстоятельства образованія книжнаго языка, нельзя устранить отъ участія въ немъ Моравo-Словенскаго нарѣчія; потому что переводъ совершился въ Моравіи, и Моравскіе—ученики Константина не могли не внести своего элемента. Предположить, что они совершенно забыли свой языкъ—невозможно»... [125]) Нерѣшительность во мнѣніяхъ (печатно высказанныхъ) Срезневскаго можетъ оставить изслѣдователя въ недоумѣніи, но никогда не введетъ его въ заблужденіе... А это—великое достоинство! Сверхъ этого разнообразныя наблюденія и изслѣдованія Срезневскаго надъ составомъ древне-славянскаго языка открываютъ въ исторіи послѣдняго множество новыхъ сторонъ, дотолѣ никѣмъ не подмѣченныхъ, представляютъ много частныхъ открытій, теряющихся для глаза вслѣдствіе ихъ разбросанности и скромной формы. Важность и великое значеніе такихъ наблюденій для науки исторіи старо-славянскаго языка и филологической критики—объявится вполнѣ только тогда, когда они будутъ систематически классифицированы и сведены въ одно, какъ то сдѣлано А. Н. Пыпинымъ въ отношеніи филолого-палеографическихъ наблюденій Востокова.

132) «Древніе глаголическіе памятники сравнительно съ памятниками Кириллицы», Спб. 1866, 8°, с. 298+10 снимк. Изъ III—V т. Извѣстій русскаго Археологическаго Общества отдѣльный оттискъ въ числѣ 100.

133) «Древніе Славянскіе памятники юсоваго письма съ описаніемъ ихъ и съ замѣчаніями объ особенностяхъ ихъ правописанія и языка», Спб. 1868, 8°, с. 192+416+24. Первая половина книги занята обозрѣніемъ памятниковъ въ палеографическомъ и филологическомъ отношеніи: правописаніе, звукоупотребленіе и грамматическія формы каждаго памятника разобраны особо.

134) Въ изданіи: «Свѣдѣнія и замѣтки о малоизвѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» Спб. 1867—1879, три тома, помѣщено множество грамматическихъ разборовъ и словарныхъ извлеченій изъ памятниковъ (XI—XV вв.) старо-славянскаго языка въ изводахъ болгарскихъ, сербскихъ, русскихъ и вообще юго-славянскихъ. Нѣкоторые разборы представляютъ образцовое приложеніе филологической критики къ рѣшенію вопросовъ о происхожденіи и составѣ памятниковъ. Въ послѣднемъ отношеніи очень важно и его изданіе X Слова Григорія Богослова XI в. Извѣстія II От. Ак. Н., т. IV с. 294—312.

135) Заимствуемъ эти строки изъ «Чтеній по исторіи славянскаго языка и его нарѣчій», отлитографированныхъ слушателями И. И-ча въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Здѣсь же умѣстно будетъ вспомнить и то, что сказано Срезневскимъ касательно отличенія и отдѣленія словъ и выраженій чистаго древне-славянскаго языка отъ болгарскихъ и русскихъ: «не подлежитъ сомнѣнію, говоритъ онъ, что значительная часть учениковъ Константина философа и Меѳодія, по кончинѣ послѣдняго, нашли себѣ пріютъ въ Болгаріи и тамъ продолжали трудъ своихъ учителей, что въ Болгаріи вмѣстѣ съ ихъ учениками, каковы были Климентъ и Константинъ, трудиться стали и не ученики ихъ, и такіе, подражатели какъ Іоаннъ экзархъ, Григорій пресвитеръ и другіе, неизвѣстные... Но не подлежитъ ли сомнѣнію, что трудясь въ Болгаріи, продолжатели подвига братьевъ-первоучителей и ихъ послѣдователи остались совершенно вѣрными тому языку, который употребляли братья-первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они волей и неволей употреблять слова

и выраженія, ходячія въ Болгаріи, не спрашивая себя, употребили-ли бы ихъ или нѣтъ братья-первоучители? Не могли-ли они, не должны-ли были они идти въ этомъ отношеніи той же дорогой, какой или наши русскіе древніе писатели, которые тѣмъ болѣе забывали требованія частаго старо-славянскаго нарѣчія, чѣмъ проще писали? А если такъ, то изслѣдователь древняго славянскаго языка не можетъ не потребовать отъ себя выдѣленія того, что долженъ онъ признать старо-славянскимъ, отъ того, что такимъ признать не можетъ и что — по крайней мѣрѣ до новыхъ открытій — долженъ считать древнимъ Болгарскимъ или древнимъ Русскимъ. Это выдѣленіе важно и въ литературномъ отношеніи, и не менѣе также въ отношеніи археологическомъ. Подборъ словъ въ языкѣ Кирилла и Меѳодія и ихъ учениковъ могъ отличаться отъ подбора словъ, допущеннаго ихъ продолжателями въ Болгаріи и на Руси не только по словамъ общежитейскимъ, но также по словамъ чисто литературнымъ или книжнымъ. Вниманіе къ подбору словъ особенно важно, когда надобно хоть приблизительно опредѣлить независимо отъ правописанія время и мѣсто первоначальнаго написанія памятниковъ»... См. соч. «Мнѣнія о Словарѣ славянскихъ нарѣчій» Шлейхера и Срезневскаго, Спб. 1866 (Сборникъ II Отд. Ак. Н., т. I, № 2), стр. 19 — 20.

50. Хотя, подобно Миклошичу—Шлейхеръ посвящалъ свои занятія главнымъ образомъ сравнительному славянскому языкознанію [136]), но онъ—естественно—во многихъ случаяхъ долженъ былъ касаться и историческихъ вопросовъ. Его занимала, впрочемъ, не столько та исторія, для которой имѣются прочныя данныя въ памятникахъ, а предшествующія ей стадіи въ историческомъ развитіи языка, постигаемыя, такъ сказать, теоретически и возстановляемыя путемъ искусственной реставраціи, посредствомъ соображенія различныхъ данныхъ въ различныхъ языкахъ. Рядъ такихъ трудовъ его открылся «Ученіемъ о формахъ церковно-славянскаго языка», изд. въ 1852 г. [137]). Это — сравнительная обработка данныхъ, заключающихся (отчасти) въ первомъ и въ третьемъ томахъ «Сравнительной Грамматики» Миклошича. Во «Введеніи» къ труду разсматриваются: славян-

ская рѣчь въ отношеніи своемъ къ семьямъ другихъ языковъ индо-европейскаго корня, древне-славянской (= церковный) въ своемъ отношеніи къ прочимъ славянскимъ нарѣчіямъ и церковно-славянское письмо. Слѣдуя Шафарику, Шлейхеръ усвояетъ старо-славянскому языку болгарское происхожденіе... Основавъ въ 1858 (вмѣстѣ съ А. Куномъ) «Повременникъ», въ которомъ славянскія нарѣчія занимали одно изъ главныхъ мѣстъ [138]), Шлейхеръ открылъ его «краткимъ очеркомъ исторіи славянскаго языка» [139]), представляющимъ попытку возстановленія жизни славянскаго языка отъ того времени, когда онъ входилъ въ составъ общаго индоевропейскаго языка, до времени уже строго историческаго, когда онъ является въ развѣтвленіи на отдѣльныя нарѣчія. Позднѣе, въ 1865 г. Шлейхеръ возвратился къ тому же предмету и переработавъ, распространивъ и измѣнивъ во многомъ свой «Краткій очеркъ», напечаталъ его уже только по-русски въ Запискахъ Академіи Наукъ [140]). Эти работы относятся къ области палеонтологіи славянскаго языка. Къ исторіи положительной принадлежитъ провѣрка лингвистическими данными Копитара — Миклошичевой теоріи словинскаго происхожденія церковно-славянскаго языка, при чемъ Шлейхеръ приходитъ къ убѣжденію, что славянское нарѣчіе не могло быть прямымъ потомкомъ древне-славянскаго (= древне-болгарскаго) [141]).

Изъ разнообразныхъ и многополезныхъ трудовъ по славянскому языкознанію пр. М. Гатталы назовемъ здѣсь только тѣ, которые прямо и непосредственно касаются языка старославянскаго, таковы: а) «Объ отношеніи древне-славянскаго языка (по Гатталѣ = древне-болгарскаго) къ нынѣшнимъ нарѣчіямъ славянскимъ», б) «О носовыхъ звукахъ въ булгарщинѣ вообще и въ частности въ языкѣ новоболгарскомъ»; в) «О перемѣнѣ смежныхъ согласныхъ (группъ согласныхъ) въ славянскихъ нарѣчіяхъ» и наконецъ г) «Очищеніе языка чешскаго» [142]). Послѣдній трудъ даетъ гораздо болѣе, чѣмъ можно заключать по названію: въ немъ очень много важныхъ замѣчаній для исторіи славянскаго языка вообще и для оцѣнки чужеземныхъ стихій въ немъ. Рѣзкій, ино-

гда поспѣшный и мало-осторожный по отношенію къ лицамъ, Гаттала въ своихъ трудахъ всегда осмотрителенъ, проницателенъ и основателенъ въ заключеніяхъ и оцѣнкѣ данныхъ языковъ. Высокое ученое достоинство ихъ для славянскаго языкознанія не подлежитъ сомнѣнію [143]).

136) Довольно полное перечисленіе трудовъ Шлейхера находится въ книгѣ: «Мнѣнія о словарѣ славянскихъ нарѣчій— Шлейхера и Срезневскаго». Спб. 1866, с. 41—8 (Сборн. II Отд. т. I, № 2).

Изъ трудовъ по сравнительному славянскому языкознанію здѣсь могутъ быть названы: «Das Futurum im Deutschen und Slavischen въ Zeits. f. vergl. Sprachfor. т. IV, с. 187 — 197; «Ueber v (—ov-, —ev-) vor den Casusendungen im Slavischen», Sitz.-Ber. der Wien. Acad. 1852, Hft. II, и отдѣльно; «O Infinitivě a supinim w jazyku Slowanském» въ Časop. Česk. Mus. 1849, III, 153—157 и три статьи въ приложенія къ его сочиненію: «Die Sprachen Europas» 1850, стр. 244—265: 1) «Was entspricht im Littauischen dem altslawischen ь und ъ»; 2) «Ueber das Supinum im Slawischen»; 3) «Ueber einige Participialformen im Slawischen»; наконецъ сюда же относятся и славянскіе отдѣлы его знаменитаго «Compendium'a der vergleichenden Grammatik» 2-е изд. 1866.

137) Die Formenlere der kirchenslawischen Sprache erklärend und vergleichend dargestellt. Bonn, 1852, 8°, с. XXIII+376.

138) Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung auf dem Gebiete der Arischen, Celtischen und Slawischen Sprachen», досель VII т.

139) «Kurzer Abriss der Geschichte der slavischen Sprache», Beiträge z. v—s. I, p. 1—27.

140) «Краткій очеркъ доисторической жизни сѣверо-восточнаго отдѣла индо-германскихъ языковъ», Спб. 1865 (какъ приложеніе къ VIII т. Записокъ Ак. Н.) р. 64.

141) «Ist das Altkirchenslavishe — Slovenisch», Beitr. z. v. Spr. I. 319—327.

142) а) «O poměru cyrillčiny k nynějším nářečím slovanským» въ Časop. Česk. Mus. 1855, I, p. 81—104.

б) «O nosnih samoglasih u bugarštini u obče i napose u novaj» въ Književnik, Ag. 1865, II, p. 414—421, 461—476.

в) «De contiguarum consonantium mutatione in linguis slavicis», Pr. 1865, 4°, p. 104. Эта статья вызвала реплику со стороны Лескина: «Zur neuesten Geschichte der slavischen Sprachforschung» въ Beitr. z. vergl. Spr. V, p. 403—444; на что со стороны Гатталы послѣдовала дупляка въ брошюрѣ: «August Schleicher und die slavischen Consonantengruppen», Pr. 1869, 8°, 94 p. Полемикою ни Лескинъ не уменьшилъ достоинствъ изслѣдованій Гатталы, ни Гаттала не увеличилъ ихъ...

г) «Brus jazyka českeho», přispěvek k dějinám osvéty vůbec a slovanské i české zvláště. P. 1877, 8°, IV+304.

143) Иные труды его по сравнительному славянскому языкознанію—суть:

а) Zvukoslovi jazyka staro i novo českého a slovánského, P. 1854. 8°, VIII+112.

б) Srovnávací mluvnice jazyka českého a slovenského, Pr. 1857, 8°, p. XXII+336.

в) Posouzeni Fr. L. Čelakovského: «Čtení o srov. mluvn. slovanské» въ Časop. č. Mus. 1854, p. 103—142.

г) «O ablativě ve slovančine a litvančině», Časop. č. Mus. 1857, 227—251; 564—581. 1858, 347—357, 519—533 и отд. Pr. 1858.

д) «Počctne skupine suglasah hrvatskih v srbskih» въ Rad Jugoslavenské Akad. IV, p. 104—175 и отд. Ag. 1868.

51. Труды по древне-славянскому языку В. В. Ягича—хотя и не имѣютъ систематическаго общаго, обнимающаго какой-нибудь цѣльный отдѣлъ языка—характера, тѣмъ не менѣе и разнообразны и—что всего важнѣе—исполнены съ отчетливостью и полнымъ вниманіемъ къ современнымъ требованіямъ историко-сравнительной филологической науки. Таковы его обширные разборы языка а) Ассеманіева и б) Зографскаго глаголическихъ Евангелій, его разборъ языка в) древняго славянскаго перевода Евангелія вообще, его г) филологическія объясненія къ памятникамъ юго-славянской письменности, имъ же изданнымъ въ Сборникѣ юго-славянской Академіи [144]), таковы его разныя изслѣдованія и замѣтки въ издаваемомъ имъ «Архивѣ славянской фило-

логіи» (перечень важнѣйшихъ изъ нихъ находится ниже, подъ числами 51 и 55). Изслѣдованія Ягича отличаются строгостью и достовѣрностью лингвистическаго метода. Этимъ—естественно—опредѣляется ихъ цѣна и значеніе.

Происхожденіе и историческое образованіе древне-славянскаго языка было—наконецъ—предметомъ разсужденій г. Ламанскаго въ его ст. «Непорѣшенный вопросъ»[145]). Г. Ламанскій подвелъ такъ сказать итогъ тѣмъ понятіямъ о предметѣ, къ которымъ привело Срезневскаго тщательное изученіе памятниковъ старо-славянскаго языка. Онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и пришелъ къ гипотезѣ объ искусственномъ происхожденіи языка старо-славянскаго... Гипотеза вѣроятная, заслуживающая полнаго вниманія, а потому умѣстно будетъ остановиться на ней нѣсколько долѣе, чѣмъ мы обыкновенно дѣлали съ другими вопросами: «Какъ нарѣчіе македонскихъ Славянъ, языкъ свв. Кирилла, Меѳодія и Климента въ IX—X вѣкахъ, не могло быть тождественно съ нарѣчіемъ задунайскимъ, завоеванныхъ Болгарами Славянъ, такъ еще болѣе должно было быть различія между языкомъ македонскимъ, моравскимъ и паннонскихъ Славянъ, къ которымъ, по приглашенію ихъ князей Ростислава и Коцела, перенесли свою учительскую дѣятельность изобрѣтатель славянской азбуки, его братъ и ихъ ученики, уроженцы Македонскіе. Частію съ намѣреніемъ, дабы быть понятнѣе новой средѣ, отчасти невольно и безсознательно, подъ неизбѣжнымъ и неотразимымъ вліяніемъ новой среды, Македонскіе проповѣдники въ *вышней и нижней* Моравіи мало-по-малу воспринимали въ свою устную и письменную рѣчь новые обороты и выраженія, необычные въ Македоніи и необходимые въ жизни Славянъ Моравскихъ. Такъ, въ первые же годы появленія славянскихъ апостоловъ съ ихъ учениками въ Моравіи значительно видоизмѣнился въ ихъ устахъ и писаніяхъ ихъ отечественный или, по крайности, тотъ славянскій языкъ, на которомъ они проповѣдывали Славянамъ слово Божіе. Оставаясь языкомъ славянскимъ, онъ переставалъ быть нарѣчіемъ чисто-Македонскимъ и въ то же время не дѣлался чисто-Морав-

скимъ. Въ создавшійся тогда письменный церковный языкъ Славянъ особенности нарѣчія Моравскаго должны были быть вносимы во множествѣ новыми учениками св. Меѳодія, природными Моравалами. Чтобъ яснѣе себѣ представить совершавшійся тогда процессъ образованія этого письменнаго языка, перенесемся мысленно въ Моравію Ростислава и Святополка. Подъ благотворнымъ вліяніемъ славянскихъ апостоловъ, подъ покровительствомъ Ростислава (въ первое время), Святополка и многихъ знатныхъ и богатыхъ Моравалъ, при сильномъ негодованіи и ропотѣ нѣмецкаго духовенства Моравіи въ ней возникаетъ небывалая прежде среда первыхъ славянскихъ писателей и ученыхъ, сочинителей, переводчиковъ и писцовъ. Въ общихъ рабочихъ кельяхъ этихъ Климентовъ, Наумовъ, Гораздовъ и другихъ неизвѣстныхъ намъ тружениковъ, нерѣдко происходятъ живыя бесѣды и пренія объ употребленіи того или другаго реченія, той или другой формы грамматической, того или другаго способа написанія извѣстнаго звука или слова. Пришлые Македонскіе уроженцы упорно отстаиваютъ и защищаютъ чистоту своихъ македонскихъ формъ и оборотовъ противъ своихъ учениковъ уроженцевъ Моравіи, которые желаютъ вытѣснить и замѣнить эти *македонизмы* своими моравскими формами и выраженіями. Очень правдоподобно, что при этомъ консерватизмъ Македонянъ нерѣдко одерживалъ верхъ надъ нововведеніями Моравскими, благодаря не только авторитету общаго наставника Меѳодія, но и той помощи, которую могли оказывать Македонянамъ нѣкоторые его ученики изъ паннонскихъ Славянъ, изъ Словинцевъ, княжества Коцела. Часто, конечно, бывало, что Македонское выраженіе или форма, не совсѣмъ понятныя Моравянину или Словаку, были ясны и просты для разумѣнія Словинца. Такъ въ не долговременный, но плодотворный періодъ славянской образованности, со времени изобрѣтенія славянскихъ письменъ св. Кирилломъ до кончины св. Меѳодія и разсѣянія его учениковъ по землямъ юго-славянскимъ и на сѣверъ (когда-же бы иначе Угорская, Буковинская и Галицкая Русь приняли христіанство?), въ этотъ періодъ уже по-

ложено было твердое начало образованія письменнаго церковнаго языка нашего, разговорнаго и книжнаго органа образованныхъ, ученыхъ Славянъ изъ различныхъ племенъ и земель. Это было не одно какое-нибудь извѣстное нарѣчіе, какъ оно употреблялось въ устахъ того или другаго мѣстнаго населенія великой родины славянской, это былъ уже языкъ книги, органъ отвлеченной мысли, тѣмъ болѣе удалявшійся отъ безсознательности и непосредственности народнаго говора, что онъ при самомъ рожденіи своемъ началъ быть обработываемъ учеными и писателями различныхъ племенъ славянскихъ» [146]). Предположеніе г. Ламанскаго — имѣетъ основанія и потому немалую цѣнность. Приходится только сожалѣть, что они остались безъ прочныхъ ученыхъ доказательствъ; ибо что далѣе говоритъ авторъ, то уже не относится къ наукѣ, а къ области гаданій греко-славянскаго свойства, при чемъ и методъ употребляется не научный, а по его обыкновенію, греко-славянскій.

144) а) его «Razprava», грамматическая, лексикальная и критическая о Ассеманіевомъ Евангеліи помѣщена въ предисловіи къ изданію послѣдняго, сдѣланному Рачкимъ: «Assemanov ili Vatikanski Evangclistar, Zagr. 1865, p. XII—C. Впрочемъ — послѣ того, какъ доказано, что изданіе Рачкаго не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ филологической критики — и заключенія Ягича нуждаются въ нѣкоторыхъ (не важныхъ впрочемъ) поправкахъ.

б) «Studien über das altslovenisch-glagolitische Zographos-Evangelium» въ Archiv für slav. Phil. I, p. 1—55 и II, p. 201—269. Cf. также предисловіе къ его изданію «Зографскаго Евангелія» Ber. MDCCCLXXIX, 4°.

в) ст. «Evangjelije u slovênskom prievodu» въ кн. «Tisućnica s. Cirila i Mẹtoda». Zag. 1863, p. 31—66.

г) въ Сборникѣ: «Starine» книги V, VI, IX — рядъ памятниковъ подъ заглавіемъ: Opisi i izvodi iz nekoliko južnoslovinskih rukopisa» и отдѣльно три книги 1873—7.

145) Журналъ Минист. Народ. Просв. 1869, № 1, стр. 122—163.

146) Ibidem, p. 125—6.

52. Изслѣдованіе древне-славянскаго языка шло въ разныхъ направленіяхъ: *одни* разработывали отдѣльные вопросы или группы отдѣльныхъ вопросовъ сравнительно-исторически, *другіе* извлекали, систематизировали матеріалъ отдѣльныхъ памятниковъ въ грамматическомъ или словарномъ отношеніи, наконецъ, *третьи* пытались воспользоваться данными языка для рѣшенія бытовыхъ, историко-культурныхъ вопросовъ или же съ такой точки зрѣнія разсматривали извѣстные отдѣлы словарнаго матеріала.

I. Къ *первымъ* принадлежатъ изслѣдованія: а) Лескина — «о вокализмѣ средне-болгарскихъ памятниковъ»; б) Шолфина: «о склоненіяхъ паннонско-словенскихъ памятниковъ древне-церковнаго славянскаго языка; в) Ягича: «о звуковомъ значеніи носоваго ѫ въ древне-болгарскомъ»; г) Лудвига: «о нѣкоторыхъ носовыхъ формахъ въ древне-славянскомъ»; д) Потебни: «о первоначальномъ звуковомъ значеніи славянскихъ носовыхъ»; е) Лескина: «о значеніи ъ и ь въ такъ называемыхъ древне-славянскихъ памятникахъ церковнаго языка»; ж) Головачевскаго: «о звуковомъ значеніи глаголическаго ѣ»; з) Колосова: «отношенія гласныхъ звуковъ въ старо-славянскомъ языкѣ» и «о звукѣ ꙑ и его отношеніи къ ѹ въ старо-славянскомъ».

II. Ко *вторымъ* относятся:—1) тщательный трудъ А. С. Будиловича о языкѣ знаменитаго древне-славянскаго перевода словъ Григорія Богослова XI в.; 2) Горскаго и Невоструева — словарныя и грамматическія извлеченія изъ различныхъ памятниковъ старославянскихъ въ «Описаніи славянскихъ рукописей Синодальной библіотеки»; 3) Невоструева—грамматическія извлеченія изъ древняго слова Ипполита объ антихристѣ; 4) И. И. Срезневскаго—словарныя выписки изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ; 5) Воскресенскаго — разборъ языка древне-славянскаго перевода Апостола; 6) Малинина — разборъ языка сборника извѣстнаго подъ именемъ Златоструя; 7) В. И. Срезневскаго — изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода Псалтири; 8) о. арх. Амфилохія: словарныя

извлеченія и выписки изъ Пандектовъ Антіоха XI в., Евангелій—Юрьевскаго 1118—28 и Архангельскаго 1092, Сербскаго Октоиха XI (? XIV в.); 9) Ягича: замѣтки о языкѣ Михановичева отрывка глагольскаго апостола [147]). Многіе изъ сихъ трудовъ суть только матеріалы, иногда очень тщательно и разборчиво сведенные и размѣщенные, иногда въ сыромъ видѣ и безъ должнаго выбора; но польза и значеніе ихъ для исторіи славянскаго языка и филологической критики не можетъ — кажется — быть вопросомъ.

147) Ad I: а) Leskien: «Bemerkungen über den Vocalismus der mittelbulgarischen Denkmäler». Archiv f. slav. Ph. II, 269—288.

б) Scholvin: «Beiträge zur Declination in den pannonisch—slovenischen Denkmälern des Altkirchenslavischen», Archiv f. slav. Phil. II, 482—569.

в) Jagić: «Wie lautete ж bei den alten Bulgaren», Archiv f. sl. Ph. III, p. 312—357.

г) Ludwig, A.: «Ueber einige nasale Formen» въ Sitzungsberichte d. böhm. Gesel. d. Wiss. Jahr. 1874, p. 169—176.

д) Потебня, А. А.: «Zur Frage nach dem ursprünglichen Lautwerth der slavischen Nasalvocale», Archiv f. sl. Ph. III, 614—620.

е) Leskien: «Die Vocale ъ und ь in den sogenannten altslovenischen Denkmälern des Kirchenslavischen» L. 1875, 8°, 137, оттиски изъ Berichte d. säch. Ges. d. Wiss. 1875, I p. 35—137.

ж) Головачевскій: «Ueber den Lautwerth des glagolitischen ѣ», Archiv f. sl. Phil. IV, 134—141.

з) Колосова ст. въ «Филологическихъ Запискахъ 1871, вып. III, стр. 1—8; и 1872, вып. I—II, с. 27—37.

Ad II: 1) Будиловичъ: «Изслѣдованіе языка древне-славянскаго перевода XIII словъ Григорія Богослова, по ркп. XI в.» Спб. 1871 8°, с. VI+152 и III снимка. Рец. Бодуэна-де-Куртэнэ въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1872, № 8, с. 342—363 и № 11, с. 166—189.

2) «Описаніе славянскихъ рукописей московской Синодальной библіотеки» М. 1855—69, 5 книгъ.

3) «Слово св. Ипполита объ антихристѣ въ славянскомъ

переводѣ по списку XII в.» М. 1868, с. 111—188 въ Примѣчаніяхъ. Срав. Замѣт. И. И. Срезневскаго въ книгѣ: «Сказанія объ антихристѣ въ славянскихъ переводахъ», Спб. 1874, р. 20—2.

4) И. Срезневскаго: «Примѣчанія къ словарнымъ выпискамъ Ѳ. И. Буслаева изъ древняго толковаго перевода Пророчествъ» въ «Матерьялахъ для сравнительн. словаря и грамматики». Спб. 1856, т. III, с. 561—571.

5) Воскресенскій: «Древній славянскій переводъ Апостола и его судьбы до XV в.» Опытъ изслѣдованія языка и текста славянскаго перевода апостола XII—XV в. М. 1879, 8°, 343+IV.

6) Малининъ: «Изслѣдованіе Златоструя по рки. XII в. И. Публ. биб.» Кіевъ, 1878, 8°, с. 420+II, 3 снимка.

7) Срезневскій, Вяч. И.: «Древній переводъ Псалтыри». Изслѣдованіе его текста и языка по рукоп. XI—XIV в., Спб. 1877, 4°, с. 88+110+4 снимка.

8) о. арх. Амфилохій: а) «Выписки изъ списка Пандекта Антіохопа» XI в, въ Извѣст. II Отд. Ак. Н., т. VII, с. 41—8, 147—155, и отд.; б) «Описаніе Юрьевскаго Евангелія» 1118—28 г. М. 1877 и при этомъ, особо: «Древле-славяно-греко-русскій словарь изъ Юрьевскаго Евангелія, сличенный съ Евангеліями XI, XII в. и 1270 г. М. 1877, 4°, с. 39; в) Описаніе Евангелія 1092 г. М. 1877, 4°, с. 32+10 таб.; г.) «О самодревнѣйшемъ Октоихѣ XI в. югославянскаго юсоваго письма» М. 1877, f°, XVII+52. См. весьма хорошую рец. Ягича въ Archiv f. Slav. Phil. III, 168—176; д) выборъ словъ изъ древняго славянскаго Кондакаря, издан. подъ заглавіемъ: «о греческомъ Кондакарѣ», Спб. 1869, 37. Прилож. къ VII т. Записокъ Акад. Наукъ.

9) Jagić: Gradja za glagolsku paleografiju», пом. въ Rad Jugosl. Akad. t. II, 1868, p. 1—35.

53. III. По разработкѣ культурной или бытовой стороны и содержанія древне-славянскаго языка назовемъ:

1) Лавровскаго—: «Коренное значеніе въ названіяхъ родства у славянъ» Спб. 1867, 8° с. 118+II. Основательный опытъ славянской лингвистической палеонтологіи, одинаково важный и любопытный и для лингвиста и для археолога-историка.

Нельзя сомнѣваться, что если бы трудъ нашего славяста былъ извѣстенъ европейскимъ ученымъ, — то, пользуясь указаніями славянскаго матеріала, въ немъ собраннаго и изслѣдованнаго, такое замѣчательное сочиненіе, какъ книга Деeке: «О нѣмецкихъ именахъ родства» (Die Deutschen Verwandtschaftsnamen... nebst vergleichenden Anmerkungen», W. 1870, VIII+223, p.) — измѣнило и расширило бы не мало изъ своихъ утвержденій.

2) Морошкина, св.: «Славянскій именословъ или собраніе славянскихъ личныхъ именъ въ алфавитномъ порядкѣ», Спб. 1867, 8°, с. 108+213. Первая половина книги заключаетъ въ себѣ добросовѣстно и трудолюбиво составленное изслѣдованіе, состоящее изъ трехъ частей: въ первой разсматриваются имена, какъ слова, состоящія изъ извѣстныхъ корней, имѣющихъ извѣстные суффиксы, т. е. грамматически, въ отношеніи образованія именъ; — во второй — понятія, выражаемыя личными славянскими именами, т. е. археологія собственныхъ именъ, обставленная и обычаями, относящимися къ рожденію и нареченію имени; въ третьей — разсматривается вліяніе христіанства и международныхъ отношеній на строй личныхъ славянскихъ именъ. Вторую половину книги занимаетъ Словарь собственныхъ славянскихъ именъ съ обстоятельными ссылками на источники. Какъ по матеріалу, такъ и обработкѣ реальной исторической стороны Именословъ Морошкина — полнѣе и тщательнѣе всего, доселѣ изданнаго въ семъ родѣ. Рецензія И. И. Срезневскаго въ Отчетѣ о шестомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, 1863, с. 24—31.

3) Маценауера: Cizí slova ve slovanských řečech, Brno, 1870,8° VII+422. Первое отдѣленіе книги, стр. 15—93, есть обстоятельная критика труда Миклошича «Fremdwörter etc». (см. выше, подъ числомъ 47): авторъ разсматриваетъ тѣ слова, которымъ Миклошичъ усвоиваетъ чужеземное происхожденіе и которыя — по его (Маценауера) мнѣнію — происхожденія славянскаго; второе отдѣленіе заключаетъ собранныя авторомъ чужеземныя слова въ славянской рѣчи. Трудъ — очень важный. Здѣсь

замѣчу, что будущій изслѣдователь предмета долженъ непремѣнно воспользоваться трудами (оставшимися неизвѣстными и Миклошичу и Маценауеру) Эбеля (Über die Lehnwörter der deutsche Sprache 1856) и Виндлера (Zusammenstellung der Fremdwörter des Alt- und Mittelhochdeutschen nach sachlichen Kategorien. Zwickau 1865).

4) Будиловича: «Первобытные славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ по даннымъ лексикальнымъ. Изслѣдованія въ области лингвистической палеонтологіи славянъ», ч. I. Кіевъ, 1878, 8° с. XXII+408+XV. Сія часть обнимаетъ данныя, относящіяся къ внѣшней природѣ. Тотъ кто будетъ помнить, что это первый въ славянской наукѣ обширный опытъ собранія данныхъ, относящихся къ славянской лингвистической палеонтологіи, кто сверхъ этого не предъявитъ слишкомъ строгихъ научныхъ требованій термину: «изслѣдованія», тотъ найдетъ и признаетъ въ книгѣ А. С. Будиловича въ высокой степени полезный и трудолюбивый сборъ данныхъ, извлеченныхъ изъ многихъ словарей славянскихъ нарѣчій, хотя бы даже ему пришлось разойтись съ авторомъ и въ пріемахъ разработки предмета и во многихъ конечныхъ заключеніяхъ. Трудъ—повторяю—заслуживаетъ полной признательности. Рецензіи: Brückner'а въ Arhiv für slavische Philologie IV, p. 451—4; Бодуэна-де-Куртене, въ Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ 1879, т. II, № 4, с. 165—206; отвѣтъ Будиловича обоимъ—тамъ же 1880, кн. 2, стр. 295—309.

Сюда же въ нѣкоторомъ отношеніи принадлежитъ и сочиненіе—

5) Кочубинскаго—«Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій», Од. 1877—8, т. 1 и 2: I, с. IV+222+90. Попытка на основаніи историческаго и сравнительнаго разбора нѣкоторыхъ гласныхъ и согласныхъ сочетаній въ славянскихъ нарѣчіяхъ рѣшить вопросъ объ отношеніяхъ послѣднихъ. Авторъ примѣняетъ къ славянской семьѣ мысль Іоанна Шмидта (Die Verwandtschaftsverhältnisse der indogermanischen Sprachen, W. 1872), во многихъ случаяхъ довольно удачно, но едва-ли въ

главномъ результатѣ, имѣющемъ характеръ одного отрицанія господствующихъ мнѣній. Ратуя весьма основательно противъ своеволія узкаго сербскаго патріотизма Даничича въ рѣшеніи вопроса о взаимныхъ отношеніяхъ славянскихъ нарѣчій (въ кн. «Двоба славенских језика, Б. 1874)—А. А. Кочубинскій самъ впадаетъ въ сѣти того же врага строгой науки и рѣшаетъ вопросъ объ отношеніи русской рѣчи къ прочимъ славянскимъ—догматическимъ императивомъ о протоэтническомъ первенствѣ его, т. е. не столько научнымъ, сколько патріотическимъ методомъ. Но при всѣхъ частныхъ недостаткахъ своихъ, усиливаемыхъ еще нѣкоторою аподиктическою, рѣзкою рѣшительностью тона—трудъ Кочубинскаго заключаетъ въ себѣ обиліе самостоятельно добытаго матеріала и вѣрныхъ замѣчаній; онъ исполненъ съ совѣстливымъ отношеніемъ къ дѣлу и желаніемъ не пренебречь ничѣмъ, что могло бы послужить къ рѣшенію его задачи. Потому я не могу здѣсь искренно не пожалѣть, что во многихъ статьяхъ основательныя критическія замѣчанія г. Бодуэна-де Куртенэ—были высказаны въ такой малодостойной научной формѣ и съ такимъ прискорбнымъ забвеніемъ долга справедливости и уваженія къ личности разбираемаго имъ автора. См. его рецензію труда Кочубинскаго, подъ заглавіемъ: «Критика и библіографія». «Къ вопросу о взаимныхъ отношеніяхъ»... и т. д.. Каз. 1879, с. 47.

Наконецъ—здѣсь мѣсто указать и тѣ немногіе труды, которые посвящены разъясненію вопроса о славянскомъ началѣ въ языкѣ новыхъ грековъ, таковы—кромѣ статьи Миклошича (см. выше подъ числомъ 47)—еще слѣдующія:

а) Г. С. Дестуниса: «Матеріалы для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ греческомъ языкѣ» въ «Матеріалахъ для Сравнительн. и объясн. Словаря и Грамматики», т. III, 354—361 и V, 73—80, 147—160; 241—258.

б) Орбинскаго: «О слѣдахъ славянства въ языкѣ новогреческомъ» въ Журн. Минист. Народ. Пр. 1854, ч. LXXXIII, с. 94—112.

54. Изслѣдованія судебъ старо-славянскаго языка въ различныхъ славянскихъ странахъ были обращены преимущественно на сербскую его область: менѣе существуетъ изслѣдованій, посвященныхъ русской области (о нихъ ниже), еще менѣе, почти ничего — болгарской.

Почти одновременно съ В. С. Караджичемъ, издавшимъ «Примјери српско-словенскога језика», Б. 1857, 8°, с. 79, представляющіе тексты (не древніе) сербо-церковнаго нарѣчія съ нѣкоторыми замѣчаніями, — появился обширный трудъ А. А. Майкова: «Исторія сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицей, въ связи съ исторіей народа»[146])... Книга заключаетъ въ себѣ два отдѣла: историческій (с. 1—306) и языкословный (с. 307—823). Обоимъ отдѣламъ предпосланы вводныя обозрѣнія памятниковъ. Въ отношеніи языка главной задачей изслѣдователя «было прослѣдить измѣняющееся по вѣкамъ и областямъ состояніе древне-сербскаго языка, отличить его собственные признаки отъ приносовъ другой, церковно-славянской стихіи и по первымъ опредѣлить степень движенія, которое онъ совершалъ вмѣстѣ съ другими славянскими нарѣчіями, отвѣчая обще-славянскому движенію и своимъ собственнымъ личнымъ потребностямъ». Привожу здѣсь положенія автора, выражающія его конечные выводы по отношенію къ сербскому письменному языку: а) Значки въ древне-сербскихъ памятникахъ двухъ родовъ: внутренніе, выражающіе качество, или количество гласной; внѣшніе, или замѣнительные, заступающіе мѣсто строчной гласной. б) Звукодвиженіе и слогодвиженіе древне-сербскаго письменнаго языка вмѣщаютъ въ себѣ два родственныя, взаимподѣйствующія образовательныя начала: церковно-славянское и народное. Начала эти присутствуютъ въ немъ неравномѣрно, смотря по содержанію, мѣсту и времени памятника. Но въ общей сложности памятниковъ нѣтъ такого времени и пространства, гдѣ бы не было ихъ обоихъ. в) Народное начало есть главный образователь древне-сербскаго письменнаго языка въ кирилловскихъ памятникахъ. Оно исполнено жизни и движенія. Въ немъ встрѣ-

чаются древнѣйшіе признаки, ослабнувшіе или вовсе исчезнувшіе нынѣ, и указывающіе на племенное родство славянскихъ нарѣчій и отличительное ближайшее положеніе ихъ другъ къ другу въ старину, переходные звуки и формы и наконецъ новѣйшіе зарождающіеся, или усиливающіеся признаки. г) Церковно-славянское начало, второй образователь древне-сербскаго письменнаго языка—входитъ въ него безъ движенія, какъ заимствованіе. Оно ближе стоитъ къ народному въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и отдаляется съ теченіемъ времени, становясь замѣтнымъ правносомъ подъ вліяніемъ своей письменности. д) Относительно двухъ образовательныхъ началъ, кирилловскіе памятники распадаются на двѣ главныя семьи: восточную и западную. Первая выказываетъ преимущественно свойства восточнаго подрѣчія, вторая—западнаго; первая болѣе удерживаетъ въ себѣ церковно-славянскаго начала, вторая предшествуетъ ей въ развитіи народнаго начала. Общность признаковъ въ обѣихъ семьяхъ — бо̀льшая въ древнѣйшихъ изъ разсматриваемыхъ памятниковъ и меньшая въ позднѣйшихъ» [149]). Г. Майковъ ограничился памятниками, писанными кириллицей, оставляя въ сторонѣ глагольскіе и латинскіе... Если бы онъ имѣлъ въ виду представить исторію языка въ связи съ внутренней исторіей, бытомъ и образованностью народа — то такое обстоятельство могло затруднить изслѣдованіе и условить важные пробѣлы и недостатокъ труда, но исторіи онъ далъ самостоятельное мѣсто, отдѣливъ отъ языка, и въ послѣднемъ хотѣлъ преимущественно опредѣлить: движеніе языка книжнаго, образовавшагося изъ народнаго сербскаго и церковно-славянскаго; его занимали преимущественно вопросы грамматическіе: о движеніи звуковъ языка, объ образованіи грамматическихъ формъ, преимущественно склоненія и спряженія; а потому онъ могъ свободно ограничиться одними кирилловскими памятниками. Нельзя конечно—вспомнивъ о трудѣ Шафарика (выше число 44) — повторить слова О. М. Бодянскаго [150]), что «предметъ разработанный сочинителемъ доселѣ былъ еще никѣмъ не затронутъ, что

ему первому принадлежитъ честь воздѣланія его, что исторія судебъ древне-сербскаго языка въ его книгѣ составляетъ въ буквальномъ смыслѣ сколько первое, столько же и самобытное произведеніе, что сочинитель не имѣлъ предшественниковъ, и былъ вмѣстѣ и работникомъ, и зодчимъ», тѣмъ не менѣе будетъ только справедливостью, когда мы скажемъ въ согласіи съ тѣмъ же почтеннымъ учителемъ нашимъ, что сдѣланное г. Майковымъ для исторіи сербскаго языка по памятникамъ, кириллицей писаннымъ — составляетъ очень важное пріобрѣтеніе для славянской исторіи и филологіи, потому что выводы, къ которымъ пришелъ онъ, съ одной стороны — совершенная новость; а съ другой — и прежнее является въ иномъ, не менѣе неожиданномъ новомъ видѣ...

Весьма обширны и разнообразны труды Ю. Даничича; спеціально разработкѣ исторіи сербскаго языка посвящены: а) «Словарь книжныхъ древностей сербскихъ» [151]), или вѣрнѣе объяснительный указатель къ знатному количеству сербскихъ письменныхъ памятниковъ какъ филологическій, такъ и предметный. Произведеніе изумительнаго трудолюбія, по точности важное и по отношенію къ исторіи древне-славянскаго языка въ Сербіи, б) «Исторія формъ сербскаго или хорватскаго языка до конца XVII вѣка» [152]). Здѣсь представлена исторія каждой формы сербскаго языка изъ вѣка въ вѣкъ съ постояннымъ указаніемъ на памятники. Есть одинъ существенный недостатокъ въ изслѣдованіи — это изолированность разсмотрѣнія сербскаго языка помимо связи его съ старославянскимъ различныхъ изводовъ и прочими славянскими нарѣчіями, но «во всякомъ случаѣ — такой историческической грамматики, какъ «Исторія формъ» Даничича, подробной и составленной изъ однихъ наблюденій по источникамъ — нѣтъ еще ни одного изъ славянскихъ нарѣчій». Только отчасти родственный трудъ мы находимъ въ трудѣ пр. Колосова по исторіи русскаго языка (См. ниже).

Не незамѣченнымъ долженъ остаться и написанный В. В. Ягичемъ общій очеркъ историческаго развитія хорватскаго языка [153]).

Наконецъ—не мало важныхъ частныхъ изслѣдованій и объяснительныхъ замѣтокъ по старо-сербскому языку (отчасти и болгарскому) церковнаго извода, принадлежащихъ Даничичу, Ягичу, Новаковичу и др.,—разсѣяно въ изданіяхъ Юго-славян. Академіи, Гласникѣ Сербск. общества, Сербскомъ Лѣтописѣ и Архивѣ для славянской филологіи.

148) Москва, 1857, 8°, с. IV+845; рец. книги, нап. И. И. Срезневскимъ, см. въ кн. «Двадцать седьмое присужденіе Демидовскихъ премій», Спб. 1858, стр. 121—127.

149) См. Журн. Минист. Народ. Просв. 1857, ч. XCV, № 7, с. 24—6.

150) Въ его общемъ отзывѣ о книгѣ Майкова, въ Журн. М. Нар. Пр. 1857, ч. XCV, № 7, с. 22—3.

151) Даничичъ: «Рјечник из књижевних старина српских», Б. 1863—4, 8°, т. I, с. XI+521; т. II, с. 519; т. III, с. 598.

152) «Историја облика српскога или хрватскога језика, до свршетка XVII вијека». Б. 1874, 8°, с. VIII+398; рецензія труда, написан. Ягичемъ въ Archiv für slavische Ph. I. II, 156—161.

153) Jagić: «Iz prošlosti hrvatskoga jezika», Književnik I, 1864, p. 332—58.

55. Нельзя оставить безъ вниманія и тѣхъ изслѣдованій, которыя хотя и принадлежатъ собственно къ сравнительному славянскому языкознанію, но освѣщаютъ и многія стороны исторіи славянскихъ языковъ и древнеславянскаго въ особенности. Сюда, кромѣ нѣкоторыхъ упомянутыхъ уже выше, относятся слѣдующія, болѣе важныя по задачѣ или по исполненію:

а) А. Дювернуа: «Система основныхъ элементовъ и формъ славянскихъ нарѣчій» М. 1872. Неудобопостижимая система весьма туманно представленная... Первый трудъ автора: «Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи», М. 1867—еще неудобопонятнѣе и писанъ кажется не столько для чтенія или ученыхъ, сколько для...—достиженія ученой степени магистра.

б) Leskien: «Handbuch der altbulgarischen (altkirchenslavischen) Sprache», W. 1871. Хорошее популярное объяснительное изложеніе Шлейхерова ученія о старо-славянскомъ языкѣ, находящагося въ его «Compendium» ' ѣ.

в) Geitler: «Starobulharská Fonologie se stálým zřetelem k jazyku litevskému». Pr. 1873, 8°, с. VI+132. Трудъ во многихъ отношеніяхъ очень хорошій. Есть попытки самостоятельныхъ изслѣдованій. Обстоятельная критика труда Гейтлера была представлена А. А. Потебней въ его изслѣдованіи: «Къ исторіи звуковъ русскаго языка», [1] Воронежъ. 1876.

г) Leskien: «Die Declination im Slavisch — litauischen und Germanischen» L. 1876, 8°, XXIX+158. Введеніе стремится критически защитить и объяснить Шлейхерову теорію историческаго развитія и взаимныхъ отношеній славянскихъ нарѣчій, самое ученіе о склоненіи — стремится фактически опредѣлить то особенное отношеніе, въ какомъ въ общей индоевропейской семьѣ стоитъ литовско-славянская группа къ нѣмецкой. Книга написана въ Шлейхеровскомъ направленіи и съ Шлейхеровской же архитектоникой. Рец. Циммера, въ Jagić's Archiv für slav. Phil. II, 338—346. Cf. иную замѣтку Лескина о славянскомъ склоненіи въ Archiv f. slav. Phil. III, 108—111.

д) Будиловичъ: «Анализъ составныхъ частей славянскаго слова, съ морфологической точки зрѣнія», Кіевъ, 1877, 8° с. 106. Хорошее изложеніе извѣстныхъ данныхъ, главнымъ образомъ — на основаніи труда Миклошича.

е) Jagić: «Ueber einige Erscheinungen des slavischen Vocalismus» въ Archiv für slavische Philologie I, с. 337—412. По поводу книги I. Шмидта: «Zur Geschichte des indo-germanischen Vocalismus» (W. 1871—5, 2 v.), въ которой весьма видное мѣсто удѣлено и славянскимъ нарѣчіямъ. Отвѣтъ Шмидта—въ Kuhn's Zeitschr. f. vergleich. Sprachfors. B. XXIII, стр. 429—457. Древне-славянскому вокализму посвящена и другая ст. Ягича: «Über einen Berührungspunkt des altslov. mit dem litauischen Vocalismus». Archiv f. slav. Phil. III, 95—111.

ж) Даничичъ: «О тъ і дь u istoriji slovenskih jezika». Rad jugoslavenske Akademiji, I, с. 106—123.

з) Крынскій: «О носовыхъ звукахъ въ славянскихъ языкахъ» Варш. 1870, 8°, вып. I, с. 111. Рец. Бодуэна-де-Куртене въ Beiträge z. vergl. Sprachforsch. XIII, с. 174—196.

и) Шлейхеръ: «Темы именъ числительныхъ (количественныхъ и порядочныхъ) въ литво-славянскомъ и нѣмецкомъ языкахъ». Спб. 1866, с. 69.

к) Шлейхеръ: «Склоненіе основъ на—У—въ славянскихъ языкахъ». Спб. 1867, 8°, с. 19.

л) Prusik: «Wie sind die possessiven Adjectiva auf—uj und овъ und die possessiven Pronomina moj, svoj, tvoj—im Slavischen zu deuten», Wien 1876, 8°, с. 14 (aus d. Sitzsber. d. w. Ak.).

н) Böthlingk: «Ein Paar Worte gegen die altslavischen Wurzeln mit silbenbildenden r und l», Bulletin de l'Académie, t. XXII, 1876, p. 312—315. Противъ предисловія ко II т. Сравн. Грамматики Миклошича.

о) Потебня: «О нѣкоторыхъ случаяхъ вліянія небности на согласные звуки», «Русскій Филологическій Вѣстникъ» 1879, т. II, № 3, с. 1 — 44 и № 4, с. 207 — 232. Это основательное изслѣдованіе есть переработка того, что первоначально было помѣщено въ Archiv für slavische Philol.

56. Въ заключеніе обзора работъ по историческому изученію древне-славянскаго языка мы, кажется — съ полнымъ правомъ можемъ повторить слова И. И. Срезневскаго, что «усилія разъяснить происхожденіе и судьбы старо-славянскаго языка у различныхъ славянскихъ племенъ хотя и не привели еще къ полному рѣшенію задачи, но уже освѣтили многое». Есть уже нѣсколько выводовъ, въ вѣрности которыхъ, кажется, нельзя сомнѣваться:

«Отмѣчены памятники, отличающіеся одни отъ другихъ употребленіемъ буквъ, какъ знаковъ выговора, употребленіемъ нѣ-

которыхъ особыхъ словъ и выраженій и особенныхъ грамматическихъ формъ.

Отмѣчено значительное количество признаковъ древнѣйшаго языка и ихъ видоизмѣненій по времени и по мѣстностямъ.

Отмѣчены разныя наслоенія нарѣчій въ спискахъ древнихъ памятниковъ.

Не преодолѣны однако нѣкоторыя важныя преграды, мѣшающія рѣшенію основныхъ вопросовъ.

Безъ окончательнаго отвѣта остается вопросъ о первичномъ церковномъ языкѣ: въ какой именно странѣ былъ онъ народнымъ, прежде чѣмъ сдѣлался языкомъ церкви и письменности? Останавливаясь на Моравіи, Сербіи, Македоніи, Болгаріи, Панноніи западной и восточной, мѣняли мнѣнія, стоя за каждое, какъ за окончательно вѣрное; многіе вмѣстѣ склонялись одни въ одну, другіе въ другую сторону; склонились было почти всѣ на сторону болгарскаго происхожденія церковнаго языка и принуждены были потомъ отклониться. Все подобное было и остается возможнымъ, мнѣ кажется, всего болѣе отъ того, что изъ участниковъ въ дѣлѣ этомъ люди даровитые и вмѣстѣ рѣшительные, настойчивые, вмѣсто того, чтобы своимъ личнымъ трудомъ продолжать разработку памятниковъ и изученіе мѣстныхъ нарѣчій, съ которыми хотѣлось бы сравнивать языкъ церковный, считали добытое изъ памятниковъ даже не провѣренное, достаточнымъ для подведенія общихъ итоговъ наблюденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ считали болѣе удобнымъ пріискивать къ своимъ предположеніямъ доказательства подтвердительныя вмѣсто того, чтобы искать строгихъ отвѣтовъ на вопросъ: нѣтъ ли данныхъ, умаляющихъ или и уничтожающихъ научное значеніе принятыхъ предположеній. Къ тому же подборы доказательствъ о родинѣ церковнаго языка начинаемы были ранѣе, чѣмъ были собраны вѣрныя и достаточно полныя свѣдѣнія о языкѣ предположенной родины его, — такъ что когда этотъ мѣстный языкъ узнавался, то предположенія разсыпались въ прахъ... И при самомъ сравненіи древняго церковно-славянскаго языка съ живыми нарѣчіями брались и бе-

рутся иногда очень немногія черты, слишкомъ недостаточныя для того, чтобы дѣло сравненія можно было вести къ общему выводу» [154])...

Недостаточно — скажемъ въ заключеніе — извѣстны еще судьбы церковнаго языка на Руси, Болгаріи, Молдавіи и Паннонія. Недостаточность сія видна изъ того, что одинъ изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ, вопросъ о средне-болгарскомъ языкѣ—доселѣ вызвалъ только два частныя изслѣдованія, а вопросъ о вѣкѣ и народности тк. изв. Реймскаго Евангелія, вызвавъ цѣлую библіотеку изслѣдованій—въ концѣ концовъ остался все-таки неразрѣшеннымъ!

154) Срезневскаго, ст. «Работы по древнимъ памятникамъ языка и Словесности», Журн. Мин. Нар. Пр. 1875, № 3, с. 33—34.

Языкъ русскій.

57. Общія историческія соображенія и отзывы о русскомъ языкѣ появляются довольно рано [155]), но собственныя *изслѣдованія* начинаются не ранѣе сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія, пожалуй даже позднѣе... Всматриваясь пристальнѣе въ движеніе русской филологіи, нельзя не видѣть, что и въ отношеніи *историческаго* изученія русскаго языка — первый шагъ или починъ былъ сдѣланъ Востоковымъ; но не его «Русскою Грамматикою» [156]), а извѣстнымъ уже намъ «Разсужденіемъ о Славянскомъ языкѣ», которое можетъ быть разсматриваемо, какъ образецъ приложенія историческаго метода къ объясненію стараго языка и его явленій.

Казалось бы, что послѣ того, какъ Востоковъ на основаніи несомнѣнныхъ данныхъ—установилъ періоды исторіи церковно-славянскаго языка и показалъ, что явленія его должны быть изучаемы не иначе, какъ въ ихъ историческомъ измѣненіи, начиная съ старѣйшихъ, болѣе правильныхъ формъ, сохранившихся въ древнѣйшихъ памятникахъ, и постепенно идя къ позднѣй-

шимъ, — казалось бы, говорю, этотъ истинно научный методъ найдетъ немедленное дальнѣйшее примѣненіе и усердныхъ продолжателей..., случилось иначе: прошли цѣлые десятки лѣтъ, прежде чѣмъ онъ былъ понятъ и оцѣненъ по достоинству. Не только практическіе грамматисты, но и лица, бравшіяся за ученое изслѣдованіе отечественнаго языка — оставались или вовсе чужды историческаго метода, или отвѣчали его требованіямъ случайно. Къ послѣднимъ принадлежатъ такіе труды, какъ «Словарь Церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ» [157]) и знаменитыя въ свое время (нынѣ, впрочемъ, несправедливо забытыя) «Филологическія Наблюденія надъ составомъ русскаго языка» о. пр. Павскаго» [158]).

155) Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя, болѣе замѣчательныя: С. Бандтке: «Замѣчанія о языкахъ богемскомъ, польскомъ и нынѣшнемъ Россійскомъ», переводъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1815, № 21 и 22, с. 23—35, 118—124; К. Калайдовича: «О бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ сбор. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общества любит. Россійской Словесности», 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; О. М. Бодянскаго: «Разсмотрѣніе различныхъ мнѣній о древнемъ языкѣ Сѣверныхъ и Южныхъ Руссовъ» въ Ученыхъ Запискахъ Московскаго Университета, 1835, № 3, 472—491.

156) «Русская грамматика А. Востокова, по начертанію его же сокращенной грамматики полнѣе изложенная», Спб. 1831, 8°, XXIV+408 стр. Было нѣсколько изданій.

157) «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, составленный 2-мъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ, Спб. 1847, 4°, т. 1 — XXII+415; т. 2: с. 471; т. 3, — стр. 589; т. 4, с. 487; второе изданіе (безъ перемѣнъ). Спб. 1867—8, 8°. Превосходная рецен. этого Словаря написана И. И. Срезневскимъ въ Журналѣ Минис. Нар. Просв. 1848, № 3, с. 167—188; № 6, с. 217—251; № 12, с. 161—181. Здѣсь дано мѣсто и оцѣнкѣ иныхъ Словарей, какъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, такъ и русскаго языка.

158) Было два изданія: въ 1841 — 2, Спб. въ трехъ кни-

гахъ и въ 1850, Спб. въ четырехъ книгахъ. Изъ рецензій вниманія заслуживаютъ двѣ: пр. Буслаева, въ Отечеств. Зап. 1852, № 4, стр. 49—76 и № 5, с. 21—48 и С. Лебедева, въ Современникѣ 1851, № 8, с. 25—44. Рец. Надеждина, пом. въ «Отеч. Запискахъ», 1844, № 6, с. 33—48 и № 8, с. 17—32—стоитъ не на исторической почвѣ; о рецензіи И. Давыдова, Москвитянинъ 1843, ч. I, с. 521 sq. II, с. 195 sq., III, с. 178 sq. — можно сказать: «охота смертная, да участь горькая»... Весьма важны замѣчанія на нѣкоторыя стороны труда Павскаго, сдѣланныя О. Бётлингомъ, въ его: «Beiträge zur russischen Grammatik», помѣщ. въ «Mélanges russes», т. II. Spb. 1854, с. 26—104: по-русски въ Запискахъ Академіи Наукъ по 1 и 3-му отд. Спб. 1853, т. I, с. 58—124.

58. Изъ этого времени, однако — заслуживаютъ полнаго вниманія попытки Максимовича[159]) и Надеждина[160]), пытавшихся установить на основаніи данныхъ отношенія языка русскаго къ прочимъ славянскимъ. Въ статьѣ Надеждина, писанной по поводу выхода въ свѣтъ Копитарова «Русскаго глоссатора къ Гесихію» [161]), и вполнѣ извѣстной понынѣ только въ нѣмецкомъ текстѣ — весьма замѣчательна попытка привести въ связь историческое движеніе народа съ постепеннымъ развитіемъ книжнаго языка. Исправленіе церковныхъ книгъ было, по мнѣнію Надеждина — ничѣмъ инымъ, какъ борьбой между книжнымъ церковнымъ языкомъ и русскою народною рѣчью, которая брала и взяла перевѣсъ надъ старинными формами.

159) Первоначально въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1838, № 3, стр. 531 sq. и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Историко-критическое изслѣдованіе о русскомъ языкѣ». Спб. 1838; потомъ въ Исторіи древней русской Словесности, Кіевъ, 1839, кн. I, с. 96—207; см. Собраніе сочиненій т. III, Кіевъ, 1880 стр. 3—84 и 398—461.

160) Первоначально въ «Энциклопедич. Лексиконѣ», изд. Плюшаромъ, т. IX, ст. «Великая Россія», с. 273—6; потомъ въ «Jahrbücher der Literatur» 1841, томъ 95, стр. 181—240. Часть сей статьи въ переводѣ въ Жур. Минист. Нар. Просв. 1857, № 2, с. 302—14.

161) B. Kopitar: Hesychii Glossographi discipulus et epiglossistes Russus, Vind. 1840. Статья въ Jahrbücher d. Liter. есть именно рецензія сего изданія.

59. Историческое изученіе русскаго языка началось у насъ подъ вліяніемъ «Нѣмецкой Грамматики» Як. Гримма, произведенія основавшаго историческое языкознаніе. Впервые это изученіе въ скромныхъ размѣрахъ проявилось у насъ въ замѣчательной по своему времени книгѣ Ѳ. И. Буслаева: «О преподаваніи отечественнаго языка» [162]), которой вся 2-я часть посвящена разсмотрѣнію данныхъ исторіи русскаго языка или вѣрнѣе — исторической грамматики и стилистики его. Во многихъ частяхъ книга полезна и поучительна еще и теперь. Въ отношеніи стилистики она представляетъ богатый подборъ фактовъ, извлеченныхъ изъ извѣстныхъ въ то время памятниковъ нашей древней словесности, при чемъ многое, темное и загадочное, въ послѣднихъ получаетъ мѣткое объясненіе. Образцовый трудъ г. Каткова: «объ элементахъ и формахъ славяно-русскаго языка» [163]), хотя въ точномъ смыслѣ и принадлежитъ болѣе къ области сравнительнаго языковѣдѣнія, чѣмъ историческаго, но своимъ внимательнымъ отношеніемъ къ историческимъ даннымъ — занимаетъ очень видное мѣсто и въ послѣднемъ. Оригинальное явленіе въ исторіи русскаго историческаго языкознанія представляетъ трудъ Константина Аксакова: «Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и рус. языка» [164]). Здѣсь сдѣланъ довольно подробный разборъ данныхъ языка, начиная съ древнѣйшихъ памятниковъ и оканчивая XVII вѣкомъ, съ цѣлью установить и объяснить отношенія между народнымъ языкомъ и церковно-славянскимъ... Опредѣляя свою задачу изслѣдованіемъ стилистической стороны предмета, Аксаковъ не входитъ въ анализъ историческихъ измѣненій въ звукахъ, формахъ и синтаксисѣ: онъ довольствуется общими философскими разсужденіями о формахъ древне-русскаго языка, разсужденіями праздными и для науки непригодными.

162) Первое полнѣйшее и лучшее изданіе въ Москвѣ, 1844, 8°, ч. I, с. V+335; II, с. III+375; второе изданіе, безъ нужды оскопленное авторомъ — въ одномъ томѣ, Ibid. 1867, стр. 472.

163) Москва 1845, 8°, с. 257.

164) Москва, 1846, 8°, стр. 517 и 4 нен.; второе изданіе, въ Полн. Собраніи сочиненій К. С. Аксакова, т. II. М. 1875 стр. 25—388.

60. Въ 1848 году появился замѣчательный во многихъ отношеніяхъ трудъ М. А. Максимовича: «Начатки русской филологіи», книга I [165]), заключающая въ себѣ изслѣдованія объ отношеніи русской рѣчи къ западно-славянской. Кромѣ «Введенія», въ которомъ разсматриваются *системы* славянскихъ нарѣчій и степени сродства между ними, въ книгѣ мы находимъ изслѣдованіе о тк. изв. полногласіи и критическій разборъ примѣтъ, которыя русскую рѣчь соединяютъ съ юго-западною. Книга Максимовича, заканчивая его прежнія изслѣдованія о предметѣ — только отчасти можетъ быть отнесена къ историческому языкознанію, такъ какъ она идетъ отъ современнаго состоянія языка и на немъ опирается; тѣмъ не менѣе она не должна быть забыта здѣсь: въ ней, говоря словами Бодянскаго — всюду проглядываетъ наблюдательный ботаникъ-филологъ, подмѣчающій часто такія — повидимому, мелочи, которыя потомъ обращаются въ основу весьма важныхъ явленій.

Историческое вліяніе Польши на языкъ русскій послужило предметомъ особой монографіи г. С. Лебедева [166]). Рѣшеніе его любопытно, но едва ли оно было удовлетворительно даже и въ свое время: авторъ едва-ли былъ знакомъ съ научной разработкой предмета: изъ богатой польской литературы предмета ему извѣстно очень немногое, почти что ничего. Кромѣ того — сочиненіе имѣетъ тенденціозный характеръ, написано на тему о полной умственной и литературной независимости Руси отъ Польши...

165) Кіевъ, 1848, 8°, с. 211, и въ III т. «Собранія сочиненій, К. 1880, с. 25—155. Къ сожалѣнію вторая книга «На-

чатковъ», содержавшая въ себѣ изслѣдованія о звукахъ русской рѣчи—исчезла, пока, безслѣдно. Что она была написана и даже процензирована цензоромъ—намъ извѣстно изъ частнаго письма автора къ намъ... Упоминаемая въ нѣкоторыхъ каталогахъ книга Максимовича: «Русская Рѣчь въ сравненіи съ западно-славянскою» Кіевъ 1845 — въ свѣтъ не была выпущена и вся (за вычетомъ вводной статьи «о значеніи и происхожденіи слова») вошла въ «Начатки».

166) «Историко-критическое разсужденіе о степени вліянія Польши на языкъ и устройство училищъ въ Россіи. Спб. 1848, 8°, стр. 84.

61. Настоящее, строго-методическое изученіе исторіи русскаго языка, начинается съ книги И. И. Срезневскаго: «Мысли объ исторіи русскаго языка» [167]). Трудъ этотъ не имѣетъ характера подробнаго, спеціальнаго изслѣдованія предмета, а скорѣе представляетъ сжатое извлеченіе изъ такого изслѣдованія, но извлеченіе, передающее не одни общіе выводы, а и выборъ изъ историческихъ данныхъ. Во вступленіи къ труду Срезневскій разсматриваетъ общіе законы историческаго движенія или развитія языка и примѣняетъ ихъ къ исторіи языка русскаго: насколько позволяли историческія и сравнительныя данныя, авторъ обозначаетъ черты древняго первобытнаго русскаго народнаго языка въ его составѣ, строѣ и степени развитія формъ, преимущественно со стороны тѣхъ немногихъ отличій, которыми разнился древній народный русскій языкъ отъ старославянскаго (церковнаго). Время XIII — XIV вв. было по мнѣнію Срезневскаго—какъ для народнаго русскаго языка, такъ и для нѣкоторыхъ славянскихъ нарѣчій, временемъ рѣшительнаго перехода къ новому строю, выказавшему рѣзко всѣ свои особенности въ XV—XVI в. Тогда же (т. е. XIII—XIV вв.) образовались мѣстныя отдѣльныя нарѣчія—Великорусское и Малорусское. Затѣмъ авторъ переходитъ къ исторіи языка книжнаго, показываетъ, что хотя онъ и отличался отъ народнаго всегда, но до XIV в. отличія одного отъ другого заключались болѣе въ привычкахъ слога

(мысль эта была въ первый разъ высказана еще г. Катковымъ), чѣмъ въ грамматическихъ формахъ. Рѣзкимъ образомъ книжный языкъ началъ отдѣляться отъ народнаго въ то же время XIII—XIV в., когда народный русскій языкъ подвергся рѣшительному превращенію своего древняго строя. Въ XIV вѣкѣ языкъ свѣтскихъ грамотъ и лѣтописей, въ которомъ господствовалъ языкъ народный, уже примѣтно отдалился отъ языка сочиненій духовныхъ. Въ памятникахъ XV—XVI в. отличія народной рѣчи отъ книжной уже такъ рѣзки, что нѣтъ никакого труда ихъ отдѣлять... Въ заключеніе авторъ касается вопроса о соотношеніи исторіи русскаго языка съ исторіей русской литературы, но — къ великому сожалѣнію—очень кратко, почти исключительно со стороны ритма и слога. Книгу заключаютъ «дополнительныя Примѣчанія» (с. 129—210), представляющія весьма важный и любопытный разборъ иностранныхъ словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и образцы переходнаго состоянія западныхъ славянскихъ нарѣчій и русскаго языка изъ памятниковъ XIII—XIV в. съ важными филологическими объясненіями или вѣрнѣе—указаніями постепенныхъ отклоненій отъ древняго строя. Изслѣдованіе Срезневскаго стоитъ на положительной, твердой почвѣ историческихъ и сравнительныхъ данныхъ: *первыя* онъ заимствуетъ изъ памятниковъ книжнаго старо-славянскаго языка, переписанныхъ на Руси въ XI—XIV в., съ русскими отклоненіями изъ памятниковъ народнаго русскаго языка XII—XIV в., на которыхъ совсѣмъ, или почти совсѣмъ не налегло вліяніе книжное, и изъ данныхъ новаго народнаго языка въ его мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ, сохранившихъ во многомъ черты глубокой древности, *вторыя*— онъ беретъ изъ памятниковъ прочихъ славянскихъ нарѣчій, преимущественно чешскаго и сербскаго, какъ болѣе древнихъ... Уже изъ этого сжатаго обозрѣнія труда г. Срезневскаго можно видѣть важность его какъ для филологической науки, такъ и для науки исторіи русской литературы: имъ положены основанія собственной исторіи русскаго языка, столь тѣсно связанной съ исторіей письменности.

167) Сначала въ Актѣ Импер. С.-Петербургскаго Университета 1849 г.—безъ приложеній, потомъ отдѣльно, Спб. 1850, 8°, с. 210. Изъ рецензій, какъ на единственную, имѣющую ученый характеръ, можно указать на ст. профес. Ѳ. И. Буслаева въ Отечеств. Запискахъ 1850, № 10, стр. 13—58. Рецензія И. И. Давыдова (Отчеты 2-го Отд. Акад. Н. 1852 г., с. 320—329) не стоитъ истертаго гроша.

62. Вліяніе «Мыслей» Срезневскаго незамедлило сказаться въ наукѣ: дальнѣйшему развитію положеній, высказанныхъ въ этой книгѣ, былъ посвященъ трудъ П. А. Лавровскаго «О языкѣ сѣверныхъ русскихъ лѣтописей» [168]), въ которомъ, за историко-филологическимъ введеніемъ, посвященнымъ разсмотрѣнію вопроса о первоначальномъ единствѣ русскаго языка и позднѣйшемъ раздѣленіи его на два нарѣчія,—изслѣдуются отличительныя свойства его въ древнемъ его строѣ, равно принадлежащія всѣмъ областямъ Государства Русскаго, затѣмъ—представляется характеристика стариннаго языка русскаго, образовавшагося послѣ забвенія древнихъ формъ изъ замѣны ихъ новыми, наконецъ—опредѣляются тѣ особенности языка русскихъ сѣверныхъ лѣтописей, которыя отличаютъ его, какъ нарѣчіе мѣстное. Трудъ г. Лавровскаго представляетъ превосходный пополнительный комментарій къ «Мыслямъ» г. Срезневскаго; наиболѣе самостоятельная часть его касается синтактическихъ особенностей древняго языка. Къ тому же роду изслѣдованій относятся и два другіе мемуара П. А. Лавровскаго: «Замѣчанія объ особенности словообразованія и значенія словъ въ древнемъ русскомъ языкѣ» [169]) и «О русскомъ полногласіи» [170]).

Странности языка «Договоровъ Русскихъ съ Греками» уже давно обратили вниманіе ученыхъ; установилось убѣжденіе, что «Договоры» переведены съ греческаго. Подробному филологическому доказательству сей темы посвященъ трудъ Н. А. Лавровскаго [171]). Онъ видитъ въ Договорахъ византійское вліяніе и во внѣшней формѣ, въ построеніи періодовъ и отдѣльныхъ предложеній, въ синтактическихъ особенностяхъ, въ отдѣльныхъ сло-

вахъ и выраженіяхъ. Объ этомъ трудѣ г. Н. Лавровскаго мы еще распространимся впослѣдствіи. Въ 1855 г. проф. Буслаевъ издалъ рядъ филологическихъ характеристикъ нѣкоторыхъ рукописей синодальной библіотеки, подъ заглавіемъ: «Палеографическіе и филологическіе матерьялы для исторіи письменъ Славянскихъ»[172]), къ нимъ пр. Срезневскій прибавилъ нѣкоторыя пополненія[173]).

168) Спб. 1852, 8°, с. 160 и 2 неп. Рецензія (Корелкина) въ Отеч. Зап. 1853, № 2, с. 27—30.

169) Извѣстія Академіи Наукъ по отдѣленію русскаго языка и словесности, т. II, 1853, с. 273—291, и Историческія чтенія о языкѣ и словесности. Спб. 1854, с. 195—219.

170) Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. V, Спб. 1859, с. 191—240.

171) «О византійскомъ элементѣ въ языкѣ договоровъ Русскихъ съ Греками». Спб. 1853, 8°, с. 159.

172) Въ книгѣ: «Матерьялы для исторіи письменъ восточныхъ, греческихъ, римскихъ и славянскихъ», изготовл. къ столѣтнему юбилею Московскаго Университета. М. 1855, in f°, с. 1—58.

173) «Матерьялы для сравнительнаго словаря и грамматики, т. III, Спб. 1856, с. 167—171.

63. 1856 г. появилась достопамятная «Записка о древнемъ языкѣ русскомъ»[174]) М. П. Погодина, достопамятная не своими учеными достоинствами (ихъ въ ней почти нѣтъ), а тѣмъ возбужденіемъ, которое она вызвала въ филологической литературѣ. Погодинъ утверждалъ тождество языка русскаго со старославянскимъ или происхожденіе перваго отъ послѣдняго, утверждалъ, что до татарскаго времени не существовало ни Малороссіянъ, ни Малороссійскаго нарѣчія, что Великороссіяне — древнѣйшіе поселенцы полянской земли... Указываемъ важнѣйшія статьи сюда относящіяся или вызванныя филологическими положеніями Записки Погодина:

а) М. А. Максимовича: «Филологическія письма» въ Рус-

ской Бесѣдѣ 1856, кн. 3-я, стр. 78—139. Въ высокой степени интересная и содержательная статья [175]).

б) М. П. Погодина: «Отвѣтъ на «филологическія письма М. А. Максимовича», въ Русской Бесѣдѣ 1856, кн. 4-я, с. 124—141.

в) М. А. Максимовича: «Отвѣтныя письма М. П. Погодину», въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 2, с. 80—104 [176]).

г) М. П. Погодина: «Отвѣтъ на два послѣднія письма М. А. Максимовича», въ Русской Бесѣдѣ 1857, № 3, с. 97—107.

д) П. А. Лавровскаго: «Обзоръ замѣчательныхъ особенностей нарѣчія малорусскаго сравнительно съ великорусскимъ и другими славянскими нарѣчіями», въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщ. 1859, № 6, стр. 225—266. Изслѣдованіе очень важное, разсматривающее предметъ исторически.

е) П. А. Лавровскаго: «Отвѣтъ на письма г. Максимовича къ г. Погодину о нарѣчіи Малорусскомъ» въ журн. «Основа» 1861, № 8, стр. 14—40.

ж) П. А. Лавровскаго: «По вопросу о Южно-Русскомъ языкѣ» въ жур. «Основа» 1861, кн. 11—12, стр. 72—83.

з) М. А. Максимовича: «Новыя письма къ М. П. Погодину «О старобытности малороссійскаго нарѣчія» и въ газетѣ «День» 1863, № 8, 10, 15 и 16 и отдѣльно М. 1863, in 16°, с. 70 [177]). Необходимое дополненіе къ статьѣ «Филологическія письма».

Сказать, что полемика о старобытности южно-русскаго языка—привела къ опредѣленному рѣшенію вопроса тѣмъ менѣе можно, что этого рѣшенія—нѣтъ и понынѣ, послѣ открытія новыхъ данныхъ, послѣ серіозныхъ изслѣдованій гг. Потебни, Житецкаго и др., но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и не занести ее въ лѣтописи русской исторической филологіи, хотя бы и потому, что чрезъ нее многіе частные вопросы получили свое освѣщеніе, что она собрала матеріалъ по исторіи языка въ знатномъ количествѣ.

174) Въ «Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ» т. V, Спб. 1856, стр. 70—92 и «Историческія чтенія о языкѣ и Словесности» Спб. 1857, с. 8—40; статья, перепеч. также въ «Из-

слѣдованіяхъ, замѣчаніяхъ и лекціяхъ о русской исторіи» Погодина, т. VII, 1856, стр. 410—442.

175) См. также «Собраніе сочиненій» М. Максимовича, т. III, К. 1880, стр. 183—243.

176) См. также Ibidem 247—272.

177) И въ «Собр. сочиненій» т. III, 273—311.

64. Въ 1858 году появился «Опытъ исторической грамматики русскаго языка», написан. проф. Буслаевымъ [178]). Каковы бы ни были недостатки этого труда, замѣченные въ свое время критикой — нельзя не усвоить ему не только важнаго значенія вообще, но и значенія труда, дѣлающаго своего рода эпоху, не замѣненнаго пока ничѣмъ лучшимъ, обильнаго матеріаломъ, тщательно извлеченнымъ изъ огромнаго количества памятниковъ, труда—вліяніе котораго чувствуется чуть ли не въ каждомъ изслѣдованіи, посвященномъ русскому историческому языкознанію или касающемся его вопросовъ. Второй томъ, содержащій синтаксисъ—работа совершенно новая и самостоятельная, ибо авторъ на семъ полѣ не имѣлъ предшественниковъ.

Объ «Исторической Хрестоматіи церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ»—того же автора—мы имѣли случай распространяться выше, на стр. 282.

Весьма удачный опытъ приложенія филологической критики текста къ рѣшенію одного историко-литературнаго вопроса представляетъ мемуаръ П. С. Билярскаго: «Замѣчанія о языкѣ сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемаго Нестору, сравнительно съ языкомъ лѣтописи» [179]). Разности словоупотребленія (=слога) въ обоихъ произведеніяхъ ведутъ къ заключенію, что авторы ихъ различны. Работа—небольшая, но отчетливая!

178) Москва, 1858, 8°, ч. I, с. XL+244; ч. II, с. 428. Второе (1863), третье и четвертое, (М. 1875)—изданія вышли уже подъ заглавіемъ: «Историческая грамматика русскаго языка», но безъ важнаго «Предисловія» перваго изданія, заключающаго въ себѣ библіографическій перечень пособій. Рецензій труда было очень много, но вниманія заслуживаютъ

только слѣдующія: К. Аксакова, въ Русской Бесѣдѣ 1859, т. V—VI, а равно и въ его «Филологическихъ Сочиненіяхъ (2-й томъ Полн. Соб.) 1875, с. 439—650; П. А. Лавровскаго: «Записка о 2-въ изданіи I части Исторической Грамматики Ѳ. И. Буслаева, Спб. 1865 г., с. 52, какъ 3-е «Приложеніе» къ VIII т. «Записокъ Академіи Наукъ»; Майкова въ «Библіотекѣ для чтенія» 1859, № 10, с. 1—48; № 11, с. 1—50; № 12, с. 1—68; Гатталы въ Časopisѣ česk. Musea, 1862: I, 84—89; II, 133—160 и IV, с. 323—344 и отдѣльно Р. 1862, стр. 56; а равно и въ статьѣ: «Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruská», въ Časop. česk. Mus. 1864, sv. II, 187—212 и III, 227—249, и отдѣльно. Колосова: «Замѣтки о звукахъ русскаго и старославянскаго языковъ» (по поводу 3-го изд. Историч. Грамматики Буслаева и т. д. въ «Филологическихъ Запискахъ» 1872, годъ XI, с. 1—29, и отдѣльно, Воронежъ, 1872, 8°, с. 29.

179) Записки Академіи Наукъ 1862, т. II, стр. 109—120.

65. Самыми важными трудами послѣдняго времени въ области историческаго русскаго языкознанія должно признать изслѣдованія проф. А. А. Потебни:

а) «Два изслѣдованія о звукахъ русскаго языка: 1 — о полногласіи и 2 — о звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій». Воронежъ, 1866, с. 156, 8°.

б) «Замѣтки о малорусскомъ нарѣчіи». Воронежъ, 1871, с. 134, 8°.

в) «Къ исторіи звуковъ русскаго языка». Воронежъ, 1876, с. VI+243 и II т. Варш. 1880, с. 31+70+25.

г) «Изъ записокъ по русской грамматикѣ: I—«Введеніе». Воронежъ, 1874, с. 157; II—«Составные члены предложенія и ихъ замѣны въ русскомъ языкѣ». Харьк. 1874, 8°, с. 538 [180]).

«Изслѣдованіе о полногласіи» дѣлаетъ значительный шагъ впередъ сравнительно съ предшествующими трудами: оно не только значительно увеличиваетъ матеріалъ вопроса, расширяетъ и исправляетъ прежнія рѣшенія, но, опираясь на данныхъ сравнительнаго языкознанія, пытается объяснить, почему полногласіе овладѣло не всѣмъ запасомъ словъ, гдѣ могло бы повидимому

появиться, а только частью его, почему оно не явилось въ такихъ, напримѣръ, словахъ, какъ *слава*, *трава*, *дремать* и т. д.

Статья «О звуковыхъ особенностяхъ русскихъ нарѣчій» самостоятельнымъ путемъ рѣшаетъ важный вопросъ о ходѣ раздѣленія русскаго языка, времени этого явленія и характеристическихъ признакахъ нарѣчій по отношенію, впрочемъ, только къ звукамъ.

Дальнѣйшему развитію тѣхъ же вопросовъ посвящены и «Замѣтки» и ст. «Къ Исторіи звуковъ» (№ 6 и в). Послѣдній трудъ снова пересматриваетъ вопросъ о нарѣчіяхъ въ древнемъ русскомъ языкѣ и «полногласіи».

«Записки по русской грамматикѣ»—имѣютъ особый для насъ интересъ во 2-й своей части. Такого стройнаго, методическаго и вмѣстѣ съ тѣмъ богатаго историческимъ и сравнительнымъ матеріаломъ изслѣдованія надъ синтаксисомъ русскаго языка въ его древнемъ и новомъ видѣ — еще не было въ нашей филологической литературѣ.

180) За вычетомъ послѣдняго тома, представляющаго отдѣльный оттискъ изъ «Записокъ Харьковскаго Университета», всѣ предыдущіе—оттиски изъ «Филологическихъ Записокъ», изд. г. Хованскимъ въ Воронежѣ 1864—76 гг., а II т. «Къ исторіи звуковъ» — оттискъ изъ «Русскаго Филологическаго Вѣстника» 1879. Оцѣнку сихъ трудовъ И. И. Срезневскимъ см. въ «Запискахъ Академіи Наукъ» т. XXVII, Спб. 1876, с. 78—121.

66. Трудъ проф. М. А. Колосова: «Очеркъ исторіи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI стол.» Варш. 1872, 8°, с. 190—имѣетъ своею задачею опредѣлить особенности звуковъ и формъ русскаго языка изъ столѣтія въ столѣтіе, отъ первыхъ памятниковъ письменности до XVI в. Это — систематическій и надобно сказать — очень тщательно и добросовѣстно выполненный—сводъ данныхъ, находящихся въ памятникахъ, и лингвистическое объясненіе ихъ... Между прочимъ—авторъ имѣлъ въ виду и потребности филологической критики, желалъ дать возможность

опредѣлять время памятниковъ письменности на основаніи филологическихъ признаковъ. Можно, конечно, и не находить вполнѣ удобнымъ расчлененія языка памятниковъ по столѣтіямъ; правильнѣе было бы—на нашъ взглядъ—періоды развитія языка (или измѣненій въ немъ) опредѣлять иными стадіями, чѣмъ столѣтіями, тѣмъ не менѣе, это обстоятельство нисколько неуменьшитъ важности данныхъ, собранныхъ г. Колосовымъ—для филологической критики текстовъ. Книга его въ этомъ отношеніи—доселѣ единственная. Нужно умѣть только пользоваться ею... Пользуясь ею не должно напр. забывать, что авторъ работалъ почти исключительно по печатнымъ матеріаламъ, стало быть во многихъ случаяхъ былъ въ зависимости отъ исправности изданія, отъ умѣнія издателей правильно прочесть и издать тексты. Что неправильности въ чтеніяхъ и изданіяхъ существуютъ—въ томъ, кажется —не можетъ быть сомнѣнія.

Какъ *дополненіе* къ «Очерку исторіи звуковъ и формъ» должно разсматривать изслѣдованіе того же автора подъ заглавіемъ: «Загадочные звуки въ исторіи русскаго языка», Варш. 1876, 8°, с. 43. Такими загадочными звуками въ исторіи русскаго языка пр. Колосовъ называетъ звукъ ы и ѣ. Изслѣдованіе имѣетъ полемическій характеръ, тонъ его не вездѣ отвѣчаетъ достоинству ученаго спора, но фактическія замѣчанія автора представляются основательными и заслуживающими полнаго вниманія, хотя авторъ и не приходитъ къ твердымъ положительнымъ,—а только къ вѣроятнымъ предположительнымъ заключеніямъ.

67. Обойденный пр. Колосовымъ вопросъ о времени раздѣленія русскаго языка на два главныя нарѣчія подвергнутъ былъ спеціальному разсмотрѣнію г. П. Житецкимъ, хотя только съ одной стороны, со стороны—малорусскаго нарѣчія. Сочиненіе Житецкаго носитъ названіе: «Очеркъ звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія», Кіевъ 1876, 8°, с. 376. Для рѣшенія вопросовъ о происхожденіи и сущности малорусскаго нарѣчія, г. Житецкій

считаетъ необходимымъ итти путемъ исторіи: сначала онъ предлагаетъ *теоретическую* попытку разграничить древне-русскій языкъ отъ старославянскаго и обоихъ ихъ отъ нарѣчій велико-и малорусскаго. Это приводитъ его къ вопросу о праязыкѣ вообще, праязыкѣ славянскомъ, праязыкѣ русскомъ и отношеніяхъ послѣдняго къ древне-русскому. Темные вопросы рѣшаются г. Житецкимъ путемъ болѣе теоретическимъ, чѣмъ опытнымъ: а потому при всемъ интересѣ и остроуміи его рѣшеній, они не вездѣ имѣютъ строго научный опредѣленный характеръ и ничего не прибавляютъ къ ученымъ достоинствамъ сочиненія. Иное выходитъ, когда авторъ выбирается изъ лабиринта праязычныхъ теорій на путь историческихъ фактовъ: здѣсь онъ идетъ твердою поступью и приходитъ иногда къ выводамъ не только новымъ, но и вѣрнымъ или очень вѣроятнымъ. Во многихъ пунктахъ критика разойдется съ авторомъ: она можетъ указать не мало положеній, принятыхъ имъ на вѣру, исторически недоказанныхъ и необоснованныхъ (таково напр. одно изъ основныхъ его положеній, что движеніе звуковъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ началось съ паденія глухихъ гласныхъ, что это послѣднее можетъ быть доказано въ древнѣйшихъ памятникахъ даже *палеографически* и т. д.), но сколько бы ни нашлось такихъ частныхъ недостатковъ въ его трудѣ, — они маловажны сравнительно съ положительными его достоинствами. Разсмотрѣніе исторіи звуковъ малорусскаго языка, наполняющее болѣе двухъ-третей книги, сдѣлано очень тщательно. Все изслѣдованіе Житецкаго исполнено въ шлейхеровскомъ, болѣе физіологическомъ, чѣмъ историческомъ направленіи; но безотрадно — суровый формализмъ натуралиста-учителя—у ученика смягченъ и оживленъ: съ разсмотрѣніемъ внѣшней звуковой исторіи малорусскаго нарѣчія г. Житецкій соединяетъ разсмотрѣніе нѣкоторыхъ общихъ вопросовъ не только по исторіи русской вѣтви славянскихъ нарѣчій (гл. IV: общіе выводы), но и вообще по славянской древности и языку (ib. и отчасти гл. I). Такое стремленіе связать исторію языка съ исторіею народа — заслуживаетъ признанія, хотя какъ всякаго рода вер-

вые попытки — оно имѣетъ предположительный, теоретическій характеръ, заключаетъ въ себѣ не только много спорнаго, но и прямо неудачнаго. Весьма важны обильныя приложенія образцовъ малорусскаго нарѣчія и говоровъ съ объяснительными примѣчаніями автора. Вообще, несмотря на то, что трудъ г. Житецкаго и не вездѣ имѣетъ строго историческій характеръ и держится почвы положительнаго знанія, онъ и по обширности изслѣдуемыхъ вопросовъ и задачъ, по добросовѣстному и такъ сказать любовному отношенію къ дѣлу, и по очень многимъ удачнымъ частнымъ рѣшеніямъ, представляетъ весьма замѣчательную и не мало въ научномъ отношеніи полезную работу. Обстоятельныя рецензіи труда г. Житецкаго принадлежатъ: В. В. Ягичу въ Archiv für slav. Phil. II, с. 348—363 и А. А. Потебнѣ въ Отчетѣ о Двадцатомъ присужденіи Уваровскихъ наградъ. Спб. 1878, с. 764—839.

68. Разработкѣ особыхъ отдѣловъ и частныхъ вопросовъ исторіи русскаго языка, каковы: системы древняго правописанія, исторія отдѣльныхъ звуковъ и формъ языка, исторія словъ или лексиконъ, областныя видоизмѣненія языка какъ въ грамматическомъ, такъ и въ лексикальномъ отношеніи и пр.—посвящено не мало трудовъ и между ними нѣсколько очень замѣчательныхъ. Важность системъ древняго правописанія, необходимость строго отличать пріемы его — ясны для каждаго, кто занимался вопросами развитія звуковъ и формъ языка и филологической критикой... Къ сожалѣнію, этотъ важный предметъ вызвалъ доселѣ лишь два небольшихъ труда, скорѣе очерка, чѣмъ изслѣдованій въ строгомъ смыслѣ: одинъ изъ нихъ принадлежитъ Н. А. Лавровскому и находится въ его сочиненіи «О древне-русскихъ училищахъ»[181]); другой—И. И. Срезневскому[182]). Оба очень важны, но столь кратки, что нельзя не пожелать болѣе подробныхъ. Для Н. А. Лавровскаго вопросъ о древнемъ правописаніи имѣлъ не столько критико-филологическій характеръ, сколько педагогическій, какъ часть старорусскаго «обученія письму», очеркъ же

Срезневскаго есть только начало труда, продолженію и развитію котораго онъ имѣлъ намѣреніе посвятить одинъ отдѣлъ составляемой имъ «славяно-русской палеографіи».

Кочубинскому принадлежитъ небольшое, но весьма тщательное изслѣдованіе о томъ, «какъ долго жилъ русскій Супинъ»[183].

Гатталѣ—о нѣкоторыхъ историческихъ вопросахъ русскаго письма и звукословія[184]...

181) Лавровскій, Н. А.: «О древне-русскихъ училищахъ» Хар. 1854, 8°, стр. 132—171, гл.: «Обученіе письму».

182) Срезневскій: «О русскомъ правописаніи» письмо первое, Спб. 1867, ст. 32, и въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. 1867, ч. CXXXIV, с. 449—480.

183) Кочубинскій: «Какъ долго жилъ русскій Супинъ». Ворон. 1872. 8°, с. 12, Отд. отт. изъ «Филолог. Записокъ» 1872, годъ XI, вып. IV, с. 1—12.

184) Hattala: «Výsledky historického jazykozpytu a mluvnice ruska» въ Časop. Česk. Musea, 1864, 187—212 и 227—249 и отдѣльно 8°, с. 48.

69. *Историческій Словарь* русскаго языка — одна изъ самыхъ существенныхъ, настоятельно необходимѣйшихъ потребностей русской историко-литературной науки: безъ него объясненія и критика памятниковъ письменности — не пріобрѣтетъ должныхъ, достовѣрно прочныхъ основаній... Къ сожалѣнію, *такой словарь* есть еще полная дезидерата нашей науки. Есть въ литературѣ нѣкоторыя подготовительныя къ нему работы, заключающіяся или въ словарныхъ указателяхъ и глоссаріяхъ къ древнимъ памятникамъ или въ объясненіяхъ группъ отдѣльныхъ словъ; но все это труды — частнаго характера[185]). Занимался такимъ сравнительно-историческимъ словаремъ, какъ извѣстно — въ послѣднее время своей жизни — С. Б. Линде; но изданный (П. А. Мухановымъ) отрывокъ изъ сего труда, начало на букву К[186]) — не оправдалъ надеждъ и заставилъ даже сомнѣваться въ значительности и важности матеріала, собраннаго знаменитымъ польскимъ лексикографомъ... Столь же мало отвѣчалъ требованіямъ *исто-*

рическаго словаря и изданный въ 1847 г. вторымъ отдѣленіемъ Академіи Наукъ: «Словарь церковно-славянскаго и русскаго языка (см. выше, число 57 in notis)». Полный, строго историческій словарь древняго русскаго языка по памятникамъ — извѣстно — былъ составленъ пок. И. И. Срезневскимъ: матеріалъ былъ весь собранъ и въ главныхъ статьяхъ даже приведенъ въ порядокъ. Окончательно обработанными мы видѣли въ 1874 году нѣсколько первыхъ тетрадей [167])... Пожелаемъ, чтобы это «наслѣдіе» нашего знаменитаго ученаго — неукоснительно и въ достойномъ видѣ стало общимъ достояніемъ науки.

Должно также остановиться и на «Толковомъ Словарѣ живаго Велико-русскаго языка» [168])», составл. В. И. Далемъ, потому что при всемъ такъ сказать — *современномъ характерѣ* своемъ, онъ имѣетъ немалое значеніе и для литературы, и для русскаго историческаго языкознанія. Не входя въ разсужденіе о томъ, въ какой мѣрѣ единичная личность, какъ бы ни были обширны ея знанія и таланты — можетъ быть носителемъ всего запаса языка народа, а слѣдовательно въ какой мѣрѣ выполнима идея Даля составить Словарь на основаніи лишь личнаго единичнаго опыта, — остановимся на томъ, что «Толковый Словарь» представляетъ въ наличности. Значеніе словъ объясняется въ немъ не сухими, произвольными и безплодными опредѣленіями, какъ во многихъ объяснительныхъ словаряхъ, а значительнымъ количествомъ синонимовъ и что еще важнѣе — многочисленными примѣрами, взятыми прямо изъ народной рѣчи, преимущественно — пословицами и поговорками. При каждомъ словѣ сначала объясняется широкое значеніе его, затѣмъ значенія частныя, подчиненныя, сродныя и противуположныя. Разсматривая «Толковый Словарь» съ точки зрѣнія требованій филологической науки, нельзя не замѣтить въ немъ весьма важныхъ недостатковъ: онъ страдаетъ многими невѣрностями въ словопроизводствахъ, онъ нерѣдко сводитъ совершенно различныя слова къ одному корню, нерѣдко предлагаетъ и такія своеобразныя грамматическія опредѣленія, которыя мало отвѣчаютъ современной наукѣ;

очень слаба въ немъ также и обработка исторической стороны языка... Но эти, хотя и очень существенные, недостатки выкупаются другими качествами и достоинствами: а) «Толковый Словарь» представляетъ досел̀ѣ самый полный сборникъ словъ живого велико-русскаго языка въ его различныхъ развѣтвленіяхъ. Для утвержденія или опредѣленія историческаго значенія словъ, а потому и для занятій исторіей языка вообще — этотъ трудъ предлагаетъ пособіе и необходимое и почти всегда надежное, потому что весь *основной* матеріалъ его добытъ трудомъ личныхъ усилій и опытности автора, или — будучи взятъ изъ другихъ — критически провѣренъ имъ на народномъ употребленіи. Есть въ Словарѣ — слова составленныя, образованныя самимъ лексикографомъ, но они допущены лишь въ объясненіяхъ, а не въ основномъ текстѣ; б) Словарь Даля имѣетъ важное значеніе, какъ *источникъ историческій:* онъ представляетъ итоги внутренней исторіи русскаго народа, выводъ, до котораго дошла она въ своемъ развитіи... Онъ столько же важенъ въ этомъ смыслѣ и для исторіи, сколько и для народности или этнографіи: стоитъ замѣнить словарное расположеніе предметнымъ, и изслѣдователь получитъ въ немъ изображеніе современной жизни русскаго народа, живую картину его современнаго нравственнаго бытія и дѣятельности, его нуждъ и потребностей, его мыслей, наивныхъ вѣрованій, нравовъ и обычаевъ; в) наконецъ, — Словарь Даля можетъ имѣть немаловажное значеніе для дальнѣйшихъ успѣховъ русскаго литературнаго языка и русской литературы вообще: предлагая собою чистый источникъ народной рѣчи, онъ можетъ оживить поблекшую прозу русскаго современнаго литературнаго языка и до нѣкоторой степени возвратить ей образность и свѣжесть, которыя все болѣе и болѣе становятся однимъ преданіемъ...

185) Въ «Матеріалахъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики» помѣщены, въ томѣ I, Спб. 1854: а) Н. Г. Чернышевскаго: «Опытъ Словаря къ Ипатьевской лѣтописи, стр. 512—576; б) Протопопова: «Сборникъ словъ изъ Яренскихъ столбцовъ», стр. 120—144, 198—209; въ томѣ

II, Спб. 1856: в) П. А. Лавровскаго: «выборъ словъ изъ лѣтописей Новгородскихъ и Псковскихъ с. 1—33; г) А. Н. Пыпина: «Словарь къ Новгородской первой лѣтописи», стр. 33—126; д) П.А. Лавровскаго: «Замѣчательныя слова изъ Переяславской лѣтописи», стр. 126—128; Ст. Погодина: «Опытъ Историч. объясненія древнихъ словъ» въ «Извѣстіяхъ II Отд.» II, 328—341 и въ «Историч. чтеніяхъ о яз. и словесн.» т. I, 1854, с. 230—249. Кромѣ сего въ указателяхъ при разныхъ изданіяхъ памятниковъ, въ Предисловіяхъ къ нимъ (напр. въ изд. «Псковской лѣтописи» Погодина М. 1837 и разныхъ изд. О. М. Бодянскаго); сюда же отчасти относится и кн. Н. Я. Аристова: «О промышленности въ древней Руси». Спб. 1866. Изъ рецензія Срезневскаго (въ Отчетѣ о восьмомъ присужденіи наградъ гр. Уварова, Спб. 1866, с. 14—16) извѣстно, что г. Носовичъ составилъ весьма важный объяснительный словарь стараго дѣлового языка западной Руси по «Актамъ, относящимся къ исторіи Западной Руси»; но сей трудъ—сколько знаемъ—доселѣ не изданъ. Другія попытки въ этомъ родѣ принадлежатъ: г. Новицкому (Справочный Словарь юридическихъ терминовъ древняго актоваго языка юго-западной Россіи», Кіевъ. 1871, 8°, 31 стр. и въ Университ. Извѣстіяхъ того же года. Трудъ не филологическаго, а указательнаго характера!) и Горбачевскимъ, въ его изд.: «Словарь древняго актоваго языка сѣверо-западнаго края и Царства Польскаго», Вил. 1874. Матеріалъ хорошій, но обработка очень недостаточная и въ филологическомъ и въ историческомъ отношеніи, см. рец. Н. П. Барсова въ «Восьмнадцатомъ присужденіи наградъ графа Уварова», Спб. 1876, стр. 36—53.

186) Линде: «Матерьялы для сравнительнаго русскаго Словаря». Варш. 1845, 4°, с. XII+24.

187) Планъ изданія этого Словаря изложенъ пок. Срезневскимъ въ «Трудахъ перваго археологическаго съѣзда», М. 1871, I, стр. CXXXIV—CXXXVIII.

188) «Толковый Словарь живаго Велико-русскаго языка». М. 1863—68, 4°, 4 тома. стр. LIV+2388 (въ цѣломъ) и много листовъ «Приложеній», содержащихъ дополненія. Разборъ, написанный Я. К. Гротомъ — въ «Филологическихъ Разысканіяхъ» послѣдняго (изд. 2-е). Спб. 1876, I: стр. 1—60; ср. мою замѣтку въ «Бесѣдахъ Общ. Любителей Россійской Словесности», II, 1868, М., с. 91—4. Для *исторіи* Словаря см. ст.

А. Н. Пыпина: «По поводу толковаго Словаря Даля» въ Вѣстникѣ Европы 1873, № 12, с. 883—908.

70. Какъ существенная часть *исторіи русскаго языка*, какъ одинъ изъ важныхъ отдѣловъ *историческаго словаря русской рѣчи* — должны быть названы *«иноземныя слова въ языкѣ русскомъ»*. Предметъ сей стоитъ съ исторіей языка и литературы въ болѣе тѣсной связи, чѣмъ можетъ казаться съ перваго взгляда: нигдѣ вліяніе чуждыхъ образованностей на народную жизнь не выступаетъ столь рѣшительно, какъ въ заимствованіяхъ чуждыхъ словъ. Нужно только умѣнье правильно опредѣлять время сихъ заимствованій и степень необходимости или случайности ихъ. Понятно, какое важное подспорье для своихъ рѣшеній получаютъ въ историко-филологическомъ изслѣдованіи чужеземныхъ словъ — наука исторіи литературы, которая стремится къ той же цѣли раскрытія состоянія общественной образованности въ литературныхъ произведеніяхъ даннаго времени, и наука исторіи языка, преслѣдующая между прочимъ отчасти ту же задачу по отношенію къ языку. При филологической критикѣ, при опредѣленіи источниковъ, мѣста и времени происхожденія письменныхъ памятниковъ — разборъ иноземныхъ словъ приводитъ нерѣдко къ весьма важнымъ заключеніямъ...

По разбору иностранныхъ словъ въ славянскихъ нарѣчіяхъ (см. выше, подъ числами 47, 53) и русскомъ языкѣ въ особенности сдѣлано уже немало: есть спеціальныя изслѣдованія древнихъ словарныхъ заимствованій, отдѣльныхъ словъ и отдѣльныхъ группъ словъ, есть цѣлые словари иноземныхъ, преимущественно восточныхъ — словъ, вошедшихъ какъ въ общій русскій языкъ, такъ и въ областныя его части; но за вычетомъ очень немногихъ спеціальныхъ указаній — большинству сихъ трудовъ недостаетъ прочной исторической основы и пріемовъ историческаго изслѣдованія, отчего и самыя сближенія нерѣдко страдаютъ произволомъ, а выводы шаткостью. Самыя важныя, хотя и отрывочныя замѣтки объ отдѣльныхъ словахъ принадлежатъ Срезневскому, Буслаеву, Гроту и отчасти Шлейхеру [180]). Менѣе обстоя-

тельны и менѣе обработаны сближенія русскихъ словъ съ восточными, сѣверными, финскими, предложенныя Эрдманомъ, Григорьевымъ, Казембекомъ, Шегреномъ, Березинымъ, Бобровниковымъ, Ковалевскимъ, Петровымъ, Сабининымъ, Бутковымъ[190]) и др.; но и здѣсь находится очень немало годнаго матеріала, которымъ наука воспользуется при будущемъ разборѣ дѣла...

189) а) Срезневскій въ кн. «Мысли объ исторіи русс. языка», Спб. 1850, стр. 129 sq; б) Буслаевъ: «Иностранныя слова въ славянскихъ нарѣчіяхъ», въ Журн. Мин. Нар. Пр. 1867, № 8, стр. 540—560 и отд. от. s. t. 21 стр.; в) Гротъ: «Областныя великорусскія слова финскаго происхожденія» въ кн. «Матер. для сравнит. и объяснит. Словаря» т. I, с. 65 sq. и въ кн. «Филологическія Разысканія» Спб. 1876, т. I, с. 470—4; г) его же: «Областныя великорусскія слова, сходныя съ скандинавскими» въ «Матеріалахъ для срав. и об. Слов.» I, 38 sq. и «Филологич. Разысканіяхъ» I, 456—69; д) его-же: «Сравнительно-филологическія и другія замѣтки о нѣкоторыхъ словахъ», Матер. I, 113 sq. III, 348 sq.; «Филол. разысканія» I, 475—482; е) его-же: «Слова, взятыя съ польскаго, или чрезъ посредство польскаго» въ «Филол. Разыск.» I. 483—6; ж) Шлейхеръ: «Краткій очеркъ доисторич. жизни сѣверо-восточнаго отд. индо-германск. языковъ», Спб. 1865, стр. 4—8.

190). 1) Эрдманнъ: «Изъясненіе нѣкоторыхъ словъ, перешедшихъ изъ восточныхъ языковъ въ Россійскій». Казань. 1828, 8°, 23 и въ «Трудахъ и Лѣтоп. Общ. Ист. и древн.» 1830, ч. V, стр. 215—245.

2) Григорьевъ, В. В.: «Областныя великорусскія слова, восточнаго происхожденія», въ изд. «Матеріалы для сравн. Словаря», т. I, с. 14 sq., 68 sq.

3) Казембекъ: «Объясненіе русскихъ словъ сходныхъ съ восточными» въ изд. «Матеріалы» etc. I, с. 22 sq. 71 sq., 385 sq.

4) Шегренъ: «Матеріалы для сравненія областныхъ великорусскихъ словъ со словами языковъ сѣверныхъ и восточныхъ» въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря», т. I, с. 145 sq.

5) Березинъ: «Замѣчанія о восточныхъ словахъ въ областномъ великорусскомъ языкѣ» въ изд. «Матеріалы для словаря» I, с. 186 sq., 323 sq.

6) Березинъ: «Нѣсколько замѣчаній объ опредѣленіи иностранныхъ словъ въ русскомъ языкѣ» въ журн. «Москвитянинъ» 1852, № 8, с. 106—9.

7) Бобровниковъ: «Областныя великорусскія слова, заимствов. отъ Монголовъ и Калмыковъ», въ изд. «Матеріалы для ср. Словаря,» I, 193 sq.

8) Ковалевскій: «Списокъ словъ великорусскихъ, заимствованныхъ изъ монгольскаго» въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря» I, 377 sq.

9) Петровъ: «Списокъ нѣк. великорусскихъ словъ, сродныхъ или сходныхъ съ восточными», въ кн. «Матеріалы для ср. Словаря» I, 81.

10) Сабининъ: «Матеріалы для сравненія русскаго языка съ скандинавскимъ» въ кн. «Матеріалы для срав. Словаря» II, 129 sq.

11) Бутковъ: О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ. Спб. 1842; 8°, с. 65 и въ «Трудахъ Россійской Академіи» 1842, ч. V.

Упомяну еще о весьма странномъ ученомъ произведеніи проф. Мухлинскаго: «Źródłosłownik wyrazów, które przeszły do naszej mówy z języków wschodnich». Spb. 1858, 8°, с. 158. Здѣсь уже все идетъ съ Востока.

71. Значеніе областныхъ нарѣчій для исторіи языка давно сознано: съ одной стороны въ нихъ нерѣдко находимъ такія грамматическія свойства, которыя, уцѣлѣвъ съ глубокой древности, объясняютъ очень многое темное въ *формальномъ* строѣ различныхъ историческихъ измѣненій языка; съ другой — областной языкъ сохранилъ еще во многихъ случаяхъ и древнія слова и свѣжія образныя знаменованія словъ, знаменованія древнія, а потому важныя при объясненіи древности вообще и внутренней бытовой стороны исторіи языка [191]). Труды по областнымъ нарѣчіямъ начались еще въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія, собирались матеріалы словарные и грамматическіе разными лицами, между прочимъ Макаровымъ, Шаховскимъ, Дмитрюковымъ, Фортунатовымъ, Суровцовымъ [192]) и въ особенности П. И. Кеппеномъ [193]). Были попытки приложенія данныхъ областного языка къ разъясненію темныхъ терминовъ въ древне-

русскихъ памятникахъ [104])—и попытки небезуспѣшныя! Въ особенности оживился интересъ къ собиранію данныхъ областного языка съ того времени, какъ бывшая «Россійская Академія» преобразовалась во «Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ» и трудами по составленію Словаря Церковно-Славянскаго и Русскаго языка была приведена къ мысли о необходимости составленія такого же Словаря областного языка. Составленные по вызову II Отдѣленія Академіи Наукъ — различными лицами по большей части преподавателями гимназій, училищъ и учениками — Сборники областныхъ словъ, сведенные въ одно—явились въ 1852 г. въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря», а въ 1858 г. появилось полновѣсное «Дополненіе» къ нему [105]). Оба изданія имѣютъ несомнѣнно важное ученое значеніе по богатству собраннаго матеріала; но послѣднему недостаетъ полной ученой достовѣрности; ибо къ истинному народному въ немъ нерѣдко примѣшивается измышленное, и иногда завѣдомо намѣренно измышленное, или же дурно записанное, а потому — сомнительное. Только при умѣніи отдѣлять истину отъ лжи — возможно пользоваться сими областными словарями надлежащимъ образомъ. Немаловажное значеніе при такой критической провѣркѣ можетъ имѣть «Толковый Словарь живаго Великорусскаго языка» Даля. Гораздо болѣе тщательности въ обработкѣ представляетъ «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія» [106]), составленный Носовичемъ, и даже скромный «Словарь малороссійскихъ идіомовъ», собранный Н. Закревскимъ [107]). Трудъ Носовича—въ своемъ родѣ образцовый: «бѣлорусскія слова объясняются переводомъ на русскій письменный языкъ или описаніями. Отмѣчены и оттѣнки значенія словъ. Къ объясненіямъ словъ приложены почти постоянно примѣры ихъ употребленія изъ живой рѣчи, изъ пословицъ и поговорокъ, изъ пѣсенъ, сказокъ, прибаутокъ... Матеріалъ драгоцѣнный, въ значительной части новый. Все приведенное на Бѣлорусскомъ нарѣчіи, при соблюденіи однообразнаго, вообще хорошо выработаннаго правописанія, обозначено удареніями и другими знаками. Словарь Носовича важенъ и тѣмъ, что

только при помощи его «можно начать подробныя разслѣдованія о составѣ Бѣлорусскаго нарѣчія и между прочимъ искать оправдательныхъ доказательствъ предположенію, что въ этомъ нарѣчіи сохранилось очень много древняго, важнаго для исторіи русскаго языка» (слова И. И. Срезневскаго).

Менѣе обширенъ, по матеріалу и даже филологической обработкѣ недостаточенъ трудъ Закревскаго, но какъ первый систематическій опытъ, исполненный, притомъ, со вниманіемъ къ исторической сторонѣ предмета — онъ вполнѣ заслуживаетъ добраго признанія.

Изслѣдованіе филологическое и этнографическое областныхъ нарѣчій только-что начинается. Правда, существуютъ уже съ довольно давняго времени попытки объясненія свойствъ русскихъ областныхъ нарѣчій: для области великорусской—Даля [198]), малорусской—Головацкаго и отчасти Срезневскаго [199]), для Бѣлорусской—Калайдовича и Голотузова [200]), но эти попытки настолько отрывочны, слабы или преслѣдуютъ иныя (гео=и этнографическія не филологическія цѣли, что проф. М. П. Петровскій, представивъ прекрасный очеркъ діалектологическихъ развѣтвленій славянскихъ нарѣчій [201]), остановился предъ вопросомъ о нарѣчіяхъ русскихъ—и не пошелъ далѣе, за неимѣніемъ, конечно, разработанныхъ матеріаловъ.

Изъ трудовъ послѣдняго времени—важнѣйшіе принадлежатъ проф. Колосову, таковы: его наблюденія надъ фактами областного сѣверно-великорусскаго языка, изложенныя въ его Отчетахъ II Отд. Академіи Наукъ и въ особой спеціальной статьѣ, а равно и въ обширномъ сочиненіи «Обзоръ звуковъ и формальныхъ особенностей нарѣчій великорусскаго языка» [202]). Послѣдній трудъ представляетъ систематическую попытку свести въ одно отдѣльныя данныя по областнымъ нарѣчіямъ, уже существующія въ русской наукѣ. Г. Колосовъ разсматриваетъ предметъ съ строго формальной, физіологической стороны. Наличный матеріалъ имъ принятъ во вниманіе весь, или почти что весь, онъ обработанъ весьма тщательно; но, конечно, не такъ, чтобы сдѣ-

лать излишнимъ его перезслѣдованіе съ иныхъ точекъ зрѣнія, исторической и историко-этнографической. Тогда, быть можетъ, придется употребить и иные пріемы изслѣдованія и дать иной порядокъ послѣднему. Во всякомъ же случаѣ — трудъ замѣчательный и очень полезный.

Если мы упомянемъ о статьѣ Лескина «О нарѣчіи русскихъ пѣсенъ Олонецкаго края» (по пѣснямъ Рыбникова) [203]) и небольшомъ изслѣдованіи Владимірова «О сѣверномъ великорусскомъ нарѣчіи, въ памятникахъ письменности XVI—XVII в.» [204])—то, кажется, будемъ имѣть все, что существуетъ въ нашей наукѣ по разработкѣ областныхъ нарѣчій русскаго языка!

191) См. основательную записку Θ. И. Буслаева: «Словарь областныхъ реченій великорусскаго языка» въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ. I, стр. 167—177.

192) Перечень сихъ трудовъ въ предисловіи къ «Опыту областнаго великорусскаго Словаря», Спб. 1852, стр. V—XII. Трудъ Макарова «Опытъ простонароднаго Словотолковника,» напечатанъ отчасти въ Маякѣ 1844, т. XVIII и вполнѣ въ «Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей» 1846—7, именно: годъ I: кн. 4. с. 37—42; годъ II: кн. 3, с. 24—44; кн. 6, с. 1—24; кн. 7, с. 17—27; кн. 9, с. 1—21; годъ III: кн. 1, с. 1—19; кн. 2, с. 33—38; кн. 3, с. 89—120; кн. 4, с. 143—154; кн. 5, с. 145—159; кн. 9, с. 267—295. Оканчивается буквою П. Трудъ, какъ все макаровское—заключаетъ въ себѣ много полезнаго, но еще болѣе вздорнаго. Этимологіи — воловья.

193) Köppen: «Über die von P. v. Köppen gesammelten russischen Sprachproben», въ Bulletin de l'Ac. t. III, p. 506—511 и Mélanges russes, 1861, IV, стр. 210—217.

194) Напр. въ ст. Суровцева: «Нѣчто о собраніи Областныхъ Словъ» въ Ученыхъ запискахъ Казанскаго Университета 1839, кн. II, стр. 193—206 и ст. Діева: «Изъясненіе нѣкоторыхъ выраженій Правды Русской» въ Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія 1839, № 5, с. 47—80. cf. Соловьева въ «Матер. для ср. Слов. и Граммат». I, с. 107—110.

195) а) «Опытъ Областнаго Великорусскаго Словаря». Спб. 1852, 4°, с. XII+275. Рецензіи: Буслаева въ Отечеств. За-

писках 1852, т. LXXXV, № 11, с. 1—54, перепечат. въ авторовыхъ «Историч. очеркахъ рус. нар. литер.» т. I, стр. 151—209; В. Даля въ Вѣстникѣ Русскаго Геграф. Общ., 1852, к. V и отдѣльно, и въ «Толковомъ Словарѣ» (см. ниже), см. замѣтку Я. К. Грота въ «Филолог. Разысканіяхъ» т. I, Спб. 1876, с. 142 sq.; Косвенной рецензіей «Опыта» можно назвать ст. Лавдовскаго: «Русскій языкъ въ областныхъ нарѣчіяхъ», Москвитянинъ 1855, № 13—16, с. 47—66. Ср. Соловьева: «Замѣчанія по поводу опыта области. Великор. Словаря» въ Матеріалахъ для сравн. Словаря и Грамм. т. I, с. 107—113. б) «Дополненіе къ Опыту областнаго Великорусскаго Словаря», Спб. 1858, 4°. стр. 328.

196) Носовичъ: «Словарь Бѣлорусскаго нарѣчія», Спб. 1870, 4°, с. 756. Рец. Срезневскаго въ XXXIV присужденія Демидовскихъ наградъ. Спб. 1866, с. 107—116.

197) Составляетъ третью часть изданія Закревскаго: «Старосвѣтскій Бандуриста». М. 1860 отъ стр. 274—624. Можно здѣсь упомянуть, что начало отдѣльнымъ Малорусскимъ Словарямъ было сдѣлано Аѳанасьевымъ—Чужбинскимъ въ «Матеріалахъ для сравнит. и объяснительнаго Словаря и Грамматики», т. III, 1856, с. 1—176 и Шейковскимъ въ его «Опытѣ Южно-русскаго Словаря», Кіевъ 1861, 8°, вып. I, с. XVII+224 столб.—Только начало предпріятій—безъ продолженія.

198) Даля: «О нарѣчіяхъ Русскаго языка» Спб. 1852, 8°, 72 с., оттискъ изъ V кн. Вѣстника Русск. Геогр. Общ., перепечатанъ въ предисловіи къ IV вып. «Толковаго Словаря живаго Великорусскаго языка», стр. XXV—LIV. Это—та же рецензія «Опыта областнаго Словаря».

199) Головацкій: «Розправа о языкѣ южноруському и его нарѣчіяхъ», Львовъ. 1849, 8°, с. 56; Срезневскій: «Русь Угорская». Отрывокъ изъ «Опыта географіи русскаго языка», Вѣстникъ Географ. Общества, 1852, ч. IV, с. 1—28. Сюда же относится и другая статья Срезневскаго: «Частные вопросы о мѣстныхъ видоизмѣненіяхъ русскаго народнаго языка» въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Ак. Наукъ I, с. 185—8. Ср. его же: «Замѣчанія о матеріалахъ для географіи русскаго языка», Вѣст. Геогр. Общ. 1851, к. I, с. 1—24.

200) Калайдовичъ: «О Бѣлорусскомъ нарѣчіи» въ изд. «Сочиненія въ прозѣ и стихахъ. Труды Общ. Любит. Рос. Словесности, 1822, ч. I, кн. I, с. 67—80; Голотузовъ: «Замѣтки,

касающіяся бѣлорусскаго нарѣчія», Митава, 1852, 4°, с. 49. Замѣтки грамматическія и лексикальныя.

201) Учен. Записки Казанск. Унив. 1866, т. II, с. 388—480 и 1867, т. III, с. 155—191.

202) Труды Колосова: а) «Замѣтки о языкѣ и народной поэзіи въ области сѣверно-великорусскаго нарѣчія». Спб. 1877, 8°, с. 343, пом. въ Сборникѣ статей II Отд. Ак. Н. т. XVII, № 3; б) «Матеріалы для характеристики сѣверно-великорусскаго нарѣчія» въ № 5 Варшав. Универ. Извѣстій 1874, стр. 1—62 отд. отт.; в) «Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей народнаго русскаго языка» Варшава, 1878, 8°, с. III+266. Къ слову—о послѣднемъ сочиненіи замѣчу, что не мало для себя любопытнаго и важнаго Колосовъ нашелъ бы въ Матеріалахъ Кеппена (отмѣченныхъ нами подъ примѣч. 193), хранящихся въ библіотекѣ Академіи Наукъ.

203) Leskien: «Über den Dialect der russischen Volkslieder des Gouvernement Olonec», въ Beiträge z. vergleich. Sprachfor. VI, с. 152—187.

204) Владиміровъ: «Нѣсколько данныхъ для изученія сѣверно-великорусскаго нарѣчія въ XVI—XVII с. Казань, 1878, 8°, с. 39.

72. Сводя все сказанное къ одному и принявъ въ расчетъ недавность времени, съ котораго русской историко-филологической наукѣ стали доступны памятники древне-русскаго языка (говорю о точныхъ, удовлетворяющихъ филолога, изданіяхъ ихъ), и вообще недавность нашихъ занятій исторіей отечественнаго языка, нельзя не признать значительныхъ успѣховъ, но если съ другой стороны—припомнить тѣ требованія и задачи, какія соединяются съ понятіями исторіи русскаго языка и русской историко-филологической критики, то пріидется сказать, что все досел̂ѣ сдѣланное на этомъ полѣ—только хорошее начало. Нетронутыхъ и нерѣшенныхъ вопросовъ—множество, такъ:

а) въ неясномъ свѣтѣ представляется судьба церковно-славянскаго языка на русской почвѣ и постепенный ростъ его русификаціи;

б) не приведенъ къ положительному опредѣленному рѣшенію

вопросъ объ образованіи мѣстныхъ нарѣчій и появленіи ихъ въ памятникахъ письменности;

в) бѣлыя, ничѣмъ ненаполненныя страницы представляетъ исторія слога;

г) системы древняго правописанія указаны лишь въ очень краткихъ очеркахъ;

д) нѣтъ историческаго словаря русскаго языка, а потому почти отсутствуетъ и самая филологическая критика памятниковъ; нѣтъ, наконецъ

е) историческаго изслѣдованія областныхъ нарѣчій.

Б. Письмо. Кириллица и Глаголица.

73. Вопросъ о происхожденіи кирилловскаго и глагольскаго письма и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ—вопросъ очень давній... Намъ, впрочемъ, нѣтъ никакой надобности входить въ разсмотрѣніе всѣхъ высказанныхъ по этому предмету мнѣній: довольно остановиться на тѣхъ только, которыя представляютъ попытку рѣшить вопросъ на основаніи дѣйствительнаго изученія историческихъ данныхъ и потому—прошли не безслѣдно въ наукѣ. Кто захотѣлъ бы ознакомиться съ исторіею вопроса во всей полнотѣ—найдетъ для того обильные критико-библіографическія указанія въ трудахъ А. Фойгта, П. І. Шафарика, Бодянскаго и Гануша [205]).

Кромѣ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго сочиненія Адаукта Фойгта: «Изслѣдованіе о введеніи, употребленіи и измѣненіяхъ письменъ и писанія въ Чехахъ [206]) —въ ученой литературѣ прошлаго столѣтія встрѣчаемъ только одинъ трудъ, основанный на глубокомъ критическомъ изученіи источниковъ: онъ принадлежитъ извѣстному Гел. Добнеру, это: «Набросокъ историко-критическаго вопроса: дѣйствительно ли такъ называемая нынѣ кирилловская азбука должна быть признана изобрѣтеніемъ св. славянскаго апостола Кирилла» [207]). Ближайшимъ поводомъ къ разсмотрѣнію вопроса для Добнера послужило мнѣніе Добровскаго о позднѣйшемъ происхожденіи Глаголицы, которую

онъ считалъ умышленнымъ изобрѣтеніемъ какой-нибудь полуумной монашеской головы XIII или XIV в. Изъ разсмотрѣнія несомнѣнныхъ историческихъ свидѣтельствъ—Добнеръ заключаетъ: что Глаголица существовала уже во времена св. Меѳодія и папы Іоанна VIII, что за нее говоритъ непрерывно до нашего времени сохранившееся папское преданіе, что эти письмена по своей новой, нигдѣ дотолѣ не встрѣчающейся формѣ—несомнѣнно указываютъ на новаго изобрѣтателя, что самое наименованіе ихъ носитъ печать древности и перваго изобрѣтенія... Не встрѣчал такихъ настоящихъ признаковъ истиннаго и современнаго изобрѣтенія въ такъ называемомъ кирилловскомъ алфавитѣ, Добнеръ—естественно—приходитъ къ мысли, что подобно тому какъ Глаголица ложно называлась письмомъ Іеронимовымъ, такъ точно Кириллица ложно называется письмомъ св. Кирилла. Глаголица есть настоящая азбука, изобрѣтенная св. Кирилломъ. Замѣна ея письмомъ греческаго характера произошла впослѣдствіи, при чемъ это письмо подверглось приспособленію къ звукамъ славянскаго языка... Такимъ образомъ Добнеръ былъ родоначальникомъ того мнѣнія, которое въ послѣднее время пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вѣса. Доказательства Добнера, разнообразно видоизмѣняемыя и другими учеными — не убѣдили однако Добровскаго: въ 1807 году онъ издалъ, какъ прибавленіе къ своему сборнику «Slavin»— особое изслѣдованіе о Глаголицѣ [306]). Пересмотрѣвъ всѣ имѣвшіеся въ то время глагольскіе письменные памятники, а равно и свидѣтельства историческія о предметѣ, Добровскій пришелъ къ слѣдующему выводу: преданіе о существованіи старой глагольской Псалтири, писанной будто-бы при солунскомъ архіеп. Ѳедорѣ (820—890)—не имѣетъ основанія, Глаголица появляется лишь въ XII или въ XIII стол. Кроатское и Далматинское духовенство, стремясь сохранить славянское богослуженіе, которое по причинѣ кирилловскихъ буквъ было ненавидимо латинскимъ духовенствомъ и даже запрещаемо—рѣшилось пожертвовать Кириллицею и выдумало Глаголицу, освятивъ ее именемъ бл. Іеронима.

205) О сочиненіи А. Фойгта см. слѣдующую выноску. Šafařik: «Památky hlaholského písemnictví». P. 1853, ст. Úvod; Бодянскій: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ», М. 1855, passim; Hanuš: «Zur Glagolica-Frage» въ сборникѣ Миклошича: Slavische Bibliothek, II, 1858, с. 196 sq.

206) Ad. Voigt: «Untersuchung über die Einführung, den Gebrauch und die Abänderung der Buchstaben und des Schreibens in Böhmen», въ Abhandlungen einer Privatgesellschaft in Böhmen, I, Pr. 1775, стр. 154—199.

207) F. Dobner: «Aufwerfung einer historisch-kritischen Frage: ob das heut zu Tage sogenannte cyrillische Alphabet für eine wahre Erfindung des heil. Slawischen Apostels Cyrills zu halten sey?», пом. въ Abhandlungen der böhmischen Gesellschaft der Wissenschaften zu Prag, auf d. J. 1785. Pr. 1786, стр. 101—140.

208) Glagolitica. Ueber die glagolitishe Literatur etc. Ein Anhang zum Slavin. Pr. 1807, 96 с. 8°; второе, испорченное прибавками Ганки—изданіе—въ 1845 г.

74. Мнѣніе Добровскаго, изложенное съ свойственнымъ этому ученому остроуміемъ и критическимъ талантомъ — укрѣпилось въ наукѣ и господствовало въ ней до 1830 года (вѣрнѣе до 1836 г.), когда неожиданное открытіе новаго глагольскаго памятника, отмѣченнаго чертами несомнѣнной древности (такъ назыв. Клоціевы отрывки) — побудило извѣстнаго В. Копитара пересмотрѣть заново весь вопросъ: и поражающая древность письма клоціевыхъ листковъ, и то обстоятельство, что глаголица встрѣчается въ одной латинской и нѣсколькихъ кирилловскихъ рукописяхъ, которыя были несомнѣнно старѣе XIII в. и нѣкоторыя другія соображенія привели, какъ мы уже имѣли случай распространиться (см. выше подъ числомъ 44), Копитара къ убѣжденію, что Глаголица — по крайней мѣрѣ одного вѣка и происхожденія съ Кириллицей, даже старше послѣдней: св. Кириллъ или взялъ изъ Глаголицы 12 знаковъ для пополненія азбуки греческой или же даже изобрѣлъ ее, но потомъ оставилъ за неудобностью и внесъ изъ нея лишь нѣсколько знаковъ въ греческій алфавитъ. Славянамъ долгое время нравилась болѣе Гла-

голица, чѣмъ Кириллица и только раздѣленіе Церквей дало рѣшительный перевѣсъ послѣдней. Разысканіями Копитара [209]) устранилось мнѣніе Добровскаго: стала очевидна древность Глаголицы, но собственное рѣшеніе его вопроса и ея происхожденія—было очевидно несостоятельно...

209) Мнѣніе Копитара первоначально изложено имъ въ «Пролегоменахъ» его классическаго труда: «Glagolita Clozianus, id est codicis glagolitici inter suos facile antiquissimi... λείψανον foliorum XII membraneorum, servatum in bibliotheca il. c. Paridis Cloz Tridentini. Litteris totidem cyrillicis transcriptum, amplissimis de alphabeti glagolitici remotiori antiquitate et liturgia slavica a. D. DCCCLXX primum coepta in Pannonia prolegomenis historicis et philologicis etc... illustratum edidit B. Kopitar. V. 1836. f°, pag. LXXX et. 86+2 снимка. Позднѣе того же предмета Копитаръ касался въ своихъ «Prolegomena historica» къ Реймскому Евангелію, 634—42 (Miklosich's Slavische Bibl. I, стр. 70—74). Здѣсь находимъ умѣстнымъ указать на тѣ рецензіи Клоціевой Глаголиты Копитара, въ которыхъ болѣе или менѣе основательно обсуждено его мнѣніе о древности Глаголицы.

Сіи рецензіи суть: а) Морица Гаупта въ «Jahrbücher der Literatur» 1836, т. 76, ar. III, pag. 103 sq. Рецензія замѣчательная самостоятельною провѣркою Копитаровыхъ разысканій. Очень важна и понынѣ; б) Ан. Шмеллера въ Gelehrte Anzeigen der Bayersch. Akademie der Wissensch. 1837, № 140—142, ст. 89—112; в) Як. Гримма въ «Göttingische gelehrte Anzeigen» 1836, St. 33—35, стр. 321—338 и въ Kleinere Schriften его же т. V, стр. 230—240; г) (гр. Кастиліоне): въ 82 томѣ миланской Biblioteca italiana 1836, p. 260—281 и отдѣльно 8°, с. 21; д) (Фесля): въ «Oesterreichische theologische Zeitschrift 1836, Bd. I, IX Jahrg., стр. 343—370. Рецензія тенденціозная; е) И. П. Боричевскаго: въ журн. «Маякъ» 1841, ч. 17—18, стр. 29—44. Прибавивъ сюда рецензію Копитара на свой собственный трудъ, помѣщ. въ Chmel's Oesterreichische Geschichtsforscher. Bd. I, 3 ч., 1838. № XIV, с. 501—515 и отдѣльно, подъ заглавіемъ: «Pannonischer Ursprung der slav. Liturgie», W. 1838, с. 15,—будемъ имѣть все, что было написано по поводу замѣчательнаго труда Копитара.

75. Неудивительно, что нѣсколько времени спустя П. И. Прейсъ снова склонился къ выводамъ Добровскаго: въ своемъ замѣчательномъ трудѣ «о Глагольской письменности» [210]) онъ — до *новыхъ открытій*—принимаетъ слѣдующія положенія: современное употребленіе въ Болгаріи двухъ алфавитовъ, Глагольскаго и Кирилловскаго—подвержено сильному сомнѣнію. Еще менѣе имѣемъ причинъ думать, что первый древнѣе послѣдняго. До запрещенія Кирилло-Славянской литургіи въ Далмаціи не было надобности изобрѣтать новый алфавитъ. Эта необходимость могла родиться около 925 года. По всѣмъ примѣтамъ видно, что родина глагольскихъ письменъ есть приморская Кроація и что по всей справедливости имъ принадлежитъ названіе «Хорватскаго письма». Употребленіе Глаголицы въ Далмаціи до XIII вѣка—неизвѣстно, употребленіе въ ней до этого времени письменъ кирилловскихъ— внѣ всякаго сомнѣнія. Греко-Славянскій алфавитъ св. Кирилла служилъ образцомъ для составителя глагольскихъ письменъ... Хотя изслѣдованіе Прейса и не рѣшало вопроса, а такъ сказать отлагало его, но своимъ трезвымъ отношеніемъ къ дѣлу и обиліемъ многихъ вѣрныхъ наблюденій (преимущественно лингвистическихъ)—было очень важно, какъ противовѣсъ мечтаніямъ Копитара. Нѣкоторыя заключенія Прейса были устранены И. И. Срезневскимъ. Въ своемъ изслѣдованіи: «Древнія письмена Славянскія» [211]) онъ признаетъ, что Глаголица есть явленіе IX—X вѣка, послѣдовавшее за появленіемъ Кириллицы и обращаетъ вниманіе на многія доказательства въ пользу болгарскаго происхожденія Глаголицы; при чемъ дѣлаетъ вопросъ: не могла ли Глаголица быть изобрѣтена въ Болгаріи, какимъ-нибудь сектаторомъ, противившимся ученію Кирилла? Вопросъ — въ то время возможный и законный, въ настоящее же—имѣющій противъ себя нѣкоторыя важныя историческія данныя.

210) «О Глагольской письменности» въ Жур. Минист. Народн. Просвѣщенія 1843, № 3, стр. 184—238.

211) «Древнія письмена Славянскія» въ Жур. М. Народ. Просвѣщ. 1848, № 7, стр. 18—66.

76. Рѣшительнымъ защитникомъ древности Глагольскаго письма предъ Кирилловскимъ явился проф. В. И. Григоровичъ[212]). Онъ усматривалъ первенство Глаголиты въ формѣ знаковъ ея, въ томъ, что порядокъ буквъ ея въ примѣненіи къ числамъ удержанъ безъ всякаго пропуска, что въ кирилловскихъ рукописяхъ унціальныя буквы (капительныя, болѣе древнія, чѣмъ курсивныя) суть глаголитскія, что въ кирилловскихъ рукописяхъ замѣчаются глаголитскія вставки, что на выскобленныхъ рукописяхъ глагольскаго письма (палимпсесты) помѣщаются кирилловскіе тексты, что Кириллица списываетъ переводомъ съ Глаголицы, а не наоборотъ, что наконецъ достовѣрнѣе полагать, что начертанія общія обоимъ алфавитамъ — взяты изъ Глаголицы въ Кириллицу, а не обратно. Основываясь на такихъ и иныхъ наблюденіяхъ Григоровичъ полагалъ видоизмѣнить мнѣніе Копитара такъ: Св. Кириллъ нашелъ Глаголиту, а Меѳодій (вмѣстѣ съ Кирилломъ?) послѣ обратилъ ее и Греческій алфавитъ въ славянскую азбуку (кирилловскую). Подтвержденіе этого Григоровичъ видитъ въ древней службѣ св. Меѳодію и въ свидѣтельствѣ Паннонскаго житія св. Кирилла объ обрѣтеніи имъ Евангелія и Псалтыря писанныхъ письменами *Роушкыми*, т. е. по толкованію нашего ученаго—*глаголискими*, которыя являются такимъ образомъ до-кирилловскими. Хотя выводъ объ обрѣтеніи Кирилломъ—Глаголицы и обращеніи ея Меѳодіемъ въ Кириллицу есть чистое предположеніе, неопирающееся на историческіе факты, но наблюденія и соображенія о древности и старѣйшинствѣ Глаголицы предъ Кириллицей—очень замѣчательны, и нѣкоторыя изъ нихъ приняты и теперь въ числѣ доказательствъ той же мысли.

212) Въ статьѣ: «Предварительныя свѣдѣнія, касающіяся литературы церковно-славянской. О древней письменности Словянъ», въ сборникѣ: «Статьи, касающіяся древняго Славянскаго языка» Викт. Григоровича, Каз. 1852 стр. 53—70. Ст. Григоровича находится и въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1852, № 3, стр. 152—168. Очень хорошій сводъ мнѣній Прейса, Григоровича и И. И. Срезневскаго на-

ходится въ Извѣстіяхъ II Отд. Акад. Наукъ, т. I, с. 353—367 и тоже въ отдѣльной книгѣ: «Изслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старо-славян. литературы». Спб. 1856, с. 36—54.

77. Съ исчерпывающей для того времени полнотой вопросъ о происхожденіи Глаголицы былъ изслѣдованъ П. І. Шафарикомъ[213]). Разсмотрѣвъ внимательно всѣ относящіяся къ предмету данныя, какъ то: свидѣтельства исторіи, характеръ письменъ, правописаніе, языкъ и слогъ памятниковъ — Шафарикъ невольно приходитъ къ слѣдующей догадкѣ: Глаголица древнѣйшихъ болгарскихъ рукописей довольно близко достигаетъ вѣка появленія Кириллицы, но никакъ не превышаетъ его. Произошла она изъ невѣдомыхъ причинъ и начатковъ трудомъ какого-то тихаго ревнителя реформатора — гдѣ-нибудь въ глуби юго-Славянства, въ Македоніи или Иллиріи. По скоромъ упадкѣ здѣсь она переселилась въ Хорваты, древнѣйшую область глагольскихъ письменъ — и была воздѣлываема здѣсь независимо отъ первичныхъ образцовъ. Глагольскія начертанія, какъ они являются намъ въ древнѣйшихъ памятникахъ — кажется, устроены по образцу Кирилловскому, хотя большинство знаковъ и не было просто вымышлено, но заимствовано изъ какой-то старшей и простѣйшей славянской азбуки, именно — хорватской. Такъ думалъ Шафарикъ въ 1852—3 годахъ. Въ то же время, случайно — вопросъ былъ разсмотрѣнъ и Перцомъ младшимъ[214]): онъ желалъ возобновить силу стараго преданія объ очень древнемъ происхожденіи Глаголицы, только онъ усвоялъ изобрѣтеніе ея не Іерониму, а Этику (IV стол.), славянину изъ Истріи, автору извѣстной Космографіи, о которомъ извѣстно также, что онъ изобрѣлъ письмена. Основавшись на такомъ *предположеніи*, Перцъ, конечно, долженъ былъ утверждать, что какъ два славянскіе алфавита стоятъ другъ къ другу въ такомъ отношеніи, что одинъ необходимо вышелъ изъ другого и такъ какъ Глаголица произошла за 520 л. до Кириллицы, то и «s. Cyrillum ex Glagolita litteras desumpsisse concedendum erit». Впрочемъ, въ продолженіе долгой жизни Глаголица сообразно нуждамъ пополнялась и исправлялась: этимъ объ-

ясняется разнообразіе въ числѣ и формахъ глагольскихъ начертаній. Греческая Кириллица заключаетъ это стремленіе къ эмендаціи въ славянскихъ письменахъ [215]). Основанное на чистомъ предположеніи, доказываемое предположеніями же и догадками— мнѣніе Перца очевидно имѣетъ и цѣну не выше остроумнаго предположенія.

213) Сначала въ ст. «Pohled na prvověk hlaholského písemnictví» въ Časopis česk. Musea 1852, II, str. 81—108 и III, str. 64—80; потомъ во Введеніи къ изданію «Památky hlaholského písemnictví» Pr. 1853, 8°, s. LX и 100 текстовъ; русскій переводъ «Введенія» къ послѣднему изданію былъ сдѣланъ о. Войтковскимъ въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1855, № 7, стр. 32—74; № 8, с. 75—122; русское исчерпывающее изложеніе мнѣнія Шафарика сдѣлано И. И. Срезневскимъ въ Извѣстіяхъ II Отд. Ак. Наукъ, т. I, ст. 367—389, и въ книгѣ «Изслѣдованія и замѣчанія о древнихъ памятникахъ старославянской литературы». Спб. 1856, с. 55—86.

214) K. A. F. Pertz: De Cosmographia Ethici libri tres. Der. 1853, стр. 156—179.

215) Ibidem, стр. 180—184, глава: «Alphabetum Glagoliticum et Cyrillianum quomodo inter se cohaereant explicatur».

78. Въ 1855 году наука обогатилась замѣчательнымъ трудомъ проф. О. М. Бодянскаго: «О времени происхожденія славянскихъ письменъ» [216]), трудомъ—представляющимъ новый критическій пересмотръ всѣхъ данныхъ и мнѣній ученыхъ о годѣ, когда сталось изобрѣтеніе св. Кирилла. Принимая — не колеблясь — Кириллицу за изобрѣтеніе св. Кирилла, Бодянскій тѣмъ самымъ сдѣлалъ для себя вопросъ о Глаголицѣ и отношеніяхъ ея къ Кириллицѣ—вопросомъ второстепеннымъ. Тѣмъ не менѣе въ его книгѣ собрано и критически освѣщено столько разнороднаго, сюда относящагося матеріала, свѣдѣній и замѣтокъ, столько любопытныхъ историко-литературныхъ и библіографическихъ указаній, что за нею и въ исторіи нашего вопроса нельзя не признать очень важнаго значенія, хотя бы она и уклонялась отъ положительныхъ рѣшеній.

216) Москва, 1855, 8° стр. III+5 нен.+381+CXV. Трудъ бенедиктинской учености. Къ сожалѣнію онъ встрѣтилъ въ текущей ученой критикѣ только одинъ—единственный ученый отзывъ И. И. Срезневскаго, да и тотъ оффиціальный, очень краткій. См. «Двадцать пятое Присужденіе учрежд. Демидовыхъ наградъ». Спб. 1856, с. 65—9.

79. Въ концѣ 1855 года произошло открытіе, имѣвшее сильное вліяніе на дальнѣйшую разработку предмета и мнѣнія о немъ ученыхъ,— я разумѣю открытіе пражскихъ глагольскихъ отрывковъ, найденныхъ Гёфлеромъ въ библіотекѣ пражской митрополичьей капитулы въ переплетѣ латинской рукописи XI столѣтія. Отрывки были богослужебнаго характера (свѣтильны, антифоны и сѣдальны) и въ сущности замѣчательнѣе иныхъ, въ ту пору извѣстныхъ памятниковъ глагольской письменности развѣ только тѣмъ, что носили на себѣ оттѣнокъ русскаго нарѣчія, но открытіе ихъ сообщило движеніе «глагольскому вопросу». Еще до выхода въ свѣтъ полнаго изданія ихъ — проф. Боданскій напечаталъ статью: «новыя открытія въ области Глаголицы» [217]), гдѣ, обозрѣвъ кратко исторію вопроса, онъ извѣщалъ о пражскомъ открытіи, подробно излагалъ результаты путевыхъ открытій въ области Глаголицы Ивана Кукулевича — Сакцинскаго и разсуждалъ о значеніи пражскихъ отрывковъ для уясненія «православія у Чеховъ». Относительно древности Глаголицы — онъ никоимъ образомъ и ни по чему не соглашался, пока, на старшинство ея предъ Кириллицей, охотно, впрочемъ, относя появленіе ихъ обѣихъ къ одному вѣку. «Пражскіе отрывки» вскорѣ появились въ свѣтъ съ историческими, палеографическими и лингвистическими объясненіями Гёфлера и Шафарика [218]). Послѣдній относилъ ихъ ко времени первыхъ ста лѣтъ по появленіи Кирилла и Меѳодія въ Моравіи, или ко времени между 862 — 950. Все — какъ видно — направлялось къ тому, чтобы окончательно усвоить Глаголицѣ древность эпохи св. Кирилла.

217) «Русскій Вѣстникъ» 1856, № 3, с. 535—569 (второго изданія).

218) «Glagolitische Fragmente» hrsg. v. Höfler und Šafařík. (Aus d. Abhandl. d. k. böhm. Gesel. der Wiss. V. Folge, X Band.), Pr. 1857, 4°, стр. 62+V таб. Текстъ «Отрывковъ» перепечатанъ съ объясненіями И. И. Срезневскимъ въ «Извѣстіяхъ II От. Акад. Наукъ, т. VI, с. 171—179, и отдѣльно подъ заглавіемъ: «Древніе глаголическіе отрывки, найденные въ Прагѣ» Спб. 1857, с. 26.

80. Выше мы видѣли, что Шафарикъ догадочно допускалъ связь Глаголицы съ неизвѣстнымъ древнимъ письмомъ. Эту связь, замѣченную впервые, если не ошибаемся, Я. Гриммомъ (— въ его рецензіи Копитаровой «Глаголиты») — изслѣдовалъ д-ръ И. Ганушъ въ особомъ мемуарѣ[219]). Результаты его разысканій были слѣдующіе: Глаголица и Кириллица сродны между собою не непосредственно, и ни одна изъ нихъ не можетъ быть признана за подражаніе другой; ни Кириллица, ни Глаголица не дошли къ намъ въ своей первоначальной формѣ, но въ весьма позднихъ редакціяхъ; Глаголица въ своей предполагаемой первобытной формѣ стоитъ въ тѣсной связи съ *рунами*, въ Кириллицу также вошли многія руническія начертанія; наименованія славянскихъ буквъ въ большинствѣ — одинаковаго происхожденія съ наименованіемъ сѣверныхъ и другихъ рунъ и буквъ готской азбуки... Едва-ли хотя одно изъ этихъ положеній можетъ быть принято, какъ доказанное, но вмѣстѣ съ тѣмъ едва-ли имъ должно отказать въ серіозномъ вниманіи, еще менѣе — можно назвать разсужденіе чешскаго археолога — неважнымъ: для рѣшенія вопроса о *первоначальномъ* происхожденіи славянскихъ письменъ имъ собраны богатые матеріалы, сравнительный палеографическій и археологическій анализъ начертаній и наименованій буквъ славянскихъ (с. 73—111) очень замѣчателенъ и по обилію данныхъ, и по многимъ мѣткимъ наблюденіямъ. Этимъ гадательнымъ періодомъ въ исторіи славянскихъ письменъ Ганушъ, однако — не ограничилъ своихъ изслѣдованій: занявшись — по инниціативѣ Ми-

клошича—критическимъ отчетомъ о трудахъ Шафарика по Глаголицѣ, онъ вновь пересмотрѣлъ весь вопросъ и мало-по-малу склонился къ убѣжденію, что св. Кириллъ не могъ быть изобрѣтателемъ такъ наз. Кирилловскаго алфавита, но писалъ по-глагольски. Доказательства этой мысли Ганушъ развилъ въ слѣдующихъ сочиненіяхъ: а) «Къ глагольскому вопросу» — вышеупомянутая критика изслѣдованій Шафарика [220]); б) «Объ изобрѣтеніи письменъ вообще и славянскихъ въ особенности» [221])—популярное изложеніе воззрѣній сочинителя на предметъ; в) «Св. Кириллъ писалъ не Кириллицей, но Глаголицей» [222]) и наконецъ г) «Болгарскій монахъ Храбръ (IX—X вв.)—свидѣтель распространенія глагольскаго письма у Славянъ при ихъ обращеніи въ Христіанство Кирилломъ и Меѳодіемъ» [223]) — весьма обширный комментарій къ тексту Храброва сказанія, гдѣ между прочимъ доказывается, что и Храбръ писалъ по-глагольски. Труды Гануша заслуживали бы вниманія большаго, чѣмъ они вызвали въ свое время: ни почтенная эрудиція, ни изыскательное остроуміе ихъ — не могутъ подлежать сомнѣнію, труды эти — *необходимы*— и надолго останутся ими—при изслѣдованіи вопроса, потому что открываютъ нѣкоторыя новыя стороны его и осматриваютъ его на прочныхъ основаніяхъ сравнительной науки Древности. Но Ганушъ не принадлежалъ къ осторожнымъ, осмотрительнымъ изслѣдователямъ: его мысль любила болѣе пути гипотезъ, догадокъ и даже мечтаній, чѣмъ трезвую дорогу законнаго наведенія и вывода. Эта-то, кажется — причина подрывала авторитетъ его изслѣдованій и ослабляла вниманіе къ нимъ.

219) «Zur slavischen Runen-Frage mit besonderer Rücksicht auf die Obotritischen Runen-Alterthümer so wie auf die Glagolica und Kyrilica». Aus d. XVIII Bd. d. Archivs für Kunde österreichischer Geschichtsquellen besonders abgedruckt (Wien, 1856), стр. 114 и таб.

220) «Zur Glagolica-Frage». Ein Referat über P. J. Šafařík's Schriften, пом. въ Slavische Bibliothek v. Miklosich und Fiedler, II Bd. W. 1858, стр. 197—232.

221) «O vynalezeni pisma vůbec a slovanského zvlašt» въ Моравскомъ календарѣ «Koleda», Brno, 1858 и позднѣе—въ Čteni poučne a zábavné. VII, Bc. 1867. 29—46.

222) «Sv. Kyril nepsal kyrilsky než hlaholsky» z pojed kr. české spol. nauk, V žada, X svaz. P. 1857, 4°, str. 26.

223) «Der bulgarische «Mönch Chrabrü» (IX—X Jahrh.). Ein Zeuge der Verbreitung glagolischen Schriftwesens unter den Slawen bei deren Bekehrung durch die heil. Kyril und Methodˮ. W. 1859. c. 100 (Aus dem XXII. Bd. d. Archivs für Kunde oester. Geschichtsquellen). Къ литературѣ предмета слѣдуетъ здѣсь присоединить и ст. пр. Гатталы: «Mnich Chrabr. Přispěvek k objasnění původu pisma slovanského» въ Časopis českého Musea 1858, I, с. 117—129. Гаттала стремится доказать, что троицкая рукопись Храброва сказанія не была написана первоначально глаголицей, какъ предполагалъ А. В. Горскій.

81. Въ то же самое время—на защиту той же мысли о первенствѣ Глаголицы предъ Кириллицею и принадлежности первой св. Кириллу—выступилъ дѣйствительный авторитетъ, во всеоружіи учености и во всей силѣ мысли и остроумія. Говорю о Шафарикѣ и его послѣдней книгѣ: «О происхожденіи и родинѣ Глаголитизма» [224]). Ясный и положительный умъ Шафарика не могъ удовлетворяться тѣми приблизительными результатами, которые вытекали изъ его предшествовавшихъ изслѣдованій; ему нужно было и рѣшеніе положительное... Перебравъ снова всѣ свидѣтельства и данныя, относящіяся къ изобрѣтенію славянской азбуки, Шафарикъ пришелъ къ слѣдующимъ неопровержимымъ—по его мнѣнію—выводамъ: «славяне до Кирилла и Меѳодія не имѣли никакихъ собственныхъ буквъ для писанія книгъ: руны конечно—были у нихъ, но только для счисленія, ворожбы, бирокъ и т. д.; Константинъ изобрѣлъ азбуку совершенно новую, т. е. состоявшую изъ новыхъ начертаній, которыя не были ни Греческія, ни Еврейскія, ни Латинскія, т. е.—изобрѣлъ Глаголицу; такъ называем. Кирилловская азбука, отличающаяся наиболѣе греческими начертаніями — ведетъ свое начало отъ Климента, еп. Величскаго...». Каждое изъ этихъ утвержденій Шафа-

рикъ стремится подтвердить разнообразными данными историческими, палеографическими, лингвистическими (этимъ занята первая половина мемуара), не упуская изъ вида никакихъ могущихъ встрѣтиться возраженій... Вслѣдъ за симъ онъ предлагаетъ нѣсколько общихъ замѣчаній касательно изобрѣтенія, распространенія глаголитскихъ письменъ и литургіи, доказываетъ живую народность языка глаголитскихъ признаковъ и старѣйшинство ихъ предъ кирилловскими и ищетъ родину Глаголитизма и славянской письменности въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, въ которыхъ жили или бывали Кириллъ и его помощники, именно—въ Македоніи, Великой Моравіи и въ частности—Панноніи (—вторая часть мемуара)... Трудъ Шафарика не изслѣдованіе, но результаты обширныхъ изслѣдованій, уже оконченныхъ и программа изслѣдованій, еще предстоящихъ впереди; онъ по этому болѣе имѣетъ сжатую форму положеній, чѣмъ подробнаго изложенія... Какъ бы ни были шатки нѣкоторые частные доводы знаменитаго ученаго (напр. филологическія доказательства паннонскаго происхожденія ст.-слав. языка), нельзя не признать, что его мемуаръ въ исторіи вопроса рѣшительно стоитъ на поворотѣ отъ старыхъ, традиціонныхъ понятій къ новымъ, болѣе опредѣленнымъ, болѣе объясняющимъ, но — конечно — еще далеко не окончательнымъ. Можно не принимать какъ многихъ замѣчаній, такъ и главныхъ выводовъ Шафарика; но не принимать ихъ ко вниманію вовсе—нельзя безъ ущерба ширинѣ изслѣдованія, а стало быть и самому стремленію открыть истину.

224) «Ueber den Ursprung und die Heimath des Glagolitismus», Pr. 1858, 4°, VI+52+tab. Русскій переводъ (Шемякина) въ Чтеніяхъ Общ. Исторіи и Древностей, 1860, кн. IV, с. 1—66, и отдѣльно. Изложеніе—въ Извѣстіяхъ по II Отд. Академіи Наукъ, томъ VII, стр. 102—114. Здѣсь мѣсто назвать и критику на это сочиненіе, написанную г. Викторовымъ, см. «Лѣтописи русской литературы и древности», издав. Н. С. Тихонравовымъ, 1859—60, к. IV и V, стр. 66—150, 1—55. Едва ли сія пространная критика — обратитъ кого-либо изъ послѣдователей Шафарика къ прежнему вѣрованію.

82. Полнаго вниманія заслуживаетъ статья проф. Миклошича «о Глаголитизмѣ», къ сожалѣнію погребенная въ катакомбахъ гальской энциклопедіи [225]). Она представляетъ ясно и критически отчетливо составленный сводъ всего добытаго наукою по «глагольскому вопросу». Самостоятельная часть ея заключается въ палеографо-лингвистическомъ разборѣ начертаній и звуковъ Глаголицы, послѣдніе — объясняются съ точки зрѣнія словинскаго пашонизма церковнаго языка. Въ отношеніи древности Глаголицы Миклошичъ — не сомнѣвается въ ея первенствѣ предъ Кириллицей и, не колеблясь (unbedenklich), принимаетъ св. Кирилла за изобрѣтателя первой [226]).

Въ томъ же направленіи написано и замѣчательное обширное изслѣдованіе док. Ф. Рачкаго «О славянскомъ письмѣ» [227]). Оно состоитъ изъ двухъ частей: въ одной разсматривается вопросъ о славянскомъ письмѣ до св. Кирилла, о рунахъ (выводы въ главномъ согласны съ выводами Ганушa), въ другой — вопросъ о письмѣ св. Кирилла, каковымъ по мнѣнію автора была Глаголица. Климентъ, ученикъ Кирилла по образцу Глаголицы пополнилъ и усовершенствовалъ греч. письмо, которое принялось въ Болгаріи вмѣстѣ съ проникновеніемъ греческой образованности.

225) «Glagolitisch» въ Allgemeine Encyklopädie der Wissenschaften und Künste, hrsg. v. Ersch und Gruber, I Section, Bd. 68, L. 1859 4°, стр. 403—422, cum tabula.

226) Въ литературѣ вопроса слѣдуетъ упомянуть и о консервативной статьѣ проф М. Гатталы: «Mein Standpunkt in der Frage über den Ursprung der slavischen Schrift», помѣщен. въ Ганушевыхъ «Kritische Blätter für Literatur und Kunst, III Bd. 1858, с. 63—68, 112—115. Держась строго историческихъ данныхъ, Гаттала не раздѣляетъ мнѣнія о кирилловомъ происхожденіи и о первенствѣ Глаголицы. Все это, по его мнѣнію —одни гипотезы.

227) Rački: Pismo slovjensko. Zag. 1861, 8°, стр. 144 и 1 таблица азбукъ.

83. Важнѣйшимъ изданіемъ послѣдняго времени по предмету глаголической письменности—былъ, безъ сомнѣнія—трудъ

И. И. Срезневскаго: «Древніе глаголическіе памятники, сравнительно съ памятниками Кириллицы» [228]). Книга представляетъ тексты и филологическіе разборы ихъ. Въ ней находимъ нѣсколько памятниковъ, бывшихъ неизвѣстными, полный текстъ всѣхъ дотолѣ открытыхъ глаголическихъ памятниковъ меньшей величины, а изъ большихъ значительное количество выписокъ— на сколько было возможно буква въ букву по подлиннику. Равнымъ образомъ — представлено и обозрѣніе извѣстныхъ тогда кирилловскихъ памятниковъ, въ которыхъ попадается Глаголица. Трудъ Срезневскаго имѣетъ важное значеніе сборника точно, филологически изданныхъ текстовъ (чѣмъ не могутъ похвалиться «Památky» Шафарика), снабженныхъ всякими необходимыми для правильной оцѣнки ихъ объяснительными замѣчаніями. «На окончательное рѣшеніе вопроса о древности Глаголицы — говоритъ нашъ ученый съ обычною ему осторожностью—сравнительно съ древностью Кириллицы теперь еще менѣе могу рѣшиться чѣмъ прежде. Доказательства Ганушa, Шафарика, Миклошича и другихъ почтенныхъ изслѣдователей, стоящихъ за древность Глаголицы, мнѣ кажутся столько же и поспѣшными, и натянутыми, сколько остроумными и хитро сведенными». Дополненія къ этому изданію находятся въ другомъ трудѣ г. Срезневскаго: «Свѣдѣнія и замѣтки о мало извѣстныхъ и неизвѣстныхъ памятникахъ» [229]).

228) Печатались сначала въ «Извѣстіяхъ Императорскаго Археологическаго Общества», т. III—V, Спб. 1861—66 и отдѣльно. Спб. 8°, с. VIII+298, въ числѣ только *сто* экземпляровъ.

229) Томъ первый: вып. I, № V, стр. 27—36; вып. II, № XV—XVII, XIX, стр. 49—81, 89—90; томъ второй: № 70—71, стр. 440—462; № 73—74, с. 490—504; № 77, с. 529—545.

84. Не подлежащее никакому сомнѣнію — древнее употребленіе на Руси Глаголицы, слѣды которой документально появляются въ русскихъ памятникахъ XI—XII в., подало И. И. Срезневскому мысль объяснить темныя, испорченныя мѣста нѣкоторыхъ русскихъ памятниковъ дурнымъ переводомъ ихъ съ гла-

голическаго подлинника [230]). Такъ весьма удачно объяснены имъ хронологическія ошибки и грамматическія безсмыслицы Святославова договора съ Греками и Игоревой грамоты. Глаголицей же объяснялъ и проф. О. М. Бодянскій хронологическую ошибку о вѣкѣ св. Кирилла и Меѳодія (7 вмѣсто 9-го) въ «Похвальномъ словѣ» имъ... Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ путемъ съ большою вѣроятностью, если не полною достовѣрностью — придется объяснить многое темное въ нашей письменности [231]). Не незамѣченнымъ должно пройти и послѣднее мнѣніе пок. В. И. Григоровича о мѣстѣ происхожденія глаголицы [232]). Кромѣ внутреннихъ признаковъ, обнаруживаемыхъ типомъ языка, болѣе древняго, чѣмъ въ памятникахъ Кириллицы, древнее образованіе Глаголицы можно доказать превмущественно ея начертаніями. Она возникла по мысли дать звукамъ разнородныхъ языковъ возможно соотвѣтствующее начертаніе. Слѣдственно въ такъ названной Глаголицѣ можно усматривать слѣды грамотъ разныхъ языковъ. Изъ наблюденія ея начертаній оказывается, что въ нихъ замѣтны черты рунъ, черты семитическихъ грамотъ и черты древнѣйшихъ греческихъ письменъ. Это — пазиграфія, предназначенная для многихъ языковъ и примѣненная также къ славянскому. Очевидно, что пазиграфія эта могла возникнуть въ такой странѣ, гдѣ различныя народности вслѣдствіе взаимнаго общенія вызвали потребность составить общую грамоту изъ существовавшихъ уже прежде начертаній. Такою страною могла быть Хозарія. Сюда конечно подходитъ и извѣстное сказаніе паннонскаго житія Кирилла о *рушкихъ* письменахъ... Остроумная догадка Григоровича требуетъ однако — новыхъ изысканій, и доказательствъ, потому что выражена въ чертахъ слишкомъ общихъ...

230) Ст. «Слѣды глаголицы въ X вѣкѣ» въ Извѣстіяхъ Археологич. Общества, томъ I, Спб. 1859, 4°, с. 359—372 и та же статья въ Извѣстіяхъ II Отдѣленія Академіи Наукъ, томъ 7-ой, Спб. 1858, стр. 337—352. Замѣчаніе проф. Бодянскаго — въ его разборѣ сочин. П. А. Лавровскаго: «Кириллъ и Меѳодій», пом. въ Отчетѣ о 7-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб. 1864, стр. 75—77.

231) Срав. также ст. О. М. Бодянскаго: «Московскіе глагольскіе отрывки» М. 1859, (и въ Чтеніяхъ Общ. Исторія и древностей 1859, кн. I). Здѣсь между прочимъ Бодянскій дѣлаетъ слѣдующее весьма важное замѣчаніе: «глагольскіе памятники того или другого Булгарскаго нарѣчія имѣютъ Глаголицу такъ называемую круглую, булгарскую; памятниковъ же съ Глаголицей продолговатой или Хорватской по сю пору, сколько извѣстно — еще не отыскалось на Руси»... Тотъ же текстъ «московскихъ глагольскихъ отрывковъ» по возможности въ разобранномъ видѣ въ книгѣ И. И. Срезневскаго: «Древніе памятники русскаго письма и языка» стр. 218—9, въ Извѣст. II От. Ак. Н. т. X, стр. 580—1. Слѣды старой Глаголицы въ рукописяхъ—см. у Горскаго и Невоструева: Описаніе рукоп. Син. библіотеки, т. II, 1, 1857, стр. 111; томъ II, 2, 1859, стр. 48; т. IV, 1862, с. 570.

232) «Замѣтки о Солунѣ и Корсунѣ», Одесса 1872, стр. 8—10.

85. Совершенно новая постановка вопроса о древности Кириллицы была сдѣлана И. И. Срезневскимъ [233]). Если Константинъ философъ изобрѣлъ Кириллицу, то, какъ сынъ своего времени—онъ долженъ былъ для греческихъ начертаній ея усвоить тотъ образъ писанія, который въ его время, т. е. въ IX в. господствовалъ у Грековъ... А между тѣмъ начертанія древнѣйшихъ славянскихъ рукописей существенно иныя, чѣмъ греческихъ IX—X вѣка [234]). Славянскія начертанія древнѣе греческихъ, ибо у Грековъ господствуетъ уже *скоропись*, а у славянъ *уставъ*; если же есть скоропись, то совсѣмъ иная, чѣмъ греческаго характера... Въ греческихъ рукописяхъ употреблялись въ IX вѣкѣ знаки надстрочные: придыханія и ударенія, но ни въ одной древней славянской рукописи до XV вѣка — нѣтъ удареній: они появляются позднѣе. Стало быть въ первоначальномъ письмѣ славянскомъ также не было удареній. Въ греческомъ письмѣ IX вѣка употреблялось довольно правильное разнообразіе знаковъ препинанія; точка, двѣ точки, разная постановка точки и разнаго рода фигурные знаки. Изъ всѣхъ знаковъ препинанія у Славянъ до XV в. употреблялась только точка, притомъ совершенно не въ

томъ смыслѣ, какъ у грековъ, а въ какомъ-то особенномъ... Всѣ эти обстоятельства приводятъ къ мысли, что если не въ VI, то VII столѣтіи образовалось греческо-славянское письмо, которое существовало до IX вѣка. Когда Константинъ философъ принялся за свою Кириллицу, т. е. за особенную постановку греческихъ буквъ вмѣстѣ съ новыми буквами для славянскаго языка, то онъ взялъ то письмо, которое уже прежде господствовало у славянъ, задержанное въ своемъ развитіи привычкою... Если все это—такъ, то древность Кириллицы придется отодвинуть далеко впередъ до мнимаго ея изобрѣтателя. Нельзя не видѣть здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и косвеннаго аргумента въ пользу изобрѣтенья Кирилломъ Глаголицы!

233) Сперва въ статьѣ: «Палеографическія замѣтки», пом. въ Извѣстіяхъ II Отд. Академіи Наукъ, Спб. 1860, томъ IX, стр. 161—167, потомъ, съ замѣчаніями другихъ ученыхъ, въ «Трудахъ перваго Археологическаго съѣзда въ Москвѣ, т. I, М. 1871, стр. CXV—CXXII.

234) Иное мнѣніе высказано было такимъ опытнымъ палеографомъ, какъ арх. Амфилохіемъ въ его брош. «О вліяніи греческой письменности на славянскую», М. 1872, с. 3—4, отт. изъ Трудовъ 1-го Археологич. съѣзда, М. 1871, т. II, с. 860—873, впрочемъ—безъ подробныхъ доказательствъ.

86. Рядъ усилій разъяснить темное происхожденіе славянскихъ письменъ, время ихъ возникновенія и взаимныя отношенія—далеко не можетъ быть признанъ законченнымъ. *Достовѣрныхъ, неподлежащихъ болѣе спору или сомнѣнію* положеній—очень немного, гораздо болѣе существуетъ *вѣроятныхъ*, или такихъ, *которыя требуютъ новыхъ изслѣдованій, разысканій и доказательствъ.*

Достовѣрнымъ можно признать только: а) *связь* Глаголицы съ Кириллицей, т. е. что изобрѣтателю второй была извѣстна первая, или наоборотъ, и б) весьма раннее, хотя и не широкое—распространеніе Глаголицы у славянъ русскихъ и юго-запад-

ныхъ. Остатки Глаголицы на Руси еще требуютъ тщательнѣйшихъ изслѣдованій.

Вѣроятными или болѣе вѣроятными, чѣмъ противуположныя — должно признать слѣдующія положенія: а) Глаголица — древнѣе той Кириллицы, какую мы имѣемъ въ письменныхъ славянскихъ памятникахъ; б) изобрѣтателемъ Глаголицы былъ св. Кириллъ Солунецъ, или по крайней мѣрѣ прямыя и косвенныя историческія свидѣтельства объ изобрѣтеніи Кирилла удобнѣе объясняются и толкуются въ смыслѣ Глаголицы, чѣмъ Кириллицы; в) *устроителемъ* Кириллицы въ ея славянскомъ видѣ былъ еп. Климентъ.

Требующими новыхъ изслѣдованій и подтвержденій являются: а) утвержденіе о связи Глаголицы съ предполагаемыми рунами, б) о хозарскомъ ея происхожденіи, и наконецъ по своей высокой важности — болѣе всего — в) мысль о связи древнихъ кирилловскихъ начертаній съ греческими VI—VII в., или объ образованіи въ это время греко-славянскаго письма. Еслибы эту, пока — гипотезу удалось доказать несомнѣнными данными, то въ рѣшеніи вопроса о происхожденіи славянскихъ письменъ наступила бы новая эпоха. И доказать и отвергнуть эту догадку представляется дѣломъ для науки посильнымъ: тогда какъ для рѣшенія другихъ гипотезъ и утвержденій по данному вопросу — за исчерпаніемъ стараго — необходимъ новый, свѣжій матеріалъ, въ данной догадкѣ—въ новыхъ матеріалахъ нѣтъ недостатка. Есть средства рѣшенія вопроса, остается приложить трудъ подробнаго методическаго изслѣдованія. При этомъ, кажется, не безъ значенія будетъ бóльшая или меньшая степень независимости изслѣдователя отъ стараго, вѣками узаконеннаго преданія объ изобрѣтеніи св. Кирилломъ тѣхъ письменъ, которыя обыкновенно называются его именемъ т. е. Кирилловскими. Сила этого преданія доселѣ въ значительной степени закупаетъ изслѣдованіе и предрѣшаетъ много вопросовъ, которые безъ него были бы, конечно — рѣшаемы и рѣшены иначе.

